

ВЕСТНИК

ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

№7 (47)
2005

СЕРИЯ

«СОЦИАЛЬНО-
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»

Выпуск 4

Редакционная коллегия

д-р ист. наук **В. С. Балакин** (*отв. редактор*), канд. ист. наук **А. В. Епимахов**,
д-р филос. наук **Ф. М. Землянский**, канд. фил. наук **К. В. Киуру** (*отв. секретарь*),
канд. фил. наук **Е. В. Пономарева**, канд. филос. наук **Е. В. Миронов**,
д-р ист. наук, д-р искусствоведения **Н. П. Парфентьев**, канд. филос. наук **В. Е. Хвошев**

Содержание

От редакционной коллегии	4
ИСТОРИЯ	
Балакин В. С., Балакина Л. П. Интеллектуальные ресурсы Урала: проблемы воспроизводства и использования	6
Буторина Л. А. Научно-педагогическая деятельность Александра Николаевича Заварицкого	13
Волков Е. В. Лики белого движения в мемуарах его участников из Советской России ...	21
Воропанов В. А. Этнорелигиозный вопрос в судебной политике Екатерины II	34
Егорова М. В. Некоторые аспекты жизни ученических коллективов частных средних учебных заведений дореволюционного Урала	42
Журавлева В. А. Динамика численности городского населения Урала в 20—30-е годы XX века	47
Каминский Ф. А. Опыт создания и развития коллективных форм ведения хозяйства в казачьих районах Южного Урала и Западной Сибири в первые годы НЭПа	52
Конюченко А. И. Православное белое духовенство России в социально-демографических измерениях (вторая половина XIX — начало XX в.)	56

Содержание

Нагевичене В. Я. Церковный брак и семья в истории христианства и русского православия	68
Пономаренко Е. В. Особенности планировки южно-уральских сельских поселений различных этнических групп XVIII—XIX вв.	71
Раева Т. В. Государственная городская политика на Южном Урале в начале XX века ...	80
Семенченко И. В. Земство и народное образование на Урале в 1900—1918 гг.	89
Сибиряков И. В. Новые организационные структуры «новой» уральской интеллигенции в 20-е гг. XX века	98
Федоров А. Н. Перестройка партийных органов Урала в 1948—1949 гг.	104

ЖУРНАЛИСТИКА

Евдокимов В. А. Отражение конфликта личности и группы в региональных средствах массовой информации	108
Кванина В. В., Минбалеев А. В. Правовая сущность информации, являющейся общероссийским национальным достоянием, и информации, являющейся общественным достоянием	111
Коростина П. В. СМИ как мониторинг политических интересов в регионе	114
Рыжикова Л. Н. Основные тенденции становления и развития корпоративных изданий в России	117

ПОЛИТОЛОГИЯ

Евсеев И. В., Хвощев В. Е. Развитие уголовно-исполнительной системы как фактор укрепления национальной безопасности России	122
Киуру К. В. Дискурс-типология политических лидеров	129
Киуру К. В., Блудова А. Г. Природа политического имиджа	136
Нестерова Н. В., Безенков Д. А. Образ успешной личности в массовом сознании россиян: опыт социологического исследования	142
Пелленен Л. В. Технологические аспекты паблик рилейшнз	147
Соколова Е. П. Специфика российского парламентаризма	150

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

Болодурин Э. А. Педагогические условия формирования профессиональной культуры студентов	153
Дубовец И. А. Проблемность как основной принцип организации учебно-профессиональной деятельности (на примере студентов-журналистов)	156
Иголевич Н. И. Изучение психологических особенностей современной управленческой деятельности как условие подготовки специалиста-менеджера	159
Семенова Л. М. Состояние готовности к самопрезентации будущих специалистов по связям с общественностью	164
Солдатова Е. Л. Исследование социальной ситуации развития в кризисе перехода к взрослости	169

ФИЛОЛОГИЯ

Горбачевский Ч. А. Подпольный антигерой как идеолог свободы в художественном мире Ф. М. Достоевского	176
Меньшенина С. В. Классификация речей, жанры эпидейктической речи	181
Пескова Е. Н. Политический дискурс: проблема институционализации	186
Пономарева Е. В. Жанровый синкретизм малой прозы 1920-х годов	188

Сейбель Н. Э. Утопия ожидания романов «Бабье лето» А. Штифтера, «Мадам Бовари» Г. Флобера, «Обломов» И. А. Гончарова	197
Удлер И. М. Отношение авторов «невольничьих повествований» к письменному слову	204
Феркель В. Б. О классификации поэтических образов как концептов культуры	209

ФИЛОСОФИЯ

Будов А. И. Национальные особенности и религиозный фактор в гражданской культуре России	212
Вишев И. В. Цивилизация будущего — единение молодых и практически бессмертных людей	217
Куличков И. Л. Публика театра как эстетическая категория	220
Миронов Е. В. Специфика становления российской государственности в социально-политической концепции Б. Н. Чичерина	224
Нагорная В. А. Философия открытого пространства	232
Русских Л. В. Культура и экономика в представлениях мыслителей Средневековья ..	236
Сидорова У. В. Современная теория познания и мистический опыт исихазма	243
Степанова И. Н. Православная философия В. Ф. Войно-Ясенецкого	246
Усов В. Н. Рефлексивный анализ современной методологии управленческих решений	250
Чистов Г. А. «Большое сознание» как философская проблема	256
Шагиахметов М. Р. Сознание человека — основные этапы развития	264

РЕЦЕНЗИИ

Пономарёва Е. В. «Архаический» антитрадиционализм (Л. С. Яницкий. Архаические структуры в лирической поэзии XX века)	277
Рефераты статей	279
Summary	286
Сведения об авторах	291
Список сокращений	297

От редакционной коллегии

Уважаемые читатели!

Вашему вниманию предлагается очередной выпуск «Вестника Южно-Уральского государственного университета», в котором в рамках серии «Социально-гуманитарные науки» объединен ряд статей, подготовленных к публикации преподавателями университета и филиалов. Рубрикация журнала претерпела некоторые изменения. Редакционная коллегия сочла целесообразным выделить новые разделы: «Журналистика» и «Политология». Значительное разнообразие предложенных к рассмотрению материалов отражает основные направления научной жизни социально-гуманитарного факультета.

Вновь наиболее активно в подготовке статей проявили себя историки, тематика исследований которых охватывает временной интервал от середины XVIII в. до XXI в. В историческом разделе впервые представлены исследования о социально-демографических характеристиках белого духовенства России, истории брака и семьи в русском православии (А. И. Конюченко, В. Я. Нагевичене). Тематически к этим исследованиям примыкает статья В. А. Воропанова об этнорелигиозном аспекте судебной политики Екатерины II. Большое внимание историки уделяют теоретическим и конкретно-историческим вопросам науки и образования. В статьях В. С. Балакина и Л. П. Балакиной, Л. А. Буториной анализируются вопросы формирования и использования интеллектуальных ресурсов. Статьи М. В. Егоровой и И. В. Семенченко посвящены исследованию образования в земских и частных средних учебных заведениях. Важным аспектам развития городских и сельских поселений посвящены исследования В. А. Журавлевой, Е. В. Пономаренко и Т. В. Раевой. Широкой оказалась география работ, посвященных политической и экономической истории (Е. В. Волков, Ф. А. Каминский, И. В. Сибиряков, А. Н. Федоров).

Актуальные проблемы журналистики рассмотрены на страницах работ В. А. Евдокимова (отражение социальных конфликтов в средствах массовой информации), П. В. Коростиной (средства массовой информации как мониторинг политических интересов) и Л. Н. Рыжиковой (становление и развитие корпоративных изданий). Статья В. В. Кваниной и А. В. Минбалеева посвящена исследованию широкого круга вопросов информационной политики.

Политология представлена различными разделами науки, среди которых вопросы укрепления национальной безопасности (И. В. Евсеев, В. Е. Хвощев), дискурс-типология политических лидеров (К. В. Киуру), природа политического имиджа (К. В. Киуру, А. Г. Блудова), специфика российского парламентаризма (Е. П. Соколова), а также опыт социологического исследования образа успешной личности в массовом сознании (Н. В. Нестерова, Д. А. Безенков).

В разделе «Психология и педагогика» помещена статья И. А. Дубовец о проблемности как основном принципе организации учебно-профессиональной деятельности. Дискуссионность обсуждаемых вопросов также отражается в исследованиях Н. И. Иоголевича, посвящена психологическим аспектам методики обучения специалистов-менеджеров и Л. М. Семеновой о состоянии готовности к самопрезентации будущих специалистов по связям с общественностью. Статьи Е. Л. Солдатовой посвящены исследованию проблем социальной адаптации и социального развития подростков в период перехода к взрослости.

Филологические исследования обращены к ряду новых литературоведческих аспектов творчества Ф. М. Достоевского (Ч. А. Горбачевский), к исследованию утопий ожидания романов А. Штифтера, Г. Флобера, И. Гончарова (Н. Э. Сейбель), в центре внимания Е. В. Пономаревой оказались процессы жанрового синкретизма в малой русской прозе 1920-х годов. С. В. Меньшенина продолжила изучение вопросов классификации эпидейктической речи, Е. Н. Пескова — проблем институционализации политического дискурса, В. Б. Феркель осуществил классификацию поэтических образов. Н. М. Удлер рассмотрено отношение авторов «невольничьих повествований» к письменному слову.

Раздел «Философия» содержит разработку ряда тем, заявленных авторами в предыдущих номерах: проблема жизни, смерти и бессмертия человека (И. В. Вишев), исследование философского наследия Б. Н. Чичерина (Е. В. Миронов), изучение категорий эстетики (И. Л. Куличков), ценностей человека (В. А. Нагорная), анализ методологии управленческих решений (В. Н. Усов), выявление представлений мыслителей средневековья (Л. В. Русских). Другие участники раздела обратились к анализу гражданской культуры (А. И. Будов), идей православной философии В. Ф. Войно-Ясенецкого (И. Н. Степанова), к изучению теории познания и мистического опыта исихазма (У. В. Сидорова), исследованию проблем сознания человека (Г. А. Чистов, М. Р. Шагиахметов).

В раздел рецензий помещен отклик Е. В. Пономаревой на современное исследование архаических структур в лирической поэзии XX века (монография Л. С. Яницкого).

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ УРАЛА: ПРОБЛЕМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

(Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 04-06-96014)

Сегодня в ряде стран происходит быстрая интеллектуализация всех факторов высоких технологий и экономики. Мировой рынок технологий и наукоемкой продукции является самым прибыльным и его оборот составляет 3 трлн. долларов. От этого оборота США получают 39%, Япония — 30%, Германия — 16%, а Россия — 0,3% [1, с. 146]. Интеллектуальные ресурсы, наука, высокий уровень образования должны стать основой благополучия России в XXI веке.

В условиях стремительного темпа перемен возрастает ответственность власти, элит и бизнеса за поиск и осуществление общей концептуальной модели развития, принципы которой будут учитывать интеллектуальные приоритеты и оптимальное разделение функций между ними. Это особенно актуально для Уральского региона, так как по данным конца 1990-х гг. регион занимал последнее место среди 11 промышленно развитых субъектов России по количеству лиц с высшим образованием (11 человек), приходящихся на 1 тысячу занятых в экономике. Сегодня ситуация изменилась в лучшую сторону, но в основном по количеству студентов вузов.

Рамки статьи не позволяют рассмотреть все проблемы воспроизводства интеллектуальных ресурсов (формы подготовки кадров, пути воспроизводства кадровой структуры, качество обучения, мотивацию к профессиональной деятельности). Наша цель — анализ социокультурных условий формирования интеллектуальных ресурсов, распределения научных кадров по сферам научной деятельности, отраслям наук (технические, естественные, социально-гуманитарные), исследование формального и неформального в характеристиках кадров, изучение динамики численности различных квалификационных групп научных кадров Урала.

Распространение научных и научно-технологических инноваций невозможно без соответствующей социокультурной среды, где они могут существовать. Авангардом инноваций, как правило, являются ученые, научные школы, научно-технологические сообщества и соответствующие им коммуникации. В последние годы российские обществоведы активно постигают социокультурные аспекты развития научного сообщества, формулируют новые выводы о месте и роли интеллектуальных ресурсов. Сфера социально-гуманитарных наук на Урале была значительно меньше, чем естественных и технических. Во второй половине XX в. ин-

теллектуальный потенциал региона определялся уровнем интеллекта в научно-техническом и оборонном комплексах. Однако сегодня столь же важен уровень интеллекта в сфере социально-гуманитарного знания и особенно в экономике.

В эпоху интеллектуальной экономики человеческий капитал становится основным источником высокой рентабельности, обеспечивая возможность создания и контроля рынков. Сочетание научного, технического, экономического и кадрового потенциала Уральского региона создает предпосылки для развития высокотехнологических производств, сегодня более перспективных, чем традиционная специализация на сырье и металлургии.

Интеллектуальная деятельность включает научно-техническую деятельность, инновационную деятельность, профессиональные услуги и систему образования. Итог интеллектуальной деятельности является следствием уровня интеллектуальных ресурсов. Интеллектуальная деятельность предполагает использование не только информации (информационное пространство), но и особых интеллектуальных технологий (научное знание, инструменты познания).

Структура научно-педагогических кадров высшей школы уже в 1960—1980-е гг. не соответствовала строению современного знания и даже профессионально-отраслевой структуре хозяйства страны. За этот период увеличился удельный вес представителей технических, физико-математических и экономических наук и произошло сокращение доли представителей химических, биологических, филологических и сельскохозяйственных наук [2, с. 128]. В академической науке также увеличилась доля исследователей в физико-математических науках (в 2 раза) и сократилась удельный вес, например, ученых в филологических науках с 6,5 до 3,8%.

Самый многочисленный отряд научно-педагогических работников высшей школы России был представлен техническими науками (более 25% общего числа) и их доля в общем составе ученых в 1989 г. по сравнению с 1970 г. возросла. Если в вузах страны была сосредоточена половина докторов и кандидатов наук, то в каждом пятом отраслевом НИИ не имелось ни одного доктора наук. Однако именно материально-техническая база высшей школы не отвечала современным требованиям. На одного исследователя в вузах приходилось оборудования на сумму всего лишь 5 тысяч рублей. Это в четыре раза мень-

ше, чем в отраслевых НИИ, и в пять с половиной раз меньше, чем в академических институтах [3, с. 349].

Еще в программе конверсии Уральского региона (1995 г.) были выделены следующие приоритетные направления развития военно-промышленного комплекса: промышленная электроника, автоматика и электротехника; бытовая электроника и электротехника; средства связи и информатика; высокотехнологичные конструкционные материалы; оборудование и технологии для решения экологических проблем. В это время на предприятиях Госкомоборонпрома Урала работало 547 тыс. человек (19,1 % от общего количества работающих), а в оборонной науке 43 тыс. человек [4, с. 176].

Однако вместо конверсии вся система оборонного комплекса по разным причинам, оставалась в стагнации примерно до 2000 г. В условиях отсутствия новой парадигмы высокотехнологического и интеллектуального развития предполагаемая реструктуризация оборонно-промышленного комплекса может закончиться тем же.

В Уральском регионе в течение длительного времени сохраняется техническая ориентация научных исследований и разработок. В Челябинской области в 1995 г. в сфере науки работало 16,8 тыс. человек, а в 2002 г. — 20 тыс. научных работников [5, с. 460]. Из них 80 % специалистов научной сферы были заняты работами в области технических, 16 % — естественных, 2 % — медицинских, 1 % — сельскохозяйственных наук.

Во всех политехнических институтах Урала (Пермском, Уральском, Челябинском) сформировались крупные научные школы. В середине 1990-х гг. в Уральском техническом университете научную и педагогическую работу вели 176 докторов наук, в Пермском техническом университете — 85, а в Южно-Уральском техническом университете — более 160 [6, с. 5, 111, 3]. В классических университетах (Уральском, Пермском, Челябинском) работало соответственно 70, 61, 50 докторов наук. Это в 2, 3 раза меньше чем в технических вузах. Если из количества университетских докторов наук вычесть специалистов в области естественных наук, то доля ученых-гуманитариев сократится еще, по крайней мере, в 2 раза. В начале 2000 г. в Уральском университете на факультетах математики и механики, физики и астрономии, химии и биологии работало 129 докторов наук, а на факультетах истории, русского языка и литературы, философии, политологии и социологии, журналистики, искусствоведения и культурологии, педагогики и психологии — 62 [7, с. 420—429].

В начале XXI века в академической науке Урала в области математики, механики и физико-технических наук функционировало 7 институтов, в области химии — 6, в области наук о земле — 5, в биологии — 7, а в сфере экономических и гуманитарных наук — только 5. Пятикратное преобладание численности естественных, химических и био-

логических институтов вряд ли оправдано. К тому же по количеству работающих в них исследователей диспропорция еще более показательная. В 2002—2004 гг. в институте физики металлов работало 850 человек, в институте экологии растений и животных — 305 человек, в институте экономики — 248, а в институте истории и археологии только 73 сотрудника [8, с. 70, 52, 175; 4].

Оценка профессиональной структуры, квалификационных характеристик и тенденций их изменения является кардинальным вопросом управления наукой. Современное распределение научных кадров по профессиям сложилось в последние 40 лет. Ситуация требует дополнительного анализа с точки зрения потребностей общества и экономики в определенных научных исследованиях и самой науки в этих кадрах. Необходима разработка теоретико-методологического и методического аппарата для измерения и качественной оценки научной профессиональной структуры. В этой работе необходимо учитывать много факторов, в том числе повышение социальной ориентации науки, интегративные тенденции, возрастающее единство науки, преодоление ведомственных интересов. Также необходим прогноз динамики профессиональной структуры в целом и отдельных ее элементов. Но сегодня мы наблюдаем сокращение роста численности на достигнутых «научных рубежах», который не опирается на анализ соответствия профессиональной структуры новым требованиям. Особенно заметно это проявляется в научно-технологической сфере оборонно-промышленного комплекса.

Одной из важнейших проблем научно-технического развития Уральского региона остается организация межотраслевых связей предприятий оборонных и гражданских отраслей для эффективного использования научно-технологических достижений в гражданских отраслях промышленности и на конверсируемых подразделениях оборонных предприятий.

Сложность решения этой проблемы, во-первых, связана с оборонной ориентацией промышленного производства на Урале. Предприятия военно-промышленного комплекса, как правило, размещены во всех городах Урала, достигая в годы максимальной загрузки своих мощностей от 40 до 80 % объема производства в хозяйстве соответствующих населенных пунктов. Структура промышленности оказывается здесь искаженной в сторону производства особо престижной в свое время продукции атомно-космического профиля с длительным изготовлением (2 и более года). Во-вторых, монопрофилированные структуры промышленных систем в сжатые сроки очень сложно преобразовывать [9, л. 3—15]. В третьих, следует учитывать особенности складывания научно-технического потенциала НИИ и КБ.

В прошлом большинство оборонных отраслей заказывали выпускников вузов по принципу: чем больше, тем лучше. Сохраняется превышение кад-

рового потенциала отраслевых институтов над производственными возможностями. В условиях отсутствия многопрофилированного производства и соответствующей ему научно-проектной базы практически нет вариантов решения этой задачи без сокращения кадров. Осуществляемые меры уже привели к значительному снижению уровня жизни в этом секторе научно-технического и интеллектуального пространства.

Высокое качество продукции на предприятиях военно-промышленного комплекса достигалось, в основном, не за счет высокого уровня технологий, а за счет высокого индивидуального мастерства и знаний инженерно-технического персонала и рабочих. Они, как правило, выполняли ответственные работы на главных участках производственного процесса. Перспектива перехода к полностью автоматизированному труду с использованием незначительного числа высококвалифицированных инженерных кадров, либо к массовому труду по наладке высокотехнологического оборудования делают ненужными значительную часть носителей такой традиции.

С другой стороны, стоимость изделий оборонной техники, как правило, велика. Причинами этого являются высокая оплата квалифицированного труда и большая доля накладных расходов (500—800 % от зарплаты) в стоимости продукции. Попытки предприятий ВПК перейти на производство товаров народного потребления в соответствии с рыночными критериями заканчиваются провалом. Потребитель готов платить только за продукцию, а осуществлять финансирование общих конструкторских работ, и тем более научно-исследовательских разработок, он не намерен. Вместо институтов и КБ рынку нужны комплексные фирмы — производители продукции (холдинги).

Для реализации оборонного заказа сегодня требуется наукоемкое, высокотехнологическое, малосерийное производство, основанное на достижениях в новых областях науки. Государство не может одновременно осуществлять две технологические политики — военную и гражданскую. Искусственное отделение промышленного комплекса от оборонных отраслей, попытки создания системы казенных заводов без предварительной их санации, дробление предприятий ВПК, отделение конверсии от развития оборонных производств и научно-технических направлений скорее всего приведет к развалу не только оборонной, но и всей промышленности [10, с. 81].

В современных условиях, как никогда раньше, необходима селекция научных и проектных разработок НИИ и КБ, переориентация трудового опыта, навыков и мировоззрения носителей интеллектуального ресурса. Только следующей является задача по перестройке структуры промышленного комплекса в составе ВПК и диверсификация производственных фондов. Другого пути сохранения на-

учно-технического задела и человеческого потенциала, подготовки и переподготовки персонала оборонных предприятий просто не существует.

Научные работники выступают как носители культуры, не только в смысле хранителей традиций, исторической памяти, но и как творцы идей, идеалов, смыслов, программ общения и поведения. Архивные документы и воспоминания современников событий 1950—1980-х гг. свидетельствуют о том, что в сознании учёных происходят значительные изменения [11, л. 138—147; 81—90; 16—17; 231]. Переосмысливается прошлое страны, роль вождя, место науки в жизни общества, история научных идей. Оценки многих социально-политических, экономических и международных событий закрепились в эмоционально-чувственном слое сознания ученых и превратились в стереотипы, незыблемую веру. Поэтому этот процесс оказался противоречивым и конфликтным.

Интеллектуальная оппозиция советских учёных к официальной науке была одним из широко распространенных типов социального конформизма. Анализ этого аспекта социокультурных процессов в отечественной науке становится всё более актуальным. Исследование этой проблемы будет способствовать раскрытию содержания интеллектуальных инноваций, противоречий, характерных для внутреннего мира учёного как носителя социокультуры, позволит прогнозировать развитие научных коллективов и явится важной предпосылкой для эффективного формирования интеллектуальных ресурсов.

Интеллектуальная мощь нации в значительной мере зависит от социально-гуманитарного знания. Формирование уральских научных школ в сфере гуманитарного знания явилось важным направлением эволюции интеллектуальных ресурсов. На Урале развивается несколько крупных центров исследования экономики, истории и философии.

В 1950-е гг. по ряду жизненных обстоятельств именно в г. Свердловске складывается философская традиция, связанная с именами М. Т. Иовчука и Д. И. Чеснокова. М. Т. Иовчук проработал на кафедре философии УрГУ с 1949 по 1953 гг. Но за это время он превратил ее в известный во всесоюзном масштабе коллектив с десятком аспирантов [12, с. 25]. Уральский университет был главной кузницей кадров обществоведов, а после появления философского факультета (1965 г.) это лидерство в философских науках стало бесспорным. Одновременно обширные социологические исследования осуществлялись под руководством Н. А. Аитова в Уфе, широко известной была школа проф. В. В. Орлова в Перми. Признанием заслуг Уральского университета явился факт проведения в г. Екатеринбурге в 1999 г. второго Всероссийского философского конгресса.

В УрГУ выросли и прошли путь от аспирантов до докторов наук Л. М. Архангельский, К. Н. Лю-

бутин, Ф. Р. Филиппов, А. Ф. Еремеев, И. Я. Лойфман, Г. П. Орлов, В. И. Плотников, М. Н. Руткевич, Л. Я. Рубина, В. В. Ким, Е. Ф. Молевич, О. Н. Жеманов, Д. В. Пивоваров, А. В. Гайда, А. Н. Аверин. В непростые 1960—1970-е гг. из-за партийно-административного давления, оказанного на факультет, коллектив были вынуждены оставить Л. М. Архангельский и И. Я. Лойфман.

С 1954 г. на кафедре философии под руководством М. Н. Руткевича и Л. Н. Когана складываются и развиваются два основных направления социологических исследований: «Социальная структура советского общества» (М. Н. Руткевич) и «Советская социалистическая культура» (Л. Н. Коган). В 1966 г. М. Н. Руткевич возглавил кафедру диалектического материализма [13, с. 144]. Здесь ему удалось осуществить разработку ряда интересных теоретических проблем и издать несколько книг. Это прежде всего «Диалектический материализм» (1961), «Социальные перемещения» (1970) и др. Под руководством М. Н. Руткевича в УрГУ было подготовлено более 20 кандидатов наук.

С 1977 г. Л. Н. Коган стал зав. кафедрой научного коммунизма УрГУ и главной темой коллектива стало изучение всестороннего развития личности и культуры. Активизировалась работа социологической лаборатории. Несмотря на идеологические ограничения, он подготовил ряд интересных исследований: «Очерки теории социалистической культуры», «Молодой рабочий: вчера, сегодня, завтра», «Советская социалистическая культура: итоги и перспективы» [14, с. 279].

Ведущими научными школами историков были на Урале коллективы, руководимые Л. Е. Кертманом и М. Я. Сюзюмовым. На кафедре всеобщей истории Пермского университета Л. Е. Кертман начал работать в 1949 г. Он не был традиционным историком, одни называют его англоведом, другие культурологом. Наиболее важной чертой ученого было исключительное чутьё нового, умение находить и ставить нерешенные проблемы, в изученном видеть потаенное [15, с. 219]. Он активно занимался разработкой теории истории. Ещё в начале 1970-х гг. Л. Е. Кертман предпринял удачную на наш взгляд попытку сформулировать вариативную сущность исторических закономерностей [16, с. 65]. Самой концептуальной книгой ученого стала «История культуры стран Европы и Америки» (1987). Разработки в области культурантропологии привели его к мысли о необходимости синтеза культурологических и собственно исторических исследований. Под его руководством было защищено более 20 кандидатских диссертаций, а четверо учеников П. Ю. Рахшмир, А. Б. Цфасман, Л. А. Фадеева и О. Б. Подвинцев стали докторами наук [17, с. 149].

М. Я. Сюзюмов в начале 1950-х гг. работал в Свердловском педагогическом институте. Здесь им была подготовлена докторская диссертация «Про-

изводственные отношения в византийском городе—эмпории в период генезиса феодализма», защита которой состоялась в 1954 г. в Институте истории АН СССР. С 1955 г. ученый плодотворно трудился в Уральском университете. Под его руководством складывается уральская научная школа византиноведения [18, с. 355]. В 1960 г. М. Я. Сюзюмов основывает сборник «Античная древность и средние века». Основной концепцией сборника стала парадигма о Византии как непосредственной преемнице античных отношений при переходе к средневековью. Он имел много учеников и последователей, подготовил семь докторов наук (М. А. Поляковская, В. В. Кучма, И. П. Медведев, И. В. Пьянков, А. И. Романчук, В. А. Сметанин, В. П. Степаненко). На историческом факультете УрГУ уже более десяти лет проводятся Сюзюмовские чтения.

В конце 1970-х гг. в Челябинске начала складываться научная историческая школа профессора А. Б. Цфасмана. С 1964 по 1995 гг. он работал в Челябинском педагогическом институте и читал все учебные курсы по новой и новейшей истории стран Запада. В 1979 г. он защитил докторскую диссертацию «Борьба рабочего класса и политика буржуазии: эволюция буржуазных партий Германии в начальный период империализма (рубеж XIX—XX вв. — 1914 гг.)» [19, с. 7]. Эта работа продолжила ту новаторскую линию, которая была заложена ещё в кандидатской диссертации: предметом научного анализа стала политика правящих кругов кайзеровской Германии накануне первой мировой войны, межфракционные отношения в рейхстаге, широкий спектр политических партий, к которым редко обращалась советская историческая наука. Кафедра всеобщей истории ЧГПИ вскоре превратилась в один из ведущих центров российской германистики. Отражением новых исследовательских интересов А. Б. Цфасмана, связанных с историей советской исторической науки в 1920-е — 1930-е гг. и ролью в ней академика Н. М. Лукина, стало изучение его учениками научной деятельности академика Ф. А. Ротштейна.

В 1950—1980-х гг. учёные-экономисты переосмысливают сущность и содержание экономических методов хозяйствования, принципы планирования, место науки в жизни общества. Складывается несколько типов их поведения.

Первый тип поведения и ценностных ориентаций научных работников может быть охарактеризован как консервативно-догматический. Второй тип сознания и поведения, представленный меньше, но достаточно отчетливо, — принципиально-оппозиционный. Среди них больше всего сторонников демократизации внутри научной жизни. Наконец, значительная часть научных работников представляет собой различные переходные типы между этими двумя крайними типами мировоззрения и мировосприятия. В целом, тенденция к уси-

лению конформизма идет в направлении опережающего роста группы ученых, занимающих позиции интеллектуальной оппозиции. Они отстаивают идеи о переходе к новым методам хозяйствования, о внедрении в практику планирования нормативов длительного действия и системы оптимального функционирования экономики. Хотя последовательно встать на характерные для него позиции в силу разных политических и социальных причин они не могут. Ученые болезненно ощущают несправедливость того, что происходит в стране. Это обстоятельство заставляет их еще настойчивее разрабатывать экономическую теорию.

Первая на Урале университетская кафедра политэкономии была создана в 1945 г. в Уральском университете [13, с. 180]. Под руководством В. М. Готлебера кафедра превратилась в крупный центр экономических исследований. С 1951 по 1967 гг. здесь было подготовлено 110 кандидатских и 5 докторских диссертаций. На протяжении всего послевоенного времени кафедра упорно, несмотря на указания властей, исследовала товарную природу социалистической экономики, закономерности товарных отношений и пути их практической реализации в хозяйстве. В 1950 г. кафедра политэкономии открывается в Пермском университете [20, с. 151]. В начале 1960-х гг. в Уральском и Пермском университетах создаются экономические факультеты. Кафедру отраслевых экономик экономического факультета ПГУ возглавил профессор В. Ф. Тиунов, который активно исследовал перспективы комплексного развития Пермского экономического района. Деканом экономического факультета УрГУ стал профессор В. М. Готлебер. В 1980-е гг. новые идеи ученых факультета были реализованы в таких важных монографиях, как «Быль о чистой воде» (1985), «Личностный потенциал работника: проблема формирования и развития» (1987), «Хозрасчет первичных производственных структур предприятия» (1989).

В 1941 г. на Урале создается первое академическое экономическое подразделение УФАН [21, с. 29]. Группа экономических исследований (рук. Н. Н. Колосовский) начала свою деятельность с разработки «Схемы усиления транспортных связей Среднего Урала». В 1950-е гг. группа превратилась в сектор, а затем и в отдел. В первой половине 1950-х гг. Отдел экономических исследований УФАН (рук. А. Н. Ефимов), несмотря на недостаточное внимание властей к развитию производства группы Б (товары народного потребления), исследовал эту тему, доказывал возможность использования отходов крупной промышленности для производства этих товаров. В 1954 г. в обком КПСС даже были представлены записки с предложениями по специализации предприятий местной промышленности и про-

мысловой кооперации. В конце 1950-х гг. в рамках интеллектуального спора между Н. М. Кокосовым и С. Л. Вольмиром обсуждалась концепция создания Института экономики УФАН. В течение 1960-х гг. неоднократные предложения экономистов о преобразовании Отдела в Институт не были поддержаны властями. Наконец в 1971 г., одновременно с преобразованием УФАН в УНЦ АН СССР создается Институт экономики Уральского научного центра.

В 1986 г. Институт экономики возглавил член-корреспондент академии наук В. П. Чичканов. Его научные интересы сконцентрировались вокруг проблем региональной экономики и управления народного хозяйства. Новые идеи «территориального хозяйства» вызвали нешуточные страсти, были противники даже употребления этого термина. Среди общественности эта идея также не нашла понимания. Из исследований Института первой половины 1990-х гг. наибольший интерес представляют работы, посвященные территориальным внебюджетным отношениям, технополисам, проблемам привлечения и использования иностранных инвестиций. Из коллективных монографий 1990-х гг. можно отметить фундаментальный труд «Урал на рубеже веков: проблемы и прогнозы социально-экономического развития» (1999), и крупную теоретическую работу «Приоритеты социально-экономического развития регионов: вопросы теории, методологии, практики» (2000).

Таким образом, в середине 1950—1980-х гг. в стране отсутствовали социокультурные и политические условия для эффективного формирования и использования интеллектуальных ресурсов в сфере социально-гуманитарных наук. Для властей была достаточна позиция демонстрируемой лояльности. Чем настойчивее учёные отстаивали право на интеллектуальную оппозицию, тем сильнее была дискриминация со стороны чиновников партийно-государственного аппарата. Жесткие теоретико-методологические рамки, установленные партийно-государственной системой для научных исследований, идеологический диктат усиливали инерцию мыслительной деятельности, тормозили формирование интеллектуальных ресурсов.

Новое поколение учёных призвано не только, осмыслить научные идеи 1950—1990-х гг., но и определить в отношении ценностей интеллектуальной свободы и независимости. Без особого труда можно назвать много ученых, для которых образцом был постоянный поиск научной истины. Это академики, внесшие огромный вклад в укрепление обороноспособности страны: А. А. Бочвар, А. Н. Вольский, Е. И. Забабахин, И. К. Кикоин, Б. В. Литвинов, Б. П. Никольский, В. Г. Хлопин; историки В. В. Адамов, А. В. Бакунин, Л. Е. Кертман, С. А. Сидоренко, М. Я. Сюзюмов; философы и социологи Л. Н. Коган, В. В. Орлов, М. Н. Руткевич, З. И. Файнбург; эконо-

мисты С. Л. Вольмир, В. М. Готлобер, М. А. Сергеев, В. Ф. Тиунов и многие другие.

Во второй половине XX в. на Урале был создан крупный военно-промышленный комплекс. Он функционировал как замкнутая самообеспечивающаяся система с ориентацией на сырьевые ресурсы и добывающие предприятия Сибири. Секретность оборонного комплекса, взаимоизоляция министерских структур приводили к тому, что в СССР образовался глубокий технологический разрыв между оборонными и гражданскими отраслями.

Резкий переход к рыночным преобразованиям в экономике отрицательным образом сказался на конверсионных процессах в НИИ и опытно-конструкторских организациях. В них практически полностью отсутствовали специалисты по сбыту, маркетингу, массовому производству и финансам. В результате чего разработчики не смогли ориентироваться на потребительский рынок. Государство потеряло роль ведущего звена в планировании и реализации конверсии, а рынок пока таким не стал.

Университеты Урала призваны подготовить интеллектуальную элиту, которая реализует принципы централизованного правового и бюджетного регулирования финансово-хозяйственной деятельности, рыночные по своему характеру и региональные по системам контроля и организации. Урок прошлого заключается в том, что высокая наукоемкость оборонного производства предъявляет повышенные требования и к интеллектуальным ресурсам, и к устойчивости экономики. Можно согласиться с мнением В. И. Жукова о том, что интеллектуальная мощь нации в значительной мере зависит от социально-гуманитарного знания, но всецело определяется и измеряется инженерно-технической, инновационной мощью страны [22, с. 343].

Развитие высшей школы сегодня всецело зависит от повышения квалификации научно-педагогических кадров. Здесь используется накопленный интеллектуальный потенциал. В условиях отсутствия государственной политики подготовки кадров этот процесс поддерживается силой инерции и опирается лишь на собственные возможности вузов. Складываются обстоятельства, блокирующие эту деятельность. Среди них можно выделить: диспропорцию места, роли и значения социально-гуманитарного, технического и естественно-научного знания в обновлении содержания образования; нерациональность государственной финансовой политики; падение социального статуса высшей школы; дефундаментализацию вузовской науки; несоответствие между огромным расходом жизненной энергии преподавателей и социальными условиями ее восстановления и др. Поэтому государственными приоритетами должны стать востребованность, поддержка и эффективное использование интеллектуального капитала.

Литература

1. Руденкин В. Н. Для кого «они хотели как лучше» // Наука. Общество. Человек: Вестник Уральского отделения РАН. — Екатеринбург: УрО РАН, 2005. — Вып. 1(11). — С. 141—155.
2. Научные кадры СССР: динамика и структура. — М.: Мысль, 1991. — 284 с.
3. Стрекопытов С. П. История научно-технических учреждений России. — М.: РГТУ, 2002. — 425 с.
4. Рассадин В. Н. Оборонно-промышленный комплекс. Генезис. Конверсия. — М.: МАКС Пресс, 2002. — 320 с.
5. Челябинской области — 70: Сб. трудов. — Челябинск: Челябиноблкомстат, 2004. — 575 с.
6. Ведущие ученые Уральского государственного технического университета. — Екатеринбург: Уральский рабочий, 1995. — 384 с.; Путь к университету: к 40-летию пермского политехнического института. — Пермь: Изд-во ПГТУ, 1993. — 268 с.; Ученые Южно-Уральского государственного университета. — Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 1998. — 297 с.
7. Уральский государственный университет в биографиях / Отв. ред. М. Е. Главацкий, Е. А. Памятных. — Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2000. — 432 с.
8. Устинов В. В. Наше вчера, сегодня, завтра (Институту физики металлов — 70 лет) // Наука. Общество. Человек. Вестник Уральского отделения РАН. — Екатеринбург: УрО РАН, 2002. — № 1. — С. 69—81; Смирнов Н. Г. Один директор, три поколения заводов и триста сподвижников. ИЭРиЖ УрО РАН в 1976—2004 гг. // Наука. Общество. Человек. Вестник Уральского отделения РАН. — Екатеринбург: УрО РАН, 2004. — Вып. 3(9). — С. 51—60; История Института экономики УрО РАН / Под ред. А. И. Татаркина. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2002. — 632 с.; Труды института истории и археологии УрО РАН за 1998—2002 гг. — Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2003. — 243 с.
9. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 35. Д. 190.
10. См.: Рассадин В. Н. Указ. соч.
11. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 249; Оп. 35. Д. 39; Оп. 35. Д. 115; Оп. 59. Д. 46.
12. Руткевич М. Н. Развитие философии и социологии в Уральском университете (40—70 гг. XX в.). — М., 2003. — 92 с.
13. Уральскому университету 70. — Свердловск: Изд-во УрГУ, 1990. — 224 с.
14. Философы России XIX—XX столетий. Биографии, идеи, труды. — М.: Бизнес и книга, 1995. — 751 с.
15. Рахшмир П. Ю., Лаптева М. П. Грани поиска (к 80-летию профессора Л. Е. Кертмана) // История и методология науки. Пермь: Изд-во ПГУ, 1996. — Вып. 3. — С. 218—240.

16. Кертман Л. Е. Законы исторических ситуаций // Вопросы истории. — 1971. — № 1. — С. 55—68.

17. Лаптева М. П. Кертман Лев Ефимович // Историки Урала. — Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2003. — С. 148—149.

18. Поляковская М. А. Сюзюмов Михаил Яковлевич // Историки Урала. — С. 354—355.

19. Аркадий Беняминович Цфасман. — Челябинск: Изд-во ЧГПИ, 2000. — 40 с.

20. Пермский государственный университет им. А. М. Горького. Исторический очерк. — Пермь: Пермское книжное изд-во, 1966. — 293 с.

21. История Института экономики Уральского отделения РАН. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2002. — 632 с.

22. Жуков В. И. Российские преобразования: социология, экономика, политика. — М.: Академический Проект, 2003. — 656 с.

НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА ЗАВАРИЦКОГО

Александр Николаевич Заварицкий родился 14 марта 1884 г. в семье уфимского дворянина, государственного служащего. По окончании Горного института в Петербурге (1909) работал до 1940 года там же. В 1915—1935 годах сотрудник Геологического комитета (с 1931 года — ЦНИГРИ, впоследствии ВСЕГЕИ). С 1933 года работал в системе АН СССР, академик АН СССР с 1939 г. В 1939—1941 директор Института геологических наук АН СССР, организатор и директор Лаборатории вулканологии АН СССР (1944—1952), академик-секретарь Отделения геолого-географических наук АН СССР (1946—1949).

Научно-педагогическая деятельность Александра Николаевича Заварицкого связана в основном с Ленинградским горным институтом, в стенах которого он проработал 30 лет. Здесь он вел курсы петрографии, полезных ископаемых, физико-химических основ петрографии. Оставив в 1939 г. в связи с избранием в Академию наук СССР кафедру Ленинградского горного института, Александр Николаевич, однако, до конца своей жизни продолжал педагогическую деятельность, читая отдельные курсы в том же Ленинградском горном институте и высших учебных заведениях Москвы. Используя свой богатый опыт, А. Н. Заварицкий в 1951 и 1952 гг. прочел новый специальный курс вулканологии в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова. Чтение лекций сопровождалось демонстрациями огромного количества диапозитивов, иллюстрировавших вулканы и вулканические образования из областей современного вулканизма нашей страны и всего мира.

Преподавание А. Н. Заварицкого в Горном институте следует разделить на три части: в должности ассистента в дореволюционное время (1909—1917 гг.), в первые годы Советской власти (1920—1929 гг.) и период с 1930 по 1940 год.

О первом периоде, до 1917 года, сведений очень мало, так как геологи, учившиеся в то время, не оставили никаких воспоминаний. О преподавании как и о жизни в следующий период есть только некоторые отрывочные сведения. О третьем периоде известно несколько больше, благодаря воспоминаниям его сына — Владимира Александровича и других геологов. Архивных документов очень немного.

«Свою преподавательскую деятельность в 1909 году Александр Николаевич Заварицкий начал сразу на двух кафедрах. Он был штатным ассистентом профессора К. И. Богдановича на кафедре рудных месторождений и в то же время вел практический занятия на кафедре петрографии у профес-

сора Е. С. Федорова. В то время эти кафедры только оформлялись. Ассистент на кафедре рудных месторождений на практических занятиях должен был показывать материал по отдельным месторождениям (образцы горных пород и руд, геологические планы и разрезы и т. п.). На кафедре петрографии выдавались задания по микроскопическому определению горных пород. Нужно было не только подобрать материал для этих заданий, но и проследить за их выполнением. Требования тогда не были особенно жесткими, но ни К. И. Богданович, ни Е. С. Федоров не допускали небрежности, «верхоглядства». За это попадало не только студентам.

Александр Николаевич с увлечением учил студентов работе с микроскопом, сам старался глубже понять сущность микроскопического метода. Одна из его статей, опубликованных в 1913 г., до сих пор не потеряла педагогического значения. В ней он впервые сопоставил исследования в сходящемся и параллельном свете.

Работа у ассистента не была столь ответственной, как у профессора. Не нужно было писать учебные пособия, составлять учебные планы. Главная обязанность ассистента в дореволюционное время — помогать профессору. Добросовестная подготовка к занятиям не требовала много времени, и молодой ассистент мог свободно заниматься исследовательской работой по линии Геолкома. Все преподаватели геологоразведочного факультета уезжали в летний период в экспедиции. Ездил на Урал и Александр Николаевич» [1].

В 1918—1920 гг. Александр Николаевич работал и жил с семьей на Урале. В годы гражданской войны добраться до Питера было очень трудно, поездка занимала время до трех месяцев только в одну сторону. А в это время в Горном институте жизнь не стояла на месте.

Обстановка в стране не давала гарантии спокойной и планомерной работы: неизбежные при революционных кризисах тревожения еще больше усугублялись войной. В 1917 году перед Институтом стоял вопрос эвакуации, в 1918 — висела угроза закрытия.

В 1920 году Совнарком РСФСР вынес постановление о возвращении из армии бывших студентов Горного института для продолжения учебы, к концу года в институт вернулось 120 человек. В 1921 году были образованы рабочие факультеты [2, с. 19].

У рабфаковцев существовали специфические трудности. Около половины, 136 человек из первого набора, не имели образования, так как по положению на рабфак могли быть приняты все, умеющие свободно читать, писать и производить четыре

действия над целыми числами. За три года эти рабочие и крестьянские парни должны были овладеть 7—8-летним курсом средней школы и подготовиться к слушанию курса высшего учебного заведения.

Жизненные условия были тяжелыми. Большинство студентов состояло на службе в различных учреждениях, многие студенты работали грузчиками в порту или на разгрузке и пилке дров. Возрастной состав студентов был довольно различен: кроме вновь поступавших и студентов довоенных годов поступления, обучение которых было прервано военной службой, были ещё более старые студенты, вплоть до единичных «студентов прошлого века», поступивших до 1900 года, но не закончивших институт ранее вследствие политической ссылки или других причин.

Условия работы и учебы были очень трудны. Помещения не отапливались, занятия проводились в верхней одежде, руки замерзали, а необходимо было записывать лекции, так как это был единственный источник знаний, книжные рынки были закрыты, книгоиздательства не было, заграничная литература не доставлялась, в небольшой библиотеке книги на дом не выдавались. Лишь с 1922/23 учебного года возродилось студенческое издательство лекционных записок.

Практические занятия в институте из-за отсутствия керосина и газа почти не проводились. Организация летних практических работ в 1917 г. носила характер частного соглашения практикантов с администрацией тех или иных горнопромышленных предприятий, в 1918—1921 гг. практик не было, хотя в 1920 г. Горный совет ВСНХ издал распоряжение о зачислении практикантов Горного института в качестве рабочих с соответственной заработной платой и пайковым снабжением.

В 1920 г. Александр Николаевич получил вызов из Горного института. Из-за трудности поездки он вернулся в Петербург без семьи. В Горном институте А. Н. Заварицкий 17 ноября 1920 г. был избран профессором, возглавил кафедру петрографии, а ассистентами у него были Иван Федорович Григорьев, Анатолий Георгиевич Бетехтин и Сергей Иванович Талдыкин.

В условиях тех лет невозможно было требовать от студентов регулярного посещения лекций. В Горном институте тогда существовала «предметная система», при которой посещение лекций было не обязательно, а экзамены принимались в течение всего года. Многим такая система очень нравилась. Можно было не терять время на посещение недостаточно интересных лекций, по которым имелась возможность готовиться по книгам, что некоторым студентам представлялось гораздо более эффективным [3, с. 121].

Дмитрий Сергеевич Коржинский вспоминает: «Большое влияние на меня оказал Александр Николаевич Заварицкий. В те времена петрография была в основном описательная наука, а он был клас-

сиком петрографии, опубликовав большое количество детальнейших монографий, в основном по месторождениям Урала. Но вместе с тем А. Н. Заварицкий был основоположником физико-химического направления в петрографии. Он впервые начал читать курс «физико-химических основ петрографии изверженных горных пород» и опубликовал книгу под этим названием. Им был разработан новый метод пересчета химических анализов горных пород, нашедший широкое применение, и выпущена монография по петрохимии (термин «петрохимия» был впервые предложен Александром Николаевичем). Во всех его работах видна была широкая образованность в сопредельных науках.

В своих лекциях он прежде всего знакомил нас с фактическим материалом, широко используя проецирование на экран шлифов под микроскопом. В своих выводах А. Н. Заварицкий всегда был очень обстоятельным, осторожным. Он горячо возражал против недостаточно обоснованных выводов и часто повторял: «Сначала факты, потом теория». Позднее, когда после ряда лет геологической съемки я стал увлекаться вопросами физико-химического анализа природных ассоциаций минералов, А. Н. Заварицкий поддерживал меня, хотя и относился к моим выводам с некоторым недоверием. Он настаивал на том, что я должен дать чисто математическое доказательство своих положений. Как-то я сказал ему, что чувствую себя не вправе отложить свои геологические исследования, для которых я был подготовлен, и углубляться в специальные вопросы термодинамики, по которым есть свои специалисты. «Вы не только имеете на это право, но и обязаны это сделать, раз вы подняли эти вопросы», — ответил Александр Николаевич. Эти слова глубоко взволновали меня и придали мне решительности. Я углубился в вопросы термодинамики, вследствие чего некоторые мои полевые геологические исследования оказались не доведенными до конца и не опубликованными. Теперь представляется, что совет А. Н. Заварицкого был несомненно правильным, и я глубоко благодарен за него» [4, с. 189].

Александр Николаевич был избран на должность профессора сразу по двум кафедрам — рудных месторождений и петрографии. К. И. Богданович в 1919 году эмигрировал в Польшу. В том же году умер и Е. С. Федоров. Первое время Александр Николаевич заведовал кафедрой рудных месторождений и одновременно создавал кафедру теоретической петрографии, то есть расширял и углублял то, что было создано Е. С. Федоровым. В результате практического промышленного освоения рудных месторождений и накопленного материала А. Н. Заварицкий создает новый курс рудных месторождений, который состоял из общей части (учение о генетической классификации месторождений) и специальной части, в которой излагалась металлогения отдельных металлов по генетическим типам на примере уральских месторождений, изученных им лично.

Курс «Рудные месторождения» А. Н. Заварицкий читал с 1924 по 1932 гг., но руководство кафедрой передал одному из своих помощников уже в конце 20-х гг.

С 1930 года Александр Николаевич заведует только кафедрой петрографии, которая по существу была создана вновь. Александр Николаевич подбирал и приглашал преподавателей, составлял учебные планы и программы, писал учебные пособия, организовывал процесс преподавания.

Лекции по петрографии в Ленинградском горном институте легли в основу учебников «Описательная петрография» (1922—1929 гг.), в которых рассматриваются практически все комплексы горных пород. В 1924 г. Ленинградский горный институт издает прочитанный А. Н. Заварицким курс лекций описательной петрографии. По четкости основных определений эта работа не имеет себе равных.

«Издание этих учебных пособий ускоренным (литографическим) и, по-видимому, самым дешевым способом объяснялось стремлением Александра Николаевича как можно скорее довести содержание книг до студентов. Эти учебные пособия А. Н. Заварицкий постоянно перерабатывал, дополнял и существенно изменял содержание. Сохранившиеся в библиотеке академика его личные экземпляры были переплетены так, что листы печатного текста чередовались с листами чистой бумаги. Последние были полностью заполнены рукописным текстом различных дополнений и замечаний» [1].

В дальнейшем Александр Николаевич много работал над совершенством той ее части, которая посвящена изверженным породам. (Изверженные горные породы, 1955). Эта книга и поныне является великолепным учебным пособием. Кроме того, Александром Николаевичем написаны учебные пособия по физико-химическим основам петрографии, петрохимии, классификации горных пород, вмещающих колчеданные месторождения Урала и т. д.

А. Н. Заварицким впервые на русском языке был написан и читался в Ленинградском горном институте курс осадочной петрографии. Раздел «метаморфические породы», составленный им, также читался в том же институте, но не был опубликован. Материалы к нему были использованы и из литературных данных, и полученные при полевых исследованиях Златоустовского округа (Южный Урал).

Наиболее интересным был курс физико-химической петрографии, который студентами и геологами ВСЕГЕИ слушался повторно.

А. Н. Заварицкий придавал большое значение точному микроскопическому описанию пород. Макроскопическое полевое описание их он делал весьма осторожно, всякий раз оговариваясь, что окончательное решение можно сделать после микроскопического изучения.

Совершенно оригинальным является предложенный Александром Николаевичем способ изображе-

ния пространственных атомных структур минералов. Насколько он распространен, может сказать только тот, кто занимается кристаллохимией.

Летели годы. «В 1928 г. вопрос о высшей школе и подготовке кадров для народного хозяйства в стране был поставлен как одна из крупнейших политических задач. Был принят ряд мер по реорганизации высших учебных заведений. Состав учащихся еще больше изменился в связи с приемом детей рабочих и направляемых по партийным и профсоюзным наборам (тысячники) рабочих и руководящих работников. Индустриализация и реконструкция горной промышленности предъявляли повышенные требования к Горному институту. Ни одна отрасль горной и горно-заводской промышленности не создавалась и не развивалась без непосредственного участия ученых и воспитанников Ленинградского горного института.

В годы первых пятилеток в соответствии с запросом промышленности Горный институт усиленно готовил кадры геологов. Состав кафедры «геологии месторождений полезных ископаемых» в период 1928—1938 гг. был довольно обширен. В эти годы создавались учебники, стабилизировались учебные курсы и состав кафедры [2, с. 20].

С 1932 г. А. Н. Заварицкий оставил преподавание курса рудных месторождений в Ленинградском горном институте, продолжая заведывать кафедрой петрографии, на которой был преемником Е. С. Федорова. Он руководил этой кафедрой до 1938 года, передав ее Дмитрию Васильевичу Никитину, но и позже, будучи уже в Академии наук СССР в Москве, постоянно сохранял тесную связь с коллективом кафедры и живо интересовался ее работой.

Последний, третий период педагогической деятельности Александра Николаевича в Горном институте, характеризуется тем, что в нем постоянно происходят какие-то изменения. В 1930 г. на геологоразведочный факультет было принято до 700 человек. «Рабфаковцы», «парттысячники», «профтысячники» уже преобладают. Студентов с законченным средним образованием — единицы. Делаются попытки разделить институт на два: Горный и Геологоразведочный. Студентов университета с геологоразведочного факультета переводят в Горный институт. Переводят студентов из политехнического и педагогического институтов. Вместе со студентами переходят и преподаватели, люди с различными взглядами и разной подготовленностью. Руководить кафедрой становится все труднее и труднее. Крупные ученые из других учебных заведений уходят или требуют чтения особых, не предусмотренных учебными планами, специальных курсов. Все это приводит к возникновению мелких внутриинститутских или внутрикафедральных конфликтов. Много энергии затратил Александр Николаевич в то время на организационную деятельность. В какой-то мере ему помогал только заведующий петрографи-

ческим кабинетом профессор Дмитрий Васильевич Никитин. В конце концов работа кафедры налаживается. Учебный процесс несколько изменяется, но методика преподавания остается прежней.

О том, как читал Александр Николаевич лекции, вспоминает и Г. А. Смирнов: «Александр Николаевич не обладал выдающимися ораторскими способностями, но излагал предмет с такой логикой, с таким блеском анализировал огромный фактический материал, что студенты редко пропускали его лекции. А лекции А. Н. Заварицкого по физико-химической петрографии были популярны не только у студентов, но и у опытных горных инженеров» [5, с. 123].

Из воспоминаний Владимира Александровича Заварицкого, который в те годы учился в Горном институте: «Общий курс петрографии на третьем курсе нам читал отец, а практические занятия в нашей подгруппе проводил Иван Константинович Никитин. Лекции отца были весьма оригинальными и благодаря этому запомнились на всю жизнь. Главным в них было то, что сказанное иллюстрировалось микропроекцией шлифов на экране. Суть этого заключалась в следующем: шлиф закреплялся на предметном столике микроскопа, который ставился в горизонтальное положение, через него пропускаться пучок очень сильного света, и на экране, отстоящем от микроскопа на 2—3 метра, появлялась та картина, которую видит петрограф. Все особенности строения горной породы, свойства слагающих её минералов студент видел так, как будто он сам смотрел в микроскоп. Это позволяло отцу говорить о таких подробностях, которые невозможно представить себе со слов. Благодаря этому и тому, что на лекции отец говорил сжато, без каких-либо лишних слов и отступлений, лекции его были весьма содержательными. Студентам нравились лекции по петрографии и, конечно, их привлекала микропроекция. Красочная, многоцветная картинка возникала на экране. Ею любовались даже те, кто не вполне понимал содержание самой лекции. Напомню, что это происходило в начале 30-х годов, когда о цветном кино в России не имели никакого понятия» [1].

Как и прежде, Александр Николаевич очень серьезно относился к преподаванию. Владимир Александрович вспоминает: «К каждой лекции отец очень тщательно готовился, подбирал шлифы для демонстрации, читал различную, относящуюся к теме лекции литературу, включая иностранную, заранее заказывал книги в библиотеке, что-то набрасывал на бумаге, сидя в своем кресле в домашнем кабинете. Он, по-видимому, заранее составлял план всех лекций, так как иногда для демонстрации он заказывал отдельные шлифы. Не все эти шлифы он использовал, всегда отбирал самые лучшие. Мне удавалось просматривать эти шлифы как до, так и после лекции. Такой просмотр, несомненно, помог мне глубоко понять содержание лекций».

Большое число студентов, обучавшихся в 1930-е годы, создавало особые трудности. Помещения для кафедры явно не хватало. Кафедра петрографии в конце 1932 года помещалась в том же «профессорском» корпусе, в котором была и наша квартира, но только в другом конце здания. Окна выходили на 21 линию. В самой большой комнате читались лекции, в остальных проводились практические занятия (в начале 1933 года кафедру перевели в новое здание, где она и была вплоть до войны). Отапливались помещения кафедры хорошо. Отопление, как и у нас в квартире, было печное. Было тепло и уютно, но, конечно, тесновато. Лекции проходили обычно утром, в первые часы занятий. Студенты приходили на кафедру в верхней одежде. Сбрасывали пальто прямо на пол в прихожей. Образовывалась целая куча одежды. Я прибегал на лекцию последним без пальто (вообще пальто носил только когда ездил по городу) и изредка заставлял весьма курьезную картину. Кто-нибудь из моих молодых товарищей, протанцевав большую часть ночи в клубе Ижорского завода или проработав где-либо, не мог пересилить себя и спокойно засыпал на этой куче верхней одежды. Я безуспешно пытался разбудить его. Это удавалось только кому-нибудь из «старших» товарищей. Кажется, один раз отец застал кого-то спящим, но и без моих объяснений всё понял. На лекции тоже многие дремали, чему помогал монотонный характер изложения текста Александром Николаевичем. Как-то после демонстрации, отец незаметно попросил меня включить свет, так как я сидел на краю первого ряда. Забыв, что на моем плече дремал уставший товарищ, я вскочил, и тот, естественно, упал со стула. Отвернувшись, отец едва сдерживался от смеха» [1].

Известны многие крупные ученые, читавшие лекции невыразительно и тоскливо. А. Н. Заварицкий читал чрезвычайно монотонно, чем часто отпугивал аудиторию. Когда ретивые представители общественных студенческих организаций Ленинградского горного института, прорабатывающие его за это, спросили, почему на его лекциях засыпают, он ответил, что широко пользуется диапозитивами, для чего выключает свет в аудитории, а темнота располагает ко сну.

Тридцатые годы для Александра Николаевича, как педагога и ученого, были особенно трудными из-за необоснованных нападков по идеологическим вопросам. Вот что об этом рассказывает Владимир Александрович: «Хорошо запомнил я экзамен по курсу «Диалектика естествознания» (так называлась одна из частей курса «Диалектического материализма»). На этом экзамене я получил оценку «удовлетворительно». Факт на первый взгляд непримечательный, но все обстояло иначе. Дело в том, что группа наших преподавателей общественных наук (Альтшулер, Выдрин и др.) решила «внедрить диалектику в геологию». К ним присоединились и некото-

рые геологи (М. М. Тетяев, Н. А. Елисеев и др.). Для «внедрения» нужно было показать, что другие геологи не знают диалектики. Без всяких аргументов многих ученых обвинили в метафизическом образе мышления, в механистичности и т. д. и т. п. Досталось и отцу. Его тоже обвинили во всех этих «грехах» и, особенно за то, что в курсе «Физико-химические основы петрографии», он опирался на второй закон термодинамики, на энтропию, якобы предсказав тепловую смерть Земли.

Курс «Диалектика естествознания» у нас читал как раз Выдрин. Чуть ли не целую лекцию он посвятил «ошибочным, метафизическим взглядам профессора А. Н. Заварицкого». Я очень внимательно слушал эту лекцию, предчувствуя свой провал на экзамене. К экзамену готовился очень тщательно. Как и ожидалось, вопрос о «метафизичности взглядов» был задан мне. Уверенно и аргументированно ответил, как бы встав на точку зрения экзаменатора. Позднее товарищи говорили, что отвечал я лучше многих. Придраться было не к чему. Выдрин молча выслушал и, не дожидаясь ответа на второй вопрос, написал по всей странице зачетной книжки «удовлетворительно». Я был рад, что так легко отделался, но мои товарищи были возмущены этим, некоторые даже открыто порицали преподавателя, что в то время было не безопасно» [1].

В середине тридцатых годов в Горном институте появилась аспирантура. На кафедре петрографии было три аспиранта. Александр Николаевич руководил Барковским и Намоюшко, а аспирантурой Владимира Александровича Заварицкого руководил Д. В. Никитин. Когда Владимир Александрович был студентом, он видел работу отца только дома: «Я редко видел отца не за работой. В его кабинете было два больших письменных стола. За одним он работал с микроскопом, за другим — писал. И, наконец, у него было очень удобное кресло, в котором он проводил большую часть времени. Сначала мне показалось, что там он отдыхает, но это было не так. Отец часами читал, сидя в кресле. Даже когда он был без книги, было заметно, что он что-то обдумывает. Через определенные промежутки времени он вставал, подходил к книжным шкафам, занимавшим всю стену кабинета, отыскивал нужную книгу, тут же ее перелистывал, ставил на место и возвращался в кресло.

Так он работал независимо от того, писал ли он в это время научную статью или готовился к лекции» [1].

Когда же Владимир Заварицкий стал аспирантом, он увидел работу отца совсем в другой обстановке: «Именно в этот период, когда я целыми днями был в помещении кафедры, мне удалось наблюдать, как отец работал с людьми, как он руководил кафедрой. До этого я видел его за работой только дома. Здесь же он был совсем другим. Он был весьма деятелен, постоянно разговаривал с кем-нибудь,

советовал, интересовался работой каждого. Иногда стихийно возникали коллективные беседы на специальные темы, дискуссии, переходящие в продолжительные оживленные споры. Нельзя забыть его спор с В. С. Соболевым по вопросу о дисперсии оптических свойств минералов. Чистый лист настольной бумаги неизбежно покрывался математическими формулами и графиками. Я жадно прислушивался к таким спорам, что, безусловно, помогало лучше усваивать изучаемые предметы.

Отец очень хотел, чтобы на кафедре была общая, коллективная работа. Он предлагал создать учебник по петрографии, в котором отдельные главы должны быть написаны разными людьми, более глубоко знающими ту или иную группу горных пород. В качестве примера он обещал, что сам напишет главу о лейцитовых породах, которыми он в то время занимался. Главу о нефелиновых сиенитах могли бы написать Е. Н. Егорова-Фурсенко или Н. А. Елисеев. К сожалению, поддержки он не получил. Преподаватели, занятые своей работой, уклонились от коллективной. Понять их можно — они были более загружены учебной работой, а время на составление учебника не предусматривалось.

Устраивать плановые заседания кафедры, на которых обсуждались преимущественно организационные вопросы, отец не любил. Проводить такие заседания обычно поручал Д. В. Никитину, иногда даже на них не присутствовал. Обсуждали программы и учебные планы они обычно вдвоем с Дмитрием Васильевичем. Остальные преподаватели почти не принимали в этом участие. Д. В. Никитин, прежде чем организовать какую-либо новую работу на кафедре, всегда советовался с отцом. В целом, работа на кафедре шла нормально. Все были заняты своим делом. Условия для преподавания и научно-исследовательской работы были достаточно хорошие. Лаборанты, кроме выдачи микроскопов студентам, занимались составлением учебных и демонстрационных коллекций шлифов и образцов горных пород, изготовляли наглядные пособия к лекциям — таблицы и рисунки на крупных листах бумаги» [1].

О работе Александра Николаевича с аспирантами мало что известно. Владимир Александрович вспоминает: «О том, как отец руководил своими аспирантами — не знаю. Как уже было сказано, Барковский и Намоюшко редко появлялись на кафедре и ничего мне не рассказывали. Отец тоже ничего не говорил о своих беседах с ними. А то, что такие беседы были, хорошо помню. Они происходили «за закрытыми дверями». Другие преподаватели при этом не присутствовали. Нельзя было не заметить, что после таких бесед отец выходил удрученным, а иногда раздраженным. Работа Барковского и Намоюшко его, по-видимому, не удовлетворяла. Позднее, в конце моего пребывания в аспирантуре, кажется весной 1938 года, на одном из заседаний кафедры неожиданно был поставлен вопрос о работе аспи-

рантов. К моему удивлению, отец сам вел это заседание. Мне отчитаться было легко — моя диссертация была уже написана, оставалось только её оформить. Выступивший за мной, П. Я. Барковский начал подробно рассказывать о трудностях и своих неудачах. Но вскоре был остановлен словами: «Это мы знаем». Отчет Намоюшко был совсем иной, он уверенно говорил о своих достижениях, о том, что материал почти обработан, что осталось только написать диссертацию. Выходило так, что он, чтобы закончить, должен был писать по 15—20 страниц в день. На это отец, слегка улыбаясь, сказал: «А не слишком ли Вы переоцениваете свои возможности? Я бываю очень доволен, когда мне удастся написать в день 2—3 страницы». Это всех развеселило. Обсуждения докладов не было. Вскоре я узнал, что Намоюшко отчислен из аспирантуры. С П. Я. Барковским встретился только после войны. Срок защиты диссертации ему продлили. Защищал он, кажется, перед самой войной.

Неоднократно мне приходилось обсуждать с отцом, что такое настоящая диссертация. Наши представления совпадали в одном: диссертацией могла быть только опубликованная работа, получившая признание среди лиц, компетентных в вопросах, затронутых в ней.

Мне казалось, что диссертант должен иметь несколько равноценных крупных научных работ и мог бы защищать любую из них по усмотрению опять-таки компетентных лиц. Отец скептически относился к реальности защиты диссертации по таким жестким требованиям. Право выбора работы для защиты он оставлял за диссертантом. Существовавшие тогда требования к диссертации его тоже не удовлетворяли» [1].

Весной 1938 г. Александр Николаевич вместе с академическим институтом переезжает в Москву. Последние годы преподавания в Горном институте прошли для него тоже с большими трудностями. В Ленинград он мог приезжать на одну-две недели, а иногда всего на несколько дней. Жил он вместе с сыном в одной из двух комнат в той же квартире, которую занимал прежде. У Владимира Александровича не было еще своей семьи. Поэтому Александр Николаевич, как и его сын, обедал на «фабрике-кухне». Бытовые условия для работы были явно неблагоприятными. Тем не менее, преподавание увлекало Александра Николаевича, как и прежде.

Александр Николаевич посещал лекции и практические занятия других преподавателей. Знал обо всех проблемах на кафедре. А таких проблем становилось все больше и больше. Отношения с администрацией осложнялись. Оборудование, приобретенное еще в двадцатые годы, постепенно выходило из строя. Владимир Александрович вспоминает: «Никогда не забуду тот случай, когда отец неожиданно захотел заменить меня на занятиях с федо-

ровским столиком. Эти дополнительные приборы к микроскопам были в особенно плачевном состоянии. Я стал его отговаривать, но он настоял и велел мне идти домой отдыхать. Через два часа он вернулся совершенно измученный и просто взбешенный. Мне только сказал: «Ну, как ты мог заниматься с ними?». Вначале я испугался, мне показалось, что речь идет о студентах. Скоро выяснилось, что это относилось не к студентам, а к злуполучным федоровским столикам. Пришлось ему подробно рассказывать обо всех тех «маленьких хитростях», к которым прибегали преподаватели на таких занятиях. Каждый микроскоп мы оба знали, и я подробно стал пояснять, где нужно подложить спичку, где обернуть винт фольгой и т.д. и т.п. Отец слушал меня с изумлением и некоторым недоверием. После этого он уже не стремился сам проводить практические занятия» [1].

Сроки пребывания Александра Николаевича в Горном институте постепенно сокращались. Приезжать из Москвы он стал все реже и реже, и с начала 1940 года, когда ему пришлось возглавить Геологический институт АН СССР, полностью отказался от педагогической работы в Горном — работы, которая продолжалась у него тридцать лет.

Вопрос, что было основной работой у Александра Николаевича, — преподавание или экспедиции, а что «совместительством», — излишен. Он всегда говорил, что все преподаватели-геологи Горного института летом ездили в экспедиции от Геолкома. Это было, так сказать, традицией, и что без полевых работ геолог уже не мог быть геологом. Летом 1910 года профессор К. И. Богданович организовал экскурсию на Урал, собрав всех молодых геологов Геолкома и Горного института. Александр Николаевич был в числе участников этой экскурсии. Участие в ней Александр Николаевич высоко ценил всю жизнь и, по возможности, сам организовывал групповые посещения определенных районов, привлекая к ним как сторонников, так и противников его взглядов. Возникающие при этом дискуссии, по его убеждению, были необходимы для выяснения истины. В последующие годы А. Н. Заварицкий сам брал студентов для экспедиционных и экскурсионных работ.

Большое значение имеет деятельность Александра Николаевича Заварицкого как методиста. Среди его опубликованных работ есть целый ряд методических статей — по методике петрографического исследования, оптического изучения породобразующих минералов в поляризованном свете, по методике зарисовки шлифов, описания отдельных минералов, по кристаллооптике, кристаллографии, исследованию минералов на федоровском столике. Их он разработал не только для студентов, но и для геологов.

Как известно, в преподавании и в научных работах Александр Николаевич широко пользовался на-

глядностью, используя чертежи, графики, диаграммы, фото и, конечно, рисунки. Их делали разные люди. Только рисунки с натуры (иллюстрации в книге «Перидотитовый массив Рай-Из на Полярном Урале», сделаны художником М. Г. Платуновым, который был членом нескольких экспедиций А. Н. Заварицкого.

Немало потрудился А. Н. Заварицкий и в области разработки методики изучения пороодообразующих минералов. В числе других учеников Е. С. Федорова он принимал деятельное участие в усовершенствовании федоровского универсально-оптического метода исследования минералов. Ему принадлежит честь доведения разработки этого метода до логического конца. Это достижение имеет огромное значение для петрографических исследований, так как методика изучения минералов значительно упростилась. Таким образом, развитие федоровского метода заняло целый период, закончившийся спустя 50 лет с момента зарождения этой замечательной идеи и конструирования первой модели столика.

Несколько штрихов к вопросу «А. Н. Заварицкий и музей Горного института». В музее, еще студентом, проводил Александр Николаевич много часов, изучая коллекции по минералогии и петрографии. Его первая научная статья была выполнена на исследовании коллекционного материала музея. Он продолжал традицию геологов и пополнял музей различными образцами. В личном деле А. Н. Заварицкого в Горном институте хранится документ: «Его Высочайшему А. Н. Заварицкому. 10 января 1917 года. № 60.

Милостивый Государь Александр Николаевич. Совет вверенного мне Института, в заседании 5 декабря 1916 года, постановил выразить Вам благодарность за принесенные в дар Музею Института образцы шеелита и вольфрамиты из Боевской копи близ Каменского завода и за минералы из медных рудников Урала.

Сообщая об изложенном, прошу принять уверение в совершенном моем уважении и преданности. Е. Федоров» [6].

Особенно большой объем работ был выполнен коллективом музея и многими ведущими учеными института в 1936—1937 годах в связи с подготовкой к XVII сессии Международного геологического конгресса. О музее Горного института того времени дает представление и составленный к XVII сессии МГК путеводитель по Горному музею, изданный на русском и французском языках:

«Отдел минералогии... В подотделе дается общая картина периодической системы элементов Д. И. Менделеева в природе. Ряд общих таблиц и диаграмм вводит в круг основных вопросов геохимии... (геохимические таблицы Вернадского, Ферсмана, Заварицкого, Гольдшмидта, Вашингтона).

...За период 1918—1936 года систематическая коллекция Минералогического отдела обогатилась

большим количеством новых экспонатов преимущественно из различных месторождений Советского Союза в связи с бурным ростом геологического изучения и разведкой отдельных районов Союза... за это же время в дар Минералогическому собранию поступил ряд отдельных экспонатов от профессоров, преподавателей и студентов института: проф. А. Н. Заварицкого, А. К. Болдырева, Е. Н. Барбот-де-Марни и других.

Отдел петрографии: модель распространенности разных типов горных пород, по данным Дели, изображенная в трехмерной диаграмме по способу А. Н. Заварицкого (объем шариков пропорционален распространенности данного типа пород; положение точки характеризует их вещественный состав).

Трехмерная диаграмма средних химических составов разных типов горных пород (средние составы приведены по Дели, построение диаграммы — по способу А. Н. Заварицкого). Витрины 31—33. Породы Среднего Урала (платиноносные районы были предметом изучения ряда исследователей: Высоцкого, Дюпарка, Заварицкого, Левинсон-Лессинга и Молдаванцева... Витрины 34—38. Комплекс кристаллических пород и минералов Ильменских гор (Ильменский заповедник)... На стене висят геологическая карта и список минералов Ильменских гор, составленные проф. А. Н. Заварицким» [7].

Интересный эпизод из жизни Александра Николаевича как педагога рассказала его дочь, Татьяна Александровна: «На первом курсе химфака Ленинградского государственного университета я стала членом студенческого Менделеевского общества. Мы обязаны были время от времени делать доклады. Когда подошла моя очередь, я выбрала тему «Распространение химических элементов в земной коре». С некоторой гордостью я сообщила об этом папе. Он выслушал меня и с улыбкой вздохнул: «Ух, ты! Смелая ты. О чем собираешься докладывать?» Я собрала в кучу все, что у меня было в голове и начала говорить. По журналам и книжкам я уже кое о чем знала. Больше всего мне показались интересными представления академика Вернадского.

Папа, выслушав меня, вдруг оживленно сказал, что закажет в мастерской Горного института наглядное пособие. Попросил меня зайти денька через три. Я зашла. Каково было мое удивление, когда я увидела доску, на поверхности которой была таблица Менделеева, а в каждой клеточке таблицы укреплен стальной стержень определенной высоты! Длина стержня соответствовала условному значению величины распространения химического элемента в земной коре (по Вернадскому). На кончиках стержней были маленькие деревянные шарики. Папа коснулся шарика самого длинного стерженька и самого короткого. Мы услышали звуки различной высоты. Для наглядной демонстрации распространенности элементов в земной коре пособие было очень интересным. Папа был доволен, а я тем бо-

лее. Мой доклад на собрании Менделеевского общества прошел успешно. Ребята подходили и играли на моем наглядном пособии. Но затем Сергей Александрович Шукарев позвал меня к себе, похвалил и попросил взять себе мою досочку со звуковым сопровождением. Когда он узнал, что ее сделали в мастерских Горного института, то сказал: «Александр Николаевич всегда что-нибудь интересное придумает». А мне посоветовал тему следующего доклада» [8].

В послевоенный период Александр Николаевич много занимался переработкой своей книги «Физико-химические основы петрографии изверженных горных пород». Это было вызвано тем, что книга напечатана в 1926 г. За этот период физическая химия и особенно ее экспериментальная часть ушли далеко вперед. Следовало учесть новейшие достижения физической химии. К сожалению, эту переработку Александр Николаевич не успел закончить, но она была закончена его учеником В. С. Соболевым. Новейшие достижения физической химии позволили Александру Николаевичу определить свое отношение к пегматитам и их образованию.

Приведем несколько высказываний о некоторых работах А. Н. Заварицкого: «Среди многообразия учебников особо выделяется монография «Изверженные горные породы», увидевшая свет уже после кончины А. Н. Заварицкого (1955 г.), ставшая поистине настольной книгой советских геологов. Все петрографы Советского Союза знакомы с этим прекрасным обобщением, ставшим научным завещанием Александра Николаевича» [9]. «Эту книгу нельзя назвать учебником в обычном смысле этого слова, — здесь подводятся итоги наших знаний за последние десятилетия, и она будет иметь значение и сыграет свою роль не только в отечественной петрографии» [10].

Своей почти полувековой неутомимой исследовательской и преподавательской деятельностью А. Н. Заварицкий воспитал несколько поколений

геологов, работающих по всей нашей стране во многих областях обширной науки о Земле: М. П. Русаков, Г. А. Билибин, В. Г. Грушевский, Г. С. Лабазин, Л. Н. Балавинский, И. В. Пуаре, И. К. Никитин и др.; в Горном Институте целый ряд преподавателей: В. В. Черных, А. Г. Бетехтин, С. И. Талдыкин, В. М. Сергиевский, Ю. П. Деньгин, В. А. Глазковский и А. А. Глазковский; в ЦНИГРИ — Д. С. Коржинский, П. М. Татаринев, В. С. Соболев и целый ряд других исследователей, получивших известность своими точными выдающимися работами.

Литература

1. Воспоминания В. А. Заварицкого, переданные Буториной Л. А.
2. Ленинградский Горный институт за годы советской власти: Очерки. — Л.: Изд. Лен. ун-та, 1978. — 184 с.
3. Ленинградский Горный институт и Академия наук СССР. — Л., 1978. — 121 с.
4. Коржинский Д. С. Воспоминания о Ленинградском горном институте // Геологи Ленинградского горного института: очерки по истории геологических знаний. — М., 1974. — С. 189—194.
5. Смирнов Г. А. Неутомимый исследователь недр. // Наука в СССР. — 1984. — № 3.
6. Фонды отдела истории музея Горного института С. Петербурга.
7. Международный XVII геологический конгресс: Путеводитель по Горному музею в Ленинграде: ОНТИ НКТП СССР, 1957. — 110 с.
8. Из письма Т. А. Заварицкой Буториной Л. А.
9. Соболев Н. Д. О книге акад. А. Н. Заварицкого «Изверженные горные породы» // Известия Академии наук СССР. Сер. геол. — 1956. — № 5.
10. Богатиков О. А. Творческое наследие академика А. Н. Заварицкого // Развитие идей А. Н. Заварицкого в современной петрологии. — М.: Наука, 1986.

ЛИКИ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ В МЕМУАРАХ ЕГО УЧАСТНИКОВ ИЗ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

(Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 04-06-96022)

«...Именно в мемуарах с наибольшей последовательностью и полнотой реализуется историческое самосознание личности — в этом и состоит специфическая функция мемуаров как вида источников».

А. Г. Тартаковский

Гражданская война как событие, потрясшее российское государство и общество, вызвала к жизни колоссальное количество мемуарных сочинений. Данная статья является попыткой проанализировать ряд таких трудов с точки зрения концепции культурной памяти.

Память о любой войне, как о неординарном общественном явлении, во многом мифологична. Если говорить о гражданской войне и о политических силах, участвовавших в ней, именно мемуары сыграли не последнюю роль в формировании и трансляции мифов о белом движении в советском обществе. На наш взгляд, мифологическая основа в той или иной степени всегда присутствует во многих исторических исследованиях о гражданской войне. Поэтому изучение данной проблемы представляется актуальным. Мемуары буквально наполнены мифами, извлеченными из сознания и переложеными на бумагу их авторами. Поэтому человек, решивший письменно зафиксировать свои воспоминания и даже написать труд на ту или иную историческую тему, не может быть свободен от мифов, транслируемых в обществе.

Методологические основания

Предметом данного исследования является коллективная память о белом движении, выраженная в мемуарах, созданных в советской стране его участниками. Решая эту задачу, автор опирался на междисциплинарный подход, используя теоретические разработки в области философии, антропологии и социологии. Ключевые принципы исследования нашли отражение в некоторых оригинальных концепциях зарубежных и отечественных ученых и мыслителей.

Природу коллективной памяти как культурного явления убедительно раскрыл французский социолог М. Хальбвакс, работавший над этой проблемой в 1920—1940-е гг. [1]. По его мнению, память, транслируемая в обществе, не может быть иной, как только коллективной. Индивидуальная память подчиняется правилам формирования коллективной па-

мяти и часто выражает идеальные потребности той или иной группы. «Невозможна память, — пишет Хальбвакс, — вне референциальных рамок, на которые опираются живущие в обществе люди, чтобы зафиксировать и удержать свои воспоминания» [2, с. 36]. Индивид, живущий вне общества, не имел бы никакой памяти, которая возникает лишь в процессе социализации. Здесь, на наш взгляд, уместно вспомнить идеи современника Хальбвакса отечественного мыслителя М. М. Бахтина о диалоговом характере культуры, когда в человеке скрещиваются и сочетаются два сознания, «я» и «другого», когда человек способен выразить свою сущность только через других [3, с. 227—228]. Поэтому, в данном контексте мемуары, на наш взгляд, не могут быть различными вариантами индивидуальной памяти, как полагают некоторые исследователи. Они представляют собой повествования, являющиеся отражением коллективной памяти той или иной социальной группы.

В работе также нашли отражение идеи современного немецкого египтолога Я. Ассмана, создавшего оригинальную концепцию культурной памяти. Ученый разделяет коллективную память на коммуникативную и культурную. Первая, по его мнению, охватывает воспоминания современников событий и поддерживается их совместным общением в рамках индивидуальных биографий. Такая память обращена в недавнее прошлое (последние 80—100 лет). Она умирает вместе со своими носителями, уступая место новой памяти.

Культурная память, по Ассману, представляет собой набор значимых для социума традиций и образов прошлого, приобретающих формы мифов и поддерживающихся с помощью ритуалов и праздников. «Культурная память, — пишет он, — это дело мнемотехники, для которой в обществе существуют специальные институты» [2, с. 54]. Она создает некий социокультурный фон, объединяющий общество в одно целое. Культурная память во многом мифологична. По определению Ассмана, «миф — это обособывающаяся история, история, которую рассказывают, чтобы объяснить настоящее из его происхождения» [2, с. 55]. Миф, в свете представлений о нем,

имеет две важные функции. Во-первых, обосновывающая функция, которая показывает явления настоящего в свете истории, делая их осмысленными, необходимыми и неизменными. Другая функция контрапрезентная, подчеркивающая недостатки и ущербность настоящего по сравнению с прошлым мифическим временем, обладающим величием и красотой. Эти две функции мифа несколько не исключают друг друга. Порой между ними есть четкие границы, а иногда их нет [2, с. 83—84].

Культурная память больше ритуальна, празднична, нежели коммуникативная, близкая к повседневному общению. В культурной памяти чувствуется определенная приподнятость над повседневностью. Эти две формы памяти также различаются и структурой причастности их носителей. Если в коммуникативной памяти каждый ее участник считается в равной степени компетентным в воспоминаниях о прошлом, то в культурной памяти ее носителями выступают профессиональные историки, поэты, писатели, художники, священники и даже политики. Помимо этого, культурная память в отличие от коммуникативной очерчена более четкими границами и более контролируется «сверху».

В итоге описания характерных черт двух типов коллективной памяти Я. Ассман приводит следующую сравнительную таблицу [2, с. 58—59].

Применяя теорию Я. Ассмана к мемуарным сочинениям, можно, на наш взгляд, считать их издание выражением культурной памяти. Сам процесс написания воспоминаний уже ритуален, это не повседневное действие, он требует большой работы памяти, мысли и воображения.

По нашему мнению, в структуре коллективной памяти о прошлом следует различить несколько уровней. Первый из них — «обыденный», который проявляется в повседневной коммуникации. Следующий — «образно-художественный» уровень, транслирующий память через фольклор, художе-

ственную литературу (проза, поэзия) и произведения искусства (живопись, скульптура, театр, кино). В-третьих, «научно-познавательный» уровень, представленный мемуарами, историческими сочинениями, публицистикой, учебниками по истории. И, наконец, «традиционно-ритуальный» уровень, проявляющийся в коммеморативных практиках (дни памяти, праздники, юбилеи и т. д.). Первый уровень во многом соответствует коммуникативной памяти, а все последующие — культурной. Но четкой границы между ними нет. Каждый из этих блоков памяти существует не самостоятельно от других. Все они взаимосвязаны. На их становление и развитие большое влияние оказывают способность к рефлексии отдельного индивида, политический режим с его официальной идеологией, духовный климат и умонастроения в обществе.

Рассматривая мемуары как феномен культурной памяти, как компонент духовной жизни общества, автор следует по пути, предложенному в свое время отечественным историком А. Г. Тартаковским, который обозначил новые подходы к исследованию мемуаров в отечественной историографии [4; 5; 6]. Он предложил дефиницию, которая определяет мемуары в качестве повествований о прошлом, основанных на личном опыте и собственной памяти автора. Мотивы их создания довольно разнообразны. Но среди них можно выделить два типа факторов, способствующих их созданию. Во-первых, интимные внутренние потребности (разобраться в прожитой жизни и извлечь из нее уроки в назидание детям и близким, укрепить преемственность семейных отношений и т. д.). Во-вторых, общественные интересы, и здесь могут присутствовать мотивы, связанные со сведением счетов с политическими противниками, стремление к оправданию своих поступков в прошлом в глазах современников, желание «войти в историю» и ряд других причин. Общим моментом для всех мемуарных сочинений яв-

	КОММУНИКАТИВНАЯ ПАМЯТЬ	КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ
Содержание	Исторический опыт в рамках индивидуальных биографий	Мифическая предыстория, события в абсолютном прошлом
Формы	Неформальна, слабо оформлена, естественна, возникает во взаимодействии, повседневность	Учреждена, в высокой степени оформлена, ритуальная коммуникация, праздник
Средства	Живое воспоминание в органической памяти, непосредственный опыт и устные рассказы	Устойчивые объективизации, традиционная символическая кодировка/инсценировка в слове, образе, танце и проч.
Временная структура	80—100 лет, сдвигающийся вместе с современностью временной горизонт в 3—4 поколения	Абсолютное прошлое мифической древности
Носители	Неспецифические современники определенной помнящей общности	Специалисты — носители традиции

ляется стремление авторов запечатлеть для современников и потомства опыт своего участия в истории, осмыслить свое место в ней [4, с. 22—23].

Согласно Тартаковскому необходимо выделять следующие видовые признаки мемуаров. Прежде всего, это их личностное начало, то есть на переднем плане всегда выступает сам автор, даже если говорит от третьего лица. И таким образом все повествование о прошлом строится через призму взглядов индивида, через восприятие автора. Поэтому, конечно, мемуары — это сугубо субъективный жанр. Данное обстоятельство во многом связано с тем, что кругозор любого человека имеет свои границы. Кроме того, большое значение имеют личные впечатления автора о событиях, даже если он не являлся их участником. В мемуарах присутствуют разные по своей сложности уровни информации о прошлом. Первый уровень — это то, что видел и слышал сам мемуарист. Второй уровень информации складывается из того, что ему стало известно от других лиц, и здесь как, правило, фигурируют слухи, предания, легенды. Третий уровень опирается на специально привлеченные материалы с целью восполнения пробелов личной осведомленности автора для восстановления более целостной картины событий [4, с. 27—29].

Другим признаком мемуаров является их ретроспективность, что предполагает существование дистанции между временем создания сочинений и прошлым. Нередко влияет на повествование и другая информация, под «экспансию» которой попадает мемуарист. И тогда личностное начало в мемуарах приобретает черты стертости, однообразия и растворяется в господствующем мнении, которое часто усваивается как собственное. Большое давление на мемуаристов оказывает и общественное мнение, а также государственная идеология, официальная историографическая традиция, художественная литература и произведения искусства. «И, чем больше величина времени, протекшего от события до его фиксации в мемуарах, — замечает А. Г. Тартаковский, — тем выше вероятность обратного воздействия этого множества разнородных (и не всегда поддающихся точному учету) факторов на первоначальную осведомленность мемуариста» [4, с. 29]. В результате происходит аберрация первоначальных взглядов и личного мнения мемуариста. Порой его отношение к событиям прошлого, свидетелем или участником которых он являлся, в период создания мемуаров меняется. На это обстоятельство значительно влияет и его жизненный опыт, и его положение в обществе, а также общий культурно-исторический фон. Консервация прежних оценок и взглядов мемуариста явление крайне редкое, и, как правило, вызвано особыми обстоятельствами (например, изоляция индивида от общества путем тюремного заключения).

Но есть и оборотная сторона этой проблемы. «Однако, оказываясь во власти настоящего, — пи-

шет А. Г. Тартаковский, — мемуарист обретает и известную раскованность, «свободу» от бремени прошлого, преодолевает инерцию распространенных в нем пристрастий и заблуждений, оценивает его с некоей более высокой точки зрения, наконец, воспринимает описываемые события в свете их полной или относительной завершенности, знания их ближних и отдаленных последствий. Ретроспективный угол зрения «фильтрует» закрепленную мемуаристом информацию, определяет своего рода историзм его общего взгляда, возможность освещения в новом ракурсе уже известных фактов или воскрешения ранее неведомых, «засекреченных» обстоятельств минувшего, и, таким образом, в мемуарах удерживаются уникальные исторические сведения, которые ни в каких других источниках не могли быть зафиксированы» [4, с. 30—31].

Важнейшим видовым признаком мемуаров является память, которая оказывает значительное воздействие на процесс их создания. Память автора как «свойство сознания отражать и аккумулировать прошлое» выступает как своеобразный первоисточник любого мемуарного сочинения. Она по своей природе сугубо избирательна и запечатлевает главным образом то, что было значимо для автора. С течением времени память слабеет, возникают пробелы в картине прошлого, и тогда для ее восстановления приходят на помощь образы, созданные воображением. «Память бессознательно и сознательно, — по мнению А. Г. Тартаковского, — совершает отбор, воскрешая и одновременно разрушая прошлое». Поэтому обращение мемуариста к другим источникам, дающим сведения о «его времени», вполне естественно. Они играют вспомогательную роль, если пропущены через призму авторской памяти, «сцементированы» ею [4, с. 33—34].

Теперь следует остановиться на типах мемуарных источников. Необходимо заметить, что не все они сводимы к источникам личного происхождения. Например, А. Г. Тартаковский резонно считал, что дневники кардинально отличаются от мемуаров. Он выделял следующие особенности дневниковых записей:

- исторический кругозор автора ограничен кругозором настоящего;
- не всегда дневникам присущ историзм, на первом плане, как правило, житейские проблемы;
- нет внутреннего единства текста и структурно выстроенной композиции, так как в основе лежит разрозненная регистрация событий;
- отсутствие ретроспективности, а значит, события воспринимаются как произошедшие в настоящем;
- характерным средством воссоздания событий является не память, а «непосредственное воспроизведение» впечатлений без глубокого анализа [4, с. 35—39].

Мемуары в отличие от дневников предполагают более значительную временную дистанцию по

отношению к событиям и явлениям, о которых они повествуют. И поэтому дневники, видимо, менее наполнены мифами по своему содержанию, чем мемуарные сочинения. Почему, например, подвергался жесткой критике в среде белой эмиграции генерал барон А. П. Будберг за опубликованный им дневник, который он вел в период гражданской войны? Эта критика была вызвана в первую очередь тем, что автор дневника своими субъективными свидетельствами разрушал основы мифа о Белом движении, создаваемого его участниками, белыми эмигрантами.

Если говорить о наиболее распространенных типах мемуарных источников, то к ним можно отнести мемуары — «современные истории», мемуары-автобиографии, и частную переписку (эпистолярные источники), где содержатся воспоминания о тех или иных событиях.

Подавляющее большинство воспоминаний участников и современников гражданской войны представляют собой мемуары — «современные истории», или так называемые мемуарно-исследовательские работы. Это вид источников личного происхождения, целью которых является индивидуальная фиксация общественно-значимых событий с целью передачи их в эволюционном целом [7, с. 257]. Сочинения такого рода восходят своими корнями к хроникам Средневековья, а в России они появились в XVII в. после Смутного времени. Гражданская война в России, как очередная смута, также породила большое количество мемуарных сочинений. Некоторые современники и участники тех событий, сознавая их общественную значимость, садились за создание собственных мемуаров. Такого рода «социальный заказ» неизбежно влиял на содержание воспоминаний, создатели которых не могли не учитывать мнения других авторов (мемуаристов, историков или публицистов) об этих же событиях, соглашаясь или полемизируя с ними [7, с. 259].

Развитие мемуарной литературы в советском обществе можно условно разделить на ряд этапов (волн), которые непосредственно связаны с политикой советского государства. Первый этап (1920-е гг.) отличался активной публикацией мемуаров участников революции и гражданской войны. Многие из подобного рода сочинений, написанных «по горячим следам», были небольшими по своему объему и, что самое главное, еще особенно не отличались схематизмом и политической казенщиной.

Второй этап (1930-е — первая половина 1950-х гг.) оказался очень беден на мемуарные тексты о гражданской войне. С установлением жесткого тоталитарного режима советского образца повсюду господствовали лишь официальные партийные установки, спущенные сверху.

Третий период, наступивший после смерти И. В. Сталина и продолжавшийся до конца существования СССР, характеризуется появлением боль-

шого количества мемуарных текстов о революции и гражданской войне, затрагивающих, конечно, вопросы и о контрреволюционных силах.

Четвертый этап, совсем небольшой по своим хронологическим рамкам, ведет отсчет с середины 1980-х гг., с начала политики «перестройки», до распада СССР. В условиях гласности и еще более радикальной либерализации советской политической системы стали появляться новые мемуарные тексты, как правило, далеко не соответствующие старым официальным представлениям о гражданской войне.

Если говорить об авторах отечественных мемуарных текстов, то они по своей причастности к событиям прошлого представляют собой несколько групп людей, взявшихся за перо. Во-первых, это мемуары советских партийных, военных и государственных деятелей, участников и современников гражданской войны. Подобные мемуары в большинстве своем, как правило, более официальные и неприступно холодны, нежели сочинения других авторов.

Во-вторых, сочинения рядовых «борцов» за советскую власть, многие из которых являлись непосредственными участниками событий. В Советском Союзе со второй половины 1950-х годов проводилась кампания среди ветеранов по созданию ими мемуарных сочинений к юбилейным датам, связанным с Октябрьской революцией 1917 года. Такого рода воспоминания в рукописном или напечатанном виде сохранились во многих областных архивах на территории бывшего СССР. Они зачастую не отличаются своей оригинальностью в трактовке событий того времени, отражая советский набор мифов о Белом движении. Однако эти воспоминания, созданные к юбилеям, в какой-то мере дают определенное представление о взглядах мемуаристов, об отношении их к событиям «героического прошлого».

Третья группа авторов — это лица, не участвовавшие в гражданской войне ни на той, ни на другой стороне. Они стремились просто выжить в условиях очередной российской смуты. Но среди них, судя по текстам, можно было встретить людей с разными политическими симпатиями и антипатиями.

К четвертой группе мемуаристов можно отнести бывших участников антибольшевистского движения, оставшихся на родине. Большая их часть прошли через тюрьмы и лагеря, многие погибли, но кто-то все-таки сумел избежать преследований со стороны властей. Некоторые из этих людей также писали мемуары либо по указке свыше для разоблачения того дела, к которому они когда-то были причастны, либо воспоминания фиксировались для потомков без всякой надежды на публикацию в ближайшем будущем. Именно об этой группе авторов, многие из которых являлись участниками Белого движения, и их сочинениях пойдет речь в данной статье.

Мемуарные тексты «бывших»

Подвляющее большинство мемуарных сочинений так называемых «бывших», создавалось в первое десятилетие после гражданской войны. Как правило, их авторами являлись люди военные, служившие в вооруженных формированиях белых. Некоторые из этих работ были опубликованы. Часть из них пережила несколько изданий не только в 1920-е гг., но и во второй половине 1980-х гг., в период «гласности» и «перестройки». Другие подобные сочинения хранятся в рукописном или машинописном виде в центральных и региональных архивах страны, а некоторые из них остаются семейными реликвиями потомков.

Наиболее известными из опубликованных в Советской России книг стали мемуары Я. А. Слащева-Крымского [8], белого генерала, добровольно вернувшегося в 1921 г. на родину из Константинополя и поступившего на службу в РККА, где он занимался военно-педагогической деятельностью. Его сочинение под названием «Крым в 1920 г. Отрывки воспоминаний» впервые было издано в 1924 г. в Москве и в Ленинграде.

В своих мемуарах Слащев, повествуя об обороне белыми Крыма в 1920 г., главным образом полемизирует с бароном П. Н. Врангелем, а также пытается обосновать свое решение вернуться в Советскую Россию. Он пишет о своей политической безграмотности, т.е. непонимании сущности классовой гражданской войны. На одной из первых страниц своих воспоминаний Слащев справедливо заметил: «Человек, переживший бурный период, беспристрастно его описывать не может. На все его изложение ляжет отпечаток его личных воззрений и впечатлений. Поэтому я, приступая к своим запискам, заранее предупреждаю читателей, что все изложенное будет пропитано моими настроениями и моей идеологией, потерпевшей страшный излом за это бурное время» [9, с. 11].

Белое движение, по мнению Слащева, зародилось на Дону как идея борьбы за «отечество» с «иноземной» Советской властью на фоне дискредитированной идеи «царя». «Идея «отечества», — пишет он, — вдохновляла только единичных идеалистов, политически безграмотных и потому упорно стоящих на своем во вред своему народу и самим себе» [9, с. 12, 18].

Давая характеристику политическим убеждениям белых добровольцев, Слащев отмечал, что практически все «группировались по своим имущественным интересам». «Получилась мешанина кадетствующих и октябриствующих верхов и меньшевистско-эсерствующих низов». Кадровое офицерство, воспитанное в монархическом духе, в массе своей было аполитично. Большая часть добровольцев, видимо, симпатизируя эсерам, надеялась на Учредительное собрание [9, с. 19].

Когда белые стали получать военную и финансовую помощь из-за рубежа, увеличилось влияние и давление иностранных держав на их политические шаги. В районах, контролируемых антибольшевистскими силами, «началась разбойничья политика крупного капитала». «Борьба из внутренней постепенно и совершенно незаметно стала превращаться в борьбу интернационального капитала с пролетариатом. Даже мелкобуржуазные массы почувствовали гнет и частью отхлынули от белых» [9, с. 12—15].

И далее Слащев пишет: «Появился ряд грабителей, ставших во главе белых войск: они были удобны крупному чужеземному капиталу, так как без зазрения совести готовы были на все сделки». Затем грабежи и дезертирство начались в войсках. Белое движение «потеряло всякую идейность, и все совершалось во имя личного благополучия или тщеславия» [9, с. 15—16].

О состоянии белых войск в Крыму в начале 1920 г. бывший генерал сообщал следующее. Солдаты были очень не надежны. Боевой дух армии сильно упал. Начались грабежи мирного населения и массовое дезертирство. Поэтому держать такие части в окопах Слащев не решался, предлагая наступательный маневр. Только военные победы могли сплотить воинов, поднять настроение в войсках [9, с. 27—30].

Наиболее недисциплинированными частями в рядах белых, автор воспоминаний называл конные формирования горцев (чеченцев), которые в тылу «так грабили, что не было никакого сладу» и разбегались при первых симптомах поражения в бою [9, с. 42—43].

Среди военных руководителей белых Слащев подробно останавливается на генералах А. И. Деникине и П. Н. Врангеле. Первый из них, по его мнению, представлял собой, хотя и честного, но слабовольного и нерешительного военачальника. А второй, беспринципный и тщеславный властолюбец постоянно и настойчиво интриговал против главнокомандующего ВСЮР, чтобы добиться своей цели. Его политическую деятельность Слащев, на манер советской пропаганды, назвал «врангелевщиной». Военные же таланты барона оказались не велики, «он в роли главнокомандующего оставался с понятиями эскадронного командира» [9, с. 64—70, 147]. Слащев подробно останавливается на стратегических просчетах Врангеля, к которым относит провал аграрной реформы, наступление и захват Северной Таврии в июне 1920 г., приведшие к распылению войск, отказ в помощи кулацкому восстанию на правом берегу Днепра, значительную зависимость врангелевского марионеточного режима от Франции («политика танца под дудку французов») [9, с. 104, 147].

Давая характеристики высшему командному составу из окружения Врангеля, Слащев, практически не видит среди них достойных военных ру-

ководителей, за исключением генерала Я. Д. Юзефовича, с которым барон давно разошелся во взглядах, и начальника штаба своего корпуса полковника А. Г. Фролова. Остальные — серые и бесталаные офицеры (генералы П. С. Махров, П. Н. Шатилов, Г. И. Коновалов, Н. Н. Шиллинг, А. П. Кутепов, А. П. Богаевский и другие) [9, с. 89—92]. А подавляющая масса белого офицерства, по мнению автора, происходила из солдатской, крестьянской среды. Они получили офицерские погоны в условиях военного времени, без специальной подготовки в училищах [9, с. 140].

Много негативного писал Слащев и о белой контрразведке в Крыму, среди руководителей которой оказалось изрядное количество темных личностей, провокаторов, вымогателей и казнокрадов [9, с. 119—122].

Размышляя о причинах поражения белых, Слащев, называет отсутствие поддержки со стороны трудящихся масс, бездарность высшего командования, сепаратизм кубанского и донского казачества, неопределенность идеологии Белого движения, раскол в среде офицерства. «Недоверие к высшему командному составу, — отмечает автор мемуаров, — росло — грабежи и кутежи лиц этого состава с бросанием огромных сумм были у всех на виду, и младший командный состав пошел по стопам старшего и тоже стал собирать дары от «благодарного населения», внося еще большую разруху и еще больше озлобляя население» [9, с. 17—18]. Одной из причин краха белого дела, по мнению бывшего генерала, было и то обстоятельство, что белые воины «быстро и определенно перешли на роль наемников иностранного капитала, готовые пойти туда, куда пошлет их хозяин». Но гражданская война на юге России могла бы затянуться надолго, если бы во главе белых войск оказался человек с большим военным дарованием [9, с. 85, 148]. И здесь Слащев, видимо, подразумевал себя. Ведь он, благодаря своим победам, позволившим на длительное время сохранить Крым за белыми, был когда-то очень популярен в военных кругах.

Таково, в общих чертах, повествование о Белом движении и его участниках, изложенное в воспоминаниях бывшего генерала Слащева. Его мемуары, по большому счету, писались «на заказ». Они призваны были продемонстрировать изначальную обреченность белого дела и его сторонников, поднявшихся против «трудового народа». Эта книга должна была внушить читателям, что если такие талантливые белые генералы, как Слащев признали всю пагубность своей борьбы против большевиков, то Советская Россия идет верным историческим путем.

Дневник и воспоминания бывшего генерала В. Г. Болдырева [10], главнокомандующего войсками Директории, созданной Уфимским государственным совещанием, вышли в 1925 г. отдельной

книгой. Авторский текст, видимо, водимый незримой рукой цензора, то перетекает из дневниковых записей в мемуары, то вновь возвращаются к дневнику. Поэтому очень трудно определить к какому типу источников личного происхождения следует отнести это сочинение.

Болдырев подчеркивает наличие раскола в антибольшевистском лагере при враждебном отношении друг к другу различных правительств. Бывший генерал считает себя приверженцем демократии и поэтому с недоверием относится к «реакционным» режимам А. И. Деникина на юге, А. В. Колчака на востоке, М. К. Дитерихса на Дальнем Востоке, отмечая их стремление к «единодержавию». Вожди Белого движения оказались не готовы к своей роли полководцев и политиков. «Правильно налаженной агитационной работы у антибольшевистских группировок не было; она не создалась в должной мере и потом. В этом отношении Красная армия всегда была в значительно более выгодном положении» [11, с. 59]. В общем, читая сочинение Болдырева, можно прийти к выводу, что победа большевиков оказалась закономерной.

Воспоминания генерала А. П. Перхурова [12], написанные им в тюремной камере, где он провел около двух лет, видимо, не предназначались для широкого круга читателей. Но они были опубликованы в сборнике, содержащем материалы об антисоветском восстании в Ярославле [13] с целью разоблачить «преступную» деятельность их автора как одного из военных руководителей. Пленный генерал довольно подробно повествует о деятельности «Союза защиты Родины и Свободы», возглавляемого Б. В. Савинковым, и о дальнейшей своей деятельности на фронте против большевиков, оставляя в стороне политические оценки происходивших событий [14].

На последних страницах своих воспоминаний Перхуров признает, что белые потерпели поражение, так как «активных сторонников, хотя бы и косвенных, было больше у советской власти». И многочисленные восстания в тылу антибольшевистских сил «показали, что идеи, присущие белым армиям, менее популярны для масс, чем система советской власти» [14, с. 36].

В сложившейся обстановке после окончания гражданской войны только большевики, по мнению Перхурова, способны были вывести страну из кризиса в короткий срок. Он призывал советских руководителей активно использовать «бывших» в различных сферах деятельности. «Убежден, — писал Перхуров, — что люди, честно относящиеся к данному им делу, принесут пользу Родине при всяком правительстве, независимо от своих внутренних убеждений» [14, с. 36—37].

Но заявления о лояльности к советской власти не помогли белому генералу. Его расстреляли в июле 1922 г. после показательного судебного процесса в Ярославле.

Воспоминания бывшего полковника-юриста И. М. Калинина [15], служившего в рядах белых на юге России и вернувшегося после недолгого пребывания в эмиграции на родину, призваны были также разоблачить идеологию и политику руководителей белого движения. И Калинин разоблачал, написав три книги своих мемуаров [16; 17; 18].

Все тексты Калинина пронизаны обреченностью белого дела, которая проистекала из следующих факторов. Во-первых, это раскол в лагере белых на юге России. Во всех своих трех книгах автор много пишет о том, как в белых армиях казаки и добровольцы враждовали друг с другом, так и не найдя общего языка. В данном случае симпатии Калинина были явно на стороне казаков, в рядах которых он нес службу. «Казачество, — пишет он, — никогда не ладило с добровольческой армией. Казачьи государственные образования — Дон, Кубань, Терек — имели демократическое устройство и потому были сугубо противны руководителям политики главного командования — скрытым реакционерам. Ни для кого не составляло тайны. Что за спиной «внепартийной» Добровольческой армии, во главе с Деникиным, стояла старая Россия, весь мир царской бюрократии, жаждущей своих прежних постов с десятитысячными окладами, и «первенствующее сословие», мечтавшее о возвращении в свои прадедовские усадьбы. Все они ненавидели казачьих политических деятелей, считая их неучами, деревенщиной, сепаратистами, полубольшевиками. Вторые, в свою очередь, не жалели крепких слов по адресу своих противников, которых в насмешку титуловали «единонеделымцами» [17, с. 10].

Среди белого офицерства также отсутствовало единство. В добровольческих формированиях процветал особый корпоративный дух, и в назначении на командные должности решающую роль играли не приказы начальства, а «добровольческий стаж» и согласие офицеров той части, где появлялась вакансия. Поэтому чины у добровольцев играли второстепенную роль. Направляемые в их части офицеры, независимо от того, сколько они имели просветов и звезд на своих погонах, служили некоторое время фактически рядовыми бойцами в особой офицерской роте [17, с. 111—112]. Такая ситуация не могла не вносить раскол в офицерскую среду.

В характеристике белого офицерства автором явно просматривается классовый подход. «Только офицеры — аристократы или дети помещиков и капиталистов, — пишет он, — хорошо понимали истинную сущность гражданской войны. Под видом спасения «святой, великой России» шла борьба за привилегии, за их земли, банки, фабрики, за их вишневые сады и многоэтажные дома» [18, с. 26].

Следующим фактором, подтачивающим боееспособность и сплоченность белой армии, по мнению Калинина, стало отсутствие талантливых военных вождей, возглавивших борьбу с большеви-

ками. Некоторую симпатию автор испытывает к генералу Л. Г. Корнилову, называя его «республиканцем». Но после его гибели при «монархисте» генерале М. В. Алексееве «Добровольца стала явно окрашиваться в черный цвет». [18, с. 61]. Впоследствии «непредрешенец» А. И. Деникин оказался мягкотелым, а генерал П. Н. Врангель слыл безмерным честолюбцем и интриганом. Не лучше оказались и военачальники рангом ниже: И. П. Романовский — «тупой, надменный и свыше меры честолюбивый», В. Л. Покровский — кровожаден, «опереточный генерал» А. Г. Шкуро страдает «грабительскими замашками», к нему «стекались все, кто не дорожил жизнью, но кому хотелось крови, вина и наживы», и т. д. [17; 18].

Многие страницы воспоминаний Калинина посвящены моральному разложению белых и различного рода преступлениям среди военных, что не удивительно, ведь автор занимал высокие посты в прокуратуре и очень часто сталкивался с подобного рода делами. Он определяет три «язвы Белого движения». Первая из них — уклонение от мобилизации гражданского населения и массовое дезертирство в белой армии. [18, с. 172—177]. Вторая «язва» — «безудержное пьянство». «Вся тыловая работа, — пишет Калинин, — совершалась в пьяном угаре. Чтобы раздобыть спирт, исключенный из свободного обращения (вино не в счет), пускались на все средства. Шли на унижения, на мошенничества, на что угодно. «Святое дыхание возрождающейся России» было насквозь пропитано алкогольным перегаром» [18, с. 178—180]. Третья «язва» — «очень легкое отношение к казенному добру» среди должностных лиц [18, с. 180—182].

О грабежах и насилиях в отношении гражданского населения со стороны казачества Калинин ничего не пишет. Но зато белых добровольцев именуется «кондотьерами», представлявших собой «хапграб-драп-армию», боевой лозунг которой «Война до победы, грабеж до конца!». С одной стороны, он заявляет, что зачастую коррупция и злоупотребления офицеров и чиновников в Белом Крыму не пресекались, но с другой, — приводит реальные факты наказаний отдельных лиц, уличенных в таких незаконных действиях [17, с. 187, 136, 112, 61, 62, 149, 122—125, 127—128].

Свидетельствуя о нелегкой службе офицеров, их повседневном быте, автор свидетельствует как о фактах дезертирства и стремлении некоторых лиц избежать фронта, так и проговаривается о героических подвигах отдельных офицеров в борьбе с Красной армией. Так Калинин пишет о «дебошире» молодом генерале А. Г. Рубашкине, захватившем вместе со своими бойцами красный бронепоезд «Лев Троцкий», или о генерале А. К. Гусельщикове, который был в боевой обстановке «как рыба в воде» [17, с. 109—110]. Явные симпатии у Калинина вызывает боевой казачий генерал К. К. Мамонтов, которого он назы-

вает «военным тружеником» и талантливым военачальником, сумевшим провести блистательный рейд своего конного корпуса по глубоким тылам красных. Этот рейд наглядно показал советским руководителям значительные преимущества больших конных формирований в гражданской войне. После чего они бросили в массы лозунг «Пролетарий — на коня!» [18, с. 144—147, 148—155].

Оказавшись после оставления последнего оплота белых на юге — Крыма, в Болгарии, «бывшие воины Врангеля, — по мнению мемуариста, — перековав свои мечи на кирки и лопаты, вступили на поприще труда для того, чтобы под влиянием его целительной силы окончательно прозреть, отрешиться от старых заблуждений и обрести мирный путь на родину» [16, с. 49].

Калинин свидетельствует, что белые эмигранты, организованные в воинские формирования во главе с генералом А. П. Кутеповым, готовили политический переворот в Болгарии. Однако значительную часть казаков захватило возвращенческое движение [16].

Мемуары И. М. Калинина, на наш взгляд, представляют собой большой интерес для исследователей гражданской войны, хотя и содержат порой чрезмерную и необъективную критику Белого движения.

Воспоминания другого бывшего белого офицера П. В. Макарова были опубликованы в 1927 г. в ленинградском издательстве «Прибой». Автор их служил в период гражданской войны адъютантом у деникинского генерала В. З. Май-Маевского на юге России. Выходец из крестьян Рязанской губернии, он получил образование в реальном училище Севастополя. С началом первой мировой войны был призван в армию, окончил Тифлисскую школу прапорщиков. В 1917 г. дезертировал с фронта, вновь оказался в Крыму. Здесь его назначили организатором и агитатором при Севастопольском «областном революционном штабе». Участвовал в боях против белых добровольцев. В Мелитополе попал к ним в плен. Но спасся, выдав себя за капитана-фронтовика. Поступил в Добровольческую армию, служил под командованием полковника М. Г. Дроздовского. Вскоре стал штабным офицером, так как знал шифровальное дело. Затем получил должность личного адъютанта генерала В. З. Май-Маевского.

Как известно, генерал, кроме того, что был грамотным и способным военным руководителем, страдал слабостью к спиртному. Практически каждый день с обеда, после выпитого, он был «на взводе». Макаров рисует его как неизлечимого алкоголика. Хотя, по некоторым данным, сам мемуарист был из тех людей, кто способствовал пороку генерала, доставая любими, в том числе и незаконными, способами выпивку для своего патрона. Адъютант без напоминаний знал, чтобы на столе генерала всегда стояли несколько сортов водки и вина. Он

«своевременно подольет в пустой стакан, он устроит дамское знакомство и организует очередной банкет». Именем генерала Май-Маевского его адъютант забирал со складов ценные реквизированные товары для обмена на «горячительные напитки» и даже сам порой без меры «кутил». Об этом многие офицеры знали, но молчали, так как «трудно было со стороны, особенно людям непосвященным, разобраться, где кончается Макаров и начинается Маевский» [19, с. 281—283].

Когда Макаров почувствовал близкое поражение белых, то бежал в отряд красных партизан. В своих мемуарах он сумел представить себя борцом за Советскую власть, который активно действовал в стане врага практически с самого начала гражданской войны [20].

В его воспоминаниях представлены характеристики некоторых высокопоставленных белых генералов. Так, например, слабый А. И. Деникин, находясь под сильным влиянием генералов И. П. Романовского и А. С. Лукомского, в отличие от В. З. Май-Маевского, мало заботился о какой-либо положительной программе в гражданской сфере с целью привлечь население на сторону белых. Женившись, он целиком «ушел в семью», устранившись от верховного командования [20, с. 22—23].

Генерал А. Г. Шкуро, по утверждению Макарова, представлял собой матершинника, который «любил оргии и обладал ярко-бандитскими наклонностями», сея повсюду, где бы он ни появлялся, террор и грабежи. Шкуро держал при себе кинооператора, часто снимавшего казни пленных красноармейцев. Когда в ставке Деникина его стали отчитывать за незаконные реквизиции и пьянство среди подчиненных, то он якобы сказал: «Я знаю, что делаю! Хотите завтра не будет ни Деникина, ни Ленина, ни Троцкого, а только батько Махно и батько Шкуро?!» И этим напугал всех [20, с. 25—28].

Наибольшее внимание в своих воспоминаниях автор, конечно, уделил своему непосредственному начальнику, белому генералу В. З. Май-Маевскому. Главным образом, он рисуется как слабовольный «поклонник Бахуса». В книге неоднократно повторяются эпизоды, когда грузное тело уже не стоявшего на ногах генерала Макаров с трудом укладывает в машину и отправляет с очередного банкета. Но в то же время автор мемуаров иногда говорит и о положительных чертах Май-Маевского как личности. Так, например, Макаров пишет о храбрости генерала и о том, что многие подчиненные называли его «вторым Кутузовым». И, наконец, Владимир Зенонович пытался проводить более лояльную политику в отношении гражданского населения, чтобы привлечь его симпатии к Белому движению [20, с. 14, 18, 22—23].

Впоследствии на основе этих воспоминаний писателями И. Болгариним и Г. Северским был создан сценарий к фильму «Адъютант Его превосходитель-

ства» (режиссер Е. Ташков), который в апреле 1970 г. вышел на телеэкраны Советского Союза. Картина имела большой зрительский успех. И реальный образ молодого ловкача превратился на экране в исполнении талантливого актера Ю. Соломина в образ убежденного большевика, ведущего разведывательную и подрывную работу в стане белых.

На деле, воспоминания Макарова — это еще один образец мифотворчества событий гражданской войны, причем во многом созданный их непосредственным участником с целью собственной реабилитации. Хотя, нельзя не сказать и о том, что по прошествии лет, когда разразилась Великая Отечественная война, автор мемуаров будет защищать свою родину, сражаясь в качестве партизана с немецкими оккупантами в Крыму.

В Советской России в 1920-е гг. вышли в свет и воспоминания бывшего прапорщика Дроздовской дивизии Г. Венуса, который вскоре после гражданской войны, видимо, вернулся на родину из эмиграции. Его мемуары, главным образом, повествуют о повседневном военном быте белой армии. В них с удивительной силой и убедительностью показаны многие ужасы гражданской войны. При этом автор не стремится подыгрывать новому большевистскому режиму. Он пытается писать о том, что видел и знает.

Воспоминания Венуса повествуют о действиях отдельных белых военачальников типа генерала А. В. Туркула, для которых приказы о расстрелах пленных или провинившихся подчиненных, были обыденным явлением. Автор мемуаров пишет о своем сослуживце, поручике, ставшем в условиях смуты, кокаинистом, об офицерах, находящихся в объятиях проституток, или о тех, кто откровенно, не стесняясь, распродал казенное армейское имущество, зарабатывая себе на жизнь. Венус рассказывает и о повальном пьянстве в офицерской среде, и о случае группового изнасилования воинами белой армии «малахольной нищенки», которую они заволокли к себе в теплушку, и о том, как гражданская война способствует пополнению психиатрических лечебниц новыми пациентами [21, с. 43—44, 61—62, 105, 108, 109, 111—112, 129 и др.].

Остановимся теперь на некоторых воспоминаниях участников Белого движения, которые не издавались и осели в архивохранилищах. К таким сочинениям относится, например, «Краткое описание военных действий Уральского казачьего войска за период 1918—1920 гг.» бывшего генерала В. И. Моторного [22], попавшего в плен к красным. Главными организаторами борьбы с большевиками в Уральской казачьей области Моторный считает казаков-фронтовиков, многие из которых с оружием в руках вернулись в родные края. Активность в этом деле проявили и старики, из-за отсутствия огнестрельного оружия вооружившись пиками, шашка-

ми и пешнями [23]. В то же время, как только первый натиск красных был отбит казацки дружины, сотни, полки митинговали и самораспускались, определенно заявляя, «что за войсковую грань они не пойдут» [24, л. 2, 5 об. — 7].

Мемуарное сочинение генерала Моторного отличается подробными сведениями о составе и боевых действиях Уральской казачьей армии. Здесь же называются конкретные имена белых казачьих офицеров, военных руководителей борьбы с частями Красной армии. Сообщается, в частности, о военной помощи уральским казакам со стороны правительств Комуча, А. В. Колчака и А. И. Деникина, а также о переходе на сторону казаков почти в полном составе одного из советских полков [24, л. 18 об., 10 об. — 11].

Повествуя о тяжелом зимнем переходе уральских казаков в начале 1920 г. из Гурьева в форт Александровск вдоль побережья Каспия, Моторный, «бросая камень в огород» атамана В. С. Толстова, пришел к заключению, что не было никакого руководства людьми, отступающими под ударами Красной армии. «Каждая часть и каждое отдельное лицо, — отмечал он, — шло когда хотело и по дороге какой хотело. Правда, кажется, был приказ атамана всем следовать в войсковых частях, но он не исполнялся» [24, л. 16].

Отношение уральских казаков к своему противнику Моторный оценивает как «неудовлетворительное», в большей степени из-за красного террора не только против участников боевых действий, но и против мирных жителей казачьих станиц и поселков. При этом он приводит несколько фактов подобного поведения «победителей» [24, л. 19].

Другое сочинение, видимо, созданное в подобных обстоятельствах, совсем небольшое по своему объему, было написано «по памяти» пленным белым генералом В. И. Оберюхтиным [25]. В этом кратком очерке отмечалось, что колчаковский переворот олицетворял собой возврат «к старому и правому», хотя Верховный правитель, являясь диктатором, управлял совместно с Советом министров. При этом, отмечает мемуарист, и военные, и общество не понимали смысла произошедших в ноябре 1918 г. событий. «Фактически совершившийся переворот, — писал Оберюхтин, — вызвал лишь перемены в верхах, не затронув совершенно жизни массы народной» [26, л. 4 об.].

Среди военных руководителей армии Колчака, пытавшихся с помощью различного рода реорганизаций сделать систему управления войсками более эффективной, Оберюхтин выделяет генералов М. К. Дитерихса и К. В. Сахарова. Но их усилия оказались тщетными. Главными причинами поражения белых, по мнению автора, стали бюрократизм, канцеляризм и интриги в тылу, а также падение боевого духа армии с осени 1919 г., так как «всем стала ясна бесцельность и антинародность борьбы» [26, л. 5 об., 7].

Приведенные выше тезисы из очерка Оберюхтина, позволяют говорить о его левых взглядах. Но только не ясно, когда он стал их придерживаться: в плену у большевиков или ранее, когда служил в 1918 г. в Народной армии Самарского Комуча?

В 1920-е гг. в Истпарт [27] попали мемуары с неброским названием «1917 и 1918 годы на Кубани», автора которых установить не удалось. Из этого повествования можно определить, что человек их создавший происходил из кубанских казаков и придерживался антимонархических взглядов, был близок к либеральной идеологии. Из событий гражданской войны автор особо останавливается на штурме добровольцами в марте 1918 г. Екатеринодара. Он показывает героизм белых воинов, их повседневный армейский быт, т. е. людей постоянно пребывающих в пограничной ситуации между жизнью и смертью. Среди военных руководителей белых автор воспоминаний особо выделяет генерала С. Л. Маркова [28], «любимца подчиненных», обладавшего «красноречием, юмором, энергией». «Мы не разделяли его политических убеждений, — пишет мемуарист, — но все без исключения — даже враги его, если они захотят быть искренними — обнажат голову перед светлой памятью этого честного, прямого и самоотверженного русского человека, сраженного на своем посту в рядах своих солдат, слепым осколком русской гранаты, выпущенной преступными руками русских людей из русского орудия...» [29, л. 49].

Рукописные воспоминания, датированные 1972—1975 гг., оставил бывший прапорщик 22-го Златоустовского полка горных стрелков колчаковской армии М. В. Белюшин [30], который, будучи тогда уже семидесятилетним стариком, и проживая в одном из уральских городов, не особо скрывал, что являлся когда-то белым офицером.

Бывший прапорщик войск Колчака, например, зафиксировал по памяти некоторые факты, связанные с выступлением чехословацких легионеров в мае—июне 1918 г. против большевиков на Урале. В частности, он отметил, что чехословакам оказавшимся по требованию большевиков почти без оружия, пришлось в отдельных случаях воевать против красногвардейских отрядов с камнями в руках. Так, недалеко от вокзала г. Златоуста при попытке полного разоружения чехословацкого эшелона сторонниками большевиков произошел бой, в ходе которого камнями был забит один из «красных» пулеметчиков, двоюродный брат автора воспоминаний [31, л. 21 об., 24].

Белюшин пишет также о «местническом настроении» у солдат белой армии, «особенно среди казаков, которые отбив врага от своего города или станции, отказывались воевать» [31, л. 22 об.].

Атаман Анненков для автора воспоминаний, хотя он его никогда не видел и не служил в его частях, «ярый монархист и не менее ярый антисемит, а

вообще бандит». Поэтому он был искренне удивлен, что к Анненкову в отряд летом 1918 г. приняли юношу-еврея, однокашника Белюшина по Златоустовскому городскому училищу [31, 23 об.].

В своих воспоминаниях Белюшин набросал некоторые портретные черты двух белых генералов колчаковских войск В. В. Голицына и К. В. Сахарова, о которых он как командир низшего звена много слышал и которых видел близко, видимо, всего несколько раз. В словах мемуариста чувствуется некоторая холодность к этим генералам, которые в июле 1919 г. перед решающим сражением белых прибыли на позиции полка, где он служил. «Но ни с кем из офицеров и солдат совершенно не разговаривали, — заметил Белюшин, — никакого ни напутствия, ни благословения мы перед боем не получили, так что в бой пошли без энтузиазма» [32].

Все названные выше воспоминания, оказавшиеся на архивных полках, не вписывались в официальную советскую историю гражданской войны и, конечно, не только не публиковались для широкого круга читателей, но и многие годы были малодоступны для исследователей гражданской войны.

Заключение

Мемуары участников белого движения, оставшихся на родине или вернувшихся из эмиграции, являются одним из вариантов коллективной памяти о гражданской войне. Они создавались либо под давлением «сверху», либо самостоятельно из внутренних побуждений авторов. Главная цель, которую преследовали многие мемуаристы — это морально себя оправдать и самоутвердиться в новом советском социуме. Мемуары, получившие разрешение на издание, включались в поле культурной памяти о гражданской войне советского образца. Такие книги неизменно выходили под редакцией и с предисловиями, примечаниями советских писателей, партийных деятелей или историков. Так, например, мемуары бывшего генерала Я. А. Слащева предварялись статьей писателя Дм. Фурманова, а воспоминания бывшего полковника И. М. Калинина «Русская Вандея» предисловием историка А. Анишева и т. д.

Мемуары, оказавшиеся в архивах, менее критичны в оценке Белого движения, а некоторые из них прямо повествуют о красном терроре и других нелицеприятных для большевистского режима вещах. И, конечно, это стало одной из главных причин, что такого рода воспоминания не дошли до широкого круга читателей.

Практически во всех мемуарных трудах можно встретить нотки самооправдания авторов, стремление всю вину свалить на военных руководителей и политиков из лагеря белых. Значительная часть мемуаристов пишет о факторах, способствующих поражению Белого движения, среди которых они вы-

деляли следующие: отсутствие единства и консолидирующей идеи, моральная деградация, рост бюрократии в тылу, озлобленность большей части гражданского населения к белым правительствам и их вождям.

Все эти мемуары, несмотря на то, что также содержат значительное количество элементов мифотворчества, все же более информативны с точки зрения реконструкции истории становления, развития и краха Белого движения, нежели воспоминания, написанные «борцами за советскую власть». В последних слишком много так называемой «казенщины» и официоза, но мало картин реальной жизни в условиях внутренней войны в России. Личностное начало в них стерто под влиянием господствующей идеологии.

С опубликованными мемуарами «бывших» зачастую познакомились некоторые советские писатели, когда приступали к работе над своими художественными произведениями о гражданской войне. В частности мемуары И. М. Калинина «Под знаменем Врангеля», по утверждению историка С. В. Карпенко, использовал Михаил Булгаков в процессе создания знаменитой пьесы «Бег».

Литература

1. Halbwachs M. Les cadres sociaux de la memoire. — Paris, 1925; The Collective Memory. — New York, 1950.
2. Ассман Я. Культурная память. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 368 с.
3. Бахтин М. М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. — СПб.: Изд-во «Азбука». — 336 с.
4. Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика. — М.: «Наука», 1980. — 312 с.
5. Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII — первой половины XIX вв.: От рукописи к книге. — М.: Наука, 1991. — 286 с.
6. Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века. — М.: Наука, 1997. — 310 с.
7. Румянцева М. Ф. Теория истории. — М.: Аспект Пресс, 2002. — 319 с.
8. Слащев-Крымский Яков Александрович (1885—1929), генерал-лейтенант, выходец из семьи офицера, выпускник Академии генерального штаба (1911). Служил в гвардии. Участник Первой мировой войны с декабря 1917 г. вступил в Добровольческую армию, сначала являлся начальником штаба в отряде белых партизан А. Г. Шкуро, затем последовательно командовал бригадой, дивизией, корпусом. Зимой 1919/1920 г. организовал успешную оборону Крыма. После неудачных боев под Каховкой летом 1920 г. был по приказу генерала П. Н. Врангеля отстранен от командования войсками. Эмигрировал в Константинополь, где выступал с рез-

кой критикой действий П. Н. Врангеля. В 1921 г. выехал в РСФСР. Через несколько лет, в 1929 г. был убит в своей квартире при недостаточно ясных обстоятельствах.

9. Слащев-Крымский Я. А. Крым, 1920 г. // Гражданская война в России: оборона Крыма. — М: Изд-во АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. — 534 с.

10. Болдырев Василий Георгиевич (1875—1933) уроженец Симбирской губернии, выходец из крестьянской семьи. Окончил Пензенское землемерное училище, военно-топографическое училище и Академию Генерального штаба. Служил в гвардейских частях. Участник русско-японской войны. Преподавал в Академии Генерального штаба (1911—1914), профессор. В период Первой мировой войны служил начальником штаба дивизии, генерал-майор (1916), был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени и Георгиевским оружием. Будучи генералом-квартирмейстером штаба Северного фронта, явился свидетелем отречения Николая II от престола. При Временном правительстве командовал корпусом, затем — армией. После прихода к власти большевиков вступил в подпольную организацию «Союз возрождения России» и по решению Уфимского государственного совещания стал Верховным Главнокомандующим войск Директории (сентябрь 1918 г.). С приходом к власти А. В. Колчака был смещен со своего поста (ноябрь 1918 г.) и выехал в Японию. Вернулся в январе 1920 г. во Владивосток, где занимал пост управляющего военноморского ведомства правительства Приморской земской управы, затем был членом различных военных учреждений Приморского областного управления Дальневосточной республики, являлся товарищем председателя Приамурского народного собрания. С приходом во Владивосток частей Красной армии был арестован. В 1926 г. освобожден, работал в хозяйственных учреждениях Сибири, но в начале 1930-х гг. был вновь арестован, обвинен в контрреволюционной деятельности и приговорен к расстрелу.

11. Болдырев В. Г. Директория. Колчак. Интервенты. Воспоминания. Новониколаевск: Сибкрайиздат, 1925. — 564 с.

12. Перхуров Александр Петрович (1876—1922), генерал-майор, выходец из дворян Тверской губернии, окончил военное училище и Академию генерального штаба (1903). Участник русско-японской и Первой мировой войн, служил в артиллерийских частях. В декабре 1917 г. демобилизован из армии. Вскоре вступил в Добровольческую армию и был отправлен генералом Л. Г. Корниловым в Москву для подрывной работы. В составе «Союза защиты Родины и Свободы» (руководитель Б. В. Савинков) являлся одним из организаторов антисоветского восстания в июле 1918 г. в Ярославле. После разгрома восстания бежал в Казань, где командовал отдельной бригадой в Народной армии Самарского

Комуча. В войсках А. В. Колчака — командир 13-й Казанской дивизии, затем возглавил летучие партизанские отряды 3-й армии. Пленен красными партизанами во время Сибирского Ледяного похода. После содержания в лагерях Иркутска, Челябинска и Екатеринбурга был освобожден и получил назначение в штаб Приуральяского военного округа. Но вскоре был вновь арестован и отправлен в Москву, где находясь в заключении написал воспоминания. В июне 1922 г. в Ярославле по его делу состоялся показательный судебный процесс. По приговору выездной военной коллегии верховного ревтрибунала был расстрелян. (Волков Е. В., Егоров Н. Д., Купцов И. В. Белые генералы Восточного фронта гражданской войны. Биографический справочник. — М.: Русский путь, 2003. — С. 159—160).

13. Бройде М., Бройде С. Ярославский мятеж. — М.: Госюриздат, 1930. 110 с.

14. Перхуров А. П. Исповедь приговоренного. 2-е изд. — Рыбинск: Изд-во «Рыбинское подворье», 1990. — 40 с.

15. Калинин Иван Михайлович являлся уроженцем Архангельской губернии. Окончил юнкерское училище и Александровскую военно-юридическую академию. Участник Первой мировой войны. Накануне революционных событий 1917 г., будучи полковником, занимал пост помощника военного прокурора Кавказского военно-окружного суда. В феврале 1917 г. был назначен товарищем (заместителем) полевого военного прокурора Кавказского фронта. В 1918 г. поступил на службу во «Всеволодское войско Донское», возглавляемое атаманом П. Н. Красновым. Занимал должность помощника военного прокурора, а затем — военного прокурора Донской армии. С апреля 1920 г. в Крыму возглавил военную часть штаба Донского корпуса Русской армии П. Н. Врангеля. В ноябре 1920 г. с белыми войсками эвакуировался в Турцию, впоследствии переехал в Болгарию. Весной 1921 г. стал одним из организаторов «Общеказачьего сельскохозяйственного союза», выступавшего за возвращение казаков-эмигрантов в Советскую Россию. В составе казачьей делегации прибыл в Москву, где и остался, став советским гражданином. (Карпенко С. В. Слово историка // Калинин И. М. Под знаменем Врангеля. Заметки бывшего военного прокурора. — Ростов н/Д: Ростовское книжное изд-во, 1991. — С. 3).

16. Калинин И. М. В стране братушек. — М.: Изд-во «Московский рабочий», 1923. — 240 с.

17. Калинин И. М. Под знаменем Врангеля. Заметки бывшего военного прокурора. — Л.: Госиздат, 1925. — 351 с.

18. Калинин И. М. Русская Вандея. — М.—Л.: Госиздат, 1926. — 359 с.

19. Штейфон Б. А. Кризис добровольчества. // Белое дело: избранные произведения в 16 книгах. Кн. 7. Добровольцы и партизаны. — М.: Голос; Сплохи, 1996. — 362 с.

20. Макаров П. В. Адъютант генерала Май-Маевского. Из воспоминаний начальника отряда красных партизан в Крыму. — Л.: Прибой, 1927. — 197 с.

21. Венус Г. Война и люди. Семнадцать месяцев с дроздовцами. — М.-Л.: Госиздат, 1927. — 2-е изд. — 260 с.

22. Моторный Владимир Иванович (1883—1931) выходец из семьи офицера, выпускник Академии генерального штаба (1912) и участник Первой мировой войны, воевал против большевиков в составе Уральской казачьей армии. Весной 1920 г. во время отступления белых оказался в плену. Затем был освобожден и находился на преподавательской работе в РККА. Арестован и расстрелян по делу «Весна», как один из «руководителей антисоветской организации» (Волков Е. В., Егоров Н. Д., Купцов И. В. Белые генералы Восточного фронта гражданской войны. Биографический справочник. — М.: Русский путь, 2003. — С. 142).

23. Пешни — ломы для прорубки льда при зимнем рыболовстве.

24. РГВА (Российский государственный военный архив). Ф. 28361. Оп. 1. Д. 749.

25. Оберюхтин Виктор Иванович (1887—?) — окончил Казанское военное училище, обучался в Академии генерального штаба (до 1914 г.), участник Первой мировой войны, служил в русском экспедиционном корпусе во Франции. В период гражданской войны занимал штабные должности в Народной армии Самарского Комуча, а затем — в войсках А. В. Колчака, где получил чин полковника, а затем — генерал-майора. Попал в плен под Красноярском в январе 1920 г. Служил в РККА. Впоследствии был арестован и расстрелян. (Волков Е. В., Егоров Н. Д., Купцов И. В. Белые генералы Восточного фронта гражданской войны. Биографический справочник. — М.: Русский путь, 2003. — С. 151).

26. ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 9427. Оп. 1. Д. 663.

27. Истпарт — Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б), с 1920 г. при Госиздате, Наркомпросе, с 1921 г. при ЦК РКП(б); научный и издательский центр. Имел сеть местных бюро в республиках и областях. Издавал свыше 30 журналов и сборников («Пролетарская революция», «Бюллетень Истпарта» и др.). В 1928 г. слит с Институтом В. И. Ленина. (Большой энциклопедический словарь: В 2-х т. — М.: Сов. энциклопедия, 1991. — Т. 1. — С. 512).

28. 13 декабря 2003 г. в российском городе Сальске на площади Юбилейной, благодаря усилиям некоторых энтузиастов и общественности, был установлен один из первых в нашей стране памятник белому генералу. Это памятник — С. Л. Маркову (автор скульптуры В. А. Суровцев). Он изображен идущим в атаку с обнаженной саблей, обернувшись к своим подчиненным и призывающим их бесстрашно броситься вместе с ним бой. На постамен-

те изображены знак Первого Кубанского (Ледяного) похода, звание и имя генерала, а также его слова: «Верьте, что Родина вновь будет сильной, Великой, Единой и Могучей...». (Гакуев Р. В день Св. Апостола Андрея Первозванного... // Посев (Москва). 2004. № 1. — С. 2—3).

29. РГВА. Ф. 28361. Оп. 1. Д. 118.

30. Белюшин Михаил Владимирович (1897—1980), уроженец г. Златоуста, окончил городское начальное училище. Весной 1916 г. ушел на фронт Первой мировой войны, по окончании школы прапорщиков получил первый офицерский чин (1.05.1917). В январе 1918 г. вернулся в Златоуст, в июне вступил в войска Временного Сибирского правительства, затем служил в белой армии адмирала А.В. Колчака. Под Красноярском попал в

плен. Но вскоре был освобожден. Жил в различных городах Советского Союза. В 1930 г. по иронии судьбы работал экскурсоводом Музея революции г. Свердловска. Вернулся в Златоуст в 1945 г. Краевед. Много путешествовал по стране. (История России в судьбах южноуральцев. XX век. Путеводитель по фондам личного происхождения архивных учреждений Челябинской области. — Челябинск: Б.и., 2003. — С. 21).

31. ААЗ (Архивный отдел администрации г. Златоуста). Ф. Р—474. Оп. 1. Д. 1.

32. Воспоминания бывшего прапорщика 22-го Златоустовского горных стрелков полка М. В. Белюшина о сражении под Челябинском летом 1919 г. Письмо в редакцию газеты «Челябинский рабочий» от 13 июля 1975 г.

ЭТНОРЕЛИГИОЗНЫЙ ВОПРОС В СУДЕБНОЙ ПОЛИТИКЕ ЕКАТЕРИНЫ II

(Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 04-06-96020)

Административно-судебная реформа, осуществленная правительством Екатерины II после 1775 г. и направленная на укрепление политической системы России, была неразрывно связана с процессами формирования крупных сословий, намеченных законодательством Петра Великого [1]. Создавая устойчивую структуру сословного общества, самодержавная власть стремилась обеспечить права отдельных групп подданных посредством включения специальных институтов в правоприменительный и правоохранительный механизм государства. Задачи унификации форм и типов государственного управления решались с учетом изученных исторических, культурных, географических особенностей всех областей империи. Имперский принцип социальной и правовой дифференциации рассматривался как фактор ослабления межсословных противоречий, сближения россиян с коренными жителями восточных провинций, оценивался как важный инструмент политики по отношению к народам, проживавшим на присоединенных к империи территориях и близ российских границ.

Состав подданных разраставшегося государства оставался в последней трети XVIII в. чрезвычайно разнородным. Налаживанию широких связей среди населения способствовала спонтанная русификация, однако юридическое положение этнически, культурно, социально близких групп было различным. Преодоление исторически сложившейся фрагментарности осуществлялось путем упразднения особых «обществ» и укрупнения отдельных сословий. «Государственный либерализм» проявлялся в отказе от форсирования сословных процессов, в подтверждении «прав, преимуществ, вольностей, уставов и привилегий» [2], действовавших в определенных регионах. Законодательное закрепление статусного положения части подданных обуславливало изменения в местном судеустройстве, объектной и территориальной компетенции местных судебных учреждений.

Опыт административной реформы приобретался правительством в исконных российских землях и на западных территориях, присоединенных к империи в начале 70-х гг. «Примерными» были избраны Тверская и Смоленская губернии, учрежденные указом от 25 ноября 1775 г. [3] В 1776—1778 гг. последовали указы об учреждении еще 11 губерний [4]. Число судебных мест устанавливалось в соответствии с количеством и составом народонаселения, а также площадью провинций. Новая практика отбора кандидатов в судьи предполагала участие лиц,

чьи морально-нравственные качества и социальное положение не вызывали сомнений у сословных избирателей и органов надзора [5], что являлось, с точки зрения законодателя, залогом обещанного правосудия в «присутственных местах» [6].

Этническая знать — от татарских мурз [7] до молдавских бояр [8] — вливавшаяся в первое сословие империи, поступала в ведомство уездных и верхних земских судов, получив право на участие в выборах заседателей. Татарские, башкирские тарханы, документально не подтверждавшие статуса, переводились в разряд рядовых соплеменников [9, с. 348], подобно казачьим старшинам на Украине, владевшим недвижимостью на «шляхетских» правах [10]. Замкнутость прибалтийского дворянства вызвала возражения императрицы, предложившей допустить к выборам кроме урожденных всех лиц благородного происхождения, проживавших в губерниях [11].

На взаимоотношения самодержавия с верхним социальным слоем влияли обстоятельства политической жизни. Достойными «по верности и способности» аристократами упраздненного Крымского ханства было позволено замещать вакансии в III инстанции — судебных палатах. «...Чтоб сим новым Нашим подданным путь к гражданской службе и к получению в оной чинов открыт был», — пояснил монарх [12]. Шляхта белорусских земель прошла фильтрацию после польского военно-политического возмущения в конце 80-х — начале 90-х гг. XVIII в. [13] Приняв в управление земли, 400 лет принадлежавшие польской короне, Екатерина II не спешила распространить на них «Учреждения о губерниях» в полном объеме. Судеустройство в Литве и Белоруссии обуславливали политические интересы [14].

Лица городских сословий находились в компетенции магистратов и ратуш. Древнее управление делами в городах Прибалтийского региона в 1763 г. закрепили жалованные грамоты [15], но право выбора сословных судей в 1785 г. распространилось на всех горожан, отвечавших установленному цензу [16]. Определив условия формирования городского населения [17], императрица последовательно утверждала в общественных отношениях этнокультурную и религиозную терпимость. Допустив к классным купеческим должностям мещан, не имевших «никакого явного личного пороку», Екатерина II сообщила в январе 1785 г. Тамбовскому и Рязанскому генерал-губернатору о том, что в империи данный порядок распространяется не только на христиан всех

конфессий, но и на иудеев, мусульман и язычников. «Всяк по званию и состоянию своему долженствует пользоваться выгодами и правами без различия закона и народа», — констатировал Правительствующий Сенат в очередном указе, отражая позицию самодержавного монарха [18].

Евреев Екатерина II рекомендовала по возможности переселять в города с подчинением магистратам, «дабы люди сии не скитались во вред обществу, но производя торги и размножая рукоделия и ремесла, и себе прибыль и обществу пользу приносили» [19]. По делам духовной подсудности иудеи были подведомственны уездным и губернским кагалам [20]. «Выгоды», связанные с экономическими правами, отменялись с включением евреев в сословия [21]. Сохранив действие польских законов в западных губерниях, императрица ослабила правовую дискриминацию представителей древней нации, «поелику», заявила Екатерина II, «войдя... в равное с прочими состояние, и платя в казну равные подати, также и нося прочия наравне с другими тягости, должны во всяком случае защищены и удовлетворены быть наравне с прочими Ее Императорского Величества подданными» [22].

Тем не менее к 1795 г. переход евреев в число купцов и мещан был разрешен только в 10 губерниях. С 1 июля 1794 г. было подтверждено двойное налогообложение иудеев, не вошедших ни в одно из российских сословий [23]. Действие указа не распространялось на часть еврейского населения Крыма — караимов по исповеданию.

Напоминая о важности складывания «третьего» сословия, открытии учреждений сословной подсудности в украинских «слободах и местечках», Екатерина II предупредила уполномоченных лиц, «чтоб отвращено было всемерно всякое принуждение, паче же прикосновение к чьей-либо собственности; но чтоб добрая воля и убеждение в своей пользе служили руководством к составлению обществ мещанских и купеческих» [24]. «Раскольникам», испытывавшим социальные трения с «православными», было подтверждено право образования самостоятельных судебных коллегий [25].

Поощряя развитие экономических связей империи с соседними странами, поселение и принятие подданства купеческими семьями, правительство предоставило корпоративно живущим этнорелигиозным группам право решения своих дел в словесных судах на основе обычно-правовых норм. «Общества» численностью от 500 семей могли ходатайствовать об открытии отдельных ратуш. В южных губерниях привилегии получили армянские и греческие диаспоры. Образовав национальный магистрат и подчинив армяно-татарское население Астрахани государственному праву, верховная власть оставила «внутреннюю юрисдикцию» в «благоустройство» торгового сообщества, установив особый порядок разбора дел подданных с временно проживавшими в Астрахани соплеменни-

ками. Указ от 13 января 1765 г. предусматривал организацию «Суда Астраханских азиат» с отдельными комнатами для православных христиан, мусульман и индусов — «идолопоклонников» [26]. На запрос генерал-губернатора в 1786 г. о возможности ввести армянских заседателей в областной магистрат и совестный суд монарх сослался на действовавший закон, предоставлявший такое право [27]. Для христиан из-за Кавказского хребта, поступавших в ведомство духовных властей православной и католической ветвей, планировалось основание новых городов и открытие дополнительных органов самоуправления [28].

Росшая от начала войн с турками в Новороссийском крае греко-албанская диаспора, пользовавшаяся при разборе дел нормами византийского права, находилась в ведомстве магистратов, учрежденных в Еникале и Таганроге [29, с. 91—113]. «Воспорский» греческий магистрат с местопребыванием в Еникале получил казенное содержание [30]. Указом от 1 сентября 1785 г. национальный магистрат, подчиненный Черниговскому губернскому магистрату, заменил суд греческого «братства» в Нежине. Обычное право по-прежнему применялось в словесных и третейских судах при решении споров подданных с иностранными греками [31]. В 1792 г. проживающие в Николаеве турки были поощрены льготами и государственными кредитами, возможностью строительства мечети и выбора национальных судей, применявших, по желанию диаспоры, нормы российского законодательства [32].

Городовые суды Урала и Сибири не имели официальных отличий, предоставляя защиту обывателям независимо от их этнического происхождения и религиозной принадлежности, однако в Тобольском наместничестве указом от 9 декабря 1787 г. из компетенции магистратов были исключены торговые переселенцы из Средней Азии — «ташкентцы» и «бухарцы»: таджики, узбеки, уйгуры, насчитывавшие в 1786 г. 2704 чел. [33].

Сословными инстанциями для разбора дел сельского населения в 1775 г. были учреждены нижние и верхние расправы. Сфера объектной юрисдикции государственных судов унифицировалась. Ведомство расправ охватывало служилых людей старых сословий, включая однодворцев, пахотных солдат, сибирских дворян и детей боярских, казаков и национальные служилые общины, а также ямщиков, свободных крестьян всех разрядов, ясачные народы. Интересы государственного строительства требовали творческого вмешательства самодержавия в социальные процессы. Упрощая социальную структуру, монарх предписал принимать во время IV ревизии (1782 г.) документацию, «держась токмо того правила, чтоб состоящих под одним званием и в одном окладе государственных крестьян не разделять на многия особия названия» [34]. Таким образом, в Астраханской губернии был упразднен особый статус «сходцев», «бобылей», «болдырей», «переведенцев» и детей новокрещенных

лиц [35]. В 1786 г. Уфимская администрация лишила привилегий потомков отставных военнослужащих, включая лиц «старых служб», а также детей рекрут, солдат гвардейских полков, «смоленского шляхетства» и польских «пленных конфедератов», обязав всех подушным налогом и рекрутской повинностью как обычных крестьян [36].

Массы переселенцев из Закавказья и Подунавья, как и северных уездов России [37], поступали в ведомство расправ, образованных в южных губерниях [38]. Правительство стремилось сблизить совокупность прав и обязанностей казенных крестьян всех этносов и вероучений.

Итак, комментируя закон, в 1782 г. Уфимский генерал-губернатор повелел: «Ведомы да будут в нижних расправах... как все те жители кои высочайшего учреждения в 335-й статье именованы, так и татара служилые и платящие подати черкаса, мордва и черемиса, чуваша, тептяри и бобыли и естли еще какого звания народы в здешнем наместничестве обитают...». С учетом национально-культурной и социально-правовой разнородности обывателей губернское руководство сформировало коллегии сословных заседателей. Из 35 мест в расправах 10 было утверждено за представителями татарского населения, 6 — за депутатами от русских крестьян, включая староверов, по 5 — от тептярей и бобылей, мордовских, чувашских общин, по 1 — от однодворцев и украинцев. Отставной прапорщик и дворянский крестьянин были включены в список без указания этнических избирателей [39].

Кроме дисциплинарной и уголовной ответственности важным гарантом правосудия Екатерина II рассматривала религиозные чувства подданных. Первой обязанностью лица, вступавшего в судебскую должность, стало принесение присяги, носившей сакральный характер и осуществлявшейся с участием священнослужителей для заседателей христианского и мусульманского вероисповедания [40]. Неизменным атрибутом судебных помещений вкупе с «зерцалом» и бессистемным собранием нормативных актов, являлись святыне образа, апеллировавшие к совести православных судей [41]. Приверженцы ислама хранили в «присутствии» Коран [42].

До образования областей коронная администрация собирала объективные и точные сведения о происхождении, численности, культурных особенностях коренных народов [43]. Принимая во внимание компактное проживание автохтонного населения, верховная власть обеспечила культурно обособленным группам подданных благоприятные условия для участия в государственной жизни. В частности, в нижних расправах на территории Северного Приуралья и Западной Сибири указами было закреплено обязательное представительство марийского, удмуртского, ханты-мансийского и татарского населения. Депутаты от национальных общин вводились

губернским руководством в коллегии суда II инстанции [44, с. 68—69].

Наиболее многочисленная народность Урала насчитывала к концу XVIII в. до 190 тыс. чел. [45, с. 243—244]. В общественном строе башкиры обладали особым объемом прав и повинностей, их статус формально мог быть распространен на представителей иных этносоциальных групп [46]. Приняв в декабре 1780 г. в управление десятки башкирских деревень, Вятский наместник ограничил компетенцию нижних расправ и земской полиции, повелев соотносить законодательство с нравами и обычаями народа. Подробные сведения были запрошены в оренбургской администрации [47].

Близкими по правовому положению к башкирам являлись мешчеряки (мишари), несшие службу в иррегулярных войсках. Учитывая плотность расселения и особенности «состояния» народов в январе 1782 г. Екатерина II предписала Уфимскому наместнику И.В. Якоби определить их в ведомство отдельных судов и ввести дополнительных заседателей в состав земской полиции [48]. Между тем, естественная разобщенность служилых, торговых, ясачных, чемоданных татар, составлявших четверть жителей края [49, с. 187], облегчала правительству задачи унификации правосудия.

К 1785 г. на Южном Урале были открыты 5 нижних расправ общей и 5 — специальной подсудности [50], где башкиры замещали 80 % вакансий. В 4 уездах действовало по 2 расправы, получившие порядковые номера. Именование по национально-сословному признаку возбранилось. Башкирские депутаты занимали 25 % мест (5 из 20) в Уфимской и Оренбургской верхней расправах, 100 % вакансий (2) — в совестном суде [51].

Подобным образом после 1781 г. были организованы расправы в 3 украинских губерниях с тем, чтобы казаки, «имея заседателей из между себя избираемых, тем паче обнадеживались в целостности своей и в праве их судимым быть от равных себе» [52]. Вопросы о недвижности зажиточного казачества, обладавшего собственностью на «шляхетских» правах, были также переданы в ведение расправ. Компетенция, должности в украинских судах приводились в соответствие с общеимперскими нормами [53].

В то же время, способствуя принятию новых учреждений, законодатель отчасти сохранил действие сложившейся системы права в украинских, белорусских, литовских землях, а также в провинциях с финноязычным населением, отметив, что из Шведского уложения 1736 г. «не только заседатели в судах сельские, по Высочайшим Учреждениям выбираемые, но и сами крестьяне или сельские жители, яко знающие грамоте, могут почерпнуть порядочное о делах понятие» [54]. Обязательность соблюдения норм шведского права распространялась на III инстанцию [55].

Задачи делопроизводства облегчали переводчики, предусмотренные в штате не только административных, но и судебных учреждений западных и южных губерний [56]. Известно, что переводчики были введены в канцелярии 5 пермских расправ [57]. В Слободской расправе Вятской губернии работал переводчик с марийского, в Нолинской — удмуртского языка [58]. В Южном Приуралье трудились тюркоязычные служащие [59].

При назначении председателей расправ учитывалось понимание чиновниками культурных особенностей членов коллегии и подсудного населения. В Бирск и Челябинск наместник направил людей, отобранных им «по способности и по сведениям башкирских и мещеряцких обычаев и обрядов, находя достойными быть расправными судьями». В частности, А. Михайлов вырос в среде башкир и «достаточное приобрел сведение как в знании их языка, так и во всех нравах и оборотах», прослужив в центре Исетской провинции с 1746 г. [60], оставаясь председателем Челябинской 2-й расправы до июня 1794 г [61]. Уфимский судья М. Бекчурин до назначения работал переводчиком тюркских языков [62]. В Березовскую расправу был послан «сын боярский» А. Кашпирев, не имевший табельного чина, но длительное время занимавшийся приемом ясака среди хантов [63].

Инструктировав И. В. Якоби для решения государственных задач в Иркутском и Кольванском наместничествах, Екатерина II напутствовала: «Все, что по бытности вашей в должности генерал-губернатора Уфимскаго предпринято было, относительно ласковаго обращения с народами, ту губернию населяющими, Мы подтверждаем, и ныне соизволяя, чтоб вы всемерное старание приложили соединить сии народы с российским совершенным добротством...». Вакансии рекомендовалось замещать с учетом сложившейся племенной иерархии [64] из числа «честных, благоразумных, ревнивых и безпорочных людей» [65]. Аборигенов, избранных съехавшимися в губернский центр родоначальниками, наместник наставлял исполнять обязанности заседателей, «боясь сердцевода Бога и закона, стыда и поношения от граждан за всякое прегрешение против должности и правды» [66].

Практические успехи местной администрации во взаимодействии с племенными лидерами предопределялись степенью освоения региона государственной властью. Наибольшие трудности испытало руководство удаленных сибирских областей. Обеспечивая формальное представительство населения, искусственно вовлеченного в официальные правоотношения, чиновники занимались разъяснением тунгусам, корякам и чукчам значения законов и проводимой реформы, преимуществ суда в расправах перед воеводским судом. Одной из первостепенных задач, поставленных перед служащими, являлось распространение знаний русского языка и грамот-

ности. Меры, предпринимавшиеся против самовольного оставления учреждений, сводились к лишению права избираться впредь [67]. Тобольская администрация предложила организацию в «ясачных» уездах разбора важных дел чиновниками в собраниях хантов и манси с участием старшин и переводчиков с целью эффективного приобщения народов к государственным порядкам [68].

Государство признало многообразие форм обычного правосудия, упорядочив юридический быт крестьян учреждением словесных судов [69]. Самоуправление башкир оставалось волостным. В решении дел население обращалось к третейской форме обычного суда, осуществлявшегося выборными духовными лицами и старейшинами, а также к шариатским судам, контролировавшимся Уфимским Духовным собранием мусульман, регулировавшим семейно-брачные отношения, разбиравшим вопросы о наследстве и разделе имущества, религиозные проступки верующих и священнослужителей [70]. Оценив особенности жизни, быта и многолетний опыт воинской службы уфимский наместник О. А. Игельстром в период 80-х гг. XVIII в. приступил к переводу башкир и мишарей в военное ведомство. Распределение по командам вело к нарушению родоплеменного деления башкир и увеличению административного влияния на народ через юртовых старшин [9, с. 264, 342—343].

В Западной Сибири высшая администрация ввела волостные суды [71, с. 129]. Волостное деление формально распространилось на области проживания автохтонов, включая ненцев, патриархально-родовые объединения которых на Обском Севере не испытывали влияния губернского начальства [72, с. 54]. Правомочия в разборе гражданских и незначительных уголовных дел коренных сибиряков были закреплены за органами традиционного управления, способствуя выделению «князцов» и старшин из племенной среды [73]. Судебная власть в тюркоязычных общинах принадлежала старшинам, «князцам», «ясаулам», возглавлявшим волости, а также так называемым «опекунам» [74, с. 17]. Коммунальные органы манси и хантов контролировали действия племенных глав, не оставляя на единоличное решение лидерам крупных имущественных споров, а также определение мер наказания. Важнейшие конфликты, в частности, между группами населения, решались на общих собраниях — сугланах. Собственные институты самоуправления сохранили ненецкие роды, официально подчиненные угорским «князцам» [75, с. 52—53]. За истцами оставалось право пересмотра дел в государственном суде на основе законодательства [76].

Власть с ограниченными судебными функциями сосредоточили в своих руках и племенные лидеры алтайских народов. Выплата ясака южными алтайцами являлась в XVIII в. единственной формой

их связи с Россией [77, с. 40—48]. Вне единой системы судов оставалось казачество, преимущественно расселенное на широком пространстве имперских границ, зависевшее от комендантов линейных крепостей и войсковых канцелярий. Войско Донское, включенное в Азовскую губернию, монарх оставил «при всей его собственности» и «благодаря заслуженных правостях» [78]. Функции управления и суда в Уральском войске после подавления бунта были вручены атаману и старшинам, контролируемым из Оренбурга.

Важным для правительства являлось обеспечение эффективного контроля над кочевым населением и урегулирование отношений с пограничными народами. Верховная власть определила новые места проживания для калмыков Поволжья [79] и ногайцев Предкавказья [80], не вмешиваясь в систему традиционного управления и суда, приняла калмыков, возвратившихся из Китая, оценив обоюдность интересов с Поднебесной империей, нерешенность территориальных вопросов [81], и предписала «скланывать ласкою» калмыцкие дючины на Южном Алтае к выплате натуральных сборов [82], позаботилась об увеличении штатного числа переводчиков и толмачей в пограничных районах [83]. Разбор жалоб между казахами Среднего жуза, допущенными кочевать на территорию государства, и россиянами до образования земской полиции И. В. Якоби поручил линейным командирам и губернским чиновникам [84]. Вековая полицентричность власти в степи не позволяла прекратить разбойные набеги с угонем скота и увозом людей [85].

Екатерина II требовала от местной администрации продуманных действий по обеспечению интересов России и безопасности внутренних областей. Особые усилия приложила оренбургская администрация, организовавшая в 1786—1787 гг. Пограничный суд, а также 3 расправы в Малой «Орде», наделенные судебно-полицейскими полномочиями [86].

Суд в составе 2 офицеров, 2 купеческих, 2 сельских и 7 казахских заседателей возглавил обер-комендант. Вакансии сельских депутатов заменили башкирский и мещеряцкий старшины, казахских — представители от «поколений» Алим-улы, Бай-улы, Жетьыру [87, с. 487]. Обеспечением правосудия правительство рассчитывало прекратить неконтролируемые конфликты соседей, вовлекая казахов в правовые отношения с россиянами. Привычному для народа разбору дел на основе обычного права была придана форма гражданского суда, получившего поддержку коронных правоохранительных органов. Сотрудничество губернских и степных органов власти должно было способствовать общественному порядку, обезопасить торговые пути, выгодные российскому и казахскому населению.

Общая сумма материальных поощрений, выделенных знати администрацией О. А. Игельстрема (1784—1792, 1796—1798 гг.) сверх штатных рас-

ходов, составила 31871 руб. 68 коп. [88, с. 26] В линейных поселениях продолжалось строительство мечетей. В степи посылались муллы [87, с. 124]. Увеличением роли ислама в общественной жизни казахов верховная власть надеялась ускорить религиозно-нравственное развитие народа, поставленное в зависимость от мусульманских центров России. Таким образом, наместник организовал устойчивое взаимодействие губернского руководства с родоплеменной знатью, вступив в сложный процесс урегулирования внутрижузовых отношений, образования единых контролирующих центров в степи с одновременным усилением влияния Российской империи. Самодержавие сделало попытку перевода кочевых лидеров на службу с ответственностью за исполнение властных полномочий, совершенствуя общественные связи и правоотношения, последовательно внедряя в степи элементы государственности.

Проявляя заботу об укреплении Кавказской линии, монарх рассматривал способы приведения безгосударственных этносов «в ближайшее знакомство и теснейшую связь с прочими... подданными», рекомендовав привлекать «подгорные народы» к выбору судей, создав школу по изучению местных языков [89], приняв меры к христианизации [90] и исламизации язычников с учетом опыта оренбургских мулл, ужесточив контроль за деятельностью военных начальников. Знакомясь с результатами политики в Южном Приуралье, императрица наставляла чиновников в Предкавказье: «... Правосудием и справедливостью нужно приобрести их к себе доверенность, кротостию смягчать их нравы, выигрывать сердца и приучать их более обращаться с русскими», «распространять убеждением благоустройство и законы Наши, кои Мы им дать готовы к их собственному спокойствию, тишине и благоденствию». В Кабарде монарх предложил ввести в качестве судебных органов родовые расправы в составе «лучших» людей без участия офицеров, «по примеру тому, как с пользою заведены в Оренбурге между киргизцами», обещая обеспечить учреждения денежными выплатами. Пограничный суд в составе представителей родов и чиновников предполагался в Моздоке или Екатеринограде. Измена присяге, убийство и разбой подлежали суду II инстанции по законам Российской империи [91].

К концу правления Екатерины II была создана принципиально новая правоприменительная система. Административно-территориальное устройство, число и местоположение судебных учреждений в новоприобретенных западных и южных областях пересматривались и оптимизировались до ноября 1796 г. [92] Законодательство свело фрагментарное население в сословное ведомство судов, магистратов и расправ. Самодержавие решило вопрос о порядке формирования судейского состава путем привлечения широких масс подданных к участию в го-

сударственной жизни, предоставив общественным объединениям формально равные возможности.

Религиозная и социальная близость, этническое родство членов коллегий с фигурантами дел являлись несомненным преимуществом новых учреждений. Судебные депутаты стали важным звеном между верховной властью и населением, отправляя правосудие «именем и властью» монарха на основе выработанного единого или санкционированного в империи законодательства [93]. Однородность социального происхождения облегчала принесение жалоб на непропорциональные действия должностных лиц, что укрепляло веру обывателей в значение и силу государственного права. Выборы усилили процесс амальгамации родовой знати в государственные структуры, благоприятствовали росту престижа лидеров, отмеченных отличиями.

Индивидуализация судеостройства в регионах обуславливалась компактностью проживания и статусным положением этнических групп. Сословное правосудие сглаживало социальные противоречия в полиэтничной и многорелигиозной среде. Узкосословные ограничения в правомочиях судей наиболее полно обеспечивали охрану законных интересов, личной и имущественной безопасности «граждан». Действие государственного права смягчалось многообразием форм обычного правосудия. Толерантность религиозной политики создавала возможность обращения подданных — православных русских, греков, армян, католиков и различных групп протестантов, мусульман и иудеев, за решением дел по подсудности к своим духовным властям — в духовные консистории, собрания, кагалы.

Первый опыт сотрудничества подданных с государственной властью имел противоречивые результаты. Судьи не имели минимального образования и оставались во влиянии традиционного мировоззрения. Злоупотребление сельских заседателей должностями объяснялось стремлением удовлетворять семейно-клановые, узкогрупповые интересы. Преодоление правовой обособленности и общинной замкнутости крестьянского «мира», имевших прочную основу, требовало длительного времени. Во многом патриархальный характер сохраняли взаимоотношения национальных депутатов с рядовыми соплеменниками [94, с. 67]. Жители зауральских губерний в наибольшей степени оставались «статистами», проявляли пассивность в конкуренции с чиновниками и применении законных полномочий [95, с. 350]. Важным фактором инертности сибиряков стали особенности генезиса волостного общества — искусственность административных границ, социальная, культурно-бытовая, религиозная разобщенность, подвижность населения, вызванные незавершенностью колонизационных процессов, ростом контингента ссыльнопоселенцев, устойчивой автономностью аборигенов [96, с. 14—17].

Вместе с тем, монарх, позаботившийся о бюджетных выплатах в пользу «нерационально» расширенных судебных штатов, способствовал достижению социально-политической стабильности в стране, пережившей «пугачевщину» на востоке, народные волнения и мятежи знати на западе, складыванию условий для обновления традиционного мировоззрения и правосознания, развития единой правовой культуры. Втягивание в официальное правовое поле социальных масс создавало в перспективе возможности для прогрессивной перестройки судебной системы.

В ноябре 1796 г. эпоха «государственного либерализма» прервалась. Император Павел I отказался от искусственного приобщения народов России к судебной практике. Судебная система была упрощена в интересах централизации управления и сокращения расходов. Изменения повлекли кардинальное усиление социальной роли бюрократии, лишенной сдерживающих институтов судебных представителей. В Прибалтике, Украине и Белоруссии были восстановлены дореформенные суды [97]. Администрация восточных областей столкнулась с проблемой «языковых» барьеров [98, с. 588]. Оренбургский пограничный суд, не получивший в сложных политических условиях признания степного населения, в 1799 г. был включен в Комиссию пограничных дел [99], казахские расправы упразднены в ноябре 1803 г. [100]

Опыт функционирования учреждений Екатерины II составил от 12 лет в сибирских до 20 лет в европейских губерниях.

Литература

1. Мигунова Т. Л. Российский суд во второй половине XVIII века. — Нижний Новгород, 2001. — 180 с.
2. ПСЗ РИ I. Т. XVI. № 11904.
3. ПСЗ РИ I. Т. XX. № 14400.
4. ПСЗ РИ I. Т. XX. № 14500, 14525, 14590, 14594, 14603.
5. ПСЗ РИ I. Т. XVII. 16297; Т. XXII. № 16187. С. 62—64; № 16188. С. 49—51.
6. ПСЗ РИ I. Т. XVI. 11989.
7. ПСЗ РИ I. Т. XXII. № 15936.
8. ПСЗ РИ I. Т. XXIII. № 17018.
9. История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. / Отв. ред. Х.Ф. Усманов. Уфа: Китап, 1996. — 520 с.
10. ПСЗ РИ I. Т. XXII. № 16082.
11. ПСЗ РИ I. Т. XXIII. № 17459.
12. ПСЗ РИ I. Т. XXII. № 15988.
13. ПСЗ РИ I. Т. XXIII. № 17079.
14. ПСЗ РИ I. Т. XIX. № 13977; Т. XXIII. № 17264.
15. ПСЗ РИ I. Т. XVI. № 11904, 11932, 11049—11052.
16. ПСЗ РИ I. Т. XXII. № 16256.
17. Лавринович М. Создание социальных основ империи в XVIII веке: законодательные практики в

- отношении городского населения России и их западно-европейские источники // *Ab imperio*. — 2002. — № 3. — С. 117—136.
18. ПСЗ РИ I. Т. XXII. № 16391.
  19. ПСЗ РИ I. Т. XXIII. № 17327. П. 3.
  20. ПСЗ РИ I. Т. XXI. № 15436.
  21. ПСЗ РИ I. Т. XXI. № 15359; Т. XXIII. № 17112.
  22. ПСЗ РИ I. Т. XXIII. № 17224.
  23. ПСЗ РИ I. Т. XXIII. № 17340.
  24. ПСЗ РИ I. Т. XXI. № 15265.
  25. ПСЗ РИ I. Т. XXII. № 16238.
  26. ПСЗ РИ I. Т. XVII. № 12307.
  27. ПСЗ РИ I. Т. Т. XXII. № 16356.
  28. ПСЗ РИ I. Т. XXII. № 16194; Т. XXIII. № 17010.
  29. Филевский П. П. История города Таганрога. — М., 1898. — 150 с.
  30. ПСЗ РИ I. Т. XXIII. № 17348.
  31. ПСЗ РИ I. Т. XXIII. № 16746.
  32. ПСЗ РИ I. Т. XXIII. № 17039.
  33. РГАДА Ф. 24. Оп. 1. Д. 60/2. Л. 21 об.
  34. ОГАЧО Ф. 44. Оп. Д. 3. Л. 128 об.
  35. ПСЗ РИ I. Т. XXII. № 16095.
  36. ПСЗ РИ I. № 16467.
  37. ПСЗ РИ I. Т. XXIII. № 17010, 17048, 17147.
  38. ПСЗ РИ I. Т. XXI. № 15700; Т. XXII. № 16195; Т. XXIII. 16898, 17300, 17514.
  39. ЦГИА РБ Ф. 346. Оп. 3. Д. 1. Л. 3 об.
  40. ОГАЧО Ф. 1. Оп. 3. Д. 10. Л. 40; Ф. 15. Оп. 1. Д. 814. Л. 4.
  41. ОГАЧО Ф. 15. Оп. 1. Д. 1379.
  42. ОГАЧО Ф. 115. Оп. 1. Д. 99. Л. 11—12.
  43. ГАПО Ф. 316. Оп. 1. Д. 78. Л. 24—57.
  44. Марченко В. Г. Управление и суду малых народов Севера Сибири и Дальнего Востока: Дис. ... канд. ист. наук. — Томск, 1985. — 120 с.
  45. Кабузан В. М. Народы России в XVIII в. Численность и этнический состав. — М.: Наука, 1990.
  46. Рахматуллин У. Х. Население Башкирии в XVII—XVIII вв. — М.: Наука, 1988.
  47. ГАКО Ф. 583. Оп. 600. Д. 10. Л. 1—2 об., 43—43 об.
  48. ПСЗ РИ I. Т. XXI. № 15324.
  49. Кабузан В. М. Народы России в первой половине XIX в. Численность и этнический состав. — М.: Наука, 1992.
  50. ОГАЧО Ф. 44. Оп. 1. Д. 38. Л. 6; ЦГИА РБ Ф. 346. Оп. 3. Д. 1. Л. 3.
  51. ЦГИА РБ Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 124—198.
  52. ПСЗ РИ I. Т. XXI. № 15265.
  53. ПСЗ РИ I. Т. XXI. № 15385, 15478; Т. XXII. № 16082; Т. XXIII. № 16991.
  54. ПСЗ РИ I. Т. XVIII. № 12848; Т. XX. № 14842; Т. XXII. № 16507.
  55. ПСЗ РИ I. Т. XXIII. № 16828.
  56. Там же. № 17526; Т. XLIII. № 17494.
  57. ГАПО Ф. 316. Оп. 1. Д. 67. Л. 5—8.
  58. ГАКО Ф. 583. Оп. 4. Д. 949. Л. 6; Д. 82.
  59. ОГАЧО Ф. 115. Оп. 1. Д. 40. Л. 27—27 об.
  60. ЦГИА РБ Ф. 346. Оп. 3. Д. 1. Л. 1 об.—3 об.
  61. ОГАЧО Ф. 115. Оп. 1. Д. 58. Л. 107.
  62. ЦГИА РБ Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 154.
  63. ТФ ГАТО Ф. 341. Оп. 1. Д. 63. Л. 48—49.
  64. ПСЗ РИ I. Т. XXI. № 15673.
  65. РГАДА Ф. 24. Оп. 1. Д. 62/3. Л. 105.
  66. РГАДА Ф. 24. Оп. 1. Д. 62/1. Л. 151—152.
  67. РГАДА Ф. 24. Оп. 1. Д. 62/2. Л. 106—108 об.; 153—156.
  68. РГАДА Ф. 24. Оп. 1. Д. 60. Л. 210.
  69. ПСЗ РИ I. Т. XXI. № 15115; Т. XXII. № 16603.
  70. Еникеев З. И. Особенности осуществления правосудия в Башкирском крае в дореволюционной России // Государство и право. — 2004. — № 1. — С. 101—102.
  71. Миненко Н. А. Русская крестьянская община в Западной Сибири. XVIII—XIX вв. — Новосибирск: Наука, 1991.
  72. Конев А. Ю. Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской империи (XVIII—XX вв.). — М.: Изд-во Института этнологии и антропологии РАН, 1995. — 217 с.
  73. ПСЗ РИ I. Т. XXI 15675; Т. XXII 16165; Т. XXIII 16829.
  74. Бакиева Г. Т. Община у татар Зауралья XVIII — начала XIX в.: Дис. ... канд. ист. наук. — Екатеринбург, 1999.
  75. Зибаров В. А. Юстиция у малых народов Севера (XVII—XIX вв.). — Томск, 1990.
  76. ПСЗ-I. Т. XXI. № 15680.
  77. Владимиров В. Н. Ясак и ясачная политика в Горном Алтае в конце XVIII — первой половине XIX века // Социально-экономическое развитие Алтая в XVII—XIX вв. — Барнаул, 1984.
  78. ПСЗ РИ I. Т. XX. № 14252.
  79. ПСЗ РИ I. Т. XXI. № 15813; Т. XXII. № 16355.
  80. ПСЗ РИ I. Т. XXI. 15830; Т. XXIII. № 17401.
  81. ПСЗ РИ I. Т. XVI. № 11931; Т. XXI. № 15673; Т. XXIII. № 16937.
  82. РГАДА Ф. 24. Оп. 1. Д. 33. Л. 63—65 об.
  83. ПСЗ РИ I. Т. XIX. № 13489, 14000; Т. XXI. № 15673.
  84. РГАДА Ф. 24. Оп. 1. Д. 60/1. Л. 177—177 об.
  85. Кабульдинов З. Е. О набегах казахов Среднего жуза на внутреннюю сторону. — Омск, 2001.
  86. ГАОО Ф. 6. Оп. 10. Д. 1633. Л. 5—9 об.; Ф. 54. Оп. 1. Д. 14. Л. 63.
  87. Материалы по истории Казахской ССР. — М.-Л., 1940. — Т. IV.
  88. Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства // Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. — СПб., 1865. — Т. 10.
  89. ПСЗ РИ I. Т. XXII. № 16194.
  90. ПСЗ РИ I. Т. XXIII. № 17117, 17144.
  91. ПСЗ РИ I. Т. XXIII. № 17025.
  92. ПСЗ РИ I. Т. XXIII. № 17526.

93. ПСЗ РИ I. Т. XXIII. № 17112.
94. Шакурова Ф. А. Башкирская волость и община в середине XVIII — начале XIX вв. — Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. — 137 с.
95. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. — Тюмень, 2000. — Т. I.
96. Суворова Н. Г. Крестьянское самоуправление в государственной деревне в Западной Сибири в 60-е гг. XVIII — первой половине 60-х гг. XIX вв. (организация, функции, правовая регламентация): Дис. ... канд. ист. наук. — Омск, 1997.
97. ПСЗ РИ I. Т. XLIII. № 19763.
98. Материалы по истории Башкирской АССР. — М., 1960. — Т. V.
99. ГАОО Ф. 54. Оп. 1. Д. 50. Л. 17—18.
100. ГАОО Ф. 6. Оп. 2. Д. 1300. Л. 1.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЖИЗНИ УЧЕНИЧЕСКИХ КОЛЛЕКТИВОВ ЧАСТНЫХ СРЕДНИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО УРАЛА

В дореволюционный период на Урале кроме казенных средних школ существовали и частные средние учебные заведения. Ученический коллектив этих школ пополнялся в большинстве случаев за счет учащихся, не прошедших по конкурсу в государственные гимназии.

Численность ученического коллектива частных средних учебных заведений зависела от числа нормальных и параллельных классов, а также от наличия в этих школах подготовительных и восьмых педагогических классов. Количество учащихся в таких учебных заведениях могло быть от 40 до 500 человек и более. Но обычно полностью сформированная частная гимназия насчитывала от 200 до 500 учащихся. Самой крупной частной гимназией на Урале была Оренбургская частная женская гимназия М. Д. Комаровой-Калмаковой. В 1917 году в ней обучалось 747 учениц [1, л. 130].

В гимназии М. Д. Комаровой-Калмаковой в 1917 году было три отделения подготовительного класса, семь нормальных классов, четыре параллельных класса и 8 педагогический класс. В каждом из них, за исключением 8 педагогического класса, насчитывалось от 37 до 46 учащихся [2, с. 76]. Подобная ситуация была и в других частных средних учебных заведениях. То есть наблюдалась такая же перегруженность, как и в правительственных учебных заведениях. В этой ситуации, конечно, сложно говорить об индивидуальном подходе в обучении. И все же учителя частных гимназий пытались изучать особенности развития каждого ребенка и с учетом этого строить программу обучения и воспитания. Так, в 1903 году Пермская частная женская гимназия Л. В. Барбатенко запросила следующие сведения от родителей:

1) где проведено детство ученицею (в каком городе, деревне и т. п.);

2) есть ли у нее братья, сестры, какого возраста;

3) не было ли задержек в развитии дара слова, искусства ходить и т. п. или, наоборот, ускоренного развития под влиянием путешествий, раннего чтения книг, посещения театров, постоянного пребывания среди взрослых;

4) общее состояние здоровья ученицы в детстве и в настоящее время;

5) как рано начали учить в семье, чему учили, с каким успехом, кто учил (родители, старшие члены семьи, гувернантки);

6) общая характеристика ученицы (живая, веселая, внимательная, трудолюбивая, хорошо подготовлена к школьным занятиям или с иными качествами);

7) не замечены ли какие-либо особенные способности (расположение к музыке, рисованию, пению, чтению и т. п.)? Какое любимое времяпровождение ученицы;

8) какие воспитательные меры оказываются наиболее успешно применимыми [3, с. 2].

Данная анкета позволяла педагогам составить общее представление о личности каждого ребенка и с учетом этого строить свою дальнейшую работу с ним.

В разных средних частных учебных заведениях был свой контингент учащихся. Все зависело, в первую очередь, от места нахождения частной школы: губернский или уездный город, а также от конкретной губернии. Кроме того, сословный состав учащихся зависел и от сложившихся традиций обучения в той или иной гимназии того или иного контингента учащихся. Так, В. С. Верхоланцев в своей работе, посвященной городу Перми, отмечал, что в частной женской гимназии Л. В. Барбатенко основной состав учащихся составляли «дочери интеллигентов» [4, с. 94].

Если сравнивать по губерниям, то в Вятской губернии большую часть учащихся средних учебных заведений составляли дети крестьян и городских сословий (мещан, купцов, почетных граждан). Обуславливалось это общим составом населения данной губернии, где процент дворян был меньше по сравнению с другими губерниями. В Уфимской же и Оренбургской губерниях, напротив, большинство учащихся частных средних школ составляли выходцы из дворян и городского сословия. Кроме того, плата за обучение также влияла на тот или иной состав ученического коллектива. В Вятской губернии плата за обучение в средних частных учебных заведениях была ниже, чем в других губерниях Урала, поэтому доступ непривилегированным сословиам в среднюю школу здесь был более легким.

Актуальным является и такой вопрос, как возраст учащихся частных учебных заведений, так как это было напрямую связано с возможностью получения образования. С изданием в 1874 году правил для учащихся в казенных учебных заведениях были установлены строгие возрастные рамки для учеников в каждом классе. Так, в подготовительном классе могли учиться дети в возрасте от 8 до 10 лет, в 1 классе — от 10 до 12 лет, во втором — от 11 до 13 лет, в третьем — от 12 до 14 лет, в четвертом — от 13 до 15 лет, в пятом — от 14 до 16 лет, в шестом — от 15 до 17 лет, в седьмом — от 16 до 18 лет и в восьмом — от 17 до 19 лет. Частные учебные заведения старались придерживаться установленных

норм. Но иногда эти нормы ими могли и нарушаться. Тем самым частные учебные заведения давали возможность учащимся, перешедшим установленный возраст, все же получить образование. При этом учредитель частной школы, ходатайствуя перед учебным начальством о позволении таким учащимся пройти курс обучения в его школе, должен был предоставить серьезные основания для нарушения установленных норм. Так, учредитель Воткинского частного учебного заведения В. Н. Смирнов в 1913 году просил разрешить обучаться в 1 классе его учебного заведения 15 мальчикам в возрасте 13 лет и 5 мальчикам в возрасте 14 лет. Свою просьбу он обосновывал следующим: «Жители заводов, вероятно вследствие своей трудовой жизни, отдают своих детей в школу не ранее 9—10 лет, следовательно, народную школу они оканчивают около 12 лет» [5, л. 10]. Кроме того, учащиеся, за которых просил В. Н. Смирнов, окончили школу 2—3 года назад и, не имея материальной возможности продолжить свое обучение в гимназиях других городов, за неимением своей в Воткинском заводе, оставались без обучения на протяжении этих лет. Таким образом, учащиеся, перешедшие установленный возраст, а потому лишенные возможности обучаться в казенных учебных заведениях, всегда могли рассчитывать получить образование в частных учебных заведениях. Это одна из причин того, что частные учебные заведения пользовались определенным спросом среди учащихся и их родителей.

И все же главная причина того, что частные учебные заведения практически никогда не оставались без учащихся, заключалась в том, что в них, как правило, обучались учащиеся, не прошедшие по конкурсу в казенные учебные заведения [4, с. 94]. То есть частные школы провинции удовлетворяли спрос на обычное образование, который не могли покрыть существовавшие казенные учебные заведения.

Решение проблем, связанных с воспитательной работой в частных учебных заведениях, безусловно, находилось в тесной взаимосвязи с некоторыми основными положениями: мировоззренческими позициями учредителей, учителей и воспитателей, с одной стороны, и социальным составом учащихся, то есть своего рода «социальным заказом», с другой. Нетрудно, например, предположить, каков был характер и цели воспитательного процесса в Уфимской начальной школе, созданной Уфимским союзом Русского народа, придерживавшимся монархических взглядов, или в Оренбургской мусульманской школе. Следует также обязательно учитывать и общую внутривосточную ситуацию в стране в тот или иной исторический период. Ведь известно, например, что отношение официальных властей к частным школам во времена Николая I и Александра II было диаметрально противоположно.

Воспитательными вопросами в частных учебных заведениях занимался в первую очередь весь педа-

гогический коллектив. На каждом педагогическом совете, как правило, поднимались вопросы воспитательного характера. Например, на заседаниях педагогического совета Оренбургской частной женской гимназии М. Д. Комаровой-Калмаковой поднимались такие вопросы: о мерах воздействия на учениц, опаздывающих на уроки, об устранении или возможном сокращении случаев пропуска уроков по сомнительным причинам, о дисциплинарных проступках учащихся [1, л. 65, 98]. В некоторых частных гимназиях создавались воспитательные комиссии. В их прерогативу входила выработка мер к предупреждению ученических проступков, наблюдение за поведением некоторых беспокойных учеников, устройство разумных развлечений для учащихся. Кроме того, вопросы воспитательного характера поднимались также и на заседаниях родительских комитетов.

И все же непосредственный надзор за поведением учащихся, а также другие вопросы воспитания входили в обязанности классных наставников и надзирателей. Для работы в этих должностях необходимо было иметь определенный образовательный ценз. В учебные заведения 1 разряда на ставки воспитательного персонала принимались лица, имевшие звание не ниже домашнего учителя или учительницы, учителя уездного или городского училища, а в учебные заведения 2 и 3 разрядов принимались учителя или учительницы начального училища. Какие же обязанности лежали на классных наставниках и надзирателях? Так, в Ижевском мужском учебном заведении 2 разряда в обязанности классного наставника входило сопровождать свой класс на утреннюю молитву, следить за успехами и поведением учащихся, проверять дневники и выставлять отметки по поведению и успехам, встречаться с родителями для совместной выработки мер к поднятию успешности учащихся, следить за внешностью учеников, составлять списки дежурных учеников, отмечать отсутствующих в особом журнале. Одной из немногих «внешкольных» обязанностей классных наставников и надзирателей было посещение ученических квартир. Учащиеся обычно проживали либо у родителей и родственников, либо на частных квартирах. У частных лиц ученики и ученицы помещались в тех случаях, если эти квартиры были выбраны самими родителями и с разрешения руководства учебного заведения. На этих квартирах могли проживать только иногородние ученики. В начале учебного года все квартиры распределялись между классными наставниками для специального наблюдения, результаты которого заносились в особую заведенную для этого квартирную книгу. Периодически классные надзиратели и наставники представляли отчеты о своих посещениях администрации учебного заведения [6, л. 24].

Однако несмотря на строгий надзор за учащимися, в частных учебных заведениях случались различные нарушения и проступки. Наиболее часто

встречающимся нарушением были пропуски учащимися учебных занятий. О каждом пропуске ученик должен был отчитываться, принося записку от родителей. Хотя, впрочем, большинство пропусков происходило по болезни ученика. Так, в 1911 году в Котельническом частном мужском учебном заведении 1 разряда «зарегистрировано было 21 заболевание, в том числе 6 случаев кори» [7, л. 23]. В Оренбургской частной женской гимназии М. Д. Комаровой-Калмаковой наблюдались такие нарушения: неподчинение классной дисциплине, стирание отметок в дневнике, посещение театра, несмотря на запрещение начальства, присвоение чужих вещей. За последний проступок следовало исключение из гимназии [1, л. 102].

Нарушения дисциплины в учебных заведениях особенно обострились в революционные 1905—1907 годы. В частных учебных заведениях увеличились пропуски уроков без причины. Учащиеся принимали участие в митингах, забастовках, отказывались присутствовать на молитвах. Вопиющие случаи террористических актов, прокатившихся по городу Кунгуру и уезду в 1908 году, происходили с участием учеников Кунгурского технического училища А. С. Губкина. Высшее начальство обвиняло администрацию училища, видя в этом недостаток «надзора и внимательного отношения к воспитанию юношества со стороны начальства учебного заведения» [8, л. 1].

Всю внеклассную работу, проводимую в частных школах, можно условно разделить на несколько направлений. Во-первых, это внеклассные мероприятия образовательного характера, которые были призваны развивать и закреплять пройденное на уроках. Во-вторых, мероприятия воспитательного характера, вечера и праздники. И, в-третьих, то, что долгое время именовалось общественно-полезным трудом. Впрочем, деление это приблизительно, так как специфические для каждого направления воспитательные задачи неизбежно проникали друг в друга.

Наиболее распространенными формами внеклассных образовательных занятий были посещения музеев и выставок, прослушивание лекций, написание рефератов, совместные чтения литературных произведений. Так, например, в 1913 году ученицы Оренбургской частной женской гимназии М. Д. Комаровой-Калмаковой прослушали лекцию преподавателя реального училища об искусстве, состоялось чтение по географии с туманными картинками про образование гор. В 1916 году побывали в зоологическом музее, на метеорологической станции, в оранжерее, зверинце, посетили музей архивной комиссии [1, л. 80, 115].

Очень любопытной формой внеклассных занятий, направленных на практическое осмысление теоретических знаний учащихся, была традиционная система проведения пробных уроков ученицами 8-го педагогического класса, где изучалась педагогика и

методика. В той же гимназии М. Д. Комаровой-Калмаковой ученицы этого класса вели занятия в 3 отделениях подготовительного класса (младшем, среднем и старшем), а также давали пробные уроки истории в 3-м классе. Кроме того, обязательно посещали 1 раз в неделю уроки опытных учителей подготовительного класса. Собственно на пробные уроки отводилось 9 часов в неделю. К занятиям готовились очень добросовестно. Писали подробный конспект урока. Каждое проведенное ученицей занятие подвергалось подробному разбору. Сначала выступала сама дававшая урок ученица, затем ее одноклассницы, классные дамы и в заключение председатель педагогического совета. По возможности выявлялись все недостатки, а также положительные стороны проведенного урока [1, л. 110].

Политика учебного начальства в отношении воспитательной работы в средних учебных заведениях была откровенно направлена на ограничение мероприятий развлекательного характера, как якобы дурно влияющих на нравственное здоровье юношества. Училищные чиновники обычно не утруждали себя разъяснениями по этому поводу. Язык их циркуляров был сух и категоричен: «Министерство признает неудобным выступление воспитанников средних учебных заведений в качестве исполнителей на вечерах и концертах вне стен учебных заведений» [9, с. 144]. Содержатели частных учебных заведений были вынуждены подчиняться распоряжениям властей. В отчетах очень редко встречаются данные о том, что праздники и танцевальные вечера проводились вне стен частной школы. Как правило, это бывало лишь в тех случаях, когда проводились совместные мероприятия нескольких гимназий города. В Оренбургской частной женской гимназии М. Д. Комаровой-Калмаковой литературно-музыкальные и танцевальные вечера, носившие в большей степени развлекательный характер, проводились не чаще одного раза в год. Остальные же мероприятия были, как правило, тематическими. Например, 21 февраля 1913 году состоялся торжественный акт, посвященный 300-летию царствования дома Романовых. На нем были прочитаны стихи, пел хор, учащиеся прослушали речи, произнесенные в честь этого события. 14 сентября было отпраздновано 1 600-летие издания Миланского эдикта. Был отслужен молебен, законоучитель прочитал речь, пел хор. 15 декабря прошло литературное утро в память 30-летия со дня смерти И. С. Тургенева [1, л. 90]. В 1912 году, как и во всех учебных заведениях Российской империи, в частных гимназиях широко отмечался 100-летний юбилей Отечественной войны. В гимназии М. Д. Комаровой-Калмаковой этот торжественный акт состоялся 5 октября 1912 года [1, л. 71]. Ученицами и преподавателями исполнялись музыкальные произведения и стихи, посвященные данной теме. В честь этого события была произнесена речь председателем педагогического совета К. С. Доброловским. Вообще

необходимо отметить, что, судя по тематике внеклассных мероприятий, в этой гимназии придавали большое значение воспитанию патриотизма, а также преданности царю и православной вере.

Учебный год во всех средних частных учебных заведениях заканчивался, как правило, «годовым актом». Это было самое крупное и ответственное воспитательное мероприятие, так как на нем подводились итоги учебного года и выдавались аттестаты об окончании учебного заведения. Очень часто на нем присутствовали официальные лица.

Особым было отношение учащихся к театру. Его посещение было строго ограничено учебным начальством. Воспитанники могли посещать театр только в праздничные и выходные дни, предварительно испросив разрешение у администрации учебного заведения. Но то, что они там видели, сопереживали, заставляло их пробовать свои силы в ученических спектаклях. Очень часто в программах литературно-музыкальных вечеров частных гимназий мы встречаем упоминание о постановке учащимися сцен из литературных произведений или целых пьес. Например, в 1912 году в Уфе состоялся вечер учащихся средних учебных заведений. На нем воспитанниками частной мужской гимназии Ница и Верниковской была исполнена сцена из драмы А. С. Пушкина «Борис Годунов», а воспитанницы частной женской гимназии С. П. Хитровской сыграли вокальную пьесу «Квартет» [10, с. 54]. 19 февраля 1916 года в Оренбургской частной женской гимназии М. Д. Комаровой-Калмаковой состоялся ученический литературно-вокальный вечер, устроенный девочками 6 и 7 классов. На нем были сыграны две пьесы: «Медведь» Чехова и «Букет» Потапенко [1, л. 134].

Самым веселым и ярким праздником был Новый год. Обязательно в учебном заведении наряжалась елка и устраивалась праздничная программа с подарками для детей.

Большое воспитательное значение имели уроки трудового обучения. В годы первой мировой войны их роль еще больше возросла. Ученицы частных гимназий вместе с учителями изготавливали теплые вещи и другие принадлежности для действующей армии как на уроках рукоделия, так и в свободные часы и на дому [1, л. 103].

Важное значение для учащихся частных учебных заведений имели права, которыми обладала частная школа. Имея права правительственных учебных заведений, частные школы могли выдавать свидетельства о среднем образовании государственного образца. Это позволяло учащимся поступать в высшие учебные заведения, получать льготу по воинской службе, а также давало другие преимущества. Правда, закон предусматривал возможность для учеников, окончивших частное учебное заведение, не обладавшее правами, сдавать экзамены в особых комиссиях и получать такие права. Но это было довольно сложной процедурой, на которую немногие решались.

Отсутствие прав у учебного заведения в некоторых случаях снижало даже успеваемость. Так, в 1913 году инспектор народных училищ Сарапульского уезда Вятской губернии, проверив знания учеников Ижевского частного мужского учебного заведения 2 разряда, отметил некоторые недостатки в образовании учащихся 6 класса. Причину этого он увидел в следующем: «Это печальное явление объясняется сознанием ими своего юридически бесправного положения по образованию: уже 6 лет ученики проучились в учебном заведении, по возможности, исполняли все школьные требования, не получивши все-таки за это никаких прав, отчего — одни в безнадежности на лучшее будущее и совсем выбыли из учебного заведения, а некоторые оставшиеся не всегда удовлетворительны по своим успехам и поведению» [11, л. 21—21 об]. Понимая все это, учредители стремились как можно быстрее приобрести права для своих школ, даже несмотря на то, что ограничивались при этом их собственные права. Даруя права таким частным школам, министерство обязательно требовало учредить попечительский совет; содержатель, если будет избран на должность начальника своего учебного заведения, должен был получать жалование только по назначению совета и подчиняться ему в распределении сумм; сбор за учение должен был быть в собственности учебного заведения; учителя должны были иметь такое же количество уроков, что и определено в казенных гимназиях, на экзаменах должны были обязательно присутствовать наблюдатели от учебного округа [12, л. 10]. Несмотря на все эти ограничения, учредители сознательно шли на приобретение прав для учащихся, понимая, что тем самым повышался статус и престиж их школы.

Необходимо сказать несколько слов и о том, как складывалась судьба учащихся частных учебных заведений по выходе или окончании школы. Выход из частной школы мог быть связан с рядом причин. Они могли быть личного характера, например: состояние здоровья учащегося, невозможность дальнейшей оплаты обучения и т.д. Но в большинстве случаев выход из частного учебного заведения был связан с открытием вакансий в государственных учебных заведениях. Так, в 1899 году частное женское учебное заведение 2 разряда С.П. Блудоровой до окончания курса обучения покинули девять учениц: «из последних 5 человек выбыло за открытием вакансий в гимназии и после назначенных гимназическим начальством испытаний две из них поступили в 1 класс, одна во 2 класс и двое в 4 класс, одна ученица вышла из 4 класса училища для поступления за открытием вакансии в институте, две ученицы, одна из 1 и другая из 4 классов вышли по домашним обстоятельствам, и еще одна из 1 класса по слабости здоровья оставила посещение школы только до следующего года» [13, л. 60].

По окончании же полного курса обучения в частном учебном заведении учащиеся могли как про-

должить свое обучение, так и заняться трудовой деятельностью. Выпускники частных гимназий или частных учебных заведений 1 разряда, как правило, продолжали свое обучение в высших учебных заведениях страны.

Частные учебные заведения Москвы и Санкт-Петербурга окончили многие известные и знаменитые люди: актеры В. И. Качалов, В. В. Лужский, И. Ильинский, художники Л. А. Бруни, Н. Н. Купреянов, В. А. Серов, писатели и поэты В. В. Набоков, О. Э. Мандельштам, Н. и Л. Чуковские, Д. Гранин, историк педагогики Н. Константинов, математик П. Урысон. И хотя имена выпускников частных учебных заведений Урала не были столь знаменитыми, но и они оставили после себя яркий след в жизни нашей страны. В свое время в Пермской частной мужской гимназии О. В. Циммерман учился будущий доцент, кандидат медицинских наук Александр Александрович Кюнцель, после революции принимавший самое непосредственное участие в создании института судебно-психиатрической экспертизы. Его научные работы на протяжении десятилетий представляли передовую медицинскую науку Прикамья.

Учился в гимназии Циммерман и Константин Львович Голшмид, в будущем профессор Медицинского института.

В Государственном Архиве Пермской области сохранился табель ученика гимназии Циммерман Константина Павловича Матвеева. После революции он стал создателем комсомольских организаций города Перми.

Окончил гимназию сестер Циммерман и будущий искусствовед, создатель одной из крупнейших в стране Пермской художественной галереи Николай Николаевич Серебренников. Им было написано около 35 исследований и научно-просветительских статей об архитектуре, художниках, о художественной культуре Пермского края, уральском фаянсе и фарфоре, художественно-исторических памятниках города Перми. Одна из крупнейших его работ «Пермская деревянная скульптура» вышла уже после его смерти в 1967 году.

Пермскую частную женскую гимназию Л. В. Барбатенко окончили заслуженный учитель РСФСР, директор школы № 7 города Перми Александра Ивановна Серебренникова и директор школы № 21 города Перми Лидия Семеновна Сицилина.

Итак, ученические коллективы частных учебных заведений Урала были очень разнообразными по своему социальному составу. И это зависело от множества факторов: от места нахождения частного учебного заведения (крупный город или уезд, та или иная губерния), от величины платы за обучение, от сло-

жившихся традиций обучения детей тех или иных сословий. А потому в частных учебных заведениях Урала обучались дети, чьи родители принадлежали к различным сословиям российского общества: дворяне, купцы, мещане, духовенство, крестьяне, казаки, чиновники, солдаты. Если в Вятской губернии в средних частных школах преобладали дети крестьян и городских сословий, то в оренбургских и уфимских средних частных учебных заведениях, в основном, обучались дети дворян и городских сословий. А, например, в Пермской частной женской гимназии Л. В. Барбатенко учились дочери из семей интеллигенции. Но все же, как правило, учащиеся частных средних учебных заведений принадлежали к достаточно обеспеченным семьям. Связано это было, в первую очередь, с оплатой за обучение, которая была здесь несколько выше, чем в казенных средних учебных заведениях. Исключение составляли лишь некоторые средние частные школы Вятской губернии, где плата за обучение была такой же, а в некоторых случаях даже и меньше, чем в государственных школах. При этом необходимо отметить, что при многих частных средних учебных заведениях Урала существовали общества вспомоществования учащимся, благодаря которым в последних могли обучаться дети и из малообеспеченных семей.

Литература

1. ГАОО. Ф. 89. Оп. 1. Д. 8.
2. Владимирский И.М. Отчет о состоянии народного образования в г. Оренбурге за 1915 г. — Оренбург, 1917.
3. Хроника. Из школьного мира. // Пермские губернские ведомости. — 1903. — № 201. — С. 2.
4. Верхоланцев В.С. Город Пермь, его прошлое и настоящее. Краткий историко-статистический очерк. — Пермь: Электротипография губ. зем., 1913. — 256 с.
5. ГАКО. Ф. 205. Оп. 3. Д. 3118.
6. ГАКО. Ф. 205. Оп. 4. Д. 3063.
7. ГАКО. Ф. 205. Оп. 3. Д. 2981.
8. ЦГИА РБ. Ф. И. — 109. Оп. 1. Д. 180.
9. Лаурсон А. М. Частные учебные заведения Ведомства Министерства Народного Просвещения. Собрание действующих законоположений и распоряжений о частных учебных заведениях и о домашнем обучении. — СПб., 1912. — 338 с.
10. Вестник Оренбургского учебного округа. — 1912. — № 1. — С. 54.
11. ГАКО. Ф. 205. Оп. 1. Д. 3063.
12. ГАПО. Ф. 42. Оп. 1. Д. 393.
13. ЦГИА РБ. Ф. И. — 113. Оп. 1. Д. 525.

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ УРАЛА В 20—30-е ГОДЫ XX ВЕКА

Форсированное развитие производительных сил Урала, особенно широко развернувшееся в 30-е годы XX века в связи с созданием на Востоке страны второй угольно-металлургической базы, привело к резкому росту численности городского населения края. В связи с этим при изучении истории индустриализации региона особое значение приобретает социально-демографический аспект. Эта проблема достаточно активно изучалась в 20—30-е годы XX века [1, 2]. Однако во второй половине прошлого века вопросы городского населения не получили должного освещения в научной литературе [3, с. 244]. Есть несколько работ, в которых затрагивается обозначенная проблема [4, 5, 6, 7]. Целью настоящей работы является анализ динамики численности городского населения Урала в 20—30-е годы XX века.

По данным первой Всероссийской переписи 1897 г. на Урале проживало 4811,3 тыс. человек, из них в городах и поселках городского типа — 837,8 тыс. человек или 17,4 % [8, с. 5]. Доля горожан в регионе была выше, чем в целом по стране: тогда городское население России составляло 15 % [9, с. 19]. Хозяйственное освоение региона в начале XX века сопровождалось быстрым ростом населения, которое в 1913 г. насчитывало 6335,0 тыс. человек [8, с. 5]. Однако отсутствие данных не позволяет проанализировать изменения в численности городского населения.

Первая мировая война, события 1917 г., гражданская война и иностранная интервенция оказали значительное влияние на численность населения Урала. Продолжался устойчивый рост числа жителей региона, но темпы прироста его до и после указанных событий были различными. Если с 1897 г. по 1913 г. население края увеличивалось ежегодно в среднем на 95,2 тыс. человек, то с 1913 г. по 1920 г. — на 34,0 тыс. человек [подсчитано по 8, с. 5—8].

Первая советская перепись, проведенная в августе 1920 г., показала, что на Урале проживало 6573,9 тыс. человек, из них 1243,2 тыс. или 19 % в городах. Основная масса горожан (53,6 %) была сосредоточена в Горнозаводском Урале, включавшем Верхне-Камский, Тагильский, Свердловский и Златоустовский округа [подсчитано по 10, с. 6]. Это не случайно. Именно здесь базировалась горнометаллургическая, металлообрабатывающая, соляная промышленность, работали небольшие химические заводы, строились речные суда и баржи. В районе Кизела находился самый большой по значению угольный бассейн Урала [11, с. 64—65]. В Горнозаводском Урале процесс урбанизации был наиболее высоким. Удельный вес горожан здесь составлял

47,7 %, в то время как в Предуралье — 14,7 %, в Зауралье — 9,1 % [подсчитано по 10, с. 6].

Переход Урала от войны к мирному хозяйственному строительству осуществлялся в тяжелейших условиях. Народное хозяйство края было основательно разрушено в годы гражданской войны и иностранной интервенции. Многие шахты и рудники были взорваны и затоплены колчаковцами, сотни фабрик и заводов бездействовали, разграбленные или остановленные из-за отсутствия сырья, топлива и рабочих рук. Объем продукции крупной промышленности Урала в 1920/21 г. составил всего лишь 12,8 % довоенного уровня [10, с. 225]. Тяжелым было и состояние сельского хозяйства. Только прямой ущерб, причиненный ему колчаковщиной, исчислялся 232 млн. руб. золотом [12, с. 57]. Положение усугубили засуха и неурожай 1921 г.

Тяжелое состояние народного хозяйства, голод, нехватка предметов первой необходимости отрицательно повлияли на последующую динамику численности населения Урала. К началу 1924 г. число жителей региона, по сравнению с 1920 г., сократилось на 444,8 тыс. человек или на 6,8 %. Еще больше уменьшилось городское население — на 13,7 % [10, с. 6]. Наибольшее сокращение горожан наблюдалось в Челябинской губернии (на 17,8 %), жители которой особенно пострадали от неурожая 1921 г. [10, с. 6]. Уменьшение численности городского населения на Урале было более значительным, чем в соседней Сибири. Там наибольшее сокращение горожан было в Томской области и составило 7,2 % [13, с. 28].

Падение численности горожан в начале 20-х годов XX века было связано с бездействием промышленных предприятий. В поисках работы и пропитания рабочие вынуждены были уходить в деревни. В итоге удельный вес горожан в общем числе населения Урала к началу 1924 г. уменьшился до 18,5 %. Но по-прежнему более половины жителей городов (53 %) было сосредоточено в Горнозаводском Урале [10, с. 6].

Потери могли быть значительнее, если бы правительство не приняло меры по спасению городов от обезлюдивания. В 1922 г. для сохранения основных кадров рабочих ВСНХ и СТО РСФСР приняли решение о государственном (продовольственном) снабжении оборонных, металлургических, металлообрабатывающих, паровозостроительных и других предприятий. Значительная часть уральских заводов оказалась на государственном снабжении [11, с. 79]. Только благодаря непрерывным государственным поставкам продовольствия в течение 1921—1922 гг. удалось поднять норму потребления продовольственных продуктов для

горожан края. Если в сентябре 1921 г. на душу населения городов Урала приходилось 11,4 пудов зерна и картофеля в переводе на зерно, феврале 1922 г. — 10,99, то через год — 15,0 пудов [14, с. 325]. В период разрухи и голода горожане края вынуждены были заниматься огородничеством, рыбной ловлей, рубкой дров и покосами, прирабатывать каким-нибудь несложным ремеслом. Все это позволило уменьшить физические потери городского населения Урала.

С 1924 г. началось постепенное оживление промышленности, торговли и сельского хозяйства. Положительные сдвиги в экономике сказались на динамике населения Урала. С 1924 г. начался численный рост жителей региона. По переписи 1926 г. здесь проживало 6786,3 тыс. человек. На долю горожан приходилось уже 20,8 % населения края [15, с. 4]. Этот показатель превышал аналогичные данные по СССР и РСФСР (соответственно 17,9 и 18,0 %) [16, с. 8—9; 17, с. XXII—XXIII], но уступал Московско-Промышленной области (26,6 %) и Северо-Кавказскому краю (19,6 %) [18, с. 5]. Вместе с тем к началу реконструктивного периода подавляющая часть населения Урала по-прежнему проживала в сельской местности (79,2 %). Это объяснялось тем, что в крае преобладало сельское хозяйство. В 1924/25 г. его валовая продукция составила 532,4 млн. руб., или 64,3 % общей продукции промышленности и земледелия [подсчитано по: 8, с. 308; 10, с. 286, 292].

Важное значение для формирования городского населения Урала имела разработка научно-обоснованных перспектив развития здесь крупного индустриального центра. К июлю 1927 г. Уралпланом был составлен и в целом одобрен Госпланом СССР «Генеральный план хозяйства Урала на период 1927—1941 гг. и перспективы первого пятилетия». В последующие годы план постоянно уточнялся, дополнялся, а в период форсированной индустриализации был подвергнут резкой критике, тем не менее он дал возможность заложить в регионе единый индустриальный комплекс [19, с. 49—50].

Большую роль в создании на Урале нового индустриального центра союзного значения сыграла первая пятилетка. За 1928—1932 гг. в крае было построено и пущено в эксплуатацию полностью или частично 149 предприятий, реконструировано 95 промышленных объектов. Были созданы новые отрасли промышленности: авиационная, химическая, автотракторная, электротехническая, химическая и другие [12, с. 112]. К концу первой пятилетки Урал превратился в один из самых крупных и перспективных индустриальных центров в СССР с развитой структурой народного хозяйства.

Форсированное развитие производительных сил Урала обусловило резкий рост городского населения. В 1928 г. в крае проживало 1523,0 тыс. горожан, а в 1933 г. — 3167,2 тыс., т. е. в 2,1 раза больше. Показательно, что темпы роста всего населения рассматриваемого региона были значительно ниже,

чем городского. Число жителей Урала за 1928—1932 гг. увеличилось в 1,1 раза. В итоге за первую пятилетку удельный вес горожан в общей массе населения края вырос с 21,7 до 39,9 % [подсчитано по: 20, с. 4—5; 21, с. 281]. Цифры по Уралу значительно превышали общесоюзные и республиканские показатели. За первую пятилетку удельный вес горожан СССР возрос с 17,9 до 24,0 %, РСФСР — с 18,0 до 25,1 % [подсчитано по 16, с. 8—9; 17, с. XXII—XXIII].

Наибольший рост городского населения Урала приходился на начало 30-х годов XX века. Именно тогда развернулось широкомасштабное строительство новых предприятий. В этот период произошло перераспределение населения между городом и селом в пользу первого.

Индустриализация края оказала влияние на изменение возрастного состава городского населения. В 20-е годы XX века наблюдался устойчивый рост абсолютной численности людей трудоспособного возраста, повышался их удельный вес в общем населении Уральской области. Так, если в 1920 г. трудоспособных насчитывалось 617,7 тыс. человек, что составило 50,7 %, в 1926 г. соответственно 789,6 тыс. и 56,1 %, то в 1932 г. их удельный вес был уже 64,1 % [подсчитано по: 14, с. 22—23; 15, с. 5—7].

В 1920—1932 гг. меняется и удельный вес мужчин и женщин трудоспособного возраста в общей численности мужского и женского населения Урала. Причем, в этом отрезке времени выделяются два периода быстрого роста мужского контингента. Первый (1920—1923 гг.) связан с возвращением мужчин с войны. В итоге их доля в общем мужском населении городов региона поднялась с 49,0 до 56,2 % и почти достигла доли трудоспособных женщин среди женского населения городов края.

Второй период пришелся на первую пятилетку. В результате начавшейся индустриализации Урала удельный вес трудоспособных мужчин среди мужского населения городов региона увеличился с 56,0 в 1926 г. до 66,2 % в 1932 г., превысив удельный вес женщин в трудоспособном возрасте в общей численности женского населения городов Урала. В целом в 1932 г. удельный вес трудоспособного населения в городах был выше, чем по Уральской области (64,1 против 54,0 %) [подсчитано по: 21, с. 312].

В связи с тем, что на Урале основной упор был сделан на развитие тяжелой индустрии, рост городского населения в 20-е годы XX века шел преимущественно за счет мужского. Это позволило сократить разрыв между численностью мужчин и женщин, проживавших в городах края. Если в 1920 г. в уральских городах женщин было на 101,8 тыс. человек больше, чем мужчин, в 1926 этот разрыв сократился до 77,5 тыс., то в 1932 г. он составил всего 7,8 тыс. человек. За данный период вырос и удельный вес мужчин в населе-

нии городов региона с 45,8 % в 1920 г. до 47,5 % в 1928 г. и 49,9 % в 1932 г. [подсчитано по 14, с. 43; 15, с. 4; 21, с. 281; 22, с. 4].

Процесс ликвидации диспропорции между полами в уральских городах шел медленнее, чем в целом по стране. Если в городах СССР на 1000 мужчин в 1920 г. приходилось 1196 женщин, а в 1926 г. — 1037, то в городах Урала соответственно 1182 и 1117 [8, с. 4; 13, с. 111; 14, с. 21; 16, с. 281].

К концу первой пятилетки соотношение полов среди горожан региона изменилось. В Горнозаводском Урале диспропорция между мужчинами и женщинами была практически ликвидирована. В Зауралье мужчин стало больше, чем женщин, на 52 человека на каждую тысячу населения, хотя здесь еще в 1926 г. наблюдалась самая большая в крае диспропорция между полами: на 1000 мужчин приходилось 1118 женщин. Зато женское население по-прежнему преобладало в Предуралье [подсчитано по 14, с. 43; 15, с. 4; 21, с. 281; 22, с. 4]. Таким образом, крупных диспропорций между полами в ходе развернувшейся индустриализации не образовалось. Это обусловлено тем, что, во-первых, в промышленное производство и строительство вовлекались как мужчины, так и женщины, во-вторых, деревня не стремилась отдавать только мужское население.

Во второй пятилетке население Урала продолжало увеличиваться. Численность горожан Свердловской области (в 1934 г. Уральская область была разделена на Свердловскую, Челябинскую и Обь—Иртышскую) за 1933—1936 гг. выросла с 1793,1 тыс. до 2390,0 тыс. человек. Численность горожан Челябинской области за аналогичный период возросла с 940,5 тыс. до 1393,1 тыс. человек. Темпы роста горожан в Челябинской области были выше, чем в Свердловской области: за отмеченный период население там увеличилось на 48 против 33 % в соседней области. По-прежнему контингенты горожан росли быстрее, чем все население региона. Так, число жителей Челябинской области за 1933—1936 гг. увеличилось с 2630,4 тыс. до 2945,5 тыс. человек, или на 12 %. В итоге удельный вес горожан за данный период вырос в Свердловской области с 42,7 до более чем 50 %, в Челябинской области — с 35,7 до 47,3 %. Вместе с тем во второй пятилетке среднегодовые темпы прироста городского населения снизились. Если в 1928—1932 гг. ежегодно число горожан Урала возрастало в среднем на 16,5 %, то в 1933—1936 гг. — на 11 % [подсчитано по 23, с. 24; 18, с. 25; 26, с. 23].

Такие темпы прироста горожан объясняются тем, что в период индустриализации был взят курс на форсированное развитие Урала. В первой пятилетке при незначительном росте производительности труда, низкой механизации производственных процессов, нехватке квалифицированных кадров пытались выполнить повышенные обязательства за счет привлечения дополнительной рабочей

силы. В итоге в 1928—1932 гг. наблюдался быстрый рост рабочих и служащих в регионе — с 612,0 тыс. до 1281,1 тыс. человек, то есть на 109,3 %. Численность производственного персонала на Урале росла быстрее, чем в целом по стране. В СССР аналогичный показатель составил 109,0 % [26, с. 143]. Большие изменения наблюдались в отраслевом размещении рабочих и служащих. Наибольший их рост имел место в строительстве, машиностроении, химии, на транспорте, совхозах и МТС. Строительство заводов-комбинатов обусловило наиболее интенсивный рост рабочих в тяжелой промышленности.

Во второй пятилетке темпы прироста производственного персонала в крае значительно снижаются, они даже ниже общесоюзных. Если за 1933—1936 гг. общая численность рабочих и служащих Урала возросла с 1281,1 тыс. до 1540,2 тыс. человек, или на 20,2 %, то в целом по СССР — на 26,7 % [26, с. 143]. Это связано с сокращением потребности промышленности и строительства в рабочей силе вследствие роста производительности труда на производстве. К тому же освоение уже созданных заводов и фабрик требовало значительно меньше кадров, чем строительство. Кроме того, исходная масса городского населения во второй половине 30-х годов XX века была достаточно высокой, что тоже сдерживало темпы роста горожан. В данный период встала задача улучшения условий жизни населения с целью закрепления кадров на производстве.

Массовые репрессии, начавшиеся в 1936 г., привели к резкому сокращению численности населения Урала. По данным Всесоюзной переписи 1937 г. в Свердловской области проживало 4126,4 тыс. человек. Это было на 225,1 тыс. или 5,2 % меньше, чем в 1934 г. [подсчитано по 23, с. 121; 27, с. 17]. Только за вторую половину 1936 г. население Челябинской области сократилось на 176,9 тыс., или на 6 % и составило, по данным Всесоюзной переписи 1937 г., 2768,6 тыс. человек [подсчитано по 24, с. 19; 27, с. 17]. В дальнейшем вновь наблюдался рост населения Урала.

В целом в 1926—1939 гг. вследствие развернувшейся индустриализации на Урале наблюдался значительный рост населения. За данный период число жителей Свердловской области увеличилось на 51 %, Пермской — на 20 %, Челябинской — на 18,6 % [подсчитано по 28, с. 7; 29, с. 10; 30, с. 12]. Для сравнения: за период между Всесоюзными переписями 1926 г. и 1939 г. население СССР (в границах до 17 сентября 1939 г.) выросло на 15,9 %; РСФСР — на 16,7 % [подсчитано по 16, с. 8—9].

Особенно выросло городское население. Контингенты горожан увеличились в Челябинской области с 382,2 тыс. до 1181,8 тыс. человек, или в 3,1 раза; Свердловской — с 557,0 тыс. до 1554,0 тыс. человек, или в 2,8 раза; Пермской — с 317,0 тыс. до 828,0

тыс. человек, или в 2,6 раза [подсчитано по 28, с. 7; 29, с. 10; 30, с. 12]. Данные цифры превосходили аналогичные общесоюзные и общероссийские показатели. За 1926—1939 гг. численность горожан в СССР выросла с 26314,1 тыс. до 55910,0 тыс. человек, или в 2,1 раза; в РСФСР — с 16785,2 тыс. до 36658,0 тыс. человек, или в 2,2 раза [подсчитано по 16, с. 8—9].

Быстрый рост горожан способствовал изменению удельного веса городского населения в общем числе жителей уральских областей: в Свердловской области — с 32,3 до 59,5%; Челябинской — с 16,2 до 42,2%; Пермской — с 18,2 до 39,7% [подсчитано по: 28, с. 7; 29, с. 10; 30, с. 12]. Эти показатели значительно превышали аналогичные данные по СССР и РСФСР — соответственно 32,8 и 30,8% [подсчитано по: 16, с. 8—9]. На Урале подобные результаты были достигнуты всего за 15 лет, тогда как США только для удвоения городского населения потребовалось 30 лет, Англии — 60, а Франции — свыше 60 лет [31, с. 95].

Литература

1. Третьяков Б. Население Урала // Урал. Очерки физической и экономической географии Уральской области. — Свердловск: Уралкнига, 1926. — С. 96—111.

2. Лебедев Ф. Н. Семья и социальный состав уральского города // Население и жилищные условия городов Урала. — Свердловск: Статистический сектор Уралплана, 1930. — С. 1—55.

3. Бакунин А. В., Гаврилов Д. В., Камынин В. Д., Побережников И. В. Историография Урала // Уральская историческая энциклопедия. — Изд. 2-е. — Екатеринбург: Академкнига, 2000. — С. 240—244.

4. Анимича Е. Г. Города Среднего Урала. — Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1975. — 304 с.

5. Кузовлев П. М. К истории формирования населения Урала // Проблема формирования и развития населения Урала. — Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1977. — С. 5—24.

6. Айрапетов В. Г. Численность населения, рабочих и служащих Урала по материалам Всесоюзной переписи 1939 г. // Развитие рабочего класса и промышленности Урала в период строительства социализма (1938—1958). — Свердловск: УНЦ АН СССР, 1982. — С. 27—29.

7. Корнилов Г. Е. Павлова О. В. Миграционные связи Уральской области (По материалам Всесоюзной переписи 1926 года) // Уральский исторический вестник. — Екатеринбург: Академкнига, 2003. — № 9. — С. 210—226.

8. Уральское хозяйство в цифрах, 1927 год: Краткий статистический справочник. — Свердловск: Уральское областное статистическое управление, 1927. — 514 с.

9. Население СССР: Справочник / Под общ. ред. Л. М. Володарского. — М.: Политиздат, 1983. — 191 с.

10. Уральское хозяйство в цифрах, 1926 год: Краткий статистический справочник. — Свердловск: Уральское областное статистическое управление, 1926. — 393 с.

11. Фельдман В. В. Восстановление промышленности на Урале (1921—1926 гг.). — Свердловск: Уральский университет, 1989. — 160 с.

12. История народного хозяйства Урала (1917—1945 гг.) / Отв. ред. М. А. Сергеев. — Свердловск: Уральский университет, 1988. — Ч. I. — 253 с.

13. Московский А. С., Исупов В. А. Формирование городского населения Сибири (1926—1939 гг.). — Новосибирск: Наука, 1984. — 168 с.

14. Уральский статистический ежегодник, 1923—1924 гг. / Под ред. В. С. Немчинова, П. Ф. Неволина. — Свердловск: Уральский областной исполком, 1925. — 611 с.

15. Уральское хозяйство в цифрах, 1928 год: Краткий статистический справочник. — Свердловск: Уральское областное статистическое управление, 1928. — 571 с.

16. Социалистическое строительство Союза ССР (1933—1938 гг.): Статистический сборник. — М.: Л.: Госпланиздат, 1939. — 206 с.

17. Народное хозяйство СССР: Статистический справочник (1932 г.). — М.; Л.: Соцэкгиз, 1932. — 670 с.

18. Предварительные итоги Всесоюзной переписи населения 1926 г. по Уральской области: Справочник по округам, районам и сельсоветам Уральской области. — Свердловск: Уральское статистическое управление, 1927. — 139 с.

19. Бакунин А. В. Урал как единый промышленно-экономический район. — Свердловск: УрО АН СССР, 1991. — 74 с.

20. Уральское хозяйство в цифрах, 1929 год: Статистический справочник. — Свердловск: Уральский областной статистический отдел, 1929. — 587 с.

21. Уральское хозяйство в цифрах, 1931—1932 гг. — Свердловск: УралУНХУ, 1933. — 388 с.

22. Уральское хозяйство в цифрах, 1930 год. — Свердловск: Изд. статсектора и Уралплана, 1930. — Вып. I. — 223 с.

23. Четыре года борьбы за социализм: Материалы к отчету Свердловского областного исполнительного комитета. — Свердловск: Изд-е Свердловского областного исполкома, 1934. — 192 с.

24. Социалистическое строительство в Челябинской области в 1936 году: Краткие итоги. — Челябинск: Изд. областного УНХУ, 1936. — 22 с.

25. Хозяйство Свердловской области, 1935—1936 гг.: Основные показатели. — Свердловск: Изд. Свердловского областного УНХУ, 1936. — 230 с.

26. Бакунин А. В. Борьба большевиков за индустриализацию Урала во второй пятилетке (1933—

1937 г.). — Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1968. — 443 с.

27. Поляков Ю. А., Жиромская В. Б., Киселев И. И. Полвека молчания (Всесоюзная перепись населения 1937 г.) // Социологические исследования. — 1990. — № 6. — С. 3—25.

28. Челябинская область: Краткий статистико-экономический справочник. — Челябинск: Челябинский рабочий, 1941. — 74 с.

29. Народное хозяйство Пермской области за годы Советской власти: Статистический сборник. — Пермь: Книжное изд-во, 1967. — 269 с.

30. Народное хозяйство Свердловской области и города Свердловска: Статистический сборник. — Свердловск: Книжное изд-во, 1956. — 151 с.

31. Писарев И. Ю. Народонаселение СССР (Социально-экономический очерк). — М.: Соцэкгиз, 1962. — 190 с.

ОПЫТ СОЗДАНИЯ И РАЗВИТИЯ КОЛЛЕКТИВНЫХ ФОРМ ВЕДЕНИЯ ХОЗЯЙСТВА В КАЗАЧЬИХ РАЙОНАХ ЮЖНОГО УРАЛА И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ НЭПА

Новая экономическая политика в советской историографии традиционно рассматривалась как временное отступление от стратегической линии на обобществление производства всех уровней и ликвидацию частной собственности. Уступка, сделанная левым эсерам при принятии «декрета о земле», когда национализированная земля делилась между крестьянами, а не передавалась непосредственно крупным коллективным объединениям земледельцев, должна была, по мнению большевистской власти, со временем исправлена. В период восстановления товарно-денежных отношений и утверждения рыночных структур, в период временного отказа от насилия по отношению к производителю товарной продукции массовый переход к коллективным формам ведения хозяйства не был реальным. В то время, когда необходимо было накормить голодных и дать встать на ноги разоренным хозяйствам и промышленности, когда за счет уступок капиталистическому производству предполагалось накопить средства для последующих социалистических преобразований, советское руководство просто не имело возможности для осуществления своей стратегической линии в сельском хозяйстве.

К тому же надо учесть, что на уровне государственного и партийного подходов не было должного единства во взглядах на коллективизацию, на сроки начала ее проведения и завершения. После октябрьского 1925 г. пленума ЦК ВКП(б) в результате острых дискуссий произошла очередная смена курса на дальнейшее развитие сельского хозяйства — началась подготовка к коллективизации хозяйств и сворачивание ранее объявленного лозунга на поддержку середняцких и зажиточных хозяйств. Было объявлено, что «аренда — это отсталая форма использования земли» [10, с. 308]. Следствием этого явился последующий запрет на аренду и наём, принудительное изъятие инвентаря у зажиточных слоев, их травля в официальной печати, обвинение в заговорах против Советской власти.

Но в то же время крепкий единоличник по-прежнему являлся основным производителем товарной продукции, ибо создававшиеся в первые годы Советской власти коммуны и совхозы не оправдали себя в годы новой экономической политики, как ранее они не оправдали себя в годы «военного коммунизма». Задуманные как пример нового отношения к труду, как образцы новых форм производственных объединений, соответствующих представлениям о будущем переустройстве села, но не подкрепленные необходимой материальной и теорети-

ческой поддержкой, без четкого представления о своей функциональности и методах коллективного ведения хозяйства, его структурности и этапах становления и развития они изначально были обречены на неудачный и бесперспективный эксперимент.

Первая волна образования коллективных хозяйств на Южном Урале и в Западной Сибири началась сразу же после изгнания белогвардейцев. Это движение не было продиктовано идейными соображениями, а было вызвано в известной степени стремлением обедневшего и разорившегося казачества воспользоваться льготами, предоставляемыми государством [7, с. 416]. В Сибири в 1920 г. было создано 72 коммуны и 97 сельхозартелей, которые получали лучшие (для казаков это были офицерские земли) наделы. Земли в среднем на коммуну приходилось 690 десятин, то есть в 7 раз больше, чем в европейской части РСФСР [6, с. 25]. Например, коммуна «Юный пахарь» имела 3920 десятин, коммуна «Труд Ленина — 1350 десятин. Сибирские коммуны имели в среднем по 85 едоков и 25 трудоспособных, на артель приходилось по 55 едоков и 18 работников. На поддержку колхозов Сибревком выделил свыше 30 млн. руб. [6, с. 25]. В инструкции Омского губревкома подчеркивалось, что при межевании лучшие земли должны в первую очередь отводиться желающим создать трудовые коллективные объединения (весна 1920 г.) [6, с. 11].

Объединялись, как правило, бедняцкие хозяйства, искавшие поддержку у государства и друг у друга. В Уйском районе Челябинской губ. в 1921—1922 гг. были образованы: артель «Восход», в которую объединились 9 семей бедняков, имевших на всех 7 лошадей, сельхозартель «Пчела», объединившая 8 семей; артель «Труд», куда вошли 6 семей бедняков и т. д. [15, с. 17]. Всего было зарегистрировано 8 артелей [14, л. 3—19].

Бедняки, как правило, не представляла целей и задач коллективизации и когда поток льгот сократился, то значительная часть ранее созданных колхозов распалась. Постепенное укрепление и развитие индивидуальных хозяйств вело к тому, что крепкие хозяйства выходили из колхозов. Созданные усилиями местных советских партийных и земельных органов коммуны заметной роли в общественном производстве не играли и нередко указами сверху тоже преобразовывались в немногочисленные совхозы. Преимущественное кредитование коммун, которое проводило Советское правительство, реализуя свою стратегическую задачу, по мнению

исследователя 20-х гг. Н. А. Войтова, являлось одной из форм кредитования бедняка [2, с. 104].

Большевистское государство стремилось максимально расширить сеть коллективных объединений. Многие коммуны изначально задумывались как образцово-показательные хозяйства, целью которых должна была служить пропаганда социалистического образа жизни и хозяйствования, создание новой формы производственных отношений. Государство через земельные органы вкладывало в коммуны капитал и тем самым экономически их контролировало, что на деле означало и административный контроль. Отдельные коммуны получили столько земли, что не в силах были ее обработать [2, с. 100].

Материальная база колхозов в казачьих районах была недостаточной. Если в центральных районах коллективные объединения в основном возникали на базе бывших помещичьих хозяйств, получая бесплатно земли, постройки, скот, инвентарь и семенной фонд, то в казачьих районах, не знавших масштабно-помещичьего землевладения, такой возможности не было. Объединившиеся бедняки собирали по своим небогатым дворам имевшийся скот и инвентарь, которых было недостаточно для расширенного производства сельскохозяйственной продукции. Объединялась бедность, а не достаток, без которого поднять сложное производящее хозяйство было практически невозможно.

В силу этого доля населения в первых колхозах была незначительна, как незначительны были и мощности коммун, артелей и совхозов середины 20-х гг. Например, в 1925 г. в Челябинском округе в коммунах числилось всего 0,3 % населения, рабочих лошадей в них было 0,2 % от общего количества в округе, коров — 0,3 %, овец — 0,6 %, свиней — 0,8 %, посевов — 0,5 % [12, л. 42]. Не лучше дело обстояло и в совхозах: посевов они имели от общей площади посевов в округе всего 0,6 %, рабочих лошадей — 0,2 %, коров — 0,3 % и т. д. [12, л. 42].

Незначительным было и само количество коллективных объединений. В 1924 г. в Омской губ. было 47 коммун и 128 артелей. Бедняков в этих коммунах было 82,4 %, а в артелях их было несколько меньше — 73,6 % [6, с. 74—81]. В Оренбургской губ. в 1925 г. на имевшихся 93720 хозяйств приходилось совхозов — 20, артелей и коммун — 42 [11, с. 37]. Численно они были невелики — в Урефтинской коммуне насчитывалось 6 членов, в Степной — 12, а в коммуне «Красный пахарь» (станция Миасская) — всего 4 [13, л. 95]. В отчете Челябинского ОКРЗУ сообщалось, что «как общее правило политический уровень организации коммун очень низок» [12, л. 42].

Носившие вычурные названия («Венера», «Утро», «Веселый уголок», «Луна», «Солнце», «Страх буржуазии», «Труд Ленина», «Путь любви», «Любовь пахаря» и т. д.) коммуны и совхозы не ис-

полняли своего предназначения по производству сельскохозяйственной продукции и большей частью находились в постоянных долгах, которые государство вынуждено было время от времени прощать. Так, коммуна «Красный Октябрь» имела 5 тыс. руб. долга на конец 1925 г., а совхоз «Митрофановский» — 200 тыс. руб. [12, л. 43]. В протоколах Оренбургской уездной комиссии констатировалось, что совхозы и колхозы оттягивают долг до последнего момента, что негативно воздействует на остальное население [5, л. 31].

Отрицательный пример подавали тогдашние коммунары, колхозники и рабочие совхоза не только в деле неуплаты налогов. Попавшие в незнакомую для себя систему производственных и социальных отношений, эти люди оказывались оторванными от собственности в привычном понимании этого слова. Это отчуждение принесло свои плоды: повсюду наблюдалась пассивность, леность, коллективная безответственность, что неизбежно приводило к упадку хозяйств, порче инвентаря, гибели скота, а также к хищению общих средств и собственности. Об этом свидетельствовали, например, выводы комиссии, обследовавшей в 1925 г. совхоз «Возрождение» Омского округа. В ее отчете говорилось: «Хозяйство велось неумело, бессистемно и подчас преступно... Севооборота введено не было. Паров в 1925 г. заготовлено не было... Процент изношенности сельскохозяйственного инвентаря из-за неправильного хранения достигает 90 %... Дисциплины нет никакой, рабочие не знали своих обязанностей... Анархия в управлении, расчетах... Безразличие к хозяйству...» [3, л. 328].

Осуществляя жесткий контроль над деятельностью первых колхозов и совхозов, правительство одновременно предпринимало новые шаги в укреплении коллективных хозяйств. Техника и кредиты в первую очередь отпускались артелям и коммунам (коммун было меньше, около 30 % от всех коллективных производственных объединений [2, с. 101]). Они были выделены в особую категорию налогоплательщиков, государство ускоряло оформление земельными обществами своих уставов, снабжение обществ соответствующими поставками [2, с. 101].

Созданные для пропаганды нового способа производства и для повышения валового производства сельскохозяйственных продуктов колхозы чаще повисали тяжелым грузом на шее местных советских и земельных органов. Потребительская направленность создаваемых объединений была очевидна. В докладе спецкомиссии Оренбургского губисполкома сообщалось, что «4 % всех коллективных объединений подлежат ликвидации. Целью их создания было получение ссуд (деньгами 11335 руб., натурой — 4506 пудов зерна в 1924 г.), лучшего земельного участка у общества, получение разного рода льгот по торговле и уплате налогов. В коммунах собрались люди разных пониманий, отчего

есть ущерб благому делу... Созданные артели преследуют цель получения хороших земельных участков, после этого перестают именовать себя артелью, переходят в название хутора или остаются жить под названием артели, не имея ничего общего, кроме устава и задолженности государственным учреждениям. Некоторые артели создаются для укрывательства от уплаты налогов. Только 14 из обследованных артелей или 19 % от общего количества признаны комиссией жизнеспособными» [14, л. 3].

В Сибири из всех объединений, созданных в годы «военного коммунизма», выжило к началу новой экономической политики только 21 % [1, с. 15]. Значительная часть колхозов и совхозов прекратила свое существование в 1921—1922 гг., не выдержав испытания голодом 1922 г. В Челябинской губ. в 1921 г. в коллективных объединениях под посевом было 105233 десятины земли, а в 1924 г. всего 21 тыс. десятин. Рабочих лошадей в 1921 г. было зарегистрировано 38076, а в 1924 г. — 4100, коров — соответственно 24110 и 4971 [14, л. 102]. Коммуна «Трудовая пчела» (станция Степная) в 1922 г. засеяла 113 десятин, а в 1923 г. — только 75 десятин [14, л. 3]. Многие коммуны даже при поддержке государства едва могли прокормить себя, отдельные из них сдавали государству в среднем по 5 пудов зерна [8, с. 100].

Все приведенные факты говорят о нежизнестойкости этих объединений в условиях товарного производства. Искусственно содержать их себе в убыток в тогдашних условиях было не выгодно, ибо те же совхозы задумывались не как богадельни, а как государственные «фабрики зерна». В отчете Верхнеуральского райисполкома за 1925 г. сообщалось, что артелей и коммун в районе имеется 12 с 169 членами, но «организация коммун идет в сторону понижения» [9, л. 32].

В то же время многие коллективные производственные объединения существовали в течение всего периода новой экономической политики в деревне. Шла постоянная реорганизация этих объединений и часто на базе закрывающегося колхоза образовывался новый совхоз, такой же нежизнеспособный. Государство было обеспокоено таким положением дел и постоянно организовывало проверочные комиссии, уполномоченные расформировывать предприятия. Конечно, шел и естественный распад сельскохозяйственных трудовых объединений, не выдержавших испытаний, но наряду с этим «закрытие коммун и совхозов большей частью осуществлялось по инициативе земельных органов» [3, л. 328].

Сокращение общего числа коллективных объединений к середине 20-х гг. приняло устойчивую тенденцию. По Омской губ. этот процесс показан в табл. 1, из которой видно, что земледельцы в первую очередь покидали коммуны — наименее организованные и нежизнестойкие объединения. Та же

Таблица 1
Сокращение количества коммун и сельхозартелей в Омской губ. [6]

Объединение	Год			
	1921	1922	1923	1924
Коммуны	96	99	49	47
Сельхозартели	137	131	99	129

(Касьян А. И. Указ. соч. с. 74.)

тенденция в целом наблюдалась по всей стране: если в 1921 г. насчитывалось 3040 коммун, то в 1924 г. их осталось 1270. Количество артелей сократилось в эти же годы с 10491 до 6321 соответственно [3, л. 328]. Ликвидация колхозов происходила постоянно и опережала рост численности вновь создаваемых объединений.

Табл. 2 свидетельствует, что процесс распада колхозов шел постоянно и достиг своего пика в 1922—1923 гг., в то же время образование новых объединений не имеет своей динамики и только в 1925 г. наблюдалось некоторое увеличение числа новых колхозов. В Омской губ. с 1 июля 1923 г. по 1 января 1924 г. была организована всего одна новая коммуна и 9 новых артелей, а ликвидировано было за этот же период 22 из ранее образованных коммун и 17 артелей [4, л. 9]. С 1 января по 1 июля 1924 г. процесс численного изменения коммун и артелей выглядел следующим образом: коммун закрыто 9, создано 3, артелей распалось 42, организовано новых 44 [4, л. 33].

Подводя итоги первых попыток создания коллективных трудовых объединений на базе общественной собственности на орудие труда и средства производства, надо отметить, что в целом задача не была выполнена на уровне задуманного. Отсюда вытекает следующий вывод: бедняки, составлявшие основной состав колхозов, коммун и совхозов, не получили желаемого. Главной причиной этого было то, что они не получили экономической защиты в условиях развивающегося рынка и повышения благосостояния своих семей.

Выяснилось, что новые производственные отношения возникали не на базе предполагаемой созна-

Таблица 2
Динамика создания и ликвидации колхозов в Сибири

Колхозы	Год				
	1920	1922	1923	1924	1925
Образовано	754	161	18	17	122
Ликвидировано	74	275	235	137	197

(Вестник сибирской сельхозкооперации. 1925. № 6. С. 14.)

тельности в отношении к коллективному труду и коллективной собственности, а при их отсутствии. Возникнуть и сформироваться за столь короткий срок они не могли, а принудительного вступления в колхозы местные власти, не получившие соответствующих установок, пока еще не практиковали.

К тому же вместо желательного подхода «общественное — значит мое», доминировал противоположный принцип «общественное — значит ничье».

К числу важных причин следует отнести и отчужденность от прямого получения с правом самовольного распоряжения результатов своего труда, отсутствие апробированных критериев определения трудового участия и получения соответствующей доли при распределении порождали пассивность и апатию, безответственность и разгильдяйство. Не было четкого представления об оптимальной форме объединений. Отсюда вычурность и разочтения в формах организации и функционирования коллективных хозяйств.

В то же время объединения сельскохозяйственных производителей на базе отсутствия частной собственности и их выборные руководящие органы были в известной степени скованы в своих инициативах рассылаемыми из центра циркулярами.

Следует подчеркнуть также, что не давала встать на ноги и выполнить поставленные задачи недостаточность материальной базы первых колхозов. Государство еще не было готово поддержать в необходимой мере на техническом и финансовом уровне эти объединения, а без механизации любой подобный эксперимент был изначально обречен на неудачу.

Не был заранее подготовлен штат организаторов и руководителей производственным процессом (агрономов, техников, бухгалтеров и т. д.), без которых невозможно было продуктивное функционирование объединенных сельскохозяйственных предприятий.

Колхозы не стали и не могли стать массовым явлением в начальный период новой экономической политики потому, что у населения имелись альтернативные варианты повышения благосостояния своих хозяйств — различные формы кооперации, промыслы, а также возможность использования таких атрибутов рыночной экономики, как аренда и наём.

Свою главную задачу по обеспечению государства дешевым сельскохозяйственным продуктом коллективные хозяйства не выполнили — больше порождали долги по обязательным заготовкам и невозвращенным кредитам.

Они в известной степени тормозили развивающиеся и тоже поощряемые государством рыночные

отношения в сельском хозяйстве, ибо являлись их противоположностью и неудачной альтернативой.

Для местных советских органов, выполнявших указания сверху, создание первых колхозов и руководство ими явилось своеобразной школой накопления опыта для последующей кампании по массовой полунасильственной коллективизации крестьянских (казачьих) хозяйств. Это было связано с тем, что государство пришло к выводу, что принцип добровольности, а также постоянной дотационности не приносит желаемых результатов и поэтому надо, тщательно проанализировав ситуацию, в корне менять подход в осуществлении стратегической линии.

Кроме того, у середняцких и зажиточных слоев на примере существовавших коммун и колхозов все больше укреплялось устойчивое желание ни в какие подобные объединения ни при каких условиях не вступать, что породило впоследствии известные трудности при организации кампании по массовой коллективизации крестьянских (казачьих) хозяйств.

Литература

1. Воронов К. А. Проблемы кооперативного движения в Сибири. // Вестник сибирской сельхозкооперации. — 1925. — № 6. — С. 9—21.
2. Войтов Н. А. На пути развития коллективного земледелия на Урале // Хозяйство Урала. — 1928. № 8. — С. 98—112.
3. ГАОМО. Ф. р-28. Оп. 1. Д. 50.
4. ГАОМО. Ф. р-209. Оп. 1. Д. 1366.
5. ГАОРО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 496.
6. Касьян А. К. Социально-экономическое развитие деревни в Юго-Западной Сибири в доколхозный период (дек. 1919—1928 гг.). — Омск: Омская правда, 1976.
7. КПСС в резолюциях и решениях. — М.: Политиздат, 1968. — Т. 3.
8. Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. — М.: Госполитиздат, 1954.
9. МФ ОГАЧО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 16.
10. Сельскохозяйственные районы и земельные нормы Оренбургской губернии. — Оренбург, 1927.
11. Статистический сборник Оренбургской губернии за 1925 год. — Оренбург, 1926.
12. ЦДНИЧО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 207.
13. ЦДНИЧО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 249.
14. ЦДНИЧО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 480.
15. Шибанов Н. С. Станица золотой долины. — Челябинск: Изд. ЧелГУ, 1994.

ПРАВОСЛАВНОЕ БЕЛОЕ ДУХОВЕНСТВО РОССИИ В СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ИЗМЕРЕНИЯХ (вторая половина XIX — начало XX вв.)

(Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 96005)

Социальное происхождение и национальный состав. Белое духовенство, несмотря на то, что реформы второй половины XIX века подвергли его расконсервации, сохраняло черты замкнутой сословной группы. Выход из сословия увеличился, а приток свежих сил был крайне незначителен.

Привлекательностью духовное сословие обладало лишь для представителей социальных групп, ориентированных на традицию и имевших более низкий общественный статус, т. е. прежде всего, для крестьян. Митрополит Вениамин (Федченков), мать которого происходила из духовного сословия, а отец был крестьянин, вспоминал: «У матери в душе всегда жила мечта: хоть одного бы мальчика сделать батюшкой, «иметь молитвенника у престола Божия», сказало в ней сословное происхождение. Да и с человеческой (так и хочется уточнить — с крестьянской — авт.) положение священника было и высокое, и доходное. Он был ниже лишь помещиков, но выше прочих; разве богатые управители почти равнялись ему, но и те были почтительны пред своим духовником. Таким образом, это служение было высшее, о чём мог мечтать член низшего сословия, включая даже и дьячков» [1, с. 77].

Под воздействием родительских рассказов и собственных наблюдений крестьянским ребёнком овладевала мечта стать священником. Но путь к этой мечте лежал через получение образования, значит, нужно было в город. Чтобы узнать о таинственном духовном училище мать вместе с сыном отправились туда пешком по раскисшей от непрекращающихся дождей дороге. «Сошли мы к воде и начали мыть ноги от налипшей грязи. Вижу: у матери слёзы катятся.

— Бедный, бедный мой Ванюшка... с какой поры приходится тебе горе хлебать!

— Мама, — крикнул я весело на всю реку, — зато протопопом буду!

И мне совсем не было печально: как с гуся вода скатывалось детское горе... А там впереди — учение, потом — батюшкой, богатая и почётная жизнь: из-за этого стоило и грязь месить» [1, с. 83].

Крестьянское же происхождение, по признанию того же мемуариста, давало себя знать. В духовном училище мальчики спрашивали друг друга: «Ты чей сын?» — «Священника!» Это очень почётно. «А ты?» — «Диакона». Уже ни то, ни сё. «Псаломщика» — и вовсе не высоко, но терпимо. «А ты?» — «Крестьянина!» Бывало, говоришь, а самому стыдно, что ты из крестьян: «чёрная кость», «низшее сословие», «мужики»... [1, с. 81].

В Украине, Белоруссии, Грузии получила распространение практика принятия духовного сана представителями местного дворянства. В случае, если дворянин становился священником, он сохранял дворянские права. Соответствующие привилегии получали и священники, удостоенные дворянства. В Западной Украине униатское духовенство сформировало своеобразную элиту на фоне крестьянской массы, заменив собой украинское дворянство, которое ещё в XVI—XVII веках полонизировалось и уклонилось в католицизм [2, с. 275].

Принятие священного сана светским образованным человеком часто рассматривалось окружающими как явление аномальное. Когда после окончания Московского университета Иосиф Фудель стал священником, это вызвало бурю негодования со стороны его родителей. В письме отцу он обосновывал правильность выбранного пути: «Вас смущает то, что я хочу быть исключением из общего правила и, будучи юристом, идти в священники; правда, современное общество наше настолько холодно относится к религии, что многим покажется странным, как это человек с высшим образованием оказался и с высшим религиозным чувством. Но это оттого, что время наше такое мерзкое. Лет через 30 всё это будет очень обыкновенно, а пока ужасно» [3, с. 194].

Ситуация обострялась тем, что мать была католичка и, возможно, она прокляла сына. К ней он писал: «Исполняю просьбу Вашу, дорогая мамаша, отсылаю Вам Ваши образочки и крестик; не говорите, что я его обманом взял. Божие благословение можно приобрести только покаянием и молитвой, а не обманом. Ради Христа прошу Вас, мама, не вините папашу ни в чём; он ни в чём не виноват, разве только в том, что имеет доброе христианское сердце... Быть может, когда-нибудь в будущем Вы пожелаете меня простить, простить моё единственное непослушание; тогда Вы найдёте во мне того же преданного и искренно любящего сына Иосифа» [3, с. 194].

Национальный состав духовенства определялся религиозной и этнической спецификой регионов. Русские преобладали в тех районах страны, в которых они составляли большинство, и там, где христианство прививалось в ходе русской колонизации. В тех частях империи, где православие имело «дорусские» или «доимперские» корни — Украина, Белоруссия, Молдавия, Грузия — духовенство состояло в основном из представителей местных этносов. Кстати, на 1914 год в Российской

империи восточные славяне составляли в совокупности 66,7 % населения, грузины — 1 %, молдаване — 0,7 % [4, с. 25, 26]. В регионах этнически сложных и с незначительным удельным весом славянского населения фигурировала практика введения в состав белого духовенства представителей местных народов.

На Северном Кавказе священнослужителей в осетинские приходы предполагалось готовить из числа местного населения во Владикавказском духовном училище и Александровской семинарии. Среди осетин были и мусульмане и православные. Но христианство последних было в значительной степени разведено языческими представлениями: стихийные силы признавались ими за божества, сохранялись жертвоприношения и культ умерших. Большинство «православных» осетин не помнили своего христианского имени, данного им при крещении и носили мусульманские. Даже некоторые из священников в быту фигурировали под нехристианскими именами [5, л. 1—3.]. Однако духовенство в основном было пришлым, а осетин в его составе — мало [6, с. 536].

Детей новокрещенных татар и других народов Среднего Поволжья с 1720-х годов пытались обучать вместе с детьми духовенства для последующего определения на священно- и церковно-служительские места. В начале XIX века это начинание было уже забыто, а сами обучавшиеся, войдя в приходской клир, растворились в нём, не оказав на своих соплеменников ощутимого влияния [7, л. 16—20]. Определением Св. Синода в 1867 г. для получения сана инородцами выдвигались пониженные требования: 1) возраст не менее 30 лет, 2) необходимые нравственные качества, 3) знание важнейших событий из истории Ветхого и Нового заветов и основных догматов по Катехизису [7, л. 5—7].

Поворотным моментом в привлечении нерусских народов Поволжья к служению — алтарю стали школы, созданные по системе Н. И. Ильминского для детей инородцев. В Среднем, Нижнем Поволжье и на Урале они сыграли важнейшую роль в приобщении местных народов к общерусской христианской культуре. Главным стержнем такой школы было христианское религиозно-нравственное воспитание. В начальных классах обучение велось на родном языке учащихся учителями одной с ними национальности — на родном языке по учебникам, напечатанным русской графикой, а основным предметом был Закон Божий. В более старших классах преподавание осуществлялось уже на церковнославянском и русском языках. Подобные школы действовали для детей крещёных татар, марийцев, мордвы, чувашей, удмуртов, казахов. В 1870-е годы в Михаило-Архангельском черемисском монастыре Козмодемьянского уезда Казанской губернии был 1 иеромонах и 4 иеродьякона марийца. Приходские священники из инородцев женились не только на

представительницах своей национальности, но и на русских девушках [8, с. 5—6]. В инородческих приходах Казанской, Симбирской, Самарской, Саратовской, Астраханской, Уфимской, Оренбургской епархий служили в большей части священники-инородцы [9, с. 514]. Епископ Оренбургский и Уральский Макарий (Троицкий) использовал рукоположенных в священники инородцев не только в приходах с неславянским населением, но и в качестве миссионеров [10]. Особенно глубокие корни православие пустило в среде кряшен, что позволило сформировать представительный корпус священно-церковнослужителей этой национальности: в 1913 году в шестидесяти уездах на территории двенадцати губерний России у алтаря служило 297 священников, 90 дьяконов и 150 псаломщиков кряшен [11]. Даже в 1925 г. на территории Татарстана продолжали действовать 50 кряшенских приходов, мужской и женский монастыри [12, с. 257].

Правда, по замечаниям некоторых современников в среде священников из инородцев встречались такие, которые не церемонились «с тем самым народом, из среды которого они сами вышли: «вынь да положь, иначе не пойду и требу совершать». Поэтому население таких приходов иногда просило дать им русского священника [13, с. 437]. Но в целом приход представителей нерусского населения в ряды духовенства был важен для обеих сторон: осуществлялось приобщение нерусских народов к более развитой культурной традиции, при этом не наблюдалось полной ассимиляции и русификации; начали переводиться священные и богослужебные книги; христианская вера всё шире затрагивала инородческие массы населения и глубже проникала в повседневную жизнь; формировалась преемственность поколений, которую обеспечивала письменность.

Из среды крещёных представителей нерусских национальностей вышло немало священнослужителей, просветителей, ярких представителей науки. Архимандрит Иакинф (в миру — Никита Яковлевич Бичурин, 1777—1858), родившийся в семье приходского священника из инородцев, стал всемирно известным востоковедом и этнографом. Монголовед, друг и соратник Н. И. Ильминского Алексей Александрович Бобровников (1822—1865) родился в семье священника из крещёных бурят, окончил Иркутскую духовную семинарию и Казанскую духовную академию. Его сын Николай Алексеевич (1854—1912) окончил Казанский университет, заменил Ильминского на посту директора Казанской учительской семинарии, а в 1906—1908 был попечителем Оренбургского учебного округа. Священник Василий Тимофеевич Тимофеев (1836—1896), окончивший миссионерские курсы Казанской духовной академии, составил кряшенскую азбуку с использованием кириллицы. Перевёл на татарский язык самостоятельно и совместно с Ильминским Псалтырь, книги Ветхого и Нового заветов, литур-

гию Иоанна Златоуста и ряд других священных и богослужебных текстов. Впервые в России он начал совершать богослужения на татарском языке. Уроженец кряшенского села Иван Иванович Никифоров по окончании кряшенской учительской школы и Казанской духовной академии в 1903 г. был рукоположен в сан священника. В 1925 г. — хиротонисан в епископа Семипалатинского, викария Омской епархии, в 1938 — расстрелян [11; 12; 14, с. 243—245].

Часто крестившиеся инородцы получали разного рода поддержку со стороны православного населения, включая духовенство. Например, новокрещеный камчадал Василий Верещагин обучался в Новоархангельском духовном училище на Ситхе. Оттуда с преосвященным Иннокентием (Вениаминовым) переехал в Якутск. Вскоре женился на «якутской уроженке», был рукоположен в священника и служил в Благовещенской епархии. После пятнадцати лет, проведённых на Амуре, они решили вернуться обратно в Якутск, но по дороге при неудачных родах скончалась в Иркутске жена. Овдовевший священник продолжил путь с двумя сыновьями. Но и ему не суждено было добраться до места. Он погибает под перевернувшимися санями. Одного ребёнка взял к себе местный священник, похоронивший отца Василия, другого, по имени Пётр, отправили к дяде в Якутск. Здесь Пётр окончил духовное училище, затем был направлен Якутским епископом Дионисием (Хитровым), как лучший ученик своего выпуска, в Иркутскую духовную семинарию, по окончании которой поступил в Казанскую духовную академию. Закончив академию, он отправился на каникулы в Уфу, где в то время занимал кафедру преосвященный Дионисий, знавший ещё отца Петра Верещагина — Василия, в бытность его учеником. Сам же Пётр выражал желание, чтобы его направили в Благовещенскую духовную семинарию, в край, где проходил священническое служение его отец. Н. И. Ильминский просил в письме к К. П. Победоносцеву поддержать эту просьбу [15].

Таким образом, приобщение инородцев к христианской культуре не ограничивалось одним-двумя поколениями, оно становилось наследственным и не приводило к полной ассимиляции и утере этнической самоидентификации, хотя, возможно, и существенно корректировало её.

Но не все крестившиеся инородцы были способны в силу своего культурного развития к тому, чтобы влиться в ряды священнослужителей. О принявших православие коренных жителях Аляски и Алеутских островов преосвященный Иннокентий говорил, что они способны приносить пользу лишь на должностях псаломщиков, переводчиков и т. д. [16, л. 29].

Образование. Как показали итоги первой всеобщей переписи в России, уровень грамотности населения страны составлял 21%. На этом фоне грамотность среди дворян и чиновников составляла 71,2%,

а лиц, относящихся к духовному сословию — 72,2% [17, с. 38], то есть оно было самым грамотным сословием в России. В духовном сословии христианских течений грамотность была значительно выше. Например, на Урале общий показатель грамотности сословия составлял 98,1%. При этом колебания между мужской и женской частью сословия были незначительны, так же как между жителями города и села [18, с. 15]. Что же касается образовательных характеристик непосредственно духовенства, то он представлен в табл. 1.

Образование от полного среднего (как духовного, так и светского) и выше имело 90,5% протоиереев, 63,3% священников и по 2,8% дьяконов и причетников. При этом в определённом смысле образовательный уровень причетников был выше, чем у представителей низшей страты священнослужителей — дьяконов: среди псаломщиков 16% имели образование от неполного среднего и выше, а среди дьяконов — лишь 7,9%. Но с другой стороны, более половины дьяконов имело начальное духовное образование, что было значительно выше, чем среди псаломщиков.

В 1852 году семинарское и академическое образование имели 63,4% (31 813 человек из 50 170) священнослужителей (протоиереев, священников и дьяконов) [20, с. 21], а в 1853 — 64,9% (32 486 из 50 060 человек) [21, с. 21]. Если эти цифры верны, то получается, что несмотря на количественное расширение образовательной структуры России в целом уровень образования белого духовенства на уровне страт протоиереев, священников, дьяконов снизился с 64,9% в 1853 году до 52,2% в 1904. То есть в отношении духовенства можно говорить о распространении образования вширь — за счёт различных типов начального образования выросла грамотность сословия. Но лишь грамотность и притом всего сословия в целом. В отношении же священнослужителей вывод однозначен — эта категория снизила свой качественный уровень образования по сравнению с дореформенным периодом.

На начало XX века наибольшая часть духовенства с высшим образованием была сосредоточена в столицах и губернских городах центральных епархий. В сельских приходах Европейской России преобладало духовенство со средним образованием, в окраинных епархиях европейской части страны и Сибири была значительна доля духовенства с образованием ниже среднего [22, с. 46].

Но были ли какие-то основания, позволяющие предположить, что ситуация с образовательным уровнем духовенства изменится в лучшую сторону? О качественной подготовке рукополагаемых в сан священника в начале XX века говорят следующие данные (табл. 2).

Как видно, из 8 920 человек, возведённых в иерейский сан за пять лет, законченное богословское образование — высшее и среднее — имели

Таблица 1 [19]

Образовательный уровень белого духовенства (1904 г.)

Образовательный уровень	Протоиереи		Священники		Дьяконы		Псаломщики	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Духовная академия	433	16,8	263	0,6	—	—	152	0,3
Университет	22	0,8	—	—	—	—	—	—
Дух. акад. и универс.	14	0,5	—	—	—	—	—	—
Неполн. дух. акад.	27	1	15	0,03	—	—	—	—
Духовная семинария	1 779	69,2	27 170	60	322	2,2	841	1,9
Неполн. дух. семин.	214	8,3	10 703	23,6	757	5,1	5 974	13,2
Среднее светское	48	1,9	1 102	2,4	91	0,6	295	0,6
Духовное училище	32	1,2	3 092	6,8	7 378	50,2	9510	21
Неполн. дух. учил.	—	—	1 131	2,5	3 105	21,1	14 845	32,9
Светское начальное	—	—	976	2,2	1 828	12,4	7 826	17,3
Домашнее	—	—	712	1,6	1 220	8,3	5 733	12,9
Всего	2 569		45 164		14 701		45 176	

Таблица 2 [23]

Образовательный уровень рукоположенных в сан священника (1906 — 1910 гг.)

Год	Всего рукоположено	С богословским образованием (духовные академии и семинарии)		С прочим образованием		Число окончивших духовные семинарии	Доля принявших сан от числа окончивших семинарии (%)
		Абс.	%	Абс.	%		
1906	1 864	1 037	55,6	827	44,4	2 346	79,4
1907	1 791	928	51,8	863	48,2	2 180	82,6
1908	1 743	960	55	783	45	1 994	87,4
1909	1 788	919	51,3	869	48,7	2 112	84,7
1910	1 734	951	54,8	783	45,2	2 221	78,1

4 795 человек (53,7 %). Доля принявших священнический сан от числа выпускников духовных семинарий колебалась по годам от 78 до 87 %, но, учитывая, что удельный вес выпускников духовных учебных заведений составлял около половины рукоположенных, можно сделать вывод, что семинаристов среди пришедших на службу к алтарю было в два раза меньше. Таким образом, лишь меньшая часть выпускников семинарий (40—44 %) становилась священниками.

В 1906 — 1912 годах в стране было возведено в пресвитерский сан 12 590 человек. Из них высшее духовное образование имели 1,6 %, высшее светское — 0,32 %, среднее духовное — 46,25 %, среднее светское — 2,49 %, неполное среднее духовное — 19,1 % и образование ниже среднего имели 30,1 % рукоположенных в священники. Получается, что среди рукоположенных в священнический сан носители полного среднего и высшего образо-

вания составили чуть более половины — 50,66 %! Таким образом, сложившаяся ситуация не позволяла питать надежды на радужные перспективы.

Ситуация в некоторых епархиях, переживающих активное церковное строительство, выглядела ещё более скромно. С ростом церковного строительства и связанным с ним увеличением численности духовенства общий образовательный уровень снижался. Если в 1880 году в Оренбургской епархии 32,6 % протоиереев и священников имели неполное среднее, начальное и домашнее образование, то в 1890 г. — 48,1 %. Все дьяконы и почти все псаломщики имели образование ниже среднего. Одновременно с этим отмечается увеличение в епархии лиц, окончивших духовные академии. В 1891 г. 2,1 % протоиереев и священников имели академическое образование, 50,5 % окончили духовные семинарии и 47,4 % имели образование ниже среднего [24]. В этом же году, к примеру, в Псковской епархии из числа протоиереев

и священников 2 % имели высшее духовное образование, 92 % — среднее и только 6 % ниже среднего, 14 % дьяконов и псаломщиков окончили семинарию [25, л. 99].

Среди рукоположенных в сан священника 322 человек в 1906 — 1912 гг. в Оренбургской епархии лишь 0,9 % окончили духовную академию, 23,9 % — местную семинарию и 3,7 % — иноепархиальные, 2,5 % — средние светские учебные заведения, учились в семинариях, но не окончили их 14,3 %, и образование ниже среднего имели 54,7 % [26]. Даже в городах, если судить по примеру Челябинска, более половины духовенства на имело среднего образования, а из протоиереев и священников Челябинска 25 % не получили семинарского образования [27].

Общий образовательный ценз духовенства отнюдь не радовал Оренбургских преосвященных. Епископ Оренбургский и Тургайский Феодосий писал в 1910 году: «Состояние просвещения духовенства Оренбургской епархии нельзя считать удовлетворительным. В епархии много священников, не получивших богословского образования, а также по своему образованию не удовлетворяющих требованиям, которые должны быть к ним предъявляемы. Духовенство в большей своей части читает и просвещается мало ...» [28, л. 19 об.] С мнением своего предшественника на кафедре соглашался и преосвященный Мефодий, отмечавший в 1915 г., что большинство священников «по своему умственному развитию» не соответствуют предъявлявшимся к ним, как к пастырям духовным, требованиям: «Есть целые благочиннические округа, в которых нет ни одного священника с полным семинарским образованием. Ввиду такого состава духовенства епархии, служение его пастве сводится почти исключительно к требоисправлению, научению паствы истинам веры и благочестия отводится мало времени» [29, л. 21 об. — 22].

Низкий процент лиц с высшим и средним светским образованием среди принимающих иерейский сан в определённой мере свидетельствует об отношении образованной части общества к вопросам веры и церкви. Следует также заметить, что по Уставу 1884 года к поступлению в духовные академии наряду с выпускниками духовных семинарий допускались и молодые люди, окончившие гимназии. Однако с 1902 года последним разрешались вступительные экзамены лишь после того, как они выдержат испытания по богословским предметам семинарской программы. Подобная вполне резонная мера всё же не могла способствовать привлечению лучших сил со стороны к служению на духовной стезе.

В целом же, система духовного образования страны оказывалась не в состоянии обеспечить надлежащий качественный уровень подготовки даже священников, не говоря уже о младших представителях клира. В чём же здесь причина, и в чём заключалась вина духовной школы?

Недостаток квалифицированных кадров в епархиальном ведомстве ощущался постоянно, особенно острым в рассматриваемый период он стал в 1880-е годы в связи с восстановлением упразднённых ранее приходов. В 1885—1895 годах в России на 100 человек, окончивших семинарию, приходилось 133 пустых священнических мест в приходах [30, с. 177]. Даже если бы все выпускники принимали священнический сан, то дефицит удовлетворялся бы лишь на 75 %, но поскольку это было не так, он возрастал. В епархиях с развитой системой духовного образования ситуация была стабильной. В зоне же продолжающейся колонизации недостаток духовенства сохранялся.

Если в 1880—1890-е годы потери выпуска семинарий составляли в среднем 10—20 %, то в начале XX века они увеличились до 34—38 %. Из выпускников семинарий в духовном ведомстве оставалось от 49 до 57 %. Из них 8—10 % поступали в духовные академии, 7—21 % становились учителями церковно-приходских школ и надзирателями духовно-учебных заведений, и только от 25 до 44 % выпускников средней духовной школы поступало на епархиальную службу, то есть в большинстве своём становилось священниками [31].

Часть духовенства стремилась получить университетское образование, но встречала на этом пути препятствия. В 1906 году в Харьковский университет было принято 11 священников из Саратовской, Тамбовской, Воронежской, Полтавской, Харьковской и Донской епархий [32, л. 2—2 об.] Причём Св. Синод, хотя и издал в 1904 году распоряжение «О недопущении лиц священного сана в число студентов университетов и других высших учебных заведений», был вынужден мириться с подобной практикой. В 1908 году «ввиду поступающих в Св. Синод в большом количестве прошений не только от священников и дьяконов, но и от лиц монашествующих о дозволении им обучаться в университетах и других высших светских учебных заведениях», Синод подтвердил своё прежнее распоряжение, признав «такое стремление лиц священного сана несоответствующим непосредственным и истинным задачам пастырского служения» [33, с. 43].

Таким образом, несмотря на многочисленные недостатки, духовная школа среднего звена выдавала результаты исправно: из её стен ежегодно выходили молодые люди, способные по объёму и глубине полученных знаний занять место священника. Но этому препятствовало одно «но» — на это у них не было желания. Так что получалось, что средняя духовная школа оказывалась источником, из которого черпали образованные кадры все, кому это было угодно, при этом не было слышно жалоб на качество подготовки. А вот на долю церкви — для епархиальных нужд оставалось меньше половины выпускников, притом не самого лучшего качества. Получалось, что духов-

ная школа удовлетворяла многим требованиям, кроме собственных задач. Подробнее об этом будет сказано в следующей главе.

Возрастные характеристики. На 1911 г. средний возраст священников Пермской епархии составил 46,3 года, дьяконов — 39 лет, псаломщиков — 31,7 [34]. В Екатеринбурге в 1915 г. средний возраст священников равнялся 43 годам, священников на дьяконских местах — 35,9, дьяконов — 35,3, псаломщиков — 33,6. В Верхотурском уезде Екатеринбургской епархии средний возраст священников составил 42 года, дьяконов — 39,6, псаломщиков — 34 [35]. То есть в данном случае возрастные характеристики духовенства епархиального города и уезда отличались незначительно.

В Саратовской епархии среди духовенства Саратова к 1912 г. средний возраст иереев составлял 49,2 лет, дьяконов — 40,5, псаломщиков — 33,9 года, а в Балашовском уезде губернии — 43,7, 42,3 и 39,1 соответственно [36]. В Оренбургской епархии в 1894 г. средний возраст священников составлял 43 года, при возрастном диапазоне 22—77 лет, дьяконов — 35 при колебании возраста от 21 до 57 лет и псаломщиков — 32 года при возрастной амплитуде от 16 до 84 лет [37]. В Екатеринославской епархии на 1913 г. средний возраст духовенства составлял для священников — 44 года, дьяконов — 43,9, псаломщиков — 35,9 лет. Амплитуда колебания возраста у священников была ниже, чем в Оренбургской епархии — от 23 до 70 лет, у дьяконов выше — от 25 до 70 и у псаломщиков ниже — от 19 до 71 года [38]. Приведённые в тексте данные обобщены в табл. 3.

Таким образом, среднестатистический священник конца XIX — начала XX века имел 42—49 лет от роду, большинство дьяконов находились в возрасте от 35 до 40 лет, а средний возраст псаломщика колебался в пределах от 32 до 39 лет.

Практика поставления в священники из дьяконов, прослуживших довольно продолжительное время, была широко распространена в епархиях, испытывавших недостаток духовенства. Например, это отмечалось в Оренбургской епархии в 1860—

80-е годы [39]. Учитывая тот факт, что среди дьяконов не было лиц со средним образованием, это обстоятельство неблагоприятно сказывалось на общем образовательном уровне священников епархии. По нашим подсчётам, большая часть псаломщиков в возрасте от 36 до 40 лет становилась дьяконами, а в возрастной категории от 41 до 50 лет значительное количество дьяконов рукополагалось в священники. В этой связи можно отметить, что в 1894 г. средний возраст священников епархии составлял 43 года при возрастном диапазоне 22—77 лет, дьяконов — 35, при колебании от 21 до 57 лет, псаломщиков — 32 года, при возрастной амплитуде от 16 до 84 лет [40]. Учитывая низкий образовательный ценз псаломщиков епархии, можно сделать вывод, что указанная практика их рукоположения вела к разжижению образовательного уровня более высоких страт духовенства.

Криминогенность. Как известно, криминогенность духовного сословия (соотношение представителей сословия в общем числе осуждённых и доли представителей сословия в населении) была наиболее низкой в сравнении с другими [41, с. 95]. Более детальные данные в отношении священнослужителей за десятилетие на рубеже веков даёт табл. 4.

О количестве священнослужителей, приговорённых в 1893—1902 гг. к различным наказаниям говорит приложение. Обращает на себя внимание, что в некоторых епархиях (Костромской, Самарской, Екатеринбургской, Оренбургской), уступавших по количеству священнослужителей другим, число наказанных в процентном соотношении оказывалось больше. Здесь можно сделать лишь два предположения: или действительно местное духовенство отличалось, или за ним строже следили и наказывали.

За 10 лет за совершённые преступления и проступки 108 священнослужителей были лишены священного сана с исключением из духовного ведомства и 78 — с оставлением в нём. Кроме указанных наказаний бытовали и другие: запрещение в священнослужении с лишением места и переводом на причетническую должность, запрещение в священно-

Таблица 3

Средний возраст белого духовенства в конце XIX — начале XX вв.

Регион	Средний возраст		
	Священники	Дьяконы	Псаломщики
Пермская епархия	46,3	39	31,7
Екатеринбург	41,5	35,3	33,6
Верхотурский уезд	42	39,6	34
Саратов	49,2	40,5	33,9
Балашовский уезд	43,7	42,3	39,1
Оренбургская епархия	43	35	32
Екатеринославская епархия	44	43,9	35,9

Количество преступлений и проступков священнослужителей (1893—1902 гг.)

	Кражи присвоение чужого имущества	Нецеломудрие	Нетрезвость	Вымогательство платы за требы	Небрежность и неисправность по службе	Неблагоповедение	Оскорбления	Повенчание незаконного брака	Итого
1893	3	6	251	32	66	60	48	33	499
1894	3	3	263	26	60	54	34	56	499
1895	5	12	264	31	50	64	35	50	511
1896	3	12	153	10	37	50	10	18	293
1897	—	7	136	12	14	39	5	11	224
1898	3	7	144	15	20	24	9	5	227
1899	2	7	134	10	17	43	6	12	231
1900	2	—	180	12	18	30	5	13	263
1901	—	4	193	14	26	46	23	24	330
1902	4	4	192	19	22	57	18	24	340
Всего	25	65	1910	181	330	467	193	246	3417

служении с низведением в причетники, запрещение в священнослужении, монастырская епитимья, перевод, увольнение за штат.

Таким образом, большинство нареканий в адрес духовенства было связано с его нетрезвой жизнью — эта группа проступков вне конкуренции. Получается, что в среднем в год наказанию за нетрезвость подвергался 191 человек. Далее шли наказания за «неблагоповедение» — 47 человек в год, небрежность выполнения обязанностей — 33 человека и за повенчание незаконного брака — 25 человек. Некоторые подвергались наказаниям неоднократно. Например, священник Владимирской епархии Иван Соколов в 1852 году «за буйство и нетрезвость» был определён на три месяца во Введенскую пустынь. В 1853 году «за нетрезвость» он провёл две недели в Юрьевском Архангельском монастыре, в 1854 был низведён в причетники, а в 1856 году опять же «за нетрезвость и другие предосудительные поступки» отправлен во Флорищеву пустынь. Но и такая система наказаний не принесла успеха. Как писал епископ, «запрещённый священник Иван Соколов не только не исправляется в своей жизни, но время от времени делается хуже и слабее. Ходя по домам прихожан для пения молебнов, напивается до беспамятства и в безобразном виде бесчинствует, всякого ругает...» В итоге консистория приняла в отношении запрещённого священника такое решение: «...лишив сана, отослать на год в Лукьянову пустынь и затем, буде окажет плод раскаяния и исправления, определить на низ-

шую по духовному ведомству сторожевую должность» [43].

Среди других групп преступлений встречались случаи кошунства, нанесения телесных повреждений, иногда и в сочетании. Священник Курской епархии, придя с дьячком в дом к дворянину Малееву, «по ненависти к нему запел сам и заставил дьячка отпевать по нём — живом погребение и, окончив таковое, взял его, Малеева, за руку и хотел бросить на пол, от какового поворота выломал ему из сустава ногу» [43, л. 34]. Были проступки на почве умопомешательства. Дьякон Никанор во время богослужения в Корнилиево-Комельском монастыре «произносил скверно-матерные слова». В другой раз при совершении всенощного бдения «исполняя дьяческую должность, стал махать беспорядочно руками». Когда же после окончания богослужения местный священник начал ему выговаривать, то он «произносил пред священником также скверно-матерные слова относительно богослужения» [43, л. 24].

Как видно, самыми серьёзными преступлениями за указанный период, нашедшими отражение в таблице, были кражи и присвоение чужого имущества. Однако встречались и более тяжкие... Священник Вологодской епархии, будучи недоволен тем, что на места дьячка и пономаря епархиальное начальство определило людей «против его желания», подкараулил пономаря Сергиевского, когда тот перегонял скот через реку. После чего священник напал на пономаря, «первоначально погрузив его в воду, держал в одной, а потом, вынув из воды,

бил его на берегу нещадно. После сего священник снова бросил его, Сергиевского, в воду и, подержав в оной за волосы, поднял его на берег, где бил его кулаками, коленями и топором до того, что он лежал на берегу целые сутки без чувств, харкал кровью...» [43, л. 53—53 об.]

Что касается такой графы таблицы, как «нецеломудрие». Безусловно, её смысл более узок, нежели полное понимание этого слова в церковной среде, и сводится, говоря церковным языком, к «любодеянию» и «прелюбодеянию». Жизнь представителей духовенства, особенно в сельской местности, не представляла тайны для прихожан, поэтому и некоторые «шалости» были очевидны. В одном селе «крестьяне, найдя поведение священника Червинского соблазнительным [по] поводу сношения не только с двумя женщинами... но и с прочими крестьянками села Воротнева» подали прошение о его переводе в другой приход, кстати, удовлетворённое местным преосвященным [44, л. 6—6 об.]. Уличение в прелюбодейной связи могло повлечь за собой лишение сана и исключение из духовного звания [45, л. 101]. Бывало, что любовный треугольник возникал в причтовой среде. В одном из таких случаев священник, заставший свою жену в «преступной связи с пономарём», выпорол своего подначального. А Киевский митрополит распорядился исключить пономаря из духовного звания, а священника перевести в другой приход [46, л. 1, 4].

Встречались обвинения представителей и белого, и чёрного духовенства в таком тяжком преступлении, как изнасилование. Из рассмотренных нами дел [47] в одном случае сам обвиняемый сознался в попытке изнасилования. Когда после окончания вечерни «сам священник и все люди разошлись, стихарный пономарь Иосиф Боханевич напал в церкви на дворянку Феодосию Григория Снгаевского дочь девицу, имеющую от роду пятнадцать лет, пришедшую к исповеди, целовал её и, поднявши ей рубаху, хотел насильничать, совершению какого злодеяния воспрепятствовал староста Семён Левитский, подоспевший в церковь» [48, л. 2 об.]

Во всех других вина была не доказана или подавшие жалобы изобличались в клевете. Например, в 1853 году крестьянка Прасковья Касьянова принесла словесную жалобу становому приставу на священника Соколовича, пояснив обстоятельства происшедшего. Как-то другая служанка священника — Анна Кайданюкова приказала Касьяновой принести в комнату из кладовой кувшин с молоком. После того, как она сделала это, Кайданюкова «схватила её, бросила на кровать и держала. В ту же минуту явился священник Соколович и, не смотря на сопротивление Касьяновой, растлил её...» В подтверждение жалобы Касьянова предъявила свою рубашку со следами крови. Однако, медицинское освидетельствование показало, что «она уже не имеет по настоящее время девства и лишена оно, по-види-

мому, гораздо раньше того насилия, на которое теперь жалуется. Следы крови на задней и нижней части рубахи произошли от месячного очищения...» В конечном итоге крестьянка Касьянова созналась, что «по наущению недоброжелателей оговорила священника» [49, л. 1 об, 4 об.]

Основные причины подобного рода измышлений объясняются или интригами недоброжелателей, или стремлением установить контроль над скомпрометированным священником, а через него — и над приходом. Особенно удобной и уязвимой мишенью при этом были вдовые священники. Но ситуаций на грани фола, когда предполагаемым намерениям успевало помешать вмешательство третьих лиц, было больше...

Что же касается многочисленных газетных сообщений о случаях неблагоприятного поведения духовенства, то при их изучении в большинстве они оказывались ни чем иным, как газетными утками. При проверке выяснялось, что в данной губернии нет названной волости или села, или священника с указанной фамилией. Если же приведённые данные не противоречили действительности, то оказывалось, что не было описываемого случая, а если и был, то факты искажены [50].

Типы церковнослужителей. Жалкое материальное положение, в котором находились причетники, порождало к ним пренебрежительное отношение. Хотя, действительно, среди церковнослужителей было немало людей случайных, с низким образовательным уровнем, одержимых многочисленными пороками. Например, дьякон Пророко-Ильинской церкви Миасской станицы Оренбургской губернии Протопопов раньше был псаломщиком, затем служил в армии, а после был рукоположен в дьяконы. Он отличался грубостью по отношению к священнику и благочинному, нетерпимостью к замечаниям, высоким самомнением. «Богослужебные книги в беспорядке, ризница тоже, заранее приготовить её к службе, стереть пыль в алтаре — это он даже обязанностью не считает. Вот деньги брать — это его дело, в братской кружке всегда забрано, едва успеешь литургию кончить и начать совершать требы, а он уже в алтаре деньги считает», — отзывался о нём священник [51, л. 43 об.]

В другом приходе псаломщик тоже не воспринимал замечаний, небрежно вёл церковные книги, ссорился со священником, не реагировал на замечания епархиального начальства, плохо читал и пел во время службы — перекрикивал, заглушал и сбивал певчих, пил, выгонял из дома жену и дочь [51, л. 9—10]. В третьем священник в разговоре с благочинным пожаловался на своего псаломщика, отказывавшегося подметать пол в алтаре. «Спрашиваю: почему? — пишет благочинный. — Мы, говорит, по указу избавлены от чёрных работ. — Ах ты, ваше благородие!» [52, л. 142].

Наличие в штате подобных «помощников» делало жизнь священника сущим адом, особенно,

если он был молод, недостаточно опытен и не мог найти действенных мер к обузданию своего подчинённого. По воспоминаниям священника В. Иващенко, в селе, куда он получил назначение сразу после окончания семинарии, был именно такой пьяница и дебошир дьячок. Поскольку он служил в приходе уже много лет, то завёл обычай брать с прихожан, приходящих на исповедь, деньги при входе в церковь. На слова священника открыть дверь в храм и не препятствовать входящим в него, дьячок обозвал его «кровопийцей» и «дураком», исповедников — «свиньями», и вступил в драку с прихожанами. Это первое столкновение священника с дьячком имело далеко идущие последствия, причём весьма грустные. Церковнослужитель, получая по случаю поста какие-то гроши, каждый день умудрялся напиваться, а по вечерам приходил к священнику с угрозами и руганью. Собрав из соседних сёл своих друзей-причетников, он устроил настоящий штурм дома молодого батюшки, после чего у попадьи, готовившейся стать матерью, случился выкидыш. Никакие меры — даже обращение к полиции — не могли урезонить хулигана и его многочисленное семейство. Набеги на священнический дом прекратились лишь после того, как он сгорел [53].

Однако встречались и другие типажи. Николай Макарович Лавров, не окончивший духовной семинарии, 48 лет прослужил псаломщиком, оставив место сыну. Овдовев, он женился повторно, поэтому священником не стал. Чтобы свести концы с концами ему приходилось «тянуть ляжку» вместе с бурлаками, поднимая суда вверх по течению на свирских порогах. Службу псаломщика он любил. Всем старался помочь, особенно детям. У него останавливались мальчишки по дороге из духовного училища домой, собирались для занятий местные дети. За отзывчивость, доброту и готовность прийти на помощь псаломщик пользовался любовью односельчан [54]. Дьячок из села Соловьёвки Киевской губернии Иосиф Голевинский обучил крестьян церковной грамоте и пению, они ему и помогали служить. Требовал, чтобы чтение было внятным и громким «так, як горохом у шкиру», «щоб горобци попадали з церковной крыши» [55].

Псаломщик из Онежского уезда Архангельской епархии Василий Иванович Попов служил около 60 лет до 74-летнего возраста. «Всегда ровный, почтительный, — характеризовал его служивший с ним священник П. Титов, — без лести на устах, трезвый и скромный в житейском быту, по службе усердный и всегда готовый к отправлению служб и треб церковных и хороший знаток старинного обиходного пения. Таковы были псаломщики доброго старого времени...» [56].

В 1906 г. отмечался 45-летний срок службы псаломщика из Полтавской епархии Михаила Григорьевича Верховского. Он родился в семье священ-

ника, но из-за смерти отца в духовной семинарии не доучился, хотя был способным, а был определён преосвященным из архиерейского хора на место псаломщика «для поддержания семьи». За время службы сменил 6 приходов. Женился в 38-летнем возрасте на 22-летней дочери казака, родившей ему шестерых детей. На первом месте для него всегда была служба: первым из причта приходил в церковь и последним уходил. Читал толково, истово, от поручений никогда не отказывался. Обладал феноменальной памятью: Часы, Псалтырь, Апостол, стихиры и молитвы к причастию читал и пел наизусть, без книг. Его стараниями в селе был организован такой церковный хор, который мог бы петь и в уездном городе [57, с. 1300—1301].

В нём не было ни спесивости и болезненного самолюбия, ни рабской приниженности и забитости — крайностей, часто встречавшихся среди данного круга людей. Зная цену себе и другим, он в отсутствие пономаря не считал унижительным для себя позвонить в колокол, раздуть уголь, подать священнику свечу и кадило, приготовить облачение, отнести ризы для требы, что другие псаломщики делать отказывались и что служило предметом пререканий среди клириков.

В дьяконы не просился, хотя другие моложе и с более низким образовательным уровнем давно уже священствовали, объясняя это так: «Быть достойным священнослужителем чувствую себя неспособным, надевать же рясу и позорить её считаю грехом и поступком недостойным человека; кроме того, если бы начальство находило меня достойным, то само отличило бы, ведь священники не просят же себе скуфьи или камилавки». Оставаясь псаломщиком, не скатился в грязь нищеты, сохранял бодрость духа и трезвость [57, с. 1308—1309].

Псаломщики зарубежных церквей имели мало общих черт со своими «епархиальными коллегами». Уже с первой половины XIX века выпускники духовных академий старались получить места за границей, чтобы иметь возможность, завязав отношения с зарубежными богословами и духовенством, познакомиться с богословско-философской мыслью Запада. В свою очередь, они углубляли представления западной общественности о православии и способствовали разрушению сложившихся стереотипов в отношении восточного христианства [58, с. 386].

Многие молодые люди с высшим духовным образованием поступали на псаломщические места. Например, Пётр Адоратский после окончания духовной академии получил в 1874 году место псаломщика при посольской церкви в Вене, где кроме прямых обязанностей ухаживал за больными соотечественниками, выполнял обязанности курьера канцелярии посольства и знакомился с иностранной церковно-исторической литературой. В Вене он женился на старшей дочери протоиерея Яхонтова, но через тринадцать месяцев овдовел. После исте-

чения обязательного пятилетнего срока службы был уволен по собственному желанию и вернулся в Казань, где прожил у родителей около года. Затем он получил назначение в Пекинскую духовную миссию, а позже стал архиереем под именем Николай [59, с. 662].

Повороты судьбы и зигзаги карьеры священников. Евграф Иванович Мегорский родился в селе Хотилове Валдайского уезда Новгородской губернии в семье священника. Окончил Боровичское духовное училище и Новгородскую семинарию, где учился, как и в академии, с М. И. Владиславлевым, впоследствии ставшим профессором философии и психологии, ректором Санкт-Петербургского университета. В 1863 г. закончил столичную духовную академию со степенью магистра. Преподавал в Новгородской духовной семинарии, Аракчеевском и Нижегородском кадетских корпусах. В 1875 г. был избран ректором родной семинарии, где и прослужил 16 лет. Это был первый случай за 164 года существования семинарии, когда её возглавил белый священник. На этом посту Евграф много сделал для благоустройства учебного заведения, проявляя заботу о преподавателях и учащихся. В 1891 г. перешёл настоятелем церкви Митрофаньевского кладбища Санкт-Петербурга, а затем стал настоятелем Казанского собора и членом Учебного комитета при Св. Синоде, был удостоен высшей награды для белого духовенства — митры. Несмотря на занимаемые должности, в общении оставался прост и доступен [60, с. 1603—1606].

Приехавший в село Спас-Чекряк, расположенное в глуши Волховского уезда Орловской губернии, молодой священник Егор Коссов хотел было просить перевода в другой приход — село бедное, а у него жена, младшие братья, о которых больше некому заботиться. Отправился за советом в расположенную в шестидесяти верстах Оптину пустынь, где преподобный Амвросий сказал ему, что нужно остаться на прежнем месте. Внял совету старца, священник сумел сделаться для крестьян молитвенником, благотворителем, утешителем, судьёй, советчиком, «воскресил идеал того «попа», который в седую старину был неотделим от народной массы, как её душа». В жалкий приход со всех сторон повалил народ, чтобы излить своё горе, облегчить душу [61].

Опытного певчего митрополичьего хора Петра Смирнова, учившегося в отделении риторики, взял к себе из Москвы епископ Феофилакт (Русанов), назначенный на Калужскую кафедру. В Калуге Смирнов, хорошо знакомый с особенностями архиерейского богослужения, подготовил к приезду преосвященного архиерейскую свиту и сформировал хор. Довольный епископ Феофилакт наградил регента фамилией Фелицын. Занимаясь с хором, он продолжал обучение в местной духовной семинарии. Из Калуги молодого человека отправили в Во-

логду к епископу Антонию (Знаменскому) для обучения нового хора. Там он перешёл в богословское отделение. Когда преосвященного Антония перевели в Тобольск, он уговорил отправиться с собой и регента, дав обещание вернуть его впоследствии за архиерейский счёт обратно в Калугу или Москву [62, с. 285, 286, 288].

В Тобольске Фелицын наконец окончил семинарию, обучение в которой растянулось из-за его постоянной занятости, и попросился в Москву. Однако архиерей уговорил остаться. Молодому человеку подыскали богатую невесту, которая, кстати, оказалась к тому же красивой и доброй. 6 мая 1804 года он женился, а 21 — уже был возведён в сан священника кафедрального собора Тобольска. С этого момента карьера пошла в гору. В 1805 г. Фелицын становится благочинным ханты-мансийских церквей, в 1810 — ключарём собора, в 1811 — членом духовной консистории, в 1817 — протоиереем, в 1826 — кафедральным протоиереем [62, с. 289—290].

При соборе он состоял 66 лет (!) — с 1804 по 1870 год, до выхода за штат. За свою долгую жизнь и службу в Сибири неоднократно выполнял важные поручения архиереев, много ездил по епархии, подвергаясь различным опасностям со стороны стихии и беглых каторжников. Выучил мансийский язык, на который перевёл молитвы, Катихизис митрополита Платона, Священную историю для детей, четыре Евангелия. Но его переводы духовная цензура не одобрила и они легли в архив. В течение 22 лет, пока не отказался сам, Пётр Андреевич Фелицын был благочинным городских церквей Тобольска, 47 лет — старшим попечителем о бедных духовного звания [63, с. 352—359].

Александр Поликарпович Владимирский (1823—1906) родился в семье бедного сельского священника Нижегородской епархии. Окончил духовное училище и семинарию в Нижнем Новгороде. В 1846 г. — в составе первого выпуска — Казанскую духовную академию, став первым в её истории магистром богословия в 1847 году. В том же году принял священнический сан и стал настоятелем Грузинской церкви. В 1850 г. — он перешел из академии в Казанский университет ординарным профессором философии и богословия, и вскоре был назначен настоятелем университетской церкви. В 1858 году его избрали деканом историко-филологического факультета. В 1861—1862 годах он дважды назначался исполняющим обязанности ректора университета. В 1867 г. священник Владимирский был возведён в сан протоиерея, а в 1871 вернулся в стены родной академии в качестве её ректора и прослужил до 1896 года [64, л. 18 об. — 27; 65, с. 76—77]. В 1892 г. — протоиерей Владимирский был избран почётным членом Санкт-Петербургской и Киевской духовных академий [66, л. 1—3]. Студенты академии называли его «тятяка», «папаша» [65, 87]. По случаю кончины своего наставника прислали те-

леграммы соборезнования Петербургский митрополит Антоний (Вадковский) и епископ Таврический Алексий (Молчанов, впоследствии экзарх Грузии).

Одну из самых заметных карьер сделал Г. И. Шавельский, родившийся в семье сельского дьячка. После окончания духовной академии он в русско-японскую войну служил полковым священником, дивизионным благочинным и главным священником 1-й Манчжурской армии. За свою службу был удостоен орденов св. Георгия и св. Владимира с мечами. Затем с 1906 по 1910 год был законоучителем в Смольном институте, а в 1910 стал профессором богословия историко-филологического института и членом Духовного правления при протопресвитере военного и морского духовенства. 22.04.1911 г. был утверждён протопресвитером военного и морского духовенства [67, с. 59]. По рангу протопресвитер приравнивался по духовному ведомству к архиепископу, по военному — к генерал-лейтенанту, имея право на личные доклады царю.

Протопресвитер Василий Борисович Бажанов (1801—1883) родился в семье сельского дьякона Тульской губернии. Как лучший среди своего выпуска местной духовной семинарии был отправлен на учёбу в столичную духовную академию, по окончании которой оставлен в ней бакалавром. Затем он служил священником второго кадетского корпуса, преподавал Закон Божий в различных светских учебных заведениях. В 1845 году его назначили законоучителем царских детей, а с 1848 — он становится духовником императорских особ [68, с. 123]. Он был единственным протопресвитером, среди духовных детей которого значилось три российских императора: Николай I, Александр II и Александр III. Впоследствии царскими духовниками были протопресвитеры Иоанн Леонтьевич Янышев (1883—1910), Николай Григорьевич Кедринский (1911—1914) и Александр Петрович Васильев (1914—1917) [69, л. X—XIII]. Если В. Б. Бажанов, как было сказано, являлся духовником трёх императоров, то за последние шесть лет царствования Николая II сменилось три духовника. Причём Н. Г. Кедринский не умер, а был освобождён, а последний духовник царской семьи — расстрелян в 1918 г. Словно и в этом присутствовало мрачное предзнаменование.

Литература

1. Вениамин (Федченков), митрополит. На рубеже двух эпох. — М.: Отчий дом, 1994. — 448 с.
2. Субтельный О. Украина: история. — Киев: «Лыбидь», 1994. — 736 с.
3. Фудель С. И. Воспоминания // Новый мир. — 1991. — № 3. — С. 182—216.
4. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): В 2 т. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. — Т. 1.

5. Национальный архив республики Татарстан (далее — НАРТ). Ф. 1277. Оп. 1. Д. 10.

6. Труды Киевской духовной академии. — 1902. — Т. 2. — № 4.

7. НАРТ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 183.

8. Духовенство из инородцев в Казанской епархии. — Казань, 1978. — 46 с.

9. Церковно-общественный вестник. — 1906. — № 14.

10. Преосвященный Макарий, епископ Оренбургский и Уральский / Оренбургские епархиальные ведомости (далее — ОренБЕВ). — 1889. — № 15. С. 385—391.

11. Чичерина С. В. О приволжских инородцах. — СПб., 1906. — 26 с.

12. Глухов М. Н. Tatarica: Энциклопедия. — Казань, 1997. 452 с.

13. Церковно-общественный вестник. — 1906. — № 12.

14. Сергеев Т. С., Ефимов Л. А. Чувашский педагог-просветитель И. Я. Яковлев — интеллигент российского масштаба // Интеллигенция России в истории XX века: Неоконченные споры. К 90-летию сборника «Вехи». — Екатеринбург, 1998. — С. 243—245.

15. Православный собеседник (далее — ПС). — 1897. — № 6.

16. Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 796. Оп. 205. Д. 241.

17. Иванович В. Из итогов русской всеобщей переписи // Вестник воспитания. — 1906. — № 1. — С. 33—44.

18. Сафронов А. А. Грамотность населения Урала в конце XIX — начале XX в.: источниковедческое исследование материалов Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Екатеринбург, 2003. — 22 с.

19. Конюченко А. И. Духовное образование в Оренбургской епархии во второй половине XIX — начале XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. — Челябинск, 1996. — 218 с.

20. Извлечения из отчёта обер-прокурора Святейшего Синода за 1852 г. — СПб., 1853.

21. Извлечения из отчёта обер-прокурора Святейшего Синода за 1853 г. СПб., 1854.

22. Всеподданнейший отчёт обер-прокурора по ведомству православного исповедания за 1901 г. — СПб., 1902.

23. РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 259.

24. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 889. Л. 22—22 об., Д. 1376. Л. 18 об.

25. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1376.

26. РГИА. Ф. 802. Оп. 11. 1913 г. Д. 115.

27. Конюченко А. И. Духовенство Челябинска накануне революции (численность, образовательный уровень, материальное положение) // Города Урала в контексте русской культуры. — Челябинск, 1993. — С. 88—90.

28. Государственный архив Оренбургской области (далее — ГАОО). Ф. 173. Оп. 5. Д. 10576. Л. 19 об.
29. ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10581.
30. Белявский Ф.Н. О реформе духовной школы. СПб., 1907. — Ч. 1. — 230 с.
31. РГИА. Ф. 802. Оп. 11. 1914 г. Д. 239. Ч. 1—3; 1917 г. Д. 169; Циркуляр по духовно-учебному ведомству. № 25, 28, 31.
32. ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6281.
33. Циркуляр по духовно-учебному ведомству. № 24.
34. Справочная книга Пермской епархии на 1912 год. — Пермь, 1911.
35. Справочная книжка Екатеринбургской епархии на 1915 год. — Екатеринбург, 1915.
36. Справочная книга Саратовской епархии. — Саратов, 1912.
37. ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10918.
38. Справочная книга Екатеринославской епархии за 1913 год. — Екатеринослав, 1914.
39. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 148. Л. 10 об.; Д. 1143. Л. 17 об.; Д. 1246. Л. 21 об. — 22.
40. Подсчитано по: ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10918.
41. Миронов Б. Н. Социальная история России. Т. 2.
42. Составлено по: РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 945.
43. РГИА. Ф. 796. Оп. 140. Д. 2079. Л. 1—2.
44. Центральный государственный исторический архив Украины г. Киев (далее — ЦГИАУ). Ф. 442. Оп. 1. Д. 11871.
45. РГИА. Ф. 796. Оп. 141. Д. 2625.
46. ЦГИАУ. Оп. 34. Д. 530.
47. ЦГИАУ. Ф. 442. Оп. 1. Д. 6993; 10469; 11873; Оп. 43. Д. 2; Оп. 44. Д. 295; Оп. 158. Д. 237; Оп. 174. Д. 437; Ф. 127. Оп. 953. Д. 88.
48. ЦГИАУ. Ф. 442. Оп. 158. Д. 237.
49. ЦГИАУ. Ф. 442. Оп. 1. Д. 10469.
50. РГИА. Ф. 796. Оп. 445. 1917 г. Д. 240.
51. ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6415.
52. НАРТ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 109.
53. Иващенко В. Из пастырского быта сельского священника // Русская старина. — 1909. — № 1. — С. 228—232.
54. Олонецкие епархиальные ведомости. — 1898. — № 3. Ч. неофиц. — С. 28—30.
55. Киевские епархиальные ведомости. — 1895. — № 4. — С. 177.
56. Архангельские епархиальные ведомости (далее — АрхангЕВ). — 1905. — № 18. — Ч. неофиц. — С. 721—722.
57. Полтавские епархиальные ведомости. — 1906. — № 32.
58. Смолич И. К. История Русской церкви. 1700—1917. — М.: Изд. Спасо-Преображенского монастыря, 1996. — Ч. 1. — 799 с.
59. ОренбЕВ. — 1895. — № 21.
60. Новгородские епархиальные ведомости. — 1904. — № 22. — Ч. неофиц.
61. Нилус С. Отец Егор // АрхангЕВ. — 1905. — № 15. — С. 561—565.
62. Сулоцкий А. И. Протоиерей Пётр Андреевич Фелицын // Тобольские епархиальные ведомости. — 1883. — № 13/14.
63. Тобольские епархиальные ведомости. — 1883. — № 17.
64. НАРТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6311.
65. Царевский А. Александр Поликарпович Владимирский, бывший ректор Казанской духовной академии // ПС. — 1906. — № 5. — С. 73—89.
66. НАРТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 8877.
67. Сенин А.С. Армейское духовенство России в гervую мировую войну // Вопросы истории. — 1990. — № 10. — С. 158—170.
68. Могилёвские епархиальные ведомости. — 1883. — № 5.
69. РГИА. Ф. 805. Оп. 1.

ЦЕРКОВНЫЙ БРАК И СЕМЬЯ В ИСТОРИИ ХРИСТИАНСТВА И РУССКОГО ПРАВОСЛАВИЯ

Светские идеалы брака и семьи советского периода развития нашей страны все чаще начинают уступать свои позиции новому направлению мировоззрения, связанному с «духовным возрождением России», большей частью сопряженному с реставрацией русской православной культуры. Отсюда возникает несомненный теоретический интерес к православному браку и семье как основе жизнедеятельности людей в новых условиях, характеризующихся отсутствием официального государственного идеологического влияния на выбор ценностных ориентиров. Церковь с огромным энтузиазмом заняла образовавшийся после крушения власти КПСС идеологический вакуум и приступила к массовому оцерковлению населения. Конечно, усилия Русской православной церкви пока недостаточны для того, чтобы привить большинству населения страны идеалы истинного православного брака и семьи, образа жизни православных верующих и их семейных ценностей.

С момента своего возникновения христианство проняло особый новый образ жизни для верующих, вырывая их из полигамных отношений, столь характерных для иудаизма и всего языческого мира, и формируя моногамную семью как основу новой религии.

Христианство веками отработывало специфический идеал брака и семьи, сопровождая его множеством непостижимых таинств.

Христианская теория брака и семьи берет в качестве представительного примера посещение Иисусом Христом брачной церемонии в Кане Галилейской, на которой Христос сотворил первое чудо. Само присутствие Богочеловека на Каннском торжестве церковь рассматривает как изъяснение божественного благословения законному браку.

Брак — основа семейной жизни, которому, как считают теологи, нужно особое покровительство Божье. Первым делом Творца по созданию мужа и жены было благословение им «плодиться и размножаться», так произошло благословение брачного «сожития» и «чадородия» с тем, без сомнения, чтобы члены семьи были одновременно и членами Его церкви. Христос не только подтвердил изначальное благословение брачной жизни, но и восстановил в первоначальной силе закон о браке. Вопреки Моисееву закону, позволяющему, хотя и затрудняющему расторжение брака, Христос решительно воспрещает развод. А на вопрос фарисеев: «По всякой ли причине позволительно разводиться с женою?» — он указал на первоначальный закон единства и нерасторжимости брака, установленный первой брач-

ной чете и прибавил: «Еже Бог сочета, человек да не разлучает».

Апостол Павел, пропагандируя учение Христа о нерасторжимости брака (I Кор. 7, 10), поддерживает запрет межрелигиозных браков, но если кто-либо из брачных лиц принял христианство, муж или жена, то они могут спасти друг друга. Расторжение этого брака возможно только по просьбе не христианского лица. (I Кор. 7: 12—16). Брачный союз христиан должен совершаться с мыслью о Боге, во имя Его, во славу Его, ибо в другом случае, брак таинства не имеет. «Тайна сия великая; я говорю по отношению ко Христу и к Церкви» (Еф. 5: 31, 32). Апостол Павел возвышает христианский брак до значения союза Христа с Церковью, как главы с телом. Этот союз есть *таинственный, ибо непостижимый*.

Как поясняет св. Иоанн Златоуст, таинственный союз мужа и жены — физический и нравственный — непостижим, так как муж ради жены бросает кровные связи с отцом и матерью и сливается с существом, дотоле ему чуждым [I, с. 359].

Главное в учении о таинстве брака, союза Христа и Церкви — это таинство крещения, через которое члены церкви облачаются во Христа, как в рубашку тело. Оно должно предшествовать браку. Христианскому браку необходима благодать, которая дается ему в таинстве венчания. Христианский брак должен быть достоин этого тайного союза. «Но как Церковь повинуется Христу, так и жены своим мужьям во всем. Мужие, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее» (Еф. 5: 24, 25).

Чин священнодействия брака как таинства формировался вместе с другими церковными службами, церковное благословение и освящение брака было необходимо во все времена христианской церкви, это видно из многочисленных свидетельств в писаниях отцов и учителей церкви и в соборных правилах.

В греко-римской империи церковные правила относительно брака долго не находили поддержки в гражданских законах, сохранившихся от язычества, только юстинианское законодательство о гражданских браках стало приближаться к церковному. Император Лев Мудрый (900 г.) издал закон о том, чтобы браки, заключаемые без священнического благословения, не считались действительными, он же запретил и многоженство.

Император Алексей Комнин (1081—1118) издал постановление о церковном венчании браков, которое было более жестким, в нем разрешалось проводить таинство брачного союза и среди рабов-хрис-

тиан, которым до сих пор в этом отказывали, ибо не признавали равенства господ и рабов перед лицом одной христианской веры. Если господа будут запрещать христианский брак рабам, то будут лишены власти над ними. Такое же явление было характерно и для первых лет принятия христианства на Руси, когда церковный брак охватывал знатных людей, а низшее сословие оставалось жить без венчания.

Предшествующая венчанию стадия была связана с обручением, которое в раннем христианстве совершалось за несколько лет до брака, и при жизни жениха никто не мог жениться на этой невесте.

Святость христианского венчания и брака раньше соединялась с причастием Св. Тайн. Венчание совершалось во время литургии или после нее.

По правилу Карфагенского Собора новообращенные, ради благоговения к совершенному над ними таинству, должны пребывать первую ночь в девстве.

Церковь ревностно следила за каждой христианской семьей, поэтому за нарушение супружеской верности церковь приговаривала к отлучению от причастия Св. Тайн от семи до пятнадцати лет. Церковь не выступала против повторных браков, но запрещала посвящать в священные степени мужчин-двоеженцев. Им же запрещалось причастие Св. Тайн на один год, троеженцу — на три года в наказание за недостаток терпения, самообладания и преданности воле Божьей.

Во время венчания новообращенным читали молитвы о прощении им греха плотской немощи, побудившей их вступить в новый брак, ибо церковь смотрела на третий брак лучше, чем на распутство.

Брак есть обязательство, обручение — залог супружеской верности, залог священный, ибо священник, вручая кольца жениху и невесте, кладет их на престол, освящает их прикосновением к нему, а потом с молитвой соединяет ими жениха и невесту во имя Святой Троицы.

Святость брачного союза оскорбляется не только супружеской неверностью, но и другими грехами, особенно раздорами, семейными неурядицами, что приводит к разводу.

Развод, по Христу, возможен в случае прелюбодеяния, по ап. Павлу — в случае оставления своего супруга не христианином, в случае смерти одного из них, лишения свободы одного из супругов с лишением прав состояния, если другой не последует за ним, либо по неизвестному отсутствию одного из супругов более пяти лет. Церковь допускает развод по природной неспособности к супружескому сожителю или в случае согласия обоих супругов уйти в монашество, это может быть рассмотрено как снисхождение к желающим разлучения, как исключение из общего церковного правила о разводе [2, с. 229].

Уклонение от семейно-брачных отношений церковь считает делом нехристианским, не нравственным. Безнравственно искать развода по причине болезни одного из супругов.

В православии женихом и невестой называют лиц, имеющих «сговор» или помолвленных, иногда так называют тех, кто ищет себе жениха или невесту, иногда тех, кто достиг совершеннолетия, брачного возраста.

Соединить жениха и невесту может *личное расположение, либо расчет, либо принуждение*. Самым лучшим является то моральное состояние жениха и невесты, которое основано на взаимном *согласии*, но необходимо, чтобы оно было *богоугодным* и соответствовало бы тем обязанностям, которые ожидают их в брачной жизни. Жених и невеста должны молить Бога о милости к ним в будущем и понять, что без этой милости им не устроить счастья и доброго порядка в семейной жизни.

Священнодействие брака есть таинство и как таковое оно требует к себе возбужденного *молитвенного настроения духа*. Поэтому в день свадьбы необходимо говение, которое характерно было во времена раннего христианства, а также должны быть произнесены дополнительные молитвы и проведено духовное размышление, которыми брачующиеся могут заниматься и врозь, и вместе. Обоюдная молитва более угодна Богу, как считают священники, чем одиночная. *В чине венчания* есть специальные молитвы для брачующихся, принимающих это таинство, в них умоляют Господа, чтобы Он Своєю благодатью сподобил их к исполнению супружеской обязанности, к славе Его святого имени, к собственному их благу, чтобы благословил их чадородием, помог воспитать детей в страхе Божьем, для блага церкви и отечества, для утешения их самих, чтобы дал им блага земные, чтобы даровал им возможность устроить счастье своих детей, а также помочь ближним в нужде. Эти молитвы подчеркивали основные функции супругов и нравственно-этический идеал, к которому они должны стремиться.

В допетровские времена на Руси невеста не могла видеть своего жениха до свадьбы, эта крайность лежала в основе доброго побуждения, связанного с тем, чтобы оградить невесту от всего, что может повредить ее стыдливости и целомудрию, до брачных отношений супруги должны быть девственниками. Ибо венец, возложенный в церкви на голову брачующихся, — это символ награды за воздержание.

Среди апостолов существовало две позиции в отношении брака. Павел возглавлял христианство как новую религию — религию безбрачную, беспорочную, безгреховную, аскетическую, а Петр больше был предрасположен к иудео-христианскому направлению, поэтому призывал к ранним бракам и к включению в брак всех, даже стариков. Жизнь в браке должна быть целомудренна, а главный источник целомудрия — церковь.

Раннехристианские теологи выделяют две причины, ради которых существует брак: «...сей закон Божий, сочетающий мужа и жену, установленный для распространения рода человеческого и для ограниче-

ния похоти. Об этом свидетельствует апостол Павел, говоря: «... во избежание блуда, каждый имей свою жену, и каждый имей своего мужа» (1 Кор. 7, 2), а не ради деторождения. И советует соединяться не для того, чтобы сделаться родителями многих чад. «Да не искушает вас сатана», «Но если не могут воздерживаться, пусть вступают в брак. Ибо в начале, как я сказал, к браку были два побуждения; потом же, когда и земля, и море, и вся вселенная населились людьми, имеет силу, преимущественно, одно побуждение — прекращение похоти и преступления» [3, с. 198]. Апостол Павел говорил, в брак для того надо вступать, чтобы вести *жизнь целомудренную*.

Для сохранения целомудрия своих сыновей Златоуст советует родителям женить их раньше, а для предупреждения любоддеяния надлежало бы соединить сына брачным союзом с женою целомудреною и разумною. Она удержит мужа от безрассудного образа жизни и обуздает его, ибо блуд и прелюбоддеяние от того и происходят, что юношам дают свободу «... благо ж — верность брака, *зависит от сохранения чистоты тела*, без чего нет никакой пользы от брака» [4, с. 604].

Иоанн Златоуст обличает брак по расчету, признавая, что брак есть союз сердец по искреннему взаимному доверию и расположению и должен быть союзом Господа Христа с Церковью; это будет для вас лучше бесчисленных сокровищ [4, с. 714].

Кроме браков по расчету у людей молодых, с неоформленным образом мыслей и неопытных в жизни бывают браки и по любви или по страсти. Браки по страсти возникают тогда, когда выбирается главным достоинством человека внешняя красота и другие внешние факторы, чаще всего такие браки бывают несчастливыми. Надо любить душу, которая сообщает телу «благообразие».

Благополучие брака зависит от доверия, уважения и взаимной любви, когда нет любви, то не будет и добра в доме, от любви рождаются все блага, она должна быть постоянна и тверда.

В браке должно быть терпение и смирение, и «будете два в плоть едину». Муж должен заниматься нравственным воспитанием своей жены, чтобы она помнила о том, что она оскорбила Бога.

Интимные отношения мужа и жены определил апостол Павел: «Муж оказывай жене должное благо-расположение; подобно и жена мужу». (1 Кор. 7, 3). Бог продумал, как защитить честь и достоинство мужчины по природе и дал ему супругу.

Грех, бывший причиной смерти по Библии, был также и причиной брака. А теперь брак позволяется как «врачевство» против невоздержания. Воздер-

жание есть Дар Божий, а брак есть цепь, потому что налагает взаимное подчинение и тяжкие обязанности. Новый Завет требует большего совершенства от человека, чем Ветхий, в Новом Завете больше даны дары и благодать Духа Святого каждому.

Христианство стремится к нравственно-этическому подвигу. Оно ломает барьеры родовой семьи (полигамной) и утверждает новый тип семьи (моногамный) с личной ответственностью за морально-нравственные поступки перед другими людьми, семьей, но, прежде всего, перед Богом.

Церковь выступает против так называемого гражданского брака. Сожительство без церковного благословения считалось величайшим грехом. Сожительствующие в гражданском браке всегда подвергались всякому осуждению со стороны общества. В браке должна быть любовь, лучше не страстная, скоро проходящая, а любовь, основанная на страхе Божьем, любовь в образе Христа и Церкви.

Многие из современных людей, проходящих обряд венчания, не выдерживают нравственные нормы не только христианской морали, но и современной, утилитарно-упрощенной, светской. Они не приходят в церковь за разводом, а идут его оформлять в светском учреждении. Церковь требует вернуть ей возможность создания собственного суда, который ей нужен хотя бы для оформления развода, для епитимьи на этих людей. Церковь и далее будет пропагандировать мнение о том, что христианский (православный) или церковный брак имеет больше преимуществ, чем светский, государственный. РПЦ и дальше будет доказывать, что церковный православный брак и семья исконно соответствуют истинной православной культуре России.

Литература

1. Святитель Иоанн Златоуст. Избранные поучения. — М.: Православное братство святого апостола Иоанна Богослова, 2001. — 489 с.
2. Скворцов протоиерей Киевской духовной академии. Записки к церковному законоведению. — М.: Изд. Московского патриархата, 1861. — 568 с.
3. Иоанн Златоуст. Книга о девстве. Беседа на словах: 1 Кор. 4. 2 // Полн. собр. соч.: В 10 т. — СПб.: Изд. Санкт-Петербургской духовной академии, 1898. Т. 1. — Гл. 8. — 242 с.
4. Иоанн Златоуст. Беседа 37 на Матфея // Полн. собр. соч.: В 10 т. — М.: Изд. Московской патриархии, 1993. — Т. 7. — Гл. 7. — 728 с.

ОСОБЕННОСТИ ПЛАНИРОВКИ ЮЖНО-УРАЛЬСКИХ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ РАЗЛИЧНЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП XVIII—XIX вв.

(Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 05-04-85403а/У)

Основную часть населения Южного Урала в IX—XV веках составляли башкиры. На западе и северо-западе жили болгары и удмурты, на севере — потомки угров (ханты), на юге и юго-востоке различные тюркоязычные племена. Арабский путешественник Ахмед ибн Фадлан писал в X веке, что «он посетил страну турок — аль-Баштирид» [1, с. 27].

За период XVIII в. миграции населения различных этнических групп привели к тому, что к концу века преобладающим населением края стало русское. Первые русские попали на территорию Южного Урала с южных границ. Это были казаки-разбойники. П. И. Рычков записывал в XVIII в. устные придания, которые передавались из поколения в поколение: «В самые де те времена, когда Темир-Аксак, а по европейскому названию Тамерлан, со многими татарскими войсками разные области разорял (по истории об нем могло быть сие в исходе XIV или в начале XV столетия), был некто из Донских казаков именем и прозванием Василий Гугня; сей, прибрав себе в товарищество тамошних казаков человек с тридцать, в том числе был один татарин, отлучились с Дону на промысел, или паче для воровства, и, сделав лодки, тако же и запасу наготовя, сколько было надобно, сначала выехали на Каспийское море, где они в камышах все лето пробыли, произведя свои промыслы, и дошедъ до устья, до протоков реки Яика, коим она в помянутое море впадает, пошли по ней вверх. Усмотря же, что оные места глухие, незаселенные, а при том и лесом имеющие (знатно, что тогда лесу там было довольно, хотя ныне оного весьма уже мало) рассудили как ту реку, так и оные места иметь себе убежищем и пристанищем...» [2, с. 279].

В XVI веке по просьбе башкир для защиты от нападений кочевников и для сбора ясака строится русская крепость Уфа. В XVI — начале XVII в. строятся крепости по реке Белой, затем по реке Черемшане, в Тиинске, Билярске, Шемшинске и др. Они составили «Закамскую черту». Помимо русских, которые получали в надел башкирские земли, здесь селились татары, мещеряки, чуваша, мари, тепляры, мордва. Они арендовали земли на правах припущенников.

Встречный миграционный поток русских исетских казаков проникает на территорию Южного Урала в середине XVII в. по рекам Исеть и Миасс. Они занимают район севера современной Челябинской области. Согласно первой переписи вотчин Далматова монастыря 1680 г. жители деревень переселились из Северного Поморья, Перми, Вятки, Западно-го Урала, Верхнего и Среднего Поволжья [3, с. 40].

По данным четвертой ревизии 1781 г. самыми многочисленными жителями Южного Урала были русские, составлявшие 56,6%. Почти вдвое меньше проживало на территории башкир — 22,8%. Тепляры составляли 13,9%, а мещеряки — 5,3%. Все остальные народности (крещеные калмыки, татары, чуваша, марийцы и др.) — 1,4%. При этом городское население края составляло 1,01%, а сельское — 98,99% [4, с. 111].

Если игнорировать локальные переселения этнических групп, после XVI в. можно выделить два крупных этапа в формировании этногеографической карты региона. В середине XVI — начале XVIII вв. к западу от Уральских гор местные тюркские этносы перемещаются в южном направлении от Чусовой по Миассу, с верховьев Яика и Уя направляются в Зауралье и занимают его территорию до Тобола. Русское население представлено небольшими очагами (крепостями). В XVIII и XIX веках наблюдается мощный поток русского населения с запада и в меньшем объеме украинского, чувашей, марийцев, татар, калмыков, мордвы, удмуртов, нагайбаков, мещеряков.

В северной части региона преобладает русское население (Челябинский уезд); южная зона (Верхнеуральский, Орский, Оренбургский уезды) — наиболее полиэтнична, здесь представлены все этнические меньшинства; северо-западная зона отличается большим процентом тюркского населения (татар, башкир).

По планам и описаниям XVIII—XIX веков можно проследить особенности планировки сел разных этнических групп региона. Первыми деревнями на территории Южного Урала были зимовки — башкирские и других кочевников. У разных народов существует два вида кочевого скотоводства: круглогодичное кочевание и сезонное кочевание.

Зимние поселения кочевников возникали по берегам рек и озер. Зимние башкирские хутора (утар) появились еще в татаро-монгольскую эпоху. Обычно они состояли из двух—трех жилищ. Такие зимовья характерны также для ногайцев, киргизов, казахов и других кочевых народов. Например, И. И. Лепехин так описывал хутора калмыков: «Живут по степям, на пригористых местах в кибитках, которые они удобно с места на место переносить могут. Летнее свое кочевье избирают при реках и местах удобных к пастве, и всякое кочевье состоит не более, как из десяти кибиток, а иногда и меньше. Зимой выбирают такие места, где им удобнее от снежной вьюги укрыться можно. Такие места для них бывают удобные перелески или между горами долины». [5, с. 233].

Жилища в зимних хуторах представляли собой сруб с двускатной крышей из коры и деревянным полом-настилом. Вдоль передней стены очага устраивались широкие нары. Обогревалось помещение глинобитной печью. Котел для приготовления пищи крепился на небольшом каменном очаге, имевшем общий дымоход с основной печью. Полноценной усадьбы на зимовьях не было. Сооружались только утепленные землянки для ягнят, козлят и телят, а также загоны для коров и овец.

Летние стойбища при кочевом образе жизни менялись за год несколько раз. Одним из важных условий при выборе места для стойбища было наличие воды — речки или родника. Для кочевки обычно выбиралась открытая площадка или горная терраса. В горах это был, как правило, восточный или южный склон, защищенный от господствующего ветра. Основные сооружения стойбищ — юрты и шалаши. Единого типа летних поселений, характерного для всех башкир, вероятно, не существовало. По мнению Б. Г. Калимуллина наиболее соответствовало быту кочевников-воинов кольцеобразное расположение юрт, а треугольное — быту кочевников-скотоводов [7, с. 19]. Другие исследователи наиболее древним способом расстановки башкирских юрт считают полукольцо [8, с. 18]. П. Небольсен отмечает постановку юрт на летовке в ряд, вдоль реки [6, с. 69].

В ориентации постановки жилищ не наблюдается зависимости от сторон света. Постановка временного жилища определяется местными условиями. Двери должны располагаться с подветренной стороны. По свидетельству С. И. Руденко: не располагаются двери только с южной стороны, так как это направление на Мекку. При наличии двери в южной стене мусульманам сложно совершать намаз, повернувшись в направлении Мекки [9, с. 189].

Кроме жилищ на территории летовки находились: печи, навесы, помещения для продовольственных припасов и другие хозяйственные сооружения. Все стойбище обносило жердевой изгородью. В центре площадки ставили очаги для приготовления пищи с навесом.

В 1240 г. Рубук, проезжая через башкирскую территорию в Среднюю Азию отмечал, что это «пастухи, не имеющие никакого города» [6, с. 25]. О существовании зимних длительных остановок у башкир свидетельствовал Ибн Русте в X в.: «С наступлением зимнего времени кто из них к какой реке ближе, к той реке и перекочевывает и остается там в продолжении зимы» [6, с. 25].

Термин «ауыл» (аул) древнего происхождения. У киргизов и тувинцев он означал кочевую общину, которая могла состоять из нескольких групп родственных семей, кочевавших поблизости друг от друга [6, с. 26].

Вероятно, в XVI—XVII веках появляются стационарные башкирские деревни (аулы). Присоеди-

нение к русскому государству сделало процесс возникновения башкирских деревень интенсивнее. В XVII в. карты и описания очевидцев фиксируют много башкирских деревень в бассейнах рек Ай и Юрюзань. Название деревень, как правило, совпадает с родовой номенклатурой. Система только зимних поселений действовала у башкир на протяжении всего XVIII и в начале XIX вв.

В конце XVIII века П. С. Паллас, путешествуя по Южному Уралу, отмечал, что «нередко случается, что целая деревня рушится, и жители, сломав свои деревянные домишки, перебираются на другое место. Вообще ж, а отчасти и по причине своего частого переселения не делают они заборов около своих жилищ» [10, с. 8].

Обнаруживает П. С. Паллас и «брошенные» перекочевавшим в летнее время башкирским населением деревни в районе Кыштымско-Каслинских заводов: «целая башкирская деревня со всеми ломовыми и пахотными припасами была оставлена впусте, все было за замком, а жители со своими стадами убралась в прохладнейшие горы» [10, с. 157].

Такое же наблюдение сделал в начале XIX в. И. И. Лепехин: «Прибыли в башкирскую деревню Емангулову... Они [башкиры] летом, как калмыки, кочуют в степи и живут в кибитках для лучшей паствы своему скоту; а осенью собираются на зимовье...» [5, с. 530].

Далее он в своих «Записках» описывает юрты и шалаши башкир начала XIX в.: «...башкирская кочевка Муллакеева прозываемая, в 15 верстах от завода [Катав-Ивановского]. Кочующие близ сих хребтов башкиры, хотя были нарочито заживны в рассуждении других башкирцев, однако юрты их снаружи совершенно башкирскую представляют бедность. Тут везде расставлены были берестяные шалаши, в которых башкирцы от воздушных перемен искали себе защиты. Беспрестанный под горами туман и частые дожди, обыкновенные их войлочные юрты делают недолговременными и принуждают их скиляжничать» [5, с. 286].

Исследуя в 1925 г. жилища башкир, С. И. Руденко отмечал, что «с одной стороны, на северо-западе, у земледельческого населения лесной полосы мы встречаемся с вполне выработанным типом домов и надворных построек, типом весьма близким к типу построек финско-татарского населения Прикамья. С другой стороны, на крайнем востоке обитаемой башкирами области степные полукочевники добрую половину года проводят под покровом решетчатых кибиток, столь характерных для азиатских кочевников» [9, с. 166].

В «Описании всех в Российском государстве обитающих народов» И. Георги пишет: «В деревне (аул) бывает дворов от 10 до 50. Они срублены из бревен худо и непрочно и состоят по большей части в одной избе с плоской крышею... И самые молебные храмины знатнейших деревень не лучше построены...

Ежели им какое-нибудь место в их стране покажется лучше прежнего, то покидают они свою деревню и строят новую» [6, с. 40]. Такая «неустойчивость» башкирских деревень осталась от кочевого быта.

Сохранилось много свидетельств об отсутствии системы улиц в башкирских деревнях этого периода и, вообще, об отсутствии четких планов. П. Небольсин в середине XIX в. отмечает: «Прежде башкирские деревни в степных кантонах были совсем не такие правильные, какие мы теперь видим. Избы лепились по направлению ручьев и речек вдоль их течения, как бы оно извилисто не было; иногда дома расставлялись по обеим сторонам речки, вероятно, для большего удобства в водопое скота. Улиц почти не было, а существовали какие-то закоулки, неровные и кривые, вроде лабиринтов» [6, с. 41].

Таким образом, башкирские деревни строились по способу кучевой планировки, в виде небольших кварталов, объединявших близких родственников. Группы домов родственников соединялись сообщающимися дворами. Большое значение для планировки имела река, которая во многом определяла расстановку домов и форму плана селения. Вероятно, существовало много участков с запутанной нерегулярной и нерациональной планировкой. П. Небольсин отмечает со слов местных жителей, что раньше в башкирских деревнях дворы не было принято убирать, по мере того, как засорялись хлева, дом и хозяйственные постройки переносили на новое место [6, с. 41].

Башкирские деревни XVIII в. в плане состояли из относительно автономных образований, расположение и конфигурация которых не подчинялись определенным закономерностям. Регулярные улицы и кварталы в этот период отсутствовали. Б. Г. Калимуллин объясняет это кочевническими традициями [7, с. 33]. Другие исследователи, например А. Р. Ширгазин, тем, что переселяющееся население не образовывало новые селения, а селилось на свободных местах в поселке [8, с. 19].

Такая планировка сохранялась в небольших башкирских деревнях длительное время. Подобные деревни описывают даже путеводители конца XIX в.: «Деревня Мурсалимкина заселена башкирами и, как все подобные деревни, представляет собой одну грусть-тоску. Домишки маленькие, худенькие, полуразвалившиеся. Постройки, крытые тесом, исключение, всюду солома и солома» [11, с. 61].

Традиционная кучевая планировка долго сохраняется и в деревнях вотяков. Н. Н. Харузин отмечает: «Громадная масса вотякских селений указывает на происхождение от одного основателя и носит патронимические названия. ... В то время как русские поселения идут вдоль улицы, в финских деревнях подчас не видишь никакой правильности. Дома являются разбросанными без всякого порядка. Эта беспорядочность является прямым следствием происхождения самих деревень.

Разные соображения заставляют строить вновь возникающий дом там, где это оказывается удобнее. ... В первой половине нынешнего столетия (XIX в.) у вотяков встречались деревни, в которых каждый дом отделялся засеянным полем... Такие деревни вырастали, несомненно, из одного двора. В том случае, когда в соседство выделялась или садилась новая семья, она выбирала себе место за чертой расчищенных первыми поселенцами полей» [12, с. 36].

Поселения башкир, татар и чувашей, крещеных и некрещеных долгое время сохраняют черты кучевой планировки. Даже в середине XIX в. В. М. Черемшанский отмечает, что на Южном Урале: «Деревни черемисские не имеют никакой правильности в расположении домов, исключая тех, которые перестраиваются по планам; надворное строение в домах также большей частью разбросано» [13, с. 180].

И далее: «Деревни татар, как и других инородцев, везде отличаются теснотой населения, неправильным расположением улиц и самих жилищ. Избы у них строятся преимущественно во дворах — в различном у каждого направлении — безо всякой связи с другим надворным строением». [13, с. 169]

Татарские деревни разрастались из нескольких дворов, если не были основаны как казачья станица. «Деревня Могильная или по-татарски Елменкуль стоит на восточном берегу прекрасного, обширного и карасями изобилующего озера, которое русские по находящимся около его могилам Могильное, а татары Елмен-Кулом называют, оно в окружности имеет от 8 до 10 верст. В одной деревне находится до 20 татарских дворов.

Сии татары суть роду Ичкинских казаков, которые лет за сто, или как старики между ними говорят, во время юношества Петра Великого пришедши из Казанской провинции, поселились в малом числе на реке Ичкан, впадающей в реку Исеть. Теперь же число их столь умножилось, что составляет почти 200 семей, которые живут, расселившись по реке Тече и Миассу» [10, с. 30—31].

Нерегулярность планировки была характерна для сел северной части нашего региона, где многие села возникли путем добровольного переселения. В степной зоне Южного Урала заселение, в основном, проходило как основание казачьих поселений — форпостов и станиц. Нерегулярная планировка долго сохранялась только в небольших селах, которые не были сразу построены как казачьи поселения (даже в русских и мордовских). В сочетании с обилием озер северной зоны региона поселения производили впечатление очень живописных. «Деревня Птичь построена между озерами, изобилующими карасями, Птичьим и Бухаровым, которые только на сто сажен друг от друга отстоят, и каждое не более, как на версту величиною, однако последнее (озеро), лежащее от оною к юго-западу несколько побольше ... В сей деревне живет 40 семей, которые лет за 19 пересели-

лись сюда из Карасевского форпоста и за 6 лет воздвигли здесь церковь» [10, с. 29].

В целом В. М. Черемшанский делает вывод, что на Южном Урале «русские и мордовские селения расположены с большей правильностью, чем татарские, чувашские и черемисские, большая часть которых устроена без всякого порядка, состоя часто из отдельных разбросанных изб, анбарушек, нередко без всякой изгороди. Главный недостаток здешних старых поселений заключается в тесном расположении жилищ, а потому случающиеся по неосторожности пожары истребляют у нас почти целые селения» [13, с. 229].

В середине XVIII в. в процессе освоения территории Южного Урала российскими казаками здесь появляются небольшие казачьи поселения, русских и других этнических групп. Они возникают одновременно с крепостями как слободы, необходимые для обслуживания армии. Эти поселения планомерно отличались от стихийно возникавших сел. Земля казакам отводилась одинаковыми участками, а поселение с момента основания приобретало уличную планировку. Ф. М. Стариков отмечает: «Величина служилых слобод соизмерялась с потребностью военной силы и силами народа, близ которого они были расположены. Иногда они были очень невелики, например человек в пятьдесят жителей и даже менее. Слободы Пушкарская и Пищальская по большей части находились близ городов и острогов. Казачьи же, Ямская и вообще слободы поселян были разбросаны по всему сибирскому краю» [14, с. 115].

Как правило, слободы обносились укреплениями. Известны описания многих казачьих слобод XVIII в. «Чумляцкая свобода, обнесенная деревянными укреплениями, построена на высоком берегу реки Миасса, потопляемые низменные ее места ниже впадающей в оную с сей стороны реки Большого Чумляка» [10, с. 26].

П. С. Паллас описывает: «... большую слободу Кундраву, состоящую более, нежели из ста дворов и лежащую на юго-западной стороне озера от башкирцев Кундрава-куле именуемого» [10, с. 101].

Подчеркивается регулярная планировка таких селений: «Нижнеуельская слобода. Сие весьма изрядное село имеет полтора ста дворов, размежеванных на правильные улицы, обнесено обыкновенным укреплением» [10, с. 136].

Слободы могли быть достаточно большими поселениями, к которым приписывались деревни. «Слобода [Куртамыш] лежит на весьма приятном, открытом и песчаном холме, коего большую часть обтекает Куртамыш. Она лишь за 20 лет со всеми к ней принадлежащими селами и деревнями построена» [10, с. 35]. И далее о ней: «В слободе кроме деревянной церкви и управительского дому находится только 68 жилых дворов, ибо большая часть жителей по деревням рассеяна. Прежде заведения Уйской линии была здесь пограничная крепость, да и теперь то место ради

киргизских набегов обнесено обыкновенным деревянным укреплением» [10, с. 36].

Из казачьих русских поселений старейшими были дворцовые и монастырские села. Дворцовые села находились, в основном, на современной территории Башкирии. Из некоторых к XVIII в. уже сформировались города, например Бирск. Монастырские села были расположены в бассейне реки Исеть, так как относились к Далматову или Рафаилову монастырям.

Дворцовые села представляли собой укрепленные поселения: «Кроме оных крепостей в Уфимском уезде знатнейшими жилами почитаются старинные дворцовые села, которые для безопасности от башкирцев наподобие острогов укреплены оплотом; в некоторых же и рубленые стены с башнями сделаны. Из оных Каракулино на реке Каме, от города Уфы 210 верст» [2, с. 386].

Монастырские села не отличались планомерно от всех других казачьих поселений. Например, такое село описывает священник Иван Протопопов: «Село Становое расположено в северо-восточной окраине Оренбургской губернии... Село Становое, как и все деревни его прихода, расположено кругом озера того же имени. Дома по большей части пятистенные... С недавнего времени появился новый тип постройки — саманный, удобный в противопожарном отношении. Саман готовится из местной глины с навозом, по качеству немного уступает кирпичу и значительно дешевле его. Из самана кладутся амбары и кладовые... Перед многими домами разведены небольшие садики. По красоте местоположения и построек село может быть причислено к одним из лучших в губернии» [15, с. 692].

В целом В. М. Черемшанский выделял следующие характерные черты сел Оренбургской губернии: «Расположение здешних сел и деревень весьма различно, по разнородности жителей и разновременности основания селений. Те из деревень, которые основывались с давних времен, не имеют никакой правильности в расположении, — улицы их разбросаны без всякого порядка — большей частью по направлению дорог, выходящих из них в разные стороны, исключая разве только те деревни, где сама местность способствовала правильному расположению жилищ. Деревни же вновь устроенные имеют более правильный вид, прорезаны продольными и поперечными улицами и дома в них расположены с надлежащим соблюдением общих для хозяев выгод» [13, с. 229].

Таким образом, одновременно с линиями крепостей формируется система расселения с поселками различной величины, которые заселялись казаками различных этнических и конфессиональных групп, предпочитавших селиться компактно. Для казачьих поселений, в отличие от издавна существовавших на Южном Урале деревень, характерна правильная уличная планировка. Села с нерегулярной планировкой,

вне зависимости от национальности его населения, преобладали в северной части региона — лесной и с большим количеством озер. В южной степной части большинство составляли изначально регулярные казачьи поселения.

Отличительной чертой в формировании русских южно-уральских деревень являются более широкие улицы, чем в центральной России. Эта особенность отмечается некоторыми более поздними исследователями и путешественниками: «Уральские деревни отличаются от великорусских только необыкновенно широкими улицами; видно здесь когда-то не было недостатка в земле. От главной улицы идет несколько поперечных; посреди деревни стоит обыкновенно часовенка, иногда церковь; избы стоят скучными однообразными рядами. Некоторые избы сложены из крепких восьмивершковых бревен; это постройки тех времен, когда в окрестностях стояли исполнинские кондовые леса» [16, с. 136].

Ярко выраженной регулярностью с самого основания отличались села, принадлежащие заводам. Планы деревень и выселок, приписанных к заводам, проектировались с четкими широкими улицами и одинаковыми участками для застройки. Некоторое разнообразие в планировку вносило расположение речки или озера, которые обязательно имелись около деревни. Небольшие деревни порой состояли из одного или двух рядов домов и не имели никаких общественных или производственных сооружений. Более крупные — имели параллельные улицы вдоль или перпендикулярно реке, пересекаемые перпендикулярными им переулками, как это было принято в регулярном градостроительстве того времени.

Например, деревня Медведьевская Златоустовских заводов имела только один ряд домов вдоль реки Ай [17]. Подобную же композицию представляла деревня Перпурина Юрюзань-Ивановского завода. Два жилых массива, разделенные единственной деревенской улицей, тянулись вдоль речушки [18]. Похожую планировку имела деревня Аратская Усть-Катавского завода [19]. Деревня Анновка Преображенского завода имела две больших улицы вдоль реки Кургашки. Одна из этих улиц переходит в дорогу на завод [20]. Примером большой деревни с аналогичным типом планировки является Арныкша Архангельского завода. Деревня имеет кварталы, расположенные и вдоль, и поперек к реке. Основная часть селитьбы разделены тремя прямыми параллельными улицами [21].

Деревня Куштумгинская, приписанная к Златоустовским заводам, состоит из двух рядов домов с широкой улицей. Жилой массив расположен перпендикулярно течению реки [17]. Другой пример с жилым массивом, расположенным перпендикулярно реке — деревня Приверхнебуланская Юрюзань-Ивановских заводов. Здесь улица, разделяющая два массива селитьбы, резко поворачивает, подходя к реке. Это делает композицию более живописной [22]. Еще одним при-

мером расположения жилого массива перпендикулярно реке является план выселки при Миньярском заводе. Этот поселок имеет мельничную плотину, которая образовала пруд. Тем не менее селитьба подходит к центру поселка с одной стороны пруда четкими массивами, разделенными двумя улицами. При плотине находится мельница и амбар [23]. Другая выселка того же завода имеет только одну длинную улицу, трассированную перпендикулярно речке [24]. Очень похожую планировку демонстрирует поселок Саткинской пристани. Он композиционно завершен самой пристанью на окраине поселка у реки. В центре расположены кузница, весовая и склады [25].

Деревня Новотагильская Златоустовских заводов при регулярной однотипной планировке с одной улицей выглядит живописно за счет своего местонахождения в излучине реки Миасс [26]. Расположение в излучине реки Ералки делает необычной планировку деревни Ерал Миньярского завода. Небольшая речка с другой стороны деревни выделяет ее, несмотря на сухую уличную планировку [27].

Своеобразие деревень Шубиной Юрюзань-Ивановских заводов и Александровки Преображенского завода определяется расположением при впадении небольшой речки в большую. В первой деревне строения располагаются по обе стороны речушки Шубиной, которая впадает в речку Юрюзань [28]. Вторая деревня находится по одну сторону от небольшой речки, а соединение рек отмечено мостом — единственным выразительным элементом в планировке деревни [29]. Более крупная деревня с аналогичным расположением — Тебелес Юрюзань-Ивановских заводов [30]. Деревня Зилим Архангельского завода — это относительно большое поселение с пятью улицами, несколькими речками и озером. Несмотря на живописность местности, планировка отличается четкостью, даже сухостью [31]. Несколько выразительнее выглядит планировка выселки Миньярского завода на речке Биянке [32].

Аналогичную картину дают и воспоминания путешественников. Из описания XVIII века деревни, приписанной к заводам купца Твердышева, следует, что в ней было около ста тридцати домов, расположенных в четыре прямые с перекрестками довольно широкие улицы. Деревня была обнесена укреплениями; жители занимались производством угля для завода и хлебопашеством [10, с. 39].

В XIX в. наблюдается дальнейшее развитие и регулярная перепланировка южно-уральских деревень. Развитие небольшой деревни начиналось с образования параллельной улицы. Глухие боковые переулки выводили к реке или к лугу. Поперечные улицы возникали редко, только при сложном рельефе местности. Однако по мере увеличения численности населения уличная планировка перерастала в квартальную.

Первые указы, определявшие порядок планирования деревень, размещение колодцев и земляных

угодий были приняты еще в XVIII в. Например, указ Петра I 1722 г. «О строении крестьянских дворов по специальному чертежу» [8, с. 47].

В 1843 г. вышел указ оренбургского генерал-губернатора о перестройке деревень, в которых улицы предполагалось располагать прямыми и правильными линиями, одна от другой от 10 до 15 сажень. Между домами должны были быть расстояния 12 сажень. Бани и кузницы переносились на берег реки — во избежание пожаров [6, с. 47].

После воплощения в жизнь указа 1797 г. о размежевании земель часть мелких поселков исчезла. Более крупные поселения перепланировались в соответствии со стандартами восточноевропейских поселений средней полосы России. В этот период население прежних родовых деревень разрастается за счет пришлых групп переселенцев. Это способствует внедрению уличной планировки поселений.

Даже старые башкирские деревни, по описаниям современников, приобретают более регулярную планировку: «Деревни их [башкир] устроены большей частью правильно, дворы почти всегда огорожены; во дворах есть и конюшни, и амбары, и крытые загородки для рогатого скота и овец, позади — у некоторых имеются огороды и гумна; внутри двора летом у всех зелень, чисто и опрятно. Многие домохозяева имеют нередко по две и по три избы с белою печью; черных или курных изб, какие в большом употреблении у русских — у башкирцев нет» [13, с. 151].

Наблюдается срастание отдельных селений в единое более крупное. Это явление было обусловлено быстрым ростом деревень и развитием торговли. Торговля приводила к возникновению более устойчивых экономических связей между населенными пунктами. Во второй трети XIX в. наблюдается стабилизация количества небольших населенных пунктов. Характерной чертой расположения деревень является обязательная близость реки или озера. Обычно деревня располагалась на возвышенной надпойменной террасе. А луга с противоположной стороны реки. Во второй половине XIX века деревни укрупняются.

В 1859 г. В. М. Черемшанский отмечал, что на Южном Урале «старинные селения, как русские, так и иноверческие преимущественно отличаются многолюдностью и состоят нередко из 100, 200 и более дворов; слишком дробных селений нет, исключая только некоторые помещичьи имения» [13, с. 229].

Несмотря на постоянные попытки сделать планировку старых сел более регулярной, во многих из них сохраняются традиции национального градостроительства, которые определяются образом жизни и обычаями народов. Они выражаются в расположении домов относительно улиц и в планировке самих усадеб. Общая планировка села при этом может быть уличной или квартальной, как того требовали нормативные документы. Например, «типичная черта

поселений, принадлежащих к финским народам, это вход фасада дома не на улицу, как в большинстве русских деревень, а во двор» [12, с. 38].

«У черемисов изба часто строится в глубине двора, а вокруг нее стоит множество амбаров, лачуг, клетей для летнего жилья и для хранения всевозможных запасов» [12, с. 39].

«В любой вотяжской деревне можно встретить много изб, окна которых выходят во двор, а на улице сплошь да рядом видны лишь высокие бревенчатые стены избы или клетки. Нередко, когда на улицу выходит клеть, то, так как окна чаще вырубаются лишь в избе, они выходят далеко в глубь дворов, которых в мало-мальски зажиточном хозяйстве бывает два» [12, с. 39].

«В мордовских деревнях встречаются еще дома, обращенные к улице боковым фасадом» [12, с. 39]. Таким образом, по воспоминаниям современников, в большинстве сел нерусских народностей как мусульман, так и крещеных сохранялась традиция расположения домов с входом со двора, а не с улицы.

Для деревень XIX в. наиболее характерна была планировка из одной улицы с двусторонней застройкой. В нерусских деревнях следствием прошлой кучевой планировки была некоторая свобода размещения строений и в более поздних деревнях. Улица могла внезапно поменять направление, сместиться или прерваться, а потом продолжиться.

В расположении нерусских деревень наблюдается группировка «кустами». Жители таких деревень были связаны в прошлом общностью происхождения. «Селения между собой расположены на различных расстояниях — от 1 до 20, 30 и более верст, но преимущественно от 5 до 10 верст. Татарские же и, особенно, башкирские селения часто бывают расположены одно от другого так близко, что промежуток между ними не занимает и полуверсты» [13, с. 230].

Другой особенностью можно считать расположение деревень около рек и озер. Это было характерно для всех этнических групп населения Южного Урала и определялось изобилием водоемов, особенно в северной части региона. Например, села Губернское и Рождественское и древняя Смолина сформировались с разных сторон озера Большие Ирдыги. Впоследствии они срослись и образовали, интересный ансамбль из нескольких сел, переходящих друг в друга. Застройка этих сел расположена по берегам двух озер — Большие и Малые Ирдыги.

В XIX в. многие градостроительные приемы деревень нерусских этнических групп населения основываются уже не на национальных традициях, а на опыте соседних русских поселков и слобод. Особенно в горнозаводской зоне появляется более частое расположение домов. В целом, по форме плана южно-уральские селения можно разделить на линейные и компактной планировки. Формирование того или иного типа планировки

определялось исторически, в процессе возникновения и роста села.

В особую группу сельских населенных пунктов Южного Урала следует выделить станицы новолинейного района, которые строились в XIX в. изначально по утвержденным регулярным планам. Казачьи станицы — своеобразный вид южно-уральского поселения. Они с самого начала отличались регулярностью и прямоугольной сеткой улиц. Этому благоприятствовали топографические условия равнинной местности южно-уральских степей. Главные улицы селений проходят обыкновенно вдоль рек, в поперечном направлении идут второстепенные, более узкие. Об этом свидетельствует, например, описание станицы Варна. Поселок возводился по разработанному инженерами Оренбургского корпуса плану, характерен стройной линейной планировкой. Улицы и переулки, в отличие от крестьянских деревень, застраивавшихся бессистемно, образовывали правильные квадраты кварталов с площадью у поселкового правления. Казачьи усадьбы и хозяйственные постройки обносились каменными заборами или ивовыми плетнями [33].

Историк В. С. Кобзов дополняет: «С переводом станицы на новое место началось возведение капитальных жилых строений. Первоначально было заложено три улицы, разбитые на 8 кварталов. Нижняя улица выходила на берег реки, главной считалась средняя, где находилось поселковое правление и площадь. Дома, как правило, закладывались деревянные, на две комнаты, либо с крестообразной планировкой внутри... В начале следующего года в поселке уже насчитывалось 120 деревянных домов и общественных зданий, 35 землянок, школа и было начато строительство культовых сооружений» [34, с. 13].

Аналогично формировалась станица Бреды. Священник М. Горбушин в «Оренбургских епархиальных ведомостях» за 1908 г. так описывает ее возведение: «Основание поселку было положено весной 1843 года, место же, предназначенное для его заселения, как и для других, основанных в это время поселков, избрано войсковым начальством в июле 1841 года» [33]. Станица явилась редким исключением, поскольку была основана на правом берегу реки. Однако со временем она была перенесена на другой берег по соображениям безопасности и исходя из природных особенностей площадки. В 1860 г. с разрешения войскового начальства жители переселились, так как на правом берегу реки зимой поселок так заносило снегом, что невозможно было выходить из домов по несколько дней. Планировочная структура Бредов, как и Варны, с самого основания формировалась как регулярная с прямоугольным пересечением улиц. Одновременно формировалась система высотных ориентиров поселка. На месте водруженного при основании поселка креста построили деревянную часовню Покрова Божьей матери. Другими типичными высотными ориентирами были мельницы и маяки на

окраинах поселков. Дополнительными (подчиненными) высотными ориентирами становятся часовни при кладбищах. Так в Бредах около церкви была построена каменная пятиглавая часовня. Всего в 1860 г. поселок насчитывал 89 дворов.

Регулярный характер планировок казачьих станиц хорошо читается на сохранившихся генеральных планах периода их возникновения. В плане станицы Кичигинской 1852 г. прослеживается главная композиционная ось — центральная улица, ее трассировка необычна (имеются прямой и дугообразный участок). Остальные улицы образуют типичные для станиц четкие прямоугольные кварталы. Характерна организация центра поселка — крупных размеров площадь с церковью в центре и станичным правлением. В данном конкретном примере берег реки никак не обыгрывается, панорама поселения со стороны реки недостаточно выразительна. В другом примере — генеральном плане станицы Оренбургской 1860 г. — наоборот, панорама поселения со стороны реки является наиболее интересной. Главный высотный ориентир — церковь и центральная площадь раскрыты на воду. В целом планировка поселка регулярная прямоугольная, отличается некоторой схематичностью.

В планировке поселков формируется система противопожарных мероприятий. Используются следующие планировочные приемы: установка несгораемых стен, расположение домов далеко друг от друга, разбивка широких улиц и переулков. По свидетельству М. П. Мочаловой, исследовавшей казачьи поселения на территории Челябинской области, их основные улицы были шириной 30—50 и даже 60 метров, например, в селе Клястицком Троицкого района, второстепенные — 12—15 метров. Размеры кварталов не одинаковы, даже в одном селении, так в Николаевке они в среднем — 70×70 метров, а в Рымницком — 60×62, 60×120, 105×120 и 70×130 метров. Заметна некоторая кратность размеров 60—70 метрам [35, с. 147].

Первоначально под казачьи усадьбы отводились достаточно большие территории, дома ставились свободно только по улицам квартала, как этого требовали градостроительные указы того времени. Позднее происходило уплотнение кварталов в результате семейных разделов.

В казачьих поселках не было зеленых насаждений, огородов и садов, даже палисадники появились только в начале XX века. Огороды и бахчи находились по берегам рек. Первоначально казаки пахали, где хотели, к распределению земельных фондов в Оренбургском войске приступили только в конце позапрошлого века. Для кочевников был выделен «миллионный отвод», были определены запасные войсковые земли, обозначены станичные и войсковые юрты. Первоначальный земельный пай казака составлял 15 десятин.

Композиционным центром казачьей станицы являлась крупных размеров площадь (плац для джи-

гитовки). Это можно проследить на планах станиц и из описаний: «В городе (станции) место собрания Круга обносились перилами, а когда Круг собирался в поле, то нередко толпа народа сама составляла из себя цепь наподобие круга, как бы вместо перил, которых не было» [36, с. 226].

Эта площадь располагалась, как правило, в центре поселка, реже встречаются раскрытые на реку плацы (станции Оренбургская, Нижнеулевская). На площади располагались церковь, школа, станичное правление, питейный дом и другие общественные здания. Размеры площадей, по свидетельству М. П. Мочаловой, составляли до 6—7 га [35, с. 149]. Эта площадь выполняла и функции торговой. Например, в Варне с 1 по 11 ноября проводилась ежегодная осенняя ярмарка, на которую жители ближайших станичных юртов съезжались для продажи и покупки сельскохозяйственной продукции. В Николаевской станице с 6 по 16 декабря и с 6 по 16 марта проводились ярмарки по продаже скота и хлеба. В поселке Кацбах ярмарка проводилась с 25 ноября по 1 декабря. Особенно славилась Наследницкая ярмарка, на которую приезжали из других станиц и поселков.

Основным высотным ориентиром села обычно являлась церковь или мечеть. Церкви располагались чаще всего в центре главной площади (Кичигинская, Оренбургская, Чебаркульская, Варна, Берлин) или за селом, на возвышенности около кладбища (Бреды, Кундравинская). Иногда церковь могла находиться вне села в живописном месте. Например, в поселке Амурском церковь находилась за его пределами на горе Любашихе. Чаще всего церкви строили деревянные, в поселках побогаче впоследствии они были заменены каменными. Православные храмы имели крупные размеры, соответствующие пространству площади. Мечети обычно ставились в линию застройки. В больших башкирских или татарских деревнях находились мусульманские школы — медресе.

Во второй трети XIX в. в состав центра сел входят базарные и ярмарочные площади, здания волостных правлений, постоянные дворы, почтовые станции. В крупных казачьих поселках имелось по две (мужская и женская) школы. Среди казачьего населения России оренбургские казаки имели самый высокий процент грамотности. Административное здание станичной или поселковой управы, как правило, располагалось на площади или на главной улице поселка. На площади (плацу) проводились войсковые смотры и учеба казаков.

Еще одним крупным сооружением сел были водяные мельницы на окраинах. Встречались и ветряные мельницы, которые обогащали силуэт поселения. Интересный пример ветряной мельницы XVIII века описывается у М. А. Круковского: «...мельница с четырехгранным срубом внизу, на

высоте сажени этот сруб сужается, а на самом верху переходит в восьмигранную верхушку вроде башни, увенчанную легкой навесной крышей. Этой почтенной старушке 130 лет, но она все еще мелет» [16, с. 295].

Кладбища, как правило, располагались на возвышенном месте в нескольких сотнях метров от деревни. Кладбища были выразительным элементом сельской панорамы. Их размещали на пологом склоне холма. В православных селах дополнительными пространственными акцентами являлись часовни кладбищ, расположенные на окраинных холмах. На мусульманских кладбищах устанавливали плиты-стеллы и каменные ограды групп могил. В некоторых районах сохранился древний обычай устраивать мусульманские кладбища на опушке леса или сажать на могилах деревья.

Таким образом, деревни всех этнических групп населения строились по берегам рек и озер, особенно в северной зоне региона. Поскольку заселение края происходило, главным образом, по рекам, то и поселения размещались, в основном, вдоль их русла или около озер. Когда же все приречные территории были заняты, началось освоение водораздельных территорий. Такое расположение было характерно для всех этнических групп населения Южного Урала и определялось изобилием водоемов, особенно в северной части региона.

Планировочные структуры поселений изучаемой территории можно разделить на четыре основных типа: свободная (наиболее древняя); замкнутой формы селения, формирующие торговую площадь; структура многорядных поселений с ориентацией домов на юг; планировка смешанного характера. Во второй половине XIX в. многие селения приобретают четкие геометрические формы, порой не связанные с ландшафтом.

В башкирских деревнях в XVIII в. преобладала кучевая планировка в виде небольших кварталов, объединявших близких родственников. Группы домов родственников соединялись сообщающимися дворами. Поэтому планировка часто была запутанной, нерациональной. Поселения татар, чувашей, удмуртов (вотяков), калмыков, марийцев (черемисов) крещеных и некрещеных долгое время сохраняют черты кучевой планировки. Более регулярными были поселения русских и мордвы. Русские села на Южном Урале были следующих типов: казачьи слободы и станицы, дворцовые села, монастырские села.

Наиболее регулярной является планировка слобод и станиц, в которых жителям отводились одинаковые участки. Станицы сразу строились по регулярным планам. Дворцовые села, в основном, расположены в западной зоне региона, а монастырские — в северо-восточной. Нерегулярность планировки была характерна для сел северной части нашего региона, где многие села возникли

путем добровольного переселения. В степной зоне Южного Урала заселение, в основном, проходило как основание казачьих поселений — форпостов и станиц. Таким образом, планировка села определялась временем его возникновения. В старых селах — это была нерегулярная планировка, а в селах конца XVIII — начала XIX вв. — уличная регулярная.

Казачьи села могли быть заселены казаками различных этнических и конфессиональных групп, предпочитавших селиться компактно. Отличительной чертой в формировании казачьих южно-уральских деревень являются более широкие улицы, чем в центральной России.

Ярко выраженной регулярностью с самого основания отличались села, принадлежащие заводам. Планы деревень и выселок, приписанных к заводам, проектировались с четкими широкими улицами и одинаковыми участками застройки. Некоторое разнообразие в планировку вносило расположение реки или озера, которые обязательно имелись около деревни.

После воплощения в жизнь указа 1797 г. о размежевании земель часть мелких поселков исчезла. Более крупные поселения перепланировались в соответствии со стандартами восточноевропейских поселений средней полосы России. Даже старые башкирские деревни, по описаниям современников, приобретают более регулярную планировку. Наблюдается срастание небольших селений в единое более крупное. В расположении нерусских деревень наблюдается группировка «кустами».

Несмотря на постоянные попытки сделать планировку старых сел более регулярной, во многих из них сохраняются традиции национального градостроительства. Они выражаются в расположении домов относительно улиц и в планировке самих усадеб. Общая планировка села при этом может быть уличной или квартальной. В XIX в. многие градостроительные решения деревень нерусских этнических групп населения основываются уже не на национальных традициях, а на опыте соседних русских поселков.

Литература

1. Путешествие Ахмеда Ибн-Фадлана на реку Итиль // Перевод Султана Шамси. — М.: Наука, 1992. — 165 с.

2. Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. — Оренбург: Изд. Оренб. Губернского стат. комитета, 1887. — 406 с.

3. Тарасов Ю. М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала. — М.: Наука, 1984. — 175 с.

4. Пятаков В. В. История Южного Урала. — Челябинск: Изд. ЧелГУ, 1995. — 135 с.

5. Лепехин И. И. Записки путешествия академика Ивана Лепехина. — СПб.: Императ. Акад. наук, 1821. — 423 с.

6. Шитова С. Н. Традиционные поселения и жилища башкир. — М.: Наука, 1984. — 252 с.

7. Калимуллин Б. Г. Планировка и застройка башкирских деревень. — Уфа: Башкирское книжное издательство, 1959. — 108 с.

8. Ширгазин А. Р. Формирование планировочного устройства малых населенных мест Башкортостана. — Уфа: Гилем, 2000. — 188 с.

9. Руденко С. И. Башкиры. — Пг.: Якорь, 1925. — 330 с.

10. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства, — СПб.: Тип. При Имп. Академии наук, 1786. — Ч. 2. — 476 с.

11. Путеводитель по Уралу. — Екатеринбург: Издание газеты «Урал», 1899. — 386 с.

12. Харузин Н. Н. Очерк развития жилища у финнов. — М.: Тов-во Левикон, 1895. — 125 с.

13. Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии. — Уфа: Губ. тип., 1859. — 406 с.

14. Стариков Ф. М. Откуда взялись казаки (исторический очерк). — Оренбург: Тип. Ефимовского-Мировицкого, 1881. — 264 с.

15. Оренбургские епархиальные ведомости. — 1908.

16. Круковский М. А. Южный Урал. Путевые очерки. — М.: Унив. тип., 1909. — 276 с.

17. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 37, оп. 63 II, д. 22, л. 25.

18. РГИА, ф. 37, оп. 63 II, д. 55, л. 7.

19. РГИА, ф. 37, оп. 63 II, д. 57, л. 11.

20. РГИА, ф. 37, оп. 63 II, д. 76, л. 12.

21. РГИА, ф. 37, оп. 63 II, д. 114, л. 14.

22. РГИА, ф. 37, оп. 63 II, д. 55, л. 8.

23. РГИА, ф. 37, оп. 63 II, д. 53, л. 16.

24. РГИА, ф. 37, оп. 63 II, д. 53, л. 18.

25. РГИА, ф. 37, оп. 63 II, д. 26.

26. РГИА, ф. 37, оп. 63 II, д. 22, л. 26.

27. РГИА, ф. 37, оп. 63 II, д. 53, л. 17.

28. РГИА, ф. 37, оп. 63 II, д. 55, л. 9.

29. РГИА, ф. 37, оп. 63 II, д. 76, л. 13.

30. РГИА, ф. 37, оп. 63 II, д. 55, л. 6.

31. РГИА, ф. 37, оп. 63 II, д. 114, л. 13.

32. РГИА, ф. 37, оп. 63 II, д. 53, л. 19.

33. Оренбургские губернские ведомости, 1868. — 26 мая.

34. Кобзов В. С. Уральская Варна. — Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1992. — 76 с.

35. Мочалова М. П. На полуденную сторону. — Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1978. — 192 с.

36. Витевский В. А. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года. — Казань: Изд. Каз. Губ., 1897. Т. 1—3. — 1514 с.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ГОРОДСКАЯ ПОЛИТИКА НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Город способен интегрировать и иерархически организовывать пространство, тем самым обеспечивая функцию управления. Государство традиционно использовало эту функцию, создавая городские поселения как орудия политического воздействия на округу. При этом город функционировал как элемент системы государственного управления. В то же время он способен выступать как самостоятельный феномен, возникающий как результат самоорганизации и саморазвития общества. Государство испытывало необходимость в подобном творческом феномене, но выступало противником, главным образом, городской автономии. Успех развития государства и общества зависит от эффективности взаимоотношений государства и города, которые получали свое оформление и регулировались в городской политике.

Государственная городская политика — это сфера деятельности государства по регулированию политического, экономического, социального, пространственного и иного развития города как сложного социально-пространственного организма в целях обеспечения благоприятных условий жизнедеятельности населения. В действительности эта политика направлена на создание условий функционирования города, сочетание элементов прямого административного управления и городского самоуправления, ограничение и направление его развития в интересах целостной системы. Городская политика вписана в общий курс государственной политики и обнаруживает стремление к унификации, пренебрегающее региональными различиями.

В России акцент в государственной городской политике традиционно смещен в сторону государства, его воля является определяющей в процессе градообразования и градоформирования. Главным критерием города в дореволюционной России было признание его таковым со стороны высшего правительства [1, с. 767]. Материальная, финансовая, военная, идеологическая поддержка государства превращала города в символы русской государственности, а «градостроительство рассматривалось как дело государственной важности» [2, с. 144].

Процесс создания городов в Российской империи регулировался «Правилами об образовании негородского поселения в город» [1, с. 767—768]. Согласно «Правилам...» инициатива обращения негородского поселения в город могла исходить от правительства или местных обывателей. При образовании города по распоряжению правительства возникало меньше бюрократических проволочек на практике и следовало больше практических выгод

(отвод выгонной земли для города из свободных казенных земель, крестьяне вновь образованных городов самостоятельно решали вопрос о переходе в городское сословие).

На Южном Урале все официальные города были образованы по распоряжению правительства. Созданию городов предшествовал анализ реального положения в регионе, имеющих населенных пунктов в системе расселения. При определении месторасположения города принималось во внимание его центральное положение по отношению к приписанной территории, устойчивость связей, охватывающих всю территорию уезда, расположение транспортных магистралей, количество обслуживающего населения в округе, наличие помещений для присутственных мест, градостроительной площадки города и т. п. По возможности, выбирали пункт, «концентрирующий совокупность городских функций в округе» [3, с. 11].

Возникновение городов Южного Урала относится к XVI—XVIII вв., что связано с необходимостью закрепиться на вновь присоединенной земле, обеспечить охрану границ, управлять территорией. Задача, которую они решали, обусловила первостепенность административно-фискальных и военно-стратегических функций. Необходимость культурного освоения окраин, ассимиляции иноэтнического компонента, обслуживания нужд местного населения привело к превращению южно-уральских городов в религиозно-культурные центры. Некоторые особенности градообразования выделяют город Златоуст, который возник в процессе хозяйственного освоения края, на основе частного горнозаводского поселка. В 1811 г. завод был выкуплен в казну, а поселение стало центром горного округа и местом размещения горной администрации.

В истории южно-уральских городов государство явилось не только главным субъектом градообразования, но и фактором, определяющим комплекс градоформирующих функций. С целью превращения южно-уральских городов в центры притяжения для степных народов, создания стимулов к объединению правительство предоставило торговые льготы Оренбургу и Троицку. Выбор городов обусловлен их выгодным географическим положением: Оренбург имел выход в центральную Россию через Самару, на Троицк через Златоуст, на Казань через Мензелинск [4, с. 268]. Развитие промышленности в южно-уральских городах к началу изучаемого периода не было значительным. Государство не рассматривало торгово-промышленную деятельность как специфически городскую, крестьянам было раз-

решено свободно заниматься ею, что создавало значительную конкуренцию для городов. Крупная горнозаводская промышленность целенаправленно развивалась в негородских поселениях.

При всей продуманности и обусловленности правительственной политики градообразования на Южном Урале решение вопроса об обращении негородского поселения в город соответствовало, прежде всего, государственным интересам. Оно не всегда в достаточной мере учитывало связь возникновения города с естественными данными. Об этом свидетельствует трехкратный перенос Оренбурга [5, с. 240], монофункциональность малых южно-уральских городов, слабость торгово-обменных связей города и сельской округи, изолированность городов и региона в целом, вызванная удаленностью, отсутствием надежной транспортной связи с центром.

Зачастую при образовании города игнорировались пожелания и возможности местного населения. При незначительности приобретаемых привилегий, недостаточности внутренних материальных и финансовых средств, низком стимуле к обращению крестьянства в городское сословие для «новых» горожан тяжелым бременем становилось содержание органов городского управления, самостоятельное обеспечение местных польз и нужд. В ответ на присвоение Илецкой защите официального статуса города илецкий староста жаловался, что административные преобразования привели к еще большему ухудшению положения жителей: «Все тяжести городского положения к благоустройству и учреждению хозяйства обрушились на жителей города, которым кроме усадебной земли, не предоставлено никаких выгод» [6, с. 106].

К началу XX в. южно-уральские города прошли длительный путь становления и административного оформления. В течение данного периода неоднократно менялись статус и административная подчиненность городов Южного Урала, были опробованы различные способы сочетания административно-территориального деления.

Окончательное определение административных границ региона произошло во второй половине XIX в. В 1865 г. Оренбургская губерния была разделена на Уфимскую и Оренбургскую. Оренбургская губерния образована в составе пяти уездных городов: Оренбург, Орск, Верхнеуральск, Троицк, Челябинск и одного безуездного города Илецка. Оренбургское казачье войско вошло в состав Оренбургской губернии, в военно-административном отношении оно стало подчиняться губернатору, исполняющему должность наказного атамана. Уфимская губерния включила в свою территорию 6 уездов: Уфимской, Белебеевский, Бирский, Златоустовский, Мензелинский, Стерлитамакский.

В 1881 г. Оренбургское генерал-губернаторство и военный округ были упразднены, все войска и вой-

сковые штабы перешли в подчинение к командующим войсками Казанского военного округа. Управление в регионе было передано в руки Оренбургского и Уфимского гражданских губернаторов, был ликвидирован особый военный статус южно-уральских городов, на них распространилось действие общей законодательной базы. Это означало ослабление государственной принудительной силы в процессе градоформирования, появление возможностей для развития естественных социально-экономических, культурных, творческих функций городов.

Особенно большое значение указанные преобразования имели для Оренбурга, успешное развитие которого в предшествующий период находилось в прямой зависимости от особого административного статуса и многочисленных льгот купечеству и мещанству. Исследователь истории Оренбурга П. Н. Столпянский замечает, что для города с 1881 г. началась новая эпоха, нормального и ровного течения жизни; его процветание было поставлено в зависимость от инициативы населения, его торговой предприимчивости, преодоления косности и бюрократического строя [5, с. 246—252]. Замечание историка вполне можно распространить на все города региона. Великие реформы 1860—1870-х гг., масштабное железнодорожное строительство 1890-х гг. создали возможности для социальной и пространственной мобильности населения, пробуждения активности для участия в общественной жизни, расширили и укрепили транспортные связи Южного Урала с центром Российской империи, Средней Азией, связали север и юг региона, города между собой, оживили экономическую жизнь.

Таким образом, к началу XX века процесс формирования городской сети на Южном Урале завершился. Главную роль в этом процессе сыграло государство, что обусловило существование города как центра различного рода властей и позволило ему осуществлять господство над сельской округой. Кроме того, была выстроена иерархия городов, связанных административными, транспортными, хозяйственными связями.

Сложившиеся во второй половине XIX в. исторические условия России благоприятствовали появлению у города новых собственно городских функций (индустриальных, торговых, научно-образовательных, культурных), превращению его в лидера общественного развития. В отношениях города с округой наметился переход от односторонней связи, в которой город выступал как источник власти, к широкому хозяйственному и культурному взаимодействию.

К началу изучаемого периода на Южном Урале проявился также ряд недостатков государственной городской политики. Сформировавшаяся городская сеть оказалась чрезвычайно неразвитой (по 6 городов в таких значительных и густонаселенных губер-

ниях), уездные города были удалены от губернского, уезды располагались на значительной территории. Закрепившаяся практика взаимоотношений государства и городского общества затрудняла устранение недостатков и становление структурированной системы городов, которые могли бы наилучшим образом обслуживать потребности населения региона. Попытки создать новую основу взаимоотношений государства и городского общества, сформировать начала городской политики как сферы деятельности государства и местных (городских) органов самоуправления предпринимались в рамках общегосударственного курса на модернизацию.

Для эффективного функционирования органов местного самоуправления необходимы не только правовые, организационные возможности, но и экономические, политические факторы, социальные условия, идеологические предпосылки. Почти двадцатилетний опыт работы органов городского общественного управления, их взаимодействий с государственной властью выявил ряд исторически обусловленных недостатков и противоречий, заложенных в городской реформе. В городах Южного Урала серьезные технические трудности вызвала трехрядная избирательная система. Эффективной работе дум и управ препятствовало индифферентное отношение населения к выборам, узость выборного представительства, отсутствие должного понимания и стимулов в работе гласных, нехватка образованных, подготовленных деятелей городского общественного управления, отношение горожан к власти как к дополнительной возможности обеспечить себе влияние и материальное благополучие.

Особая комиссия, заседавшая в 1881—1885 гг., предлагала изменить принципы избирательной системы, ввести образовательный ценз (допустить к участию в работе органов местного общественного управления состоятельную интеллигенцию), установить минимальный размер уплачиваемых налогов (отсечь наименее обеспеченную часть избирателей), распространить избирательное право на состоятельных квартиронанимателей [7, с. 43—45]. Тем самым сохранялся принцип опоры на лояльную состоятельную элиту города, но привлекались общественно активные образованные интеллигентские слои и имущие граждане, не владеющие недвижимой собственностью в городе, что могло сделать управление эффективнее.

Министр внутренних дел Д. А. Толстой отверг предоставленные проекты, выступив с программой, в которой городское общественное управление включалось в вертикаль государственных учреждений. Этот проект соответствовал новому правительственному курсу, согласно которому «общественное управление не самостоятельное заведение местным сообществом дел, а звено общей системы государственного управления. Оно должно реализовывать государственные цели, задачи, интересы» [8,

с. 95—97]. Принимать участие в работе органов городского общественного управления могли только состоятельные, привилегированные группы, которые правительство признает единственными компетентными в заведении городским хозяйством: «кто мало или ничего не платит, не может заботиться о городском хозяйстве» [9, с. 8]. Надзор за деятельностью дум и управ должны осуществлять губернаторы. Этот проект, претерпевший ряд изменений в Государственном совете, принял силу закона 11 июня 1892 г.

Полное исследование законодательной базы городского общественного управления, которая представлена Городовым положением 1892 г., необходимо для рассмотрения взаимоотношений государства и городского общества и основ государственной городской политики в начале XX века. Новое положение было создано на основе предшествующего Городового положения 1870 г., при сохранении прежней структуры органов общественного управления, сферы их компетенции, оно внесло ряд существенных коррективов.

По закону городское общественное управление, будучи всесловным органом, считалось представителем всего городского общества перед государственной администрацией. Оно принимало решения по вопросам местного хозяйства от имени и на пользу всего местного общества. Таким образом, думы и управы должны были выступить преемниками существовавших в городах самоуправляющихся корпораций, представляющих интересы отдельных социальных групп (купцов, мещан, ремесленников), и получить в свое заведение все те имущества и капиталы, которые составляли собственность городских сословий. Однако в действительности сословные управы не перестали существовать: «Городовое положение 11 июня 1892 г. с относящимися к нему узаконениями...», издания 1915 г., включило «Правила об общественном управлении городских сословий» (т. IX, Закон о состояниях) [1, с. 753—764]. Постепенно органы сословного управления утрачивали свое влияние и привлекательность для членов, однако государство сохраняло за ними функции законотрансляции, контроля, попечения, фиска, признавало незаконным вмешательство дум и управ в управление купеческого сословия (Правила об общественном управлении городских сословий. Ст. 589). Старосты сословных обществ не принадлежали городскому общественному управлению, в должности они утверждались губернатором. Государство, консервируя систему сословного управления в городах, вывело ее из-под контроля дум и управ и создало параллельно существующие структуры представительства с дублирующимися функциями. Тем самым тормозилось складывание бессословного городского общества, составляющего основу нового индустриального типа отношений.

Согласно Городовому положению 1892 г. общественное управление в городах могло вводиться в полном объеме или упрощенном. Упрощенная форма управления служила цели уменьшения расходов на заведение требуемых учреждений в случае недостаточности средств города, низкой степени развития торговли и промыслов. В этих городах, согласно «Правилам об упрощенном городском общественном управлении» вместо городской думы учреждалось собрание городских уполномоченных от 12 до 15 человек (точное количество определяет губернатор). Уполномоченные избирались сходом местных домохозяев под руководством лица, назначенного губернатором из состава лиц, владеющих недвижимым имуществом стоимостью не менее 100 руб. [1, с. 645—656]. Собрание уполномоченных избирает городского старосту с одним или, в случае признания необходимости губернатором, двумя помощниками. Староста председательствует в собрании, исполняет обязанности общественного управления. Срок службы городского старосты и его помощников четыре года.

Упрощенное общественное управление было введено в двух городах Южного Урала: в Белебее (с 1905 г. применено Городовое положение в полном объеме) и Илецкой защите. В остальных уездных городах, несмотря на недостаточное число избирателей по имущественному цензу, городские головы предложили ввести Городовое положение в полном объеме в интересах населения и с учетом достаточности городских средств на содержание городского общественного управления.

Введение городского общественного управления в полном объеме предполагало учреждение городской думы (распорядительного органа) и городской управы (исполнительного органа). Правом участия в выборах гласных думы и кандидатов к ним пользовались горожане, соответствующие ряду ценовых требований: имущественному для владельцев недвижимых имуществ и лиц, обществ, товариществ, содержащих по свидетельствам торгово-промышленные предприятия, возрастному и цензу оседлости (Городовое положение (далее ГП). Ст. 23, 24). На тех же условиях избирательное право предоставлялось правительственным, благотворительным, учебным, научным учреждениям. Новый порядок выборов отменял курии и трехразрядную систему, однако высокий имущественный ценз лишил избирательных прав значительную часть горожан.

В городах Южного Урала доля жителей, получивших избирательные права, в процентном отношении ко всему населению города составляла в Оренбурге — 0,8 % Верхнеуральске — 2,1 %, Орске — 1,4 %, Троицке — 2 %, Челябинске — 1,7 % [10, л. 1—18], Уфе — 1,1 %, Бирске — 1,5 %, Белебее — 3,1 %, Златоусте — 0,6 %, Мензелинске — 1,7 %, Стерлитамаке — 0,8 % [11, л. 43 об., 12, л. 49]. По новому закону не получили избиратель-

ных прав квартиронаниматели, не был введен образовательный ценз. Таким образом, характер городского общественного управления не был изменен, городская дума осталась достаточно узким представительством, в котором «немногие руководят в интересах немногих» [9, с. 6—8].

В начале XX в. сохранялась основная черта государственной городской политики — всесторонний контроль власти в лице губернатора и МВД. Губернатор пристально следил за ходом выборов, определял сроки созыва избирательных собраний (ГП. ст. 24), разделение города на избирательные участки (ГП. ст. 34), утверждал состав лиц, имеющих право участия в выборах (ГП. ст. 35). По окончании выборов, список избранных гласных и кандидатов к ним в течение двух суток предоставлялся губернатору, если он усматривал нарушения законного порядка при выборах, дело передавалось местному по земским и городским делам присутствию, которое может признать выборы недействительными (ГП. ст. 48, 49, 51).

Губернатору же приносились жалобы на неправомерности, допущенные в ходе выборов (ГП. ст. 50). В случае недостаточного числа избранных гласных (менее двух третей), производилось назначение гласных по распоряжению министра внутренних дел (ГП. ст. 54). Кроме того, в состав городских дум кроме избранных гласных входили с правом голоса председатель уездной земской управы и депутат от духовного ведомства (если епархиальное начальство признает полезным его назначить) (ГП. ст. 57). В южно-уральских городах губернатор и губернское по городским делам присутствие наиболее активно пользовались правом корректировки списков лиц, учреждений, обществ, имеющих право участия в выборах, устранения незаконно избранных гласных думы [13, 14, л. 10—11]. Оренбургская и Уфимская епархии назначали в городские думы депутатов от духовного ведомства.

Такое же пристальное внимание государственная власть уделяла избранию городского головы и должностных лиц общественного управления. При сохранении за думой права выбора на эти должности было предусмотрено утверждение городских голов правительственной властью (в губернских городах министром внутренних дел, в прочих — губернатором). Губернатор, мог не согласиться с выбором думы и сам назначить городского голову и должностных лиц общественного управления (ГП. ст. 119).

Городовое положение устанавливало ряд ограничений для занятия руководящих должностей по городскому общественному управлению. На посты городского головы и членов управы не могли быть избраны лица духовного звания, иудейского вероисповедания (ГП. ст. 88), связанные родственными узами (ГП. ст. 117), представители судебного ведомства, чиновники казначейства (ГП. ст. 89). Кроме

соблюдения формальных требований для избрания, решающее значение при утверждении кандидатуры придавалось политической благонадежности городских голов.

Городские головы, замещающие их лица, члены управы, считались состоящими на государственной службе (ГП. ст. 103, 121, 122, 147, 149, 150). Им присваивались классы государственной службы: городским головам в губернском городе — VI, в прочих — VIII, членам управы VIII и IX соответственно. Этот порядок являлся дополнительным стимулом для исполнения общественных обязательств, не всегда хорошо оплачиваемых, гарантировал пенсию, социальную защиту, но зачастую вытеснял ценностно ориентированную гражданскую позицию.

В статьях регламентирующих работу городской думы и управы можно отметить расширение полномочий городских голов, что вполне объяснимо, принимая во внимание серьезный отбор кандидатов на должность и возможности влияния на их деятельность со стороны правительственных органов. Городской голова одновременно возглавлял городскую думу и управу (распорядительный и исполнительный органы). Еще в 1913 г. К. А. Пажитнов отметил, что такой порядок нельзя считать правильным, так как он может при известных обстоятельствах легко затруднить критику действий управы; более целесообразным является предоставление думе права выбирать из своей среды особого председателя [15, с. 31—32].

Кроме того, городской голова отдавал распоряжения о созыве думы (ГП. ст. 56), определял повестку дня заседаний (ГП. ст. 57). На заседаниях думы он мог лишить права голоса каждого гласного, по своему усмотрению останавливать прения, происходящие в думе. Если гласный намеревался внести какое-либо предложение, он должен был известить об этом городского голову за три дня до заседания (ГП. ст. 60). Только с согласия городского головы дума могла пригласить на свои заседания посторонних лиц (ГП. ст. 62). Голова проводил общий надзор за правильным течением дел в управе и в подвластных ей комитетах и комиссиях. Голова имел право делать распоряжения о сборе любых интересовавших его сведений. Он мог назначать и увольнять лиц, исполнявших в управе обязанности по делопроизводству. Если голова не был согласен с действием спорного решения, принятого управой, он имел права просить губернатора пересмотреть в присутствии этот вопрос, или самостоятельно приостановить его действие. Он в случаях, не терпящих отлагательства, имел право единолично принимать меры, предоставленные усмотрению собственно управы.

Если учитывать, что городской голова — это государственный чиновник, его полномочия в регламентации деятельности собственно органов само-

управления довольно широки, что не всегда положительно сказывалось на эффективности работы дум и управ, взаимоотношениях внутри данных учреждений. Типичным для южно-уральских городов было существование «партий» и наличие у головы своей «партии» [16, с. 1067].

Предоставление губернатору права осуществлять надзор не только за законностью, но и за правильностью действий городского общественного управления (ГП. ст. 11) в значительной степени ущемляло самостоятельность дум. Определение «правильности действий» законодательно не разъяснялось, а являлось предметом субъективного представления каждого губернатора. Для реализации данного контроля списки вопросов, намеченных для обсуждения в городской думе, копии всех ее постановлений представлялись губернатору, а он, в свою очередь, мог приостановить исполнение любого решения (ГП. ст. 65, 76, 83).

В начале XX в. губернатор утверждал решения по широкому кругу вопросов, регулирующих экономические взаимоотношения дум и управ с жителями. Тем самым подрывалась основополагающая норма новой городской политики, утвержденной Городовым положением 1892 г., согласно которой органы городского самоуправления должны заботиться о местных пользах и нуждах. Государство сохраняло за собой окончательное право удовлетворения интересов местного населения, оставаясь верным принципу, что государственный курс определяет решение местных проблем, а не местные пользы и нужды выстраивают государственный курс.

Для обеспечения условий реализации городской политики Положение 1892 г. детально проработало вопрос о городском бюджете. Городские управы составляли, а думы рассматривали и утверждали городские сметы. Каждое сметное назначение подкреплялось ссылкой на документы, объяснительными данными и расчетами. Губернатор разрешал приведение смет в действие или предлагал свои замечания на рассмотрение местного по земским и городским делам присутствия. Оно могло вносить обоснованные законом исправления в смету. По исполнению сметы управа составляла годовой отчет, который вносился в ревизионную комиссию, с заключением комиссии в думу, после чего губернатору и министру внутренних дел (ГП. ст. 140, Приложение к ст. 140). Этот порядок ужесточал регламентацию деятельности городского общественного управления, но устранял злоупотребления, усиливал контроль над городскими финансами и делал деятельность дум и управ по благоустройству города более эффективной. Однако особенности думской практики на местах и отсутствие в городском управлении опытных специалистов приводили к затягиванию процесса рассмотрения смет, составления отчетов, недостаточной обоснованности отдельных статей доходов и расходов [5, с. 315].

Источниками пополнения городского бюджета были сборы в пользу города: оценочный с недвижимых имуществ; с промысловых свидетельств; с заведений трактирного промысла, а районе казенной продажи питей с пивных лавок с распивочной продажей; с извозного промысла; с лошадей и экипажей частных лиц; с собак; с перевозного промысла; с велосипедов и автомобильных экипажей (ГП. ст. 127).

При взимании налогов управам пришлось столкнуться с целым рядом трудностей как объективного, так и субъективного характера. Городской обыватель отказывался понимать, что городской капитал существует для удовлетворения его нужд, и всячески сопротивлялся установленным нормам арендной платы и оценки имуществ. Отсутствие упорядоченного делопроизводства, когда «что-то забывалось, потом неожиданно всплывало, один состав думы не нес ответственности за дела предыдущего» [5, с. 49—51], приводило к накоплению недоимок.

Кроме того, свобода органов общественного управления в области налогообложения была ограничена и поставлена под административный контроль. В статьях Городового положения и Приложениях к статьям содержались Правила, определяющие максимальный размер сборов. Городские думы назначали ставку налога в пределах установленных норм. Законодательные акты правительства регламентировали порядок предоставления льготы по налогам (оценочному сбору): «городская дума входит с представлением, а губернатор принимает окончательное решение» [1, с. 443].

Тем самым дума была частично лишена возможности воздействовать на развитие хозяйственной, экономической, градостроительной ситуации, формировать наилучшие условия посредством регулирования системы налогообложения. Ограничены ее возможности в установлении новых источников налогообложения, увеличении притока средств за счет повышения ставок налога. Однако правительство, определяя размеры налогов, ограничивала аппетиты дум, обеспечивало некоторую защиту горожан.

Городские думы высказывали недовольство необходимостью уплаты довольно значительной суммы государственных налогов и несением повинностей, которые пагубно отражались на состоянии городских финансов. На город было возложено участие в расходах по содержанию правительственных учреждений (губернского по городским делам присутствия), воинская квартирная повинность (квартирные и содержание военным чинам и войскам); взимались налог с прибылей городского общественного банка, налог на городскую выгонную землю и лес, на городские дома, государственный налог со всех недвижимых имуществ, находящихся в черте города [17], государственный квартирный налог. Государственные налоги на недвижимость устанавливались прогрессивные, заведование ими возлагалось на местную казенную палату.

Осознавая это, правительство в начале XX в. идет по пути освобождения городов от пособия казне: с 1 января 1900 г. расходы по отоплению и освещению тюрем города относились на счет государственного казначейства [1, с. 1090]; рассматривался вопрос об исключении расходов на содержание полиции из городского ведения. 5 декабря 1912 г. был принят закон об улучшении земских и городских финансов, согласно которому из земских и городских повинностей изымались расходы по отводу помещений для сборных пунктов нижних чинов запаса, разъездов военных и чиновников по делам земств, презрение душевнобольных преступников и чиновников.

Государство, принимая во внимание грандиозность задач, стоящих перед общественным управлением по благоустройству города, созданию врачебных, культурных, образовательных учреждений, и недостаточность местных ресурсов, постоянно рассматривало дополнительные возможности увеличения денежных поступлений в городскую казну.

Думе было предоставлено право ходатайствовать о введении в пользу города сбора с грузов, привозимых в город и вывозимых из него по железной дороге. Сбор являлся целевым, устанавливался на срок не более 10 лет, и не должен был превышать 10-кратный попутный, поштучный провозной тариф за версту. Оренбургу, Уфе, Челябинску, Илецкой защите он позволил устроить и улучшить подъездные пути к железнодорожной станции, активизировав тем самым местную торгово-промышленную деятельность.

В 1908 г. городские общественные управления получили возможность обращаться в МВД с предложением о выделении города в самостоятельную земскую единицу. В этом случае исчезали финансовые обязательства города перед земством. Рассмотрение этого вопроса в городских думах Южного Урала вызывало столкновение многих интересов и затягивалось. К концу изучаемого периода только Оренбург, Троицк и Челябинск выделились в отдельные земские единицы [18, л. 2—2 об.]. В Уфе обсуждение и переписка с различными ведомствами по вопросу выделения города длилась с 1911—1914 гг. [19, л. 43—45]. Не смогли города Южного Урала воспользоваться предоставленным им правом введения налога с нанимателей квартир и других жилых помещений. В значительной мере этому воспрепятствовал непрофессионализм деятелей управы, которые не смогли разработать удовлетворительных планов его раскладки и норм обложения.

Помимо дополнительных налоговых возможностей, была предусмотрена выплата государственных дотаций городам под дорогостоящие проекты, которые удовлетворяли интересам не только жителей города. Южно-уральские города довольно часто обращались к правительству за субсидиями под постройку школ, больниц, мостов. Особые комис-

сии рассматривали обоснованность проектов, состоятельность города, нередко отклоняя ходатайства. При этом обращалось внимание на то, что «надежда на постороннюю помощь деморализует органы самоуправления» [20, с. 40—41].

Решению проблемы недостаточности городских средств служила созданная в начале XX в. широкая система кредитования. В отличие от дотирования органы общественного управления, прибегающие к кредиту, должны были руководствоваться точным расчетом и ответственностью, что естественно дисциплинировало их в решении вопросов городского хозяйства. Право кредитовать города было дано Государственному банку, городскому общественному банку, городским кредитным обществам, акционерным земельным банкам. Города могли получать кредит без ипотечного и залогового обеспечения. Кроме того, сами городские управления с разрешения МФ и МВД могли выпускать облигационные займы. В 1897 г. выпуск облигационного займа был разрешен Оренбургу в размере 500 тыс. руб., 1898 г. — Уфе в размере 300 тыс. руб.

В 1912 г. по соглашению МВД и МФ открылась Всероссийская касса городского и земского кредита. Она выдавала ссуды городам, где введено Городовое положение, реализовывала ранее выпущенные и вновь выпускаемые самими городами облигационные займы. Ссуды могли быть долгосрочными (до 66 лет) и краткосрочными (до 5 лет) как под конкретные проекты, так и вообще на подкрепление средств города и земства. Выдавались они под невысокий процент (6%). Долги кассе обеспечивались всеми городскими доходами и вносились в сметы в числе обязательных расходов [1, с. 1120—1142]. Города Южного Урала неоднократно прибегали к займам преимущественно в городских и государственных банках [21]. Активизация взаимоотношений дум и управ с городскими ссудосберегательными товариществами и кассами было важным направлением развития общественной самостоятельности и финансового обеспечения городов.

Реализация городской политики на условиях Положения 1892 г. сохраняла за городом роль проводника государственной власти на местах. В русле положений общероссийского законодательства думам, исходя из местных условий, было разрешено составлять обязательные постановления для жителей. Обычно для их разработки создавалась комиссия членов общественных учреждений, местной администрации, заинтересованных представителей общества и государственных ведомств. Надзор за исполнением обязательных постановлений возлагался на полицию. Тем самым думы и управы оказывались лишены принудительной власти, что негативно сказывалось на эффективности реализованных мероприятий.

В начале XX века государственная городская политика подвергается пересмотру правительством

в ходе преобразований в области губернского правления. Необходимость реформ была вызвана громоздкостью и неповоротливостью губернаторского аппарата. Отправной точкой новых проектов было представление о необходимости сильной административной власти на местах, которая являлась посредником между народом и центральной властью. Губернатор по отношению к местному населению выступал как хозяин и начальник губернии, перед правительственными органами он был исполнителем и оберегателем законов и законного порядка. В этой системе свободным независимым органам городского общественного управления не находилось места.

В 1903 г. по требованию Министерства внутренних дел была создана Особая комиссия по преобразованию губернского правления, которая затребовала личные соображения начальников губерний по изучаемому вопросу. Они должны были предоставить мнения о недостатках административных, низших сословных учреждений, в том числе и городских органов самоуправления. Оренбургский и уфимский губернаторы составили свои отчеты в июне 1904 г.

Записка уфимского губернатора со всей ясностью демонстрировала современные представления об эффективном управлении. «Оно могло быть достигнуто лишь на началах децентрализации власти, при расширении круга ведения местных установлений, при чем во главе всех местных установлений неизбежно должна стоять твердая Правительственная власть» [22, л. 4] в лице губернатора. Губернатор должен сосредотачивать в своих руках все нити местного управления, направлять и объединять деятельность местных учреждений в интересах местных польз и нужд и в действительных целях правительства.

Подобные представления о губернаторской власти необходимо изменяли отношение губернатора к городским общественным управлениям. Уфимский губернатор предлагал наделить его принудительной силой в отношении городских дум. В случае неисполнения в установленный срок предложенных им повинностей или срочных мероприятий, губернатор мог бы приступить к непосредственным распоряжениям. Расход в этом случае осуществлялся бы за счет соответствующего города из соответствующего источника, при неимении такового из запасного капитала общественного учреждения. Это коренным образом меняло узаконенные Городовым положением 1892 г. взаимоотношения, когда губернатор имел право только напоминать думам о выполнении обязательств.

Кроме того, губернатор настаивал на предоставлении ему права не только издавать обязательные постановления, но и преследовать за их нарушение в административном порядке без участия судебного ведомства. Относительно утверждения городских голов, а также членов городских управ он считал

целесообразным наделить себя возможностью «непосредственного и безотлагательного (в указанных случаях) устранения их от должностей» [22, л. 18].

Уфимский губернатор высказывал не только представления определенной группы лиц, находящихся на государственной службе, и, согласно Городовому положению 1892 г. осуществляющих надзор за деятельностью местного городского общественного управления. Он демонстрировал отношение, которое лежало в основе непосредственной практики реализации государственной городской политики на Южном Урале. Перспективы эффективного управления он не связывал с развитием местного самоуправления, децентрализация понималась им исключительно как расширение полномочий губернаторов на местах. Губернатор утверждал, что органы городского общественного управления индифферентны, надлежащим образом не заботятся о местных нуждах, не могут проводить в силу ограниченности своих интересов правительственную политику, поэтому их следует не только контролировать, но и направлять. Тем самым уфимский губернатор обосновывал принципиально иной подход в выстраивании курса государственной городской политики.

Особая комиссия, принимая во внимание мнения местных губернаторов, не внесла коренных изменений в структуру и функции органов городского самоуправления. Основу взаимоотношений государства и города продолжало составлять Городовое положение 1892 г.

Революционные события начала XX в., обнародование Манифеста 17 октября 1905 г. «О совершенствовании государственного порядка» привели к активизации населения, складыванию неформальных общественных групп, что не могло не сказаться на деятельности органов городского самоуправления. Они, в основном с позиций поддержки государственной идеологии, откликнулись на важные политические события, проявляли искреннее стремление к общественному служению, видя в этом цель государственной политики.

Еще в 1901 г. уфимский городской голова А. А. Маллеев предлагал обсудить думам других городов вопрос о периодическом съезде представителей городского общественного управления для обмена опытом и установления контакта с правительственными инстанциями, минуя органы губернского начальства. По его мнению, съезды могли бы взять на себя предварительную разработку вопросов, которые были бы позже предметом законодательной инициативы правительства. С 1903 г. по 1905 г. МВД рассматривало и не поддержало идею съезда, мотивируя это тем, что подобная инициатива выходит за пределы полномочий городских голов. Неудовлетворение гласных правовой основой усилило оппозиционность дум, привело к оформлению в их среде либеральных групп, кото-

рые выступили с требованием новой реформы, меняющей избирательную систему и ликвидирующей зависимость городских общественных учреждений от администрации [23, с. 36—45].

Практика решения вопросов в начале XX в. в области городского общественного управления показала, что все попытки данных учреждений не только самостоятельно изменить основы государственной городской политики, но и просто внести предложение по их корректировке, будут рассматриваться правительством как противозаконные действия, «инициатива пересмотра общественного управления городов могла исходить только из правительственных сфер» [7, с. 60].

Таким образом, особая роль города, которую он играет в развитии государства и общества, выводит на первый план проблему городской политики, где законодательно регулируются взаимоотношения власти и города. Принимая во внимание специфику исторического развития России, целесообразно говорить о государственной городской политике. Изучение проблемы содержания, разработанности, продуманности государственной городской политики на Южном Урале позволяет сделать следующие выводы.

Все южно-уральские города являлись продуктом колонизации российского государства и целенаправленной политики градообразования. В этот период историческое предназначение города выражалось через его внешнюю функцию обслуживания, администрирования, охраны прилегающих территорий. Однако государство явилось не только главным субъектом градообразования, но и фактором, определяющим комплекс градоформирующих функций городов Южного Урала. Троицк и Оренбург были превращены в крупнейшие всероссийские торговые центры, Златоуст — в значительное промышленное поселение, центр горного округа.

В конце XIX в. в русле общегосударственного курса на модернизацию предпринимались попытки сформировать начала городской политики как сферы деятельности государства и местных (городских) органов самоуправления. Начало XX века, как период эволюции города, имеет особую значимость по причине разворачивания в этот период процесса градоформирования. В указанный период правительство шло по пути улучшения и пополнения городских финансов и расширяло возможности для вмешательства в процесс их расходования на местные пользы и нужды. Государство сохраняло за собой окончательное право удовлетворения интересов местного населения.

Государственная городская политика, проводимая в течение изучаемого периода, была обусловлена предшествующим развитием и спецификой отношений государства и общества в России. Перспективы развития страны не связывались властью с местной инициативой и городским самоуправлением. Созданные в результате городской реформы 1892 г. органы являлись скорее учреждениями мес-

тного управления, выполняющими ряд возложенных на них центральной и местной властью функций, обладающими определенными полномочиями. Хотя элементы самоуправления в Городовом положении безусловно присутствовали и содействовали становлению города Южного Урала как социальной организованности граждан, способной решать не только хозяйственные, но и социально-культурные проблемы.

Литература

1. Городовое положение 11 июня 1892 г. с относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями / Сост. М. И. Мыш. — Петроград: Типография А. Бенке, 1915. — 1298 с.
2. Рабцевич В. В. Провинциальный русский город как фактор регионального развития в XVII—XIX вв. (на материалах Сибири) // Социально-политические институты провинциальной России (XVI — начало XX вв.) / Отв. ред. Т. А. Андреева. — Челябинск: ЧелГУ, 1993. — 192 с.
3. Рабцевич В. В. Провинциальный город в региональном управлении России нового времени // Вестник ЧелГУ. Серия 7. Государственное и муниципальное управление. — 1998. — № 1. — С. 7—19.
4. Иофа Л. Е. Города Урала. — Ч. 1: Феодальный период. — М.: Географгиз, 1951. — 422 с.
5. Столпянский П. Н. Город Оренбург. Материалы по истории и топографии города. — Оренбург: Оренбургская губернская типография, 1908. — 400 с.
6. Аксенов А. В. Соль-Илецкая: историко-экономический очерк (1754—1965 гг.). — Оренбург: ОГПУ, 1969. — 172 с.
7. Емалетдинова Г. Э. Становление буржуазного городского самоуправления на Южном Урале в 60—90-е гг. XIX в. — Уфа: Издательство «Восточный университет», 2000. — 140 с.
8. Анимича Е. Г., Тертышный А. Т. Местное самоуправление: история и современность. — Екатеринбург: Издательство Уральского государственного экономического университета, 1998. — 296 с.
9. Арсеньев К. Прошлое городского самоуправления // Городское дело. — 1909. — № 1. — С. 3—16.
10. РГИА. Ф. 1288. Оп. 25. Д. 76.
11. РГИА. Ф. 1288. Оп. 25. Д. 75.
12. ЦГИА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 1246.
13. ГАОО. Ф. И-15. Оп. 1. Д. 5, 28, 30.
14. ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 831.
15. Пажитнов К. А. Городское и земское самоуправление. — СПб.: М. И. Семенов, 1913. — 114 с.
16. Городское дело. — 1910. — № 15—16. — С. 1066—1072.
17. ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 745.
18. ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 5. Д. 25.
19. ЦГИА РБ. Ф. И-340. Оп. 1. Д. 105.
20. Известия Оренбургского городского общественного управления. — 1911. — № 10—12. — С. 38—42.
21. ГАОО. Ф. И-15. Оп. 1. Д. 195.
22. ЦГИА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 655.
23. Курчинский М. Городская реформа // Городское дело. — 1909. — № 2. — С. 35—45.

ЗЕМСТВО И НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА УРАЛЕ В 1900—1918 гг.

Серьёзное внимание земства уделяли развитию народного образования как школьного, так и внешкольного. Недаром Златоустовское уездное земское собрание в постановлении, касающемся этого вопроса, подчёркивало, что путь, которым возможно достигнуть высокого развития духовных и материальных сил, есть организация просвещения народной массы [1, л. 26].

В каком же состоянии находилось народное образование в изучаемый период? В начале XX века Россия была одной из самых отсталых в культурном отношении стран. Большинство её населения было неграмотным, 72 % всех жителей России (60 % мужчин и 83 % женщин) в возрасте от 9 до 49 лет не умели ни читать, ни писать. В то же время из каждых пяти детей и подростков четверо не имели возможности учиться. Многие народности, населявшие окраины царской России, были сплошь неграмотными. На территории современного Таджикистана 98 % населения в возрасте от 9 до 49 лет было неграмотно. В Киргизии неграмотных было 97 %, в Узбекистане — 96 %. Около 50 народностей страны не имели своей письменности [2, с. 31]. По развитию школьной сети и количеству учащихся Россия занимала одно из последних мест среди стран Америки и Европы. Если в США учащиеся составляли 19,4 % от общего числа населения, в Англии — 17,14 %, в Германии — 17 %, в Швейцарии — 16,6 %, то в России этот процент едва достигал 3,85 [3, с. 32].

Если в целом Россия оставалась в культурном отношении отсталым государством, то территория Урала, как окраинная часть Российской империи да ещё с многонациональным составом, являлась примером ещё большей культурной отсталости. В начальных школах Вятской, Пермской, Уфимской и Оренбургской губерний обучалось менее 30 % детей школьного возраста, средние учебные заведения практически оставались недоступными для детей трудящихся [4, л. 40]. До 1916 г. на Урале не было ни одного вуза. Грамотное население составляло к 1917 году не более 16 процентов (без учёта казачества) [5, л. 6]. Внешкольное образование не имело широкого распространения. Таким образом, народное образование находилось в это время на низком уровне развития.

Для школьной системы дореволюционной России характерно было многообразие преемственно не связанных между собой типов школ. Начальные школы были одноклассные и двухклассные, министерские и земские, церковно-приходские и городские, инородческие и миссионерские. Повышенные школы имели также несколько типов — мужские и женские гимназии, реальные и коммерческие училища, духовные семинарии. В начале XX века в России сохранялась ещё сословная школа. Для де-

тей дворянства имелись училища правоведения и лицеи, пажеские и кадетские корпуса, институты благородных девиц. Дети духовенства учились, как правило, в духовных и епархиальных училищах, духовных семинариях. На окраинах России действовали русско-туземные школы для детей местных феодалов и буржуазии.

Не было в стране и единой системы управления делом народного образования. Одни школы были в ведении Министерства народного образования, другие — Святейшего Синода, третьи — ведомства императрицы Марии Фёдоровны. Многие начальные школы и профессиональные училища состояли в ведении земств, различных обществ и органов городского самоуправления, немало было частных школ — низших, средних и высших, общеобразовательных и профессиональных.

Отсутствие единой системы управления народным образованием отрицательно сказывалось на повышении общего образовательного уровня страны. Разные программы школ, подходы к процессу преподавания и воспитания, отсутствие преемственности и связи между различными ступенями образования — это те недостатки, которые существовали в системе народного просвещения. В дальнейшем, и Министерство народного просвещения, и Святейший Синод, и казачьи общины с облегчением передадут это «хлопотное хозяйство» в руки органов самоуправления.

Одной из насущных задач земства была модернизация производительных сил страны на основе подъёма культурного уровня населения. Развитие капитализма, расширение и усложнение хозяйственного административного аппарата предьявляли спрос на грамотные и специально подготовленные кадры.

Всесторонний и глубокий анализ земских материалов уральских губерний даёт возможность сделать вывод о том, что в культурной деятельности земств важное место занимал вопрос о народном просвещении. Всеобщее обучение и внешкольное образование — это два главнейших русла земской просветительской работы. Органы местного самоуправления создали на Урале качественно новую систему образования, занимались вопросами введения всеобщего начального обучения детей, формулировали профессиональные учительские кадры для школ.

Динамика развития народного образования была следующей: если в 1901 г. в Оренбургской губернии было зарегистрировано 576 начальных школ, то к 1911 г. их насчитывалось 1416, в которых обучалось 99856 человек, что охватывало менее половины нуждающихся в обучении детей [6, л. 7]. Епархиальный училищный совет к 1914 г. имел в Оренбургском уезде — 230, Челябинском — 196, Орском — 70, Верхнеуральском — 34, Троицком — 29; в городах — 76,

итога по Оренбургской губернии — 562 церковно-приходские школы [7, л. 123]. Войсковой штаб Оренбургского казачьего войска — 596 школ [8, л. 128]. Практически все церковно-приходские школы взяли постепенно под свою опеку уральские земства.

В 1913 г. Земства России приступили к формированию сети начальных училищ, определив своей целью обеспечение всеобщего обучения детей младшего школьного возраста. Поставленная задача — добиться общедоступности начального обучения в Уральских губерниях — породила множество проблем. Прежде всего, необходимо было определить, исходя из естественного прироста населения и данных переписи 1897 года, количество проживающих в губерниях детей школьного возраста и соответственно вычислить необходимое количество школ. Требовалось высчитать расстояние, которое могут ежедневно преодолеть посещающие школу дети, так как нереально было построить школу в каждой деревне.

Наибольший процент обучающихся детей был в Пермской губернии — 49,1, а самый низкий в Уфимской — 29,3. Последнее объясняется наличием большого числа инородческого населения, небольшим количеством мектебе и медресе, а также своеобразным отношением мусульманского населения к общему образованию: поощряя обучение мальчиков, не допускалось их совместное обучение с девочками, причём женское образование вообще не приветствовалось. Так, если в Орском уезде в 1913 году за пределами школы осталось 52% детей школьного возраста христиан, то мусульман — 91% [10, л. 7]. Довольно высокий процент обучающихся в Оренбургской губернии до введения земств объясняется особенностью переписи, которая охватила казачье население, всегда стремившееся к высокому уровню грамотности.

По данным оценочно-статистических отделов уральских земств общедоступность начального образования предполагала обеспечить возможность всем крестьянским детям в возрасте 9—11 лет посещать школу, расположенную не далее чем в 3-х верстах от дома [11, л. 12]. В то время, как одна земская школа Уфимской губернии обслуживала территорию в 75 кв. вёрст, а в Московской губернии одна школа

приходилась на 13 кв. вёрст, Петербургской — на 19 [12, л. 3].

Для учащихся, которые жили от школы на расстоянии свыше 3—5 вёрст, земство устраивало при некоторых школах общежития, где дети оставались на всю неделю. Для улучшения питания детей, живущих далеко от школы, и следовательно, лишённых возможности сходить во время перемены домой, земство организовывало горячие обеды для всех учащихся. Подобная забота повышала успеваемость детей и посещаемость занятий.

В среднем на одну школу земства Урала тратили 965 руб. 03 коп. [13, л. 9]. На содержание одноклассных земских школ в селениях 56,52% всех школьных доходов давало земство и 36,93% — казна [14, с. 200]. Земские деньги шли на содержание учительского персонала, на наём помещений, мелкий и крупный ремонт, на классные принадлежности и учебные пособия, на постройку и оборудование школ.

Для введения всеобщего обучения помимо мобилизации местных ресурсов земствами широко использовалось государственное кредитование. С 1907 по 1914 гг. правительственные ассигнования увеличились с 8,9 до 49 млн. рублей [15, с. 48]. Большая часть этой суммы поступала в земства, которые распределяли денежные средства на местные нужды народного образования.

Уделяя большое значение физическому воспитанию подрастающего поколения, земства выделяли средства на устройство спортивных площадок для детских игр и физических упражнений [16, л. 125], проводили гимнастические соревнования среди учащихся земских школ [17, л. 40]. Внимание привлекают земские проекты школьных зданий, где всё было предусмотрено до мелочей. Помимо учебных кабинетов предполагались: кабинет врача, баня, туалеты, столовая с собственной кухней, раздевалка, рекреации, помещения для школьной прислуги, общежитие для детей, которые остаются ночевать при школе; для учительских квартир — погреб, чулан, помещение для коровы и пр. [18]. Были разработаны специальные санитарно-гигиенические требования к школам и гигиенические правила для учащихся [19, л. 124].

Таблица 1
Обеспеченность уральских губерний начальными школами к 1913 г. [9, с. 73]

Губерния	Число школ	Учащиеся			Число всех детей в возрасте от 8 до 11 лет	% обучающихся детей
		мальчики	девочки	итого		
Оренбургская	1408	58821	28817	87638	181553	48,3
Уфимская	1430	54017	20075	73092	249568	29,3
Вятская	2123	87205	40184	127389	293481	43,4
Пермская	2497	107083	47187	154270	314256	49,1
Всего в империи	100165	4196555	1978328	6174883	14041617	44,0

После Февральской буржуазно-демократической революции предпринимались попытки централизовать управление школьным делом, поручить его Министерству народного просвещения. Временное правительство приняло ряд специальных постановлений о передаче министерству всех школ ведомства императрицы Марии Фёдоровны и общеобразовательных школ Синода. Однако эти постановления реализованы не были. Правительство пыталось также провести некоторые мероприятия в области народного образования. Были заменены попечители отдельных учебных округов. Упразднены такие учреждения, как Учёный комитет министерства народного просвещения, городские, уездные и губернские училищные советы. В частных учебных заведениях разрешено было преподавание на родном языке учащихся.

На Урале, как и в целом по стране, имел место процесс демократизации народного образования, выразившийся в усилении внимания к его нуждам со стороны общества и правительства. Здесь, как и во всей России, многолетним опытом работы по организации народного просвещения обладали земства. На протяжении своей истории они не раз ставили вопрос о всеобщем начальном обучении, но, несмотря на это, не хватало ни школ, ни учителей, работавших в них, чтобы охватить все население начальным образованием. В Челябинском уезде, например, в 1916/17 учебном году насчитывалось 339 школ, из них министерских — 118, земских — 102, церковно-приходских — 119. В министерских и земских школах, общим числом 220, учителей было 341 и обучалось 15364 детей. Эти данные свидетельствовали о перегруженности школ. В министерских школах на 199 учителей приходилось 10614 учащихся, т. е. на одного учителя — 53 ученика. Это превышение оказывалось возможным только потому, что 78 министерских училищ располагались в собственных просторных зданиях, а 40 работали в наемных помещениях. В земских училищах на 142 учителя приходилось 4750 учащихся, т. е. один учитель занимался с 34 учениками. Но трудность заключалась в том, что 98 земских школ (из 102) работали в наемных помещениях, которые, как правило, были неблагоустроенными, тесными (обычно — это крестьянская изба). Были также школы, где учащиеся занимались стоя и сидя на полу. Следовательно, условия работы в этих

школах были тяжелыми. Но была и еще одна сторона, осложняющая труд учительства и детворы. В 69 земских школах было по одному преподавателю, только в 29 было по 2 и в 4 школах по 3 [20, л. 1]. В двух третях школ один учитель занимался одновременно с тремя отделениями учащихся. Естественно, качество такой работы было крайне низким. Перед земством встала задача превращения большинства одноклассных школ (на одного учителя — 40 учеников) в двухклассные. Недаром, на очередной сессии уездного земского собрания в 1917 году в докладе Челябинской земской управы отмечалось: «Дороже результаты занятий, чем экономические средства. В вопросах народного просвещения нет места скупости. Затраты в начале дела сторицей окупаются впоследствии» [21, л. 5]. Управа также указывала на то, что, даже в тех селениях, где имелись школы, было отказано в приеме 1565 человек из-за тесноты помещений в отчетном 1916/17 году. По числу отказов из 1565 человек на министерские приходилось 1023, на земские — 542; из-за тесноты помещений в министерские не принято было 882 человека, а в земские — 440. Так как в министерских школах обучалось 10614 учеников, в земских — 4750, то процент отказа из-за тесноты помещений в министерских школах составил 68,3, а в земских — 11,4 [22, л. 2]. Школьно-квартирный голод принял грозные размеры, в деревнях и селах не предвиделось подходящих для этого помещений. Вопреки различным денежным расчетам, земство вынуждено было перейти к школьному строительству. Управа призвала волостные земства и сельские общества облегчить уездному земству выполнение плана школьного строительства своим знанием местных хозяйственных условий и помощью в осуществлении построек.

Несмотря на ряд недостатков и трудностей в школьном образовании в Челябинском уезде в 1917 году в целом увеличилось количество учащихся, улучшилось женское образование. О чем свидетельствуют данные в табл. 2 [23, л. 8].

Если раньше в ведении земств находились только земские школы, то с 20 июля 1917 г. согласно постановлению Временного правительства, им подчинены были министерские и церковно-приходские школы, в основу руководства которыми был положен принцип децентрализации прежней системы. Это способствовало улучшению материального

Таблица 2

Учебные годы	1915/16		1916/17	
	Количество учащихся			
Училища	мальчиков	девочек	мальчиков	девочек
Министерские	6297	2132	7139	3475
Земские	2092	803	3049	1701
Всего	8389	2935	10188	5176
	11324		15364	

обеспечения школ, позволяло на местах изыскивать средства, находить помещения, быстро реагировать на изменения экономической обстановки. После объединения, к осени 1917 г. начальных школ на Южном Урале насчитывалось 3513. Конкретно по уездам данные отражены в табл. 3 [24].

В ведении Оренбургского уездного земства находилось 115 земских школ, 135 министерских и 202 церковно-приходских [25, л. 123]. По числу церковно-приходских школ Оренбургский уезд, как на это указывала школьная статистика, занимал первое место среди всех уездов России. Министерские и церковно-приходские школы были одно-, двух-, трех- и четырехкомплектными. Из 135 министерских школ половина не имела собственных зданий, занятия проводились в наемных помещениях. Из 202 церковно-приходских школ только 139 имели собственные здания. Затраты на одного учащегося равнялись 900 рублям в год. Хозяйственные расходы земства на одну школу составляли в 1917 году 150 рублей, на содержание школьного помещения — 450 руб., на учебники и письменные принадлежности для однокомплектной школы — 450 руб. [26, л. 124].

В целом Оренбургское уездное земство в 1917 г. потратило на начальные школы 1049484 руб. 40 коп., кроме того, Министерством народного просвещения было субсидировано 445753 руб. [27, л. 125].

Примерно такая же обстановка по школам и затратам на их содержание со стороны уездных земств наблюдалась и в Уфимской губернии.

Несмотря на то, что земства Урала прилагали немало сил для развития начального образования, все-таки оно не находилось на должном уровне. Материально-техническая база учебных заведений была низкой. 80% школ не удовлетворяли требованиям гиги-

ены и санитарии, особенно те, которые не имели собственных зданий, а располагались в наемных помещениях. Из 378 школ Челябинского уезда, например, в ноябре 1917 г. только 160 располагались в собственных зданиях [28, л. 4]. Из всех 3513 школ Южного Урала только 1168 имели библиотеки для учащихся и 389 — для учителей. В Челябинском уезде, к примеру, в 118 школах имелись ученические библиотеки, в 54 — учительские [29, л. 4].

Библиотеки, в основном, были только в бывших министерских школах, открытых до 1 января 1916 года, в дальнейшем кредиты на эти цели не отпускались.

Серьезным недостатком в развитии начального образования являлся и тот факт, что не было достаточного количества учителей в школах. В каждой школе работало по 1—2 и лишь в редких случаях 3 учителя. В Уфимском уезде, например, приходилось 937 учителей на 413 школ [30, л. 12], а в Белебеевском уезде 842 учителя на 349 школ [31, л. 193]. Острая проблема заключалась также в перегруженности школ, в силу чего, многие дети не имели возможности получить начальное образование, им просто было отказано в приеме в школу. Все эти недостатки, касающиеся и материально-технической базы учебных заведений, и нехватки учительского персонала, и тесноты классов сказывались на качестве обучения.

Земства оказывали помощь и в развитии средней школы на Урале. В докладе Оренбургской уездной земской управы очередному земскому собранию в 1917 году говорилось: «Наряду с вопросами начального образования перед земством всегда стоял и вопрос о средней школе. По мнению авторитетных земских работников по народному просвещению, необходимо создать не только общедоступную

Таблица 3

Уезды		Количество начальных школ	
		Осень 1917 г.	Весна 1918 г.
Оренбургская губерния	Оренбургский	452	475
	Верхнеуральский	219	227
	Троицкий	216	223
	Орский	282	292
	Челябинский	378	400
Всего		1547	1617
Уфимская губерния	Уфимский	413	421
	Белебеевский	349	352
	Бирский	357	364
	Златоустовский	283	290
	Мензелинский	273	277
	Стерлитамакский	291	294
Всего		1966	1998

начальную, но и народную среднюю школу. Общедоступная бесплатная народная средняя школа — вот девиз нашего времени. Если до 1912 г. средняя школа являлась редкостью в сельской местности, то с изданием закона 1912 года о высших начальных училищах этот тип школ стал обычным явлением в жизни больших сел России» [32, л. 126].

Высшие начальные училища по программе своей равнялись 4 классам гимназии, но отличались тем, что давали законченное образование. Лица, сдавшие дополнительные экзамены по языкам, могли поступить в 5 класс реального училища, мужской или женской гимназии. Окончившие высшие начальные училища имели право поступления без экзаменов в средние сельскохозяйственные, технические и профессиональные учебные заведения, учительские семинарии, фельдшерские курсы и т. д.

На Урале в 1917 г. высшие начальные училища нашли широкое распространение и имелись в каждом уезде. К примеру, на содержании Оренбургского уездного земства находилось 9 высших начальных училищ: Михайловское, Исаевское, Дмитриевское, Софиевское, Александровское и для мусульманского населения — Троицкое, Покровское, Петровское, Ново-Мусинское. При каждом училище были избраны попечительный совет и родительский комитет. Эти органы отменили плату в училищах за преподавание Закона Божия. Земское собрание ассигновало на содержание 9 высших начальных училищ в 1917 году 100640 руб. 10 коп. [33, л. 127]. В Челябинском уезде были открыты в октябре—ноябре 1917 г. высшие начальные училища в селах: Чумляке, Мишкино, Шумихе, Куртамыше [34, л. 11—12]. На содержание этих училищ земство выделило 322027 руб. 64 коп. [35, л. 3]. Благодаря Златоустовскому уездному земству 1 октября 1918 года было открыто Кусинское высшее начальное училище (заведующий П. П. Феофилакт). В училище был зачислен 41 человек, из них 14 мальчиков и 27 девочек. Кроме педагогического совета, был сформирован родительский комитет в составе 6 человек, из них — 3 от родителей и по 1 — от 3-х местных кооперативных учреждений, последние по желанию родителей приглашены были как почетные члены [36, л. 21]. Кусинское кооперативное общество ассигновало на оборудование и содержание этого учебного заведения 5000 рублей [37, л. 14].

Таким образом, земства Урала играли большую роль в создании и развитии высших начальных училищ. Они изыскивали средства на строительство и ремонт зданий, приобретение различных учебных пособий, поощрение учительского персонала, помощь беднейшим ученикам и т. д.

Земства оказывали содействие в развитии других средних учебных заведений — гимназий, реальных училищ, духовных и учительских семинарий и др. (хотя они и не входили непосредственно в ведение земств). Челябинское уездное земство, например,

проявляло заботу о Куртамышской женской прогимназии (директор Л. Е. Родионова). Если в 1916/17 учебном году в прогимназии имелось 4 класса, то к осени 1917 г. был открыт еще 5-й класс. Это заведение посещали 103 ученицы, из них крестьянских дочерей — 63, детей мещан — 9, казаков — 2, духовного звания — 4, чиновников — 4, купцов — 1 [38, л. 13]. На содержание прогимназии земство выделило на год 29600 рублей [39, л. 12].

Земства помогали Министерству народного просвещения в содержании 4-классных женских гимназий в Белебее и Мензелинске, мужских гимназий в Уфе и Златоусте. Кроме того, осенью 1917 г. была открыта гимназия при Саткинском металлургическом заводе Златоустовского уезда, где обучались совместно мальчики и девочки. На средства земств было закуплено оборудование для этих заведений. Органы местного самоуправления оказывали также материальную помощь малоимущим учащимся, выплачивая им стипендию. Например, 50 учениц Белебеевской гимназии получали ежемесячно стипендию в размере 33 руб. 33 коп. [40, л. 33].

Земства поддерживали и развитие учительских семинарий, в которых учились в основном дети крестьян. После окончания этого заведения они поступали на учительскую службу. Белебеевское уездное земство помогало в хозяйственном плане местной учительской семинарии, которая состояла из 3-х классов: подготовительного, третьего и четвертого. Подготовительный класс открывался для всех иногородцев Белебеевского уезда, причем они принимались на пропорционально-национальных началах. Этот класс учреждался с 2-годовалным курсом, в течение которого учащиеся проходили программу высших начальных училищ (за 3-й и 4-й классы). Среди основных предметов, изучаемых в учительской семинарии, были: русский язык, педагогика, математика, космография, история, география, естествознание, физика, сельское хозяйство, рисование, черчение, чистописание, пение и гигиена.

В ведении земств находились различные профессиональные учебные заведения. В докладе Оренбургской уездной земской управы «Об открытии ремесленных школ в уезде», сделанном на очередном земском собрании в 1917 году отмечалось: «Благосостояние и богатство нашей страны всецело зависит от развития ее производительных сил. Страна, имеющая колоссальные природные богатства, страна, которая, по меткому выражению нашего гениального русского химика Менделеева, «может залить нефтью весь мир, каменным углем отопить всю Европу», это страна остается нищей только потому, что культура и техника находятся на низкой стадии своего развития. Вопрос о развитии производительных сил тесно связан с вопросом о развитии профессионального образования» [41, л. 132]. До 1917 года профессиональные школы, вообще, ремесленные училища и школы, в частности, создавались бюрократическим

путем, являлись дорогостоящими учреждениями и отличались малочисленностью воспитанников в них, школы эти не готовили опытных мастеров, которые способствовали бы рациональному развитию ремесел в данном районе. Перед Оренбургским уездным земским собранием неоднократно поднимался вопрос о развитии профессионального образования в уезде. Сельские общества и кредитные товарищества со своей стороны возбуждали ходатайства об открытии различных профессиональных школ. Уездное земство в первые годы своей жизни, занятое вопросами организационного характера, сосредоточив все свое внимание на всеобщем обучении, не могло заняться разработкой плана открытия ремесленных учебных заведений. Особенно остро был поставлен вопрос о профессиональном образовании в годы первой мировой войны. К 1917 году был накоплен определенный опыт в развитии профессионального образования. Временное правительство приняло ряд постановлений по этому вопросу, в которых указывалось, что органы местного самоуправления должны самостоятельно решать какой вид профессионального учебного заведения открывать в той или иной местности, в зависимости от потребностей и возможностей края.

Уездные земские управы Урала, приступая к разработке вопроса о развитии профессионального образования и составления сети учебных заведений, просили волостные правления дать сведения по следующим вопросам. 1) Какие промыслы и занятия характерны для вашего района и вызывают ли они потребность в создании профессионального учебного заведения в вашей местности? 2) Какие промыслы и ремесла желательны расширить и углубить и какие необходимо вновь создать, сообразуясь с местными условиями? 3) Какой тип профессионального учебного заведения желателен в вашем районе (ремесленное училище, ремесленная школа, сельскохозяйственное и техническое училища) и с какими отделениями (столярное, слесарное, кузнечное, по уходу за сельскохозяйственными машинами и орудиями, по кожевенной специальности, по сапожно-башмачному делу и т. д.)? 4) Какие учреждения вашего района могли бы прийти на помощь в открытии и содержании профессиональных учебных заведений и в каких размерах выразится эта поддержка? 5) Как относится население к профессиональному образованию? 6) Как велик ваш район [42, л. 2]? И только после получения конкретных ответов на эти вопросы земства приступали к планированию открытия профессиональных учебных заведений в том или ином месте. К примеру, Александровское судосберегательное товарищество обратилось с ходатайством к Оренбургскому земскому собранию об открытии в этом селе ремесленной школы с двумя отделениями — слесарно-кузнечным и столярно-мебельным. Товарищество брало на себя обязательство предоставить мастерские в распоря-

жение ремесленной школы. Оренбургское земское собрание постановило. 1) Признать открытие ремесленной школы с двумя отделениями — слесарно-кузнечным и слесарно-мебельным в селе Александровке Добринской волости желательным. 2) Ходатайствовать перед Министерством народного просвещения об открытии вышеупомянутой школы и о принятии 3/4 всех расходов на его счет. 3) Ассигновать на содержание учителей и оборудование школы 6100 рублей. 4) Предложить Александровскому кредитному товариществу ассигновать определенную сумму на оборудование мастерских, предоставленных в распоряжение ремесленной школы [43, л. 133]. В 1918 г. в этой школе были открыты 2 первых класса (по 30 человек в каждом). Содержание учителей выразилось в сумме 3600, из них 1700 руб. — заведующему (он же руководитель практических занятий, преподаватель по технологии ремесла и черчению); 1300 руб. — руководителю практических занятий по одной из специальностей (он же учитель рисования); 50 руб. — за преподавание Закона Божия; 200 руб. — за преподавание дополнительных предметов; 350 руб. — за преподавание русского языка и арифметики; 1000 руб. — на оборудование мастерских; остальную сумму ассигновало Александровское кредитное товарищество [44, л. 132].

В это же время были открыты Судьбодаровская и Михайловская ремесленные школы с отделениями — слесарно-кузнечным, деревоотделочным и по уходу за сельскохозяйственными орудиями и машинами, на которые Оренбургское земское собрание ассигновало 12200 рублей [45, л. 131]. Судьбодаровское и Михайловское кредитные товарищества предоставили свои мастерские в распоряжение школ и оказывали всевозможное содействие по их содержанию.

В марте 1918 г. начала занятия Добринская ремесленная школа с отделениями — кузнечным, столярным, экипажным, сапожно-башмачным. Оренбургское уездное земство выделило ей на хозяйственные расходы 6000 руб. [46, л. 2]. Немалую роль в развитии этой школы сыграло Добринское кредитное товарищество.

Благодаря земству были открыты и народные сельскохозяйственные школы в селах: Спасском, Таловском, на хуторе 2-м Федоровском Ново-Михайловской волости Оренбургского уезда. На устройство и содержание в селе Таловском народной сельскохозяйственной школы было отпущено Оренбургским уездным земством 5850 рублей [47, л. 6]. Сельскохозяйственная школа имела 2 обязательных класса и 3-й дополнительный, необязательный. В первый класс принимались подростки от 14 до 18 лет, окончившие начальную школу. В каждом классе было не более 30 учеников. Учебный год начинался 1 октября и заканчивался 1 апреля. Летние практические занятия (учебные экскурсии, дежурства на полях, опытных участках и т. д.) продолжались

с 1 апреля по 15 сентября с месячными каникулами. Обучение в народной сельскохозяйственной школе было бесплатным. В этом учебном заведении преподавались: русский язык, математика, основы природоведения, учение о растениях, общее земледелие, садоводство и огородничество или лесной промысел, пчеловодство, молочное хозяйство [48, л. 5].

Весомый вклад в развитие профессионального образования на Урале внесло Белебеевское уездное земство, создав ремесленные училища и школы и показательные мастерские в 15 населенных пунктах: Бакалах, Верхне-Троицком, Усен-Ивановском заводе, д. Кош-Елга — 2-годичные курсы столярно-мебельного ремесла, Шаровке и Новых-Каргалах — ремесленные школы по слесарно-кузнечному делу, Метев-Маково — столярное училище, Никифорове — школа кожевенного производства, Слаке — школа обуви, Киргиз-Мияках — школа шорного дела, Буздяке — 2-годичные курсы по валяльному делу, Аксакове — 2-годичные курсы по изготовлению обуви, д. Бурангуловой — учебная мастерская по кузнечному делу, д. Арасланбековой — сапожная и кожевенная мастерские, д. Бехметьевой — шорная мастерская. Земской управой было выделено по 2000 рублей на каждое учебное заведение, такая же сумма была ассигнована на ремесленную школу в Белебее [49, л. 92].

В Челябинском уезде земство способствовало созданию и развитию ремесленной школы по слесарно-кузнечному и столярному делу в Чумляке и по портняжному делу в Метелеве, технической школы в Челябинске. Заведующий школьным отделом А. А. Стакан в докладе Челябинскому уездному земскому собранию в ноябре 1917 г. отмечал: «В уезде отсутствует ремесленное образование. Имеются всего 2 ремесленных отделения в Чумляке и Метелеве. Между тем насаждение ремесленных знаний среди населения — одна из важнейших и недомимейших задач для народного образования. Для достижения этого предварительно необходимо приглашение специалистов по профессиональному образованию» [50, л. 10].

Органы местного самоуправления постоянно оказывали помощь старейшим ремесленным училищам на Урале: Златоустовскому механико-техническому, основанному в 1895 году, Симскому (1898 г.), Миасскому (1899 г.), Челябинскому (1903 г.). Обучение в этих училищах ориентировалось на подготовку рабочих-универсалов для различных предприятий и кустарных мастерских.

Земства создавали и специальные учебные заведения. Челябинское уездное земство, к примеру, организовало работу высшего фельдшерского начального училища в селе Кипель, эвакуированного из Прибалтики в 1918 г. (Вильна). Оренбургское уездное земство открыло и финансировало фельдшерско-акушерскую и ветеринарно-фельдшерскую

школы, на содержание первой было выделено 31010 руб., второй — 5675 руб. [51, л. 6]. В Уфе находилась специальная школа для глухонемых, которой губернское и уездные земства оказывали всевозможное содействие в создании материально-технической базы.

Органы местного самоуправления принимали участие и в решении задачи открытия техникумов и вузов. В январе 1917 г. Оренбургское губернское земское собрание постановило немедленно ходатайствовать об открытии в Оренбурге политехникума на местные общественные средства.

Ассигновано было на политехникум около миллиона рублей. Во время обсуждения этого вопроса отдельные гласные заявили о пожертвовании 25800 рублей [52, л. 8]. К осени 1918 г. было решено открыть в Оренбурге политехнический институт, в состав которого должны были войти факультеты: биологический, сельскохозяйственный и железнодорожно-строительный. Уфимское губернское земское собрание в январе 1917 г. ходатайствовало перед Министерством народного просвещения об учреждении в Уфе высшего агрономического института и ассигновало на его открытие 300 тыс. рублей [53, л. 9].

Земства заботились об улучшении материального положения учителей. Недаром газета «Союзная мысль» писала: «Люди, ведущие свободных граждан к свету знания, должны быть материально обеспечены. Жалование, получаемое учителями, недостаточно. Игнорировать тех, кто посвящает себя просвещению темного народа свободной России, нельзя. Учителя не протестуют, но это не значит, что их надо оставить без внимания и заставить нищенствовать и голодать. При таких ничтожных окладах огромное большинство школ может остаться без учителей, что нанесет непоправимый вред делу народного образования» [54, л. 160—161].

В Уфимской губернии учителя, имевшие ранее заработную плату в размере 30 руб., стали получать с 1 июля 1917 г. дополнительно еще 120 руб. в месяц, а учителям с прежним жалованием в 50 руб., с 21 октября стали выдавать добавочных 100 руб. [55, л. 131].

В Оренбургской губернии зарплата учителям начальных школ была увеличена с 1 сентября 1917 г. до 125 руб. в месяц, из которых 70 руб. выплачивала государственная казна и 55 руб. — земство [56, л. 1]. С 1 января 1918 г. учителя начальных школ стали получать 150 руб. в месяц, учителя высших начальных училищ — 200 руб. К весне 1918 г. зарплата учителей начальных школ стала составлять 200 руб., учителя высших начальных училищ получали 300 руб. [57, л. 2]. В этом, конечно, была уже заслуга губернского комиссариата по народному просвещению.

Земства уделяли значительное внимание и развитию инородческого образования. На Урале регулярно проводились 3-годичные курсы подготовки пре-

подавателей-мусульман для создаваемых инородческих школ. В январе 1917 г. такие курсы были открыты в Уфе (заведующий курсами В. А. Кондаков). Первых слушателей на курсах было в январе—феврале — 19 человек, марте — 21, апреле — 20, мае — 23. Их число быстро росло и к лету насчитывалось более 100 человек. Слушатели курсов получали ежемесячно стипендию в 20 рублей. Некоторые из них имели стипендию от уездных земств. Например, от Стерлитамакского земства каждый из 300 слушателей получал пособие в сумме 30 рублей. Бирское земство выплачивало 30 учащимся стипендию в 50 рублей [58, л. 21]. Аналогичную помощь оказывало своим курсистам и Белебеевское земство. На курсах изучались предметы: русский язык (преподаватель — В. А. Словокоотов), естествознание (П. А. Соколов), история (В. А. Ефремов), арифметика (Т. А. Песков), геометрия (С. М. Юрьев), рисование и чистописание (П. А. Лебедев), вероучение (Асядуллин), татарский язык (Г. Г. Терегулов). Расходы Уфимского губернского земства на содержание этих курсов в 1917 году составили 11910 рублей [59, л. 29]. Цель курсов — подготовка учителей-мусульман для русско-татарских и русско-башкирских начальных училищ Уфимской губернии. После окончания данных курсов каждый учащийся, получавший стипендию от земства, обязан был отработать 2 года в должности учителя.

В Уфе также проводились с 15 июля по 15 сентября 1917 г. педагогические курсы для преподавателей-мусульман. Белебеевская уездная земская управа, к примеру, командировала на эти курсы 34 человека. На содержание каждого из них было перечислено земством 100 рублей, а всего 3400 руб. [60, л. 79].

Златоустовская уездная земская управа в своем докладе «О подготовке учащихся для будущих мусульманских национальных школ», сделанном на очередном земском собрании в июне 1917 г., отмечала: «Земству необходимо озаботиться об обеспечении мусульманских школ уезда педагогическим персоналом. Ввиду отсутствия в уезде людей с достаточной педагогической подготовкой для занятия учительских должностей в будущей национальной школе и трудности нахождения таковых вообще, по мнению управы необходимо теперь же самому земству приступить к подготовке в спешном порядке учителей для будущих национальных школ» [61, л. 24]. Златоустовский уездный съезд по народному образованию признал необходимым до начала учебного года открыть в селе Верхние Киги краткосрочные педагогические курсы для подготовки учителей русско-инородческих школ. Уездная управа согласилась с постановлением съезда и, одобрив его начинания, нашла эту меру вполне целесообразной. Земская управа отметила, что село Верхние Киги как центр мусульманской части уезда будет более подходящим для этих курсов во многих отношениях: во-первых, имеется готовое помещение — специальное здание 2-классного училища,

во-вторых, жизнь курсистам обойдется гораздо дешевле и, в-третьих, курсы все время будут под наблюдением самого мусульманского населения. Златоустовское уездное земское собрание ассигновало на данные курсы 4700 рублей [62, л. 42].

С 20 мая по 20 июня 1917 г. в Оренбурге проходили педагогические курсы для преподавателей-мусульман. Всего слушателей насчитывалось 250 человек (были даже учителя из Туркестана, Сибири, Манчжурии). Курсы посещали 80 мусульманок Оренбурга [63, л. 41]. Во главе курсов стояла С. Шакулова (заведующая местной гимназией, окончившая историко-филологический факультет, была на стажировке в Сорбонском университете во Франции). Программа курсов состояла из следующих предметов: родной язык, русский язык, арифметика, природоведение, география, методика, дидактика, обществоведение, школьная гигиена, гимнастика, краткие сведения по внешкольному образованию и дошкольному воспитанию, рисование, практические занятия.

Кроме того, в Оренбурге были организованы 3-годовые курсы по подготовке учительского персонала для работы в мусульманских школах. Земства платили курсистам стипендии. Челябинская уездная земская управа, например, учредила 10 стипендий, каждая по 400 рублей [64, л. 11].

Летние педагогические курсы для преподавателей-мусульман были проведены и в Троицке. Челябинское земство командировало туда 20 учащихся и ассигновало каждому по 100 рублей [65, л. 10]. Значение перечисленных выше курсов было велико, так как они способствовали повышению педагогического мастерства преподавателей для работы в инородческих школах.

Одним из первых инородческих учебных заведений было русско-башкирское женское 2-классное училище в Уфе, которое содержалось на средства государственного казначейства и губернской земской управы. В 1917 г. земство выделило на приобретение учебных пособий и оборудования 9527 руб. 22 коп. В училище обучалось 83 девочки, из них русских — 3, башкирских — 80. При училище имелся интернат, в котором проживало 37 человек [66, л. 1].

Процесс развития инородческого образования шел вширь и глубь. В Белебеевском уезде насчитывалось в 1917 г. 28 мусульманских школ, в Бирском — 26, в Мензелинском — 13 [67, л. 2].

Создавая инородческие школы, земства способствовали развитию национальной культуры и местных традиций.

Немалый вклад в совершенствование системы народного образования на Урале внесли заведующие школьными отделами земских управ: Оренбургской — К. И. Березников, Челябинской — А. А. Стакан, Златоустовской — А. В. Милуков, Белебеевской — А. Я. Михайлов и др.; заведующий отделом профессионального образования Че-

лябинской уездной земской управы В. А. Фёдоров; зав. отделами инородческого образования земских управ: Оренбургской — И. М. Бикчентеев, Челябинской — А. А. Айдаров и др.

Таким образом, земства Урала сыграли колоссальную роль в развитии народного образования как русского, так и инородческого. Оно стало доступным для всех категорий граждан, представляло собой разветвлённую систему и способствовало подготовке грамотных и квалифицированных кадров.

Литература

- 3ФОГАЧО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 877. Л. 26.
- Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. 1917—1941 гг. / Отв. ред. И. К. Шестов. — М.: Наука, 1980. — С. 231.
- Королёв Ф. Ф. Очерки по истории советской школы и педагогики. 1917—1920 гг. — М.: Политиздат, 1958. — С. 286.
- ОГАЧО. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 80. Л. 40.
- ОГАЧО. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 4. Л. 6.
- ГАОО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 628. Л. 7.
- ГАОО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 237. Л. 123.
- ГАОО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 230. Л. 128.
- Календарь-справочник земского деятеля на 1913 г. / Сост. Б. Б. Веселовский. — СПб., 1912. — С. 280.
- ГАОО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 268. Л. 7.
- РГИА. Ф. 773. Оп. 123. Д. 148. Л. 12 об.
- ГАОО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 265. Л. 3.
- ГАОО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 263. Л. 9.
- Календарь-справочник земского деятеля на 1913 г. / Сост. Б. Б. Веселовский. — СПб., 1912. — С. 280.
- Абрамов В. Ф. Земство, народное образование и просвещение. // Вопросы истории. — 1998. — № 2. — С. 43—56.
- ГАОО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 237. Л. 125.
- ГАОО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 238. Л. 127.
- ОГАЧО. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 80. Л. 40.
- ГАОО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 237. Л. 124.
- ОГАЧО. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 79. Л. 1.
- ОГАЧО. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 79. Л. 5.
- ОГАЧО. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 79. Л. 2.
- ОГАЧО. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 79. Л. 8.
- ГАОО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 237. Л. 42, 123; ОГАЧО. Ф. Р-1542. Оп. 1. Д. 43. Л. 47; 3ФОГАЧО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 851. Л. 878; ЦГИАРБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 40. Л. 1.
- ГАОО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 237. Л. 123.
- ГАОО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 237. Л. 124.
- ГАОО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 238. Л. 125.
- ОГАЧО. Ф. Р-1542. Оп. 1. Д. 47. Л. 4.
- ОГАЧО. Ф. Р-1542. Оп. 1. Д. 48. Л. 4.
- ЦГИАРБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 40. Л. 12.
- ЦГИАРБ. Ф. И-135. Оп. 1. Д. 41. Л. 193.
- ГАОО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 237. Л. 126.
- ГАОО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 233. Л. 127.
- ОГАЧО. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 79. Л. 11—12.
- ОГАЧО. Ф. Р-1542. Оп. 1. Д. 47. Л. 3.
- 3ФОГАЧО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 877. Л. 21.
- 3ФОГАЧО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 877. Л. 14.
- ОГАЧО. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 79. Л. 13.
- ОГАЧО. Ф. Р-1542. Оп. 1. Д. 47. Л. 12.
- ЦГИАРБ. Ф. И-135. Оп. 1. Д. 56. Л. 33.
- ГАОО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 237. Л. 132.
- ГАОО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 440. Л. 2.
- ГАОО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 341. Л. 133.
- ГАОО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 440. Л. 132.
- ГАОО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 341. Л. 131.
- ГАОО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 440. Л. 2.
- ГАОО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 28. Л. 6.
- ГАОО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 27. Л. 5.
- ЦГИАРБ. Ф. И-135. Оп. 1. Д. 41. Л. 92.
- ОГАЧО. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 79. Л. 10.
- ГАОО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 628. Л. 6.
- ГАОО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 28. Л. 8.
- ГАОО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 627. Л. 9.
- ЦГИАРБ. Ф. И-135. Оп. 1. Д. 42. Л. 160—161.
- ГАОО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 237. Л. 131.
- ГАОО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 451. Л. 1.
- ГАОО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 67. Л. 2.
- ЦГИАРБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 31. Л. 21.
- ЦГИАРБ. Ф. И-132. Оп. 2. Д. 33. Л. 29.
- ЦГИАРБ. Ф. И-135. Оп. 1. Д. 43. Л. 79.
- 3ФОГАЧО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 863. Л. 24.
- 3ФОГАЧО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 67. Л. 42.
- ГАОО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 237. Л. 41.
- ОГАЧО. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 79. Л. 11.
- ОГАЧО. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 77. Л. 10.
- ЦГИАРБ. Ф. И-135. Оп. 1. Д. 50. Л. 1.
- ЦГИАРБ. Ф. И-135. Оп. 1. Д. 40. Л. 2.

НОВЫЕ ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ СТРУКТУРЫ «НОВОЙ» УРАЛЬСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В 20-е гг. XX ВЕКА

(Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект №04-06-96018)

«Новая» интеллигенция сыграла заметную роль в политической и культурной истории нашей страны XX века. Сегодня очень важно понять историческую, психологическую, социальную составляющие этого феномена. Без адекватного восприятия данного явления крайне сложно составить объективную картину формирования и распада тоталитарной системы власти в СССР, очень трудно точно представить механизм взаимоотношений советской власти и отечественной интеллигенции, невозможно понять перспективы развития интеллектуальной элиты России в начале XXI в. Не случайно термин «новая» интеллигенция все чаще используется в работах отечественных и зарубежных исследователей, осуществляющих так называемые «социальные проекты» [1].

Советские ученые накопили богатый опыт изучения разнообразных аспектов истории отечественной интеллигенции [2]. Однако большинство работ, выполненных в этом направлении в 60—80-е гг. XX в., были выполнены в рамках жесткой идеологической конструкции, основные элементы которой сформировались еще в 20—30-е годы. В основе их лежало знаменитое высказывание В. И. Ленина о том, что «интеллигенция потому и называется интеллигенцией, что всего сознательнее, всего решительнее и всего точнее отражает и выражает развитие классовых интересов и политических группировок во всем обществе» [3, с. 343]. Прямолинейность и однозначность многих оценок и подходов, принятых тогда в советской исторической науке, существенно снизили эффективность научного поиска, а принцип партийности, реализованный в исследованиях по истории отечественной интеллигенции, блокировал целый ряд очень важных научных тем и сюжетов.

На рубеже XX—XXI вв. в отечественной и зарубежной исторической литературе были предприняты первые шаги по формированию принципиально новых концептуальных подходов к истории интеллигенции, к более широкому изучению истории новой провинциальной интеллигенции [4]. Но детальное исследование данного феномена все еще отстает от потребностей общества и в первую очередь из-за своеобразия источниковой базы, необходимой для разработки этого раздела истории, серьезных методологических проблем, накопившихся в отечественной историографии, политических аспектов данного вопроса.

Показательно, что сам термин «новая интеллигенция» руководители партии большевиков (Г. Е. Зиновьев, К. Радек, Л. Д. Троцкий и др.)

стали активно использовать уже вскоре после начала гражданской войны. Первоначально он обозначал очень небольшой круг представителей творческих профессий, поддержавших большевиков после их прихода к власти осенью 1917 г.

«Новая интеллигенция» противопоставлялась «старой», дореволюционной, которая в основной массе осудила «большевистский переворот» и отказалась от сотрудничества с новым политическим режимом [5]. Большевики проводили очень жесткую политику в отношении всех противников советской власти. «Старая» интеллигенция исключением не стала [6].

Однако постепенно термин «новая интеллигенция» стал приобретать все более широкое толкование. Многие руководители советского государства еще в годы гражданской войны были вынуждены признать, что без интеллигенции реализация масштабных социально-экономических и культурных проектов в России невозможна, а шансы на «перевоспитание» представителей старой интеллектуальной элиты не велики. Необходимость создания «новой» интеллигенции признавалась как объективная необходимость, своего рода закон исторического развития.

Удивительно, но примерно такую же точку зрения отстаивали и некоторые представители «старой» интеллигенции. Так В. И. Вернадский, выступая в октябре 1920 г. с докладом на съезде Таврической научной ассоциации заявил: «В огне и буре великой небывалой разрухи идет процесс не только борьбы материальных сил, но и процесс огромного внутреннего перерождения. Создается новая интеллигенция. Только глухие и незрячие этого не замечают. Новая интеллигенция — для новой России» [7].

И, тем не менее, еще в 1922 г. В. И. Ленин и его единомышленники настаивали на очень жесткой политике в отношении оппозиционно настроенных ученых и деятелей культуры. Хорошо известны очень резкие высказывания, которые допускал В. И. Ленин в адрес интеллигенции в своей переписке с Ф. Э. Дзержинским и И. В. Сталиным в этот период [8]. Отдельные попытки наиболее трезво мыслящих представителей партийной и государственной бюрократии (Луначарский А. В., Бухарин Н. И. и др.) уйти от прямолинейной конфронтации со старой интеллектуальной элитой России особого успеха не имели [8, с. 170—174].

И лишь уже в рамках новой экономической политики вопрос о формировании качественно новой советской интеллигенции был реально поставлен в

повестку дня работы многих партийных организаций. Важно отметить, что речь шла не только о социальных корнях этого явления, чему традиционно уделяли большое внимание партийные функционеры среднего и низшего звена, но и о формировании принципиально иных сущностных черт этой группы населения, среди которых должны были доминировать: готовность к многообразному сотрудничеству с новым политическим режимом и способность создать качественно новую систему нравственных ценностей социума.

В 1925 г. Н. И. Бухарин так обозначил стратегические перспективы этого процесса: «(Необходимо), чтобы кадры интеллигенции были натренированы идеологически на определённый манер. Да, мы будем вырабатывать их, как на фабрике» [9].

Авторы этого грандиозного исторического проекта прекрасно понимали, что основная масса «старой» интеллигенции еще оставшаяся в российской провинции будет противодействовать его практической реализации, и стремились форсировать процесс социального строительства.

В 20-е гг. в стране была выстроена целая система воспитания новой интеллектуальной элиты советского общества. Важную роль в ней играли не только учебные заведения и средства массовой информации, но и творческие объединения, профсоюзные организации.

При этом отношения между партийно-государственной бюрократией и интеллигенцией в центре и на местах далеко не всегда были тождественными.

«Новая интеллигенция» Урала формировалась в 20-гг. XX в. из представителей самых разных социальных групп населения от рабочих и до крестьян. Партийные функционеры в своих выступлениях часто называли эту интеллигенцию «низовой», «демократической», «трудоной» [10, л. 194].

Процесс формирования «новой» интеллигенции в Челябинской, Пермской, Екатеринбургской губерниях по сравнению с центральными регионами страны начался позже, что во многом было связано с событиями гражданской войны.

Сказалось и воздействие ряда других долговременных объективных факторов, среди которых самыми значимыми можно считать: сосредоточение в регионе горнозаводской промышленности, пестрый этнический и сословный состав населения, наличие больших сословных групп с устоявшимися культурными традициями [11, с. 29—39].

Важную роль в процессе формирования «новой интеллигенции» в уральском регионе играли партийные и государственные органы, которые вслед за общероссийскими структурами в начале 20-х гг. попытались на практике осуществить лозунг «пролетаризации культуры».

В качестве главных инструментов для достижения собственных политических целей новые органы власти использовали средства массовой инфор-

мации, партийные фракции, созданные во многих творческих коллективах и профсоюзных организациях, как в центре, так и на местах, возможности политической цензуры и спецслужб, административный ресурс.

Огромную роль в формировании новых творческих объединений на Урале, в развитии их взаимоотношений с органами партийной и государственной власти сыграли: один из организаторов литературного движения в крае Шубин А. И., критик Уральской ассоциации пролетарских писателей (УралАПП) Боголюбов К. В., ее первый руководитель Панов И. С.

Первыми крупными литературными объединениями на Урале, развернувшими свою деятельность в начале 20-х гг. можно считать екатеринбургские «Союз поэтов» и «Улиту», пермскую мастерскую слова «Мы» и «Челябинскую литературную ассоциацию». Существенно отличаясь друг от друга составом, программными установками и творческими ориентирами, эти литературные группы возникли в период острых социально-политических и экономических катаклизмов, вызванных революцией 1917 г., и первыми попытались организовать разрозненную массу уральских писателей и поэтов [12, с. 172—173].

Данные организации во многом были порожденные революцией и стали своеобразной проекцией идеальных планов общественного переустройства на практику реальной жизни. «Дух времени», безусловно, повлиял на специфику формирования и становления этих обществ. В них столкнулись представители старой дореволюционной уральской интеллигенции и многие из тех, кто впервые обратился к различным жанрам литературного творчества, под воздействием бурных революционных и пост-революционных событий.

Противоречивый характер развития многих политических и социальных процессов, ситуация перманентного кризиса, вызванная постоянным военно-политическими столкновениями противоборствующих группировок, отсутствие единой позиции у деятелей искусства по отношению к первым преобразованиям новой власти и отсутствие четкой политики у представителей этой власти в отношении интеллигенции, проблемы материального характера — все это определило, с одной стороны, динамичный взлет многих творческих объединений, а с другой, их недолговечность.

В отличие от литераторов, уральские художники еще до революции имели свои профессиональные организации. Эстетическое просвещение масс и содействие музейному делу были ведущими направлениями в их деятельности. Многие из них, пережив революции 1917 г., продолжили эту работу. Самыми известными на Урале такими коллективами были «Союз свободных художников» Перми и вятский художественный кружок.

После октября 1917 г. деятельность художников стала сразу же привлекать более серьезное внимание новой власти, чем деятельность писателей или музыкантов. Наглядное изобразительное искусство, полагали идеологи нового режима, более чем литература или музыка было доступно широким народным массам. Начиная с плана «монументальной пропаганды» (1918 г.), художники как в центре, так и на местах все чаще использовались партийными и советскими органами для организации мощных агитационно-пропагандистских кампаний. Взамен они получали материальное поощрение и возможность для определенной творческой самореализации.

Специфика объединений уральских мастеров изобразительного искусства и до, и после 1917 г. заключалась в том, что их роль во многом выполняли художественные учебные заведения. В трудные послевоенные годы едва ли ни единственным источником существования для большинства живописцев Урала была преподавательская деятельность.

В становлении литературных и художественных коллективов Урала было много общего, что определялось единством исторического развития края, промышленным характером региона, территориальной близостью крупных городских центров, событиями гражданской войны, практикой непрерывных переездов по стране ведущих деятелей культуры и рядом других факторов.

В этот период в крае работало много талантливых художников, принадлежавших к разным художественным школам (Туржанский Л. В., Субботин-Пермяк П. И., Эрзя С. Д. и др.). Не случайно в крупных уральских городах появились художественные объединения самой разной творческой направленности («Коллектив художников» в Екатеринбурге, студия ИЗО губпрофобра и губполитпросвета в Челябинске, Общество любителей живописи в Оренбурге и т. д.)

На начальном этапе своего существования большинство литературных и художественных объединений сохраняли многие сущностные черты неформальных структур. Показательно, что в начале 20-х гг. ни одному художественному направлению так и не удалось стать общенациональным, не удалось полностью удовлетворить эстетические потребности всех социальных групп. Этого не удалось ни авангарду, ориентировавшемуся, главным образом, на элитарные слои общества, ни традиционалистам, рассчитывавшим на понимание и поддержку со стороны широких народных масс, ни Пролеткульту.

Однако примерно к середине 20-х гг. с окончательным оформлением литературно-художественной концепции партии началась быстрая унификация не только творческих методов, но и организационных форм, определявших пути и способы развития литературного и художественного процессов как в столице страны, так и на Урале.

Не случайно 1925—1932 гг. прошли в регионе под знаком доминирования ассоциаций пролетарских писателей, в первую очередь, УралАПП и уральских филиалов АХРР. Создание пролетарских и революционных ассоциаций на Урале отражало объективную логику организационной эволюции литературных и художественных объединений региона [12, с. 175—176].

Укрепление экономических и идеологических основ советского общества, растущее стремление партийно-государственного аппарата контролировать все сферы жизни социума, в том числе искусство и культуру трансформировало организационные принципы и содержание деятельности многих творческих групп.

Можно достаточно четко выделить основные направления эволюции литературных и художественных объединений Урала в обозначенное время. Это все большее неприятие буржуазных ценностей и ориентация на пролетарскую эстетику; изменение социального и возрастного состава организаций за счет притока молодежи из рабочих и крестьян; перемена тематики художественных произведений (порожденные революцией романтические настроения начинают уступать место социалистическому отображению действительности); поглощение небольших местных коллективов крупными столичными литературными ассоциациями [13, с. 20—22].

Если в начале 20-х гг. основными типами творческих объединений на Урале были: студия, общество, артель, кружок, то в середине 20-х гг. на передний план вышел такой вид творческого объединения как ассоциация, во многом копировавший организационную структуру партии.

Отсутствие на Урале большого числа писателей-профессионалов, сравнительно поздняя консолидация литературных и художественных сил края из-за гражданской войны, низкий общеобразовательный и культурный уровень многих участников литкружков, позиция местных и центральных партийных комитетов подталкивали уральцев к созданию именно пролетарских ассоциаций.

Многие из них были лишены концептуальной самобытности и лишь копировали декларации столичных объединений.

В этот же период заметно ужесточился контроль за художественными коллективами со стороны партийно-государственных органов. В первую очередь это выразилось в практике окончательного «огосударствления» выставочной и закупочной деятельности, организации конкурсов, музеев и пр.

В этой ситуации самостоятельные литературные и художественные группы, зародившиеся на Урале в начале 20-х гг., были обречены на провал. Во многом их погубила ориентация на творческий плюрализм, а также неспособность противостоять все нарастающему организационному и идеологическому давлению извне.

Поиск новых форм отражения противоречивой эпохи, стремление самоизолироваться от негативных явлений окружающей действительности, игнорирование серьезных политических изменений, произошедших в стране в 20-е гг., недооценка могущества правящей партии и ряд других факторов привели к организационному поражению многие творческие объединения, созданные на Урале в 20-е гг. XX в.

Тем более, что в конце 20-х гг. Урал попал в зону особого внимания партии и государства, так как именно с этим регионом связывались многие планы индустриализации страны. Местные партийные организации «укрепили» соответствующими руководящими кадрами, на места были отправлены «бригады» опытных литераторов и художников, а работе уральских творческих объединений стали уделять особенно пристальное внимание в Москве. Естественно, что развитие местной культурной жизни пошло по сценариям, предлагаемым центром. Материальная и творческая самостоятельность уральских художественных объединений были существенно ограничены.

В дальнейшем это привело к ликвидации большинства негосударственных издательств, хозяйственных предприятий, существовавших на Урале при различных обществах, курсах и студиях. На ключевые посты в творческих объединениях были назначены преданные партии администраторы, а парткомы ужесточили контроль за развитием всех сфер культуры на местах. Основными инструментами контроля были отчеты партийных фракций и комитетов, соответствующие финансовые и кадровые решения, открытая и скрытая цензура [14, с. 202—205].

Если в начале 20-х гг. в отношениях между творческими объединениями уральской интеллигенции и партийно-государственными органами еще оставалось «поле для диалога», то в конце 20-х гг. между ними установились жестко формализованные, административные отношения, которые подразумевали лишь последовательное исполнение партийных директив.

К началу 1924 г. на Урале был создан областной отдел всесоюзного профсоюза работников искусств (Рабис). Его высшим исполнительным органом стал президиум в составе А. И. Пашковского, И. А. Мокрушина и Н. Д. Карманова. А в состав правления вошли 9 человек, представлявшие самые разные округа Уральской области. От Челябинского округа в состав президиума вошел музыкант Г. Д. Моргулис. Только за первые 3 месяца работы состоялось 10 заседаний правления, на которых было рассмотрено 35 вопросов, и 17 заседаний президиума, где было разобрано 89 организационных и экономических вопросов.

Главное внимание, по свидетельству членов правления, областным отделом за этот период было обращено «на проведение районирования — организацию окружных отделений, укрепление союзно-

го аппарата как в области, так и на местах, а также на экономическую работу по установлению связи с хозорганами и участие в регулировании зрелищного дела...» [15, л. 1].

Нужно отметить, что эта работа протекала в очень тяжелой и порой нездоровой обстановке. Средства облотдела были весьма и весьма ограничены. Штат сжат до максимальных размеров (на всю область приходилось 2 ответственных и 2 технических работника). Члены правления лично выезжали на места для проверки работы окружных отделений, готовили и рассылали многочисленные циркуляры и инструктивные письма. Были созданы и приступили к работе такие структуры как культфонд, фонд безработных, стачечный фонд. В основном они формировались за счет отчислений хозяйственных органов и членов союза. На 1-е апреля 1924 г. численность УралРабиса составила 1656 человек. Большие надежды члены организации возлагали на так называемые кассы взаимопомощи. Они были созданы сразу в нескольких уральских округах, но к активной деятельности так и не приступили. Как свидетельствуют документы УралРабиса в начале 1924 г. в Пермском округе в такой кассе состояло 122 члена союза, а в ней насчитывалось 18руб. 17 коп.

Примечательно, что уже 16 февраля 1924 г. состоялось первое заседание фракции РКП (б) правления Уральского Областного отдела Всерабис. На нем присутствовали Пашковский, Мокрушин, Григорьев и Залесов. Ответственным секретарем фракции был избран А. И. Пашковский. А в состав бюро вошли А. И. Пашковский и И. А. Мокрушин. На первом же своем заседании фракция рассмотрела вопрос: «О состоянии зрелищных предприятий по Уральской области и в частности по Екатеринбург» [15, л. 3].

Формирование партийных фракций стало одним из наиболее эффективных механизмов проведения особой партийной линии по планомерному и централизованному руководству культурой и искусством. Основные черты такой линии проявились уже в самом начале 20-х годов, вскоре после того как в структуре ЦК РКП (б) был создан специальный отдел агитационно-пропагандистской работы (АПО). С момента создания его возглавляли достаточно известные партийные функционеры, такие как И. В. Сталин, Р. П. Катанян, Л. С. Сосновский и др. Отдел должен был объединить работу всех ведомств так или иначе причастных к культурно-просветительской деятельности (Наркомпрос, Госиздат, Центропечать и т. д.) и направить ее на пропаганду коммунистических идей. Вскоре аналогичные отделы возникли в областных и окружных комитетах партии. Как правило, такие отделы готовили кадровые и финансовые вопросы, связанные с деятельностью учреждений культуры, влияли на формирование репертуара, организовывали агитационно-пропагандистские кампании. Примечательно, что профсоюз-

ные органы чаще всего избегали острых конфликтов с такими структурами. УралРабис исключением не был.

По мере восстановления народного хозяйства и стабилизации социально-экономического положения страны УралРабис стал уделять в своей деятельности все больше внимания творческим и политическим вопросам. Давление партийно-государственных структур в этом направлении нарастало, что привело к серьезным изменениям в руководящих органах союза самого разного уровня, в его уставных документах, в практике повседневной работы.

Члены УралРабис все более активно привлекались к проведению многочисленных новых праздников, призванных сыграть важную роль в формировании новой культуры нового советского государства. Творчество художников, музыкантов, театральных артистов было особенно значимо для страны, где даже в середине 20-х гг. XX в. значительная часть населения оставалась неграмотной. На Урале этот показатель в 1926 г. составлял 60,7% [16, л. 3]

Примечательно, что постепенно в состав УралРабис были вынуждены войти даже те представители творческой интеллигенции края, кто первоначально категорически отказывался участвовать в такого рода объединениях. Гибель новой экономической политики, монополизация политического пространства, серьезные изменения в социальной структуре общества и официальной культуре поставили даже самых ярких представителей творческой интеллигенции в ситуацию тяжелого выбора. Для продолжения публичного творчества они должны были вступить либо в партийные организации, либо в структуры, близкие к ним. В этой ситуации членство в УралРабис многим из них представлялось «меньшим злом».

Структуры УралРабиса прекратили свое существование в начале 30-х годов после принятия соответствующих решений в центре. После постановления ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932 г. союзы советских писателей и художников и их отделения на местах включились в принципиально новые общественно-политические отношения, сложившиеся в советском государстве, как очень важный элемент тоталитарной системы власти. Сохраняя минимальные черты творческих обществ, они стали своеобразным «приводным ремнем», жестко соединившим ядро советской политической системы с широкими массами уже советской интеллигенции, готовой стать надежным «проводником культурной политики партии».

После окончания II мировой войны попытки создать «новую» интеллигенцию были предприняты в целом ряде восточноевропейских стран. Как показали исследования Н. В. Коровицына, в целом они были успешными [17].

В 80-е годы XX в. в нашей стране вновь появились первые элементы «новой» отечественной интеллиген-

ции. Именно эта интеллигенция сыграла очень важную роль в истории перестройки и радикальных социально-экономических реформ 90-х гг. И сегодня очень многие социологи, историки, политологи все острее ставят вопрос «о социально-ответственном поведении «новой» интеллигенции» в современной России.

Литература

1. Браун В. Дж., Русинова Н. Л. Социальные неравенства и здоровье // <http://www.soc.pu.ru/publications/jssa/1999/1/9rusin.html>; Карпучин О., Макаревич Э. Союз «новой интеллигенции и интеллигенции массы как фактор социальных изменений и социальной стабилизации» // http://liber.rsuh.ru/conf.intelligence_practigue/karpuchin.htm; Чурбанов В. Восстание в треугольнике, или новая интеллигенция в России // www.nasledie.ru/kultura/4_4_1/kultpol/88.htm; Миловидов В. Л. Социально-политические и экономические аспекты выдвижения рабочих и крестьян в первые годы советской власти и их влияние на формирование новой интеллигенции // Вестник Костромского ун-та им. Некрасова. — 2000. — № 3. — С. 35—40.

2. Актуальные проблемы историографии отечественной интеллигенции // Межвузовский республиканский сборник научных трудов. — Иваново, Изд-во ИвГУ, 1996. — 124с.; Главацкий М. Е. КПСС и формирование технической интеллигенции на Урале (1926—1937 гг.). — Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1974. — 215с.; Иванова Л. В. Формирование советской научной интеллигенции (1917—1927 гг.). — М.: Наука, 1989. — 397с.; Советская интеллигенция: история формирования и роста. 1917—1965 гг. / Редкол.: Ким М. П. (гл. ред.) и др. — М.: Мысль, 1968. — 432с.

3. Ленин В. И. Задачи революционной молодежи // Полн. собр. соч. — Т. 7. — С. 341—356.

4. Интеллигенция в истории: Образованный человек в представлениях и социальной действительности. — М.: ИВИ РАН, 2001. — 312с.; Культура и интеллигенция России XX века как исследовательская проблема: итоги и перспективы изучения. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. — 200 с.; Метаморфозы творчества. Интеллектуальные ландшафты (конец XIX—XX вв.): Материалы V Всерос. науч. конф. с междунар. участием, посвященной 10-летию Сибирского филиала Российского института культурологи МК РФ (Омск, 29 сентября — 3 октября 2003 г.) / Отв. ред.: В. Г. Рыженко, В. П. Корзун. — Омск: ОмГУ, 2003. — 412с.; Сальников В. И. Провинциальная интеллигенция в процессах социальной трансформации: поиски методологии исследования // Интеллигенция и мир. — 2004. — № 1—2. — С. 18—22.

5. www.rwp.ru/Marxism/Trotsky/CW/Trotsky-XXI/XXI-04-01-18.html

6. Волков С. Интеллектуальный слой в советском обществе // <http://www.samisdad.com/5/55/554-2gl.htm>.
7. http://kirsoft.com.ru/freedom/KSNews_138.htm.
8. <http://www.evreimir.com/article.php?id=3273>.
9. Опыт неосознанного поражения: модели революционной культуры 20-х годов: Хрестоматия / Сост. Г. А. Белая. — М.: РГГУ, 2001. — 455с.
10. ГУЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 26.
11. Нарский И. В. Русская провинциальная партийность. — Челябинск, ЧелГУ, 1995. — Ч. I. — 168 с.
12. Журавлева Н. С., Сибиряков И. В. Литературно-художественные объединения Урала в 1920-е гг.: типология и модели создания // Уральские бирюковские чтения: Сб. науч. статей. // Науч. ред. проф. С. С. Загребин. — Челябинск, 2004. — 604 с.
13. Журавлева Н. С. Литературные и художественные объединения на Урале в 20-е гг. XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Челябинск, 2004. — 23 с.
14. Журавлева Н. С. Сибиряков И. В. Творческие объединения уральской интеллигенции в 20-е гг. XX века: шаг к гражданскому обществу или тоталитарному режиму? // Россия и регионы: взаимодействие гражданского общества, бизнеса и власти: Материалы XXI Международной научно-практической конференции / Урал. соц.-экон. ин-т АТиСО. — Челябинск, 2004. — С. 198—204.
15. ГАРФ. Ф. 5508, Оп. 1. Д. 347.
16. ГУЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 425.
17. Коровицын Н. В. Восточноевропейский путь развития: социокультурные контуры // http://www.situation.ru/app/j_artp_111.htm.

ПЕРЕСТРОЙКА ПАРТИЙНЫХ ОРГАНОВ УРАЛА В 1948—1949 гг.

Великая Отечественная война внесла коррективы в деятельность ВКП(б)—КПСС. Изменения в составе партии, расширение сети и функций партийных органов, появление «нового поколения» в руководстве открыли возможности для реформирования партии по направлению усиления ее диктата в жизни общества и государства либо в сторону ограничения ее роли. Одним из важнейших элементов трансформации компартии стала реорганизация партийного аппарата 1948—1949 гг.

Реорганизация затронула как Центральный комитет, так и местные органы ВКП(б). Однако если в ЦК она прошла довольно гладко, то на местах столкнулась с большими трудностями, вскрыла ряд серьезных проблем и в какой-то мере проявила отношение провинции к инициативам центра. Несмотря на это в исторической литературе нет специального исследования по данной теме. Поэтому в представляемой статье предполагается выявить цель, проследить ход и определить результаты перестройки местных партийных органов в 1948—1949 гг. на примере трех уральских областей — Пермской, Свердловской и Челябинской.

Наиболее сложным является выяснение цели, которую преследовало высшее руководство, проводя реорганизацию на местах. В постановлении ЦК ВКП(б) от 10 июля 1948 г. «О реорганизации аппарата ЦК ВКП(б)» заявлено, что она проводится в целях «улучшения работы аппарата по подбору кадров и проведению в жизнь партийных решений» и основными задачами отделов следует считать «подбор кадров по соответствующим отраслям и проверку исполнения решений ЦК ВКП(б) и Правительства» [1, л. 28]. Данные формулировки повторяются в постановлениях от 25 октября 1948 г. и 4 января 1949 г., касающихся реорганизации обкомов и горкомов и райкомов партии. Большинство советских историков ограничилось пояснением, что изменения в структуре аппарата вызвала необходимость «дифференцировать и конкретизировать, сделать более оперативной работу и методы партийного руководства» [2, с. 64]. Отдельные специалисты по партийному строительству понимали реорганизацию 1948—1949 гг. в контексте поиска эффективной модели управления, видели в ней отказ от функционального и возвращение к производственно-отраслевому принципу организации аппарата [3, с. 118—119].

Современные исследователи усматривают в инициативах партийного руководства (по регулированию состава партии, сокращению штатов, преобразованию аппарата) попытку восстановить утраченный за годы войны контроль над местными парторганами. С этой точки зрения цель реор-

ганизации 1948—1949 гг. — обеспечить высокую степень управляемости партийной номенклатуры [4, с. 126]. Но некоторые отечественные историки придают данному сюжету большую значимость. Реорганизация не только способствовала перестановке в высшем руководстве и возвратила партию в организационном плане ко времени XVIII съезда. Она «выглядела как полное и окончательное торжество консервативных тенденций», «свидетельствовала также и о том, что все попытки реформировать партию, существенно ограничить ее оказавшееся сугубо негативным воздействием не только на собственно экономику, но и на всю систему управления... завершились полным провалом» [5, с. 466—468].

Понять истинную цель и значение перестройки 1948—1949 гг. возможно лишь в контексте тех аппаратных преобразований, которые предваряли ее. Первым в их ряду явилось сокращение числа промышленных отделов в местных комитетах, проведенное осенью—зимой 1945 г. и приведшее к некоторому ослаблению партийного контроля над промышленностью. При этом освободившиеся работники перебрасывались на работу в отделы, занятые исключительно партийной работой, идейным воспитанием и подбором кадров.

Летом 1946 г. в Управлении по проверке партийных органов был разработан проект сокращения штатов, реализованный осенью 1946—зимой 1947 гг. В соответствии с ним, во-первых, отраслевые отделы объединялись по однородным отраслям и упразднялись, объединяющие небольшое количество предприятий, а в РК ликвидировались промышленно-транспортные отделы, во-вторых, урезались штаты основных отделов — кадрового, оргинструкторского, пропаганды и агитации [6, л. 25—29]. Благодаря этому предполагалось уменьшить численность партийных работников на 30 тысяч, или 19%. Чтобы понять направленность данного мероприятия, следует иметь в виду, что в 1940 г. партийные органы насчитывали 154796 работников, 1 января 1946 г. — 154682 работника, а 1 мая 1946 г. — 158324 [6, л. 25]. Если руководство стремилось усилить роль партии, то логичным было бы продолжить наметившийся после войны рост партаппарата.

Менее масштабное сокращение прошло накануне перестройки аппарата ЦК. Постановлением ЦК ВКП(б) от 17 июня 1948 г. число должностей уменьшалось соответственно сокращению месячного фонда заработной платы на 6%. Отсутствие жестких указаний позволило обкомам партии смягчить последствия данного мероприятия: значительная часть увольнений пришлась на технических работников [7, л. 33—36; 8, л. 6].

«Крупные» сокращения, затрагивавшие партию в целом, дополнялись сокращениями штатов отдельных обкомов, горкомов и райкомов. Все эти инициативы центра встречались на местах без особой радости, поскольку сильно увеличивали объём работы аппаратчиков. Молотовский, Свердловский и Челябинский обкомы ВКП(б) были завалены жалобами работников райкомов и горкомов на свою крайнюю загруженность. Выход из сложившейся ситуации местное руководство видело в сохранении, даже увеличении имеющихся штатов и в разгрузке своих работников от неуставных обязанностей.

Специфика реорганизации местного партийного аппарата 1948—1949 гг. от прежних состоит в том, что она проводилась поэтапно и заключалась в изменении общих принципов его организации.

На первом этапе были преобразованы обкомы партии. В Молотовском, Свердловском и Челябинском обкомах была установлена структура из 9 отделов: пропаганды и агитации, партийных, профсоюзных и комсомольских органов, сельскохозяйственного, административного, планово-финансово-торгового, тяжёлой промышленности, легкой промышленности, машиностроения и транспортного [9, л. 71]. Перестройка аппарата заняла ноябрь и начало декабря и явилась подготовкой следующего этапа, проведение которого было всецело возложено на обкомы партии.

Перестройка горкомов и райкомов оказалась более длительной и насыщенной. Постановление ЦК ВКП(б) от 4.01.1949 достигло уральских обкомов партии в середине января, и только во второй половине месяца в них были приняты соответствующие постановления. Ознакомление с этими документами на местах проходило в конце января — начале февраля. Молотовский и Свердловский обкомы ВКП(б) определили срок проведения реорганизации началом — серединой февраля, однако, в связи с возникшими трудностями она затянулась вплоть до марта. Челябинский обком предоставил райкомам и горкомам больше времени — до 15 марта, так как в феврале во многих партийных органах области прошли отчетно-выборные конференции [10, л. 4].

Согласно директивам в аппаратах ГК и РК партии ликвидировались отделы кадров и военные отделы, а их работники рассредоточивались по новым подразделениям. Оргинструкторские отделы составили основу отделов партийных, профсоюзных и комсомольских организаций, которые непременно доукомплектовывались инструкторами по кадрам. Практически без изменений остались отделы пропаганды и агитации — их штат был немного расширен за счет упраздненных отделов. Из отраслевых отделов в горкомах путем объединения или переименования создавали промышленно-транспортные, административные и планово-финансово-торговые, а в райкомах — сельскохозяйственные. С разрешения обкомов партии в ряде ГК

были созданы сельскохозяйственные, а в некоторых РК — промышленно-транспортные отделы, но обязательно в пределах установленного для них штата.

Перестройка проходила непросто, на что указывают и длительность ее проведения, и множество запросов с мест по организационным вопросам, и необычно большое количество совещаний и семинаров, которые проводились обкомами со второй половины марта вплоть до мая месяца. Особые трудности вызвало распределение новых функций и участков работы между отделами и секретарями партийных комитетов.

Реорганизация сломала давно устоявшийся порядок закрепления обязанностей. Ведущие отделы — кадров, пропаганды и агитации, оргинструкторский — были функциональными, отвечали за определенный вид работы по всем организациям. Отраслевые отделы ведали какой-либо отраслью производства, по сути, дублируя хозяйственные и государственные организации. Теперь же кадровая работа и контроль над деятельностью первичных парторганизаций были переданы всем отделам.

Большинство низовых работников имело об этих видах деятельности весьма общее представление, а секретари столкнулись с ранее неизвестными трудностями: как комплектовать аппарат, как взаимодействовать отделам при подборе парторгов ЦК и проверке первичных парторганизаций, где сосредоточить учет кадров и т. д. Но особое напряжение вызывал тот факт, что при ограниченном количестве отделов многие государственные, хозяйственные и общественные организации оставались вне чьего-либо ведения и поэтому руководству приходилось закреплять их по собственному усмотрению [11, л. 23]. В результате возникало недовольство, нередко переходящее в настоящую войну между отделами за уменьшение нагрузки, которая прекращалась лишь с вмешательством вышестоящего органа.

В менее напряженной обстановке проходило распределение отделов и обязанностей между секретарями. Никаких указаний сверху по сему вопросу не давалось, поэтому руководители комитетов решали его самостоятельно. Обычно полномочия распределялись следующим образом: за первым секретарем закреплялся отдел пропаганды и агитации, за вторым — промышленно-транспортный отдел, за третьим — отдел партийных и комсомольских органов. Данная модель с некоторыми вариациями (обмен отделами между первым и вторым секретарями) утвердилась в парторганах Молотовской и Свердловской областей [12, л. 36; 13, л. 20], однако в Челябинской области ее приняла только пятая часть райкомов и горкомов. Здесь вариантов распределения секретарских обязанностей было гораздо больше. Основной из них сводился к тому, что первый секретарь ведал отделом партийных, профсо-

юзных и комсомольских органов, второй — пропаганды и агитации, третий — промышленно-транспортным или сельскохозяйственным [10, л. 10—19]. Челябинский обком ВКП(б) одобрял столь нетрадиционное распределение обязанностей, когда упор делался на работу с собственно партийными организациями. Но вместе с тем жестко пресекал такие отклонения, как распределение организаций и учреждений, относящихся к разным отделам, справедливо замечая, что это «может вызвать лишь путаницу и параллелизм в руководстве» [10, л. 7].

В ходе распределения новых функций, обязанностей проявилась извечная проблема партийных работников — перегруженность работой. Объективно реорганизация аппарата сократила объем основной работы: например, в Челябинском обкоме ВКП(б) на каждого инструктора отдела кадров приходилось по 175 номенклатурных должностей, а инструктор отдела партийных, профсоюзных и комсомольских органов отвечал только за 40 [14, л. 1]. Но, во-первых, такой контрастный эффект реорганизация дала только в областных и некоторых городских комитетах партии, и, во-вторых, она сопровождалась появлением новых обязанностей, освоение которых требовало чрезвычайных усилий. Если при этом учесть, что объем второстепенной работы несколько не уменьшился, а в ряде случаев и увеличился, то говорить о снижении рабочей нагрузки не приходится.

Решить старую проблему проверенными способами — просьбами о расширении штатов, создании новых отделов, переводе в более высокую группу по штатам — не представлялось возможным: ЦК ВКП(б) обычно игнорировал подобные просьбы вплоть до 1951 г. Требовались иные меры, которые не требовали особых усилий и могли немедленно разрядить ситуацию. Одной из них стало усовершенствование организации труда через перераспределение участков работы как внутри отделов, так и между ними.

Распределение общего объема работы внутри отдела проводилось по двум принципам: территориальному и отраслевому. Выбор заведующего зависел от условий работы: из-за огромных расстояний в сельских РК предпочитали территориальный принцип прикрепления подотчетных организаций, в более компактных ГРК и ГК — отраслевой. Четко устанавливались и обязанности заведующего, его заместителя, определялся режим личной и общей работы — составлялись планы, проводились совещания по текущим вопросам и обмену опытом, собеседования [11, л. 22; 13, л. 22]. Такого рода введения часто являлись плодом взаимных договоренностей, но даже если они инициировались заведующим или секретарем, то инструктора принимали их без особых возражений.

Однако попытки перераспределить между отделами такие виды работы, как разбор поступивших

жалоб и заявлений, выполнение срочных заданий, инспектирование, участие в бригадах по проверке подотчетных организаций и т.п. обычно успеха не имели. Ко времени реорганизации почти в каждом парткоме имелась негласная разверстка подобной работы, разверстка, которая являлась производной личностных и групповых интересов. Из-за нее в партийном органе существовало некоторого рода неравенство: одни отделы были менее загружены второстепенной работой, чем другие и при этом они всячески блокировали попытки последних изменить такое положение дел.

Руководству райкомов и горкомов партии не всегда удавалось по-своему урегулировать возникавшие по сему поводу конфликты, поэтому иногда оно предпринимало официальные шаги, такие как утверждение на бюро перечня вопросов, входящих в круг деятельности отделов [10, л. 8]. Но поскольку эти меры не давали должного эффекта, заведующие «загруженных» отделов продолжали давнюю «традицию» — ставили на совещаниях вопрос о преодолении ведомственного стиля.

Иной способ разгрузить аппарат от избытка работы — привлечь партийный актив и внештатных инструкторов. Этот способ был известен давно, но широко применяться стал только после реорганизации 1949 г. Все без исключения райкомы и горкомы партии использовали своих членов и кандидатов, а в большинстве из них имелись и внештатные инструктора из числа рядовых коммунистов. Последних при отделах РК и ГК иногда было столько же, сколько собственно работников в данных отделах [15, л. 42, 119]. Им вменялась подготовка вопросов на бюро, пленумы и активы, выполнение срочных поручений, участие в проверке первичных парторганизаций и даже курирование отдельных парторганизаций.

Одной из причин перегруженности партийных работников являлось отсутствие профессионализма. На это указывают статистические данные по уровню образования и стажа работы по занимаемой должности. Так, доля работников Челябинского обкома ВКП(б) не имеющих среднего образования составляла 10,5% штата, а в аппарате горкомов и райкомов (без учета инструкторов) партии 17,5%; минимальный опыт работы по должности, т.е. менее года имело 25% обкомовских и 52,4% работников горкомов и райкомов. Ситуация по инструкторам и пропагандистам ГК и РК была еще более печальной [16, л. 131—143]. Руководство местных парторганов проводило немало аппаратных совещаний и семинаров, изымало более подготовленные кадры из промышленности и Советов, но экстренные меры были малоэффективны и не могли заменить системную работу в данном направлении.

Поскольку вышеперечисленные способы не приводили к заметному облегчению работы, то партийные работники прибегали к самому простому сред-

ству — не выполняли некоторые новые обязанности либо же максимально упрощали работу по ним. Обычно это касалось работы с резервом, с личными делами номенклатурных работников, порядка утверждения человека в должности и т. д. и приводило к заметному падению уровня кадровой работы [17, л. 3].

Первые итоги перестройки аппарата местных партийных органов были подведены еще весной 1949 г. В выступлениях на совещаниях при обкомах партии и квартальных отчетах утверждалось, что реорганизация привнесла много положительного в работу партийных органов: улучшилась работа с кадрами, усилилась повседневная, «живая» связь с местными партийными органами и первичными парторганизациями. Однако подобные реляции, призванные подтвердить правильность политической линии ЦК, уже тогда разбавляли критические замечания следующего плана: «Вывод можно было бы сделать один, что работа с кадрами улучшилась. На самом деле результатов от перестройки в секторе учета кадров пока нет» [17, л. 1].

По прошествии некоторого времени оценки реорганизации становятся более критичными и даже резкими. Так, в докладной записке от 2 марта 1950 г. о работе с кадрами горкомов и райкомов отмечено, что истекший год «не дал положительных результатов по сравнению с 1948 годом даже по тем минимальным показателям, которые отражаются в представленных обкому статистических отчетах об укомплектованности, утверждаемости и сменяемости номенклатурных кадров». На основе того, что утверждаемость не поднялась до уровня 1948 года, а сменяемость в среднем составила 25,5 % (по отдельным ГК, РК свыше 35—40 %), делалось заключение, что «работа с кадрами не улучшается, а хоть медленно, но ухудшается по сравнению с 1948 годом, при существовании отдела кадров» [17, л. 8]. Анализ показателей работы партийных комитетов Молотовской и Свердловской областей в целом подтверждает вывод об ослаблении кадровой работы, последствия которого осознавались некоторыми работниками и позднее, в 1951 г. [18, л. 43].

Таким образом, реорганизация аппарата местных партийных органов 1948—1949 гг. лишь формально продолжала взятый ЦК ВКП(б) после войны курс на упрощение и сокращение партийного аппарата, целью которого было уменьшить вмешательство партии в деятельность государственных и хозяйственных организаций. На практике она привела к перестройке работы аппарата по отраслевому принципу, чем создала условия для усиления партийного контроля. Реорганизация вскрыла и обострила на местах типичные проблемы партий-

ного аппарата — перегруженность обязанностями, непрофессионализм кадров и низкую эффективность работы. Вместе с тем проведение реорганизации способствовало и частичному решению данных проблем во многом за счет того, что вышестоящий орган предоставлял нижестоящим значительную степень свободы в выполнении поставленных задач. Такой механизм позволял учитывать условия и региона, и конкретного района. Тем не менее результаты перестройки аппарата не соответствовали ее официальным целям. Уже в ходе реорганизации отмечается ухудшение кадровой работы, объяснимое распылением работников-кадровиков наряду с нежеланием остальных работников приобретать соответствующую квалификацию. Укореняется положение, при котором ответственный работник являлся универсалом, занимавшимся всем подряд, но крайне непрофессионально. По истечении некоторого времени последствия реорганизации стали еще более очевидными, как и наличие в самом партийном аппарате групповых, «ведомственных» интересов, ставших одной из причин неудачи реорганизации 1948—1949 гг. на местах.

Литература

1. РГАСПИ Ф. 17. Оп. 3. Д. 1071.
2. Абрамов Б. А. Организационно-партийная работа КПСС в годы четвертой пятилетки // Вопросы истории КПСС. — 1979. — № 3. — С. 55—65.
3. Малейко Л. А. Партийный аппарат: становление и развитие (1917—1941 гг.). — Ростов: Изд-во Ростовского ун-та, 1981. — 136 с.
4. Зубкова Е. Ю. Кадровая политика и чистки в КПСС 1949—1953 гг. // Свободная мысль. — 1999. — № 3. — С. 117—129.
5. Жуков Ю. Н. Тайны Кремля: Сталин, Молотов, Берия, Маленков. — М.: ТЕРРА—Книжный клуб, 2000. — 688 с.
6. РГАСПИ Ф. 17. Оп. 122. Д. 195.
7. ГОПАПО Ф. 105. Оп. 14. Д. 53.
8. ЦДООСО Ф. 4. Оп. 44. Д. 160.
9. РГАСПИ Ф. 17 Оп. 3. Д. 1072.
10. ОГАЧО Ф. 288. Оп. 13. Д. 176.
11. ЦДООСО Ф. 4. Оп. 45. Д. 229.
12. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 45. Д. 172.
13. ГОПАПО Ф. 105. Оп. 15. Д. 209.
14. ОГАЧО Ф. 288. Оп. 13. Д. 237.
15. ЦДООСО Ф. 4. Оп. 45. Д. 230.
16. ОГАЧО Ф. 288. Оп. 13. Д. 235.
17. ОГАЧО Ф. 288. Оп. 13. Д. 237.
18. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 49. Д. 140.

ОТРАЖЕНИЕ КОНФЛИКТА ЛИЧНОСТИ И ГРУППЫ В РЕГИОНАЛЬНЫХ СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

В России, находящейся в переходном состоянии к режиму политического плюрализма, часто происходят конфликты личности и группы. «Конфликт» рассматривается автором как столкновение, вариант конкурентного взаимодействия двух или более сторон, целью которого является перераспределение властных полномочий или ресурсов.

Тяга к демократии, верховенству права сильна в обществе. Стремясь отстоять свои интересы, граждане обращаются в органы государственной власти, прокуратуру, суды. «Реалистические конфликты возникают, когда люди сталкиваются с препятствиями в реализации своих требований, когда их запросы не удовлетворяются, а надежды терпят крушение» [1, с. 79]. Отстаивание личностью своих прав есть не что иное, как проявление борьбы за нормальное функционирование гражданского общества с его развитыми механизмами саморегуляции и самоуправления во всех основных сферах жизни.

Однако обращения гражданина в различные инстанции часто не дают положительного результата. В надежде на благоприятный исход спора индивид может прибегнуть к помощи средств массовой информации (СМИ).

Некоторые исследователи крайне скептически оценивают возможности институтов демократии, в том числе СМИ, в защите прав гражданина в споре с группой. «Политические режимы большинства субъектов федерации жестко авторитарны. В них отсутствует ряд политических свобод и прав, существующих в России в целом. По некоторым экспертным оценкам, в 60 субъектах Российской Федерации во властных структурах процветают местничество, семейственность, клановость, коррупция» [2, с. 767]. Можно добавить, что данные явления распространены шире, наблюдаются в большей или меньшей степени и в других субъектах Российской Федерации. «И не исключено, что в ближайшие десятилетия новый авторитаризм может стать главным вызовом либеральной демократии. Если мы богаты и чувствуем себя уверенно, зачем беспокоиться о свободе? Ответ в том, что свобода порой неряшлива и полна конфликтов и разрывов, требует активности и не допускает активного самоустранения» [3, с. 88].

Наблюдая авторитарные тенденции, многие граждане испытывают растерянность. Принимая участие в демократических процедурах, они не могут оказать сколько-нибудь заметное влияние на государственные структуры, а также политические процессы, хотя одними из основных параметров, по

которым можно судить о степени участия гражданина в политическом процессе, являются отзывчивость политической системы и ее восприятие участника политического процесса [4].

Усилению конфликтности отношений личности и группы способствуют следующие факторы.

Во-первых, в России не созданы равные условия для участия граждан в политическом процессе. На успех в избирательной кампании, например, могут всерьез рассчитывать только люди, имеющие большие личные доходы или финансовую поддержку субъектов политики и экономики, заинтересованных в их избрании.

Во-вторых, не решены многие социально-экономические проблемы — низок уровень жизни граждан, углубляется разрыв в доходах и имущественном положении богатых и бедных.

В-третьих, низок уровень политической культуры людей. Вследствие этого на степени остроты конфликтов сказываются недифференцированность интересов личности, ограниченность ее внутреннего духовного мира, нетерпимость к чужому мнению и т. д. Например, сознательный обман сограждан используется как средство получения наживы. Так, в одной из региональных газет сообщается о том, что «недурно нажился на доверчивости уральских художников бывший житель города Березовский» [5, с. 11]. Он обещал продать картины художников за рубежом, но обманул их. В милицию поступили заявления от потерпевших, спровоцировавший конфликт гражданин был задержан. Омская газета «Коммерческие вести» сообщила о предпринимательнице, которая заняла крупную сумму и не намерена возвращать деньги кредиторам. Чтобы избежать расчетов с ними, она переоформила свои активы — магазин, участок земли — на родственницу [6, с. 6].

Стороны обоих конфликтов не могут разрешить спор самостоятельно, так как их позиции диаметрально противоположны. Судя по публикациям в газетах, данные конфликты могут быть разрешены только в правовом поле.

В-четвертых, социальная группа, как правило, проявляет нетерпимость по отношению к мнению гражданина, даже если его требования справедливы и законны. В подавляющем большинстве споров группа воспринимает интересы личности как ничтожные и не заслуживающие серьезного внимания.

У индивида гораздо меньше возможностей, чем у группы, использовать разные формы конфликта (бойкот, саботаж, протест).

Даже если гражданин доведен до отчаяния и прибегает, например, к голодовке, группа в подавляющем большинстве ситуаций игнорирует эту крайнюю форму проявления протеста. Отсутствие настроя на урегулирование конфликта в интересах участвующих в нем сторон часто приводит к политизации конкурентного взаимодействия, и оно может достигнуть определенной стадии остроты или напряженности.

Можно выделить несколько подходов СМИ к отражению споров гражданина и группы.

1. Официальные и официозные СМИ в подавляющем большинстве случаев игнорируют конфликты личности и группы. Контролирующим СМИ органам власти, часто заинтересованным в создании у граждан иллюзии о возможности формирования «бесконфликтного общества», невыгодно отражение такого рода споров. Конфликты личности и группы могут в неблагоприятном свете отразить способность власти создать условия для стабильного, устойчивого развития территории.

Особенно редко отражаются конфликты личности и группы в телепередачах. Это объясняется, на наш взгляд, тем, что телевидение в меньшей степени ориентировано на выполнение функций журналистики (в частности, социальной регуляции и контроля за действиями властей, аккумуляции и агрегирования структурированных интересов), чем печатные СМИ или радиокomпании, зато в большей степени реализует функции общественных связей и политической рекламы, бизнес-инструмента, позволяющего извлекать баснословные прибыли. Поверхностность, фрагментация в показе реальных событий, явлений не позволяет телевидению сосредоточить внимание на проблемах жизни обыкновенного гражданина, не имеющего влиятельных покровителей.

Поведение личности в острых жизненных ситуациях становится актуальным для СМИ данного типа, во-первых, тогда, когда сквозь его призму можно показать положительный образ власти, то есть ее способность успешно разрешать споры. Во-вторых, конфликты личности и группы, как правило, привлекают внимание СМИ, когда благодаря их освещению можно развенчать политического оппонента. В-третьих, к спорам гражданина и группы СМИ обращаются, когда у контролирующих их деятельность органов власти возникает необходимость подготовить население к непопулярным решениям, в том числе кадровым.

2. Корпоративные СМИ в еще меньшей степени интересуются конфликтами личности и группы, чем официальные и официозные, часто заинтересованы в том, чтобы замалчивать их. Задача СМИ данного типа — отстоять любой ценой интересы предприятия, организации, учреждения в споре с гражданином, вступившим в спор и таким образом будто бы желающим принизить значение корпоративных ценностей. Если же конфликты индивида и группы не

касаются корпоративных интересов, СМИ могут освещать их беспрепятственно.

3. Конфликты личности и группы интересны главным образом, представителям СМИ двух типов — партийных (оппозиционных) и частных. К конфликтам такого рода особенно внимательно относится оппозиционная печать, особенно в тех случаях, когда индивиду противостоит тот или иной орган власти. СМИ склонны драматизировать конфликтные ситуации, стараются подвести читателей к мысли о том, что при существующем режиме власти разрешение конкурентного взаимодействия недостижимо. Как правило, рассматривается только одна позиция, а точка зрения критикующей стороны не представлена.

4. Противоречивым является освещение конфликтов личности и группы частными СМИ. С одной стороны, ими, в основном массовыми печатными изданиями, в обилии публикуются сообщения о происшествиях, связанных с уголовными преступлениями — убийствами, разбоем и т. д. Привычным для СМИ, особенно телевидения, стал бесстрастный показ натуралистических подробностей, связанных с покушением на человеческую жизнь. «Деструктивная направленность СМИ наиболее ярко проявляется в отрицании ядра гуманизма — ценности человека для общества. В сообщениях прессы, теле- и видеофильмах последовательно проводится мысль о копеечной цене человеческой жизни» [7, с. 150].

С другой стороны, нельзя не отметить гуманную позицию ряда частных печатных СМИ, склонных к обстоятельному анализу явлений действительности, тенденций развития сфер жизни общества в большей мере, чем телекомпании. Печатные издания отстаивают интересы «униженных и оскорбленных», которые отчаялись найти в структурах власти справедливость по отношению к себе, может быть, стали изгоями в обществе. Так, газета «МК» в Красноярске, опубликовав сообщение об убийстве сотрудником милиции лица без определенного места жительства, привлекла внимание читателей к конфликту общества и отверженных — маргиналов [8, с. 11]. Газета пришла к выводу, что общество крайне невосприимчиво к проблемам их жизни. Его нежелание приступить к решению этих проблем может привести к накоплению напряжения в среде маргиналов, их непредсказуемым акциям.

Освещая конфликты гражданина и группы, СМИ могут выступать в качестве субъекта. Группа либо оказывает давление на индивида и вынуждает его снять свои требования (в краткосрочном споре), либо игнорирует их в случае устойчивой готовности гражданина отстаивать свои права.

Одной готовности индивида добиваться разрешения спора в свою пользу недостаточно. Гражданину сложно выступать полноправным субъектом конфликта, так как его ресурсы крайне ограничены, если не сказать — ничтожны, несопоставимы с

ресурсами группы, например, субъекта политики (органа власти, политической партии) или экономики (ведомства, предприятия). В то же время весомыми информационными ресурсами обладают СМИ. Они способны привлечь внимание общества к конфликту гражданина и группы. Не встречая реакции субъекта политики или экономики на критику, ряд СМИ по несколько раз могут возвращаться к затронутой теме, способны расширить поле конфликта, вовлечь в него субъекты политики, права, другие СМИ.

Если группа не реагирует на запросы личности, спор может стать долгосрочным. Так, газета «Ваш «Ореол» опубликовала несколько материалов о конфликте, возникшем между жителем Омска М. Казанцевым и компанией «Омскэнерго» [9]. Гражданин установил в собственной квартире счетчик учета тепла. Оказалось, что он должен платить за услуги в несколько раз меньше, чем требовали энергетики. Компания «Омскэнерго» стала оказывать давление на М. Казанцева, в том числе путем прекращения электроснабжения его квартиры.

Органы региональной и муниципальной власти никак не выразили отношение к конфликту. Лишь благодаря вниманию к нему региональных печатных изданий, опубликовавших, в частности, открытое письмо М. Казанцева руководству компании «Омскэнерго», на защиту интересов гражданина встала прокуратура. В данном случае газета «Ваш «Ореол» выступила в качестве субъекта конфликта и помогла защитить права индивида от ведомственного произвола.

В целом социальные институты настроены враждебно по отношению к интересам личности. Ее конфликты с группами остаются во многих случаях без внимания субъектов политики и права, способных принять решения в интересах гражданина.

Внимание к конфликтам личности и группы могут привлечь СМИ, но они далеко не всегда используют эту возможность. Чаще ими оправдываются действия группы по отношению к индивиду. В тех же случаях, когда то или иное СМИ встает на защиту интересов личности, оно может выступать в качестве субъекта конфликта при разрешении спора

в интересах гражданина, вовлекать в него другие социальные институты. СМИ могут способствовать изменению отношения в обществе к интересам личности, если они полнее будут выполнять функции журналистики — организаторскую, социального контроля за действиями властей и социальной регуляции.

Отношение группы к конфликту с индивидом может измениться по мере становления гражданского общества, утверждения в нем гуманистических начал, формирования новой политической культуры граждан. Этот процесс скорее всего будет происходить в условиях болезненной трансформации прежней социальной психологии.

Литературы

1. Козер Л. Функции социального конфликта. М., 2000.
2. Большаков А. Г. Специфика политических конфликтов в условиях авторитарно-демократического режима: федеральный и региональный аспекты // Россия. Политические вызовы XXI века: Второй Всероссийский конгресс политологов. — М., 2002.
3. Дарендорф Р. После 1989. Мораль, революция и гражданское общество. Размышления о революции в Европе. — М., 1998.
4. Inglehart R. Culture Shift in Advanced Industrial Societies. — Princeton, 1990.
5. Художников подвела доверчивость // Мир новостей. — Красноярск, 2005. — № 14.
6. Галин А. Жену банкира подозревают в мошенничестве // Коммерческие вести. — 2005. — № 18—19.
7. Дмитриев А. В., Латыпов В. В., Хлопьев А. Т. Неформальная политическая коммуникация. — М., 1997.
8. Шайхутдинова О. Кастрированные ценности // «МК» в Красноярске. — 2005. — 6—13 апреля.
9. Костина И. Пионеру реформ решили пощекотать нервы // Ваш «Ореол». — 2005. — № 7; Прокуратура поставила точку // Ваш «Ореол». — 2005. — № 12.

ПРАВОВАЯ СУЩНОСТЬ ИНФОРМАЦИИ, ЯВЛЯЮЩЕЙСЯ ОБЩЕРОССИЙСКИМ НАЦИОНАЛЬНЫМ ДОСТОЯНИЕМ, И ИНФОРМАЦИИ, ЯВЛЯЮЩЕЙСЯ ОБЩЕСТВЕННЫМ ДОСТОЯНИЕМ

Согласно доктрине информационной безопасности одним из основных направлений обеспечения информационной безопасности Российской Федерации в сфере духовной жизни является «разработка специальных правовых и организационных механизмов, обеспечивающих сохранение культурных и исторических ценностей народов и народностей Российской Федерации, рациональное использование накопленных обществом информационных ресурсов, составляющих национальное достояние» [6].

Сегодня, к сожалению, приходится констатировать, что отношения по защите информации и информационных ресурсов, являющихся национальным достоянием, недостаточно урегулированы в законодательстве и исследованы в юридической науке. Федеральным законом «Об информации, информатизации и защите информации» (далее — Закон об информации) в ст. 9 «Отнесение информационных ресурсов к общероссийскому национальному достоянию» предусматривается возможность объявления отдельных объектов федеральных информационных ресурсов общероссийским национальным достоянием и устанавливается, что отнесение конкретных объектов к таковым и их правовой режим должны быть предусмотрены специальным Федеральным законом, который пока не принят [1]. Однако в Законе об информации отсутствует как понятие «национальное достояние», так и категория «общероссийское национальное достояние». Не определяются эти категории и в специальном законодательстве о культуре [2, ст. 3, 25; 4], языке [5, вводная часть], науке [7, п. 1; 8] и других отраслях общественной жизни [9, п. 4.4], объекты которых потенциально могут относиться к общероссийскому национальному достоянию.

Категория «национальное достояние», традиционно связываемая в мире с художественными, археологическими и историческими ценностями, в законодательстве и научной литературе вплоть до конца XX века специально не рассматривалась применительно к информационным ресурсам. Наряду с данной категорией (национальное достояние) стало употребляться выражение «общественное достояние», а ту или иную информацию, информационные ресурсы стали относить к общественному достоянию. При этом происходит определенное отождествление понятий «информация, являющаяся национальным достоянием» и «информация, являющаяся общественным достоянием» [11]. Применительно к российской системе правового регулирования информационных отношений возникает

проблема соотношения категории «информация, являющаяся общероссийским национальным достоянием» с категорией «информация, являющаяся общественным достоянием». На наш взгляд, следует разграничивать данные виды информации и соответствующие им информационные ресурсы, поскольку для каждой из них характерен собственный уникальный правовой режим.

В «Рекомендациях о развитии и использовании многоязычия и всеобщем доступе к киберпространству», принятых Генеральной конференцией ЮНЕСКО в ноябре 2003 года, информация, являющаяся общественным достоянием, определяется как «доступная для общественности информация, использование которой не нарушает ни прав, установленных законом, ни обязательств сохранения конфиденциальности». Рекомендациями также устанавливается, что данное определение «охватывает, с одной стороны, все произведения или объекты смежных прав, которые каждый может использовать без получения разрешения, например, когда на основании национального или международного права не предоставляется охрана или когда истекает срок действия охраны. С другой стороны, и официальную информацию, произведенную и добровольно предоставленную правительствами или международными организациями» [12].

Пол Ф. Улир, подготовивший для ЮНЕСКО «Руководящие принципы политики совершенствования информации, являющейся общественным достоянием, создаваемой государственными органами» (документ № CI-2003/WS/?) (далее — Руководящие принципы), комментируя данное определение, характеризует данную информацию с нескольких сторон. Во-первых, под «информацией, являющейся общественным достоянием», понимают все то, на что не распространяется авторское право и другие формы правовой защиты, то есть области, включая права на интеллектуальную собственность, защиту национальной безопасности или общественного порядка, законы о защите частной жизни и неразглашении конфиденциальной информации. Это вся информация, которая изначально не подпадала под действие законодательной защиты интеллектуальной собственности, а также информация, для которой срок такой защиты истек. К этой информации относятся:

1) все материалы, на которые распространялась защита их авторским правом или иные формы защиты интеллектуальной собственности (например, патенты), но для которых срок такой защиты истек

и они переходят в обширную и постоянно растущую категорию литературных, художественных, музыкальных и иных произведений, которые составляют мировое всеобщее культурное и интеллектуальное наследие;

2) все виды данных, которые изначально не подпадают под действие законов о защите интеллектуальной собственности (например, информация, которая не может считаться «произведением» по авторскому праву или «изобретением» по патентному праву) или не удовлетворяют критериям интеллектуальной собственности (таким, например, как оригинальность).

Во-вторых, к «информации, являющейся общественным достоянием», относят информацию ярко выраженного общественного характера — это определенные типы информации, создаваемой органами государственной власти в процессе выполнения ими своих обязанностей на благо общества. Такая «информация, являющаяся общественным достоянием, создаваемая государственными органами» на национальном и региональном уровне, к которой может также относиться информация, предоставляемая различными международными общественными организациями, изначально не может считаться объектом собственности [11].

Обратимся к российскому законодательству с целью анализа возможного отнесения той или иной информации к общественному достоянию и общероссийскому национальному достоянию. Закон РФ «Об авторском праве и смежных правах» в ст. 28 устанавливает режим общественного достояния в отношении произведений, на которые срок действия авторского права истек [2]. Правовой режим общественного достояния предполагает практически свободное использование любым лицом данной информации без выплаты авторского вознаграждения. Общедоступность при этом носит не только общероссийский, но и международный характер.

Полагаем, что к информации, являющейся общественным достоянием, с учетом ст. 28 Закона РФ «Об авторском праве и смежных правах» и Руководящих принципов можно отнести информационные объекты, прямо закрепленные в законе как не являющиеся объектами авторского права:

1) официальные документы (законы, судебные решения, иные тексты законодательного, административного и судебного характера), а также их официальные переводы;

2) государственные символы и знаки (флаги, гербы, ордена, денежные знаки и иные государственные символы и знаки);

3) произведения народного творчества;

4) сообщения о событиях и фактах, имеющие информационный характер.

ЮНЕСКО в Руководящих принципах рекомендует, чтобы вся информация, создаваемая государственными учреждениями и всеми их отделениями на всех

уровнях, считалась информацией, являющейся общественным достоянием [11]. Такой подход основывается на отождествлении информации, являющейся общественным достоянием, и информации, являющейся национальным достоянием. С этим сложно согласиться, поскольку при этом большая часть государственной информации становится общедоступной, что может привести к угрозе потери национальной информационной самобытности. Поэтому наряду с режимом общественного достояния и соответствующим видом информации, на наш взгляд, следует выделять режим национального достояния и информацию, являющуюся национальным достоянием. Это будет способствовать большему учету национальной специфики того или иного государства и позволит выделить его в международной сфере по признаку информационной идентификации уникальных информационных объектов, принадлежащих государству и не подлежащих передаче иным государствам и международным организациям.

Информация, являющаяся общественным достоянием, может свободно использоваться во всем мире. Доступ к ней открыт любому лицу, поэтому это открытая и общедоступная информация. К ней относится социально значимая информация государства (правовая, по правам человека и защите прав потребителя, судебная практика, экологическая информация и др.) [13]. Использование информации, являющейся национальным достоянием, должно происходить с учетом национального законодательства и национальных интересов государств. Это открытая, но не общедоступная информация, поскольку ее использование может быть ограничено в связи с защитой прав, свобод и законных интересов государства.

К информации, являющейся общероссийским национальным достоянием, и соответствующим информационным ресурсам могут быть отнесены отдельные библиотечные и архивные документы, документы о природных ресурсах государства, о результатах деятельности российских исследователей, об экономическом потенциале России и другие.

Полагаем, что режим общероссийского национального достояния должен распространяться не только на информационные ресурсы, но и на саму информацию как объект правоотношений. В ч. 1 ст. 9 Закона об информации предусматривается возможность отнесения отдельных объектов федеральных информационных ресурсов к общероссийскому национальному достоянию. Информационный ресурс как отдельный документ включает в себя информацию и материальный носитель, что предполагает, на наш взгляд, возможность отнесения к национальному достоянию как материального носителя, так и непосредственно информацию. Кроме того, следует предусмотреть возможность отнесения к общероссийскому национальному достоянию любых, а не только федеральных информационных ресурсов.

Правовой режим информационных ресурсов, являющихся общероссийским национальным достоянием, на наш взгляд, должен быть закреплён в специальном законодательном акте, в который следует включить критерии и порядок отнесения их к национальному достоянию [10], особенности их обращения, использования и охраны. Кроме того, в данном акте следует определить компетенцию уполномоченного органа Правительства РФ, осуществляющего отнесение информационных ресурсов к общероссийскому национальному достоянию, а также уполномоченного органа субъекта РФ, представляющего соответствующие информационные ресурсы. Также обязательно установление ответственности за неправомерное использование информационных ресурсов, составляющих национальное достояние, наносящих ущерб в промышленной, научно-технической и оборонной сфере или ущемляющих конституционные права граждан Российской Федерации. Представляется, что в целях совершенствования действующего законодательства об информации, являющейся общероссийским национальным достоянием, необходимо внести изменения в статью 9 Закона об информации, изложив ее в следующей редакции.

«Статья 9. Отнесение информационных ресурсов к общероссийскому национальному достоянию

1. Информационные ресурсы, в том числе их отдельные объекты могут быть объявлены общероссийским национальным достоянием.

2. Отнесение конкретных объектов, указанных в пункте первом настоящей статьи, к общероссийскому национальному достоянию и их правовой режим устанавливается Федеральным законом».

Литература

1. ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» от 20.02.1995 г. № 24-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 8. — Ст. 609.

2. Закон РФ «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» от 09.10.1992. № 3612-1 // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. — 1992. — № 46. — Ст. 2615.

3. Закон РФ «Об авторском праве и смежных правах» от 09.07.1993. № 5351-1 // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. — 1993. — № 32. — Ст. 1242.

4. ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002. № 73-ФЗ // СЗ РФ. — 2002. — № 26. — Ст. 2519.

5. Закон РФ «О языках народов Российской Федерации» от 25.10.1991. № 1807-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. — 1991. — № 50. — Ст. 1740.

6. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Утверждена Президентом РФ от 09.09.2000. № ПР-1895 // Российская газета. — 2000. — 28 сент. — № 187.

7. Доктрина развития российской науки. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 13.06.1996. № 884 // СЗ РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 3005.

8. Постановление Государственной Думы Федерального собрания РФ «Об обращении Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации к Президенту Российской Федерации В. В. Путину в связи с Указом Президента Российской Федерации от 17.05.2000, № 867 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» от 28 июня 2000 г., № 498-III ГД // СЗ РФ. — 2000. — № 28. — Ст. 2927.

9. Приказ Минздрава РФ «О Концепции кадровой политики в здравоохранении Российской Федерации» от 03.07.2002. № 210 // Здравоохранение. — 2002. — № 9.

10. О критериях отнесения информационных ресурсов к общероссийскому национальному достоянию. Документ Правительства РФ от 29.01.1999, № БВ-П4-02890 и приказом Госкомсвязи от 26.05.1999, № 90 // Документ размещен на сайте: www.inforeg.ru/analitic/5-6.html.

11. П. Ф. Улиром. Руководящие принципы политики совершенствования информации, являющейся общественным достоянием, создаваемой государственными органами (CI-2003/WS/?). — Париж: ЮНЕСКО, 2004; СПб.: Издательство «Российская национальная библиотека», 2004. — 39 с.

12. Recommendation UNESCO on the Promotion and Use of Multilingualism and Universal Access to Cyberspace and Report by the Director-General of 21.11.2003. № 31 C/25.

13. Проект рекомендаций Международной конференции «Доступ к государственной информации, являющейся общественным достоянием». Россия, Смоленск, 20—22 июня 2005 г. // www.ifar.ru.

СМИ КАК МОНИТОРИНГ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ В РЕГИОНЕ

Специфическим социальным институтом, играющим заметную роль в современной политической жизни, являются средства массовой информации. Их политическая роль обусловлена прежде всего тем, что они являются самостоятельным учреждением по производству политической информации. К политической информации относятся те «сведения, которые имеют общественную значимость и требуют внимания со стороны государственных органов, оказывают на них воздействие. На основе получаемой информации у граждан формируется мнение о деятельности правительства, партий, политических лидерах и других политических институтов, о состоянии дел в различных сферах жизни и т. д. Именно неограниченные возможности в формировании общественного мнения по тому или иному кругу вопросов и превращают СМИ как политического субъекта в «четвертую власть» [1, с. 67].

СМИ по своему усмотрению тщательно отбирают и интерпретируют происходящие в мире события. Трактовка этих событий, распространяемая печатными средствами, как правило, становится точкой зрения миллионов людей, поскольку основной массе граждан невозможно самостоятельно ориентироваться в колоссальном потоке современной информации.

Основной причиной завоевания СМИ столь высокого места в политической жизни современного общества является то, что с их помощью государство и другие политические субъекты могут не только информировать население о целях и ценностях своей политики, но и моделировать отношения с общественностью, касающиеся формирования представительных органов власти и правящих элит, поддержания авторитета, соответствующих целей, традиций и стереотипов. Иначе говоря, СМИ стали мощнейшим инструментом целенаправленного конструирования политических порядков, средством выстраивания необходимых власти связей и отношений с общественностью.

СМИ превратились в одного из наиболее эффективных в настоящее время посредников в отношениях населения с властью. Вследствие определенной открытости, оперативности в формулировании оценок и позиций, благодаря своим возможностям в отображении интересов и чаяний самых разнообразных групп и слоев населения, СМИ стали едва ли не ведущим инструментом в системе социального представительства интересов граждан. В этом смысле они могут существенно влиять на правила политической игры и даже модифицировать их, формировать новые отношения между «верхами» и «низами». Информационная деятельность СМИ может не только предотвращать развитие конфлик-

тов, но и делать доступной для общества определенную информацию. Одновременно, будучи и главным «подогревателем» общественного мнения, стимулирующим его активность по общественно значимым вопросам политического развития, СМИ могут и спровоцировать массовый протест или политический скандал, чреватые кризисом в отношениях власти и общества.

Потребности политической системы в средствах коммуникации прямо зависят от ее функций в обществе, численности агентов политики, способов принятия политических решений и размеров государства. В постиндустриальном обществе власть знаний и информации становится решающей в управлении обществом, оттесняя на второй план влияние денег и государственного принуждения. СМИ являются непосредственными носителями и, особенно, распространителями знаний и другой политически важной информации.

Как сфера общественных отношений политика — это, прежде всего, «объективно существующие отношения между большими общественными группами (классовыми, национальными, региональными, религиозными и др.) внутри стран и между странами по поводу получения, удержания, организации и использования власти для реализации своих нужд, интересов и идеалов. В основе политических отношений лежит стремление к обладанию рычагами власти, к участию в государственных делах, к определению и проведению внутренней и внешней политики в тех или иных ее областях и сферах» [3, с. 5].

Любой возникающий в ходе общественной жизни вопрос приобретает политический характер, если затрагивает интересы больших социальных групп и если для его решения требуется государственное вмешательство на уровне президента, правительства, других государственных органов или общественно-политических институтов.

Объективно складывающиеся с учетом коренных нужд социальных групп общества политические отношения так или иначе (поскольку в них задействованы люди) осознаются людьми — верно или извращенно, последовательно или противоречиво.

В зависимости от того, чьи интересы представляет журналист, как он их понимает и соотносит с потребностями общественного развития, общечеловеческими нуждами, явлениями и закономерностями общественной жизни, «желаемое будущее» и пути к нему видятся в том или ином свете, в тех или иных конкретных оценках сущего и мерах его преобразования. В силу различия видения современности и будущего возникают разные политические концепции, находящие выражение в программах различных политических сил и выража-

ющих и отстаивающих их в средствах массовой информации.

Журналист, представляя политические интересы, должен ориентироваться на достоверность, правдивость информации.

С политической точки зрения наиболее важной дифференциацией СМИ является их подразделение на правительственные, оппозиционные и независимые. Выделение этих категорий СМИ показывает наличие разных, в том числе противоположных задач, которые постоянно присутствуют на информационном рынке. В самом общем плане такая структура показывает, что никакие, в том числе правительственные, постановления не обладают монополией в информационном пространстве, предполагая наличие сил, намеренно действующих в целях дискредитации и ослабления влияния официальных властей. При этом независимые СМИ усиливают как про-, так и антиправительственные позиции или занимают самостоятельную позицию, критически оценивая деятельность и тех, и других. Но в любом случае общественное мнение сталкивается с разнонаправленными информационными потоками, вырабатывая свои оценки и подходы в идейно конкурентной среде.

Главное влияние на политику СМИ осуществляют через информационный процесс. Информированность граждан, в том числе политиков, прямо зависит от того, как, с какими целями и по каким критериям отбирается информация, насколько глубоко она отражает реальные факты после ее препарирования и редукиции, осуществленных газетами, радио и телевидением, а также от способа и форм подачи информации.

Одним из каналов представления политических интересов является общественное мнение. Это важнейший партнер государства, СМИ и других политических субъектов, заинтересованных в расширении своей политической поддержки. С социальной точки зрения общественное мнение — это важнейший источник информации об интересах граждан, механизм выражения их отношения к власти и ее конкретным действиям. Например, опросы общественного мнения являются важнейшим инструментом выявления политических предпочтений населения (представленных в виде рейтингов лидеров или партий), их отношения к действиям правительства в условиях кризисов.

Долгое время политические журналисты высказывались лишь от имени своих читателей. Они представляли себя «лидерами общественного мнения», то есть агентами, которые активно участвуют в создании общественного мнения. Сегодня институты общественного мнения позволяют им выступать от своего имени в целом: они уже не являются составляющей его частью, но, как и политики, легитимируют свои соображения, ссылаясь на опросы. Журналисты привлекают внимание широкой публики к

определенным фактам, которые они констатируют в «события»; они их подробно комментируют, опрашивают политических лидеров или специалистов, чтобы понять, «что нужно о них думать». Затем на основе мониторинга они задаются вопросом, каковы наиболее важные события и как их следует понимать, и в результате дают комментарий к тому, что думает «народ» по проблемам, которые они же сами и решали. Реакция широкой публики всегда является лишь деформированным и зачастую искусственным откликом на мнения, которые ранее были публично высказаны профессионалами по части общественного мнения, борющимися за навязывание своей точки зрения и не всегда замечающими, что все они частично сходятся в том, о чем следует говорить, и как об этом следует говорить.

Наибольшую опасность для граждан и демократического государственного управления представляет использование СМИ для политического манипулирования — «скрытого управления политическим сознанием и поведением с целью принудить их действовать (или бездействовать) вопреки собственным интересам» [4, с. 57]. Манипулирование основано на лжи и обмане, внедрении в массовое сознание социально политических мифов, иллюзорных идей, утверждающих определенные ценности и нормы, воспринимаемых преимущественно на веру без рационального, критического осмысления.

В течение длительного времени было выработано множество приемов манипулирования. К ним относятся не только прямая подтасовка фактов, замалчивание неудобной информации, распространение лжи и клеветы, но и более тонкие, рафинированные способы: полуправда, когда наряду с достоверной информацией подается ложь с заданной направленностью, наклеивание ярлыков, вызывающих у людей определенные негативные ассоциации.

Всегда использовались и используются в политических целях оформление, верстка газет, расположение материала. Оформительные приемы, внешний облик газеты должны соответствовать ее политическому характеру, ее содержанию. Если этого нет, значит нарушается диалектический закон всякого творчества о взаимосвязи формы и содержания. По данным критериям можно судить о способности издания втягивать в информационный обмен все территориальные и социальные части общества и отражать их социальное бытие.

В большинстве случаев этим критериям отвечают издания универсально-тематические, у которых аудитория всегда больше, чем у специализированных газет. К ним относятся занимающие устойчивые позиции в рейтинге популярности газеты: «Аргументы и Факты», Комсомольская правда», «Московский комсомолец». Они ориентированы на разнообразные интересы, вкусы, определенную усредненность интеллектуальных запросов читателя, адаптированность сложных политико-экономичес-

ких и социальных проблем и повышенное внимание к поп-культуре. Эти издания в предметно-содержательном плане выстроены с целью быть доступными каждому.

Таким образом, масс-медиа выражают интересы общества, различных социальных групп, отдельных личностей. Их деятельность имеет важные общественно-политические следствия, так как характер информации, адресуемой аудитории, определяет её отношение к действительности. «СМИ не просто информируют, сообщают новости, но и пропагандируют определённые идеи, взгляды, учения, политические программы и тем самым участвуют в социальном управлении. Путём формирования общественного мнения, выработки определённых социальных установок, формирования убеждений

СМИ подталкивают человека к определённым поступкам, действиям» [5, с. 55].

Литература

1. Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики. — М.: Аспект Пресс, 2001. — 310 с.
2. Актуальные проблемы современного общественного развития // Межвузовский сборник научных работ молодых ученых. — Уфа, 2000. — Ч. II. — 25 с.
3. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. — М.: Политиздат, 1980. — 320 с.
4. Пугачев В. П. Соловьев А. И. Введение в политологию. — М.: Аспект Пресс, 1999. — 350 с.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ КОРПОРАТИВНЫХ ИЗДАНИЙ В РОССИИ

Периодическая пресса в нашей стране организовывалась так, чтобы печатное слово проникало в самые широкие народные массы, чтобы газеты охватывали своим влиянием все слои населения.

По этому принципу строилась советская печать с самого начала. В резолюции XII съезда партии в 1923 году говорилось: «В интересах правильного обслуживания всей разнообразной читательской массы необходимо провести дифференциацию газет. Для каждого основного слоя читателя необходимо создать особый тип газеты. Имея целую систему газет, партия должна точно определить между ними сферу деятельности, чтобы каждая газета ориентировалась по преимуществу на определённый слой массы читателей» [1, с. 462].

Указания о том, как вести те или иные типы газет, как обслуживать разнообразные читательские массы, мы находим во многих решениях Центрального Комитета партии. Достаточно напомнить постановления ЦК «О типе рабочих и крестьянских газет», «О рабочей печати» (1924 год).

Сегодняшняя печать включает газеты различных типов. Каждая из них имеет своего читателя, решает свои конкретные задачи и решает их по-своему, приисущими ей методами и журналистскими приёмами.

Справедливо утверждение, что нельзя забегать вперед, опережая время и игнорируя реальные возможности для решения тех или иных назревших задач. Но нельзя и отставать от времени, не видя того, что рождается в реальной жизни. Прошедшее время имеет ценность лишь тогда, когда из него извлекают полезные уроки, когда обогащаются постоянным опытом прошлого.

В этом смысле показательным является процесс «эволюции» так называемой малой прессы — многотиражной печати, которая сегодня переживает второе рождение. Заводские многотиражки — это сугубо российский, специфический, а потому уникальный вид прессы. Это издания с историей, с традициями, зачастую, с квалифицированными журналистами. Они обладают уникальным мобилизационным опытом. Именно эти издания явились историческими предшественниками корпоративной прессы в России.

Традиция выпускать свое печатное издание сохранилось в России еще с советских времен. В период «развитого социализма» любое крупное предприятие считало своим долгом издавать многотиражку с жизнеутверждающими названиями «Вперед!», «За трудовую доблесть» и т.д. Многотиражная печать возникла как одно из выражений подлинно демократического характера, народности советской печати.

Опыт активного участия трудящихся в выпуске в трудовых коллективах тысяч стеновых газет, привел к появлению в 1922—25 годах первых печатных фабрично-заводских газет. По определению Большой Советской Энциклопедии «многотиражная печать — группа изданий советской прессы, выходящих в производственных и учебных коллективах (на предприятиях, в колхозах и совхозах, в вузах и т. д.) и отражающих в основном их трудовую деятельность. Термин «многотиражная печать» отражал тот факт, что первые издания подобного типа создавались на основе стеновых газет путем их тиражирования с помощью печатного станка — гектографа. Среди первых заводских изданий были «Наша газета» (ныне «Мартеновка», завод «Серп и молот», Москва), «Светоч» (завод «Светоч», Ленинград), «Гайка» (завод «Профинтерн», Бежецк). К началу 1928 года насчитывалось около 200 печатных газет трудовых коллективов. Они сыграли значительную роль в восстановлении промышленности, в борьбе с недостатками на производстве и пережитками прошлого в сознании рабочих, с неграмотностью, наконец.

Максим Горький оценил это новое явление как «...одно из очень крупных достижений рабочего класса на его пути к новой культуре [2, с. 241]. В годы 1-й пятилетки многотиражная печать утверждается как массовый вид прессы: так в 1933 году существовало уже 2734 фабрично-заводские газеты. Значительную часть этих изданий составляют газеты новостроек пятилетки. Среди них газеты «Даешь, трактор!» (Сталинградский тракторный завод), «Днепрострой» (Днепропетровск), «Автогигант» (Горьковский автозавод) и т. д.

В постановлении ЦК партии от 19 августа 1932 года «О фабрично-заводской печати» было подчеркнуто, что задачей газет является освещение жизни предприятия во всей ее многогранности, помощь в организации политической и производственной жизни коллектива, что основными авторами газеты должны быть работники.

В 30-е годы многотиражная печать способствовала распространению передовых приемов труда, развитию стахановского движения; газеты пропагандировали произведения советской литературы, искусства, при многих из них создавались литературные объединения. Наряду с фабрично-заводскими газетами многотиражные издания стали выходить в крупнейших колхозах, на транспорте, в вузах, производственных и творческих объединениях и т.д. Многотиражная печать, являясь средством социального управления и связи в коллективе, помогала в осуществлении задач, поставленных партией, всесторонне

освещала деятельность предприятия, помогала контролировать ход трудового процесса, участвовала в развешивании социалистического соревнования, способствовала проявлению социальной активности трудящихся. Многотиражная печать играла важную роль в создании необходимого социально-психологического климата в коллективе, в выработке коммунистического отношения к труду, норм поведения, пропагандировала революционные, боевые и трудовые традиции. Участие трудящихся в работе многотиражной печати носила массовый, организованный характер (общественные редколлегии, отделы, рабкоровские посты и т.д.). Появилось новое понятие «рабселькоровское движение» [3].

Движение рабочих корреспондентов зародилось в дореволюционный период как проявление классового самосознания российского пролетариата, его революционной настроенности. Разрабатывая основы пролетарской печати, В.И. Ленин сформулировал одну из важнейших ее особенностей: ни одна рабочая газета не может существовать как политический орган и приносить пользу пролетариату, «...если она не черпает жизненной силы из тесной связи с рабочими массами» [4, с. 458]. Приветствуя распространившийся среди рабочих «...прекрасный обычай посылать самостоятельные корреспонденции в социалистические газеты...» [5, с. 319], Ленин призывал: «Давайте пошире возможность рабочим писать в газету...» [6, с. 107].

На всех этапах коммунистического строительства рабселькоры были надежными помощниками партии. В постановлении «О 50-летию первого Всесоюзного совещания рабселькоров» (1973) ЦК КПСС отметил, что за минувшие полвека рабкоровское движение в СССР выросло численно, укрепилось организационно и превратилось в большую общественно-политическую силу. Оно насчитывало около 6 млн. передовых рабочих, представителей интеллигенции. Рабселькоры выступают не только как авторы заметок и корреспонденций в многотиражной печати, а как участники рейдов и постов. Объединяясь в нештатные отделы, редколлегии тематических страниц выполняли качественно новые функции как организаторы авторского актива газет [7]. Вплоть до запрета деятельности КПСС многотиражные газеты являлись органом партийного комитета предприятия и выходили под общим девизом-призывом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

В 1972 году выпускались 3852 многотиражные газеты, общий годовой тираж их свыше 424 млн. экземпляров; периодичность этих изданий от 3—5 раз в неделю до 1 раза в месяц. Важнейшую их часть составляют производственные издания.

К началу 1990-х годов крупные промышленные гиганты представляли собой градообразующие предприятия. Печатные органы «Северстали» («Череповецкий металлург»), «Ижорские заводы» («Ижорец»), «Уралмаша» («За тяжелое машиностро-

ение») и др. были вписаны в советскую систему печати и явились важнейшим средством информирования не только персонала предприятия, но и населения того или иного района.

Время «перестройки» многое изменило. Осенью 1991 года в общественно-политической жизни России возникла качественно новая ситуация. После запрета КПСС и дезинтеграции СССР произошло окончательное разрушение существовавшей ранее системы СМИ. Все эти процессы способствовали переосмыслению положения прессы в обществе, вызвали к жизни новые приемы и методы ее работы, побудили к переосмыслению тех, которые она использовала десятилетиями [8].

Экономический кризис, резкое снижение объемов производства и развития рыночных отношений привели к тому, что промышленные гиганты оказались не в состоянии выделять средства на содержание своих многотиражек. Часть из них в результате реструктуризации была выделена из состава предприятий, некоторые были просто закрыты, учредителями других СМИ стали акционеры («Челябинский трубник» — ОАО «ЧТПЗ», «Челябинский металлург» — ОАО «Мечел»). Далеко не всем многотиражным СМИ удалось сохранить свой коллектив и производственные мощности.

Отмечая перемену в многотиражных изданиях, следует назвать сокращение количества наименований этих изданий. Оно сократилось в 2,5 раза. В то же время в 2,5 раза вырос их разовый тираж, а годовой — на 100 млн. экз. (см. таблицу) [9, с. 100].

Если 10 лет назад существование многотиражек представляло из себя борьбу за выживание, то современные печатные СМИ решают совершенно иные задачи.

В начале 90-х годов с приходом новых экономических реальностей на российский рынок выходят иностранные корпорации, а на газетном рынке появляются издания, выход которых стал возможным благодаря новым тенденциям, сложившимся в условиях демократизации и финансово-экономической инициативы — корпоративные издания.

Корпоративные издания (Corporate Publishing) — это выходящие с определенной периодичностью (не реже раза в год) печатные издания, издаваемые за счет компании (полностью или частично), предназначенные для конкретной целевой группы и отра-

Выпуск многотиражных газет

Годы	Число изданий	Разовый тираж, млн. экз.	Годовой тираж, млрд. экз.
1989	2314	3,6	0,2
1995	1097	3,9	0,1
1999	837	8,1	0,4
2000	922	9,1	0,3

жающие интересы компании. Это издание, информирующее о фирме, ее задачах, целях, успехах, новостях, продуктах или услугах, выходящее на средства определенной организации и не содержащее информацию о других участниках рынка. Есть и еще одно определение корпоративным изданиям — это периодическое издание, отражающее информационные интересы учредителя (субъекта PR) и ставящее своей целью увеличение его публичного капитала.

Корпоративные издания возникли в США в XIX веке. В 20-е годы XX века в Америке появляются отделы по PR. И одной из первых в организацию таких служб включилась компания Дж. Рокфеллера. Развитие системы этих служб привело к созданию Американского общества связей с общественностью (Public Relations Society of America — PRSA), в декларации которого говорится о том, что службы связей с общественностью обеспечивают гармонизацию частной и общественной жизни, так как приносят пользу многим общественным институтам, образовательным и религиозным организациям, помогая им устанавливать прочные связи со множеством разнообразных социальных групп. И осуществляется это, в том числе, посредством корпоративных изданий.

Массовый характер корпоративные издания приобрели в последней трети XX века. Объем этого сегмента рынка, к примеру, в Европе вырос в 2004 году примерно на 250%, и на сегодня затраты европейских компаний на выпуск собственных корпоративных изданий составляют по данным британской Ассоциации издателей корпоративных СМИ (APA) \$ 4,3 — \$ 4,6 млрд. Стремительный рост можно объяснить осознанием маркетинговой эффективности корпоративных СМИ. Развитие идеи корпоративной культуры, поиск новых путей привлечения клиентов, создание образа компании — корпоративные СМИ находятся на пересечении этих тенденций. Безусловный лидер в этой области — Япония. Около 95 % всех крупных японских компаний имеют собственное печатное издание. В Европе по количеству корпоративной прессы впереди Англия и Франция, где свои СМИ имеют около 80 % фирм. За ними следуют Нидерланды и ФРГ. До недавнего времени самым тиражным европейским изданием подобного рода был Lufthansa-magazine. В 2001 году его тираж (по данным European Media and Marketing Survey, 1,4 млн экземпляров) поражающе впечатлил маркетологов. Со временем подобные цифры уже перестали удивлять. В 2004 году тираж ADAC Motowelt, клиентского журнала немецкой автомобильной ассоциации ADAC, по данным Союза корпоративных изданий Германии (FCP), достиг 1 млн экземпляров. Российский рекорд тиражности принадлежит газете «Мир Билайн» (холдинг «Выпелком»): 3 млн экземпляров, по данным Ассоциации менеджеров. С января 2005 года выпуск этой кли-

ентоориентированной газеты был прекращен и начат выпуск «Би Лайф», журнала для сотрудников. О стремительном развитии «корпоративок» в России говорит тот факт, что в 2004 было создано сразу две организации, координирующие этот рынок: Гильдия корпоративной прессы и Ассоциация корпоративных медиа России. Расширению «корпоративного» сегмента способствуют несколько факторов. Во-первых, подъем национального бизнеса, сопровождающийся укреплением корпоративной культуры. Затем, бурный рост рекламного рынка. Третий фактор — увеличение ВВП на определенное количество процентов не может стать мотивом для объединения страны. Половина крупнейших европейских компаний имеют, как минимум, одно издание для клиентов. Внутрикорпоративные издания есть у 90 % крупных компаний. Корпоративные издания в мировой системе средств массовой информации лидируют как по номенклатуре, так и по совокупному разовому тиражу. Опрос руководителей 500 крупнейших мировых корпораций показал, что главные цели корпоративных изданий — удержание клиентов, управление имиджем компании, увеличение продаж, мотивация сотрудников [10].

В России появление значительного количества печатных корпоративных СМИ обусловлено стабильным развитием российских предприятий крупного и среднего бизнеса. Первой и важной причиной является усложнение производства. Его эффективность сегодня напрямую связана с информированностью персонала по широкому кругу вопросов. Современная экономика — это «экономика, основанная на знаниях». Это определение принадлежит группе экспертов, работавших над докладом для Генеральной Ассамблеи ООН по вопросам развития и распространения информационных технологий. Сегодняшнее развитие корпоративных изданий отражает резкий рост потребности в новой коммуникации, которая, с одной стороны, обладает всеми признаками массовой информации, а с другой, — является специфической формой бизнес-коммуникации в условиях, когда знание становится основой успешности [11].

Еще одной причиной является рост объемов информации в мире. Этот рост вызывает потребность в сегментации информационных потоков, в их специализации, что приводит к возникновению целевых форм коммуникации, в том числе специализированной, локальной корпоративной информации. И, наконец, третьей причиной является необходимость мобилизации и консолидации людей, работающих бок о бок. Газета является важным инструментом в процессе управления. Корпоративные издания могут служить трибуной для внутренних дискуссий по основным аспектам корпоративной политики, проводником и аккумулятором новых идей в сфере управления, новых технологий, мирового и внутреннего передового опыта. Таким образом, кор-

поративные издания способны решать широкий круг задач.

Итак, информирование персонала, налаживание обратной связи с наемными служащими и акционерами предприятия, увеличение его публичного капитала — основные задачи современных корпоративных СМИ. Развивая имидж предприятия, эти средства массовой информации выходят на уровень внешних коммуникаций. Таким образом, бывшие многотиражки начинают выполнять те же функции, что и созданные недавно новые корпоративные СМИ. Яркими представителями таких многотиражек являются газеты «Ижорец» (Ижорские заводы), «За тяжелое машиностроение» (Уралмаш), «Челябинский трубник» (ОАО «Челябинский трубопрокатный завод»), «Энергофакт» (ОАО «Челябэнерго») и др.

Корпоративная газета представляет собой источник, с помощью которого каждый сотрудник компании имеет возможность получить полную, достоверную информацию «из первых рук». Наряду с информированием о деятельности компании, внутренняя газета — мощный инструмент формирования имиджа организации для самих сотрудников, инструмент влияния на их мнение по тому или иному вопросу. Также корпоративные издания выступают инструментом создания необходимой для достижения целей организации корпоративной культуры. Кроме того, подобная газета может выступать одним из механизмов формирования позитивного имиджа первых лиц компании, разъяснения решений руководства и обратной связи. Таким образом, основные цели корпоративного издания можно сформулировать так:

- создание корпоративного духа, ощущения, что компания — это одна большая «семья»;

- информирование работников о деятельности компании, ее успехах и проблемах;

- представление более широкого доступа трудящихся к достоверной и объективной информации о деятельности компании, формирование единого целеполагания, лояльности и взаимопонимания между сотрудниками;

- оптимизация процесса обмена информацией между работниками и руководителями.

В последние годы корпоративные издания приобретают новую звучание. С одной стороны, это обусловлено наращиванием производства и укреплением позиции на рынке крупных предприятий, которые нуждаются в собственных СМИ для информирования своих работников о событиях, происходящих в компании. С другой стороны, кризисом региональной печати. Например, в настоящее время «Группа ЧТПЗ», объединяющая несколько предприятий, имеет «общее» корпоративное издание, которое объединяет в себе информацию о событиях, происходящих в «Группе». На базе газеты «Челябинский трубник» налажен еженедельный специальный выпуск, информирующий о событиях в отрасли и в

«Группе» («газета в газете»). Спецвыпуск отражает жизнь каждого предприятия «Группы ЧТПЗ», в нем уделено место для публикаций о событиях всей отрасли с целью повышения информированности сотрудников компании. Этот вариант корпоративного издания разноплановый по тематике представленных материалов. В нем представлены материалы как на производственные, так и на социальные темы.

В настоящее время пока отсутствует четкая, научно обоснованная типология печатных корпоративных СМИ. Для классификации данного типа изданий можно использовать следующие типологические характеристики [12, с. 157—160].

1. Целевая аудитория.

Первый тип корпоративных СМИ предназначен для информирования персонала тех юридических лиц, которые являются учредителями данных СМИ. Как правило, учредителями подобных изданий выступают представители крупного бизнеса.

Второй тип — издания, ориентированные на клиентов компании.

Третий тип — издания, предназначенные и для персонала, и для внешней аудитории.

2. Периодичность.

Ежедневные и еженедельные корпоративные СМИ представлены газетами крупных градообразующих предприятий. Кроме того, можно отметить еженеделные, ежеквартальные издания и издания неопределенной периодичности.

3. Формат.

Печатные корпоративные СМИ представлены сегодня двумя основными типами — газетой и журналом. Помимо печатных корпоративных СМИ в России все большее распространение получают электронные масс-медиа. Однако их количество пока несопоставимо с печатными аналогами.

Самый распространенный газетный формат — А3. Гораздо реже встречаются газеты формата А4. С точки зрения цветового оформления корпоративных газет, наиболее распространенными являются одноцветные, двухцветные и полноцветные корпоративные издания.

4. Тираж.

Эта характеристика тесно связана с аудиторией корпоративных изданий. Крупные корпоративные СМИ имеют тираж свыше 10 тыс. экземпляров. Основные представители — газеты крупнейших промышленных компаний. Как правило, завод-учредитель СМИ является градообразующим субъектом региона, а данная газета — единственным средством массовой информации. Средний тираж изданий, представленных газетами компаний, численность персонала которых составляет менее 15 тыс. чел., и журналами компаний, ориентированных на массового потребителя, — от 2 до 10 тыс. экземпляров. Часто встречаются корпоративные СМИ, имеющие сравнительно небольшой тираж — от тысячи до двух тысяч экземпляров.

5. Способ распространения.

Подавляющее большинство корпоративных СМИ распространяется бесплатно либо по проходным и подразделениям предприятия (если издание ориентировано на внутреннюю аудиторию), либо через офисы и представительства компаний (издания, ориентированные на клиентов учредителя). Существуют примеры коммерческого распространения печатных изданий (розничная торговля или подписка). Пример — газеты «ВСЕМ!» (ОАО «ЧТЗ») и «Челябинский металлург» (ОАО «Мечел»).

За выпуск корпоративного издания обычно отвечает служба по связям с общественностью. Если издание ориентировано, в основном, на сотрудников компании, то к специалистам по PR присоединяется служба по работе с персоналом.

Все чаще компании стали пользоваться аутсорсингом — использованием сторонних профессиональных услуг при издании корпоративных СМИ. Вопросы общей концепции, содержания, распространения, привлечения рекламодателей остаются в компании, а все остальное реализуется профессиональным специализированным агентством (дизайн, полиграфическое исполнение и т. д.): Специалисты компании только контролируют и оценивают деятельность профессионалов. Выбор агентства или студии определяет бюджет, выделяемый для выпуска корпоративных изданий. А он, в свою очередь, формируется на основе общих требований к изданию, читательской аудитории, а также предполагаемого тиража и расходов на распространение.

В последнее время для корпоративных изданий все чаще выбирают журнальный формат, хотя большинство российских министерств и ведомств отдают предпочтение газете (лидер по тиражу и по масштабам распространения — газета «Гудюк» ОАО «РЖД»).

Корпоративные издания стали настолько заметным явлением в современной печатной индустрии, что Союз журналистов России учредил специальную премию в номинации «Лучшее корпоративное издание». В июле 2004 года состоялась презентация нового исследования «Корпоративные издания в системе российских СМИ». Это первая попытка

системного анализа отечественных корпоративных изданий [13].

Все это говорит о том, что рынок корпоративных СМИ в России находится на подъеме и преимущества данного вида коммуникации активно используют многие компании.

Литература

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, 8-е изд., доп. и испр. — М.: Политиздат, 1970. — Т. 2. — 462 с.
2. Горький М. О печати. — 1962. — 260 с.
3. Юров Ю. Твоя заводская газета. — М., 1960. — 230 с.
4. Ленин В. И. Полное собрание соч. — 5 изд. — Т. 4.
5. Ленин В. И. Полное собрание соч. — 5 изд. — Т. 4.
6. Ленин В. И. Полное собрание соч. — 5 изд. — Т. 9.
7. Каравашкова С. В., Чернущенко П. А.; Люди высокого долга. — М., 1974. — 272 с.
8. Овсепян Р. П. История новейшей отечественной журналистики. М.: Изд. МГУ, 1999. — 235 с.
9. Печать Российской Федерации в 2000 году. Статистический сборник. — М., 2001. — 221 с.
10. Кривоносов А., Корпоративная пресса на Западе: история и типология. — PR-диалог. — № 3 — 2002 // <http://www.ps-dialog.ru/cssc/>.
11. Сухотерин Л., Юдинцев И. Многотиражки XXI века. Корпоративные СМИ в современной России. — Пресс-служба. — № 5. — 2004 // <http://www.press-service.ru>.
12. Бочкин О. В. Опыт типологии современных корпоративных СМИ // Петербургская школа PR: от теории к практике: Сб. науч. статей / Редколл.: Д. П. Гравра, А. Д. Кривоносов, М. А. Шишкина. — СПб: СПбГУ, 2003. — 163 с.
13. Диканова М., Корпоративные издания: многообразное единство. — Бизнес Форум IT // <http://www.gudym.ru/ps01des03-3.htm>.

РАЗВИТИЕ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ КАК ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

(Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 04-06-96017)

Современное состояние национальной безопасности России, по мнению многих ученых и практиков, оставляет желать лучшего. Многочисленные внешние и внутренние угрозы благополучному процветанию нашего общества и даже самому существованию государства требуют повышенного внимания к наиболее острым социально-политическим проблемам. Едва ли не самые серьезные внутренние угрозы национальной безопасности в настоящее время связаны с изъянами российской уголовно-исполнительной системы.

В своих посланиях Федеральному собранию и многочисленных публичных выступлениях Президент РФ В. В. Путин неоднократно указывал на концептуальные недостатки политики национальной безопасности России. Уже по этой причине любой весомый фактор укрепления безопасности заслуживает пристального внимания со стороны политической науки.

Нельзя забывать и того обстоятельства, что Российская Федерация движется по пути сближения со странами мирового сообщества и вынуждена считаться со сложившимися в нем международными требованиями к внутренним порядкам. Между тем, во многих странах распространено представление о России как о коррумпированном государстве с разгулом преступности и лагерями сталинского типа. Этот стереотип активно поддерживается западными наблюдателями [1].

Трудно не согласиться, что в криминализованной ситуации, в которой действительно оказалась страна в силу ряда причин, особое значение приобретают совершенствование системы борьбы с преступностью, в частности, пенитенциарной системы, и разработка эффективной правовой политики.

Отечественные публицисты приложили немало усилий для того, чтобы привлечь внимание общественности к состоянию дел в этой жизненно важной сфере [2]. Они же невольно способствовали и созданию не вполне адекватного негативного образа России, как несправедливого и бесправного государства.

В научной литературе вопросам развития уголовно-исполнительной системы уделяется определенное внимание. В большей степени этими вопросами занимаются юристы [3], в меньшей — историки [4], социологи [5]. Трудно выделить полити-

ческие исследования по этой тематике, хотя различные аспекты политики рассматриваются во многих из перечисленных работ [1—5].

По случаю 130-летия образования уголовно-исполнительной системы России вопросы ее совершенствования еще более актуализируются, а предварительный политический анализ дает основание утверждать, что *решение пенитенциарных проблем становится в нашей стране одним из приоритетных направлений внутренней политики национальной безопасности.*

Объективная оценка состояния российской системы уголовных наказаний возможна лишь при анализе и синтезе ее качественной и количественной составляющих.

Обстановка в уголовной сфере жизни России в количественном выражении не может не вызывать тревоги. В судебно-следственную работу последних лет в качестве подозреваемых, обвиняемых или осужденных было вовлечено до 35—40% граждан страны [6, с. 157]. Сравнительно высоким становится удельный вес в составе взрослого населения тех, кто отбывает сроки за правонарушения. По состоянию на 1 января 2000 года на каждые 100 тысяч российских жителей приходилось 685 заключенных, причем эта цифра с 1990 года увеличилась почти вдвое. По этому показателю мы заметно опережаем многие страны. В Великобритании в это время статистика зафиксировала 125 человек, находящихся в местах лишения свободы, на каждые 100 тысяч населения, во Франции и Германии — 90, в Италии, ассоциирующейся в массовом российском сознании с мафиозным разгулом преступности, — 85, в Финляндии — 54 (эта цифра заставляет усомниться в прямой связи между преступностью и пьянством, поскольку финны употребляют спиртные напитки примерно в тех же объемах, что и россияне). В приемлемых пределах находится уровень преступности в странах восточной Европы и ближнего зарубежья: в Польше — 140 заключенных на каждые 100 тысяч жителей, в Эстонии — 215, в Белоруссии — 505, в Украине — 415. И даже первенство США по этому показателю, где в местах лишения свободы на 1 января 2000 года приходилось 707 заключенных на 100 тысяч населения, не выглядит для России утешительным, поскольку заполняют тюрьмы там преимущественно темнокожие

жители (на каждые 100 тысяч этой части населения приходится 2500 заключенных). У «белого» населения Америки этот показатель составляет 300 лишенных свободы людей на каждые 100 тысяч [7].

Как видно, даже самый простой количественный анализ дает основание предполагать наличие в России жесткой карательной государственной системы. Система эта до сих пор покоится на традициях и обычаях преступной среды, зародившейся еще во времена существования каторги в царской России, и специфике уголовного мира периода сталинских застенков. Ее основной особенностью продолжает оставаться производственный уклон, достигший апогея во времена советских пятилеток. Однако использование подневольного труда в современных условиях становится все более проблематичным и это требует принципиальной перестройки уголовно-исполнительной системы государства. Подобная трансформация системы всегда болезненна и связана с активизацией в ней деструктивных процессов. В частности, это выражается в открытом противодействии правопорядку в исправительно-трудовых учреждениях, нападениях на их сотрудников и военнослужащих, захватах их в качестве заложников, что нередко заканчивалось гибелью, ранениями или психическими травмами многих людей. Ухудшение криминогенного состава осужденных в связи с изменением уголовной политики и амнистиями привело к тому, что в исправительно-трудовых учреждениях более половины осужденных отбывают наказание за тяжкие преступления. Вместе с тем, в них содержится около трети лиц, имеющих различные психические отклонения, значительное число хронических алкоголиков и наркоманов, которым, как правило, оказывается недостаточная социальная и медицинская помощь.

Российская уголовно-исполнительная система исключительно консервативна. И хотя демократические перемены в обществе накладывают свой отпечаток на жизнь в местах лишения свободы, содержание и направленность работы исправительно-трудовых учреждений, равно как и их место в системе общественных отношений, мало изменились. Этот тезис находит наглядное подтверждение в анализе более чем трех десятков такого рода учреждений, расположенных на территории Челябинской области. Почти все они построены по модели советской административно-командной системы и сохраняют все ее изъяны.

К специфически российским недостаткам уголовно-исполнительной системы следует добавить еще и, по-видимому, общий, свойственный подобным учреждениям недостаток — конфронтационное отношение их сотрудников и осужденных. Такие взаимоотношения определяются не только и не столько преступным прошлым последних, сколько их поведением в местах лишения свободы, многочисленными нарушениями порядка, опасными дей-

ствиями, которые многие осужденные совершают под прессингом преступных авторитетов, находящихся в исправительных учреждениях. В свою очередь, и многие сотрудники исправительно-трудовых учреждений предубежденно настроены к своим подопечным, что выражается в их грубом и пренебрежительном отношении к отбывающим наказание, унижении их человеческого достоинства. Все это существенно осложняет воспитательный процесс в тюрьмах и социальную адаптацию заключенных после освобождения.

Несмотря на то, что в российском обществе постепенно складывается понимание необходимости перемен в сфере уголовно-исполнительной политики, ученые и практики неясно представляют конкретные пути реорганизации института отбывания наказания. Слишком глубоко укоренились в нем порядки периода репрессий прошлого века, основанные на негуманном отношении к осужденным и привитых нормах рабского существования в неволе. Отношение к преступникам прямо отражает господствующие нравы и ценности в обществе. И если в каждом соседе подозревается скрытый враг, то в заключенном этот враг воспринимается явным. При этом характерные для общества жестокость, цинизм, игнорирование закона, презрение к бесправному человеку в наиболее концентрированном виде проявлялись в местах лишения свободы. Ненасилие, снисхождение выдавались за слабость, осуждались господствовавшей моралью, а то и решительно пресекались государством, что не могло не отражаться в законах и практической деятельности правоохранительных органов [8, с. 256—258].

Изменившиеся социальные условия в России предъявляют новые требования к законодательным нормам, регулирующим жизнь осужденных. Поэтому в течение последних лет в Научно-исследовательском институте МВД с участием ученых и авторитетных практиков готовились проекты Основ уголовно-исполнительного законодательства России. В эти юридические документы заложены многие гуманные нормы, которые могли бы существенно повлиять на улучшение положения дел в системе исполнения наказания. Так же было принято решение об обновлении действующего исправительно-трудового законодательства и по инициативе соответствующих органов появился новый Уголовно-исполнительный кодекс, вступивший в действие с 1 июля 1997 г., в котором существенно расширены права осужденных. Среди этих прав следует выделить те, которые затрагивают материальную сферу. Имеются в виду нормы, которые улучшают материальное положение осужденного, в первую очередь, позволяют ему лучше питаться [9, пп. 16, 17]. Как известно, питание осужденный получает из трех источников: гарантированное питание в столовой, приобретение продуктов в магазине колонии, посылки и передачи [9, пп. 16, 17]. Хотя цена про-

дуктов питания существенно возросла, калорийность пищи, получаемой осужденными, осталась прежней. Несмотря на рост номинальной заработной платы, во многих случаях ее не хватает для того, чтобы оплатить питание в столовой. Разница покрывается за счет средств исправительно-трудового учреждения. Сложность заключается и в том, что многие осужденные не работают, главным образом, из-за отсутствия работы, что связано как с падением производства вследствие того, что не хватает сырья, материалов, комплектующих изделий, так и в связи с расторжением договоров предприятиями-смежниками. В условиях острой нехватки рабочей силы они охотно прибегали к услугам ИТУ. Сейчас же сами имеют ее в избытке. Поэтому, не имея возможности обеспечить осужденных работой, колония обязана кормить их бесплатно, что создает серьезные финансовые трудности. Вторым источником питания осужденных является магазин на территории колонии. Регламентируя право осужденных на покупку продуктов питания и предметов первой необходимости, законодатель принял за основу размер минимальной месячной оплаты труда, который, как известно, изменяется по мере роста цен в стране. Увеличиваются и те суммы, которые может расходовать осужденный. В колониях общего режима это 30—100 % минимальной месячной оплаты в зависимости от режима содержания. По отбытию трети срока наказания осужденные, не допуская злостного нарушения режима и добросовестно относившиеся к труду, переводятся на улучшенные условия содержания [10, ст. 90]. Сохраняя общее правило, что осужденные могут расходовать лишь деньги, заработанные в местах лишения свободы, Закон № 330 от 30 мая 1997 г. установил целый ряд исключений, разрешив некоторым категориям осужденных расходовать для покупок и деньги, полученные по переводам. Это касается тех, кто вследствие возраста, состояния здоровья, недостаточного заработка или отсутствия работы не может реализовать свое право на покупку продуктов в магазине. При этом инвалидам I и II групп, беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в домах ребенка при колонии, разрешается расходовать до 60—100 % размера минимальной месячной оплаты труда. И, наконец, третий источник питания осужденных — посылки и передачи. Число их также существенно возросло. Если по ранее действовавшему законодательству осужденные могли получать посылки и передачи лишь по отбытию половины срока и в количестве не более трех в году, то Закон от 30 мая 1997 г. разрешил получать посылки с начала отбывания наказания в количестве 4—6 в году, а при переводе на улучшенные условия содержания — ежемесячно, независимо от вида режима. При этом вес посылки определяется почтовыми правилами — 8 кг (ранее — не более 5 кг).

Как видно, многое сделано для улучшения материального положения осужденных, для сохранения их здоровья. Следует иметь в виду, что тяжелые условия отбывания наказания, длительные сроки (у каждого четвертого — от 5 до 8 лет, у каждого десятого — от 8 до 10 лет и столько же — свыше 10 лет), значительное число судимостей у осужденных (почти каждый третий имеет три и более судимостей) существенно подрывают их здоровье. И хотя в этом виноваты они сами, инвалидность части осужденных ложится тяжким бременем и на них самих, и на их семьи и на общество в целом. Поэтому меры, принимаемые для сохранения здоровья этих людей, крайне необходимы [11].

Важным направлением совершенствования законодательства является расширение прав осужденных в духовной сфере. Среди них — группа прав, направленных на сохранение связей с семьей. Такие связи имеют значение во многих отношениях. Во-первых, это моральная поддержка осужденного, что важно для его психологического состояния, настроения и, следовательно, для исправления. От озлобленного, агрессивного человека можно ожидать чего угодно. Семья же оказывает ему не только моральную поддержку, но и материальную помощь во время отбывания наказания. Наконец, контакты с семьей неоценимы для будущей социальной адаптации, которая значительно предопределяет степень вероятности рецидива. В этом большую роль играет и отмена ограничений в переписке. Такая мера тем более важна, что осужденные все еще часто отбывают наказание вдали от дома. Родственники по разным причинам не могут навещать многих из них даже в пределах числа разрешенных свиданий. Поэтому переписка для значительной части осужденных — почти единственный канал для связи с домом. У нас в стране ограничения в переписке были известны еще со сталинских времен (вспомнить хотя бы «10 лет без права переписки»). Логически объяснить такой запрет невозможно.

Существенно увеличилось число свиданий. Теперь ежегодно осужденным предоставляется 3—4 краткосрочных и 2—3 длительных свидания с правом совместного проживания с близкими родственниками, а после перевода на улучшенные условия содержания для подавляющего большинства из них — 6 краткосрочных и столько же длительных свиданий. При этом администрация воспитательно-трудовой колонии, где содержатся, как правило, несовершеннолетние, может разрешить свидание за пределами колонии. Таким образом, осужденным могут предоставляться свидания каждый месяц, если, разумеется, родственники смогут приехать в колонию и воспользоваться этим правом [9, пп. 14, 18].

Помимо свиданий Законом от 30 мая 1997 г. для отбывающих наказание введена еще одна форма общения с родными и близкими — телефонные разговоры. Осужденный может воспользоваться этим

правом четыре раза в год за свой счет при наличии технических возможностей (к сожалению, у нас еще не все колонии телефонизированы). Предусмотрено право по желанию осужденного заменять длительное свидание краткосрочным, а также любое свидание — телефонным разговором.

С 1977 г. в советском законодательстве появилась норма, в которой предусмотрены краткосрочные выезды осужденных за пределы мест лишения свободы. Такое право предоставлялось лицам, отбывающим наказание в колониях общего режима, в колониях-поселениях и в воспитательно-трудовых колониях в связи с исключительными личными обстоятельствами: смерть или тяжкая болезнь близкого родственника, угрожающая жизни больного, стихийное бедствие, причинившее значительный материальный ущерб осужденному или его семье. Истекшие полтора десятилетия показали, что этот институт имеет право на существование не только в силу гуманности, но и в связи с его серьезным воспитательным воздействием на осужденных. Исключительные личные обстоятельства могут возникнуть почти у каждого, но право на выезд предоставляется по решению администрации колонии с учетом личности и поведения осужденного. Злостный нарушитель рассчитывать на выезд не может. Анализ практики краткосрочных выездов показал возможность распространения этого института на более широкий круг осужденных. Законом от 30 мая 1997 г. такие выезды разрешены и тем, кто отбывает наказание в колониях строгого режима, а также женщинам, имеющим детей в доме ребенка при колонии, для устройства их у родственников, опекунов или в детских домах.

К сожалению, на практике не все перечисленные права реализуются. Из-за высоких железнодорожных и почтовых тарифов далеко не все родственники могут себе позволить каждый месяц приезжать к осужденному или посылать ему посылки при столь возросшей стоимости продуктов питания.

Необходимо отметить, что закон уделяет большое внимание правам осужденных женщин. На общих основаниях они получают пособие по уходу за ребенком, чего не было раньше. Введен и такой новый институт, как отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей. Он касается всех осужденных, кроме тех, кто приговорен на срок свыше пяти лет за тяжкие преступления против личности. При положительном решении вопроса судом женщина освобождается и живет дома. При отказе от ребенка, уклонении от его воспитания или ухода за ним, а также при отрицательном поведении осужденная может быть направлена судом для отбывания назначенного приговором наказания. По достижении ребенком трехлетнего возраста суд решает вопрос либо об освобождении женщины от отбывания неотбытой части наказания, либо о замене назначен-

ного наказания более мягким, либо о направлении осужденной для отбывания неотбытой части назначенного наказания. При этом суд может полностью или частично зачесть время отсрочки в срок наказания либо отказать в этом. Тем женщинам, кто не имеет права на отсрочку, разрешено содержать детей в доме ребенка при колонии до достижения ими трехлетнего (а не двухлетнего, как было раньше) возраста. Если к этому моменту неотбытый срок у матери не превышает одного года, ребенок может быть оставлен в таком доме до ее освобождения. В иных случаях он должен быть передан родственникам или в дом ребенка органов народного образования.

Существенно изменилась регламентация права осужденных на труд. В полном соответствии с международными конвенциями сохранена одна из основных обязанностей осужденных — трудиться. Однако осужденные мужчины старше 60 лет, женщины старше 55 лет, инвалиды I и II групп, женщины с беременностью свыше четырех месяцев, а также женщины, имеющие детей в домах ребенка при ИТУ, трудятся по их желанию. По ранее действовавшему законодательству вопрос об освобождении от обязательной работы решала медицинская комиссия индивидуально в отношении каждого осужденного.

Согласно Закону от 30 мая 1997 г. осужденным предоставляется ежегодный оплачиваемый отпуск, причем для некоторых из них — с выездом из исправительно-трудового учреждения. Отныне время работы осужденного в период отбывания наказания будет включаться в общий трудовой стаж, что важно для назначения пенсии. Однако в случае систематического уклонения от выполнения трудовых заданий или при ином проявлении недобросовестного отношения к труду соответствующий период времени может быть судом по представлению администрации исключен из общего трудового стажа осужденного. Отменено удержание половины заработка осужденных в счет частичного возмещения расходов по содержанию исправительно-трудовых учреждений. Сейчас оплата труда осужденных производится на общих основаниях, как всем гражданам.

Сокращено число взысканий, применяемых к осужденным. Вполне обоснованно отменены такие взыскания, как лишение очередного свидания, лишение права на получение очередной посылки, запрещение покупать продукты питания в магазине.

Вместе с тем в Законе от 30 мая 1997 г. ряд норм посвящен мерам по улучшению режима безопасности и соблюдению законности. Как уже говорилось, в последние годы произошло немало эксцессов в местах лишения свободы. В связи с этим в исправительно-трудовом кодексе появилась специальная статья о режиме особых условий в исправительно-трудовых учреждениях. Такой режим может быть введен по решению министра внутренних дел РФ или республики в составе Российской Федерации, а

также начальника УВД края, области, автономной области, автономного округа по согласованию с соответствующим прокурором сроком на 30 дней, а при необходимости этот срок продлевается еще на 30 дней. В период особых условий может быть ограничена или приостановлена работа производств, школ, профтехучилищ, магазинов, клубов и библиотек.

Хотя, как видим, уже сделано немало, но далеко не все. Норма жилой площади в колониях — 2 кв. м на человека [10, ст. 99]. Конечно, мы не можем сейчас воспринять рекомендацию Минимальных стандартных правил обращения с заключенными о размещении каждого осужденного в отдельной комнате, тем более что сами правила относят эту норму к числу рекомендательных, которая должна вводиться по мере появления социальных и экономических возможностей каждого государства. У нас таких возможностей нет, и в обозримом будущем они не предвидятся. Вместе с тем стремиться к тому, чтобы хоть как-то улучшить жилищные условия осужденных, постепенно отказаться от бараков на 100—200 человек. Вместо этого создать комнаты общежития, где осужденный мог почувствовать себя равным и значимым для общества как в 1927 году в Верхнеуральской тюрьме [12]. Для этого нужно с учетом новых достижений в части охраны осужденных, обеспечения должного режима отбывания ими наказания строить новые исправительно-трудовые учреждения, что будет отвечать наилучшему решению воспитательных задач и созданию нормальных условий жизни отбывающим наказание.

Хотя содержанием любого наказания является кара, правоограничения должны быть разумными и достаточными. В этом случае они способствуют достижению целей наказания, в частности такой важнейшей, как исправление осужденных. Но если кара выходит за разумные пределы, она начинает отрицательно воздействовать на осужденного, вызывает у него озлобление, осложняет оперативную обстановку, а иногда приводит даже к преступлениям. Поэтому ученые давно предлагали устранить излишние правоограничения.

Необходимо в большей степени дифференцировать условия отбывания наказания в зависимости от поведения осужденного: предлагается иметь в колонии обычные, облегченные и строгие условия содержания. Надо подумать и о том, чтобы разрешить заочно обучаться в вузах и техникумах положительно характеризующимся осужденным. Ведь образование, особенно специальное, резко уменьшает вероятность рецидива. У нас же пока рецидивисты совершают каждое пятое преступление (20,5 % в 1994 г.) [13].

Большое значение имеет право осужденного на свободу совести. Как известно, до недавнего времени священнослужителем запрещалось посещать колонии. Осужденным не разрешалось даже иметь

предметы культа (нательные крестики, четки и т. п.). Не было в колониях и религиозной литературы. Немалую отрицательную роль сыграло запрещение религиозной деятельности в колониях. Вместе с верой в Бога бездумно выбросили те огромные моральные ценности и представления общечеловеческого характера, носителем, хранителем и активным пропагандистом которых была церковь. Поэтому многие преступившие закон люди лишились возможности усвоения высоких идеалов и принципов, в силу чего ухудшились перспективы их исправления и в то же время усилились оторванность, отчуждение от нормального «человеческого» мира.

Но в истории исправительных учреждений были времена, когда несмотря на запреты истинно верующие совершали обряды и получали необходимую литературу из Москвы. Так «Вестник Московской патриархии» в 1948—1959 гг. рассылался во все тюрьмы. В последние годы эти запреты были отменены. Законом от 30.07.1997 г. Уголовно исполнительный кодекс был дополнен специальной статьей, гарантирующей свободу совести и вероисповедания осужденных. Регламентировано право встреч со служителями культа [10, ст. 14]. Разрешено отправление религиозных обрядов, пользование предметами культа и религиозной литературой. Вместе с тем оговорено, что отправление религиозных обрядов является добровольным и не должно нарушать правил внутреннего распорядка, ущемлять права других лиц, отбывающих наказание. В каждой колонии оборудованы специальные помещения, где священнослужители встречаются с осужденными, отправляют обряды (например, крещение, бракосочетание, исповедь и т. п.). В некоторых колониях построены культовые сооружения.

Уровень преступности в стране и уголовные традиции во многом зависят от развитости гражданского общества, его институтов. Пассивность и неорганизованность россиян являются теми причинами, которые объясняют инертность и застой в пенитенциарной системе. Вполне естественными в такой ситуации выглядят и полное равнодушие к судьбам заключенных, и сверхактивные действия отдельных общественных образований, таких как «Центр содействия реформе системы уголовного правосудия в России», открыто призывающих осужденных к неповиновению и забастовкам.

Тем не менее без участия общественных организаций вряд ли возможна цивилизованная модернизация российской пенитенциарной системы, испытывающей дефицит гуманизма. В интересах общественной безопасности следует начать формирование качественно нового отношения к осужденным, лишению сентиментальности или ненависти со стороны следователя, прокурора, суда, представителей администрации мест лишения свободы, всех сопричастных лиц, всего общества на основе уяснения того, что люди не рождаются, а становятся преступника-

ми, что они остаются гражданами государства и через определенное время выйдут на свободу. Поэтому в настоящее время представителям администрации колонии необходимо перестроить свои отношения с осужденными в сотрудничество, взаимное доверие и деловое партнерство. В условиях перестройки нашей экономики, введения рыночных отношений это особенно актуально и может иметь немалый экономический эффект. Сегодня сотрудничество в данных учреждениях наблюдается очень редко, а преобладают равнодушие, непонимание, отчужденность. И возникает вопрос: не отсутствие ли доверительных контактов, не наличие ли эмоциональной стены между осужденными и администрацией ИТУ, не отчуждение ли между ними являются одной из главных причин многих эксцессов и бунтов? Это может быть пассивный, тихий бунт, когда пишут бессмысленные и многочисленные письма в самые разные инстанции, заранее почти всегда зная, что никто их разрешать попросту не будет, да и без каких-либо надежд на такой исход. В основном на жалобы и просьбы некому реагировать, так повелось на протяжении десятилетий. Реже — это острые, иногда кровавые стычки, часто по ничтожному поводу, захваты заложников. Трудно, а скорее невозможно представить себе колонию, в которой существовали бы доверительные и уважительные отношения осужденных с администрацией и ее представителями и там же вспыхивали бы массовые беспорядки или происходил захват заложников.

Гуманное отношение к преступникам предполагает коренное изменение воспитательной работы с ними на значительно более высокой профессиональной основе. Для этого нужно глубокое знание личности осужденного, мотивов его поведения. Иными словами, органы, осуществляющие исправление преступников, должны иметь четкое и ясное представление о том, что может породить преступные действия конкретного лица и как можно добиться того, чтобы в дальнейшем его отличало законопослушное поведение. От того, насколько в работе исправительных учреждений учитываются негативные личностные черты, порождающие преступное поведение, зависит эффективность всей предупредительной деятельности. Для этого необходимо всесторонне изучать личность осужденного не только по личному делу, но и по совокупности работы представителей всех структур исправительного учреждения, а не только начальника отряда. Следовательно, главный объект усилий администрации колонии или тюрьмы — личность осужденного, взятая, конечно, не изолированно, а в совокупности с теми условиями, в которых отбывается наказание. Основная же цель воспитания — выявление и устранение субъективных, личностных причин, приводящих к повторному преступному поведению.

Эта сложная задача будет в какой-то степени решена лишь в случае создания в исправительных

учреждениях психологической и психиатрической служб. Сейчас предпринимаются нужные шаги в этом направлении. В уголовно-исправительной системе России для лечения данной категории больных действуют 5 межрегиональных психиатрических больниц и 22 психиатрических отделения [6, с. 55] и при этом в каждом исправительном учреждении есть штатный психолог (по должности). Ведь если в колонии придут психологи и психиатры, которые реально бы работали с осужденными, а не занимались составлением отчетов, то положение там заметно изменится, улучшится и отношение к самому осужденному: оно станет щадящим, гуманным. Особого отношения, как известно, требуют к себе те осужденные, которые имеют аномалии психики. Специальные исследования показывают, что среди осужденных за убийства, нанесение тяжких телесных повреждений, кражи, грабежи, разбои, хулиганство примерно 30—35% или 6686,77 человек на каждые 100000, составляют лица с психическими аномалиями [6, с. 11]. Для того чтобы изменились отношения между самими осужденными, а также отношение работников колонии к осужденным необходимо создать соответствующую атмосферу в исправительно-трудовых учреждениях: их открытость, гласность, постоянное участие в их деятельности представителей общественности, в том числе фондов милосердия, органов массовой информации, церкви в качестве стабильных факторов развития этих учреждений и помощи им.

Целесообразно, на наш взгляд, издавать открытый, доступный всем журнал по проблемам исправления осужденных, а также журнал, рассчитанный только на осужденных, с целью оказания непосредственного воспитательного воздействия, помощи в самовоспитании, ориентации в жизни, выбора правильных путей, дачи юридических консультаций. Сейчас выходит журнал «Преступление и наказание», но его влияние существенно падает из-за уменьшения тиража по причине роста стоимости номера. Подобное издание не может существовать без дотации. Его цена должна быть доступна всем осужденным и сотрудникам. Было бы неплохо вообще распространять его бесплатно среди осужденных.

В настоящее время необходимо расширить общественные фонды материальной и иной помощи осужденным в целях улучшения условий их жизни и успешной ресоциализации, помощи на первых порах после освобождения от наказания. Руководить такими фондами могли бы самостоятельные общественные организации, которые решали бы данные вопросы совместно с представителями органов, исполняющих наказание. Милосердие и благотворительная помощь нужны осужденным, прежде всего, для их перевоспитания. Для этого требуются новые подходы к решению проблем ресоциализации освобожденных от уголовного наказания. Следует поддержать мнение многих ученых о со-

здании режима полусвободы примерно за полгода до освобождения, особенно для лиц, длительное время находившихся в ИТУ. Это помогло бы им постепенно приобщиться к будущим условиям жизни. Для успешной ресоциализации освобожденных от наказания целесообразно было бы создать специальную службу постпенитенциарной опеки в рамках местных органов власти, которая бы в корне должна отличаться от существующей надзорной при отделах милиции. Ее сотрудники могли бы, образно говоря, вести осужденного от ворот тюрьмы до его полного устройства на новом месте, одновременно контролируя его поведение. Для этого нужна грамотная долговременная программа, направленная на успешное исправление, перевоспитание осужденных и тем самым на предупреждение преступлений. Для примера можно воспользоваться программами опеки западных стран и вспомнить собственный опыт.

Подводя итог, можно констатировать, что укрепление государственной и общественной безопасности России прямо связано с реформированием пенитенциарной системы, исправительная функция которой в настоящее время заметно уступает функции карательной. При этом актуальность и жизненная необходимость подобной реформы, ее принципы и направления реализации должны найти концептуальное отражение в основных правовых нормах и государственных документах.

Литература

1. Анденес И. Наказание и предупреждение преступлений. — М.: Прогресс, 1979; Бартон П. Институт концентрационных лагерей в России (1937—1957 гг.). — М., 1959; Котек Ж., Ругуло П. Век лагерей. — М., 2003; Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу. В двух частях. — М., 1991. — 380 с.
2. Якубович П. В мире отверженных. Записки бывшего каторжника. — СПб., 1898; Гернет М. Преступный мир Москвы. — М., 1924; Солженицин А. Архипелаг ГУЛАГ. — М., 1990; Гинзбург Е. Крутой маршрут. — М., 1990; Некрасов В. Тринадцать «железных» наркомов. — М., 1995; Головкова Л. Тихая обитель (Сухановка). — М., 1996.
3. Познышев С. Основы пенитенциарной науки. — М., 1924; Утевский Б. С. Советская исправительная политика. Учебник. — М., 1932; Смирнов А. ГУЛАГ МВД СССР его организационное построение и задачи. // Архив академии управления МВД СССР. — 1948; Хорреков Г. В. Наказание в виде лишения свободы: оценка эффективности // Сов. гос. и право. — 1989. — № 2; Хохряков Г. Ф. Парадоксы тюрьмы. — М.: Юридическая литература, 1991; Антонян Ю. Гуманизация и дифференциация условий содержания осужденных. // Гос. и право. — 1995. — № 8; Перминов О. Г. Основы уголовно-исполнительного права. М.: Былина, 1999; Теоретические и практические проблемы деятельности уголовно-исполнительной системы: Сборник научных трудов. — М.: НИИ УИС Минюста РФ, 2001.
4. Смыкалин А. Пенитенциарная система страны в годы Великой Отечественной войны // Урал в Великой Отечественной войне. 1941—1945 гг. — Екатеринбург, 1995; Смыкалкин А. С. Колонии и тюрьмы в Советской России. — Екатеринбург, 1997; Детков М. Г. Тюрьмы, лагеря и колонии России. — М.: Вердикт, 1999; Зубков А. И. Карательная политика России на рубеже тысячелетий. — М., 2000. — 250 с.
5. Земсков В. Об учёте спецконтингента НКВД во всесоюзных переписях населения. 1937—1939 гг. // Социологические исследования, — 1991. — № 2; Земсков В. ГУЛАГ // Социологические исследования, — 1991. — № 7. — С. 21—28.
6. Калюжный Д. Страна тюрягия. — М., 2005. — 380 с.
7. Барщевский М. Сажайте деревья // Известия. — 2002. — № 56.
8. Марченко А. Мои показания. — М., 2005. — 304 с.
9. Приложение к приказу МВД № 330 от 30.05.1997 г.
10. Уголовно исполнительный кодекс РФ от 01.07.1997 г.
11. Приказ МВД РФ № 536/358 «О мерах по стабилизации санитарно-эпидемиологической обстановки в учреждениях уголовно-исполнительной системы», МВД РФ от 10.10.1996 г.
12. Евсеев И. История учреждения ЯВ-48 / СТ-4. — Верхнеуральск, 1998. — 90 с.
13. Антонян Ю. Гуманизация и дифференциация условий содержания осужденных // Гос. и право. — 1995. — № 8. — С. 15—19.

ДИСКУРС-ТИПОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ

Данная типология политического лидерства принципиально отличается от существующих в политической науке «эквивалентов» тем, что она строится исключительно на дискурсных манифестациях. К примеру, специфика самоидентификации или, скажем, интертекстуальности, то есть то, как называет себя говорящий и на какие тексты он непосредственно или опосредованно ссылается, не только дает общее представление о говорящем/пишущем, но и указывает на тип его речевого поведения, а значит, и коммуникативный тип лидера — дискурс-тип.

Политическое лидерство — явление, которое изучается всеми социальными науками — психологией, политологией, культурологией, социологией, социальной историей, теорией коммуникации [1, 2, 3, 6, 7].

Существует множество теорий лидерства, а значит, и трактовок данного явления, отличных друг от друга. Так, наиболее известные из них: 1) теория черт; 2) теория определяющей роли последователей; 3) ситуативная теория; 4) синтетическая теория лидерства [4, с. 255—259].

Первая из них трактует лидерство как феномен, рождаемый специфическими человеческими чертами. Именно их наличие, полагают приверженцы этой теории, способствует выдвижению человека на лидирующие позиции. В свою очередь, приверженцы второй теории полагают, что для понимания феномена лидерства необходимо иметь представление об ожиданиях и целях приверженцев политического лидера.

Лидер, полагают они, — инструмент группы, выразитель ее интересов. Представители третьей теории рассматривают лидера как продукт определенной ситуации. Они подчеркивают относительность значимости присущих лидеру черт и предполагают, что качественно отличающиеся обстоятельства могут востребовать качественно различных лидеров. Наконец, представители четвертой теории предлагают созвучный нам компромиссный вариант — учитывать всю совокупность переменных, включая такие, как а) происхождение лидера, его социализацию и способ выдвижения, а также личностные качества (адресант-ориентированные переменные); б) окружение лидера, его последователи и оппоненты (адресат-ориентированные переменные); в) отношения между лидером и его сторонниками (кортеж-ориентированные переменные); г) результаты взаимодействия лидера и его приверженцев в конкретных случаях (предметная ситуация социального взаимодействия, порождающая контекст-ориентированные переменные).

Политическое лидерство — явление коммуникативное, многорольное (лидер вынужден соответ-

ствовать ожиданиям различных социальных групп и «играть» разные роли в различных аудиториях), корпоративное (функционирование лидера поддерживается и во многом осуществляется его командой), институциональное (деятельность лидера невозможна без организационных структур). Если объединить эти позиции, то можно сказать, что политическое лидерство — явление групповое. И действительно, лидер-одиночка, лидер «сам по себе», без связи с последователями — абсолютный нонсенс. Полагая, что эта характеристика является ключевой, посмотрим внимательнее, что же составляет суть групповых взаимоотношений. Вряд ли можно оспорить тот факт, что основа взаимоотношений лидера с группой — власть и влияние. Понятно, что взаимодействие лидер — группы и аудитории несимметрично — влияние лидера на аудиторию сильнее, чем влияние аудитории на него. Дискурс влияния в группе — это тоже дискурс лидера, в котором лишь отражается и конструируется группа. Поэтому и говорят, что группа имеет такого лидера, какого заслуживает и какого достойна.

Существует два типа лидерства: 1) лидерство «лицом к лицу» и 2) лидерство, «отделенное от группы», — лидерство вождей, за которыми идут массы. «Лицом к лицу» — это митинговый или популистический вариант. Лидерство, «отделенное от группы», редко осуществляется непосредственно, то есть в личных контактах. Оно опосредовано институтами власти. Из этого следует, что отношение лидер — аудитория, лидер — публика легко переходит в отношение лидер для аудитории, для публики. Этот образ создается и внедряется форматом и содержанием материалов подконтрольной прессы. СМИ призваны интерпретировать мотивы лидера, его решения и побуждения. Иначе говоря, не важно, каков лидер сам по себе, а важно то, как его «подают». Лидер как сконструированный образ может обладать практически любыми заданными характеристиками, соответствующими ожиданиями публики [5, с. 66 — 67]. В этой ситуации мы обязаны соединить два ракурса — видеть лидера и его аудиторию. Политические консультанты и имиджмейкеры знают, что ожидания толпы лепят нового героя. Это понимают психологи, видя, с одной стороны, как быстро у электората наступает разочарование политиком типа «чего изволите», а с другой стороны, как льстит толпе лидер, вышедший из ее среды, она чувствует себя агентом власти, она диктует, каким быть избраннику. Декодируя текст и нас самих в нем, мы лучше понимаем, каковы они, наши лидеры.

Дискурс-типы, как и дискурс-категории, лежащие в основе идентификации типов, представляют лидера по трем ключевым группам: лидер-ори-

ентированные, кортеж-ориентированные и аудитория-ориентированные типы. Первые две группы распадаются, в свою очередь, на две подгруппы типов: статические, то есть дающие описание лидера и его кортежа, и динамические или функциональные, то есть те, которые реализуют его как лидера. Соответственно у каждой подгруппы есть свой набор дискурс-типов, организованных в типовые варианты. Типовые варианты — это два, три или четыре дискурс-типа, объединенные соотносительностью с одной и той же группой дискурс-категорий и реализующие себя в зависимости от того, какие манифестации эти дискурс-категории обнаруживают. Иначе говоря, они являются инвариантами, но это не одна единственная «постоянная величина». Анализируя дискурс политиков, мы иной раз сталкиваемся с одновременной реализацией нескольких инвариантов. Таким образом, мы должны принять к сведению тот факт, что политик волен быть противоречивым в своем дискурсе. Следовательно, каждый политик потенциально может актуализировать в своем дискурсе все 24 выделенных нами дискурс-типа, но это означает, что он реализует все возможные виды речевого поведения, чего достичь исключительно трудно, и это, безусловно, исключение. Наша гипотеза заключается в том, что в дискурсе политика должен актуализироваться один из инвариантов дискурс-типа, а это значит, что мы можем говорить о реализации в дискурсе лидера восьми характерных для него дискурс-типов (согласно восьми обнаруженных нами подгруппам). Назовем эти группы, подгруппы и сами дискурс-типы, соотнесенные инвариантно, а затем рассмотрим их дефиниции и способы актуализации.

1. Лидер-ориентированные дискурс-типы:

а) лидер-описательные/дескриптивные (статические) дискурс-типы, отвечающие на вопросы: кто он? какой? Сюда входят такие две группы типовых вариантов:

— коллективист, индивидуалист, институционалист;

— созерцатель, деятель.

б) лидер-формирующие или лидер-функционирующие (динамические) дискурс-типы, отвечающие на вопросы: кто он? что его делает лидером? как он удерживает лидерство? Сюда входят, в частности, такие дискурс-типы, как

— популист, рационалист, борец.

2. Кортёж-ориентированные дискурс-типы:

а) кортеж-описательные/дескриптивные (статические) дискурс-типы, отвечающие на вопросы: кто он? с кем? кому? Сюда входят дискурс-типы:

— общенациональный, региональный, партийный.

б) кортеж-формирующий или кортеж функционирующие (динамические) дискурс-типы, отвечающие на вопросы: кто он? к кому обращаться? как? Сюда входят две группы типовых вариантов:

— тактик, стратег, псевдотактик или тип «чужого изволия» (имеет место несоответствие целей);

3. Аудитория-ориентированные дискурс-типы:

а) аудитория-формирующие и описательные (динамические) дискурс-типы, отвечающие на вопросы: кто? с кем? как? что? по отношению к кому?, одновременно отражающие данный факт и его конструирующие. Сюда входят три группы типовых вариантов:

— прагматик, идеолог;

— демократ, народник;

— менеджер, технолог.

Рассмотрим выделенные дискурс-типы политиков.

Лидер-описательные дискурс-типы

Лидер четко идентифицируется в своем дискурсе, ибо он так или иначе называют себя, описывает и интерпретирует. И делает это постоянно, в каждом своем тексте, вольно или невольно, эксплицитно или имплицитно. По этим дескрипторам он узнаваем для аудитории. Считывая эту информацию, она говорит: «Да, это наш лидер!» — либо, наоборот, отвергает его. Как происходит декодирование этой информации? Мы полагаем, что ключевую роль в этом играют лидер-описательные дискурс-категории, которые аудитория осознанно или неосознанно «считывает». Это самоидентификация, проекция во времени и пространстве, атрибутивность, деятельность. Эти категории мы определяем как операционализаторы двух лидер-описательных типовых вариантов: индивидуалист, коллективист, институционалист и созерцатель, деятель, сбалансированный тип.

а) Индивидуалист, коллективист, институционалист (с учетом категорий самоидентификация + время и пространство).

Стартовой площадкой для создания дискурсивной модели имиджа является самоидентификация. У лидера есть, во-первых, собственное «я», есть также группы, с которыми он солидарен («мы»). И «я», и «мы» могут быть сильными или слабыми и даже вовсе не актуализироваться в дискурсе субъектов. Но лидер тем и отличается от других людей, что его самость должна быть эксплицитна для аудитории, а значит, вербализована. Способ вербализации указывает на дискурс — тип лидера. Так, лидер может быть — индивидуалистом (сильное «я» + значимое «мы»), коллективистом (сильное «мы» + значимое «я») или институционалистом (объективированное прочтение себя: «он», «президент», «партия» (говоря о себе); в «мы» и редком «я» может актуализироваться не только реальный субъект, но и определенная структура — некий институт, партия. Остальные три способа самоидентификации («я» + слабое «мы»; слабое «я» + слабое «мы»; ни «мы» ни «я») — однозначно трактуются нами как случаи слабого коммуниканта и, следовательно,

слабого лидера. Надо добавить также, что дискурсы-типы индивидуалист, коллективист, институционалист могут быть уточнены с помощью таких категорий, как время и пространство, в результате чего мы получим конкретизированные градации: виртуальный (вероятностный) — апеллирующий к будущему, ретроспективный — апеллирующий к прошлому; реальный — актуальный сегодня. Локальный — проецирующий себя на ограниченное пространство; глобальный — проецирующий себя на мировое сообщество.

Индивидуалист.

...Сегодня, в новогоднюю ночь, я, как и вы, с родными и друзьями собирался выслушать слова приветствия президента России Бориса Николаевича Ельцина... сегодня на меня возложена обязанность главы государства. ...Мы договорились с руководством обеих палат встретиться чуть позже моего выступления и пообсуждать основные параметры послания, с которым я выступаю перед вами... ...С Германией меня многое связывает. Здесь я прожил не один год. Я видел и чувствовал, как болезненно люди переживают разделение своей страны... Готов принять непосредственное участие в разработке стратегии сотрудничества наших стран на долгосрочную перспективу. Думаю, что эта давно назревшая инициатива способна придать дополнительный импульс российско-германскому взаимодействию на различных направлениях, отвечающему духу и идеям «большого договора»... Считаю, что этот основополагающий для российско-германских отношений документ выдержал испытание временем...

(Цитата из дискурса В. В. Путина).

Коллективист.

Но давайте взглянем на эти цифры с более строгих позиций...

(Цитата из дискурса В. В. Жириновского).

Институционалист.

Сегодня на меня возложена обязанность главы государства... Обращаю внимание на то, что ни минуты не будет вакуума власти в стране, не было и не будет...

б) Созерцатель, деятель, сбалансированный (актуализация категорий, атрибутивность, деятельность).

У созерцателя в фокусе внимания преимущественно человеческие качества (свои и других), у деятеля — деятельность (своя и других). Сбалансированный тип демонстрирует равное внимание к качествам и деятельности в зависимости от ситуации. Подтипы: критикующий — акцент на негативные параметры качеств или деятельности; позитивный — акцент на положительные качества и/или положительную оценку деятельности. Нейтральный — не актуализирующий отношение к качествам и деятельности.

Созерцатель.

Я знаю многих из них, знаю не понаслышке, а по реальной практической работе. Это умелые орга-

низаторы, уважаемые руководители крупных коллективов, прекрасные специалисты, неукротимые в своем стремлении к новому передовому. Словом, это замечательные люди, настоящие творцы и создатели, в сердцах которых горит «прометеев огонь» дерзания и святой верности делу партии и народа... Могущество нового мира — это могущество воспитанных Коммунистической партией людей, обладающих идейной окрыленностью, высокой силой духа, нравственным благородством, единством помыслов, воли и действия.

(Цитата из дискурса Г. А. Зюганова).

Деятель.

Да, мне кажется, сегодня государство уже имеет моральное право повысить требовательность к себе и ко всем его гражданам. Некоторые обязательства... государство уже выполняет. Так, государство всегда заявляло о выполнении макропоказателей бюджета, которые составляют основу экономики, и оно этим параметрам четко следует. Мы впервые за все годы реформ ушли от дефицитного бюджета и работаем с превышением доходов над расходами. Государство обещало действовать более энергично в тех сферах, которые касаются бизнеса: налогообложения, наведении порядка в экономике — и делает это.

(Цитата из дискурса В. В. Путина).

Лидер-формирующие дискурс-типы

Лидер в своем дискурсе не только идентифицирует себя, то есть называет и интерпретирует, но и «делает» себя и тем самым конструирует свой электорат, побуждая его думать и действовать определенным образом. Таким конструирующим началом обладают дискурсивные и риторические практики, реализующие единство темы и ее знаковое воплощение. Вербализация проблемы, преподносимой лидером, одновременно есть и видение проблемы, а значит, несет в себе предпосылки ее понимания. Разная формулировка проблемы является, по сути, разным речевым действием, а с учетом того, что в политическом дискурсе речевое действие носит перформативный характер (т. е. является действием реальным), можно сказать, что форма общения (дискурсивные и риторические практики — формат и жанр) программирует лидера и его аудиторию. К этой группе дискурс-типов относятся: популист — стремится максимально удерживать аудиторию даже за счет нарушения логических связей, целостности текста, за счет отказа раскрыть глубоко тему выступления; рационалист — говорит по существу, опирается на общепонятную терминологию в изложении своих взглядов и предмета дискурса в целом, помнит, кому он говорит и для чего; борец — у него всегда есть мишень (проблемы или субъекты, группы или институты), он критичен по отношению к миру и соци-

уму, он борется, максимально используя арсенал пропагандистских приемов и риторических практик.

в) Популист, рационалист, борец (актуализация категорий дискурсные практики, риторические практики).

Популист (дискурс эмоций и риторика ради риторики).

Растет число сторонников ЛДПР во всех социальных группах. Именно поэтому в средствах массовой информации блокируется правда об этой партии и ее лидере. Судьба России — в руках народа. Стране не нужен косметический ремонт в высшей сфере управления. Ей нужен пророссийский парламент. Президент-патриот. Тогда будет сформировано правительство национального доверия, и знамя Победы — знамя российской государственности взметнется над измученной страной! Как это го достичь? Надо отдать голоса ЛДПР.

(Цитата из дискурса В. В. Жириновского).

Рационалист (риторика факта).

Я хотел бы обратить внимание на совершенно разные причины ухода. Первый раз Гайдар вынужден был уйти в ситуации, схожей с моей. Тогда в российском парламенте восторжествовали старые подходы. Теперь там другая ситуация...

(Цитата из дискурса В. В. Путина).

Борец (дискурс конфронтации и риторика борьбы).

Чеченское гнездо терроризма создано не просто при попустительстве, а при прямом содействии нынешнего правящего режима. Несмотря на всю показную «непримиримость», Басаев, Радуев, Хаттаб и иже с ними этому режиму не враги, в верные друзья и слуги, его чудовищное порождение. ... Ясно, что для смены курса и восстановления законности и правопорядка страна нуждается в смене власти. Каждый лишний день правления ельцинского режима означает новые страдания, новые потоки крови.

(Цитата из дискурса Г. А. Зюганова).

Кортеж-описательные дискурс-типы

Дискурс субъекта выявляет его кортежные характеристики. Они чрезвычайно важны для политика, поскольку дают материал для построения дискурсивной модели имиджа и позволяют отнести его к той или иной группе дискурс-типов, таких как: общенациональный — проецирует себя на всю страну, поэтому неизбежно использует дискурс консолидации, готов принять в свой кортеж заблудших «чужих»; региональный — проецирует себя на отдельные регионы, направленность на консолидацию и конфронтацию уравновешена, он готов включить в свое поле широкое число субъектов, но доминанта деления на «своих» и «чужих» (чужаков) тоже сильна; партийный — для него характерна корпо-

ративность, на первом месте партия и ее интересы, он озвучивает ее идеи, он лидер команды, но при этом остается «одним из них».

г) общенациональный, региональный, партийный (с учетом категорий аудитория и интерес субъективности).

Общенациональный.

Уважаемые граждане России! Нас, граждан России, из года в год становится все меньше и меньше. Уже несколько лет численность населения страны в среднем ежегодно уменьшается на 750 тысяч человек. И если верить прогнозам... уже через 15 лет россиян может стать меньше на 22 миллиона человек. При всем обилии взглядов, мнений, разнообразии партийных платформ у нас и есть общие ценности. Ценности, которые сплачивают и позволяют считать нас единым народом. Дорогие россияне! Дорогие соотечественники!

(Цитата из дискурса В. В. Путина).

Региональный.

Кроме того, будут продолжаться мои поездки по стране. В начале мая я буду на Урале — Тюмень, Нижневартовск, Магнитогорск, Оренбург. А в конце мая — начале июня посетю Курган, Уфу, Ижевск, Йошкар-Олу... Или в областном аппарате партии где-то все наладили, а районы забросили. Ну и что дальше? Надо помочь районам приобрести опыт, достать аппаратуру... В каждом регионе есть наши избиратели. Об этом помните... А наши результаты — это выборы. Вы по области увидите, в каком районе, в каком городе как проголосовали. Если в этом районе, городе или населенном пункте ваш активист, которого вы не очень любили, добился высоких результатов, то это значит, он хорошо поработал назло вам... На местах работа идет лучше и становится ясно даже слону, что городской координатор лучше смотрится, чем областной...

(Цитата из дискурса В. В. Жириновского).

Партийный.

Самое главное, 8 апреля, в субботу, состоится общероссийская партийная конференция, на которой вы все будете присутствовать... Все лучшие силы партии выступят, расскажут о разных аспектах работы партии. Поэтому я говорю: нужно больше внимания уделять местным организациям. Все должно работать на партию: и оргтехника, и автомобиль... Надо думать о партии. И если появился в области человек, который лучше может поднять областную организацию, надо найти смелость и уступить ему место. Вы же ничего не теряете. Можете продолжать так же работать, помогать партии и делать что-то. Мы же не правящая партия, вам не нужно освобождать какое-то кресло... Но делу партии, конечно, может повредить, если областной организатор оказался слабым...

(Цитата из дискурса В. В. Жириновского).

Кортеж-формирующие дискурс-типы

Дискурс-политика конструирует реальность, а значит, и свой кортеж. Способы, какими политик создает кортежную аудиторию, информативны при построении его дискурсивной модели имиджа. Мы полагаем, что существует целый ряд дискурс-категорий, позволяющих реконструировать кортеж коммуниканта: энциклопедичность, лингвистический статус, интерактивность, невербальное поведение. Исходя из этого, можно выделить следующие типовые варианты. Стратег использует ограниченное число коммуникативных средств, не очень активен в коммуникации, делегирует решение возникающих коммуникативных задач исполнителем, участвует в коммуникации только в значимых ситуациях. В основном, применяет широкие энциклопедические знания, придерживается литературного варианта языка, навыки интеракции не столь актуализированы. Тактик применяет максимально возможное количество коммуникативных средств, постоянно решает возникающие коммуникативные задачи, демонстрирует такие навыки, как интерактивные (владеет как вербальными, так и невербальными средствами эффективного взаимодействия); лингвистические (владеет престижной формой национального языка и других языков и диалектов, обнаруживает широкий стилистический диапазон). Его энциклопедичность (демонстрация широких знаний политической ситуации, истории и т. д.) не столь важна.

д) Стратег, тактик (с учетом категорий: энциклопедичность, лингвистический статус, интерактивность, невербальное поведение).

Стратег.

Раньше место государства в мире определялось прежде всего его военной силой, сегодня — способностью к стабильному экономическому развитию, качеством природной среды, или иначе говоря — уровнем ее экологической безопасности.

(Цитата из дискурса В. В. Путина).

Тактик.

Уровень и характер задач в области развития экономики таковы, что они объективно требуют... Что же это означает? Главным и решающим сейчас становится умение наших кадров действовать в ключе... Возможно, кое-кому покажется, что это не имеет непосредственного отношения к... но это глобальное заблуждение.

(Цитата из дискурса Г. А. Зюганова).

Аудитория-ориентированные дискурс-типы

В дискурсе прагматика четко актуализирована идея реальности, он прочно стоит на земле, сам исходит из фактов и к ним подводит аудиторию. Для идеолога первична основа мироздания идея, он как бы под нее строит реальность. Идеалист мало счи-

тается с реалиями, для него важно не то, что есть на самом деле, а то, как к этому относиться — важна не сама идея или факт, а ее вербализация. Соотношение операционализаторов фокус на предмете дискурса, фокус на субъектах дискурса позволяет конкретизировать характеристику типа. Так, при активном использовании коммуникативных стратегий обоих типов (предметно-ориентированных и реляционных) мы можем добавить дополнительную сугубо речевую характеристику — эффективный коммуникант (пропагандист).

е) Прагматик, идеолог (с учетом категорий направленной информация, предметно-ориентированные и реляционные коммуникативные стратегии).

Прагматик.

9 ноября 1990 г. нашими странами был подписан уникальный для своего времени двусторонний Договор о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве. Нынешнее состояние двусторонних торгово-экономических отношений явно не соответствует их громадному потенциалу. Конечно, Германия является устойчивым потребителем российских нефти и газа, немецкие партнеры с готовностью поставляют нам промышленное оборудование. Однако такой обмен — прошедший день в условиях глобализации. Реальный потенциал российско-германского экономического сотрудничества, по моему убеждению, может быть раскрыт путем развития сотрудничества в наукоемких и высокотехнологических отраслях промышленности. У России есть «прорывные» разработки, которые мы предлагаем к совместному осуществлению с европейскими, прежде всего, немецкими партнерами, например, в сфере производства и модернизации авиационной техники, в космосе. ... Мы все время говорим о федерации и ее укреплении, годами об этом же говорим. Однако надо признать: у нас еще нет полноценного федеративного государства. Хочу это подчеркнуть: у нас есть, у нас создано децентрализованное государство.

(Цитата из дискурса В. В. Путина).

Идеолог.

Терроризм не «самодостаточное» явление, он имеет глубокие социальные корни. Первоначально — это порождение крайней нищеты и безысходного отчаяния угнетенных масс, вынуждающих их на крайние формы протеста. Но вместе с тем эти дикие эксцессы являют собой неотъемлемую оборотную сторону бесчеловечных эксплуататорских отношений, извращенную форму высвобождения социальной энергии масс, поэтому в качестве оружия борьбы трудящихся терроризм давно уже обнаружил свою полную бесперспективность и негодность... И в этом качестве из индивидуального и адресного терроризм превратился в массовый и безадресный, в орудие устранения и деморализации народных масс эксплуататорским классом.

(Цитата из дискурса Г. А. Зюганова).

Группа типовых вариантов демократ, народник выделяется исходя из того, каково «я» политика — открытое/закрытое; того, как оно располагается по отношению к «я» других. Они могут быть равнозначны и существовать как бы параллельно, но возможен вариант, когда политик ставит свое «я» над «я» других и, наконец, когда он — «один из всех». Здесь важно учитывать, какие цели формулирует политик. Выделенные типовые варианты мы интерпретируем следующим образом. Демократ — тот, кто демонстрирует в своем дискурсе приверженность демократическим ценностям, кто признает свое «я» и «я» других. Народник — тот, кто одновременно, и «один из всех» и «над всеми», ибо у него есть своя особая миссия, он открыт, но его открытость условна, ибо он открыт институционально, а не лично. Разница очевидна и репрезентирует различное отношение политиков к себе. Так, если в первом примере сильное «я» не затмевает наличия других субъектов коммуникации, то во втором случае адресант одновременно и такой, как все, и особый, у него своя особая миссия, которая возвышает его над всем и дает ему право критиковать, нести свой идеал в народ. Таким образом, его открытость относительна: он открыт институционально, но не лично.

ж) Демократ, народник (актуализация категорий самоидентификация, аудитория, миссия).

Демократ.

Свобода слова, свобода совести, свобода средств массовой информации, права собственности — эти основополагающие элементы цивилизованного общества — будут надежно защищены государством. Политика, построенная на основе открытых и честных отношений государства с обществом, защитит нас от повторения прежних ошибок, явится базовым условием нового «общественного договора»! ... Корни многих наших неудач — в неразвитости гражданского общества и в неумении говорить с ним и сотрудничать. Власть все время бросает в крайности — то она не замечает, то чрезмерно опекает общество. При этом господствует представление, что все в России зависит от власти. Власть действительно отвечает за все. Но очень многое зависит и от самих российских граждан. Развитие страны во многом определяется степенью их ответственности, зрелостью политических партий, общественных объединений, гражданской позицией средств массовой информации. Свобода слова была и остается неизблемой ценностью российской демократии. Это — наша принципиальная позиция.

(Цитата из дискурса В. В. Путина).

Народник.

Посмотрите, наконец, на нынешнее правительство номенклатуры. Где их идеи, концепции, государственные программы, пути выхода из того тупика, куда они зашли? У них ничего нет. Что они

предлагают? А ничего! Они продаются другому государству, потому что сами уже объединились: две коммунистические мафии — российская и белорусская. Будут вместе грабить Беларусь. Политика же, которую они проводят, только подверстывается под их мафиозный сговор.

(Цитат из дискурса В. В. Жириновского).

В следующей группе важно зафиксировать в дискурсе политика соотношение категорий миф—реальность. Поддерживает ли политик расхождение мифы, конструирует их или же развенчивает. Как он работает с фактами? Приводит факты для того, чтобы остаться в реальности и решать жизненные проблемы, или же, опираясь на факты, уводит аудиторию в мир мифа, а, может быть, он всего лишь воспроизводит мифы и конструирует новые, не прикасаясь с реальностью. Мы выделяем следующие типовые варианты. Менеджер — человек дела, опирается на факты, руководит аудиторией. Технолог уводит в виртуальность, опирается на факты (возможно, в сочетании с идеями) и преобразует их в идеи и мифы.

з) Менеджер, технолог (соотношение категорий миф и реальность, кортежные коммуникативные стратегии).

Менеджер.

К сожалению, деловой климат в нашей стране улучшается слишком медленно и пока остается неблагоприятными. ... Во-первых, следует обеспечить защиту прав собственности. ... Второе направление — обеспечение равенства условий конкуренции. ... Третье направление — освобождение предпринимателей от административного гнета. ... Четвертое направление — снижение налогового бремени. ... Я недавно интересовался у председателя Конституционного суда, почему с таким трудом принимаются и исполняются решения, касающиеся нарушений федерального законодательства в регионах. Он ответил, что нет механизмов реализации. ... но действовать надо — и действовать незамедлительно. Мы хотим исправить это совершенно недостойное положение и обеспечить неукоснительное выполнение принимаемых решений. Давайте исходить из реальности. ... Надо только, чтобы была воля к тому, чтобы это делать. В послании я говорил о развитии экономической свободы. Что здесь непонятного? Надо ее защищать — не просто рекламировать те или иные постулаты, а реально защищать их.

(Цитата из дискурса В. В. Путина).

Технолог.

... Общество, в котором 80 % населения превратилось в бедняков или нищих, а то и бомжей. ... В России должно сложиться социальное государство либеральной демократии. ... В обществе социальной справедливости должна быть достойная, но дифференцированная материальная обеспеченность граждан. Это общество, в котором не

будет нищих и обездоленных... В нем будут созданы благоприятные условия для полнокровного развития народа... В будущем устройстве России не должно быть ни классового разделения, ни противопоставления личности и общества...

(Цитата из дискурса В. В. Жириновского).

Здесь есть возможность сравнить, как работает лидер с предметной информацией текста, сохраняя при этом свой контакт с аудиторией. Так, если первый пример демонстрирует собранность адресанта, концентрацию на предмете разговора, его фактологичности с тем, чтобы аудитория понимала, как ей надо действовать (четкая последовательность, указание на отправную точку деятельности и пр.), то во втором случае адресант начинает с факта, и аудитория, начиная полагаться на эти факты, не замечает, как исподволь ее продвигают к принятию мифа.

Дискурс-экспертиза, заложенная в дискурс-исследовании, открывает новые пути анализа дискурса политических лидеров. На основании актуализации разнообразных дискурс-категорий в текстах политиков мы смогли построить дискурс-типы и, далее, дискурс-типологию политического лидерства, включающую, в том числе, набор типовых

вариантов, описывающих и формирующих политического лидера, его кортеж и его аудиторию.

Литературы

1. Авцинова Г. А. Политическое лидерство // Государство и право. — 1993. — № 5. — С. 17—21.
2. Андреев С. С. Политические авторитеты и политическое лидерство // Социально-политический журнал. — 1993. — № 1—2. — С. 8—14.
3. Бирюков Н. И. Политическое лидерство как объект социологического исследования // Политические проблемы современности. — М., 1991. — Вып. 1.
4. Политология: Учебник / Под ред. М. А. Василька. — М.: Гардарики, 2001. — 374 с.
5. Политическое консультирование. — М.: Николо М, 1999. — 471 с.
6. Тимошенко В. И. Общественно-политическое лидерство // Социально-политические науки. — 1991. — № 11. — С. 23—30.
7. Шестопад Е. Б. Оценка гражданами личности лидера // Политические исследования. — 1997. — № 6. — С. 57—72.

ПРИРОДА ПОЛИТИЧЕСКОГО ИМИДЖА

Историко-гносеологический аспект имиджа

Имидж как определенный способ ориентации человека в мире является феноменом мировоззренческим по своей природе. Мы рассмотрим историческую последовательность появления различных форм отношения к миру, чтобы точнее указать ту часть мировоззренческого пространства, в которой работает имидж.

Человек начинает с отношения ситуативного, основанного на выявлении случайных, несущественных связей. На этом этапе человек еще недалеко отошел от животного. Его можно уподобить гусю, который, видя над собой в небе ястреба, воспринимает его как сигнал опасности и дает знать об этом своим сородичам, но он никак не распознает хищника в другой ситуации, например, видя его не в небе, а на земле. Такая ситуативность, невыявленность существенных связей, когда совершенно разные явления связываются между собой по случайному сходству, когда все можно связать со всем, — все это определяет синкретичный характер первобытного отношения к миру, нерасчлененность, смешанность в одно неразличимое целое существенного и несущественного, рационального и чувственного. Одно и то же представление фиксирует какие-то объективно существующие связи, направляет чувства и содержит оценку, а также ассоциациями связано с множеством других представлений.

Далее, по мере того, как происходит дифференциация человеческой деятельности, следует закрепление в виде обычаев и привычек каких-то более или менее существенных особенностей, характеризующих отдельные выделяющиеся в предметной деятельности стороны жизни, как то — продолжение рода, добывание средств к существованию, поддержание психологического и духовного единства в коллективе, и обусловленных тем, какого рода растения человек использует в пищу, на каких зверей охотится, в каком климате живет, где достает воду и как ее расходует, в какого размера группы — большие или малые — вынужден собираться и т. д. Содержание этих форм сознания все еще имеет смешанный характер, но мировоззренческие составляющие — установки, ценностные ориентации — в данном случае выявляют уже достаточно устойчивые и определенные связи, поскольку сами обычаи и привычки являются обобщениями достаточно широких и вместе с тем конкретных сфер активности человека.

На третьем этапе с дальнейшей дифференциацией общества происходит классовое расслоение; формируется господствующий отряд людей, испыты-

вающий потребность в разработке норм, которые бы в обобщенной и систематизированной форме отражали и объясняли его практику и его интересы. С другой стороны, происходит отделение умственного труда от физического, выделение умственной теоретической сферы деятельности в отдельную сферу и закрепление ее за господствующей социальной силой. Нормы возникающей таким образом идеологии одновременно содержат два момента: знания о реальных процессах и объективных тенденциях, то есть имеют дело с сущим, с другой стороны, содержат определенного рода должностное, задают направление движения. Эти два момента в идеологии особым образом связаны между собой. Знания об объективных закономерностях используются для того, чтобы аргументированно обосновать идеал, его всеобщий, вечный характер, и наоборот, существует тенденция наличные известные закономерности объявить единственно возможными, «естественными» и наиболее «разумными». Сила идеологии в том, что она закрепляется не только в идеях и сочинениях; ее может поддерживать — правовыми нормами, государственными и общественными институтами, господствующими экономическими отношениями — весь строй жизни. Какой-либо имущественный ценз, право нации на самоопределение, институт президента и т. п. — если они воспринимаются как «данность», то начинают играть роль идеологического регулятора.

Следует отметить, что идеология приобретает важность в связи с «крупными» ситуациями, прежде всего, когда речь идет о власти и выясняются классовые и групповые отношения. Соответственно индивид вооружается идеологией, когда поднимаемые вопросы принуждают его действовать «организованно», объединяя цели, интересы и способы действий с представителями своего лагеря. В других случаях идеология доходит до индивида в частичном и превращенном виде — через привычки и обычаи, ценностные ориентации, языковую практику и т. п.

Последний рассматриваемый этап — завершение складывания классового общества в условиях рабовладельческой Древней Греции, когда создаются предпосылки для того, чтобы отдельный свободный эллин мог без кастовых и связанных с ними познавательных ограничений лично — в теоретико-умозрительной форме — соотноситься с многообразием окружающего мира и его определений, и когда возникает необходимость в философии как разработке единого содержательного принципа осваиваемых определений бытия.

Если выделенные исторические формы рассматривать как устойчивый набор отношений к действительности, то мы получаем двухполюсную типоло-

гию. На полюсе философии — максимально высокое обобщение многообразных и сложных в содержательном плане опосредствующих теоретических и теоретико-мировоззренческих звеньев, выступающих в виде норм, ценностей, понятий, категорий; отношение в большей степени значимое в перспективе, «с точки зрения вечности». На противоположной стороне — отношение выступает как включенная в реальное время, применительно к текущему, «настоящему» моменту, реакция на события; реакция, опосредованная знаково-вещными формами. То есть, если для философии поводом и источником служит содержательное единство мира, закрепленное в предметной деятельности человека и в теоретических обобщениях, то источником знаково-смыслового отношения является конкретная ситуация, контекст, и те отвлеченные знаковые формы, в которых они могут выражаться (причем, в качестве этих форм могут выступать как созданные человеком символы, так и конкретные вещи). Именно отвлеченность смыслового содержания знака, способность его быть адекватным предметам и деятельности лишь частичным образом — сообразно ситуации — позволяет строить по «частичному сходству» многочисленные связи с самыми разными явлениями и соответственно достигать той целостности восприятия (в данном случае на уровне текущей действительности), которая предполагается мировоззренческим отношением к миру.

Сторона, связанная со знаковыми формами, является той областью, применительно к которой и следует говорить об имидже. Соответственно природе имиджа нужно раскрывать, учитывая такие его особенности, как: его отвлеченно-знаковый характер, его ситуативность, включенность во временные связи, близкие реальному времени, и нерасчлененность существенного и несущественного, рационального и эмоционального в его содержании.

Дополнительную характеристику «имиджевого пространства» мы получим, если учтем следующее. Историческая последовательность касалась древнего периода. И когда мы говорили об отношении к действительности, то имели прежде всего в виду природу и малый круг социального — «второй природу», отвоєванный человеком. Однако в процессе исторического развития характер действительности, с которой имеет дело человек, меняется: уменьшается непосредственная зависимость от природных сил, и все более приобретает значение человеческая, общественная природа, создаваемая людьми. А значит, круг явлений, с которыми имеет дело человек, приобретает все более предметно-дифференцированный, организованный, рациональный характер. Эти изменения особенно отчетливо видны в сфере обычаев и привычек, то есть норм, регулирующих определенные выделенные зоны повседневной практики. Если применительно к древней истории речь идет о простейших видах взаимодей-

ствия с природой и сородичами, то сегодня то, что мы назвали привычками и обычаями, касаются таких социальных особенностей, как раса, религия (предполагается взаимодействие различных рас и религий), образование, профессиональные занятия, тип местности проживания (сельская, городская), размер города проживания и т.п. «Вторая», а за ней и «третья природа», накладывают отпечаток и на сферу ситуационного поведения. Производственный ритм, потребление «серийных» товаров, услуг и развлечений, современная коммуникация, воздействуя на восприятие текущих явлений, не меняют его ситуационного и смешанно-синкретичного характера, но они делают необходимым выделение массовых, общезначимых стереотипов, которые работали бы на заочном, дистантном уровне.

Таким образом, в области знаково-ситуационного поведения и отношения к действительности мы дополнительно выделяем ту часть, в которой присутствуют стереотипизированные, инструментализированные формы. Имидж, рассматриваемый нами, относится к этим формам.

Роль имиджа в публичной сфере

Вторая историческая последовательность связана с феноменом публичности. Особенность ее в том, что если рассматривать становление публичности с начала книгопечатания, нам придется двигаться обратно той последовательности, в какой мы рассматривали появление форм отношения человека к миру. Информационный обмен и взаимодействие посредством зарождающихся «масс-медиа» в сфере мировоззрения начинается со взаимодействия на почве религии (теологии) и философии. Уже распространение протестантизма и межконфессиональные войны шли с активным использованием печатных изданий. Актуальность публичного обмена суждениями по общим мировоззренческим вопросам в то время объясняет ту оперативность, с какой он происходил. Ульрих фон Гуттен печатает открытое письмо Эразму Роттердамскому, последний читает его, пишет в ответ свое сочинение, его также печатают и оно попадает в руки фон Гуттена — весь этот процесс укладывается в полтора месяца. Светские печатные новости того времени отличались едва ли не меньшей оперативностью.

Говоря о публичности, следует отметить, что речь должна идти не об обмене по поводу происшедшего или сделанного, не о простом отражении в средствах информации действительности. Речь идет об обмене информацией, которая непосредственно вовлекается в деятельность, становится частью, необходимой предпосылкой происходящих событий. Иначе говоря, оттого, что некто не получает сведений об интересующих его событиях, он совершает свои действия иным образом, чем если б

он имел эти сведения, или не совершает вовсе ничего. При этом по мере становления публичности, мы можем констатировать такую закономерность: последовательное уменьшение временного промежутка между событием или действием и моментом получения информации о нем. Эта количественная и, на первый взгляд, несущественная деталь имеет очень важное качественное следствие. Любой род деятельности характеризуется своим особым временем разворачивания; если мы, например, совершая военные действия, получаем сведения о чем-то важном для нас через 2 месяца после того, как это что-то произошло, они могут не иметь сколько-нибудь большой ценности по той простой причине, что уже устарели. Но, попадая в рамки «хронотоп» нашей деятельности, они становятся необходимыми, и наши действия становятся прямым образом связаны с тем, что происходит в других местах и областях человеческой жизни.

На следующем этапе публичность «расконсервировала» идеологический потенциал. Оперативное обсуждение идеологических позиций и программ, совместная выработка убеждений, распространение информации по вопросам политической жизни общества посредством печатных изданий идет рука об руку с теми практическими, бурными переменами в обществе, которые мы видим в истории с момента, предшествующего Великой французской революции.

Далее происходит «расконсервация» социальных обычаев и привычек. Употребляемый термин «расконсервация» означает, что, хотя публичность и не создает феномены идеологии и обычая как таковые, она придает им новые качества и новую динамику. Те «нравы» и обычаи, что до этого закреплялись и «автоматически» передавались от поколения к поколению в локальных, закрытых зонах — в семье, общине, цехе, сословии, отдельной сфере профессиональной деятельности или в отдельном регионе — раскрываясь и входя в глобальный оборот, резко увеличивают культурный потенциал развивающегося общества. (В связи с чем в значительной степени возрастает роль образования и просвещения).

Этот «культурный бум» имеет одно важное следствие касательно мировоззренческой проблематики. Множество практических норм, становясь предметом обсуждения, становятся предметом не только освоения, но и ознакомления. Можно реально освоить какие-то нормы, например, нормы самурайского этикета, а можно получить о них некоторое представление, которое будет иметь не столько практическое, сколько ориентационное значение в том или ином контексте. Такого рода «отвлеченные нормы», тиражируясь в виде ценностных установок, начинают, с одной стороны, нести идеологическую нагрузку, а, с другой, закрепляясь в знаково-образной форме, входят в имиджевую сферу.

И, наконец, в XX веке с оформлением глобальной взаимозависимости и переплетением общественных процессов, с внедрением средств массовой информации на уровень текущих событий — чему в значительной степени способствовало появление электронных средств информации — появляется необходимость не только в информационном обеспечении этих процессов, но и в обеспечении взаимодействия в сфере оценок, ожиданий и настроений по поводу происходящего у масс населения, политических и социальных групп и отдельных людей. Необходимость немедленного массового отклика на какие-либо явления и процессы, выражения отношения к ним становится условием их протекания. Особым вопросом становится отношение массовой публики. Большинство сегодняшних процессов осуществляется как бы дистантно, «заочно» по отношению к ней, не требует — часто не может требовать — определенного, устойчивого и выработанного в кругу доступных предметов отношения; но это не значит, что эти процессы могут осуществляться в полном ориентационном вакууме, при полном отсутствии каких-либо установок и предрасположенностей. Регуляция массового производства товаров, услуг, развлечений — изменчивого, всякий раз приспособляющегося к ситуации — требует регуляции массового потребления. Но это возможно лишь тогда, когда у масс можно предположить, статистически выявить или пробудить если не определенного рода потребительскую философию, то, по крайней мере, какие-то ценностные приоритеты. Это же справедливо и в отношении политических и социальных процессов.

Применительно к достигнутому сегодня уровню развития средств массовой информации можно сделать три вывода.

Во-первых, сфера публичности, опосредуемая «масс-медиа», приобрела всеобщезначимый характер. Она настолько вошла в реальное время, характеризующее процессы второй человеческой природы, что существование последней вне публичности стало невозможно в целом. Если сегодня прекращают работать средства коммуникации, если прекращается передача информации, выработка общественного мнения — прекращается и большинство других «традиционных» форм человеческой деятельности.

Во-вторых, публичность предстает как «третья природа», как внутренне связанный и выступающий по отношению ко «второй природе» самостоятельный феномен. Например, какие-либо описания средневекового путешественника других мест можно рассматривать как правдивый или неправдивый рассказ конкретного человека. Сегодняшний характер коммуникационных феноменов не укладывается в рамки этих определений; новость в наше время невозможно рассматривать как только составную часть до сих пор развивавшейся человеческой при-

роды, как некоторого рода «линейную» связь между отдельными людьми и событиями; она раскрывает свое содержание через природу публичности, самобытного и целостного образования, которое соотносимо как феномен лишь в целом со «второй природой», поскольку выступает в качестве интегрирующей силы по отношению ко всей совокупности общественных процессов.

Эта целостность на наглядном уровне связана с возникновением многочисленных служб и организаций, изучающих и отслеживающих работу «масс-медиа» и процессы формирования общественного мнения в их совокупности. Любая значимая сегодня социальная ситуация, деятельность любого более или менее значительного общественного субъекта — государственного органа, политической или общественной организации, крупной фирмы — требуют не случайного обращения к тем или иным изданиям, а систематической работы с многообразием прессы, радио и телевидения.

В-третьих, публичности присуща субъектность; эту субъектность образует «человеческий фактор», который в распределенном виде наличествует в сфере публичности, и в частности в средствах массовой информации, и выступает по отношению к субъектным качествам отдельного человека как искусственный феномен, как совокупность материальных и духовных факторов, таких как позиции и интересы людей, которые работают в средствах информации или оказывают влияние на них; отражаемые и учитываемые интересы и предрасположенности публики; применяемые технические, научные, художественные средства; наличествующая на данный, текущий момент общая информационно-образная картина; используемые знаковые и символические формы; употребляемый язык и т. п.

В этом плане создание «новостей» или «образов» представляет собой сложный процесс, активно осуществляемый по отношению к зрителю или читателю, активный, поскольку в информационно-образной среде совокупным субъектом проводится работа, которую отдельный человек провести не в состоянии ни в количественном, ни в качественном отношении. Например, отбор новостей включает учет складывающихся на данный момент приоритетов в общем новостном пространстве (журналист не может не давать сообщений о том, что популярно в данный момент), оценку фигур, задействованных в событиях — в свою очередь, «фигуры» во многом сделаны самими средствами информации и т. д. Складывание имиджа как «эмоционально нагруженного образа» также не является простой эмоциональной реакцией. Оно происходит в соотношении с возможными предрасположенностями публики, а как таковые они недоступны непосредственному наблюдению, их можно понять прежде всего опосредованно по тому, как они уже представлены в самих средствах ин-

формации на данный момент; в соотношении с другими обращающимися в «массовом сознании» «образами», с фигурирующими рейтингами и опросами, результаты которых во многом определены самими средствами; с приспособлением художественных способов и средств к специфике прессы, радио и телевидения; при этом создание «образа», формирование его способности нести то, что он должен нести, происходит не одновременно, а через систематическое повторение, то есть повторение не механическое, а по определенной методике: в определенное время, в определенном контексте, с учетом психологии зрителя и с учетом того, как его время и деятельность соотносятся со временем выхода материалов печатных и электронных средств.

Характеристики имиджа как феномена публичности

Из этого анализа мы можем ряд родовых характеристик публичности перенести на понятие имиджа:

— тотальность его смыслового содержания, взаимосвязанность его с другими образованиями, наличествующими в «массовом сознании»;

— тенденция к глобализации, увеличение масштаба общезначимости: иначе говоря, с расширением поля «массового сознания» от имиджа требуется, чтобы он соотносил человека со все более широким кругом идей.

— процессуальность складывания; следует отличать придуманный образ, «дизайн», от того смыслового воздействия, которое он способен реально оказывать лишь в результате определенной «обкатки» в процессе коммуникации; в этом плане часто повторяемые фразы типа «он изменил свой имидж» (поменял прическу, сменил гардероб), на наш взгляд, иллюстрируют упрощенное понимание имиджа;

— статистичность, приблизительность предполагаемого эффекта при конструировании; при всей систематичности, с какой рассчитываются возможный эффект и возможная аудитория, предвидеть их возможно лишь примерно. Это связано с самой спецификой массовидных явлений, с которыми имеет дело «масс-медиа», их изменчивым и случайным характером;

— активность имиджевых образов, тиражируемых средствами массовой информации. На этой особенности мы хотим остановиться подробнее. Активность вряд ли следует смешивать с «борьбой за аудиторию». Причиной активного характера образных и информационных сообщений является тот комплекс обстоятельств, что в обыденной практике часто выражается требованием «доходчивости», предъявляемым к материалам средств массовой информации. Последние имеют дело с огромной совокупностью данных, и их работа по фиксации,

передаче этих данных всегда есть определенного рода субъектная деятельность по упорядочиванию картины мира. Но особенность восприятия «текущей истории» состоит в том, что человек воспринимает ее не только и не столько через общие понятия, сколько «в терминах» самой текущей жизни. То есть он воспринимает события в соотношении с другими известными ему событиями и событийными рядами, а конкретного политического деятеля — благодаря наличию у него более или менее устойчивых представлений, сложившихся в настоящий момент об общественных фигурах. Подбор, способ и технические особенности подачи сообщений таким образом активно формируют саму способность человека воспринимать их, а значит, формируют и изменяют самого человека. В этих условиях, в условиях динамичного взаимовлияния средств массовой информации и публики, без активного отслеживания и изучения публики, без понимания ее наиболее отзывчивых струн и целенаправленного воздействия на них работа средств информации становится невозможна как таковая;

— искусственный характер имиджа: имидж — это искусственно, с помощью средств массовой информации создаваемое представление о чем-либо или о ком-либо; оно имеет лишь частичное отношение к тому, что оно представляет, но кроме этого в «снятом» виде оно еще выражает широкий спектр явлений. Намерение какого-либо политика предстать перед аудиторией в своем «естестве» предполагает одно очень сильное допущение: что все средства информации и все события окружающей жизни только то и делают, что готовят аудиторию к восприятию ею этого политика.

Отвлеченный характер имиджа

В данном случае мы будем вести речь о преудбеждениях, причиной которых является такая особенность имиджа, как его отвлеченный характер и связанная с последним возможность манипулирования сознанием с помощью имиджа.

Мы хотели бы отметить, что эту отвлеченность не следует понимать исключительно как недостаток, связывая ее с недостаточно развитыми человеческими возможностями. Применительно к некоторого рода обстоятельствам и процессам, и реакциям на них, эта отвлеченность отношения является и необходимой, и неизбежной. Наличие отвлеченно-ситуационных форм в отношении человека к действительности является не столько показателем отсталости его сознания, сколько указывает на уровень освоенности, упорядоченности человеком определенного рода предметной области. В ситуации с древним человеком таким предметом — слабо освоенным, представленным в практике человека еще аморфно, в невыявленности своих внутренних

связей — была Природа, природные процессы. Поскольку это был первый предмет, и это было начало собственно человеческой истории, то мы характеризуем древнее сознание как сознание отвлеченное (метафорическое, мифологическое и т. п.) в целом. Это характеристика уже даже в малой степени не применима к современному сознанию — какую бы значимость ни приобретали сегодня знаково-ситуационные формы сознания и регуляции материальных и общественных процессов. Было бы анахронизмом не учитывать огромные исторические изменения и наработанные человеком предметно-содержательные формы теоретического и чувственно-практического отношения к миру, в том числе в лице науки, искусства и философии.

Современный акцент на знаковых, отвлеченных формах можно связать с объективными процессами, происходящими в мире, — а именно, с установлением исторически новой предметной реальности. Речь идет о складывании целостности, интегрированности человеческого общества как таковой, как самостоятельного феномена. Причем складыванию, осуществляющемуся через посредство такого нового рода субъектного фактора, как публичность. Особенность этой субъектности и ее необходимость заключается в том, что именно человеческая, информационно-образная природа публичности делает возможным включение процессов интеграции, взаимосоотнесение самых разных событий, свершающихся в самых разных местах, в реальное время; то есть делает это включение из феномена типа «постфактум», присутствующего сбоку и задним числом, в необходимую часть «теперь и сейчас» повсеместно совершающихся событий.

Процесс формирования человечества как единого организма начался недавно, и сложившаяся на данный момент целостность — это феномен «плечного характера», затрагивающий лишь поверхностный пласт явлений, где очень высока доля частного и случайного. Также и субъектность, представленная массовым сознанием, носит еще отвлеченный, абстрактный характер, вынужденная применяться к действительности частично и «по случаю». Целостность же реакций — то есть мировоззренческая составляющая сознания — достигается за счет отбора и закрепления в коммуникационной практике тех ситуационных форм, которые приобретают характер массовых стереотипов, причем форм синкретичных, многозначных, способных соединяться в более-менее устойчивую «сетку».

Ни отвлеченность имиджа и других знаково-ситуационных форм, ни даже связанная с этим возможность создавать с помощью них произвольные построения, частично или даже искаженно представляющие реальное положение дел — все это не является отрицательной характеристикой. (Произвольные построения могут играть конструктивную роль, обеспечивая духовную целостность формиру-

ющегося коллективного сознания, когда еще нет других, более содержательных средств). Ненормальная ситуация складывается тогда, когда проводится подмена содержательных форм отношения к миру и его познания отвлеченными формами. Например, когда абстрактная символика начинает представлять за искусство в целом, а содержательно-насыщенные художественные образы оттесняются на второй план как «устаревшие», и когда философское или научное исследование проблем подменяется «языковой игрой».

Мы считаем, что такая подмена действительно повсеместно распространена сегодня и связана она с особенностями нынешней политико-экономической практики.

Становление публичности обусловлено причинами не только лишь одного технико-коммуникационного характера — расширением контактов, увеличением информационных потоков и аудитории. Оно с самого начала слито с политическими процессами и во многом стало возможно благодаря постепенным революционно-демократическим переменам в обществе. Нынешний этап характеризуется компромиссом, равновесием между такими двумя противоречивыми тенденциями, как демократизация общества, с одной стороны, и сохранением, в том или ином виде, отношений господства. Эта компромиссная комбинация двух тенденций реализуется в современном обществе в приватизационных процессах и отношениях. Последние предполагают как определенную защищенность индивида, гарантирование ему широких гражданских, предпринимательских, потребительских прав, так и сохранение частного освоения человеком действительности (экономических, природных сил, культуры и т. п.), положения, при котором нечто может считаться богатством тогда, когда оно попадает в сферу индивидуального распоряжения, владения и потребления; соответственно, когда оно становится источником личного могущества. При этом изменяется характер явлений, в которых раскрываются отношения господства. Если раньше они реализовались в доминировании одной группы населения над другой через жесткие ограничения, привилегии, применение силы, то сегодня они распространены по всему обществу как своего рода «образ жизни», определяющий основную, доминирующую «линию жизни» — линию частного, приватного освоения действительности, нацеленного на достижение частного «успеха» и могущества. Соответственно и идеология как теоретический способ поддержания «статус кво» выступает не столько в виде строгих политических доктрин и общезначимых лозунгов, сколько в превращенном виде — вплетаясь в

привычки, обычаи, ценности; осваивая языковые и знаковые средства: приобретая бесчисленные «индивидуализированные» формы и все более распространяясь в сферу обыденного сознания.

Указанный «приватизирующий» характер отношения к окружающей действительности означает определенного рода редукцию, упрощение осваиваемых человеком богатств. Рассматриваемые как источник «личного успеха», они из общественного предмета — результата, сгустка исторической практики людей, открывающего многообразие и сложность своего содержания в совместной, общественной по своей сути деятельности — превращаются в «вещь» — нечто, что предназначено удовлетворять частные потребности, приспособлено к решению тех или иных частных, ограниченных задач. Такого рода «овеществление» происходит и в духовной сфере. Так что доходящие до человека знания, образы, ценности и информация также осваиваются в упрощенном виде, а его способ отношения к миру приобретает случайный и отвлеченный характер. Это создает условие для того, чтобы те, кто располагает более широкими интеллектуальными и информационными ресурсами, могли оказывать влияние на остальную массу населения, формируя у нее ту или иную реакцию на происходящие события.

Получается, что отвлеченный и произвольный характер представлений, обращающихся в «массовом сознании», имеет разные причины: отвлеченность гносеологического толка, связанную с еще относительной неразвитостью публичности, только недавно начавшей формироваться — мы говорили об этом выше, и современную политико-экономическую ситуацию. Если смешивать эти две причины, то может сложиться превратное представление об имидже как таковом. Действительно, встречаются политики, которые полагают, что работать на свой имидж, значит навязывать публике «придуманные образы», участвовать в обмане, а себя ставить в один ряд с вещами и товарами, вроде мыла или шампуня.

Имидж действительно можно рассматривать как эффективный способ «продать кандидата». Потому что «рыночные» условия сегодня позволяют употреблять его таким образом. Но можно рассматривать его и шире — как инструмент и способ действий, которые необходимы в любой деятельности, если та претендует на публичность. В этом плане работать с имиджем — значит считаться с необходимостью делать то, что делают все средства массовой информации — выполнять определенную работу за зрителя или читателя.

ОБРАЗ УСПЕШНОЙ ЛИЧНОСТИ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ РОССИЯН: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

На протяжении многовековой истории развития цивилизации в жизни общества неотъемлемо существовали смыслодержательные элементы: обычаи, ритуалы, нормы, ценности и знания, образующие мировоззренческие концепции и обладающие целым рядом исторически-оправданных специфических свойств и характеристик. В силу их изменчивости, предопределяемой социальной жизнью, эволюционировали и ожидания социального заказа, в том числе и социального заказа на модель «идеальной», успешной личности. Формируемая механизмом воздействия социально-культурных ценностей через возвышение статуса особых действий или состояний человека, адекватная окружающему миру модель социально одобряемого поведения то представляла собой образ «воинственного охотника» первобытного периода, то олицетворяла воплощение идеалов «законопослушного гражданина» древнегреческого полиса, то «добропорядочного прихожанина» средневекового западноевропейского общества соответственно. Изменения социокультурных притязаний неизбежно влекли за собой смену культивируемых моделей «идеальной» личности.

И на сегодняшний день идеологию формирования модели актуализированного «Я» диктуют общественно-исторические реалии. Востребованные на этапе модернизации и перехода к постиндустриальным формам общественных отношений ценности статусно перепозиционировали многие личностные качества. Яркий тому пример — прагматизм, ставший приоритетным качеством одобряемой обществом личности в результате объективной необходимости адаптации конкретной деятельности к быстро меняющимся потребностям и условиям внешней среды и превративший саму эту деятельность в бесконечное обретение материальных ценностей при использовании всех доступных ресурсов. Современным обществом по-новому формируется и отношение к телесности, образующей важную ценностную сферу в любой культуре и традиционно соотносимую с темой Эроса и Любви, механизм регламентированного упорядочивания которой нивелировался на протяжении всего XX века развитием массовой культуры и разрушением множества социальных запретов. И, наконец, впервые за всю историю своего существования позиционирование ценности труда стало скорее зависимо от мировой системы разделения производственных потенциалов, чем от духовных или моральных критериев, предопределяемых характером социальных отношений.

Новые ценности, особенно важные для общества плюрализма, выражающегося как в разнообразии частных позиций и ориентаций, так и в их

напряженной полемике и соперничестве, создают всё более гибкий уровень регуляции социума, подчиняя себе функционирование обычаев, норм и значений. Но неспособность утилитарных ориентаций восполнить весь комплекс утрачиваемых ценностей и, вместе с тем, поэтизация богатства и потребления, романтизация бизнеса сформировали анемичный по своей структуре социальный заказ на современную модель «идеальной» личности. Социальный заказ, где главным и, пожалуй, на наш взгляд, единственным в оценке адаптационных способностей стало понятие «успешность».

Но за рамками каждого социообразующего понятия прослеживается присутствие духовных ориентиров, устойчивых идеалов и представлений о должном и достойном. Как важные сферы человеческого существования и социальной регуляции, они нуждаются в поддержании и постоянном воспроизводстве через функционирование норм, ценностей и смыслов, входящих в цивилизационное достояние социума. Однако современное децентрализованное российское общество с радикально изменившейся системой социальных коммуникаций, ранее определявшихся как «социалистические», лишено идеологических центров, способных к авторитетному формированию социально-адекватных моделей поведения. Как результат — зарождение противоречий между сформировавшимся стремлением к эффективной адаптации и самореализации личности в условиях социума и отсутствием общепризнанных критериев формирования социального заказа как такового, в том числе и одного из частных его компонентов как «успешность».

На сегодняшний день нет однозначного подхода к феномену «социальной успешности» и в научно-исследовательской среде, несмотря на существование вполне объяснимого интереса социологии к проблематике социальной адаптации россиян. История действительно не так часто дает исследователям, в роли которых мы сейчас выступаем, возможность быть свидетелями резких преобразований общественных отношений, происходящих сегодня, когда огромные массы людей вынуждены так или иначе отвечать на вызовы социальной среды. Но «успешность» до сих пор остается одной из наименее изученных результирующих составляющих современной модели «идеальной» личности.

Таким образом, отсутствие регламентируемых критериев социальной успешности, как предопределяющей характеристики культивируемой в современном российском обществе модели «идеальной» личности, вызвало необходимость данного исследова-

дования. Целью работы является изучение идеализированных и одобряемых в обществе слагаемых социальной успешности и разработка актуальной, действующей модели успешной личности.

Анализ научной литературы в области социологии, психологии и философии за последние годы позволил выявить основные исследовательские тенденции в изучении факторов социальной успешности, зафиксировав высокую степень междисциплинарности рассматриваемого понятия.

Среди немногочисленных работ в этой области заслуживает отдельного внимания авторский материал И. М. Супоницкой [1], где, хотя автор открыто и не использует в своей работе такого понятия как «успешность», достаточно часто обращают на себя внимание апелляции исследователя к тематике общественного одобрения. Говоря об эволюции современных взглядов на труд в западном мире, автор отмечает переход от труда как христианской добродетели к труду творческому, приносящему удовольствие, тогда как Россия все еще не перешла первый рубеж: от труда как проклятья — к труду как важнейшей ценности. Но так или иначе данная работа, как это уже и было отмечено, рассматривает в качестве объекта непосредственно отношение к труду, что все же лишь частично перекликается с тематикой социальной успешности, будучи не более чем одним из индикаторов данного понятия.

Представляет интерес и работа Л. А. Беляевой [2]. Материал об уровне и стратегиях адаптации общества к новым моделям экономического поведения, выполненный на базе практического социологического исследования, достаточно наглядно ранжирует как интересы групп различного адапционного уровня, так и их ценностные ориентации.

В назывном порядке имеет смысл упомянуть публикации В. Л. Иноземцева [3; 4], рассматривающих предпосылки классовой стратификации социума в современных условиях.

Достаточно яркой разработкой в области изучения процессов социальной адаптации личности можно назвать исследование А. С. Готлиб [5]. Автор подчеркивает тот факт, что в российской социологии еще немногочисленны попытки объяснить практику повседневного поведения людей в резко меняющейся социально-экономической среде и практически не изучены факторы успешности-неуспешности социальной адаптации. Сегодня по-прежнему остаются актуальны поиски ответов на вопросы: Почему отдельные личности и социальные группы успешно вписываются в иную, принципиально отличную от советской, экономическую реальность, в то время как другие не делают никаких реальных попыток самостоятельно устроить свою профессиональную и личную судьбу, накапливая лишь протестный потенциал? Каковы те стартовые условия, те составляющие социального капитала, которые позволяют (или не позволяют) активно ос-

ваивать новые возможности, появившиеся в социально-экономической среде, перестраивая сложившуюся «стратификационную карту» российского социума? Но, как и подчеркивает сама А. С. Готлиб, представленная в работе концепция успешности адаптации россиян к меняющейся социально-экономической ситуации в стране представляет собой лишь попытку сделать зарисовку «быстротекущей жизни» социологическими красками, не претендуя на решение практической задачи разработки действующей модели социальной успешности.

Так ли иначе, теоретико-методологический анализ научных материалов в сфере социальной адаптации личности выявил недостаточную изученность современной модели социальной успешности и одобряемых обществом ее критериев, несмотря на существующее в научной среде выделение «социологии адаптации» в качестве новой отрасли социологического знания, предложенное Л. В. Корелем в 1997 году [6].

Социология как наука об актуальном состоянии и развитии общества, изучая новые социальные реалии, использует соответствующий понятийный аппарат. Но многомерность социального мира и разнообразие его видения социологами, принадлежащими к различным научным направлениям, течениям и школам, порождают гетерогенность понятийных классификаций. Существуют различные наборы базовых категорий социологии, где одним и тем же понятиям придаются различные значения. В связи с этим возникает потребность в перманентном обновлении тезауруса современной социологии с указанием перечня возможного употребления тех или иных научных понятий.

И это особенно актуально для данного исследования, в центре внимания которого лежит достаточно мало изученное современной наукой понятие «социальной успешности», являющейся неотъемлемым результатом и критерием оценки степени социальной адаптации личности. Таким образом, вполне оправданно представить интерпретацию базового для нашего исследования понятия «социальная успешность» в качестве ничего иного, как сочетания внешних и внутренних условий, по своей ценностной природе инициированных **социальной активностью личности** и направленных на обеспечение индивидуального успеха, являющегося лишь результатом подобной ситуации в условиях её целенаправленной организации.

В рамках теоретической разработки индикаторов изучаемого явления и на основе анализа в рамках исследования научной литературы, близкой к рассматриваемой теме, был определен ряд качественных элементов, в той или иной степени раскрывающих структуру и характеристики социально-одобряемой модели успешной личности. Приведенные в рамках операционализации исходных понятий индикаторы дополнительно были подвергнуты внутреннему структурному анализу на основе детального рассмот-

рения их смыслообразующих категорий с целью повышения точности исследовательских апелляций к ним на практических этапах исследования.

Таким образом, были выделены феноменообразующие категории социальной успешности, объединенные в подгруппы категорий психологического и социального характера.

Решение поставленных исследовательских задач на первом эмпирическом этапе сбора аналитической информации было осуществлено методом анкетного телефонного опроса. В качестве социального пространства для сбора эмпирической информации был выбран г. Челябинск как один из типичных индустриальных городов, входящий на сегодняшний день в десятку крупнейших и в пятерку наиболее динамично развивающихся городов России. В разработке инструментария опроса был использован прием комбинированной постановки вопросов в закрытой и открытой формах, что позволило определить степень влияния интервьюера на мнение участников опроса и оценить релевантность предложенных в анкете вариантов. Опираясь на результаты выявленного всего лишь 17%-го расхождения мнения респондентов с общим числом предложенных инструментом телефонного опроса характеристик в сторону увеличения их вариативности, можно говорить о сравнительно высокой точности в выборе позиций закрытых вопросов, включенных в интервью.

В исследовании принимали участие жители районов административного, спального и промышленного типов в процентном соотношении 25, 35 и 40 % соответственно, что эквивалентно соотношению официальной численности заявленных районов к общему населению г. Челябинска (общее количество опрошенных — 400 человек).

Социально демографический портрет респондентов был представлен возрастными (до 25 лет — 34 %, от 25 до 45 лет — 42 %, старше 45 лет — 24 %), половыми (мужчины — 44 %, женщины — 56 %) и социально-профессиональными квотами, в целом также отражающими в процентном соотношении общую социально-демографическую картину города.

Переходя к рассмотрению критериев, предопределяющих, по мнению респондентов, социальную успешность в современном российском обществе, следует отметить значимость на пути к достижению успеха высокого уровня образования (68 % упоминаний) и влияния существующих знакомств (46 % упоминаний). Нельзя не заметить противоречивость этих двух, весьма полярных по своей природе характеристик, так высоко отмеченных участниками телефонного опроса. Казалось бы, позиция образования как ничто другое определяет человека самостоятельным и независимым в своей конкурентоспособности, однако, как отмечают респонденты, достижение успеха невозможно без поддержки со стороны статусных покровителей, что говорит о сохраняющейся межклассовой автономности и закры-

тости при внешнем демократизме социальных отношений.

Детально рассматривая саму позицию образования, следует отметить рейтинговую стратификацию направлений образования по своей специфике (медицинское — 20 %, гуманитарное — 32 %, техническое — 48 %) и возрастной состав основных приверженцев деятельности в той или иной профессиональной сфере.

Преобладание людей старше 25 лет среди большинства отдающих свое предпочтение техническому образованию говорит о сохранившемся консерватизме российского общества, в котором долгое время культивировался интерес к специальностям именно технической направленности. Что, в свою очередь, говорит о недостаточно сформированных внутренних предпосылках к переходу на постиндустриальный этап социальных отношений.

Родственные связи, имея особенную значимость для представительниц прекрасной половины человечества и занимающие третью позицию в рейтинге важных предпосылок на пути к достижению успеха (25 % упоминаний), вновь подтвердили заявленную гипотезу о закрытости высших классов для вертикальной социальной мобильности, 56 % респондентов, отметивших эту позицию как значимую, именно женщины.

Эта заявка на упрочение мускулиной ориентации отечественного социума еще более наглядно подтверждается рассмотрением принадлежности к тому или иному полу, как условию быстрого и менее тернистого пути достижения социального успеха. В лидирующей позиции наибольшей успешности мужчин (83 % мнений) именно голоса самих мужчин составили основную массу (75 % респондентов). Это, в свою очередь, в очередной раз подтверждает сохранившуюся яркую выраженность гендерных стереотипов, закрепляющих ведущую роль именно за мужчиной.

Но нельзя обойти без внимания в свете частых разговоров о толерантности и сравнительно высокий процент требовательности к параметрам национальной принадлежности претендующих на социальную успешность в современном российском обществе, где в 14 % общих упоминаний этого критерия фигурировала только одна национальность — русский.

Нельзя не отметить в качестве положительной тенденции внимание к собственному здоровью как критерию успешности (мнение 10 % респондентов, 60 % из которых мужчины, традиционно весьма поверхностно относящиеся к собственному организму).

Владение иностранными языками, выделенное как одна из приоритетных характеристик преуспевающего россиянина (28 % упоминаний), стало отголоском высокой оценки значения образованности, где в свою очередь нашли отражение черты массовой проамериканизации культуры с высоким процентом отдаваемых предпочтений именно данной языковой форме (54 % мнений).

В своем расчете на внешние данные как к условию социального благополучия лидирующую позицию ожидаемо сохранили женщины (67 % мнений), хотя и достаточно высок процент мужчин, считающих этот критерий решающим (33 % мнений). Это, пожалуй, вполне коррелирует с их растущим вниманием к себе, отмеченным еще при рассмотрении отношения к здоровью.

В анализе психологических качеств, отмеченных среди значимых на пути завоевания успеха, имеет смысл выделить лидирующие позиции такие, как целеустремленность (33 % мнений), коммуникабельность (16 % мнений) и трудолюбие наряду с уверенностью в своих силах (по 15 % мнений). Последнее особенно значимо в качестве индикатора тенденций переосмысления отношения в обществе к труду, исторически оцениваемого как вынужденную данность, а не как некий способ самореализации и показатель индивидуальных достоинств.

В современном обществе профессиональная идентификация становится одной из самых значимых для личности, что и нашло свое отражение в рейтинговой оценке участниками опроса наиболее успешных социально-профессиональных групп, где лидирующие позиции были закреплены общественным мнением за сотрудниками финансовых структур (25,5 %), частными предпринимателями (21,8 %) и представителями СМИ и рекламы (13 %). Показатели социальной успешности данных профессиональных групп свидетельствуют о формировании внешних предпосылок к переходу на постиндустриальный тип отношений, несмотря на уже отмеченное отсутствие предпосылок внутри самого общества.

Весьма показательны параметры социального отношения к добившимся успеха людям в качестве зеркала общественных настроений. Но, несмотря на оптимистично высокий процент респондентов, относящихся к успешности с одобрением (45 % мнений), при более глубоком анализе личных оценок социальной успешности выявляется, что одобрительное отношение сформировано в 52 % случаев у респондентов в возрастной группе до 25 лет. В то же время свое безразличие отмечают 23 % респондентов на 54 % имеющих возраст от 25 до 45 лет, наиболее, казалось бы, независимых и свободных в реализации своего жизненного выбора. Можем ли мы в такой ситуации говорить о перспективах социального благополучия и успешности общества в целом, когда именно безразличие граничит с инертностью социальных настроений.

Но и в этой ситуации 40 % респондентов считают себя скорее успешными, чем нет, наглядно демонстрируя национальный оптимизм россиян, несмотря на собственную принадлежность к тем профессиональным группам, что сравнительно весьма условно вошли в число представителей наиболее успешных сфер деятельности. Таковы первые ре-

зультаты исследования феномена социальной успешности в современном российском обществе.

Дальнейшим шагом на пути решения поставленных исследовательских задач будет использование метода расширенной креативной фокус-группы, в основе организации работы которой лежит учет феноменов и закономерностей групповой динамики как прочного социально-психологического фундамента, обосновывающего функционирование внутриличностных, межличностных и социально-экологических переменных. Данная методика, использующая вместо прямых вопросов косвенные способы получения информации, представляет собой достаточно надежный и валидный метод проникновения в основу изучаемого явления, позволяя анализировать процессы не только на осознанном уровне, но и на интуитивном уровне спонтанных реакций.

Моделируя на основе классификации полученных эмпирических данных устоявшийся в сознании социума образ успешного человека, можно говорить о том, что в представлении обывателя — это, прежде всего, мужчина русской национальности с высшим техническим, реже гуманитарным, образованием, свободно владеющий английским языком, уделяющий внимание своему здоровью и внешнему виду. Он целеустремлен, общителен, трудолюбив и амбициозно уверен в своих силах, профессионально реализуясь в финансовых структурах, частном предпринимательстве и сфере рекламы и связей с общественностью.

Подводя итоги, хотелось бы отметить главное: в России начались процессы персонализации социальных отношений на уровне менталитета и иерархии общественных ценностей. То, о необходимости чего так долго говорили аналитики, в очередной раз в социальной реальности началось спонтанно и осталось незамеченным. Успешность, будучи всего лишь критерием индивидуальности, стала катализатором общественных отношений, в которых великорусское «Мы» впервые стало рассматриваться через призму прозападного «Я». Российское общество начинает «акмеологизироваться», то есть обретать черты зрелости, когда, говоря об индивидуальных предпочтениях и стремлениях, достигательные мотивы уже не оценивают как игру на грани социального фола. Впервые в России стремление и целенаправленная реализация личных интересов становятся общепризнанной добродетелью гражданина, пусть зачастую еще и оглядывающегося по своей исторической привычке на оценку извне и непродуктивные коллективистские установки.

Литература

1. Супоницкая И. М. Успех и удача: отношение к труду в американском и российском обществе // Вопросы философии. — 2003. — № 5. — С. 44—56.

2. Беляева Л. А. Стратегия выживания, адаптации, преуспеяния // Социологические исследования. — 2001. — № 6. — С. 43—53.

3. Иноземцев В. Л. Класс интеллектуалов в постиндустриальном обществе // Социологические исследования. — 2000. — № 6. — С. 67—77.

4. Иноземцев В. Л. Классовый аспект бедности в постиндустриальных обществах // Социоло-

гические исследования. — 2000. — № 8. — С. 18—27.

5. Готлиб А. С. Социально-экономическая адаптация россиян: факторы успешности-неуспешности // Социологические исследования. — 2001. — № 7. — С. 51—57.

6. Корель Л. В. Социология адаптации: этюды апологии. — Новосибирск, 1997. — 160 с.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПАБЛИК РИЛЕЙШНЗ

В любом виде человеческой деятельности можно выделить профессионалов и дилетантов, причем первые пользуются заслуженным авторитетом и уважением в обществе, а вторые вызывают справедливые нарекания общественности, тем самым создавая негативное мнение о своей профессии. Принципиальная разница между профессионализмом и любительским подходом, на наш взгляд, заключается в следующем: профессионал всегда гарантирует заказчику получение задуманного результата. Профессионал четко знает, из каких исходных материалов, какой последовательностью действий и какими инструментами производится конечный продукт. Сказанное выше можно сформулировать кратко: профессионал владеет технологией производства, технология — его ключевое преимущество перед дилетантом.

Само слово технология происходит от греческого *techne* — искусство, мастерство и *logos* — слово, учение [1, с. 343]. Получается, что технология в широком смысле — это учение о мастерстве, знание о том, как искусственно воспроизвести новые сущности, которые, возможно, могли бы возникнуть и самопроизвольно — но только не тогда и не там, где это нужно человеку.

Человечество в процессе своего технического развития и тем более в эпоху научно-технической революции открыло, изучило и успешно воплотило в жизнь тысячи и тысячи технологий от выплавки чугуна до производства оптоволоконных материалов. В техническом мире существует четкая систематизация технологий, создан единый классификатор, где технологии ранжированы по назначению, уровню новизны, динамике развития, конкурентоспособности и другим важным признакам. Каждая из технологий подробно описана, апробирована и более или менее успешно применяется в сфере материального производства. А люди, постигшие эти технологии и сделавшие их основой своей профессии, производят в итоге зримый материальный продукт и, в зависимости от его качества, считаются в обществе профессионалами, мастерами своего дела.

Что касается сравнительно нового для нашей страны вида деятельности «публич рилейшнз» (связи с общественностью), то здесь со стороны общества наблюдается двойственное отношение. С одной стороны — достаточно высокая популярность в деловой среде, подтверждаемая неуклонным ростом рынка PR-услуг и серьезным конкурсом при поступлении абитуриентов на соответствующие кафедры высших учебных заведений (так, конкурс при поступлении на кафедру массовой коммуникации ЮУрГУ в 2005 году был в среднем 10 человек на

место). С другой стороны, по нашему мнению, работа PR-специалистов сегодня не встречает должного уважения в обществе, особенно в технической среде, в промышленном сообществе, усвоившем вышеупомянутую систему технологий и склонном определять полезность любого дела только по его конечному результату. Об этом неприятном для пиарменов обстоятельстве пишут специализированные PR-издания, на это сетуют и практикующие, и начинающие пиарщики. Не будем подробно останавливаться на анализе истоков этого неприятия, согласившись с мнением депутата Государственной Думы Александра Викторовича Чуева, приведенным на страницах специализированного журнала «PR-диалог», о том, что «PR у многих до сих пор ассоциируется с неэтичными технологиями». А вот на упоминание «технологий» в вышеприведенном контексте обратим особое внимание. Не секрет, что это понятие — технология — используется PR-специалистами всех уровней не совсем по назначению (особенно с точки зрения технического сообщества). Оперировать данным понятием в сфере связей с общественностью достаточно вольно, порой применительно к элементарным процедурам и обыденным действиям. Это не может не вызывать пренебрежительной реакции у технического сообщества, где понятие технологии является ключевым для реализации сложнейших производственных процессов. Откровенно говоря, есть у «технарей» веские основания для сомнений в PR-профессионализме. Ведь теоретики PR пока не могут четко структурировать и описать весь набор PR-технологий, используемых в этом виде деятельности. Следовательно, для сближения позиций пиарменов и промышленников надо хотя бы положить начало этой работе и приступить к осмыслению основного содержания PR-деятельности с точки зрения технологического производственного подхода.

Тезис о том, что «пиарология (наука о публич рилейшнз — прим. автора) подобно большинству технических наук может рассматриваться как своеобразная технологическая дисциплина» подробно разработан одним из основателей Санкт-Петербургской школы PR профессором М. А. Шишкиной [2, с. 31]. «Как для специалиста в области технических наук — пишет далее М. А. Шишкина, — предметом исследования может быть обоснование эффективной технологии производства какой-либо продукции, конструирование узла определенного механизма или разработка программного обеспечения компьютера, так и для пиаролога таким предметом выступает технология формирования и продвижения имиджа, конструирование события как

основания для PR-акции или разработка программы последней» [2, с. 31].

Что касается связей с общественностью как особого вида деятельности, то М. А. Шишкина определяет этот феномен следующим образом: «Паблик рилейшнз — это управленческая коммуникативная рыночная деятельность (совокупность социальных практик), направленная на формирование эффективной системы публичных дискурсов социального субъекта, обеспечивающей оптимизацию его взаимодействий со значимыми субъектами социальной среды (с его общественностью) [2, с. 103].

Продолжая теоретические разработки Марины Анатольевны Шишкиной, рискнем предложить собственную модель классификации PR-технологий по трем основным направлениям их применения: управленческие, публицитные и коммуникативные PR-технологии. Систематизация PR-технологий по направлениям использования позволяет вычлнить такие общие для них признаки, как сущность, тип, цель, объект, предмет, последовательность действий. Предлагаемые признаки технологических направлений приведены в таблице.

Оговорим сразу, что в чистом виде выделить такие технологии вряд ли удастся, при делении речь идет о **преобладании характерных признаков** одного из трех направлений в данной конкретной технологии.

Так, например, к управленческим отнесем технологии стратегического планирования, проектирование и организацию PR-кампаний, предупреждение и преодоление кризисов, уменьшение ущерба от кризиса, управление информацией, организацию работы PR-отдела, организацию внутрикорпоративного PR.

К публицитным отнесем технологию формирования и продвижения позитивного имиджа, создание и продвижение брэнда, создание эффективного публичного дискурса (конструирование событий, как основы для PR-акции).

К коммуникативным принадлежат технология взаимодействия со СМИ, технология лоббирования, технология взаимодействия с местным населением, с инвесторами, с акционерами, с потребителями и т. д.

Для формализации описания столь не схожих меж собой технологий предлагаем некий алгоритм, который удалось сконструировать совмещением гуманитарного и естественно-научного подходов.

Итак, подход, предложенный представителем вышеупомянутой Санкт-Петербургской научной школы Д. П. Гаврой, выделяет следующие наиболее общие признаки социально-коммуникативной (СК) технологизации: «целенаправленность; структуризация, разграничение, разделение объекта на элементы, операции, этапы, стадии, фазы; координация и поэтапность действий; однозначность выполнения процедур и операций» [3, с. 38].

Сравним это видение с характеристикой составных частей технологии, приведенной в учебном

курсе «Организация производства». Вот как пишет о составе технологии профессор Р. А. Фатхутдинов: «Технология определяет порядок выполнения операций, выбор предметов труда, средств воздействия на них, оснащение производства оборудованием, приспособлениями, инструментами и средствами контроля, способы сочетания личностных и вещественных элементов производства во времени и пространстве и содержание труда» [4, с. 183].

Совместив два столь сходных подхода, сформируем следующий состав PR-технологии: целеполагание; выбор средств воздействия; порядок выполнения операций; выбор методик и инструментов; оценка результата (средства контроля).

Таким образом, мы получили возможность формализовать описание каждой из применяемых PR-специалистами технологий в виде близкой сердцу каждого «левополушарника»-технаря таблицы, своеобразной технологической карты, создающей единообразие в подходе к изучению разноплановых видов деятельности.

Предлагаемая нами табличная форма, названная условно «Паспортом PR-технологии», помимо фиксации указанных выше признаков, могла бы определять место данной технологии в общепринятой классификации, обозначать ее принадлежность к определенному виду и типу в терминах технического подхода. Опыт разработки и заполнения таких унифицированных паспортов PR-технологий был принят на кафедре массовой коммуникации ЮУрГУ в рамках учебного курса «Технология PR». К каждому паспорту, разработанному студентом, прилагается схема взаимосвязи и сочетания со смежными PR-технологиями (рассматривается соотношение основных, вспомогательных и обслуживающих технологий, дается деление основной технологии на подготовительный, преобразующий и заключительный этапы). Завершают паспорт примеры повторяющегося применения данной технологии в изменяющейся социальной среде (причем, учитываются изменения как в пространстве, так и во времени).

Полагаем, что попытка классификации PR-технологий позволит не только привести в систему наши знания о технологической стороне этой деятельности, но и заложит основу создания структуры учета, поиска, идентификации PR-технологий для специалистов по связям с общественностью.

Можно, конечно, возразить, что предлагаемая паспортизация — лишь форма, которая, в отличие от содержания, не может оказать решающего действия на адаптацию PR в российской действительности. Нет спора, содержательная, этичная и результативная PR-практика сама по себе есть лучший аргумент в пользу этого вида деятельности. Однако же и форма в данном случае — особый способ найти общий язык с промышленным сообществом, стать более близкими и понятными в мире техников и прагматиков. Тем самым, думается, мы помо-

Систематизация PR-технологий по направлениям использования

Название	Сущность	Тип	Составные части	Цель	Объект	Предмет
Управленческие	Сознательное, целенаправленное воздействие на целевые группы общественности с целью направить их действия и получить желаемые результаты	Управленческие	Оценка; прогнозирование; планирование; реализация; контроль; корректировка	Направлять действия людей	Поведение социальных субъектов (целевых групп)	Процесс управления социальным пространством и временем
Публицитные	Создание и увеличение публичного капитала, в том числе — позитивного имиджа; — устойчивой репутации; — эффективного и выгодного публичного дискурса; — позитивной известности (паблисити)	Производственные	Проектирование; изготовление; обработка; сборка; контроль	Увеличивать публичный капитал субъекта	Сознание социальных субъектов (целевых групп)	Публицитный капитал
Коммуникативные	Создание целенаправленного воздействия на целевые группы с целью организации эффективной двусторонней системы коммуникаций	Производственные (инструментальные, вспомогательные по отношению к вышеприведенным)	Проектирование; изготовление; обработка; сборка; контроль	Создать и поддерживать систему коммуникаций субъекта	Соответствующая целевая группа общественности	Эффективная двусторонняя коммуникация

жем обеспечить PR-деятельности достойное место в динамично развивающемся промышленном секторе экономики нашей страны.

Литература

1. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубова Е. Б. Современный экономический словарь. — М.: Инфра-М, 1998. — 479 с.

2. Шишкина М. А. Публичных отношений в системе социального управления. — СПб.: Паллада-медиа, 2002. — 442 с.

3. Гавра Д. П. Социально-коммуникативные технологии: сущность, структура, функции // Петербургская школа PR: от теории к практике: Сб. статей. — СПб.: Изд-во «Роза мира», 2003. — Вып. 1. — С. 28—47.

4. Фатхутдинов Р. А. Организация производства. — М.: Инфра-М, 2001. — 304 с.

СПЕЦИФИКА РОССИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

При анализе проблем, связанных с функционированием современного российского парламента, возникает вопрос: почему процесс становления в России институтов представительной власти происходит с большим трудом? Что есть российский парламентаризм и в чем его специфика? Эта задача рассматривалась политологами и социологами. Актуальна она и для журналистики.

В последнее время были высказаны предположения, что система построения представительной власти в России обладает рядом специфических признаков, исходящих из ментальности людей, что «видоизменяясь, передаваясь из поколения в поколение, культурно-психологические особенности россиян определяют их политические институты и поведение» [1, с. 90]. Среди этих особенностей можно отметить реакционный радикализм, стремление разделить общество на «своих» и «чужих». Так, в свое время И. Павлов писал: «Разве наши представители в Государственной Думе не враги друг другу? Они не политические противники, а именно враги. Стоит кому-либо заговорить не так, как думаете вы, и сразу же предполагаются какие-то грязные мотивы, подкуп и т. д.» [2].

Некоторые политологи называют политическую систему современной России амбивалентной, полагая, что «с одной стороны, она вроде бы демократична, так как ей присущи ключевые признаки демократического строя: всеобщие выборы, разделение властей, двухпалатный парламент, многопартийность, свобода прессы, гласность... с другой, — эти атрибуты демократии во многом декоративны, придавлены и обессточены, поскольку Конституция РФ, принятая в 1993 году, закрепила общественный порядок, тяготеющий к самовластию» [3, с. 126]. Это высказывание побуждает к выявлению причин уязвимости российского парламентаризма.

Учеными сформулирован тезис о «раболопии русской души» [4, с. 27]. Думается, что это лишь привычная метафора, а разговор вести следует о традиционной политической культуре как системе «установок, убеждений, представлений, моделей поведения, которые проявляются в осознанной деятельности субъектов политического процесса и регулируют политические отношения» [5, с. 20]. Политическая культура является качественной характеристикой политической системы, важнейшим средством социализации человека и транслятором социальной памяти народа, проецирующим на современную практику, исторически-сложившиеся принципы политического устройства и управления. Данное понятие включает в себя следующие компоненты: политическую идеологию, политические нормы, политические отношения, политическое

сознание, политические традиции и политические действия [6, с. 79]. Характерной чертой политической культуры является ее принадлежность к идеологическим отношениям [7, с. 32—33]. Именно политическая культура, охарактеризованная как знание и умение разбираться в политических отношениях общества, может способствовать воспитанию гражданственности, т. е. активной сознательной включенности членов общества в политический процесс. Значит, от политической культуры зависит судьба политического процесса в России.

Понятие «политическая культура» применительно к России в историко-социологических исследованиях сопоставляется с авторитарным типом, с его признанием в качестве идеала государства сильной и неконтролируемой власти, исключая демократические права и свободы граждан [8, с. 3]. Нашему обществу свойственны: неразвитость демократической политической культуры и гражданского общества, доминирование пассивной политической позиции, особенно в провинции, ориентация на патерналистское государство, отсутствие твердого убеждения в том, что политические партии играют существенную роль в политической системе. Для России формирование политической культуры участия является особенно актуальным, так как у большинства граждан нет необходимых навыков сплочения для защиты собственных интересов, отсутствует вера в возможность влияния на власть. Когда начинаются перемены, в том числе становление таких политических институтов, как парламентаризм и свободная пресса, россияне оказываются в «анархической ловушке», не позволяющей реализовать гражданские права. Еще в середине 90-х годов XIX века будущий лидер кадетов П. Н. Милюков писал: «Русское государство всемогущее, вездесущее и всеведущее, всюду имеет глаза, везде имеет руки; оно берет на себя наблюдение за каждым шагом жизни подданного, оно опекает его, как несовершеннолетнего, от всяких посягательств на его мысль, на его совесть, даже на его карман и его излишнюю доверчивость» [9, с. 81].

Путь к парламентаризму Россия выстрадала. Политическая история нашей страны доказывает то, что на протяжении веков развивались богатые демократические традиции русского народа, который, по мнению исследователей, «сделал свой выбор между национальным могуществом и свободой», поэтому «несет ответственность за свою судьбу» [10, с. 284]. Выбор отразился на национальном психологическом характере, которому свойственны следующие черты: исключительная жизнестойкость, патриархально-консервативные и православно-монархические взгляды.

ды. Как в начале, так и в конце XX века демократия у значительной части россиян чаще отождествляется с хаосом, анархией, беспорядками. Неслучайно доводы В. И. Ленина и его соратников о том, что парламент — это ширма, маскировавшая политическое господство буржуазии, оказались достаточно убедительными для советского общества. Они вписались в традиционное русское политическое сознание и монистическое мировосприятие. Критическое отношение к демократическим институтам — это не изобретение большевиков. Дореволюционная официальная и официозная пресса России есть яркое подтверждение тому, что исполнительной властью была предпринята попытка утвердить в общественном сознании идею антипарламентаризма, дискредитировать значение парламентских дебатов, вообще роль идеологических дискуссий в политике, нейтрализовать конституционные положения, касающиеся важности законодательного корпуса.

Политологи и историки неоднократно отмечали родство русской дореволюционной и советской политических культур [7]. Царскому правительству, так же как и впоследствии большевикам, орган власти, призванный осуществлять законодательную власть, был не нужен. Им был необходим собор, который бы эту власть символизировал [4, с. 60]. Подобное отношение к институту парламентаризма прочно утвердилось в общественном сознании, в котором по-прежнему господствует образ синкретичного государства. Мономания приводит к тому, что в обществе формируется мнение о том, что Президент, его администрация принимают правильные решения, а депутаты Государственной Думы на это не способны. Большинство населения не понимает разграничение полномочий между разными ветвями власти. А новейшие реформаторы нередко превращают свободные выборы в управляемые, с заранее заданным результатом. Политологи даже называют подобные действия либеральных реформаторов профессиональной близорукостью [1, с. 97—98].

Некоторые современные исследователи считают власть доминирующим субъектом русской истории и политики, полагая, что «в этом своем качестве власть не нуждается ни в ком и ни в чем... правда, в некоторые исторические периоды Русская Власть мимикрирует, временно — и сугубо внешне — становясь похожей на обычную европейскую власть. Как правило, это происходит тогда, когда ресурс власти по той или иной причине оскудевает и она оказывается вынуждена допустить на историческую сцену гораздо более слабых и даже еще не вполне состоявшихся игроков» [11, с. 85]. Так было в начале XX века, когда власть, напуганная революцией, вынуждена была провести политические реформы. Царский Манифест от 17 октября 1905 года в обществе был воспринят как конституционный акт. Это было не только началом российского парламентаризма, но и судьбоносным законодательным актом для

русской прессы, получившей долгожданную свободу. Николаем II была создана двухпалатная система высших законодательных органов. Нижней палатой первого российского парламента стала Государственная Дума, верхней — Государственный Совет. В результате такие политические институты, как парламентаризм и свободная пресса оказались важным инструментом в руках верховной власти, с помощью которых можно было укрепить пошатнувшуюся политическую систему. Аналогичная ситуация сложилась в конце XX века. В начале 90-х годов российская журналистика максимально проявила свои возможности «четвертой власти». Для российской журналистики это был очень долгожданный момент. В условиях политической нестабильности и краха традиционных социальных институтов пресса тогда являлась надежной опорой для развития парламентского процесса. Конституция Российской Федерации 1993 года закрепила права свободной прессы.

Прослеживается следующая закономерность: в период реформ, социальной нестабильности власть поворачивается лицом к таким политическим институтам, как парламентаризм и пресса. Но как только власть укрепляет свои позиции, она начинает исполнять роль верховного арбитра над этими политическими институтами, четко осознавая, что «управление информационной средой есть ключ к управлению обществом» [12, с. 155]. Смесь же авторитаризма и формальных демократических процедур оправдывается в таких случаях обострившейся потребностью в безопасности граждан и необходимости построения гражданского общества. Не случайно среди журналистов бытует мнение, что «общественная неприязнь к депутатскому сословию перманентно заказывается, круто проплачивается, профессионально взращивается, щедро поливается... перенацеливая наш гнев на депутатов, правозащитников, интеллигентов, евреев...» [13, с. 21]. Делает это якобы власть исполнительная. И этот взгляд утверждается в обществе, как видно из приведенного примера, через прессу, что позволяет высказать мысль о том, что специфика российского парламентаризма не только в его содержании, но и в том, как эти идеи воспринимаются в обществе, как они закреплены на страницах прессы. Это еще раз доказывает то, что средства массовой информации не только отражают реальность, но и формируют в общественном сознании политическую картину мира.

Таким образом, специфика российского парламентаризма определяется: во-первых, политической культурой общества, две основные черты которой наиболее четко проявляются в современном политическом процессе: патерналистский характер отношений власти и общества, приоритет общественного интереса над правами личности; во-вторых, пассивным отношением россиян к институту парламентаризма. Здесь и актуализируется общественная миссия журналистики, которая нередко

ограничивается поверхностной информацией о деятельности органа народного представительства, а иногда и искажает реальную картину функционирования Государственной Думы.

Литература

1. Крамник В. В. Власть и мы: ментальность российской власти — традиции и новации // Общество и политика: Современные исследования, поиск концепций / Под ред. В. Ю. Большакова. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. — С. 88—98.
2. Павлов И. О русском уме // Литературная газета. — 1991. — 31 июля.
3. Красин Ю. А. Политическое самоопределение России: проблемы выбора // Полис: Политологические исследования. — 2003. — № 1. — С. 124—133.
4. Бирюков Н.И., Сергеев В.М. Становление институтов представительной власти в современной России. — М.: Агентство «Издательский сервис», 2004. — 544 с.
5. Лунцова Н.Р. Функционирование СМИ в политическом процессе (на материале федеральных печатных СМИ). Автореф. ... канд. политич. наук. — Екатеринбург, 2003. — 25 с.
6. Воробьев А. М. Средства массовой информации как фактор формирования гражданского общества: процесс, тенденции, противоречия. — Екатеринбург: УрЮИ МВД России, 1998. — 184 с.
7. Стровский Д. Л. Отечественные политические традиции в журналистике советского периода. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. — 246 с.
8. Лейберов И. П., Марголис Ю. Д., Юрковский Н. К. Традиции демократии и либерализма в России // Вопросы истории. — 1996. — № 2. — С. 11—20.
9. Милюков П. Н. Лекции по введению в курс русской истории, читанные на историко-филологическом факультете Московского университета в 1894—1895 гг. — М., 1895. — 122 с.
10. Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры. — СПб.: София, 1992. — Т. 2. — 350 с.
11. Глебова И. И. Партия власти // Полис: Политологические исследования. — 2004. — № 2. — С. 85—92.
12. Доброхотов Р. А. Политика в информационном обществе // Полис: Политологические исследования. — 2004. — № 3. — С. 154—161.
13. Колесова Е. Как слово «депутат» стало бранным // Среда. — 2003. — № 12. — С. 16—21.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ

Высшее профессиональное образование переживает на современном этапе период реформ, который призван удовлетворить потребности государства и общества в высокопрофессиональных специалистах. Применительно к студентам вузов культуры и искусства одной из основных целей реформирования должно стать обеспечение сохранения и развития традиций народно-художественного творчества, без которых невозможно сформировать грамотных, высококвалифицированных специалистов. В этой связи особенно актуальным является повышение качества подготовки будущего специалиста в области народно-художественного творчества. Проблема качества подготовки специалистов в области народно-художественного творчества является одной из ведущих в работе и педагогов, занятых непосредственно подготовкой данных специалистов, и научных работников. Потребность в изучении данной темы обусловлена не только повышением требований по обеспечению готовности будущих специалистов к профессиональной деятельности, но и недостаточной теоретической разработанностью проблемы, затруднениями, с которыми сталкиваются выпускники в самостоятельной творческой деятельности.

По мнению многих отечественных исследователей, одним из основных механизмов обеспечения качества подготовки специалистов высокого уровня в области народно-художественного творчества является формирование профессиональной культуры студентов.

Профессиональная культура является составной частью культуры общества. Выступая результатом физической и духовной деятельности человека, культура представляет собой общечеловеческую ценность, являясь базой развития личности и общества. Не случайно именно культуру рассматривают как способ ценностного освоения человеком действительности. Приобщение личности к культуре осуществляется через ее ориентацию в культурных ценностях, через их присвоение.

Несмотря на большой интерес к проблемам культуры, до настоящего времени в науке еще не сложилось общепризнанного ее определения. Можно выделить три основных подхода к дефиниции «культура»:

— культура как форма свободной самореализации личности, ее творческого потенциала в области науки, искусства, образования, профессиональной деятельности;

— культура как ценностное отношение к действительности, к профессиональной деятельности, связанная с идеалами и, прежде всего, с профессиональной компетентностью;

— культура как искусство, созданное руками и умом человека как искусственный мир, отличный от естественной природы (2, с. 526).

Каждое из этих определений отражает один из моментов существования культуры как целостного социального феномена, и, естественно, имеет право на существование. Более того, каждое из них дополняет другое и выражает различные аспекты ценностного и творческого отношения человека к миру.

Культура при всем многообразии ее внешнего проявления есть некоторое внутреннее единство смысла, который в конечном счете определяет характер целенаправленной деятельности индивидов. Культура пронизывает все сферы человеческой деятельности и если воспользоваться выражением русского философа С. Л. Франка, культура есть «таинственное единство, в котором прошлое и будущее живут в настоящем и которое составляет загадочное существо живого организма» (1, с. 63).

Уровень развития культуры общества определяет содержание общего и профессионального образования, являясь в то же время основой профессиональной культуры. Профессиональная культура понимается нами как специфический способ профессиональной деятельности, позволяющий личности реализовать свой творческий потенциал, выступая при этом как ценность, имеющая свое ядро, проявляющееся в форме соответствующих профессиональных норм, эталонов, стандартов и системы профессиональных качеств. В педагогике высшей школы ценности связывают со становлением профессиональной компетенции будущего специалиста, с его обучением и духовным развитием.

По отношению к студентам главная функция профессиональной культуры выражается в сохранении и трансляции (передаче) им профессиональных ценностей, что является базой развития и совершенствования профессиональной деятельности. Ориентация студентов на профессионально-познавательные ценности осуществляется в педагогическом процессе на основе изучения системы предметов и видов практической деятельности, имеющих профессиональную направленность. Важную роль в процессе формирования профессиональной культуры студентов играют и сложившиеся традиции,

и их соответствие установленным нормам профессиональной деятельности.

Применение структурно-функционального подхода к анализу профессиональной культуры студента позволяет обнаружить диалектическое единство ее системообразующих характеристик. Среди ряда составляющих профессиональную культуру студентов творческих специальностей особое место занимает содержательный компонент, который несет в себе информацию о ценностях культурной деятельности.

Содержательный аспект профессиональной культуры всегда связан с информацией и поэтому он несет в себе информацию о ценностях культурной деятельности. Ценностная информация аккумулируется в ядре профессиональной культуры и через систему профессионального обучения транслируется и трансформируется в учебном процессе.

Используя представления А. И. Ракитова о защитном поясе ядра культуры, который формируется в процессе исторического развития общества и выполняет функцию фильтра, можно сделать вывод, что профессиональная культура студента также обладает таким фильтром, не пропускающим информацию, угрожающую ядру профессиональной культуры, нейтрализуя ее в защитном поясе. К данного вида информации мы бы отнесли авторитарность в искусстве и культуре, слепое подражание западным образцам, абсолютизацию роли коммерческих начал в искусстве и др. Вместе с тем, этот пояс выполняет функцию адаптации человека к окружающей среде. Модернизация ядра профессиональной культуры выступает единственным способом преемственного развития профессиональной культуры, сохранения традиций как интегративных ценностей.

Процесс формирования профессиональной культуры студентов — будущих специалистов сферы культуры и искусства имеет свои особенности и основывается на

— выявлении личностных качеств студентов — будущих специалистов в области народно-художественного творчества для выбора наиболее эффективных методов и средств воздействия на мотивационную сферу личности;

— применении современных педагогических приемов, направленных на формирование профессиональной мотивации, представляющей основу профессиональной деятельности;

— разработке методических рекомендаций, позволяющих студенту самостоятельно совершенствовать свою профессиональную культуру (3, с. 58).

В Челябинской государственной академии культуры и искусств разработана педагогическая система, позволяющая реализовать задачи по формированию профессиональной культуры студентов в сфере народно-художественного творчества в соответствии с обозначенными выше особенностями. В

данной системе основное внимание уделяется педагогическим условиям.

В философии под условием понимается то, от чего зависит нечто другое (обусловленное), что делает возможным наличие вещи, состояния, процесса, в отличие от причины, которая с необходимостью, неизбежностью порождает что-либо (действие, результат действия), и от основания, которое является логическим условием следствия. Условие составляет ту среду, обстановку, в которой возникают, существуют и развиваются те или иные причины (факторы) (2, с. 381). В педагогике под условиями обычно понимают составные части или характеристики среды, в которой развивается учащийся (4, с. 84).

Успешность осуществления деятельности по формированию профессиональной культуры студентов специальности «народного художественного творчества» связана с реализацией таких педагогических условий, как включение студента в творческую совместную деятельность с педагогом; включение студентов в оптимальную среду для самостоятельной профессиональной деятельности; формирование у студентов профессиональных навыков и умений.

Остановимся на этих моментах более подробно. Учебный процесс подготовки будущих специалистов культуры и искусства, как ни в одной другой сфере, предполагает совместную творческую деятельность преподавателя и студентов. Именно процесс творческого диалога, постоянного взаимодействия педагога и студента накладывает отпечаток на особенности формирования профессиональной культуры студентов. С целью получения информации о возможных проблемах, которые могут возникнуть в результате формирования профессиональной культуры студента, необходимо введение в учебный процесс педагогической диагностики, которая позволяет педагогу вовремя и адекватно реагировать на эти проблемы.

Сложность диагностики процесса формирования профессиональной культуры будущих специалистов культуры и искусства связана со значительными требованиями, которые к ним предъявляются. Студенты должны профессионально владеть одним из народных музыкальных инструментов как в качестве солиста, так и в составе коллектива (ансамбля, оркестра), изучать специфику профессиональных видов деятельности, разрабатывать и реализовывать в конкретных мероприятиях принципы работы с людьми, изучать традиции народно-инструментального исполнительства, уметь выбрать репертуар и др. Многогранность деятельности специалистов народно-художественного творчества обуславливает динамичность и сложность их профессиональной подготовки, что значительно затрудняет диагностику изменения уровня профессиональной культуры студентов в процессе профессиональной подготовки.

Оптимальная среда может и должна рассматриваться как необходимое условие становления и развития профессиональной культуры студента. Для создания оптимальной среды, позволяющей студенту проявлять самостоятельную профессиональную деятельность, большую роль играет совокупность применяемых методов, форм и средств. Эффективность профессионального обучения, выбор методов, форм и средств образовательного процесса постоянно находятся в центре внимания теоретической и практической педагогики высшей школы. Но, к сожалению, в них не всегда учитывается специфика будущей профессиональной деятельности студентов вузов культуры и искусств. И это в первую очередь касается творческих специальностей. Специфика подготовки студентов требует постоянного обновления выработанных методов и форм и индивидуального подхода к личности студента, что значительно усложняет педагогический процесс.

Исторически сложилось так, что духовная форма культуры и ее развитие характеризуют культуру личности и социально-профессиональных групп. При характеристике профессиональной культуры следует учитывать единство духовной и материальной культуры профессии, поскольку в профессиональной деятельности одновременно используются духовные и материальные средства. Но при этом ведущее место отводится духовным средствам, раскрывающим творческие способности профессионала. К ним относятся убеждения, установки, мотивы, этические принципы (нормы), традиции, стимулирующие достижение специалистом высокого уровня профессиональной культуры. В свою очередь, от степени осознания личностью данных средств зависит развитие ее способностей и объем усваиваемых знаний. Этот процесс носит творческий характер, поскольку будущий специалист не механически усваивает эти ценности, а модернизирует их, приспособляя к современным профессиональным потребностям и требованиям.

Следующим условием формирования профессиональной культуры студентов является овладение профессиональными навыками и умениями. Под умением понимается способность студента к самостоятельной деятельности в новых условиях, приобретенная на основе ранее полученных знаний и навыков. Навык обычно рассматривается как «составной элемент умения, как автоматизированное действие, доведенное до высшей степени совершенства» (5, с. 151). Процесс формирования профессиональных умений имеет основополагающее значение в процессе воспитания творческой личности, он должен организовываться как система последовательного превращения учебной деятельности в профессиональную деятельность, присущую будущему специалисту.

Овладение профессиональными навыками и умениями является решающим фактором будущей профессиональной деятельности студентов. Поэтому формирование умений и навыков должны осуществляться с учетом особенностей, присущих определенной профессиональной деятельности студента.

Формирование профессиональных навыков и умений в вузе — это система, которая включает в себя совокупность общеучебных, специальных, общих специальных умений, необходимых для практической деятельности будущих специалистов культуры и искусства (6, с. 91). Следует учитывать, что профессиональное умение для обучающегося является формой способа индивидуальной деятельности, поэтому важно создать необходимые предпосылки для реализации творческого потенциала личности студента.

Проблема формирования умения в профессиональной деятельности относится к числу сложных. Это определяется не только профессиональным мастерством педагога, его педагогическим талантом, выбором адекватных методов и форм обучения, но и заинтересованностью самого студента в повышении профессиональных навыков и умений, степени его творческого потенциала, способности к художественному мышлению, творческому воображению, фантазии, в стремлении к самореализации.

Итак, педагогические условия, формирующие профессиональную культуру студентов будущих специалистов в сфере культуры и искусств, должны исходить из особенностей формирования личности, специфики будущей творческой деятельности, индивидуализации процесса обучения и воспитания, и направлены на формирование знаний, умений, навыков и профессиональных качеств студента.

Литература

1. Франк С. Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. — 431 с.
2. Философский энциклопедический словарь. — М.: Сов. Энциклопедия, 1998. — 815 с.
3. Сафронова М. А. Формирование профессиональной направленности студентов в процессе изучения специальных дисциплин. — Челябинск: Полиграф, 2005. — 158 с.
4. Педагогика / Под ред П. И. Пидкасистого, В. И. Журавлева. — М.: Российское педагогическое агентство, 1995. — 638 с.
5. Харламов И. Ф. Педагогика: Учебное пособие. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Гардарики, 1999. — 519 с.
6. Бабанский Ю. К. Оптимизация учебно-воспитательного процесса: Методические основы. — М.: Просвещение, 1982. — 192 с.

ПРОБЛЕМНОСТЬ КАК ОСНОВНОЙ ПРИНЦИП ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ-ЖУРНАЛИСТОВ)

Изменения, которые произошли в нашем обществе, остро поставили вопрос о подготовке журналиста нового типа.

В работах многих ученых (С. И. Архангельский, С. Е. Матушкин, И. Д. Никандров, А. Д. Сазонов, Н. А. Томин, В. А. Черкасов, П. И. Чернецов, Н. И. Яковлева и др.) подчеркивается, что проблеме профессиональных умений до сих пор уделяется недостаточное внимание. Формирование профессиональных умений связано с формированием умений самостоятельной учебно-профессиональной деятельности.

Обеспечение функционирования журналистики как специфического социального института предлагает профессиональное осуществление комплекса различных видов деятельности. Можно выделить несколько устойчивых, относительно самостоятельных видов деятельности, входящих в состав журналистики. Прежде всего, речь идет, естественно, о литературно-публицистической деятельности, обеспечивающей создание тех текстов, которые и несут читателю, зрителю, слушателю необходимую ему информацию. Затем выделяется деятельность, которую можно назвать информационным маркетингом. Специалист, занимающийся этим видом деятельности, изучает сам (или с помощью ученых) потребности и запросы аудитории и формирует из имеющихся в его распоряжении (или специально заказываемых) текстов такой информационный поток, который соответствовал бы потребностям и интересам аудитории, с одной стороны, требованиям и установкам органов, руководящих (прямо и косвенно) деятельностью данного издания, с другой.

Третий вид деятельности, входящий в состав журналистики, связан с определением основных требований к функционированию средств массовой информации в целом или какого-либо конкретного органа, созданием благоприятных условий для решения редакционными коллективами и отдельными сотрудниками тех задач, которые перед ними поставлены. Одним словом, речь идет о деятельности редакторов и других руководящих работников.

Разумеется, все эти виды деятельности тесно связаны. И обычно редактор может смаркетировать номер и сам написать материал в любом жанре. Вместе с тем это особые виды деятельности, подчиняющиеся собственным внутренним закономерностям, нарушение которых является наиболее частой причиной неэффективности работы журналиста.

В свою очередь, внутри каждого из названных выше видов профессиональной деятельности также

можно выделить устойчивые группы действий. Речь идет, прежде всего, о познавательной деятельности. Чем бы ни занимался журналист, если он не владеет методами и способами получения и осмысления социальной информации, результаты его деятельности будут малополезными. Затем выделяется так называемая проективная деятельность, овладение закономерностями которой позволяет журналисту разрабатывать (как для самого себя, так и для других) эффективные образцы разумного действия. Наконец, можно выделить так называемую коммуникативную деятельность, обеспечивающую перевод образов, идей, проектов и других мыслительных конструкций, возникающих в сознании автора, на язык, доступный и понятный широкому массам.

Можно предложить еще одну классификацию действий, которые приходится выполнять любому журналисту. Это действия, связанные с постановкой, формулированием целей; действия, обеспечивающие контроль за соответствием используемых средств поставленной цели, а также за мерой совпадения получаемых результатов и поставленных целей.

Разумеется, чаще всего журналист сам себе ставит цель, сам подбирает средства для ее достижения, сам выполняет все необходимые для достижения этой цели действия и сам проверяет качество своей работы. Однако достаточно часто встречаются случаи, когда цели формулируют и ставят одни работники, реализуют их другие, а контроль за качеством результатов осуществляют третьи. Все это позволяет считать эти группы действий относительно самостоятельными. Очевидно, что реализация разных социально-профессиональных ролей, осуществление различных видов деятельности требует от журналиста особых способностей, специфической мотивации и других так называемых личностных качеств. С другой стороны, особенности журналистской деятельности накладывают четкий отпечаток на личностные качества журналиста. Происходит как бы «естественный отбор»: после некоторого опыта работы человек либо начинает понимать свою ошибку в выборе профессии и уходит, либо старается приспособить свою личность к требованиям дела, корректирует характер, тренирует способности.

Исходя из сказанного, современного журналиста должна отличать инициатива, самостоятельность видеть проблему, потребность в творческом подходе к решению проблем, самокритичность и ответственность за сказанное слово. Однако анализ массового опыта показывает, что у студентов-журналистов наблюдается большой интерес к избранной

профессии и недостаточное внимание к дисциплинам по избранной специальности. Многие из студентов отличаются неразвитыми навыками самостоятельной учебно-профессиональной деятельности.

Эта мысль находит подтверждение в трудах А. К. Громцевой, Р. А. Лозовской, П. И. Пидкасистого, Н. Н. Тулькибаевой, А. В. Усовой и др.

Именно поэтому в вузе остро встает вопрос об обучении студентов умениям самостоятельной учебно-профессиональной деятельности. Формирование названных умений связано с соединением теоретической и практической подготовки студентов-журналистов в условиях нашего сегодняшнего времени.

Отечественная педагогика и психология накопили значительный опыт по формированию различных аспектов профессиональной подготовки. В трудах Б. Г. Ананьева, С. И. Архангельского, П. Я. Гальперина, В. В. Давыдова, А. Т. Ковалева, С. Л. Рубинштейна, Б. М. Теплова и др. нашли отражение теоретические основы формирования разнообразных умений; появился ряд диссертационных исследований, в центре внимания которых различные аспекты проблемы (Л. Ф. Бенедиктова, А. В. Дмитриев, С. В. Кабанова, Т. В. Лисовский, В. А. Сластенин, Н. М. Яковлева и др.), немало трудов, посвященных проблемам журналистского мастерства (Д. С. Авраамов, С. Г. Корконосенко, Г. В. Лазутина, Э. Б. Ламбет, Б. Н. Лозовский и др.) Тем не менее нельзя считать проблему решенной, особенно если речь идет о дисциплинах, на которых формируются учебно-профессиональные умения самостоятельной работы, а это в первую очередь специальные дисциплины и дисциплины специализации.

Особое значение для будущих журналистов приобретает возможность иметь собственную точку зрения, критически подходить к оцениваемым явлениям, самостоятельно принимать решения на основе полученных и получаемых знаний.

Вслед за Т. И. Шаповой в структуре познавательной деятельности обучаемых, которая способствует становлению познавательной самостоятельности, мы выделяем следующие компоненты:

- мотивационный;
- ориентационный;
- содержательно-операционный;
- эмоционально-волевой;
- оценочный;

Мотивационный обеспечивает направленность личности на самостоятельное усвоение знаний, развитие умений в учебной, а затем в профессиональной деятельности.

Ориентационный характеризует принятие обучающимися цели формирования познавательной самостоятельности.

Содержательно-операционный включает и систему знаний, и способы деятельности как интеллектуально-логические, так и интеллектуально-эвристические.

Эмоционально-волевой включает в себя разные качества личности, в том числе самостоятельность и умение управлять своими действиями.

Оценочный компонент предполагает адекватную оценку обучаемым своих познавательных способностей и достижений.

Познавательная самостоятельность как качество личности проявляется в принятии самостоятельного решения. И это умение совершенствуется непосредственно в учебной работе.

Развитие учебно-профессиональных умений посредством усвоения содержания предмета возможно, когда оно реализует двойную функцию: является носителем информации и способствует формированию приемов интеллектуальной деятельности по достижению этих знаний и переносу их в другую область.

В обучении самостоятельным умениям мы исходили из трех психологических концепций:

— психологическая школа Н. А. Минчинской: завершающим этапом в развитии мыслительных операций обучаемых выступает реализация умственного действия практической деятельности;

— психологическая теория школы А. Н. Леонтьева, П. Я. Гальперина, Д. Б. Эльконина: на основе внешних материальных действий путем их последовательных изменений и сокращений формируются внутренние, идеальные действия, совершаемые в умственном плане и обеспечивающие человеку всестороннюю ориентировку в окружающем мире;

— фундаментальная психологическая теория о поэтапном формировании умственных действий, а на их основе — представлений и понятий об объектах.

В организации самостоятельной работы мы придавали большое значение становлению такого умения, как вычленение проблемы, ее формулировка и определение хода решения.

Мы принимаем в данном случае для организации учебно-профессиональной деятельности принцип проблемности, поскольку вся система методов при проблемном обучении направлена на развитие познавательных способностей.

Почти все ученые сходятся в определении проблемного обучения, которое понимают как формирование познавательного интереса и моделирование умственных процессов, адекватных подлинному творчеству (М. И. Махмутов).

Сходное определение предлагает и А. М. Матюшкин: «Проблемное обучение представляет собой одну из систем обучения, в основе которой лежит определенное понимание центрального звена усвоения как процесса, в некоторой степени сходного с процессом открытия нового знания».

Во всех определениях речь идет о формировании особого типа мышления, которое называют критическим, или диалектическим.

Центральным понятием проблемного обучения является проблемная ситуация, которая разрешает-

ся в совместной деятельности преподавателя и обучаемых. А. М. Матюшкин характеризует проблемную ситуацию как определенное состояние субъекта, которое требует от него открытия новых знаний о предмете. Т. В. Кудрявцев обращает внимание на состояние субъекта, который испытывает познавательную трудность (или практическую) в форме вопроса, заданного самому себе.

Мы отталкиваемся от этого определения Т. В. Кудрявцева, потому что сосредоточиваем внимание на формировании умения вычленять проблему, формулировать ее и предполагать ход ее решения.

Данный аспект, на наш взгляд, наиболее отвечает становлению познавательной самостоятельности будущих журналистов, потому что самостоятельно найденная проблема сказывается на познавательной активности, делает вопросы, связанные с найденной проблемой особо значимыми, заставляет обращаться к решению соподчиненных проблем.

При этом особое значение приобретает принцип диалогичности, на который указывает А. М. Матюшкин. С этой мыслью нельзя не согласиться, потому что процесс обсуждения — это продуктивный порождающий процесс.

С умением вычленения проблем, их формулировки и определения хода решения связано умение самооценки. Самооценка и самоконтроль необходимы на всех этапах становления познавательной самостоятельности. Потому что ошибки человек допускает из-за незнания, из-за неточной информации, из-за некоторых личных качеств. Возникший пробел в знаниях приводит к заблуждению. Эти ошибки могут возникать из-за недооценки или переоценки личных качеств, если неточные знания будут положены в основу самоконтроля.

Ошибки могут определяться взаимоотношениями, которые могут быть неправильно истолкованы. Ошибки возможны и на этапе контроля.

Исходя из всего сказанного, самооценке и самоконтролю надо обучать. Общий принцип обучения обозначен в психологии давно: от сознательного пользования известной схемой к переходу во внутренний план. Самооценка в педагогике рассматривается как элемент самосознания, характеризующийся эмоционально насыщенными оценками самого себя как личности, своих способностей, нравственных качеств и поступков.

Самооценка влияет на эффективность деятельности и складывается под влиянием оценок, которые дают человеку окружающие. В учебной деятельности это оценка преподавателя. Но самооценка возникает из сопоставления «Я» реального и «Я» идеального.

Третий момент в формировании самооценки складывается из того, насколько человек чувствует

свою принадлежность к той или иной значимой социальной группе. Остро возникает необходимость формирования коллектива группы, т. е. нельзя сбрасывать со счета воспитательную работу. Со временем самооценка со стороны заменяется собственной самооценкой и она становится регулятором поведения. Это особенно важно для будущего журналиста, который работает на начальном этапе при сборе материала в одиночку.

Адекватная самооценка на этапе обучения позволяет быстрее и легче усваивать новый материал, увереннее браться за новое дело, высказывать свое мнение, принимать критические замечания от других.

В определении этого умения, особо значимого для будущего журналиста, мы опирались на труды Л. И. Божович, А. И. Липкиной, И. С. Кона, Р. Бернса и др. При этом мы учитывали, что на первом этапе формирования самооценки необходимо безоценочно принимать все высказывания студентов, чтобы они не боялись давать оценку любому явлению, событию, оценке другого человека и самого себя.

При формировании самооценки мы считали необходимым стремиться к реализации принципов гуманистической психологии, соблюдая на занятиях следующие положения:

- позитивно подкреплять все ответы студентов;
- использовать их ошибки как возможность нового взгляда на что-то привычное;
- максимально адаптироваться ко всем высказываниям и действиям студентов;
- создавать климат взаимного доверия;
- обеспечивать независимость в выборе и принятии решения с возможностью контролировать собственное продвижение.

В своем подходе к формированию самооценки мы опирались на труды Е. Ю. Никитиной, Е. Л. Яковлевой.

Литература

1. Матюшкин А. М. Проблемные ситуации в мышлении и обучении. — М.: Просвещение, 1972. — 208 с.
2. Махмутов М. И. Проблемное обучение: основные вопросы теории. — М.: Педагогика, 1978.
3. Никитина Е. Ю. Теория и практика подготовки будущего учителя к управлению дифференциацией образования: Монография. — Челябинск: ЧПУ, 2000. — 285 с.
4. Шамова Т. И. Активизация познавательной деятельности в учебном процессе. — М.: Просвещение, 1979. — 209 с.
5. Яковлева Е. Л. Психология развития потенциала личности. — М.: Флинт, 1997. — 227 с.

ИЗУЧЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОЙ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК УСЛОВИЕ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТА-МЕНЕДЖЕРА

Профессиональная деятельность менеджера всегда считалась одной из наиболее содержательных, интересных и престижных за рубежом, а в последние десятилетия получила аналогичную оценку и в нашей стране. Однако новые социально-экономические условия привели к значительным изменениям деятельности руководителя (менеджера), работающего в рыночных условиях. Все это заставляет вновь обратиться к изучению особенностей управленческой деятельности, чтобы понять какие требования она предъявляет к личности, ее осуществляющей. Исследование особенностей управленческой деятельности в рыночных условиях поможет профессиональному образованию, осуществляющему подготовку студентов в вузе по специальности «Менеджмент организации», понять какова должна быть профессиональная позиция менеджера, за счет каких качеств и способностей выпускник будет востребован на рынке труда. Все это позволит не только эффективно выстроить учебный процесс и обеспечить выполнение Федерального закона «Об образовании», но и оптимальным образом совместить интересы личности, государства, а зачастую и заказчика (конкретной организации). В предлагаемой статье дается анализ специфических особенностей управленческой деятельности в современных условиях и ставится проблема выбора подхода к ее изучению.

Анализ литературы, посвященной современным концепциям менеджмента, показал, что, раскрывая содержание понятия управления, одни авторы делают акцент на процессе управления объектами, а другие — на процессе управления субъектами. В то же время в представленных определениях подчеркивается двойственная суть управления: субъект-объектное и субъект-субъектное взаимодействие ($S \rightarrow O$, $S \rightarrow S$) [3].

Представляется правомерным рассматривать понятие «управление» в широком смысле — как одновременный процесс управления и объектами и субъектами. В таком случае определение управления может быть дано следующим образом:

— **управление** — сознательное целенаправленное воздействие со стороны субъектов, органов управления на людей и экономические объекты, осуществляемое с целью направить их действия и получить желаемые результаты [5];

— **управление** — процесс координации различных деятельности с учетом их целей, условий выполнения, этапов реализации [6].

Раскрывая сущность понятия «менеджмент», необходимо отметить, что оно имеет междисциплинарный характер, а семантика этого слова очень сложна. Практически все известные зарубежные энциклопедии трактуют понятие «менеджмент» как процесс достижения руководителем целей организации руками других людей. Субъектом данного процесса является менеджер.

В специальной управленческой литературе также даются различные толкования менеджмента. В них менеджмент определяется как: 1) функция (вид деятельности); 2) процесс; 3) орган или аппарат управления; 4) категория людей; 5) наука и искусство. В то же время термин «менеджмент» в нашей стране стали использовать сравнительно недавно, в последние десятилетия XX века, когда в стране началась осуществляться экономическая реформа и развиваться рыночные отношения. Акцент на рыночных условиях сделан рядом авторов (Л.Д. Гительманом, Э.М. Коротковым) и в определении менеджмента как управления в условиях *рыночной* экономики. И это не случайно. Понятие менеджмента связывают с управлением в условиях рыночных отношений, с управлением самостоятельным предприятием, а не с управлением под нажимом государственных структур и их жестким контролем. Возникает вопрос: можно ли называть командно-административное, директивное и высокоцентрализованное управление менеджментом?

Как видим, понятие «менеджмент» можно рассматривать с разных точек зрения, каждая из которых открывает новые грани предмета исследования управленческой деятельности. В то же время понятие «управление» используется как в организационных (социальных), так и в технических системах, а понятие «менеджмент» — в основном в организационных системах.

Исходя из сказанного, на наш взгляд, понятие «управление» целесообразнее употреблять, когда речь идет в большей степени об обезличенной системе, включающей методы, информационную систему, организационную структуру и т. д., а понятие «менеджмент» — когда необходимо подчеркнуть роль профессионального лидера, руководителя, достигающего целей организации через субъект-субъектное взаимодействие.

В отечественной науке до настоящего времени больше принято говорить об управлении и об управленческой деятельности, чем о менеджменте или менеджерской деятельности. Какой смысл вкладывается в эти феномены и можно ли утверждать, что «управленческая деятельность» (как деятельность руководителя) и «менеджерская деятельность» это слова-синонимы?

Анализ содержания понятия «управленческая деятельность», проведенный А. А. Деркачом с сотрудниками, показал, что на сегодня «существует широкий спектр точек зрения на данное понятие, которые часто несовместимы друг с другом. Каждый из авторов предлагает свое понимание этой категории. Однако, несмотря на разнообразие точек зрения, исследователи сходятся в одном: управленческая деятельность руководителя обладает существенными признаками и специфическими особенностями» [2, с. 21]. Проведенный анализ позволил авторам сформулировать следующее определение управленческой деятельности — это «целенаправленная, самоорганизующаяся, развивающаяся **социально-психологическая система** (выделено Н. И.) взаимосвязанных структурных и функциональных компонентов, связанных с решением управленческих задач, достижением новых результатов в соответствии с основной целью» [2, с. 23]. На наш взгляд, это определение согласуется с понятием «менеджмент», и в таком понимании, вслед за нашими учеными А. И. Китовым, Е. А. Климовым, Е. С. Кузьминым, Н. В. Кузьминой, Б. Ф. Ломовым, А. К. Марковой, В. Ф. Рубахиным, А. Л. Свенцинским, Г. В. Суходольским, А. В. Филлиповым, заложившими концептуальные основы изучения этого вида деятельности, термины «управленческая деятель-

ность» и «менеджерская деятельность» можно использовать как равнозначные.

Исходя из вышеизложенного понимания основных категорий управления, ясно, что особенности деятельности современного менеджера требуют собственно психологического ее анализа. Это требование связано и с произошедшими изменениями в жизни человеческого общества в последнее десятилетие, которые вызваны тремя основными и теснейшим образом связанными действующими силами современного развития — информатизацией и распространением знаний, универсальной коннективностью и глобализацией. Все это не может не сказаться на управлении организациями, а следовательно, и на содержании управленческого труда [6].

Основные изменения, оказавшие влияние на содержание и психологизацию управленческого труда на современном этапе развития общества представлены в табл. 1. Как видим, на смену традиционных систем управления, где во главу угла ставилась технология (так как обладание ими обеспечивало конкурентоспособность и, в конечном счете, жизнеспособность организации), приходит новая парадигма управления, суть которой состоит в управлении и накоплении человеческого капитала организации. Именно человек в организации является сегодня конкурентным пре-

Таблица 1

Особенности управления на современном этапе

Факторы	Традиционная система	Современная система	Особенности управления
Экономика	Индустриальное общество, в котором производство — главная движущая сила общественного прогресса	Общество знаний и сервиса	Субъект-субъектное управление
Основная производительная сила	Капитал в денежной и материальной форме	Знания и их носители — люди	Индивидуальный подход
Труд	Дисциплинированный труд исполнителей	Созидательный труд вооруженных знаниями специалистов	Профессионалы (активность субъекта)
Организация	Линейная иерархия власти над ресурсами	Объединение человеческого знания и материальных ресурсов, принимающее разнообразные формы	Командный менеджмент
Информация	Отражение властной структуры; доступ к информации определяется занимаемой должностью	Универсальный доступ к информации; распространение знаний — важнейшая функция организации	Качественно новое наполнение коммуникативно-информационной функции управления
Рынок труда	Национальный рынок труда	Глобальный рынок труда	Приоритет социально-психологических функций над производственными

имуществом, позволяя сохранять высокий темп ее развития.

Сегодня мы находимся на переломном моменте, когда субъект-объектный подход в управлении и приоритет осуществления производственных функций трансформируется в субъект-субъектное управление, при котором первоочередной задачей управления является осуществление социально-психологических функций.

Индивидуальные особенности руководителя определяют успешность не только его собственной деятельности, но и его сотрудников, и организации в целом. В этом случае исследование личности руководителя приобретает первостепенное значение, ее изучение является социально-важной и актуальной задачей.

Специфика управленческой деятельности (субъект-субъектное управление, индивидуально-совместная деятельность) обуславливает наличие у нее ряда психологических особенностей. Исследователи выделяют следующие основные психологические особенности управленческой деятельности:

1) опосредованная связь с конечными результатами функционирования;

2) специфичность предмета. Воздействие осуществляется на субъекты. Они, естественно, характеризуются качественно иным уровнем сложности, нежели во многих иных видах деятельности, например исполнительских, имеющих дело с «неодушевленными» объектами;

3) специфичность процесса. Суть управленческой деятельности — организация деятельности других людей, т. е. «деятельность по организации деятельности» (деятельность «второго порядка»). Это свойство основное — атрибутивное для управленческой деятельности. Поэтому она обозначается как метадеятельность;

4) инвариантная система управленческих функций. Управленческая деятельность представляет собой реализацию определенных универсальных управленческих функций (планирования, прогнозирования, мотивирования, принятия решения, контроля и др.), которые присущи любой управленческой деятельности, независимо от ее конкретного вида, хотя степень их выраженности может быть различной;

5) высокий общий уровень сложности, обусловленный одновременным обеспечением технологического процесса (инструментальный контур управления) и организацией межличностных взаимодействий (экспрессивный). Эти контуры далеко не всегда гармонично сочетаются между собой и к тому же требуют от руководителя реализации качественно разных способов и форм поведения;

6) двойственный организационный статус руководителя. Он по определению одновременно является членом организации (группы) и стоит как бы вне ее — над ней — в силу своего иерархически высшего положения. Поэтому в управленческой деятельности сочетаются два основных принципа ее

организации — иерархического (субординационного) и коллегиального (координационного), а также необходимость их оптимального согласования;

7) особенность внешних и внутренних условий, в которых она протекает. Внешние условия характеризуются жесткими временными ограничениями, хронической информационной неопределенностью, наличием высокой ответственности за конечные результаты, нерегламентированностью труда, постоянной нехваткой ресурсов, частым возникновением так называемых экстремальных — стрессовых ситуаций. Внутренние условия характеризуются необходимостью одновременного выполнения многих действий и решения многих задач; противоречивостью нормативных (в том числе — и законодательных) предписаний, их неопределенностью или отсутствием; неформулированностью в четком и явном виде оценочных критериев эффективности деятельности; множественной подчиненностью руководителя различным вышестоящим инстанциям и обусловленной этим противоречивостью требований и др. [4, с. 43—45].

Таким образом, специфика деятельности современного менеджера, действующего в рыночных условиях, еще более убеждает в необходимости изучения управленческой деятельности через призму психологического знания.

Возникает вопрос, какой подход к изучению менеджерской деятельности позволяет максимально учесть изменившиеся требования к деятельности и ее психологические особенности, которые, по сути, определяют ее специфику.

Анализ литературы по исследованию менеджерской (управленческой) деятельности позволяет выделить подходы к изучению этого феномена, которые отражены в табл. 2. Все существующие подходы представляют собой разные уровни анализа управленческой деятельности, и их главным отличительным признаком является использование принципиально разных единиц анализа, которые различаются как по объему, так и по степени обобщенности. Кроме того, большинство из них ориентировано на анализ объективного «внешнего» содержания управленческой деятельности и поэтому являются организационными типами ее изучения, а не психологическими. Наиболее разработанным из подходов, анализирующих «внешнее» содержание управленческой деятельности, является функционально-ролевой, основы которого были заложены еще в начале XX века основоположниками школы научного менеджмента. Для нас представляет интерес личностно-деятельностный подход, который позволяет изучать «внутреннее» содержание управленческой деятельности.

Анализ личностно-деятельностной составляющей управленческой деятельности позволяет исследовать личность руководителя со стороны его мотивов, целей, смысловых образований и способов их реализации, другими словами рассмотреть функции, реализуемые руководителем в процессе тру-

Основные подходы к изучению управленческой деятельности

Подход	Единица анализа	Сущность
Акмеологический	Структурные элементы; функциональные элементы; алгоритм управления; технология процесса управления; результат	Разработка модели управленческой деятельности на основе оптимального структурного и функционального состава, а также установление наиболее характерных взаимосвязей между компонентами
Личностный	Качества личности	Выявление ПВК личности
<i>Функциональный и его разновидности</i>		
Функциональный	Управленческая функция	Характеристика основных управленческих функций, осуществляемых руководителем
Нормативный	Должностная обязанность	Анализ основных должностных обязанностей и требований к их выполнению. Анализ расхождения нормативного и индивидуального способа деятельности
<i>Ролевой и его подвиды</i>		
Ролевой	Роль — набор определенных поведенческих правил, образец ожидаемых действий	Анализ и классификация управленческих ролей
Дименсиональный	Специфическая функциональная единица — «измерение» менеджерского поведения	Анализ содержания 19 «видов» труда
<i>Деятельностный и его разновидности</i>		
Деятельностный	Структурные элементы деятельности, действие	Изучение действий и их организации
Эмпирический	Компоненты деятельности. Ситуация управления	Выявление и описание достаточно крупных компонентов деятельности и определение их удельного веса. Систематизация и классификация наиболее типичных управленческих ситуаций
Микроанализ	«Мелкие управленческие дела», операции	Пооперционное и хронометрическое изучение деятельности руководителя

довой деятельности сквозь призму мотивационно-целевого компонента. В то же время необходимо отметить, что вопросы единиц измерения управленческой деятельности, меры их выраженности для успешного труда руководителей остаются до сих пор дискуссионными и требуют своего решения.

Вместе с тем, современная ситуация положения человека в стремительно меняющемся мире в целом, и руководителя в частности, о чем говорилось выше, выдвигает на передний план идею субъектного подхода. «Речь идет о транспонировании системы координат «общество — организация — личность» в систему «личность — организация — общество», что собственно и предполагает субъектный подход к исследованию личности. Применительно к анализу управленческой деятельности это означает рассмотрение того, какое место осуществляемая управленческая деятельность занимает в жизни руководителя не только в данный момент (симульный анализ), но и в общей стратегической перспективе его жиз-

ни. Собственно способность быть личностью, выходить за рамки ситуации, быть реальным субъектом деятельности особенно ярко проявляет себя и может быть зафиксирована именно на уровне управленческой деятельности руководителя» [2, с. 55]. Субъект деятельности при этом — та же личность, но в новом качестве.

Поэтому наиболее адекватным подходом изучения управленческой деятельности на современном этапе является субъектно-деятельностный подход. Этот подход радикально преобразует понятие деятельностного подхода в следующих отношениях.

«Субъект осуществляет:

— самоорганизацию своих психических и личностных возможностей, способностей;

— организует «время—пространство», в котором связываются, координируются его внутренняя (психическая, личностная) активность и объективная организация реальной деятельности, — это его субъектный способ осуществления деятельности,

отвечающий внутренним и внешним условиям;

— объективно преобразует (в труде, профессии) заданные условия и требования деятельности для получения объективно оптимального и субъективно удовлетворяющего результата» [1, с. 250].

Функционирование личности в качестве субъекта деятельности складывается, во-первых, из природных, психических, личностных условий и других составляющих этого функционирования (в число последних входят способности, мотивы, воля и т. п.). Во-вторых, из социальных условий и требований деятельности (нормативные и другие аспекты труда). И, наконец, из способов организации этой деятельности самим человеком — деятельности как труда и как профессии.

Надо отметить, что работ, изучающих деятельность менеджера в современных условиях с позиции субъектно-деятельностного подхода крайне мало.

Таким образом, дальнейшее изучение особенностей управленческой деятельности с позиции субъектно-деятельностного подхода позволит проанализировать «внутреннее» содержание управленческой деятельности, используя психологические категории ее познания.

Применение субъектно-деятельностного подхода к изучению деятельности современного менеджера дает возможность раскрыть ее психологическую структуру, с одной стороны, и выявить детерминанты и эффекты субъектной активности успешного менеджера, с другой. Это поможет в процессе профессиональной подготовки грамотно подобрать формы, методы и средства обучения, позволяющие сформировать профессионализм личности будущего менеджера — конкурентоспособного, профессионально мобильного, продуктивного.

Выводы

1. Понятие «управление» шире понятия «менеджмент» и включает последнее. Термин «управление» отражает субъект-объектное и субъект-субъектное взаимодействие, а понятие «менеджмент» — субъект-субъектное взаимодействие.

2. Термины «управленческая деятельность» и «менеджерская деятельность» можно использовать как синонимы, понимая под этим целенаправленную, самоорганизующуюся, развивающуюся социально-психологическую систему взаимосвязанных структурных и функциональных компонентов, связанных с решением управленческих задач, достижением новых результатов в соответствии с основной целью.

3. Происходящие социокультурные, политические и экономические изменения в нашей стране привели к необходимости замены административно-командной системы управления на гуманистическую. Субъект-объектный подход в управлении

и приоритет осуществления производственных функций трансформируется в субъект-субъектное управление, при котором первоочередной задачей управления является осуществление социально-психологических функций.

4. В настоящее время нет единого подхода к изучению деятельности менеджера, что говорит о ее сложности. Большинство существующих подходов к изучению управленческой деятельности направлены на анализ объективного «внешнего» содержания управленческой деятельности, а не «внутреннего», как того требует действительность.

5. Специфика деятельности современного менеджера, действующего в рыночных условиях (субъект-субъектное управление, индивидуально-совместная деятельность) приводит к необходимости изучения управленческой деятельности через призму психологического знания.

6. Новая парадигма управления обуславливает необходимость вновь обратиться к изучению содержания и особенностей управленческой деятельности, чтобы понять какие требования она предъявляет к личности современного менеджера.

7. Использование субъектно-деятельностного подхода к изучению деятельности менеджера позволит выявить сущность управленческой деятельности в современных условиях.

8. Для того, чтобы процесс обучения в вузе достигал своей цели в части выполнения социального заказа общества на подготовку профессионалов, необходимо раскрыть психологическую структуру деятельности современного менеджера и выявить детерминанты и эффекты субъектной активности успешного менеджера.

Литература

1. Акмеология: Учебник / Под общ. ред. А. А. Деркача. — М.: РАГС, 2002. — 650 с.
2. Деркач А. А. Акмеология: личностное и профессиональное развитие человека. Кн. 2. Акмеологические основы управленческой деятельности. — М.: РАГС, 2000. — 536 с.
3. Кабаченко Т. С. Психология управления. Часть 1. Управленческая деятельность: Учебное пособие. — М.: РПА, 1996. — 146 с.
4. Карпов А. В. Психология менеджмента: Учебное пособие. — М.: Гардарики, 1999. — 584 с.
5. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. — М.: ИНФРА-М, 1996. — 480 с.
6. Управление персоналом: Учебник для вузов / Под ред. Т. Ю. Базарова, Б. Л. Еремина. — М.: Банки и биржи, ЮНИТИ, 1998. — 423 с.
7. Шекшня С. Как это srazat po-russki? (современные методы управления персоналом в России). — М.: Интел-Синтез, 2003. — 232 с.

СОСТОЯНИЕ ГОТОВНОСТИ К САМОПРЕЗЕНТАЦИИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО СВЯЗЯМ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

К числу основных профессиональных функций специалиста в области связей с общественностью, помимо организаторской, управленческой, проектной, конструктивной, исследовательской, относится и функция коммуникативная. Она лежит в основе осуществления взаимоотношений участников PR-процесса.

Фраза Ф. Зейтля «Паблик Рилейшнз касается всякого, у кого есть контакты с другим человеческим существом», известна всем, но при этом мало, где берется на серьезное вооружение. Будущим специалистам в области связей с общественностью придется жить в мире, где искусство предьявить себя, наладить успешную коммуникацию с окружающими играет едва ли не ведущую роль в построении карьеры.

Непредсказуемость нынешнего рынка труда заставляет будущего специалиста стремиться к получению во время учебы в вузе возможно большего числа навыков, умений с тем, чтобы повысить свою конкурентоспособность к моменту окончания высшего учебного заведения.

Проблема самопрезентации особенно значима в среде молодых специалистов, так как именно в этом возрасте наблюдается неуверенность в поведении и недостаточное количество навыков и умений подачи себя. Можно констатировать противоречие между потребностью практики в том, чтобы специалисты были готовы осуществлять самопрезентацию в профессиональной деятельности и существующими затруднениями, испытываемыми будущими специалистами в подаче себя аудитории.

Самопрезентация, по мнению Э. Джонса, — это управление впечатлением, которое инициатор производит на целевую персону с целью поддержания или усиления своего влияния на нее [10, с. 80].

По мнению Д. Майерса и П. Н. Шихирева самопрезентация — это «акт самовыражения и поведения, направленный на то, чтобы создать благоприятное впечатление или впечатление, соответствующее чьим-то идеалам» [11, с. 21].

Самопрезентация — это представление, подача своей личности другим. Иными словами — это «демонстрируемое Я». Специалист, представляя себя, показывает качества, которые ценит в себе. В «демонстрируемом Я» встречаются социально желательные качества. Самопрезентация не предполагает демонстрации нежелательных сторон личности или того, что может не понравиться другим. «Демонстрируемое Я» — это попытка приблизить «зеркальное Я» к «идеальному Я» [11, с. 98].

Первостепенная цель презентации — убедить аудиторию действовать в нужном направлении,

побудить людей ответить на сообщение. Успех самоподачи зависит от компетентности специалиста, от наблюдательности и целей, которые он пытается достичь в профессиональной деятельности.

Актуальность и профессиональная значимость рассматриваемой проблемы, а также ее недостаточная теоретическая разработанность обусловили выбор темы исследования: «Формирование готовности к самопрезентации будущих специалистов в области связей с общественностью».

Цель исследования — разработка педагогической модели и комплекса педагогических условий формирования готовности к самопрезентации будущего специалиста.

Задачи исследования.

1. Проанализировать состояние проблемы формирования готовности к самопрезентации в теории и практике педагогики, определить перспективные подходы к ее решению.

2. Сконструировать структурно-функциональную модель, являющуюся структурообразующим и интегрирующим основанием педагогических условий формирования готовности будущих специалистов к самопрезентации.

3. Выявить комплекс педагогических условий формирования готовности будущих специалистов к самопрезентации.

4. Разработать, экспериментально проверить и апробировать комплексную программу формирования готовности к самопрезентации в образовательном процессе вуза.

Для решения первой задачи были проанализированы философская, психолого-педагогическая зарубежная и отечественная литература, требования к специалисту в области связей с общественностью, Государственный образовательный стандарт и на основе этого определены понятия «самопрезентация», «готовность к самопрезентации», а также определена роль самопрезентации как одного из важных профессиональных качеств специалиста по связям с общественностью.

В психолого-педагогической литературе достаточно широко исследуется проблема готовности личности к деятельности, хотя до сих пор многие вопросы остаются дискуссионными или не исследованы.

В большинстве работ «готовность» рассматривают как определенную целостность, целостный механизм, в котором важнейшими являются две характеристики: психологическая готовность и практическая.

Психологическая готовность исследуется в литературе, начиная с 50-х годов, в свете различных

концепций [3, с. 38] и рассматривается в двух видах — как временная готовность и долговременная.

Временная готовность характеризует «состояние мобилизации всех психофизиологических систем человека, обеспечивающих эффективное выполнение определенных действий» [3, с. 56].

Конкретную форму готовности — установку как психическое состояние исследует Д. Н. Узнадзе. Этот уровень психологической готовности предшествует возникновению сознательных психологических процессов и может рассматриваться на функциональном уровне — временное состояние. Временную готовность также определяют взгляды, воодушевление, удовлетворенность, сосредоточенность и т. д.

Наряду с временной исследователи выделяют длительную — временную готовность как устойчивую характеристику личности [13, с. 79]. Такая готовность может рассматриваться на личностном уровне — взгляды, убеждения, интересы, потребности и т. д.

Оба вида готовности находятся в единстве: временная готовность определяет продуктивность долговременной готовности в конкретных обстоятельствах, но возникновение готовности как состояния зависит от долговременной готовности.

Таким образом, психологическая готовность характеризует внутреннюю готовность осуществлять деятельность.

Практическая готовность, по мнению Д. Ф. Ильева [1, с. 248], отражает «меру внешней процессуально-деятельностной формы проявления соответствующих характеристик в комплексе и в отдельности», то есть предусматривает овладение человеком ряда профессиональных умений на основе освоения теоретических знаний.

Готовность к самопрезентации понимается нами как признак профессиональной квалификации и признак образованности.

Под понятием готовность к самопрезентации мы понимаем способность специалиста, проявляющуюся в умении преподнести себя аудитории и в стремлении к овладению этой деятельностью на более высоком уровне.

Рассматривая готовность к самопрезентации как аспект образованности, мы в своей работе опирались на четыре признака, выделенных Г. Н. Сериковым: **осведомленность** с показателями: полнота, точность, объем, размерность; **сознательность** с показателями: логичность, целенаправленность, соотнесенность; **действенность** с показателем: активность и **умелость** с показателем: результативность [7, с. 34; 8, с. 108; 9, с. 93].

Для решения задач исследования проводился констатирующий эксперимент.

База экспериментальной работы — Южно-Уральский государственный университет. За период 2003—2005 гг. было опрошено 190 студен-

тов с 1 по 5 курс социально-гуманитарного факультета.

Мы ставили перед собой следующие задачи.

1. Определить состояние готовности студентов к самопрезентации.

2. Изучить отношение студентов к самопрезентации.

3. Выявить зависимость готовности студентов к самопрезентации от материала дисциплин базисного учебного плана, содержания образования, форм и методов организации образовательного процесса.

Для определения состояния готовности студентов к самопрезентации определены критерии, характеризующие параметры исследования. Критерий выражает наиболее общий сущностный признак, по которому происходит оценка явления, и включает совокупность основных показателей, раскрывающих определенный уровень какого-либо явления. Показатели выражают степень проявления и качественную сформированность критерия.

В нашей работе в качестве критериев сформированности готовности к самопрезентации выступают компоненты готовности к данному виду деятельности.

По отношению к самопрезентации осведомленность предполагает:

— знание и представление об особенностях и условиях самопрезентации;

— знание концепции самопрезентации;

— знание методов самопрезентации;

— знание способов межличностного общения.

По отношению к самопрезентации сознательность:

— осознание необходимости осуществления самопрезентации на всех этапах деятельности;

— понимание сущности самопрезентации, роли и места ее в профессиональной деятельности;

— развитие способности к профессиональному развитию, включающее самоанализ и самооценку своей профессиональной подготовленности и соответствия своих действий поставленным целям и задачам;

— становление способности управлять своими действиями.

По отношению к самопрезентации действенность проявляется:

— в активности личности в различных аспектах профессиональной деятельности, в том числе в осуществлении самопрезентации на всех этапах PR-процесса;

— в активности применения усвоенных знаний при осуществлении самопрезентации.

По отношению к самопрезентации умелость:

— умения выступать перед аудиторией;

— умения воспринимать себя со стороны (рефлексия);

— умения осуществлять планирование и прогнозирование процесса самопрезентации;

- умения создать визуальный канал самоподачи — внешний вид;
- умения осуществлять самоконтроль процесса;
- умения корректировать процесс в соответствии с результатами диагностики и контроля.

Итак, готовность к самопрезентации определим как целостное внутреннее свойство (интегративную способность) личности, благодаря которому она может осуществлять данную деятельность на некотором уровне качества во вполне определенной его интерпретации.

При проведении констатирующего эксперимента использовались такие методы, как анкетирование, собеседование, тестирование, метод экспертной оценки, метод анализа документации, метод изучения продуктов образовательной деятельности, наблюдение.

При анализе образовательных программ и учебных планов выявлено, что студенты изучают 9 общих гуманитарных и социально-экономических дисциплин, 2 общих математических и естественно-научных, 15 общепрофессиональных и профессиональных, 18 дополнительных, по 8 дисциплин в рамках трех специализаций и 2 факультативные в год по желанию. Опрос преподавателей и студентов показал, что в 15 дисциплинах преподаватели обращают внимание студентов на элементы самопрезентации, в трех дисциплинах преподаватели ставят задачи и планируют темы по изучению самопрезентации (риторика, социальная психология, имиджология).

Можно сделать вывод: для формирования теоретической и практической готовности к самопрезентации в учебном материале дисциплин не достаточно уделяется внимания элементам самопрезентации.

Диагностика состояния готовности к самопрезентации проводилась следующим образом.

Осведомленность определялась с помощью тестирования и собеседования, где осуществлялся контроль и определялся уровень знаний студентов о содержании, условиях, методах самопрезентации и способах в общении.

Сознательность определялась с помощью анкетирования и бесед, которые отражали собственное отношение студентов к самопрезентации, осознание необходимости и значимости самопрезентации, понимание сущности ее.

Действенность выявлялась с помощью анкеты, вопросы которой позволяли определить уровень интереса к изучаемому явлению.

Уровень умелости (практической готовности) определялся с помощью наблюдений и заданий на планирование процесса самоподачи, создания нужного внешнего облика, подготовку вербального и паравербального компонента самопрезентации, осуществление самоконтроля, а также во время прохождения производственной практики.

Осведомленность, сознательность и умелость выявлялись методом изучения продуктов образовательной деятельности студентов (рефератов и курсовых работ как вида письменной самопрезентации).

Также для определения уровня готовности к самопрезентации был проведен опрос студентов старших курсов на удовлетворенность подготовкой к самопрезентации в вузе.

На основе полученных результатов тестирования, анкетирования, наблюдения, собеседования студентам был присвоен тот или иной уровень готовности. Присвоение студенту того или иного уровня производилось относительно шкалы балльности, разработанной с участием экспертов. Кроме того, принималась во внимание самооценка студентов и оценка руководителя производственной практики.

Нами было выявлено три уровня готовности к самопрезентации: низкий, средний и высокий.

Анализ полученных результатов свидетельствует, что готовность к самопрезентации у студентов находится на уровне ниже среднего.

Принимая во внимание результаты исследования, мы пришли к выводу, что студентам необходима специальная подготовка к самопрезентации.

Следующим этапом работы явилась разработка педагогической модели и комплекса педагогических условий, при которых готовность к самопрезентации может достичь высокого уровня.

Методологическим ориентиром в построении модели стали основные положения различных подходов: личностно-ориентированного, аксиологического, культурологического, системного.

Разрабатывая структурно-функциональную модель, мы тем самым разработали систему формирования готовности к самопрезентации будущих специалистов в области связей с общественностью. В соответствии с принятым в педагогике подходом к исследованию систем она описана нами в морфологическом (состав); структурном (связи между элементами); функциональном (внешние связи) и генетическом (развитие) аспектах.

В структурном плане модель включает пять подсистем (блоков): целеполагания, содержательную, функциональную, организационную, оценочную, которые отражают концептуальные основы, целевые приоритеты, приоритеты содержания образования, комплекс педагогических условий, приоритетные методы и формы, ожидаемые результаты.

На основе теоретического анализа разработаны критерии сформированности готовности к самопрезентации студента и определены уровни для каждого показателя: низкий, средний, высокий.

Центральным элементом модели является готовность к самопрезентации. Она проектируется как цель и как ожидаемый результат.

Разработанная нами модель может быть реализована при соблюдении комплекса педагогических условий.

При разработке комплекса педагогических условий были поставлены задачи:

1) выявить факторы, влияющие на формирование готовности к самопрезентации будущих специалистов;

2) теоретически обосновать комплекс педагогических условий формирования готовности к самопрезентации будущих специалистов в области связей с общественностью;

3) проанализировать такие понятия, как «формирование», «условия», «педагогические условия» и «комплекс».

Термин «формирование» — составляющая категориального аппарата психологии, социологии и педагогики. Этимология слова «формирование» означает придание формы, целостности, единства, укрепления [14].

«Формировать — 1) образовывать, составлять; 2) придавать чему-либо форму, вид, законченность...» [5].

С точки зрения социально-психологических наук, формирование — изменение в процессе активного воздействия.

Формирование осуществляется через создание специальных ситуаций, условий, раскрывающих закономерности, механизмы, динамику и тенденции развития, становления.

Разработка и теоретическое обоснование комплекса педагогических условий повышения эффективности формирования готовности к самопрезентации будущих специалистов потребовали определения факторов, влияющих на динамику процесса формирования готовности к самопрезентации студентов вуза. Воспитание, развитие и формирование личности связано с наличием соответствующих факторов и условий.

В научной философии и педагогике все воздействия, сказывающиеся на развитии личности, подразделяют на две группы: внешние и внутренние факторы, определяемые рядом ученых как объективные и субъективные [2]. К внешним (объективным) факторам развития личности относятся влияние среды и воспитание. К внутренним (субъективным) — природные склонности и влечения, вся совокупность чувств и переживаний человека, возникающих под воздействием внешних факторов. Развитие и формирование личности является результатом взаимодействия этих двух групп факторов. Рассмотрим значение каждого из них.

Внешние факторы — социальные, социально-педагогические, педагогические, психолого-педагогические. Внутренние факторы — психологические, биофизические.

Социальные факторы — общественный и государственный строй, общественные организации, семья, требования общества и личности.

Социально-педагогические факторы — государственная политика в области образования; поли-

культурная среда вуза; типы учебных заведений; педагогические организации, социальные институты, участвующие в формировании личности; влияние педагога как носителя культуры.

Социально-педагогические факторы представляют движущие силы, функционирующие как в социальном, так и в педагогическом процессе. Исходят они из социальной базы, но реализуются в педагогической деятельности. Эти факторы выступают связующим звеном между общественной жизнью и педагогическим процессом.

Использование социально-педагогических факторов связано:

— с предъявлением студентам требований общества как к будущим профессионалам, способным активно участвовать в общественной жизни и квалифицированно решать профессиональные задачи;

— с тем, что в вузе должны внимательно изучать и своевременно реагировать на запросы студентов и в соответствии с ними вносить изменения в содержание их профессиональной подготовки;

— с концепцией отечественной психологии о том, что развитие личности происходит в деятельности (Л. С. Выгодский, С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, В. Н. Мясищев, Д. Н. Узнадзе).

Психолого-педагогические факторы — гендерные, эмоциональные, возрастные различия, функционирующие на основе взаимосвязи, выражающейся во взаимодействии студентов и преподавателей, общении, в процессе воспитания и самовоспитания, познавательной и трудовой деятельности.

Психологические факторы — самовоспитание, самообучение, самопознание, установка, потребности, мировоззрение, направленность личности.

Биофизические факторы — наследственность, склонности, способности студентов.

Эффективность процесса формирования готовности к самопрезентации студентов зависит от взаимодействия внешних и внутренних факторов (интериоризации). Только переход внешних факторов во внутренние способствует развитию каких-либо качеств или свойств личности, в нашем случае, готовности к самопрезентации.

В современной психолого-педагогической науке категория «условие» рассматривается как видовая пара по отношению к родовым понятиям «среда», «обстановка», «обстоятельства».

А. Я. Найдт трактует понятие «педагогические условия» как совокупность объективных возможностей, обстоятельств и мероприятий, которые сопровождают образовательный процесс, определенным образом структурированы, направлены на достижение цели [4].

Уточнив данное определение в соответствии с темой нашего исследования, мы понимаем под педагогическими условиями формирования готовности к самопрезентации совокупность внешних и внутренних целенаправленно созданных обстоя-

тельность, элементов содержания, методов, приемов, а также организационных форм обучения, которые сопровождают образовательный процесс, определенным образом структурированы, направлены на достижение цели.

Обратимся к такому понятию как комплекс. В современной науке под комплексом понимают совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях между собой и представляющих определенную целостность, единство [2]. Основными признаками комплекса являются:

- наличие составных частей — элементов;
- наличие связей между элементами;
- целостность.

Для разработки комплекса педагогических условий, способствующего эффективному функционированию модели формирования готовности к самопрезентации будущих специалистов в области связей с общественностью, были выбраны следующие пути:

- приоритет социального заказа государства и общества в области высшего образования;
- выявление специфики современного гуманитарного образования в целом и профессиональной подготовки будущих специалистов в области связей с общественностью в частности;
- выявление особенностей процесса формирования готовности к самопрезентации будущих специалистов в области связей с общественностью;
- возможности личностно-ориентированного, системного, аксиологического и культурологического подходов применительно к процессу формирования готовности к самопрезентации будущих специалистов в области связей с общественностью.

Исходя из вышеизложенного, мы предположили, что формирование готовности к самопрезентации будущих специалистов в области связей с общественностью осуществляется через комплекс педагогических условий:

- 1) создание ценностной среды, интегрирующей содержание учебного материала гуманитарных дисциплин при соответствии их ценностных смыслов;
- 2) насыщение образовательной среды материалом, систематизированным по основным параметрам готовности студентов к самопрезентации;
- 3) реализация комплексной программы формирования готовности к самопрезентации.

Методика реализации комплексной программы и названных педагогических условий формирования готовности к самопрезентации описана нами в учебно-методическом пособии.

Резюмируя сказанное, следует отметить, что проводимое на кафедре массовой коммуникации ЮУрГУ исследование по формированию готовно-

сти к самопрезентации будущих специалистов в области связей с общественностью выявило состояние готовности к самопрезентации студентов и определило методику повышения эффективности формирования, необходимого для специалиста-коммуникатора профессионального качества.

Литература

1. Ильясов Д. Ф., Сериков Г. Н. Принцип регулируемого эволюционирования в педагогике. — М.: Гуманит. Изд. Центр ВЛАДОС, 2003. — 336 с.
2. Кузин Ф. А. Диссертация: Методика написания. Правила оформления. Порядок защиты. Практическое пособие для докторантов, аспирантов и магистрантов. — 2-е изд., дополненное. — М.: Ось-89, 2001. — 320 с.
3. Ломов В. Ф. Вопросы общей, педагогической и инженерной психологии. — М.: Педагогика, 1991. — 296 с.
4. Найн А. Я. О методическом аппарате диссертационных исследований // Новые исследования в педагогических науках. — М.: Педагогика, 1995. — № 5. — С. 44—49.
5. Словарь русского языка / Под ред. Ожегова С. И. — М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1961. — 900 с.
6. Сериков Г. Н. О гуманно ориентированном подходе к образованию // Педагогические и управленческие условия непрерывного образования студентов: Материалы областной научно-практической конференции 24—25 мая 1999 г. — Челябинск: Изд-во ИИУМЦ «Образование», 1999.
7. Сериков Г. Н. Образование: аспекты системного отражения, — Курган: Изд-во «Зауралье», 1997. — 464 с.
8. Сериков Г. Н. Управление образованием: системная интерпретация: Монография. — Челябинск: Изд-во ЧГПУ «Факел», 1998. — 664 с.
9. Сериков Г. Н. Образование и развитие человека. — М.: Мнемозина, 2002. — 416 с.
10. Сестры Сорины. Истоки имиджа. — М.: Гном-пресс, 1999. — 218 с.
11. Сестры Сорины. Презентация внешности. — М.: Гном-пресс, 1999. — 198 с.
12. Сидоренко Е. В. Тренинг влияния и противостояния влиянию. — СПб.: Речь, 2001. — 256 с.
13. Черкасов А. А. Педагогические основы формирования у студентов педвузов готовности к военно-патриотическому воспитанию учащихся общеобразовательных школ: Дис. ... канд. пед. наук. — М., 1987. — 189 с.
14. Философский энциклопедический словарь. — М.: ИНФРА-М, 1999. — 576 с.

ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ РАЗВИТИЯ В КРИЗИСЕ ПЕРЕХОДА К ВЗРОСЛОСТИ

Возрастная динамика юности и взрослости имеет свою специфику, но она подчиняется основным законам онтогенетического развития, сформулированным в культурно-исторической парадигме. Основополагающими здесь являются положения о непрерывности и гетерохронности развития, о системном и смысловом строении психики, о чередовании стабильных и кризисных периодов онтогенеза, о роли и сути новообразований, о социальной ситуации развития. Поскольку эта теория выстраивалась для той части онтогенеза, которая связана с детским, подростковым и ранним юношеским возрастом, где налицо процессы роста всех структур, мы не можем механически перенести ее постулаты на взрослость. Необходимо уточнить основные понятия, внести коррективы в их понимание, не разрушая сложившуюся систему и смысл культурно-исторического подхода к процессам онтогенетического развития. Следует уточнить понятие идеальной формы и проанализировать динамику и структуру личностных изменений в стабильных и кризисных периодах. Согласно высказыванию Л. С. Выготского «...первый вопрос, на который мы должны ответить, изучая динамику какого-либо возраста, заключается в выяснении социальной ситуации развития» [1, с. 903].

Понятие социальной ситуации развития было введено для обозначения источника развития ребенка. Л. С. Выготский полагал, что социальная ситуация — это уникальная система отношений, в которую вступает человек на каждом этапе своего развития и эта система определяет его развитие.

В учении Л. С. Выготского среда и развивающийся человек не противопоставляются друг другу — развивающийся человек есть часть этой социальной среды. Выступая как отношения между ребенком и его социальным окружением, социальная ситуация развития предполагает активность самого ребенка в построении этих отношений. «Единицей» отношений личности и среды в развитии, воплощающей активно-действенную позицию ребенка, Л. С. Выготский считал переживание. Под переживанием понималось «внутреннее отношение ребенка как человека к тому или иному моменту действительности» [1, с. 994]. Характер и содержание переживания определяет, какое именно влияние на развитие ребенка оказывает та или иная характеристика среды. Другими словами, «...среда определяет развитие ребенка через переживание среды...отношение ребенка к среде и среды к ребенку дается через переживание и деятельность самого ребенка; силы среды приобрета-

ют направляющее значение благодаря переживанию ребенка» [1, с. 995].

Социальная ситуация развития, согласно Л. С. Выготскому, определяет весь образ жизни развивающегося человека, его социальное бытие, особенности его сознания. Социальная ситуация развития представляет собой исходный момент для всех динамических преобразований возраста, основу психического развития, поскольку социальное бытие необходимо определяет развитие сознания и формирование основных психологических новообразований возраста. Являясь системой отношений между ребенком и социальной действительностью, социальная ситуация развития, по словам Л. С. Выготского, по мере развития ребенка на возрастной ступени, распадается, отражая в своей трансформации новые достижения и подготавливая в основных чертах новую социальную ситуацию развития.

Объективный аспект социальной ситуации развития указывает на место личности в системе социальных отношений, он включает в себя различные объективные сферы взаимоотношений личности с социумом. Субъективный аспект определяет внутреннюю позицию личности, которая связана с развитием самосознания и самооценки, а также переживанием своих отношений.

Социальная ситуация при переходе от юности к взрослости перестраивается. Развивающийся человек выходит из ситуации профессионального обучения и готовится к самостоятельным отношениям в мире. Теперь его личностное развитие осуществляется в двух основных направлениях — профессиональное становление и создание собственной семьи.

Мы исследовали 4 группы молодых людей на этапе, который ассоциируется с нормативным кризисом развития — кризисом самоопределения. Структура социальной ситуации развития в каждой группе имеет свою специфику, которая служит исходным моментом для всех динамических преобразований возраста и основой психического развития личности. Объективно структура социальной ситуации развития может быть сведена к 4 основным группам в связи с возможными сочетаниями основных направлений развития.

В пилотажном исследовании, которое выполнено в рамках дипломного проекта Кореневой Н. под нашим руководством, приняло участие 80 человек в возрасте 20—22 лет, из них 40 — студенты старших курсов вуза, не имеющие постоянной работы и собственной семьи; 20 — испытуемые, закончившие учебную деятельность и имеющие постоянное рабочее место, но не имеющие собственной семьи

и 20 — закончившие учебную деятельность, имеющие собственную семью, но не имеющие постоянного рабочего места (домохозяйки, воспитывающие детей) — 45 женщин, 35 мужчин.

В качестве диагностического инструментария в соответствии с поставленной целью использованы следующие методики:

1. Методика САТ (Э. Шостром) предназначена для исследования самоактуализации. Методика включает в себя 14 шкал. Базовые шкалы: шкала компетентности во времени и шкала поддержки. Дополнительные шкалы: шкала ценностных ориентаций, шкала гибкости поведения, шкала сензитивности к себе, шкала спонтанности, шкала самоуважения, шкала самопринятия, шкала представлений о природе человека, шкала синергии, шкала принятия агрессии, шкала контактности, шкала познавательных потребностей, шкала креативности.

2. Опросник терминальных ценностей ОТеЦ, основанный на теоретических положениях М. Роккича о структуре человеческих ценностей, исследует ценности собственного престижа (СП), высокого материального положения (ВМП), креативности (К), активных социальных контактов (АСК), развития себя (РС), достижения (Д), духовного удовлетворения (ДУ), сохранения собственной индивидуальности (ССИ) в различных сферах жизни человека: профессиональной (СПЖ), обучения и образования (СОиО), семейной жизни (ССЖ), общественной жизни (СОЖ), увлечений (СУ).

3. Методика УСЦД Фанталовой Е. Б., направленная на исследование уровня соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах. Методика позволяет выявить наличие и характер внутриличностного конфликта. Интегральный показатель методики — индекс расхождения «Ц—Д» выступает как индикатор блокады функционирующих в мотивационно-личностной сфере ценностно-смысловых образований.

И 2 группы — студенты пятого курса ЮУрГУ, не имеющие постоянной работы и собственной семьи (1 гр. — приборостроительный факультет, 2 гр. — факультет психологии). Объективно система социальных отношений в этих группах включает в себя учебно-профессиональное общение, общение с близкими сверстниками, избирательное интимно-личностное общение с противоположным полом и поиск партнёра, сферу увлечений, сферу общественных отношений. Отличает две эти группы лишь то, что студенты-приборостроители характеризуются большим включением в сферу научно-изобретательской и творческой деятельности благодаря особенностям своей специальности, студенты-психологи благодаря особенностям своей специальности отличаются большим включением в сферу общественной и исследовательской деятельности.

3 группа — молодые люди, закончившие учебную деятельность и имеющие постоянное рабочее

место, но не имеющие собственной семьи. Структура социальной ситуации этих респондентов включает в себя сферу профессиональных и трудовых отношений, сферу общественных отношений, сферу увлечений, сферу общения с близкими людьми и избирательное интимно-личностное общение, направленное на поиск партнёра для создания семьи.

4 группа — молодые люди, закончившие учебную деятельность и имеющие собственную семью, но не имеющие постоянного рабочего места (в основном, домохозяйки, воспитывающие детей). Система социальных отношений включает сферу семейных отношений (в том числе воспитание детей), интимно-личностного общения с близким человеком, увлечений и общения с близкими друзьями. Эти люди практически не включены в трудовую и общественную деятельность.

Понимая, что субъективная составляющая социальной ситуации развития во многом определяется ее объективной основой, рассмотрим далее особенности самоактуализации молодых людей в выделенных группах, сравним ценности и определим наличие внутриличностного конфликта в связи с доступностью или недоступностью актуальных ценностей.

Исследование различий в уровне самоактуализации между группами испытуемых с разной структурой социальной ситуации развития

Показатели уровня самоактуализации по шкалам опросника САТ в разных группах испытуемых достаточно разнообразны (рис. 1). Значимые различия в группах (на уровне $p \leq 0,01$) отмечены по шкалам TC, IC, Ex, Fr, S, Sa, Nc, Cr. У молодых людей, имеющих постоянную работу, отмечены высокие показатели по шкале компетентности во времени (TC). У студентов-приборостроителей самые высокие значения уровня самоактуализации по шкалам поддержки (IC), самопринятия (Sa) и креативности (Cr). У студентов-психологов высокие показатели по шкале поддержки (IC), шкале гибкости поведения (Ex), сензитивности к себе (Fr), самоуважения (Sr), шкале представлений о природе человека (Nc) и контактности (C). У неработающих молодых людей высокие показатели по шкале спонтанности (S) и шкале представлений о природе человека (Nc).

Уровень высоких и выше среднего значения самоактуализации в двух группах студентов. Это может свидетельствовать о том, что наиболее благоприятной по структуре социальной ситуацией в период кризиса ранней взрослости является ситуация включения личности в учебно-профессиональные взаимоотношения, что предоставляет более широкие возможности для переоценки системы ценностей, жизненных целей, самоактуализации в той или

Рис. 1. Средние показатели уровня самоактуализации по шкалам САТ в группах с разной структурой социальной ситуации развития:

- 1) шкала компетентности во времени, 2) шкала поддержки, 3) шкала ценностных ориентаций,
- 4) шкала гибкости поведения, 5) шкала сензитивности к себе, 6) шкала спонтанности, 7) шкала самоуважения,
- 8) шкала самопринятия, 9) шкала представлений о природе человека, 10) шкала синергии, 11) шкала принятия агрессии,
- 12) шкала контактности, 13) шкала познавательных потребностей, 14) шкала креативности

иной сфере жизни и деятельности, а также уровень способствует личностному развитию.

Полученные результаты подтверждают положение Л. С. Выготского о социально-историческом характере возраста. В современных цивилизованных культурах происходит постепенное расширение границ подросткового и юношеского возраста. Это вызвано необходимостью продолжения обучения и образования в сфере профессионализации и освоения культурно-нормативной среды более развитого общества. Таким образом, наиболее благоприятные условия для самоактуализации личности создаст социальная ситуация развития, в структуре которой основным фактором является профессиональное обучение.

Исследование ценностей в группах испытуемых с разной структурой социальной ситуации развития

На рис. 2 видно, что показатели по шкалам терминальных ценностей в разных группах испытуемых находятся в пределах средних и высоких значений.

Различия в уровне ценностей между четырьмя группами испытуемых статистически значи-

мы ($p \leq 0,05$) по шкалам креативности (К), достижений (Д), духовного удовлетворения (ДУ) и сохранения собственной индивидуальности (ССИ).

Группу студентов приборостроительного факультета отличают самые высокие показатели по ценности креативности (К), достижений (Д) и сохранения собственной индивидуальности (ССИ). У студентов-психологов высокие показатели по ценности собственного престижа (СП), ценности высокого материального положения (ВМП), ценности достижений (Д) и сохранения собственной индивидуальности (ССИ). У работающих молодых людей преобладают ценности высокого материального положения (ВМП) и ценности развития себя (РС). У неработающих молодых людей высокие показатели по шкале ценности активных социальных контактов (АСК), ценности достижений (Д) и ценности духовного удовлетворения (ДУ).

Полученные данные согласуются с теоретическими данными о том, что кризис перехода к ранней взрослости сопровождается переоценкой ценностей и целей. При этом разная структура социальной ситуации развития определяет особенности системы ценностей личности.

Показатели ценностей по различным жизненным сферам (рис. 3) в исследуемых группах тоже нахо-

Рис. 2. Показатели терминальных ценностей в группах с разной структурой социальной ситуации развития:

- 1) СП — собственный престиж; 2) ВМП — высокое материальное положение; 3) К — креативность;
- 4) АСК — активные социальные контакты; 5) РС — развитие себя; 6) Д — достижения;
- 7) ДУ — духовное удовлетворение; 8) ССИ — сохранение собственной индивидуальности

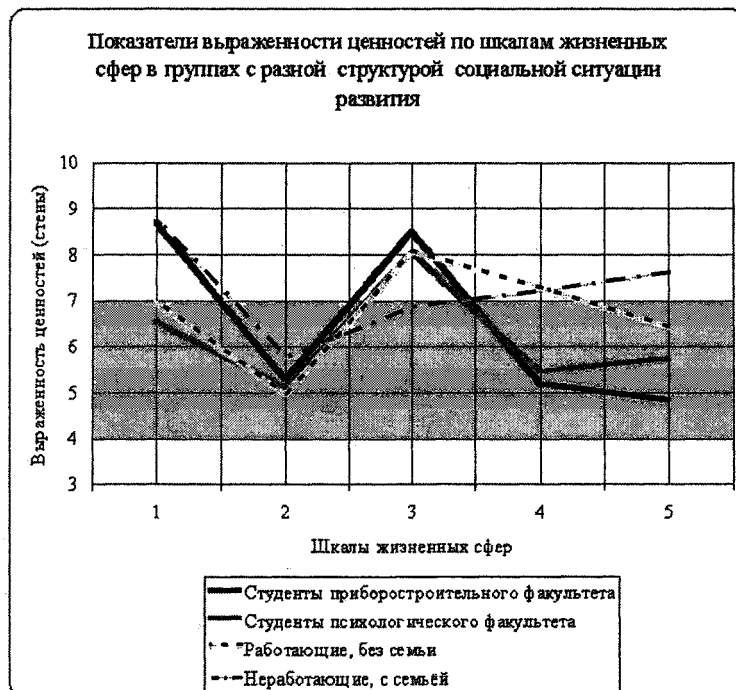

Рис. 3. Средние показатели ценностей по жизненным сферам опросника ОТеЦ в группах с разной структурой социальной ситуации развития:

- 1) СПЖ — сфера профессиональной жизни;
- 2) СоиО — сфера обучения и образования; 3) ССЖ — сфера семейной жизни;
- 4) СОЖ — сфера общественной жизни; 5) СУ — сфера увлечений

дятся на уровне средних и высоких значений. Все группы объединяет то, что наиболее высокая значимость ценностей обнаружена в сфере профессиональной и семейной жизни.

Статистический анализ данных фиксирует значимые различия ($p \leq 0,05$) между четырьмя группами по ценностям в сфере общественной жизни (СОЖ) и в сфере увлечений (СУ). У работающих молодых людей высокие показатели отмечены еще в ценности общественной жизни (СОЖ), а у неработающих — в сфере увлечений (СУ).

Выявление характера внутриличностного конфликта

Следующей задачей исследования является выявление характера внутриличностного конфликта, связанного с возможностью достижений ценностей в группах с разной структурой социальной ситуации развития, а также определение взаимосвязи конфликта с уровнем самоактуализации и выраженностью ценностей.

В разных группах испытуемых (рис. 4) выявлено лишь небольшое число ценностей, относительно которых ярко выражен внутриличностный конфликт, однако, именно эти ценности являются наиболее зна-

чимыми для ранней взрослости — ценности материальной обеспеченности и счастливой семейной жизни, но доступность их испытуемые оценивают низко. Это свидетельствует о внутреннем конфликте и подтверждает наличие кризиса развития.

Внутриличностный конфликт, связанный с достижением ценностей одинаково выражен у всех молодых людей, находящихся в кризисном периоде перехода от юности к взрослости и мало зависит от особенностей структуры социальной ситуации развития.

Статистически значимые различия в уровне внутриличностного конфликта в группах обнаружены в ценности активной деятельной жизни (АДЖ), ценности здоровья (З) и ценности познания (П) ($p \leq 0,05$).

Студентов-психологов отличают высокие показатели внутриличностного конфликта в ценности познания (П) как возможности расширения своего образования, кругозора, общей культуры и интеллектуального развития. У работающих молодых людей высокий внутриличностный конфликт в ценностях счастливой семейной жизни (ССЖ) и хороших и верных друзей (НВД). У неработающих молодых людей высокие показатели внутриличностного конфликта связаны с ценностью активной деятельной жизни (АДЖ) и материально обеспеченной жизни (МОЖ).

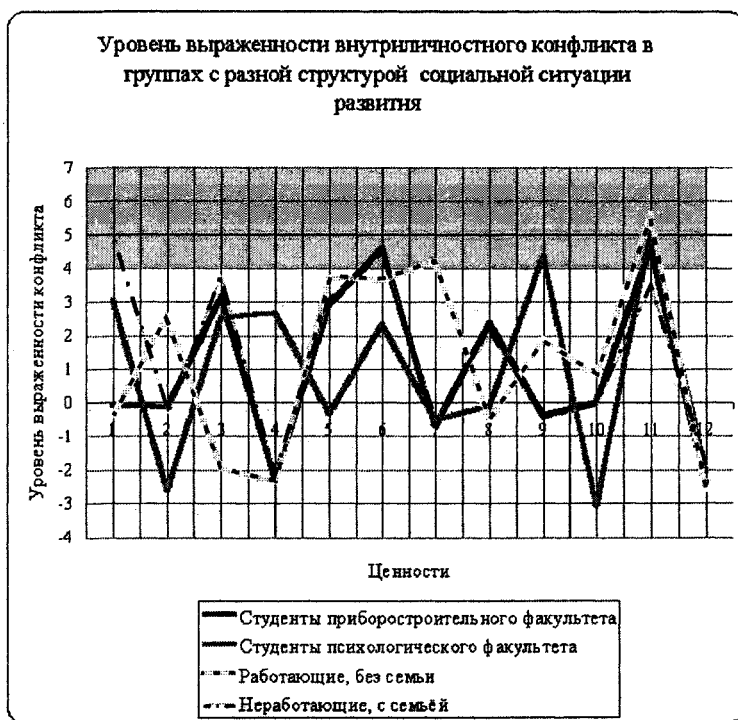

Рис 4. Средние показатели уровня выраженности внутриличностного конфликта в группах с разной структурой социальной ситуации развития:

- 1) АДЖ — активная, деятельная жизнь; 2) З — здоровье;
- 3) ИР — интересная работа; 4) КПиП — красота природы и искусства; 5) Л — любовь;
- 6) МОЖ — материально обеспеченная жизнь; 7) НВД — наличие верных друзей; 8) У — уверенность в себе;
- 9) П — познание; 10) С — свобода как независимость в поступках и действиях;
- 11) ССЖ — счастливая семейная жизнь; 12) Т — творчество

N = 80		МОЖ	У	АДЖ	П	НВД	ССЖ	З	ИР	С	Л
Методика САТ	ТС	0,27*									
	IC		0,31**								
	Ex			0,24*							
	S				-0,26*						
	C					0,39***					
Методика ОTeЦ	Sr		0,25*				-0,30**				
	ДУ							0,23*			
	СП								-0,25*		
	ССИ									0,41***	
	АСК					0,27*					-0,26*

Условные обозначения: * — $p < 0,05$; ** — $p < 0,01$; *** — $p < 0,001$;

МОЖ — материально обеспеченная жизнь; У — уверенность в себе; АДЖ — активная, деятельная жизнь; П — познание; НВД — наличие верных друзей; ССЖ — счастливая семейная жизнь; З — здоровье; ИР — интересная работа; С — свобода; Л — любовь; ТС — шкала компетентности во времени; IC — шкала поддержки; Ex — шкала гибкости поведения; S — шкала спонтанности; Sr — шкала самоуважения; C — шкала контактности; ДУ — духовное удовлетворение; СП — собственный престиж; ССИ — сохранение собственной индивидуальности; АСК — активные социальные контакты.

Для определения взаимосвязи внутриличностного конфликта с уровнем самоактуализации и ценностями использовался корреляционный анализ.

Показатели уровня внутриличностного конфликта связаны с показателями уровня самоактуализации опросника САТ и показателями терминальных ценностей опросника ОTeЦ. Внутриличностный конфликт в сфере уверенности в себе (У) связан с уровнем самоактуализации в поддержке (IC) и самоуважением (Sr). Внутриличностный конфликт по шкале наличия верных друзей (НВД) связан с уровнем самоактуализации в контактности (C) и ценностью активных социальных контактов (АСК). Отрицательная связь отмечена между показателями внутриличностного конфликта в сфере счастливой семейной жизни (ССЖ) и уровнем самоактуализации в самоуважении (Sr). Наиболее сильная теснота корреляционной связи наблюдается между показателями внутриличностного конфликта в ценности свободы как независимости в поступках и действиях (C) и ценности сохранения собственной индивидуальности (ССИ).

Выводы

Структура социальной ситуации развития в каждой исследуемой группе имеет свою специфику, которая служит исходным моментом для всех динамических преобразований возраста и основой психического развития личности.

Высокий уровень самоактуализации по результатам исследования показали группы студентов пятого курса, что свидетельствует о наиболее благоприятной структуре социальной ситуации разви-

тия. В кризисе ранней взрослости ситуация включения личности в учебно-профессиональные взаимоотношения предоставляет более широкие возможности для переоценки системы ценностей, жизненных целей, самоактуализации в той или иной сфере ее жизни и деятельности, уровень её личностного развития. Полученные данные подтверждают положение Л. С. Выготского о социально-историческом характере возраста.

Объективные различия в структуре социальной ситуации развития связаны с субъективными особенностями социальной ситуации развития. Субъективно различаются система ценностей, их уровень и структура внутриличностного конфликта.

Во всех исследуемых группах выявлен высокий уровень внутриличностного конфликта по ценности материально обеспеченной жизни (МОЖ) и счастливой семейной жизни (ССЖ), что подтверждает значимость задач ранней взрослости — обретение социально-экономической самостоятельности (профессионального развития) и интимности-близости (создания семьи). Субъективная недоступность этих задач указывает на внутренний конфликт между потребностями и возможностями и на существование нормативного кризиса развития.

Внутриличностный конфликт по шкале уверенности в себе (У) связан с уровнем самоактуализации по шкале поддержки (IC) и самоуважения (Sr).

Высокая корреляция существует между уровнем внутриличностного конфликта по шкале наличия верных друзей (НВД) с показателями уровня контактности (C) и ценностью активных социальных контактов (АСК). Внутриличностный конфликт в сфере счастливой семейной жизни (ССЖ) связан с

уровнем самоуважения (Sr). Внутриличностный конфликт в сфере свободы как независимости в поступках и действиях (С) коррелирует с ценностью сохранения собственной индивидуальности (ССИ).

Литература

1. Выготский Л. С. Психология. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. — 1008 с.

2. Карабанова О. А. Социальная ситуация развития ребенка: структура, динамика, принципы коррекции: Дис. ... докт. психол. наук. — М., 2002.

3. Поливанова К. Н. Психология возрастных кризисов. — М.: Академия, 2000. — 184 с.

4. Солдатова Е. Л., Лаврова Г. Н. Психология развития и возрастная психология: онтогенез и дизонтогенез. — Ростов-на-Дону: «Феникс», 2004. — 384 с.

5. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Пер. с англ. — М.: «Прогресс», 1996. — 344 с.

ПОДПОЛЬНЫЙ АНТИГЕРОЙ КАК ИДЕОЛОГ СВОБОДЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

«Проблема свободы едва ли не больше всего другого тревожила ум Достоевского, который так глубоко, как, может быть, никто другой во всей истории человеческой мысли, чувствовал правду свободы, ее неустрашимость. Но тот же Достоевский хорошо понимал всю *трудность* свободы в натуральном порядке жизни...».

В. В. Зеньковский

Первым идеологом свободы в художественном мире Достоевского становится «антигерой» «Записок из подполья», в котором «кишат» «противоположные элементы» [1, с. 100]. Исследование свободы Достоевский начинает именно со свободы подпольного человека и вплоть до последнего романа «Братья Карамазовы» не выпускает ее из поля своего творческого зрения.

Свобода подпольного парадоксалиста кажется безграничной. Он «... исследует и испытывает эти границы. Если так свободен человек, то не всё ли дозволено, не разрешено ли какое угодно преступление во имя высших целей, вплоть до отцеубийства, не равноценен ли идеал Мадонский и идеал Содомский, не должен ли человек стремиться к тому, чтобы самому стать богом? Не обязан ли человек объявить своеволие? Достоевский почувствовал, что в свободе подпольного человека заложено семя смерти» [2, с. 144]. Онтология поступков этого персонажа определяется жадой свободы, жадой быть самим собой. В нем как бы просыпаются с неудержимой силой такие инстинкты, которые разбивают «алмазность всякой формулы: и человек захочет страдания, разрушения, крови <...>; подобно тому как слишком долго заключенный в светлой и теплой комнате изрежет руки о стекла и выйдет не одетый на холод, лишь бы только не оставаться еще среди прежнего» [3, с. 33—34]. В самостоятельном хотенье сохраняется самое дорогое для человека — собственная личность и индивидуальность: «Есть в человеческом сердце темная, непостижимая сила, еще более мощная, чем тяга к спокойному блаженству. Это — сознание собственной свободы, в смысле внутренней иррациональности и творческой тревоги. Оно-то и образует глубочайшее естество человека. Эта чистая, неопределенная потенция, это незавершенное, всемогущее в человеческом духе, эта способность ставить самому себе цели и определять по собственному усмотрению направление своей жизни — разве это непостижимое, иррациональное свойство не есть высочайшее, единственное достояние человека, от которого он про-

сто не может отказаться, не совершая акта самоубийства, потому что оно совпадает с его существом как человека» [4, с. 246]. Желание часто вредного и глупого совершается из простейшей и положительной потребности утвердиться в своей собственной свободе, которая и понимается как право делать то, что захочется. Жадой свободы определяется и онтология человека: «Путь человека на свободе начинается с крайнего индивидуализма, с уединения, с бунта против внешнего миропорядка. Развивается непомерное самолюбие, открывается подполье. Появляется подпольный человек, неблагообразный, безобразный человек и раскрывает свою диалектику» [2, с. 128].

Известно, что проблема свободы у Достоевского имеет глубинную связь с трагедией человеческого духа. По утверждению А. Л. Бема, именно с ««Записок из подполья» начинается «гениальная идейная диалектика Достоевского. Он уже не только психолог, он — метафизик, он исследует до глубины трагедию человеческого духа. Он уже не гуманист в старом смысле слова» [5, с. 91]. Свою волю «один из представителей еще доживающего поколения» [1, с. 99] сам вводит «в порядок сверхчувственного мира» [6, с. 29]. Он восстаёт против всего нормативного, разумного и рационального в жизни во имя достоинства и незаменимости главного признака человека как одухотворённого существа — анархического принципа свободы, не считающегося ни с какими авторитетами и не признающего порядка и дисциплины. Подпольный антигерой заявляет своеволие против всего раз и навсегда установленного и интуитивно чувствует, что «своеволие защищает самое дорогое и самое главное — нашу личность и нашу индивидуальность» [7, с. 105]. В «Преступлении и наказании» такой протест выражает Разумихин: «Ну, верите ли: полной безличности требуют и в этом самый смак находят! Как бы только самим собой не быть, как бы всего менее на себя походить! Это-то у них самым высочайшим прогрессом и считается» [8, с. 155].

Жажда стихийной свободы, не удовлетворяемая никакими регулирующими принципами, содержит в себе в качестве знака свободы незамкнутость. По мнению С. Л. Франка, путь этот, окруженный со всех сторон безднами греха, безумия и зла, в противоположность всем рациональным и безопасным путям — единственный путь человека к Богу — другого пути, более рационального и безопасного, менее проблематичного здесь нет и быть не может. Достоевский не представлял «...духовного просветления и обретения даров благодати без опыта греха и зла...» [9, с. 396]. Однако для Достоевского это вовсе не означало, что грех и зло должны стать неотъемлемыми составляющими человеческой личности и жизни.

Личность подпольного антигероя как духовно-творческое и свободное начало в человеке возмущается новым еще невиданным возмущением. Его личность не выдерживает гнета откровенного рабства. Возмущение это направлено прежде всего против рассудка: «...рассудок и удовлетворяет только рассудочной способности человека, а хотенье есть проявление всей жизни <...> и с рассудком, и со всеми почесываниями. И хоть жизнь наша в этом проявлении выходит зачастую дрянцо, но все-таки жизнь, а не одно только извлечение квадратного корня <...>. <...> хотенье очень часто <...> разногласит с рассудком» [1, с. 115]. О том, что нельзя быть свободным, живя только рассудком, говорит в романе «Идиот» Александра Епанчина князь Мышкину. Князь рассказывает об «одном человеке», взведенном на эшафот после того, как «прочитан был приговор смертной казни расстреливанием» [10, с. 51], замененный затем наказанием другой степени. Этот человек за пять минут до предполагаемой смерти думал о том, что если бы ему подарили жизнь, то он «...каждую бы минуту в целый век обратил, ничего бы не потерял, каждую бы минуту счетом отсчитывал (здесь и далее подчеркнuto мной. — Ч. Г.), уж ничего бы даром не истратил!» [10, с. 52]. И в искренности слов приговоренного к смертной казни не приходится сомневаться. Александра спрашивает князь:

«— Ну, что же он с этим богатством сделал потом? Жил ли каждую минуту «счётом»?

— О нет, он мне сам говорил, — я его уже про это спрашивал, — вовсе не так жил и много-много минут потерял.

— Ну, стало быть, вот вам и опыт, стало быть, и нельзя жить, взаправду «отсчитывая счётюм». Почему-нибудь да нельзя же.

— Да, почему-нибудь да нельзя же, — повторил князь, — мне самому это казалось... А все-таки как-то не верится...» [10, с. 53].

Это «почему-нибудь» — очевидное проявление иррациональной, спонтанной свободы человека, когда рассудок диктует рационально правильное, а глубинное естество человека восстает против рассудочно правильного и его не приемлет [8, с. 210].

Метафизический бунт подпольного человека в «Записках из подполья» свидетельствует о том, что жизнь никогда не может быть простой операцией разума: «Разум уничтожает свободу и личность человека (курсив здесь и далее автора цитаты. — Ч. Г.)» [11, с. 71]. Подпольный антигерой как будто делает попытку продемонстрировать несоизмеримость свободной, противоречивой и иррациональной человеческой природы с рационалистическим гуманизмом, с рационалистической теорией прогресса, «...со всеми утопиями о хрустальных дворцах» [12, с. 67], со всем тем, что представляется унижительным для человека и его достоинства. Свобода не может быть «рационализирована»: все определения свободы «делают ее рациональной, т. е. ведут к исчезновению свободы» [13, с. 89]. О невозможности «запрограммированной» свободы (свободы «по табличке») подпольный человек размышляет так: «...все хотенья и рассуждения могут быть действительно вычислены, потому что когда-нибудь откроют же законы так называемой нашей свободной воли, то, стало быть, и, кроме шуток, может устроиться что-нибудь вроде таблички, так что мы и действительно хотеть будем по этой табличке. Ведь если мне, например, когда-нибудь расчислят и докажут, что если я показал такому-то кукиш, так именно потому, что не мог не показать и что непременно таким-то пальцем должен был его показать, так что же тогда во мне свободного-то останется...» [1, с. 114]. «Эвклидовский» разум провозглашает свободу, но в конце концов именно он её и убивает, так как отрицает её и не может с ней смириться. Антигерой из подполья боится, что «...наука научит человека <...>, что ни воли, ни каприза на самом-то деле у него и нет, да и никогда не бывало, <...> и все, что он ни делает, делается вовсе не по его хотенью, а само собою, по законам природы» [1, с. 112]. Безусловно, в сравнении с «эвклидовским» разумом свобода есть «нечто более существенное, более непосредственное, нечто большее и непреодолимое. Жизнь в условиях свободы выражается в своей бесконечной парадоксальности и ужасающей противоречивости» [14, с. 29]. Очевидно и то, что подпольный парадоксалист не приемлет всю логику позитивистской науки, отрицающей возможность свободы в мире необходимости: «Для науки легче иметь дело с человеком, который не обладает свободой. Человек без свободы несравненно проще, примитивнее и более понятное существо, нежели человек со свободой» [14, с. 60]. Это положение лежит в основе диктаторских режимов всех времен, а у Достоевского оно художественно выражено в системах «свободы» Шигаева и Великого инквизитора.

Подпольный человек чем больше осознает всю разумность окружающего мира, в котором все

«дважды два четыре», тем сильнее противопоставляет себя этому миру и «тем сильнее рвется на простор из глубины его души то «неразумное», неизвестное, тот первозданный хаос, который больше всего пугает обычное сознание» [15, с. 357]. Он воспекает не поддающийся никакому учету, ничем не обусловленный, «вечно иррациональный каприз» [15, с. 357]. Именно по причине иррационального неприятия окружающего мира каждая последующая мысль подпольного человека как бы опровергает предыдущую. Его рассуждения доказывают заложенную глубоко в человеке потребность в бунте и произволе. Однако нельзя отрицать существенное и очевидное, — а именно то, что произвол в действительности оказывается изнанкой свободы, поскольку свобода без цели и содержания есть не что иное, как свобода пустая: «Хотеть свободы для свободы, свободы без цели и содержания значит хотеть пустоты, уклоняться к небытию» [16, с. 371]. Апологетом именно такой свободы — свободы пустой и бессодержательной, основанной на анархическом бунте, становится подпольный человек, вставший на путь «метафизического» деспотизма и пытающийся подчинить своеволию все добродетели и все ценности.

В свободе подпольного человека отсутствуют живые движения любви, хотя о любви он рассуждает как будто правильно: «Любовь — тайна божия и от всех глаз чужих должна быть закрыта, что бы там ни произошло» [1, с. 158]; «Любовь! — да ведь это все, да ведь это алмаз, девичье сокровище, любовь-то!» [1, с. 159]. Но что происходит в его собственном сердце? В нем воцаряется противоположное смыслу его рассуждений — бессилие любви. Несвободная эгоистичная любовь вырождается в страсть, становится началом порабощения и насилия для обеих сторон — и для любимого, и для влюблённого. В этом заключен смысл антиномии любви к женщине и любви к ближнему. С превращения подпольного человека в протестанта начинается мистическое разложение, распад личности одного из самых противоречивых персонажей писателя: «Одинокая свобода оборачивается одержимостью. Упрямый протест разрешается внутренним пленом. И более того, свобода оборачивается одержимостью. «Подпольный человек» становится сразу и насильником и одержимым» [17, с. 386—387]. Понимание любви подпольного человека парадоксально, крайне алогично и иррационально. И любовь он «выворачивает наизнанку»: «...любить у меня — значило тиранствовать и нравственно превосходить. Я всю жизнь не мог даже представить себе иной любви и до того дошел, что иногда теперь думаю, что любовь-то и заключается в добровольно дарованном от любимого предмета праве над ним тиранствовать» [1, с. 176]. Небезызвестный Лужин из «Преступления и наказания» точно так же понимает «тайный» смысл любви. Он мечтает о

«рабской благодарности и благоговении» Авдотьи Раскольниковой и о своем «безграничном и всецелом владычестве» [8, с. 235] над добродетельной и образованной женщиной.

Отметим, что недостаток любви друг к другу, ведущий к обособлению, в мировоззренческих и художественных построениях Достоевского рассматривался писателем как один из основных источников зла. Любовь — это свободное проявление личности и другим проявлением она быть не может. Очевидно, что это и выбор между добром и злом. Напротив, любовь эгоистичная, основанная на началах пользы и силы, со временем сбрасывает свою маску и превращается в разнузданную стихию неприкрытого зла подобно той, которая изображена в эпилоге «Преступления и наказания», когда в больном сне Раскольников видит запутавшихся и убивающих друг друга в бессмысленной злобе людей, не знающих, «что считать злом, что добром» [8, с. 420]. Понимаемая как тирания любовь превращается в явление обыденное, в зловещую привычку: «...развивается, наконец, в болезнь. <...> лучший человек может огрубеть и отупеть от привычки до степени зверя. Кровь и власть пьянят: развиваются за grubелость, разврат; уму и чувству становятся доступны и, наконец, сладки самые ненормальные явления. Человек и гражданин гибнут в тирани навсегда, а возврат к человеческому достоинству, к раскаянию, к возрождению становится для него уже почти невозможен. К тому же пример, возможность такого своеволия действуют и на всё общество заразительно (такая власть соблазнительна» [18, с. 154] — пишет Достоевский в «Записках из Мертвого дома» о «людях-тиграх, жаждающих лизнуть крови» [18, с. 154]. Фактически подобное своеволие доводит теорию подпольного человека до своего логического завершения.

Зарождающееся «семя смерти» подпольного парадоксалиста проявляется из расстройтва свободы в последней глубине духа, в своеволии он теряет ориентиры, лишает себя нравственной свободы, вследствие чего упивается безудержным утолением пороков. Любовь угасает и превращается в кокетство и сладострастие. Грубые услады служат тому, чтобы заглушить безысходность. Из двух бездн в душе человека — «адского подполья и Божьего неба, запечатлевшего образ Господен» [19, с. 161] — он выбирает первую и брезгливо изнемогает в завистливом и душном подполье. Так, по мысли С. Н. Булгакова, подполье становится своеобразной изнанкой бытия, величиной не существующей, не получившей реальности: «Хотеть себя в собственной самости, замыкать себя в своей тварности как в абсолютном — значит хотеть подполья и утверждаться в нем» [19, с. 161]. В подпольном человеке расколото я, «...я потеряно, человек «не в себе», самообладание потеряно; нет центра воли, а образовался какой-то неожиданный пре-

ступный центрик, вокруг которого завертелись все страсти и все силы...» [20, с. 69]. В теории свободной воли и свободного хотения появляется очевидный изъян, суть которого, по пронизательному и точному наблюдению В. В. Зеньковского, заключена в следующем: «...в том-то и дело, что если жить «по своей глупой воле», то есть не связывать акты свободы с истиной, то получается ведь мнимая свобода!» [21, с. 338]. Подпольный парадоксалист бежит от реальности в глубину своих сокровенных к ней претензий как в особый иллюзорный, несуществующий мир и, сам того не ведая, становится жертвой неизвестной предопределённости. Он «...добивался свободы, но <...> так и остался рабом, судорожно дергающимся на цепи, которую был не в силах порвать» [22, с. 161]. Он не смог усмирить собственные внутренние конфликты; он «никогда не сможет быть в полной мере свободен, так как не в состоянии отгородиться от «них», от «других», от разных конфликтующих голосов внутри своего «я» [23, с. 19]. Индивидуальное сознание здесь находится на разных противоречащих друг другу путях и подчиняется различным иллюзорным «внутренним голосам». В его глубинной сущности происходит разрыв между логическим сознанием и чувственной личностью, когда «сознание перестает руководить волею, бросает ее <...> на произвол ее страстей, <...> не контролируемое на каждом шагу <...> целесообразностью, средоточием которой является в нас воля, начинает блуждать вкривь и вкось, теряет перспективу, ударяется в односторонности, впадает в величайшие ошибки» [24, с. 77—78]. Подпольный человек, в соответствии с собственной философией, «не поддается оформлению, т.е. сохраняет в себе стихию первобытной меонической свободы, хаоса — вне смысла Господа Бога» [25, с. 126]. Его свобода не имеет четких контуров и границ, она далека от цельности и означает, как было отмечено выше, распад и «разложение» личности.

Отдельными своими чертами своеволие подпольного человека перекликается со своеволием Настасьи Филипповны Барашковой из романа «Идиот». Потеря веры в себя и бунт как самозащита — одни из слагаемых образа Настасьи Филипповны в романе. Очевидно, что своеволие обоих персонажей обретает реальные черты в бунте и разрушении. Свобода самоопределяется к внутренне бессодержательному бунту [26] и в итоге ко злу, при этом энергия добрых и светлых движений оказывается направленной в противоположную от добра сторону. Свобода Настасьи Филипповны извращается и в результате выплескивается как хаос и разрушение, оборачиваясь против самого виновника хаоса и разрушения, как и против окружающего мира. Настасья Филипповна мстит своему обидчику Тоцкому. Она намерена не позволить ему жениться на богатой и знатной красавице, «не позволить по зло-

сти, единственно потому, что ей так хочется» [10, с. 37]. «Вся живая потребность в «самостоянии», в достоинстве ушла в это мертвящее чувство. Автор сразу отмечает, что, отдавшись порыву мести, Настасья Филипповна идет наперекор всякому рассудку и навстречу собственной гибели» [27, с. 38]. И подпольный человек, и героиня «Идиота» целиком захвачены злобой, саморазрушительной местью. Свобода здесь доходит до своих пределов, до сумасшествия, в котором, кажется, навсегда потерян центр личности. По своей сути безудержное своеволие Настасьи Филипповны оказалось своеволием самоубийственным: «...она погубила себя раньше, чем была убита Рогожиным» [27, с. 42]. Подобная свобода-своеволие становится причиной душевной гибели как подпольного человека, так и Настасьи Филипповны.

Трагедия и подпольного человека, и Настасьи Филипповны в том, что при очевидных различиях в характерах обоих персонажей, они не достигают слитности и цельности, не обретают внутренней сосредоточенности и свободы позитивной.

Повествовательная ткань художественных произведений Достоевского насыщена множеством примеров различных проявлений таких крайних форм своеволия, как произвол и деспотизм — от комического, действующего по наитию «русского Тартюфа» [29, с. 502] Фомы Опискина до всеохватывающей программы деспотизма Великого инквизитора, полагающего, что не свобода нужна человеку, но «счастье слабосильных существ» и «земное устройство» человека. По верному наблюдению Г. Померанца, зачатки произвола появляются в человеке, когда «свобода в Духе, в причастности Духу легко подменяется своеволием» [30, с. 144]. Как следствие этого — необузданное самовластие прихотей, попирающее чужие «воли» и не считающееся ни с кем и ни с чем. Ложная свобода всегда стояла перед опасностью вырождения в безграничный деспотизм.

Достоевский, по мнению русских религиозных мыслителей (Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, Г. В. Флоровского, В. В. Зеньковского и др.), обличает пагубные пути своеволия и бунта подпольного человека, в действительности ведущие к истреблению его свободы и к разложению внутреннего стержня его личности. Основная сложность «Записок из подполья», на взгляд русской литературно-философской критики рубежа XIX—XX веков, лежит в плоскости, имеющей непосредственное отношение к проблеме человеческой свободы. На примере художественного образа одного из первых бунтовщиков-своевольцев Достоевский показывает трагизм бунтующего своеволия и бунтующего самоутверждения. В конечном счете, в «Записках из подполья» выражено отрицание двух мировоззренческих крайностей — социалистической утопии и анархистской свободы.

Литература

1. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. — Л.: Наука, 1973. — Т. 5. — 407 с.
2. Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского // Бердяев Н. А. О русских классиках. — М.: Высшая школа, 1993. — С. 107—224.
3. Розанов В. В. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. — М.: Республика, 1996. — 702 с.
4. Франк С. Л. Легенда о Великом инквизиторе // О Великом инквизиторе. Достоевский и последующие. — М.: Молодая гвардия, 1991. — С. 243—250.
5. Бем А. Л. Исследования. Письма о литературе. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — 448 с.
6. Фихте И. Г. Назначение человека // Человек. Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. XIX век. — М.: Республика, 1995. — С. 28—32.
7. Лаут Райнхард. Философия Достоевского в систематическом изложении. — М.: Республика, 1996. — 447 с.
8. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. — Л.: Наука, 1973. — Т. 6. — 420 с.
9. Франк С. Л. Достоевский и кризис гуманизма (К 50-летию со дня смерти Достоевского) // Творчество Достоевского в русской мысли 1881—1931 годов. — М.: Книга, 1990. — С. 391—398.
10. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. — Л.: Наука, 1973. — Т. 8. — 510 с.
11. Флоровский Г. Блаженство страждущей любви // Флоровский Георгий. Из прошлого русской мысли. — М.: Аграф, 1998. — С. 68—74.
12. Бердяев Н. А. Откровение о человеке в творчестве Достоевского // Бердяев Н. А. О русских классиках. — М.: Высшая школа, 1993. — С. 54—75.
13. Бердяев Н. А. Философия свободного духа. — М.: Республика, 1994. — 480 с.
14. Иустин (Попович) прп. Достоевский о Европе и славянстве. — СПб.: Адмиралтейство, 1998. — 271 с.
15. Шестов Лев. Преодоление самоочевидностей (К столетию рождения Ф. М. Достоевского) // Литература русского зарубежья. Антология. — М.: Книга, 1990. — Т. 1. — Кн. 2. — С. 335—358.
16. Бердяев Н. А. Смысл творчества // Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. — М.: Правда, 1989. — С. 254—581.
17. Флоровский Г. В. Религиозные темы Достоевского // О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881—1931 годов. — М.: Книга, 1990. — С. 386—391.
18. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. — Л.: Наука, 1973. — Т. 4. — 325 с.
19. Булгаков С. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. — М.: Республика, 1994. — 415 с.
20. Вышеславцев Б. П. Русская стихия у Достоевского // Русские эмигранты о Достоевском. — СПб.: Андреев и сыновья, 1994. — С. 61—86.
21. Зеньковский В. В. Наша эпоха // Зеньковский В. В. Русские мыслители и Европа. — М.: Республика, 1997. — С. 308—346.
22. Кирпотин В. Я. Достоевский-художник. — М.: Советский писатель, 1972. — 319 с.
23. Туниманов В. «Подполье» и «живая жизнь» // XXI век глазами Достоевского: перспективы человечества. — М.: Грааль, 2002. — С. 16—40.
24. Гершензон М. О. Творческое самосознание // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. — М.: Новости, 1990. — С. 74—101.
25. Живолупова Н. В. Трансформация мотива «подражания Христу» в произведениях Ф. М. Достоевского 60-х годов // Достоевский и современность: Материалы VIII Международных «Старорусских Чтений», 1993 г. — Новгород, 1994. — С. 121—130.
26. «Ничем не хочу стеснять себя», — говорит Настасья Филипповна Гане [8, 40].
27. Щенников Г. К. Целостность Достоевского. — Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001. — 439 с.
28. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. — Л.: Наука, 1973. — Т. 9. — 527 с.
29. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. — Л.: Наука, 1973. — Т. 3. — 542 с.
30. Померанц Г. Европейская свобода и русская воля // Дружба народов. — 1994. — № 4. — С. 137—147.

КЛАССИФИКАЦИЯ РЕЧЕЙ, ЖАНРЫ ЭПИДЕЙКТИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Риторический текст тогда становится эффективным, когда оратор точно осознает целевую установку, то есть риторское намерение, а также глубоко анализирует ситуацию общения, включающую в себя тип адресата, условия и обстановку общения. Не менее важным становится вопрос о выборе риторического жанра.

Выделяя определенные риторические жанры, теоретики риторики, прежде всего, выделяют родовую типологию и опираются на аристотелевскую классификацию ораторских речей по родам, критерием которой является сфера общения: «...естественно является три рода риторических речей: совещательные, судебные и эпидейктические» [1, с. 99]. В рамках такого деления рассматривается дальнейшая, жанровая, дифференциация. Однако многие исследователи справедливо считают деление речей на эти роды устаревшей, не отвечающей всему многообразию сфер и ситуаций общения. Так, Н. Н. Кохтев и другие современные ученые классическую классификацию речей дополняют академическим, социально-политическим, духовным красноречием [4, с. 40], в основе которой — сфера красноречия. А. К. Михальская, Т. В. Матвеева считают правомерным и необходимым выделить бытовую риторику, жанры которой типизируются и имеют свои признаки. По количеству участников публичной речи выделяют монологические, диалогические, полилогические речи. Основываясь на функционально-смысловом типе речи, речевые произведения делятся на повествование, описание, рассуждение. Кроме указанных типов речей, выделяются речевые жанры в частных, профессиональных сферах общения. Описание жанров в указанных риториках является в настоящее время весьма востребованным (Т. В. Анисимова, Е. Г. Гимпельсон, Е. В. Харченко и др.).

На наш взгляд, более продуктивной является типология речей в зависимости от целевой установки. «Общая цель заключается в том, чтобы развлечь, информировать, воодушевить, призвать к действию», — пишет П. Сопер [6, с. 41]. Все речи П. Сопер делит на развлекательные, информационные, агитационные. Последние, в свою очередь, подразделяет на воодушевляющие, убеждающие, призывающие к действию. Попробуем выделить жанры ораторских речей в рамках данной классификации в зависимости от цели оратора.

Вопрос о риторических жанрах является одним из самых неразработанных в области современного риторического знания. Это вполне объяснимо тем, что риторика — наука новая, вернее, недавно возродившаяся в России. Кроме того, новые условия и

преобразования жизни, появление и развитие дополнительных знаний в области коммуникации влекут за собой возникновение новых риторических жанров. Понятие жанра, помимо риторики, является основным в журналистике, художественной литературе. Попытка подменить жанры одной сферы другой приводит к коммуникативным неудачам, так как признаки, например, художественного текста лишь частично решают коммуникативную задачу оратора (например, на этапе элокуции текста). Основоположником в теории речевого жанра является М. М. Бахтин: «Мы говорим только определенными речевыми жанрами, то есть все наши высказывания обладают определенными и относительно устойчивыми типическими формами построения целого. Мы обладаем богатым репертуаром устных (и письменных) речевых жанров...» [3, с. 46].

Типологию жанров мы строим, основываясь на следующих положениях теории Б. Б. Бахтина:

1) жанр рассматривается как относительно устойчивые типы высказываний («типичные модели построения целого»), которые отражают специфические условия и цели каждой области речевого общения не только своим тематическим содержанием и языковым стилем, но и прежде всего композиционным построением,

2) в основе речевого произведения лежит замысел, определяющий выбор предмета высказывания, границы и форму, которые обретет высказывание,

3) важным признаком речевого жанра является адресованность и учет осведомленности адресата, его убеждений, его симпатий и антипатий — апперцептивного фона восприятия речи говорящего: все это влияет на выбор композиционных приемов, языковых средств,

4) риторические жанры соответствуют типическим ситуациям общения, причем в каждой сфере использования языка выработаны свои относительно устойчивые типы высказываний («репертуар риторических жанров»),

5) диалогичность общения определяет композицию жанра и является одним из главных его признаков.

Теоретическое осмысление понятия «жанр» дает возможность выработки практических рекомендаций в области того или иного риторического жанра. Знание специфики риторического жанра, его признаков, умение точно определить ситуацию общения, которой наиболее адекватен этот жанр, делают результат общения максимальным. «Чем больше в запасе у современного человека схем речевых жанров, тем больше число ситуаций, в которых он будет проявляться как развитая язы-

ковая личность» [2, с. 233]. Т. В. Анисимова определяет риторический жанр как «исторически сложившийся устойчивый тип риторического произведения, единство особенных свойств формы и содержания, определяемое целью и условиями общения и ориентированное на предполагаемую реакцию адресата» [2, с. 236].

Нам кажется интересным рассмотрение жанров эпидейктической речи, так как этот тип речи по цели, наряду с информационной, убеждающей, агитационной речами, является в практике общения довольно востребованным.

Эпидейктическая речь — это торжественная речь, «речь на случай», которая произносится в речевой ситуации особого рода: на юбилеях, других торжествах, на съездах партии или просто вечеринках (А. К. Михальская).

Ситуации, в которых проходят подобные публичные выступления, делятся на официальные и неофициальные, бытовые. К официальным ситуациям общения относятся государственные и профессиональные праздники, торжественные мероприятия (открытие фестиваля, конференции, съезда, выставки, спортивного праздника, вручение наград и т. д.). Неофициальные ситуации, которые сопровождаются воодушевляющими речами, — это семейные праздники, дружеские и корпоративные вечеринки. Если целью информационных речей является новое знание о предмете речи, убеждающей — изменение убеждений слушателей по обсуждаемой проблеме, то назначением эпидейктической речи становится обращение к эмоциональной сфере слушателей, сплочение аудитории, поднятие настроения. Информированная и убеждающая целеустановка являются вспомогательными, причем аргументация носит риторический характер. Грамотно построить выступление в ситуациях подобного рода — дело отнюдь не простое, как показывает практика выступлений.

Характер пафоса эпидейктических речей может быть разным: «дело эпидейктических речей — хвалить или порицать» [1, с. 99]. Речи, призванные вызывать положительные эмоции, возвышенные чувства, могут быть произнесены в таких жанрах, как поздравление, благодарность, напутствие, прощание, приветствие, тост. Речи в этих жанрах могут звучать как в официальной ситуации (ежегодное новогоднее поздравление российского народа, приветствие участникам конференции, напутствие спортсменам-участникам Олимпиады и т. д.), так и в неофициальной ситуации (напутствие жениху и невесте на свадебном торжестве, тост юбиляру на дне рождения и т. д.). Причем одни и те же жанры могут быть выбраны как в официальной, так и в неофициальной сферах общения, например, поздравление, напутствие.

В риторических речах находят отражение важные события в жизни людей, события, способные вызвать сильный эмоциональный отклик, а иногда

и потрясти, вызвать справедливый гнев. Речь идет о речах в кризисных ситуациях, подобных террористическим актам. Подобные публичные выступления произносятся в жанре обращения или заявления и носят официальный характер

Оратор выстраивает публичное выступление в одном из указанных жанров, опираясь на общие правила содержания и формы речи и требования к подготовке речи. Что является важным компонентом содержания жанров эпидейктической речи?

В жанре поздравления необходимо наличие конкретного материала, в котором бы отразилась индивидуальность адресата, «виновника торжества», причем последний может быть как одним лицом, так и группой лиц, коллективом. Наиболее эффективным функционально-смысловым типом речи может стать повествование, включающее элементы драматизации: завязка, развитие повествования, кульминация, развязка; воображаемые диалоги, реплики. Всегда с интересом воспринимаются короткие занимательные рассказы, реальные истории из жизни, в которых ярко отражается личность адресата. В описательном компоненте важным становится акцент на привлекательных чертах адресата, являющихся существенными, индивидуальными (ср. тексты на поздравительных открытках, которые не могут отвечать этим требованиям). Причем оратор должен избегать банальностей, клишированности, с тем чтобы доставить удовольствие слушающим. Несмотря на кажущуюся легкость решения риторической задачи. — создание эффективного высказывания в этом жанре — доступно далеко не каждому. Жанр поздравления очень устойчив. В сознании носителя языка он присутствует как элемент (набор) топосов — набора правил и формул речевого поведения, подходящего случаю. Включаясь в семейную, затем в общественно-коммуникативную практику, ритор бессознательно усваивает схемы речи. Можно говорить, что усваивается именно жанр — типовая модель текста с характерным именно для него тематическим, композиционным и стилистическим единством (по Бахтину М. М.). Положительное этого усвоения в том, что наличие этой схемы гарантирует адресату понимание обращенной к нему речи. Отрицательным следствием этого в том, что это лишает ратора творческого подхода к созданию текста.

В жанре напутствия оратор говорит о будущем адресата или группы людей. Это могут быть самые разные ситуации: проводы в армию, на спортивные состязания, свадебное застолье, которое сопровождается напутственными словами. Оратор содержание речи строит на положительных перспективах, говорит о вечных ценностях, исторических, семейных традициях, возбуждая в слушателях чувства радости, восторга, надежды на лучшее.

Особым жанром является тост. Его отличительным признаком является притчевость, включение в содержание речи текста легенды, занимательной истории, которые бы стали иносказательным моментом в речи тостующего. Эта параллель становится увлекательным элементом для адресата и всех собравшихся, доставляет особое удовольствие. Наблюдения за речевой практикой показывают, что настоящий тост в ситуации застолья произносится довольно редко, ибо он, по словам А. К. Михальской, носит явно «заимствованный» характер, не является органичным для нашей речевой культуры. Это чаще всего подражание, имитация и своеобразное преломление инокультурной, и, прежде всего — грузинской традиции [5, с. 411]. Слова, обращенные к адресату, произносятся чаще всего в жанре поздравления.

Важным является композиционная стройность выступления. Это выражается в применении классической трехчастной схемы построения публичного выступления, а именно — в наличии продуманного вступления, структурированной главной части, завершенности в виде заранее подготовленного заключения. Для вступления обязательным является обозначение повода речи, название адресата. В основной части важно выделение главного, существенного, приведение фактического, конкретного материала. Для заключения обязательным становится поздравление с выражением пожелания, надежд на радостные перспективы, успех, удачу.

На этапе элокуции существенным достоинством речи является ее образность, оригинальность, уход от речевых стандартов, шаблонов (как, например, пожелание крепкого здоровья, успехов в работе и счастья в личной жизни). Использование метафор, эпитетов, сравнений, риторических тропов таких, как анафора, градация, риторический вопрос, парцелляция и др. является важным условием усиления воздействующего эффекта речи.

Несмотря на общие черты, содержательные и формальные, объединяющие жанры эпидейктической речи, существуют и специфические признаки каждого из указанных жанров.

Во-первых, интенция говорящего в каждом из жанров различна. В жанре поздравления — это стремление доставить адресату удовольствие, публично говоря о его привлекательных чертах: доброте, душевной щедрости, трудолюбии, различных талантах. В жанре напутствия главным является стремление поддержать человека или группу людей, вселить чувство уверенности, вселить высокие чувства. В жанре обращения существенным становится стремление привлечь внимание к происходящим событиям, обозначить их значимость. В траурной речи, в жанре прощания цель оратора — поддержать родных и близких умершего, выразив чувства скорби, сожаления. При этом необходимо подобрать точные, уместные, искренние слова, адек-

ватные ситуации общения. В этом жанре особенно неуместны речевые шаблоны, стандартные выражения. В приветственных речах, которыми сопровождаются торжественные мероприятия, оратор своей речью должен сплотить собравшихся, объединить их общей целью.

Во-вторых, реакция «виновника торжества» тоже предполагается различной в ходе и по завершении речи. При поздравлении адресат испытывает чувство гордости, удовольствия от услышанного, при напутствии — уверенности в себе, в обращении — чувство общности, единения. В процессе произнесения траурной речи близкие испытывают чувство благодарности оратору, удовлетворения от услышанного, в приветственной речи важно вызвать чувство радости, душевного подъема.

Чрезвычайно важным становится этап акции, то есть самого момента представления, произнесения речи, так как действенность речи усиливается благодаря высокой технике произнесения. Оратор должен найти верную тональность, быть искренним, эмоциональным, открытым при произнесении, вместе с тем не впадать в излишнюю сентиментальность, ложную пафосность, что вызывает чувство неловкости у собравшихся. Важно указать на такие важные требования к эпидейктической речи, как тщательная продуманность, подготовленность, лаконизм.

Если речь подготовлена и произнесена по всем правилам риторики, то «виновник торжества», а вместе с ним и аудитория получают удовольствие от содержания и формы речи.

Остановимся на отдельных примерах современных эпидейктических речей, ее отдельных жанрах в разных ситуациях общения в официальной сфере.

Жанр благодарности в ситуации официальной может проиллюстрировать выступление В. В. Путина в Кремле при вручении ордена Андрея Первозванного выдающимся деятелям в разных областях: науке, культуре, образовании и др. (2003 г.).

Каждый из вас — ракетоноситель. Может быть, это не очень удачно. Но вы на своих плечах, на плечах своего таланта тащите проблемы страны, проблемы ее людей.

Выразительность этой речи — в использовании метафоры: «вы — ракетоносители», в употреблении лексического повтора «проблемы страны, проблемы людей». Речь очень лаконична, что является непривычным для официальных ситуаций. Это повышает действенность публичного выступления, его эмоциональность и выразительность, найденное средство делает текст неформальным и искренним. Однако вряд ли можно назвать уместным в столь коротком воодушевляющем высказывании оговорки о неудаче в тексте, это должно стать моментом внутренней ораторской рефлексии.

Речь Алексея II ко дню инаугурации В. В. Путина (2004 г.) может стать примером эпидейктической

кой речи в жанре напутствия. Текст имеет трехчастную композицию. Во вступлении четко обозначен повод речи.

Народ России сделал уверенный выбор, вновь доверив Вам бразды государственного управления...

В основной части оратор говорит о тяжелом бремени президента и его большой ответственности, используя прием антитезы (контекстуальные антонимы) в сочетании с лексическим повтором: это возможность «великих достижений и столь же великих ошибок». Оратор употребляет устаревшую, церковную лексику, старословянизмы: «бремя», «Властитель», «споспешествовать», «внимать» и др. Это придает речи торжественный, приподнятый характер. Особая выразительность речи достигается приемом синтаксического параллелизма, делающим речь ритмичной:

Будьте настойчивы в защите интересов своей страны... Помните о тех, кому тяжело и безрадостно жить. Помогите обществу преодолеть бедность, преступность...

Употребление императивных глаголов «будьте, помните, помогите, заботьтесь, не отказывайтесь, внимайте» содержательно отражает характер жанра напутствия.

В заключение патриарх благословляет президента:

Благословение Божие да прибудет с Вами и со всеми людьми нашего дорогого Отечества.

Речь вызывает чувства гордости, ощущение сопричастности к важному событию.

Риторически грамотным можно назвать выступление В. В. Путина — речь в кризисной ситуации в жанре обращения по поводу захвата заложников на Дубровке (2002 г.). Как уже отмечалось, назначение таких речей состоит в том, чтобы поддержать людей, сплотить их, помочь справиться с чувством страха, вселить уверенность.

Оратор в самом начале сообщает о поводе обращения: «В эти дни мы вместе пережили страшное испытание...». Для установления контакта с аудиторией (выступление передавалось по всем средствам массовой информации) использует приемы диалогизации: прямое обращение «Дорогие соотечественники», слова «мы», «вместе», «наши». Апеллируя к чувствам аудитории, В. В. Путин использует оценочную лексику: «страшное испытание», «вооруженные подонки». В основной части он, прежде всего, обращается к родным и близким тех, кто погиб; со словами благодарности — ко всем гражданам России, особо говорит об участниках освобождения людей. В тексте используются яркие приемы выразительности: метонимия «Россию нельзя поставить на колени», лексический повтор «спасти жизни сотен, сотен людей», прием парцелляции и лексический повтор «... он должен быть побежден. И будет побежден». Главная часть содержит в себе композиционный фрагмент речи-убеждения. Тезис — «терроризм бу-

дет побежден», он подкрепляет риторической аргументацией о том, что трагические события спланивают народ, что с терроризмом борется весь мир, что террористы не могут сломить дух людей. Последний аргумент ярко проиллюстрирован эпизодом, которым заканчивает выступление оратор (в нем использован прием конкретизации и драматизации):

Сегодня в больнице я разговаривал с одним из пострадавших. Он сказал: «Страшно не было — была уверенность, что будущего у террористов все равно нет».

И это — правда.

У них нет будущего.

А у нас — есть.

Использование приема конкретизации в заключение текста, то есть в сильной позиции, придает выступлению оптимистический характер, помогает людям даже в такой трагической ситуации иметь чувство уверенности.

Достоинством данного текста является естественность речи. Путин избегает сложных синтаксических конструкций, являющихся прерогативой письменного текста, чередует длинную фразу и короткую, что придает ритмичность речи и облегчает восприятие выступления.

Интонационная выразительность, уместное паузирование, логическое ударение, адекватный характеру содержания, темпоритм произношения, выбранная тональность — все это повышает действенность речи.

Помимо современных риторических речей интересен опыт зарубежных воодушевляющих выступлений, признанных в качестве хрестоматийных.

Ярким примером образцовой воодушевляющей речи является знаменитая Геттисбургская речь Линкольна. П. Сопер назвал ее одной «одной из величайших речей современности» [6, с. 46]. Эта речь призвана была «вызвать и оживить у слушателей представление о том, чем должен быть наш народ: «Нацией, зачатой в свободе и преданной идее, что все люди созданы равными» (там же). Автор обращается к патриотическим чувствам, к традиции, к вечным темам и проблемам: свободы, власти, справедливости, памяти. Речь изобилует яркими образными выражениями и высокой лексикой: бранное поле, великая задача, преданность делу, торжественная клятва. Эмоционально завершение: «... наша нация с помощью божьей вновь возродиться к свободе, и власть волей народа, посредством народа и для народа не исчезнет с лица земли». Лексический повтор как мощное риторическое средство, инверсия усиливают выразительность текста.

Столь же сильной по степени воздействия является речь Ф. Рузвельта «О четырех свободах». Безусловным ее достоинством является четкая структурированность, ясность и простота изложения. Оратор излагает идею о четырех неотъемлемых свободах: свобода слова, свобода религиозных

культов, свобода от нужды, свобода от страха войны, — разбивая выступление на четыре композиционных фрагмента, сопровождая их словами-маркерами (во-первых, во-вторых, в-третьих, в-четвертых). Говоря о важном, оратор старается придать выступлению характер глобальный, употребляя такие слова, как «где бы то ни было на свете», «везде и всюду на свете». Проблемы, поднятые в речи, становятся программными и глубоко затрагивают слушателя.

Интересна для анализа воодушевляющая речь У. Черчилля, произнесенная в 1940 г. в Палате общин по случаю формирования коалиционного военного правительства. Жанр можно обозначить как обращение. Оратор использует внезапный тип вступления:

Мне нечего предложить, только кровь, невзгоды, слезы и пот.

Свой тезис о необходимости создания коалиционного правительства Черчилль обосновывает очень убедительно, прибегая к сильным риторическим приемам. Он убедительно объясняет, почему нужна война, почему она будет долгой и тяжелой, почему он имеет право требовать помощи от каждого.

Не станет существовать Британская империя, погибнет все, что она отстаивала, исчезнут и вековые импульсы, толкающие человечество вперед к его цели.

Он использует яркие метафоры, оценочные определения: «ужасная тирания», «прискорбные списки человеческих преступлений». Текст построен на приеме анафоры, который сочетается с приемами диалогизации в форме вопросно-ответного единства, лексическим повтором, хиазмом:

Вы спросите — в чем наша политика? Скажу вам — начать войну на суше, на море и в воздухе, войну со всей нашей мощью, со всей силой, дарованной богом; начать войну против ужасной тирании, невиданных даже в самых темных, самых прискорбных списках человеческих преступлений...

Вы спросите — какая наша цель? Могу ответить одним словом: победа. Победа любой ценой, победа, не взирая на все ужасы, победа, каким бы долгим и тяжелым ни был путь к ней, ибо без победы мы погибнем.

Оратор умело поддерживает контакт с аудиторией, включая другие приемы диалогизации: «представим это себе», «так идите же, вместе пойдем вперед...», использует прием гиперболы, очень действенный в речи такого типа. Как политик и человек, способный взять на себя ответственность, он включает в речь я-тему: «я принимаю возложенные на меня обязательства», «я верю», «я чувствую». Умелое чередование размера фразы делает речь ритмичной, легко воспринимаемой.

Завершение речи можно отнести к одному из классических типов. Черчилль завершает энергичным призывом «...Так идите же, вместе пойдем вперед, объединив наши силы».

Речь У. Черчилля имела колоссальный успех, она сыграла историческую роль в истории Британской империи в этот непростой для нее период.

Таким образом, эпидейктическая речь всегда была и является достаточно востребованным типом речи. Жанровая разработанность дает возможность оратору — политику, чиновнику, бизнесмену, руководителю разного ранга, общественному деятелю, преподавателю и т. д. — быть успешным в торжественных ситуациях, создавая словом, риторически грамотным выступлением адекватное ситуации общения настроение у собравшихся, добиваясь тем самым нужного коммуникативного результата.

Литература

1. Аристотель. Поэтика. Риторика. — СПб.: Азбука, 2000. — 347 с.
2. Анисимова Т. В., Гимпельсон Е. Г. Современная деловая риторика. — М.: МОДЭК, 2002. — 432 с.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М.: Просвещение, 1979. — 124 с.
4. Кохтев Н. Н. Риторика. — М.: Просвещение, 1994. — С. 207.
5. Михальская А. К. Основы риторики. — М.: Дрофа, 2001. — 496 с.
6. Сопер П. Основы искусства речи. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. — 448 с.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: ПРОБЛЕМА ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ

Особое внимание исследователей-лингвистов сегодня привлекает функционирование языка, но не столько само по себе, сколько в соотношении с определенными социальными условиями, условиями восприятия информации и т. д. Изменения в общественной жизни, как следствие, влекут за собой изменения информационных технологий, а следовательно, языковые средства выражения в текстах СМИ приобретают новую форму, новое значение и т. д. События и их отображение на языковую структуру с учетом социальных ситуаций, когнитивной системы и возникающих риторических отношений более полно представляются при помощи дискурсивного анализа. Для начала рассмотрим понятие «дискурс», его историю и основные типы.

Термин «дискурс» правильнее использовать как родовой термин, объединяющий все виды использования языка. Дискурс (фр. *discours* «движение, круговорот»; «беседа, разговор»). Термин впервые был использован в 1952 году Зеллигом Харрисом. Но оформление дискурсивного анализа как дисциплины относится скорее к 1970-м годам. В это время были опубликованы работы европейской школы лингвистики текста (Т. ван Дейка, Я. Петефи и др.). Это более традиционная лингвистическая тематика. К 1980—1990-м годам относятся появления уже обобщающих трудов, справочников и учебных пособий (их авторами были Дж. Браун, Дж. Юл, Дж. Аткинсон, Дж. Херитидж, Т. ван Дейк, У. Чейф).

В настоящее время данный анализ утвердился как особое научное направление. Издаются специализированные журналы, посвященные анализу дискурса — «Text» и «Discourse Processes». Наиболее известные центры дискурсивных исследований находятся в США — это университет Калифорнии в Санта-Барбаре (У. Чейф, С. Томпсон, М. Митун, Дж. Дюбуа, С. Камминг и др.); университет Калифорнии в Лос-Анджелесе (Э. Шеглофф — основатель анализа бытового диалога); университет Орегона в Юджине (Т. Гивон, Р. Томлин и др.); Амстердамский университет (Т. ван Дейк).

Термин «дискурс» многозначен и употребляется в науках, связанных с изучением функционирования языка (лингвистика, литературоведение, социология, философия, этнология, психология и др.). Но эти подходы не являются взаимоисключающими, напротив, они дополняют друг друга и рисуют полную картину мира через данное взаимодействие. В рамках изучения каждого подхода дискурс представлен по-своему, но нас интересует непосредственно лингвистический дискурсивный анализ.

В зависимости от национальных традиций и вкладов отдельных авторов принято выделять

«три основных класса употребления термина «дискурс» [2].

К первому классу относятся собственно лингвистические употребления данного понятия. Первым в этой области был американский лингвист З. Харрис в статье «Дискурс-анализ» (1952 год). Также с этим классом связаны следующие имена: Ф. де Соссюр, Э. Бенвенист и др. Они считали, что в «классическом противопоставлении языка и речи» [2] должно быть «нечто третье, третий компонент, подчеркивающий динамичную сторону текста» [2].

Второй класс связан с именами структуралистов и постструктуралистов (М. Фуко, А. Греймас, М. Пешё и др.). Термин «дискурс» внутри этого класса рассматривается в публицистическом употреблении. В центре такого употребления лежат понятия «стиль» и «индивидуальный язык». Исследователей этого класса интересует дискурс со следующими параметрами: языковыми отличительными чертами, стилистической спецификой, спецификой тематики, систем убеждений, способов рассуждения и т. д.

Третье употребление термина «дискурс» связано с именем немецкого философа и социолога Ю. Хабермаса. Дискурс представителями третьего класса рассматривается как «особый идеальный вид коммуникации, осуществляемый в максимально возможном отстранении от социальной реальности, традиций, авторитета, коммуникативной рутины и т. п. и имеющий целью критическое обоснование и обоснование взглядов и действий участников коммуникации» [2].

Но нельзя рассматривать эти классы без взаимодействия друг с другом, так как основа у них одна.

Нас, конечно, больше интересует второе понимание дискурса. Дискурс, как любой коммуникативный акт, предполагает наличие двух основополагающих ролей — говорящего и адресата. То есть существуют такие две формы, как диалог и монолог. Но особенность монолога в дискурсе заключается в том, что и здесь необходим адресат (что важно помнить при анализе политических текстов).

Еще одна классификация дискурса рассматривает два его типа: устный и письменный. Их сопоставление как альтернативных форм существования языка началось лишь в 1970-е годы. У. Чейф исследовал различия в канале передачи информации данных типов дискурса: 1) в устном дискурсе порождение и понимание происходят синхронно, а в письменном — нет. Но в устном дискурсе есть фрагментация, так как скорость письма в 10 раз ниже скорости устного дискурса. При письменном дискурсе происходит переход простого предложения в слож-

ное (или в синтаксическую конструкцию); 2) при письменном дискурсе нет контакта между говорящим и адресатом во времени и пространстве, отстраненность от описываемой в дискурсе информации, а при устной форме происходит вовлечение адресата в ситуацию.

Опираясь на данную классификацию дискурса, Л. В. Выготский выделил еще один тип дискурса — «мысленный». При нем одно и то же лицо является и говорящим, и адресатом. Но пока данный тип менее исследован в лингвистике, чем устный и письменный, и называется он не «мысленный», а «внутренняя речь».

Итак, мы рассмотрели понятие «дискурс» в общем, то есть дискурс как «текст в социальном контексте, дающем представление об участниках и условиях коммуникации» [3, с. 244].

Теперь перейдем к характеристике исследуемого нами политического дискурса. Политический дискурс — это «совокупность политических дискурсов (социально-дифференциальных речевых практик) социума: дискурсия власти, контрдискурсия, публичной риторики, закрепляющих сложившуюся систему общественных отношений либо дестабилизирующих ее» [3, с. 245].

Политический дискурс является одним из видов институционального дискурса. Если в рамках персонального дискурса говорящий выступает как личность во всем богатстве своего внутреннего мира, то при институциональном дискурсе говорящий — это представитель социального института. Институциональный дискурс представляет собой общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений. Наряду с политическим существуют следующие виды институционального дискурса: дипломатический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, рекламный, спортивный, национальный и др. Этот список мобилен: общественные институты исторически изменяются и, как следствие, возникают разновидности соответствующего рода.

Для описания конкретного типа институционального дискурса целесообразно рассмотреть его компоненты, выделенные В. И. Карасиком как основные: 1) участники; 2) хронотоп; 3) цели; 4) ценности; 5) стратегии; 6) тематика; 7) разновидности и жанры; 8) интertextуальность; 9) дискурсивные формулы [1].

Уже широко исследованы такие типы институционального дискурса, как педагогический, религиозный и научный. Опираясь на основные компоненты, можно дать следующую характеристику политического дискурса. Основными участниками политического дискурса являются политик и избиратель, где политик — представитель института (по терминологии В. И. Карасика «агент»), а избиратель — люди, обращающиеся к первым («клиент»). Цель дискурса данного типа — завоевание и удержание власти. Ключевыми концептами на протяжении всего существования общественной жизни для политического дискурса являются власть, влияние, воздействие (представляющие собой ценности для данного типа). Тематикой для политического дискурса, конечно, служат отношения между «агентами» и «клиентами», которые могут быть представлены в форме монолога или диалога любыми жанрами СМИ (письменными и устными). Тексты такого типа несут культурогенный характер, то есть затрагивают все области общественных отношений, заключая в себе определенный подтекст. Дискурсивные формулы данного типа дискурса — своеобразные речевые обороты, свойственные общению в политическом институте и тщательно исследуемые современными учеными-лингвистами.

Таким образом, принимая во внимание три классификации дискурса, можно подробнейшим образом исследовать определенный тип дискурса и определить его место в системе всех пониманий данного термина.

Литература

1. Карасик В. И. Языковая личность: институциональный и персональный дискурс // Сб. науч. трудов. — Волгоград: Перемена, 2000. — С. 5—20. <http://www.Krugosvet.ru>.
2. Кибрик А., Паршин П. Дискурс. <http://www.Krugosvet.ru>.
3. Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов / Под общ. ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. — Минск.: Белгосуниверситет, 1998. — Вып. 1. — 283 с.

ЖАНРОВЫЙ СИНКРЕТИЗМ МАЛОЙ ПРОЗЫ 1920-х ГОДОВ

Поведение жанров в историческом эволюционном масштабе, на наш взгляд, можно рассматривать как параболический, волнообразный процесс, связанный с постоянным, повторяющимся через определённые временные промежутки, преодолением устоявшихся иерархических отношений внутри жанровой системы, сменой достаточно условной в масштабах эволюции, но в то же время явно выраженной в рамках координат отдельной социокультурной эпохи оппозиции «центральных» и «периферийных» жанров. Любая, самая скрупулёзно выстроенная жанровая модель, не носит характер абсолютной и статичной, в том числе невозможно дать единую всеохватывающую новеллистическую формулу, учитывая антидогматический характер жанра как эстетической интенции — его подвижность, открытость, способность к самоопределению, «бунту», вплоть до самоотрицания, другими словами, — открытость для художественных экспериментов любого рода.

«Жанры в узком смысле слова и есть исторически сложившиеся типы художественных произведений» [1, с. 384]. «Жанр является производным истории, исторических сдвигов. Естественно, нельзя думать, что жанры заведомо разгорожены между собой и отделены друг от друга непроходимой стеной. Развитие жанров разомкнуто в бесконечность. Случай, когда жанры стремятся строго следовать теоретически осознанному и опосредованному образцу («модели») и когда они стремятся обособиться друг от друга и замкнуться в себе, очевидно, следует считать исключением в истории литературы и явлением в свою очередь исторически конкретным, со своими причинами; «нормальным» же состоянием следует считать известную неопределённость и текучесть жанра и в связи с этим определённое жанровое своеобразие, так сказать — жанровую *изначальность*, оригинальность (в разной степени) каждого отдельного литературного произведения» [2, с. 4]. Отсюда — поливариантность внутри двух взаимосвязанных «систем координат» — жанровой, с одной стороны, и рецептивной¹ — с другой.

Исторический взгляд на новеллистику 1920-х годов, позволяет отследить полярные процессы, протекавшие внутри самого жанрового потока и, как следствие, — полярные их оценки. С одной стороны, рассказ расценивался как «факт, который должен быть подвержен преодолению» [3, с. 46]. И современные критики, и маститые писатели, не избегая категоричных оценок, характеризовали её как «черновик литературной живописи», «вялое подражание натуралистической новелле конца XIX века» [3, с. 47]. А с другой, те же литературоведы демонстрировали парадоксальное единодушие в признании того факта, что

«...пустоту в осмыслении событий исторической действительности в 20-е годы, вопреки долгим ожиданиям, суждено было заполнить не роману, а именно рассказу» [3, с. 69]. Отмечая подобную амбивалентность оценок, нельзя не задуматься о её причинах, которые опять-таки заложены внутри самого феномена новеллистики. Модель жанрового развития ни в коем случае не предусматривала лишь количественное накопление материала: фактически протекал особый, комплексный, качественный процесс *деформации жанровой модели новеллистики*, корни которого были заложены внутри уникальной жанровой природы, особой, избранной на этом историческом этапе «стратегии» поведения, выражавшейся, прежде всего, в ассимиляции жанровых парадигм. Как отражение данного процесса можно рассматривать тот факт, что точно номинировать жанр иногда было не под силу ни самим авторам, ни реципиентам:² произведения, включённые Р. Акульшиным в состав книг «О чём шепчет деревня» и «Проклятая должность» охарактеризованы издателем как *очерки*, хотя их значительная часть создана по канонам прозаической *миниатюры, рассказа* и, напротив, *рассказы* Н. Рощина: «Дед» (1922 — 1926), «Евангельские башмачки» (1928), «Институт красоты» (1931) — по своей структуре более близки к физиологическим или биографическим *очеркам*; в большей степени соответствуют парадигме *очерковой* прозы произведения В. Правдухина, в то время, как автором в заглавие вынесено жанровое обозначение *рассказы*; сборник *рассказов* Б. Лавренёва выходит с названием «Шальные повести» (1926); не получил авторского жанрового определения (не имеет подзаголовка) «Чапаев» (1923) Д. Фурманова;³ Е. Замятин называет «Островитяне» то *повестью*, то «маленьким романом»; А. Толстой, публикуя в первом номере литературного приложения к журналу «Накануне» за 26 марта 1922 года главу *повести* «Детство Никиты», снабжает её подзаголовком «Глава из непечатанного романа «Повесть о многих превосходных вещах»;⁴ *повесть* А. Тарасова-Родионова «Шоколад»

² Мы не останавливаемся на случаях пародирования, игры с жанровой парадигмой.

³ Как отмечал М. Горький в письме, адресованном Д. Фурманову в августе 1925 г.: «<...> по форме «Чапаев» не повесть, не биография, даже не очерк, а нечто нарушающее все и всякие формы»

⁴ Известно, что поначалу А. Толстой приступил к осуществлению замысла написания небольшого рассказа согласно обещанию, данному издателю журнала «Зелёная палочка»: «Начал — и будто раскрылось окно в далёкое прошлое со всем очарованием, нежной грустью и острыми восприятиями природы, какие бывают в детстве» (Толстой А. Н. Собр. соч.: В 8 т. — Т. 2. Повести и рассказы. — М.: Изд-во «Правда», 1972. — С. 472).

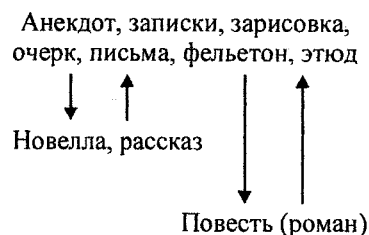
¹ Реакции критики, читателей.

(1922) критика охарактеризовала как *рассказ*, одновременно не переставая отмечать в нём прямые типологические схождения с *романом* И. Эренбурга «Жизнь и гибель Николая Курбова». Подобные примеры не единичны, и это позволяет сделать объективное заключение не только о размытости жанровых границ, но и об обусловленном жанровыми характеристиками малой прозы наличии явной тенденции к подвижности, интенсивному и экстенсивному наращиванию потенциала жанра как в рамках отдельного произведения, так и в границах ансамблевого художественного единства.

Попытки охарактеризовать подобные тенденции и постичь их генетическую подоплёку в теории литературы носят характер единичных и фрагментарных. В современном литературоведении, в частности, в работе Э. А. Шубина «Современный русский рассказ («Вопросы поэтики жанра»), появляется понятие «свободного романа», своеобразной предтечи романизированной прозы. Исследователь отмечает, что в развитии форм «свободного романа» участвуют все жанры, но рассказ выполняет особую функцию. Благодаря своей «конструктивной обзорности, относительной сюжетной простоте, фабульной лаконичности», малая форма «открывает широкую дорогу эксперименту» [4, с. 147—148]. Общность процессов не снимает проблемы специфики задействия, актуализации различных жанровых механизмов, связанных с проблемой дифференциации малых жанров. «Новелла, будучи строго организованным целым, даёт простейшим образом (путём прибавления) устроенную составную форму, тогда как рассказ (который может быть представлен как снятие ограничений с новеллы), не накладывающий никаких условий на последовательность изложения, его однородность, непрерывность и т. д., можно путём внутреннего усложнения, изложения и переплетения мотивов, включением описаний, всякого дидактического, учёного и прочего материала, превратить в такую сложную форму, как роман» [5, с. 246]. Формирование национального типа рассказа исследователи традиционно связывают с именами А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева и А. П. Чехова. Каждым из этих мастеров слова, по сути, была заложена своя традиция, нашедшая воплощение в новеллистике последующих эпох. Так, Пушкин, Гоголь и Тургенев вносят новации не только в дискурсивную практику, но и в принципы художественной организации материала, создавая своеобразные жанровые образования — используя принципы циклизации материала. Реформатором, опиравшимся на предшествующую традицию и вместе с тем существенно изменившим, расширившим представление о возможностях новеллистики, стал А. П. Чехов. Работы А. В. Кубасова [6] и В. Я. Гречнёва [7] интересны тем, как глубоко в них исследована доля преемственности, роль традиции, идущей от прозы

А. П. Чехова. В. Я. Гречнёв констатирует две основные тенденции, характерные для жанра рассказа начала XX века. «Первая — рассказ, сохраняющий во многом верность жизненным фактам» [7, с. 114]. В нём обычно сохраняется внешне правдивая форма изложения, повествование ведётся от имени автора. Это рассказ, по специфике дискурса близкий к очерку. «Вторая — рассказ с усиливающимся субъективным началом, выражающимся в углублении лиризма при сохранении внешне строй объективности повествования» [7, с. 114].

В исследовании А. В. Кубасова, как и в работах В. Я. Гречнёва выдвигается проблема *романизации* как ведущего структурообразующего принципа реалистического рассказа, видоизменяющего основные носители жанра. Во многом солидаризируясь с авторами в их теоретических воззрениях, всё-таки сохраним большую степень «осторожности» и заметим, что, в первую очередь, на наш взгляд, стоит вести речь не о тенденции к ассимиляции абсолютных величин, полярных жанровых форм (новеллы, рассказа — и романа), а, скорее, о первоначальном преодолении смежных жанровых границ⁵.

Генетическая близость жанров, типологическое сходство их концептуального и формального уровней подтверждается неясностью и размытостью жанровых определений. В первую очередь, это касается определения границ между, например, очерком, фельетоном и рассказом, рассказом и повестью и т. д. Для иллюстрации наших умозаключений приведём несколько определений повести (одного из «итоговых», «конечных» жанров, в который согласно нашей гипотезе, в ряде случаев способен ассимилироваться рассказ), данных в различных научных изданиях.

— «**Повесть** — определение, трактуемое часто как синоним рассказа, новеллы, романа, — относится обычно к эпическим произведениям средних размеров с установкой на пространственность и структурами, находящимися на границах новеллы и романа [8, с. 177]».

— «**Повесть** — ... в узком смысле жанр, который отличается менее значительным объёмом, меньшим количеством фигур, жизненным содержанием и широтой от эпоса, романа, саги, менее искусным и тектонически строгим строением от новеллы, меньшим пуантированием от анекдота и ко-

⁵ В данном случае мы не ограничиваемся лишь констатацией процесса создания ансамблевых многочастных макроформ.

роткого рассказа, избеганием нереального от саги и сказки и тем самым охватывает все недостаточно отчеканенные в жанровом отношении формы повествовательного искусства, часто пересекающиеся с другими; они ознаменованы децентрализованным, рыхлым, иногда заторможенным, лишённым повествовательного напряжения развёртыванием повествовательного материала. Этот жанр появляется чаще всего в прозе, но также и в стихах и образует такие специфические формы, как обрамлённая повесть и хроникальная повесть...» [9, с. 266];

— «Повесть — род эпической поэзии, в русском литературном обиходе противопоставляемый обычно роману, как более крупному жанру, и рассказу, как жанру меньшему по объёму. <...> Ввиду расплывчатости нашего термина «повесть» <...> удобным представляется наметить, прежде всего, жанровые признаки для понятия противоположного <...> роману, обозначив его как «рассказ» или «новелла». Под «повестью» же можно разуметь те промежуточные жанры, которые не подойдут точно ни к роману, ни к новелле. <...> Обращаясь теперь к жанру «повести» как промежуточному между новеллой и романом, можно сказать, что в эту группу следует относить те произведения, в которых, с одной стороны, не обнаруживается полного объединения всех компонентов вокруг единого органического центра, а с другой стороны, нет и широкого развития сюжета, при котором повествование сосредоточится не на одном центральном событии, но на целом ряде событий, переживаемых одним или несколькими персонажами и охватывающих если не всю, то значительнейшую часть жизни героя, а часто и нескольких героев. <...> Устанавливать нормы композиции для повести поэтому гораздо труднее, да и принципиально не имеет смысла. Повесть — наиболее свободный и наименее ответственный эпический жанр, и потому она получила такое распространение в новое время» [10, стлб. 596—603];

— «Повесть — эпический прозаический жанр. <...> С одной стороны, под повестью понимают среднюю (по объёму и охвату жизни) форму эпической прозы, которая меньше романа, но больше новеллы. <...> сжатость повести (в сравнении с романом) обусловлена тем, что она охватывает определённую картину жизненного уклада. <...> Другое понимание термина «повесть» разделяет повесть и роман не просто как разные по объёму формы прозы, но и как формы, имеющие существенное жанровое своеобразие. <...> Повесть, подобно рассказу, нередко принимает форму как бы устного рассказывания, стремится в буквальном смысле слова «поведать», а не «изобразить», в объективной, «безличной» манере. С другой стороны, повесть тяготеет к хронике, она в сравнении с романом часто более спокойна, эпична, нетороплива» [11, с. 271—272];

— «Повесть — в современной русской теории литературы средний по объёму текста или сюжета эпический прозаический жанр, промежуточный между рассказом и романом. В мировой литературе чаще всего чётко не вычленяется» [12, стлб. 752—753].

Как видим, в определении жанра учёные обнаруживают единодушие в констатации типологической общности эпических жанров (рассказа и повести, повести и романа), в попытках дифференциации данных жанров, прежде всего, по количественному признаку — объёму. Во второе и четвёртое определения заложен анализ поведения ещё одной существенной субстанции — специфики дискурсивной практики жанра. Второе определение, кроме того, содержит попытку родовой характеристики повести. В третьем, четвёртом и пятом подчёркиваются сюжетные особенности жанра. В целом, единодушно констатируя промежуточный характер данного эпического жанра («нечто среднее между рассказом и романом»), ни один из исследователей в приведённых определениях не даёт объёмного, полновесного, исчерпывающего представления о специфике и конструктивных особенностях повести⁶, открывающих авторам преимущества в способе изображения действительности, расширяющих перспективы изобразительности, по сравнению с классическими малыми формами и в то же время позволяющих динамично, доступно и без излишней «тяжеловесности» создать полноценный, объёмный образ мира, традиционно ассоциирующийся с романом.

Сравнительный анализ работ, посвящённых историко-теоретическим аспектам рассказа и повести, неизбежно приводит исследователя к нескольким важным выводам, касающимся исторической и типологической близости данных жанров, обусловленной генетически — общими корнями, жанровой преемственностью, наличием общего характера дискурсивной практики. Исторически повесть не сразу позиционировалась как жанр, поначалу данное жанровое определение маркировало повествования разных типов, и в древнерусской литературе обозначало произведения, существенно отличающиеся по своей структуре, общим признаком которых являлась специфическая сюжетность, своеобразие дискурса, зафиксированные в подзаголовке⁷. Впрочем, впоследствии подобная неопределён-

⁶ Следует отметить, что западному литературоведению вообще свойственна значительная степень описательности в определении жанров. Так, например, определение рассказа, приведённое в одном из цитируемых нами источников, немногим отличается от определения повести: «Рассказ — эпическое произведение небольших размеров, которое отличается от новеллы большей распространённостью и произвольностью композиции» [8, с. 177]

⁷ Обозначение сюжетной специфики и фиксация родовой принадлежности сохраняется и в эпоху классицизма: «старинная повесть в стихах», «сатирическая», «восточная» и др.

ность ожидала рассказ, традиция жанрового обозначения которого в подзаголовке сложилась в России уже ближе к середине XIX века.

Как мы уже отмечали, доводы о своеобразии дискурсивной практики фактически снимаются — малый жанр легко и свободно уподобляется «среднему», отчасти это формально подтверждается неопределённостью терминологических значений, выражающуюся в том числе и в общности жанровых эквивалентов — до сих пор рассказ и повесть обозначаются сходными размытыми понятиями: «history», «short story», «tale», и действительно, найти принципиальные отличия в характере нарратива очерка, рассказа и повести возможно далеко не всегда⁸. Не выдерживает проверки и односторонняя констатация объёма как определяющего жанрового признака. С. И. Кормилов справедливо замечает по этому поводу, что «в ранней русской прозе повесть и роман не противопоставлялись по объёму даже так относительно, как на Западе. У Н. В. Гоголя ранние повести короче последующих, а «Тарас Бульба» (1835), прозаическое подражание героическому эпосу Гомера, по объёму сопоставим с некоторыми романами 1830-х. <...> Тургенев называл их (романы — Е. П.) повестями и лишь в 1880, когда после Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского роман утвердился как высшее достижение национальной культуры, объединил свои шесть небольших романов под этим общим наименованием» [12, стлб. 752—753].

Стратегия жанрового самоопределения в 1920-е годы складывалась под знаком отрицания классических канонических жанровых и дискурсивных практик, синтеза в рамках отдельного произведения структурных элементов, относящихся к различным жанровым парадигмам. Не отказываясь от использования открытий великих предшественников, художники двадцатых годов стремились не просто копировать, но и существенно расширить варианты усложнения родовой структуры малого жанра, добиваясь значительного эффекта различными способами. Один из вариантов расширения потенциала малого жанра связан с созданием вариантов циклизированной прозы⁹, другой, не менее продуктивный — с трансформацией качественного наполнения носителей жанра в рамках отдельного монолитного¹⁰ произведения.

Данный процесс привёл к тому, что к 1920-м годам в России исторически сложились и закрепились в жанровой памяти новеллистики две встречные тенденции: одну из них можно определить как тенден-

ция к расподоблению, распаду крупных жанров на более мелкие жанровые формы. Приняв априори факт связи подобной тенденцией с попытками вызвать опережающий интерес к только создающемуся произведению, «вбросив» его фрагмент и заполучив, таким образом, свою читательскую аудиторию, отметим, что, помимо столь весомого мотива, подобные явления были обусловлены причинами «внурилите- ратурного», сущностного характера: с одной стороны, процесс «распада» крупной формы связан с усталостью от неё, полученной в результате догматического главенствования романа во второй половине XIX века, с другой, — с желанием зафиксировать каждый фрагмент, «вспышку» жизни, придав ему статус особого, важного, парадоксального по своей типичности, циклической повторяемости и в то же время — ошеломляюще неповторимого, единично значимого.

В качестве другой причины мы называли и особый характер действительности, не позволяющей художнику «вынашивать» реакцию на себя, десятилетиями формулировать оценку происходящего, нельзя к тому же не учитывать и того весомого обстоятельства, что на новую, «становящуюся» действительность реагировали молодые художники, которые и сами находились в процессе становления, а потому в поисках своего «пера», экспериментируя, стремились оттачивать его на малой форме, позволяя затем отдельным, особенно удавшимся фрагментам быть сцепленными в рамках единого повествования (бытуя в виде самостоятельного произведения, отдельного артефакта, произведения малого жанра впоследствии могли обретать статус составной части монолитного романа, срастаясь с другими сегментами концептуальными и формальными связями), либо «наращивали» малую форму, придавая ей масштабы крупного эпического полотна. В ряде случаев формальным свидетельством данного процесса являлся подзаголовок. Так, например, в журнале ЛЕФ (1925. — № 3(7)) А. Весёлый публикует фрагмент будущего произведения — романа «Страна родная», который, по замыслу автора, должен был влиться в эпопею «Россия, кровью умытая». Таким образом, опередившее появление крупной формы, вышедшее в периодической печати одноимённое произведение, сопровождается говорящим метафорическим авторским окказиональным подзаголовком «крыло романа», которому фактически изначально был задан формат фрагмента, отрывка, воспринимается всё же как информативно полная, целостная единица. Это типичный случай в практике писателя, распространённый среди его современников¹¹. В первом номере журнала «Крас-

⁸ В западном литературоведении прозаические произведения среднего объёма не характеризуются чётким жанровым обозначением, понятия «новелла» и «повесть» в подобных случаях могут рассматриваться как инварианты (Э. Хемингуэй «Старик и море»).

⁹ Этот феномен станет предметом рассмотрения в отдельном разделе.

¹⁰ Категория употреблена в значении антонима ансамблевого художественного единства.

¹¹ Н. Никитин «Юбилей (из «Обояньских повестей»)»; Я. Окунев «Женское (из книги «Рабочие рассказы»)»; Б. Рингов «Норвежец Стукке (из «Беломорских рассказов»)»; И. Соколов-Микитов «Матрось» (из «Морских рассказов»); Д. Фурманов «Инвалид» (отрывок из книги «Эпопея гражданской войны»).

ная новь» за 1924 год А. Весёлый опубликовал фрагмент повести «Дикое сердце», также преподнесённый читателю как произведение, имеющее амбивалентный «подчинённо-самостоятельный» статус — автор на этот раз не использовал подзаголовка и не указал прямо, что текст имеет статус фрагмента — произведение имело, по сути, двойное заглавие, графированное графически: непосредственно над текстом — «Ветробоя», выше и более крупным шрифтом — «Дикое сердце». Текст «Ветробоя» состоял из семи пронумерованных, отделённых графически частей. Описывая подобное явление, мы фокусируем внимание непосредственно на явлении прораствания средней и крупной формы из малой, однако, размышляя о размывании границ смежных жанров в творчестве того же А. Весёлого, как и его современников, можно обнаружить и случаи иного порядка: так, например, в основу рассказа «Первая получка» (1922) лёг написанный ранее очерк «Братя Рулёвы»; в романе «Россия, кровью умытая» был воспроизведён монолог крестьянина из очерка «Возвращение с фронта». Рассказ «Филькина квартира» целиком влился в текст романа «Гуляй, Волга» (1932). Мы не случайно избрали в качестве примера А. Весёлого — в его творческой лаборатории отчётливо прослеживается явная тенденция к «наращиванию», укрупнению формы: от очерка (возможно, его фрагмента) — к рассказу (возможно, фрагменту крупной формы) — повести (возможно, сегментированному, многочастному рассказу) — роману — эпосе. Одним из показателей промежуточного характера «итоговых» жанровых образований, размытости и нечёткой обозначенности границ между смежными жанрами является тот факт, что жанровая номинация, особенно когда речь идёт об экспериментаторах, подобных А. Весёлому, имеет характер авторской и достаточно произвольной. Так, например, «Дикое сердце», «Реки огненные» и «Страна родная» выходят в 1926 году под одной обложкой в сборнике «Горькая кровь. Рассказы»¹², в других источниках в фиксации жанровой парадигмы начинается размежевание: за «Реками огненными» (1923) и «Диким сердцем» (1924) закрепляется статус повести, а «Страна родная» (1924—25) и вовсе обозначается как роман (согласно авторской воле!). В результате самим автором задаётся определённая призма восприятия, иная концептуальная масштабность по сравнению с рассказом. И это является важным аргументом, отрицающим возможность прямого «вычисления» жанровой единицы через объём: количество страниц в каждом из произведений Весёлого приблизительно одинаковое, не говоря о количестве слов (тексты выстроены с использованием техники графического рисунка, а потому им свойственна определённая «разреженность») —

¹² Речь идёт об издании: Весёлый А. Горькая кровь. Рассказы. — Краснодар; Ростов-на-Дону: Северокавказское краевое изд-во «Севкавказ», 1926. — 185 с.

объём «Дикого сердца» — 29 страниц, «Страны родной» — 28 страниц, «Рек огненных» — 45 страниц.

Подобная практика характерна и для Б. Пильняка. Писатель, как и А. Весёлый, часто предвзял выход крупной формы появлением её дробных фрагментов: рассказ «Позёмка», а также отрывки и варианты романа «Машины и волки» под общим названием «Материалы к роману»¹³ появлялись поочередно в различных периодических изданиях с 1922 по 1925 год, то есть фактически за три года до демонстрации читателю крупного полотна. В переработанном виде в роман вошла и книга «Повести о чёрном хлебе»¹⁴. Рассказ «При дверях» (1919), по сути, является квинтэссенцией, уплотнённым изложением романа «Соляной амбар». Эта крупная форма «поглотила» в качестве самостоятельных фрагментов и написанные ранее рассказы «Без названия»¹⁵ и «Девочка на балу» (1917). Б. Пильняк поступает со своими текстами подобно иллюзионисту: меняя их фрагменты, нарушая привычную композицию, дополняя романы новыми кусками текста, ранее считавшимися самостоятельными произведениями, писатель создаёт подобие трансформера, некоего конструкта, перестановка частей которого способна открыть дополнительные смыслы, либо, напротив, задать трудноразрешимые загадки, одна из которых связана, собственно, с глубинным смыслом подобных метаморфоз¹⁶. На наш взгляд, в связи с творчеством Б. Пильняка, с полной уверенностью можно говорить о явлении комбинаторности, связанном с наличием единого, относительно «свободного» автомегатекста, в котором автор осуществляет сложную игру, часто основываясь на самодинамике. Подобное явление обращает на себя внимание исследователей. Дани Савелли отмечает особый характер пильняковских текстов, «которые вставляются, словно матрёшки друг в друга, что и составляет настоящую головоломку для текстолога, который сам теряется в лабиринте вкраплений» [13, с. 191]. Такая стратегия приводит в формальном плане к абсолютной условности жанрового определения: то, что принято считать романом, не является им в полном смысле слова, в силу фрагментарности, мозаичности, «раскадровки». Отказ от фабулы, отсутствие единого сюжета, стилистическая разнородность, «смещение планов», точек зре-

¹³ Речь идёт, в частности, о рассказах «Город Росчи-слав», «Рязань-яблоко», «Россия—Расея—Русь» и др.

¹⁴ В состав книги входили рассказ «Волки» (опубликованный отдельно в третьем номере журнала «Красная новь» за 1923 г.) и повесть «Чёрный хлеб». — М.-СПб.: «Круг», 1923. — 132 с.

¹⁵ Рассказ вышел в 1926 году в газете «Вечерняя Москва» от 18 декабря под названием «Сильнее любви» и при жизни автора не переиздавался.

¹⁶ Подобное явление — серьёзная задача и для издателя, и для исследователя, так как возникает естественный вопрос о том, какую из версий текста считать окончательной [9, с. 181—198].

ния, почти плакатная монтажная эклектика, — лишь такая повествовательная техника, по мнению писателя, способна была максимально точно выразить дух эпохи. Если позволить себе отыскать условные аналогии с другим видом искусства — музыкой, то можно говорить, что подобные мозаичные тексты создают в результате эффект «стакато» — связной, не утрачивающей гармонического звучания мелодии, но всё-таки пунктирной, отрывистой, пульсирующей, в силу осколочности составляющей её звуков¹⁷, в то время как рассказ, повесть, а тем более, роман в классическом понимании — ассоциируются с «легато» — плавным, постепенно складывающимся, неразрывным и развивающимся движением мелодического сюжета, характеризующегося абсолютной степенью связности. «Голый год» рассматривается исследователями как «амальгама рассказов, написанных Пильняком до 1922 года. То, что внутри самого романа воспринимается как отрывок, представляло собой законченные тексты, публиковавшиеся в различных журналах и в сборнике «Быльё»¹⁸, причём последний сам состоял из новелл и фрагментов ранее опубликованных новелл Пильняка. Все эти разрозненные фрагменты впоследствии были собраны, переработаны и объединены авторским замыслом создания крупного полотна¹⁹ [13, с. 192]. Впрочем, нельзя не отметить, что «блуждающий» характер пильняковских текстов не ограничивается во времени и не исчерпывает себя в момент создания крупного полотна. Уже после выхода в свет произведение фактически буквально продолжает жить: если до конца 1921 года фрагменты «Голого года» имели тенденцию к соединению, то в начале 1922, то есть, даты, закрепившейся как дата окончания романа, Пильняк параллельно с публикацией крупномасштабного полотна продолжает издавать его отдельные главы в периодике в качестве самостоятельных рассказов, не только не афишируя, что произведение является фрагментом романа, но и незначительно изменив фамилии героев, а, следовательно, ориентируя читателя на самостоятельность текста и необязательное соотнесение с «Голым годом». В результате в

¹⁷ Подобный эффект заложен и в циклических художественных единствах.

¹⁸ Речь идёт о рассказах: «Смерть старика Архипова» // Путь. — 1918. — № 6. — С. 3—5 (впоследствии рассказ был опубликован под заглавием «Отрывки из романа «Голый год. Смерть старика Архипова» // Красная новь. — 1922. — № 1(5). — С. 59—74); «У Николы, что на белых Колодезях» // Путь. — 1919. — № 2. — С. 3—8. Кроме того, начало романа «Голый год» дословно совпадает с текстом рассказа «Колымен-город» // Пильняк Б. Быльё. — М.: Кооп. изд. товарищество «За-енья». — 1919. — С. 11—20.

¹⁹ Этой проблеме посвящена работа датского литературоведа Альберга Енсена: Jensen Peter Alberg. Nature as code: the Achievement of Boris Pilnjak 1915—1924. Copenhagen: Rosenkilde and Bagger, 1979. P. 171—172.

первом номере журнала «Новый мир» за 1922 год, в рубрике «Повести и рассказы» появляется рассказ «Дом Орбениных», фактически являющийся второй главой романа «Голый год», озаглавленной внутри крупной формы как «Дом Ордыниных».

В области техники повествования Б. Пильняк ориентировался в том числе и на творчество А. Ремизова. Опуская разговор о других типологических схождениях в творчестве великих мастеров слова²⁰, отметим, что Ремизов, как и Пильняк, неоднократно прибегал к «составному» принципу организации материала: так, например, почти все новеллы, входящие в повесть «По карнизам», печатались в периодике в качестве самостоятельных произведений.

Иногда автономность произведения задаётся волей случая: удивительный по использованной в нём изобразительной технике фантазийный рассказ А. Скалдина «Рассказ о Господине Просто» не случайно обозначается весьма размытой и нехарактерной для малого жанра датой (1919—1924). На самом деле на протяжении пяти лет создавался не данный рассказ, а крупное гротескное полотно — «Вечера у мастера Ха», текст которого был полностью утрачен; «Рассказ о Господине Просто» — единственная сохранившаяся глава произведения, в то же время канонически совершенная, с точки зрения жанровых законов новеллистики.

Один из популярных новеллистов 20-х годов А. Малышки в период работы над первым крупным эпическим полотном продолжает параллельно создавать рассказы — уже освоенный, более близкий ему на раннем этапе творчества жанр. Это не может не отразиться на стилевой манере художника: лирический, по признанию автора, роман «Севастополь» (1925—1930), основой которого послужили дневниковые записи, как бы складывается из отдельных блоков, соединение, наращивание которых не препятствует созданию монолитного эпического полотна, в то же время каждый из этих «блоков» может сохранять статус самостоятельного артефакта. Не случайно знакомство читателя с «Севастополем» началось с публикации в третьем номере журнала «Красная новь» за 1927 год рассказа «Февральский снег», фактически являющегося первой частью романа.

Подобные опыты известны в практике М. Булгакова. Рассказ «Был май», написанный несколько позднее (1934), создавался как первая глава будущей книги путешествия. Сюжет рассказа «В ночь на третье число» (1922), замышлявшегося в качестве отрывка будущего романа «Алый мах», о чём свидетельствовал подзаголовок (*из романа «Алый мах»*), фактически приобрёл характер «кочующего» в творчестве Булгакова: одновременно сохранив статус

²⁰ Под типологической общностью мы подразумеваем использование графических способов изображения, сказовой манеры повествования, эксперименты стилистического характера.

автономного произведения, ассимилировавшись в текст «Необыкновенных приключений доктора» (Глава 3. «Ночь со 2 на 3»), рассказ расценивался исследователями как отрывок из неизвестной редакции романа «Белая гвардия»²¹. Рассказ «Богема», воспринимающийся как самостоятельное произведение, предположительно являлся результатом купирования текста «Записок на манжетах» (1922) — изъятый из «Записок...» и заменённый рядами точек по цензурным соображениям, фрагмент начала тринадцатой главы был впоследствии обработан, дописан автором и опубликован в 1924 году. Возможность подобных трансформаций текста, свободных манипуляций с ним была обусловлена синтетической жанровой моделью: свободная структура — отсутствие чёткой последовательности композиционных звеньев, наличие сюжетных ответвлений и даже параллельно развивающихся сюжетов, эпизодический, параболический характер повествования (множественность пуантировки) — позволяла, изымая из текста целые куски, придавать им статус отдельных произведений, не разрушая первоосновы. Новелла, с её строгой сюжетной и композиционной заданностью, бесспорно, ограничивает художника, не допуская подобных метаморфоз. Рассказ же, по своим характеристикам очень близкий к повести, открывает фактически безграничные возможности.

Размытость, редукция формы присутствует и в творчестве А. Платонова. Текст «Происхождения мастера» впервые был опубликован по частям в журнале «Красная новь» за 1928 год. Причём, публикация в четвёртом номере журнала осуществляется под заглавием «Происхождение мастера. Рассказ», в шестом номере — «Потомок рыбака. Из повести», а в дальнейшем рассказ был поглощён более крупной формой — романом «Чевенгур».

В статье «Моя работа над «Цементом» Ф. Гладков в 1931 году писал о том, что текст романа вырос из трёх рассказов: «Встреча покаянных» (1923), «Бремсберг» (1922) и «Разорванная паутина» (1923) [14]. Помимо этого, с текстом романа были связаны опубликованные в периодике этюды «Комсомольцы», «Красная повязка», «Потухший очаг», «Трудобой».

И. Ильф и Е. Петров, работая над романом «Двенадцать стульев», параллельно прописывали отдельные образы и сюжетные сцены в маленьких рассказах и фельетонах, печатавшихся в журнале «Смехач»: «Даровитая девушка»²², «Всеобъемлющий зайчик»²³. Часть опубликованных синхронно в жур-

нальных вариантах произведений прошла проверку и ассимилировалась в романную структуру, но вполне допустима была и диссимилиция текста: публикация рассказа «Прошлое регистратора ЗАГСа»²⁴ (1929) сопровождалась примечанием редакции о том, что произведение, получившее статус самостоятельного, фактически является неизданной главой из романа «Двенадцать стульев».

Подобную диссимилицию в ряде случаев можно рассматривать как воплощение стиливой доктрины 1920 г., особенно тогда, когда речь идёт об активных экспериментах автора с формой, о поисках вариантов сдвига привычных формул. Так, в 1918 году Е. Замятин создаёт произведение «Островитяне», с определением жанра которого он постоянно колеблется, называя его то повестью, то небольшим романом. Датированный 1921 годом рассказ «Ловец человеков» — на самом деле не что иное, как осколок «Островитян», а точнее один из вариантов развязки. В дальнейшем эти два произведения (и «Островитяне», и «Ловец человеков») образовали, говоря условным языком, «свободное единство» — так называемую «английскую дилогию»²⁵.

В 1925 году в журнале «Всемирный следопыт» на суд читателя представляется рассказ А. Беляева «Голова профессора Доуэля», переросший спустя 12 лет в роман с одноимённым названием, публикующийся по частям на страницах газеты «Смена».

Сегодня известно об одном из осуществлённых, но так и не «явившихся миру» замыслов В. Зазубрина. В 1922—23 годах на материале записей чекиста он пишет повесть «Щепка»²⁶, которую вначале задумывает как рассказ. Однако широта замысла подталкивала автора к необходимости укрупнения жанра и в результате произведение (как и рассказ А. Беляева) начало «разрастаться»: «из записей выросла повесть, повесть разрослась в роман» [Зазубрин В. Я. Худож. произведения, статьи, доклады, речи. — Новосибирск, 1972].

Пользовавшиеся большой популярностью, созданные в распространённой, характерной жанровой манере 20-х, «Записки разъездного врача» (1930 — 31), принадлежащие перу А. Югова, стали впоследствии основой его автобиографического романа «Бессмертие», написанного спустя десятилетие, когда наличие существенной временной дистанции, устоявшееся мировоззрение определили возможность перехода от фиксации непосредственных сиюминутных впечатлений к попытке взвешенного, системного взгляда на собственную

²¹ Об этом подробнее см. комментарии М. О. Чудаковой к рассказу «В ночь на третье число»: Булгаков М. А. Собр. соч.: В 5 т. — М.: Изд-во «Худож. лит.», 1992. — Т. 2. — С. 613.

²² Е. Петров. Даровитая девушка // Смехач. — 1927. — № 35.

²³ Рассказ Е. Петрова «Всеобъемлющий зайчик», опубликованный в 1927 году в 32 номере журнала «Смехач», по сути, является черновым наброском одной из глав романа.

²⁴ Речь идёт об издании: И. Ильф, Е. Петров. Прошлое регистратора ЗАГСа // 30 дней. — 1929. — № 10.

²⁵ Об этом подробнее: Туниманов В. А. Замятин Е. И. // Русские писатели, XX век. Библиогр. слов.: В 2 ч. — Ч. 1. А—Л / Редкол. Н. А. Грознова и др.; Под ред. Н. Н. Скагова. — М.: Просвещение, 1998. — С. 517—521.

²⁶ Повесть была опубликована только после смерти автора: В. Зазубрин. Щепка // Сиб. огни. — 1989. — № 2.

судьбу, вписанную в широкий исторический круг. Находясь в юном возрасте внутри событий, их, скорее, можно почувствовать, зафиксировать, на ходу «схватить» цепким глазом, чтобы уже затем неторопливо осмыслить, возвратившись к ним в памяти. Содержащие установку на ретроспективность в осмыслении событий, на имитацию письменной речи, воспроизводящей ряд непосредственных событий или воспоминаний о них, записки, по своей природе, сохраняя искренность и камерность звучания, не ограничивают жанровый «формат» произведения. Поэтому данный жанр в двадцатые годы являлся одним из наиболее продуктивных: сохраняя разумный баланс событийности и размышлений (в силу своей мозаичности), соединяя в себе такие, казалось бы, взаимоисключающие начала, как новеллистическая напряжённость действия и «медитативная» повествовательность, присущая повести, «записки» впоследствии органично трансформируются в романное эпическое повествование.

Приведённые примеры не являются исключением, это, скорее, срез наметившегося в первое послеоктябрьское десятилетие глубинного процесса жанровой унификации, допускающей синтезирование, перерастание «интенсивной» модели мира, присущей малым жанрам, — в «экстенсивную», определяющую суть художественного мира крупных эпических форм. Тенденция к деканонизации форм, общность родового смысла, характеризующего эпическую сферу отношений человека с миром, масштабность тематики, объективно определяющаяся наличием онтологического противостояния глобальных исторических эпох, глубинный характер конфликта, стремление уйти от фиксации частных, заменив их постижением общих закономерностей, «корректность» в отношениях с реальностью и, как следствие, стремление запечатлеть её в саморазвитии, желание изобразить движение времени сквозь призмы человеческих судеб; гибкость, диалогичность мышления — все эти факторы, обострившиеся в начале 1920-х годов в той или иной степени не просто обусловили возможность равноценного участия жанров в процессе освещения и осмысления исторического времени, но и объективно позволили размыть границы, чётко отделяющие потенциал малой и крупной формы.

Процесс эпизации, приводящий к жанровой унификации рассказа и повести в рамках отдельно взятого произведения²⁷, формально может выражаться в «количественном» накоплении материала — по сути, невозможно говорить о жёстких границах объёма малого жанра: он может исчисляться несколькими строками, а может пролонгироваться на несколько десятков страниц. Как след-

²⁷ В данном случае речь не ведётся о циклических художественных единствах.

ствие — рассказ расширяется не только количественно, но и в самом заглавии также получает новое авторское обозначение, задающее модус восприятия текста — «повесть» или даже «роман»: М. Зощенко «Сентиментальные повести», А. Чаянов «Романтические повести», И. Эренбург «Шесть повестей о лёгких концах»²⁸.

Произведение, созданное в малом жанре, фактически может структурироваться по подобию романа: «подражая» более крупной форме, рассказ сегментируется, дробится на фрагменты (части, главы). Показательным примером подобной жанровой модели может служить рассказ К. Федина «Старик», который делится на пронумерованные части, содержит графически обозначенный «Пролог» и «Эпилог». Значительное количество рассказов состоит более чем из 10 частей, делится на главы, разумеется, имея пролог и эпилог в качестве факультативных элементов (М. Булгаков «Залог любви»²⁹; Л. Лунц «Родина»; Н. Огнев «Тайна двоичного счисления»; Н. Никандров «Лес», «На Часовенной улице», «Во время затишья», «Ротмистр Закатаев», «Бунт»; Н. Никитин «Американское счастье»; О. Форш «Летошний снег», «Обыватели»).

Весьма распространённым оказалось и явление «многоступенчатого» сегментирования: рассказы делятся на главы, части, как правило, пронумерованные, возможно, озаглавленные, внутри которых содержится ещё несколько частей, и их граница обычно обозначена графической отбивкой, визуальным сигналом которой является увеличенный интервал между строками и графический знак («***», «...», либо «__»). Такой принцип композиционной организации материала использовался М. Булгаковым («Записки на манжетах», «Необыкновенные приключения доктора», «Морфий», «Москва 20-х», «Спиритический сеанс»), С. Заяицким («Трагикомические рассказы»), В. Каверинным («Пятый странник»), Л. Лунцем («В пустыне»), Н. Никитиным («Вещи о войне», «Дэзи»), А. Соболев («Паноптикум», «Салон-вагон»), В. Шишковым («С котомкой»), И. Эренбургом («Испорченный фильм») и др. В подобных рассказах очень часто встречаются все атрибуты рамы в комплексе (посвящение, эпитафия, предисловие, послесловие после отбивки, дата).

Размышляя о жанровой унификации, ещё раз вернёмся к мысли о том, что перед нами качественный процесс жанрового синкретизма, и структурные показатели — лишь один из его внешних маркеров. Речь, в первую очередь, следует вести о рас-

²⁸ Мы не имеем в виду случаи, когда жанровый подзаголовок задаёт пародийный пафос произведения: О. Вишня «Держись, хлопцы! (Роман в частях с эпилогом и моралью)».

²⁹ Затеявая жанровую игру, М. Булгаков сообщает рассказу ряд атрибутов крупной формы: жанровый подзаголовок «роман», формально выделенный эпилог.

ширении жанрового потенциала новеллистики, диапазона её внутренних характеристик, определяющихся конструктивными принципами, базирующимися на синтезировании носителей жанров, принадлежащих к эпическому роду литературы. Подобные синкретические новообразования, как правило, обладают характеристиками, сообщающими мобильность, подвижность, ёмкость и одновременно эпическую полновесность за счёт универсальных базовых конструктивных принципов, к которым можно отнести:

- относительно небольшой объём;
- принцип «дополнительности» как конструктивный принцип организации материала (интенсивно-экстенсивный способ создания конфликта, отбора событий, героев, организации художественного пространства и времени);
- более значительную, по сравнению с классической новеллой, степень обобщённости — событие повторяется, варьируется, а, следовательно, вывод «подтверждается», «подкрепляется» множественностью подобных вариантов поведения, ситуаций, жизненных исходов и т. д.;
- усложнение композиции (за счёт циклической повторяемости событий, экстенсивного расширения сюжетных коллизий);
- сохранение «сосредоточенности» авторского и читательского внимания, единого центра изображения;
- наличие единого повествователя;
- особый характер дискурса, предполагающий использование интонации рассказывания, повествования, с допуском любых эмоциональных и дискурсивных «перебивок»;
- сочетание камерности интонации и эпической широты изображения;
- циклически повторяющийся сюжет (внешний, внутренний);
- более объёмный, по сравнению с произведениями, построенными по канонам малой прозы, хронотоп;
- связанность мотивов;
- расширение возможностей ассоциативного фона;
- сегментирование текста (в том числе многоуровневое).

Литература

1. Жирмунский В. М. Введение в литературоведение: Курс лекций. — СПб.: Наука, 1996. — 417 с.
2. Теория литературы. Том III. Роды и жанры (основные проблемы в историческом освещении). — М.: ИМЛИ РАН, 2003. — 592 с.
3. Ковалёв В. А. Русский советский рассказ. Очерки истории жанра. — Л.: Наука, 1970. — 736 с.
4. Шубин Э. А. Современный русский рассказ. (Вопросы поэтики жанра). — Л.: Наука, 1974. — 182 с.
5. Михайлов А. В. Новелла // Теория литературы. Том III. Роды и жанры (основные проблемы в историческом освещении). — М.: ИМЛИ РАН, 2003. — С. 245—249.
6. Кубасов А. В. Поэтика Чехова: искусство стилизации. — Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 1999. — 316 с.
7. Гречнёв В. Я. Русский рассказ конца XIX — начала XX века (Проблематика и поэтика жанра). — Л.: Наука, 1979. — 203 с.
8. Sierotvenski S. Slovník terminov literackich. — Wrocław, 1966. — 237 s.
9. Wilpert G. von. Sachwörterbuch der Literatur. 7., verbesserte und erweiterte Auflage. — Stuttgart, 1989. — 354 p.
10. Петровский М. Повесть // Словарь литературных терминов: В 2 т. — М.-Л.: ГИЗ, 1925. — Т. 2. — 389 с.
11. Кожин В. Повесть // Словарь литературоведческих терминов / Ред.-сост. Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. — М.: Наука, 1974. — 450 с.
12. Кормилов С. И. Повесть // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. А. Николюкина. (Институт науч. информации по общественным наукам РАН). — М.: НПК «Интервал», 2001. — 1596 стлб.
13. Савелли Дани. Как издавать полное собрание сочинений Бориса Пильняка // Проблемы текстологии и эдиционной практики: Опыт французских и российских исследователей / Под общ. ред. М. Делона, Е. Е. Дмитриевой. — М.: ОГИ, 2003. — 211 с.
14. Гладков Ф. Мятёжная юность. Очерки. Статьи. Воспоминания / Вступ. ст. Б. Брайниной. — М.: Худож. лит., 1961. — 311 с.

УТОПИЯ ОЖИДАНИЯ РОМАНОВ «БАБЬЕ ЛЕТО» А. ШТИФТЕРА, «МАДАМ БОВАРИ» Г. ФЛОБЕРА, «ОБЛОМОВ» И. А. ГОНЧАРОВА

В поисках аналогий наука зачастую использует принцип синхронности. Одновременность является едва ли не абсолютным аргументом в пользу почти любой типологии. Когда авторов объединяет эпоха, то основания говорить об их типологическом сходстве появляются едва ли не сами собой. В то же время это и самый лукавый аргумент, что выясняется, как только мы пытаемся представить картину литературной жизни одного локального временного промежутка в более или менее полном объеме. Пример — 1856 год, когда одновременно появились такие значительные тексты как «Мадам Бовари» Г. Флобера, «Цветы зла» Ш. Бодлера, «Бабье лето» А. Штифтера и «Обломов» И. А. Гончарова. Даже при наиболее разукрупненном методологическом подходе панорама представленных в рамках одного года литературных явлений: от бидермайера до «предсимволизма» через критический и поэтический реализм. Очевидно, что время слишком глобальная категория, чтобы служить прикладным целям конкретной науки, поскольку вбирает в себя самые разнообразные тенденции и содержит множество возможностей дальнейшего развития. Однако идейно-образная общность, «литературное поле» прежде всего на основании сходства задач, которые ставят перед собой авторы, все же формируется. Эта задача (сосредоточимся только на романах, чтобы выдержать хотя бы строгость жанрового принципа) отражения процесса становления и самоопределения человека, изначально трактуемого как явление позитивное в противовес негативно влияющему на него «миру», «традиции», «городу» и т. д.

Во всех трех романах мы имеем дело со становлением человека, проходящего последовательно этапы жизни и претерпевающего постоянные изменения под влиянием внешних впечатлений, окружающих людей, преодоленных препятствий и собственных стремлений. Весь внутренний ритм романов подчинен этому становлению. Писатели отмечают этапы, подводят промежуточные итоги пути героев, фиксируют изменения в их мировоззрении и поведении. В результате каждый из романов имеет свои внутренние периоды, организующиеся в общее ритмическое полотно, из которого вырастет пульсирующая жизнь, имеющая цель и направление, воспроизводимая в собственном ритме. Ритм роднит романы с эпическими поэмами, ибо, по определению Гете, форма содержательна. Соотношение внешнего и внутреннего, природы и воспитания, натуры и социума определяет характер и судьбу каждого героя.

«Ridiculus sum» (я смешон — лат.) — склоняет юный Шарль Бовари, только попавший в класс, сразу ставший предметом всеобщего осмеяния, и едва ли не вся его жизнь проходит далее под знаком насмешки. Под воздействием картин домашнего быта «напитывается мягкий ум <Обломова> живыми примерами и бессознательно чертит программу своей жизни» [3, 258]. Жизни, приведшей его к нравственной гибели задолго до смерти. «Эта черта, строгая точность, запала нам в душу и заставляла нас выполнять родительские наказания» [9, с. 22], — определяет Генрих Дрендорф причины собственной собранности и целеустремленности. Все три романа, написанные в конце пятидесятых годов XIX века, на новом уровне, в новых условиях обращаются к проблематике, по сути, просветительской: воспитание человека и результаты воздействия той или иной воспитательной модели. Не случайно в текстах Штифтера и Флобера напрямую указываются просветительские ориентиры (Руссо и Гете). Правда, если Штифтер относится к просветительству своего романа вполне серьезно и имя Гете произносит с соответствующим пиететом, обращаясь к нему как к идейному вдохновителю и основоположнику жанра немецкого романа воспитания («Вильгельм Meister»), то для Флобера, создающего антиобразец, «Исповедание веры савойского викария» в устах Оме — предмет иронии. Новый общественный перелом, новое потрясение (романы задуманы в разгар европейской волны революций 1848 года, «Бабье лето» — в 1846, «Сон Обломова» появился в печати в 1849, исключение «Мадам Бовари», документально подтвержденные свидетельства работы над которой относятся к 1851) актуализируют поиски идеала. Прежние основы воспитания: философия, религия, приверженность сословию — оказались неактуальны для писателей мещанского мира, для которых этот мир не знак, не оппозиция правящим кругам, не залог естественности, как это было в предшествующую эпоху. Сын ткача — Штифтер, купца — Гончаров и врача — Флобер вовсе не игнорировали сословные характеристики своих героев. Напротив, барон Ризах — воплощенный идеал Штифтера — выходец из крестьянства, ставший выдающимся государственным деятелем. Все гости его дома, визитеры Матильды и городские друзья Генриха тоже имеют социальные характеристики, подчеркиваемые автором. Другое дело, что согласно положительной программе Штифтера, воплощенной в его героях, воспитанный человек знает свое место, объективно оценивает собеседника, но умеет ровно общаться со всеми, ничем не выказы-

вая своего превосходства. В романе все герои имеют внятную социальную характеристику: господин Дрендорф — купец, отец Ризаха торговал льном и сукном, сам он занимал посты от самых незначительных до высших как государственный чиновник, а затем был произведен в бароны и разбогател на облигациях, семья Матильды владела большим имением, городские знакомые Генриха — ювелир, сын высокопоставленного чиновника, княгиня. Однако все эти характеристики, непременно даваемые автором даже проходным, лишь в отдельных эпизодах появляющимся персонажам, не разделяют героев. Напротив, каждый из них живет одновременно в мире «высших» и «низших», общается с теми, и с другими, и общение это тем ровнее, чем достойнее сам герой. «Опыт общения приобретал я, однако, не только в высших слоях, но и в низших, во втором случае, правда, не в городе, а среди жителей гор и земледельцев. ... Прекрасным примером [... был Ризах...], его слова и дела всегда вызвали уважение. Даже его одежда, сначала поражавшая, ко всему подходила. Также и Ойстрах, и уж, конечно, Густав обладали решительными преимуществами перед моими светскими знакомыми» [9, с. 355].

Едва ли не все мечты Эммы Бовари сосредоточены на стремлении преодолеть узкий круг своего класса. Возвышенные чувства для нее связаны не только с поисками романтического объекта, но и сознательным отказом от буржуазности отца, мужа, свекрови, которые не вписываются в её воображаемый мир: «Но какая же дочка Руо — барышня? — возмущалась г-жа Бовари. Хороша барышня, нечего сказать! Дед её был пастух, а какой-то их родственник чуть не угодил под суд за то, что повздорил с кем-то и полез в драку. Зря она уж так важничает» [7, с. 69]. Не говоря о том, что оппозиция Обломова и Штольца — очевидная оппозиция происхождения.

Однако подчеркнутая социальная характеристика порождает внутри каждого романа определенную тенденцию, которую не раз отмечали критики романов в качестве недостатка и которую гораздо интереснее рассмотреть как их объективное свойство. С одной стороны, — становящийся, развивающийся буржуазный герой, определение характера, роли и деятельности которого зачастую не связано с современной реальностью (отсюда многочисленные обвинения Штифтера в утопичности его романа, отсюда «неудовлетворенность» Добролюбова личностью Штольца). С другой стороны, — герой аристократический или проаристократический, развитие которого происходит по устоявшейся схеме, который мыслит в рамках сложившейся социальной логики, устаревшей, исчерпавшей себя, отжившей (как романтические иллюзии Эммы и образ жизни Ильи Ильича и еще больше Захара). Таким образом, действие романов протекает между критически воплощенным Вчера и еще не сформировавшимся, существующим толь-

ко в воображении писателя, утопическим Завтра. Сегодняшний день выпадает из их внимания, оказывается лишь абстрактно-мифологической метафорой. Каждый из писателей, эмоционально отключаясь на противоречия современности, по сути, выключает её из сферы повествования, фиксируя в ней лишь те черты, которые либо безнадежно устарели, либо свидетельствуют о появлении ростков нового, будущего мира и сознания. Уместно вспомнить, в связи с этим, что Флобер говорил о своей неспособности «писать о современности». Проблема, очевидно, лежит не в сфере индивидуальных особенностей каждого автора, а в специфике времени и трудностях определения самого понятия «современность» с точки зрения соотношения в нем старого и нового. Естественно, что почти каждая эпоха оказывается в тисках этого противоречия, можно вспомнить хотя бы начало романтической «Исповеди сына века» А. де Мюссе: «То, что было, прошло, то, что будет еще не наступило, и не ищите ни в чем ином разгадки наших страданий». Однако существенная особенность, объединяющая все три романа, заключается именно в том, что в разных пропорциях в их структуре соединяются утопия (с характерными для неё элементами сентиментальности, идиллии, мифологизации) и социальная критика (с патетически обличающими пассажами, иронией, а иногда и сатирой, и явным или скрытым трагизмом).

Перед нами три любовных истории, в каждой из которых воспроизводится двойная модель: любовь — награда и любовь — испытание. Пройдя долгий путь становления, осознания цели, поиска в сфере науки и искусства, Генрих («Бабье лето») обретает, наконец, семейное счастье. Наталия и её любовь — тихий приют, сообщающий смысл каждому предыдущему и последующему шагу героя, но не имеющий самостоятельного значения. Не случайно эта любовь вписывается автором в двойной контекст: исторический (она соотносится с историей Ризаха и Матильды и является как бы «исправлением» их ошибки) и мифологический (красота Наталии сродни красоте античной статуи Навсикаи, стоящей в центре Rosenhaus'a, и она выполняет для героя роль Навсикаи). Сам Генрих — образец в назидание юношеству. Его возлюбленная — олицетворение тишины, кротости, верности. Их любовь — воплощенное торжество исторического оптимизма, ибо даже совершенная ошибка может быть исправлена, пусть в следующем поколении, и знак обретения истины: в новой исторической ситуации новый Одиссей, вступающий на незнакомый остров общественной жизни, обретает надежный ориентир в виде искренних чувств. Штифтер изымает из повествования любые тревоги, в том числе и тревоги любви. Едва переговорив с возлюбленной, Генрих отправляется делать «что

должно», оставляя её на месяцы и даже годы. Торжествует эпическая установка на неизменность ситуации там, где нет героя. В этом роман Штифтера сродни древним сказаниям. К тому же здесь проявляется еще одна особенность писательского видения: способность автора сохранять чувства своих героев в законсервированно нетронутым виде, что характерно не только для этой пары. Ризах и Матильда всю жизнь прожили, сохраняя чувство, и удовлетворились, в итоге, тихим счастьем в воспитании детей Матильды. Если для Обломова «трудно быть умным и искренним в одно время» [3, с. 315], то Ризаху это нетрудно, ибо его чувства медлительны, холодны и рассудочны. Немаловажным условием, позволяющим Штифтеру осуществлять этот подход в обоих случаях, является подчеркнутая несамостоятельность, вторичность, зависимость героини от героя. Она — воплощение идеи, мужской мечты, позиции, согласно которой «события» происходят только с ним, и она — одно из таких «событий».

В определенной степени к этой схеме приближается и Ольга Сергеевна Ильинская. Живость, наивность, жажда любви — черты, необходимые женщине, с которой можно было бы связать надежды на возрождение и развитие героя. В результате она, как и Наталия, оказывается «наградой», точнее, призом победителю. «Живые» её черты (попытка разобратся в себе и своих чувствах, осознание того, что она ждет от жизни и любви, муки стыда — то, чего не было и не могло быть у штифтеровской героини) имеют возможность проявиться как раз в силу отказа от Обломова, в возникшей ситуации выбора. В первой же части её пути — летняя любовь Обломова — она, скорее, традиционное воплощение идеала «вечной женственности», назначение которого — сопутствовать, побуждать, оберегать и утешать. Единственная черта, не связанная с этой роландовой¹ традицией — гордость, побуждающая мечтать о возрождении Ильи Ильича. В утопическом (штифтеровском) духе нарисована и домашняя идиллия Штольца в финале романа. Не страсть и любовные бури, а тишина, взаимопонимание и взаимное убеждение правят жизнью семьи. Неторопливость и свобода авторов в отношении повествовательного времени — следствие этой установки на разумность отношений. Неравно распределенные временные интервалы Штифтера (от нескольких месяцев до двух лет) наглядно подчеркивают идею неизменности и верности героев своему пути. Сколько бы ни прошло времени, раз приня-

тое решение постепенно и неуклонно осуществляется. Отрезки в несколько лет, отделяющие последние встречи Штольца и Обломова, также приносят лишь незначительные внешние изменения. Каждый из героев достиг своего счастья, и время в его утопической стране остановилось.

Определенно, сходство любовных пар в обоих романах лежит в сфере подмены живого чувства идеалистически-сентиментальной схемой, продиктованной разумом. Из этой схемы сознательно изымается все эмоциональное: сомнения, выяснение степени взаимной привязанности, муки неопределенности и ревности, настроение. Единственный поцелуй Ольга считает великим преступлением, ответ Наталии на объяснение в любви — счастливые слезы. Остается лишь один критерий: вписывается или не вписывается героиня в программу (или утопию) героя. Наталия прекрасно дополняет собой патриархально-культурный мир идеальных домов Штифтера (Асперхофа и Штерненхофа), она их порождение. Ольга лишь в мечтах Обломова безропотно сносит умиленные приветствия обломовских мужиков, но реально соответствует лишь тихому трудовому быту, к которому пришел Штолец.

Они обе имеют еще одну важную черту, соотносимую с мифологическим сюжетом: Навсикая направляет к дому, но не стремится героя в доме удержать, успокоить, лишить подвижности. Договорившись о свадьбе, Генрих отправляется в зимнее путешествие в горы, а затем — на два года в странствие по Европе, зная, что «любовь мою это... еще более возвышало и облагораживало» [9, с. 490]. Сомнения Ольги в финале романа тоже связаны с этим стремлением побуждать: «Все тянет меня куда-то еще; я делаюсь ничем не довольна» [3, с. 475].

Эмма Бовари на определенном этапе тоже побуждает Шарля на новое дело (операцию по исправлению стопы), однако любое её начинание обречено на провал в силу неискренности, игры, стремления соответствовать романским образцам. Продолжая мифологические аналогии, можно подпасть под искушение выстроить еще одну конструкцию, претендующую на роль достаточно красивой гипотезы. Брак Шарля и Эммы сродни браку Аида и Персефоны: соединение несоединимого, влекущее трагедию, разрешимую только извне. Действительно, любая односторонняя абсолютизация проблем, связанных с тем или иным персонажем (разрушенная жизнь незаурядной и возвышенной Эммы на совести пошлого мужа или его разочарование, разорение, бедствия дочери порождены нежизненностью её фантазий — и в соответствии с этим, попытка рассмотреть роман только как социальную сатиру на пошлость обывателей или пародию на восторги отжившего романтизма), автоматически провоцирует поиски «доброты» и «злоты» начала. Добро и свет исходят от Эммы только в моменты, когда она вырывается из-под влияния мужа. Поездки в Руан приносят облегчение не толь-

¹ «Да сохранит меня небесный царь
И ангелы его и все святые,
Чтоб я по смерти храброго Роланда
Осталась жить!» Внезапно побледнев,
Она к ногам владыки франков пала
И умерла...»

ко ей, но и всем домашним, даже Шарлю. Что до него, то, сумев «украсть» свою богиню, он не в состоянии удержать её внимание и уважение. Помощь же всегда приходит от старшего поколения (вмешательство Деметры и Зевса, в данном случае — мамы Бовари и папы Руо). Однако необходимо признать, что замысел воспроизвести сюжет, в котором лирика была бы просто смешна, довлеет над всем романом, и любая попытка мифологизации еще усиливает иронию. Флобер собирает на страницах романа коллекцию мелких людей, пытающихся возвеличить неинтересные мысли и пошлые страсти. В отличие от героинь Штифтера и Гончарова, образ Эммы изначально построен на отсутствии целостности (достаточно вспомнить её приготовления к свадьбе, когда она мечтает венчаться в полночь и не забывает нашить чепчиков по образцу модных журналов). Флоберовская героиня не просто играет, она творит, создает, «выстраивает» свои романы. Она режиссирует любовные сцены и заполняет паузы между ними атрибутами любви (подарками и письмами).

Особенности любовных историй выражаются и в специфике интерпретаций общего для всех трех романов ряда метафор. В день, точнее в ночь, свадьбы Генриха и Наталии в оранжерее Асперхофа распускается цветок редкой красоты. Он умирал, но усилия главного героя, забота садовника и почтение Ризаха к любой диковине возрождают его. Его красота мимолетна, но герои, осознавая это, стремятся напитаться ею, чтобы сохранить воспоминание, пронести отсвет её через годы, наслаждаться знанием о ней. Отсвет, впечатление, отражение составляют счастье, в них нет бурь, а есть тихая радость. Хрупкость живого цветка — олицетворение любви, которую герои со всем присущим им разумом намерены хранить. Ветка сирени — верная спутница любви Ольги и Обломова. Она — способ объяснения, символ восторга и сигнал умирания чувства. Максимализм героини не приемлет «поблекших, отошедших» цветов как и чувств, не побуждающих к действию. В каждом из романов, помимо индивидуального смысла знака, есть общий: живой цветок — олицетворение живого чувства. Цветы в романе Флобера появляются как весьма несвоевременное напоминание: невеста, заходя в супружескую обитель, натывается на свадебный букет умершей жены. Цветы (сами, кстати, мертвые: бумага, проволока) становятся в романе навязчивым символом умирания. Казалось бы, живой рядом с таким свадебным букетом только огонь, в который Эмма бросает свою реликвию в конце первой части — определенная точка, этап в процессе её нравственного падения. Однако Флобер мастерски выстраивает весь эпизод на сочетании в одном однородном ряду живого и неживого: проволока, огонь, картонные ягоды, порхающие лепестки, позументы, беременность Эммы. Это сочетание само по себе уничтожает любые ростки надежды, вызы-

вает жалость к будущему ребенку. Ряд, начатый ненастоящими цветами, достроен в романе «ярмарочным» объяснением в любви и свиданиями в декорациях театрального закулисья. Сцены объяснений в романах представляют разительный контраст. В «Бабьем лете» — тишина (она у Штифтера необходимое условие всякой душевной работы), журчание воды и пение птиц сопровождают немногие слова о любви. В романе «Обломов» принцип минимум слов и максимум чувства становится причиной «ошибки» Ольги Сергеевны (именно так квалифицирует её любовь к Обломову Штольц), но спокойный, доверительный разговор предвещает тихое семейное счастье. В «Госпоже Бовари» громогласная толпа и торжественные речи по случаю открытия ярмарки сопровождают «красивые» разговоры словоохотливого Родольфа, пошло соблазняющего Эмму. Публичность необходима Эмме для создания должного градуса экзальтированности, для того, чтобы осознавать себя великой любовницей и великой преступницей, кидаться из крайности религиозного экстаза в крайность расточительства. «Я ненавижу... сдержанность в проявлении чувств» [7, 129] — заявляет она в начале, и симптоматично заканчивает посещением театрального парикмахера. Нужно сказать, что театр — общее место романов, в силу общности образа жизни людей, представляющих эпоху. У Гончарова это только место встреч Обломова и Ольги, способ провести время, даже обязанность светского человека, то есть как раз знак времени и не более. Желая показать уникальность своего героя, Штифтер делает его новичком в зрительском искусстве. Генрих эмоционально открыт для новых впечатлений и ценит театр за мгновения искренности и истины, которые он способен повторить. Более того, именно в театре происходит его первая встреча с возлюбленной, её волнение и сопереживание героям Шекспира привлекают его внимание. Театральная мишура (парики, фанера, тряпки) вместо искусства — предмет внимания Флобера. Метафора театра реализуется в сцене свидания с Леоном: Эмма едет рядом с декорациями, затем мимо нее люди идут за кулисы, ей доступен весь хаос театра вне сцены. В итоге ей предлагают билет на бал-маскарад, и можно подводить итог её собственным смененным на глазах читателя маскам.

Эмма — антипод Шарля, они заведомо несовместимы, так как живут в соответствии с разными культурными моделями, но обе модели современные, порождены новой эпохой, связаны с новейшими социальными процессами. Шарль патриархальнее, но и бездеятельнее. Характер же Эммы целиком лежит в сфере противоречий нового времени. Углубляясь в характеристику героини, автор не просто обесмысливает все шаги Шарля, стремящегося обрести домашнее счастье. Он подходит к тому же тезису, с которого начинает свой роман и свою

воспитательную программу Штифтер: внешняя цель бессмысленна, стремление к соответствию навязанным извне требованиям и схемам разрушает человека, развитие же его осуществляется в соответствии с его собственной внутренней логикой. На этот упрек отец отвечал, что, прежде всего, человек живет не ради человеческого общества, а ради себя самого. И что наилучшим образом живя ради себя самого, он и для человеческого общества живет также [9, с. 27]. Основу этой семьи составило стремление к «заполнению скучной жизни» [7, с. 67]. Все последующие романы Эммы порождены тем же. Она разрушительница, но абсолютная безликость мужчин в романе заставляет автора сосредоточить основное внимание на ней. Излишне напоминать, что она, так же как Ольга и Наталия, существует в рамках реализованной схемы. Правда, не мифологически обобщенной, а исторически конкретной, смоделированной сентиментальными романами и мещанскими драмами уходящей эпохи: «Там было все про любовь, там были одни только любовники, любовницы, преследуемые дамы, падающие без чувств в уединенных беседках, кучера, которых убивают на каждой станции, кони, которых загоняют на каждой странице, дремучие леса, сердечные тревоги, клятвы, рыдания, слезы и поцелуи, челны, озаренные лунным светом, соловьиное пение в рощах, герои, храбрые, как львы, кроткие, как агнцы, добродетельные донельзя» [7, с. 85—86]. Кстати, о значении слышанного и читанного пишут и два других автора. Обломов воспитан на преданиях, которые «так искусно избегали в рассказе всего, что существует на самом деле, что воображение и ум, проникшись вымыслом, оставались уже у него в рабстве до старости» [3, с. 262]. Идеальный воспитатель Ризах ограничивает чтение своего подопечного, не позволяя ему раньше времени прочесть даже и хорошие книги, не говоря уже о вреде плохих: «Разумеется, ничего совсем уж плохого он здесь не нашел бы. Но не все хорошее он понял бы, и тогда затраченное на это время пропало бы зря. Или он понял бы это превратно, и тогда успех был бы ложный. Плохое, выдающее себя за искусство поэзии, очень опасно для молодых» [9, с. 258].

Становление личности — сложный процесс, вбирающий в себя множество событий и влияний. Наличие воплощенной в судьбе конкретного героя (Генрих, Штольц) положительной воспитательной программы обеспечивает кардинальное отличие текстов Штифтера и Гончарова от романа «Госпожа Бовари». В то же время антипрограмма Флобера очевидным образом соотносится с идеями, изложенными в «Бабьем лете» и «Обломове», отраженные им минусы позволяют судить о неотраженных плюсах.

Основы будущего закладываются в раннем детстве и даже раньше, поскольку самое действенное воспитание — пример и образ жизни предков: «Он <Иван Богданович Штольц> взял колею от своего деда и

продолжил её, как по линейке, до будущего своего внука» [3, с. 288]. Необходимое условие — ощущение свободы. Молодой герой сам приходит к образу жизни, естественному для него, его семьи, его среды. Не случайно, один из центральных эпизодов романа Штифтера — прозрение Генриха, обретение понимания желаний и привязанностей отца: «Вот что такое большая, неопишущая любовь отца. Он обладал этими драгоценными вещами, его сердце было привязано к ним, а сын его проходил мимо, не обращая на них внимания, но отец не отнял у сына ни частицы своей привязки, он приносил себя в жертву...» [9, с. 335]. Герой, способный к практической жизни в определенном социальном кругу, может преодолеть узость этого круга. Но, не вписываясь ни в один социальный контекст, со временем теряет своё лицо. В этом, собственно, и заключена новая практичность, возвращение на новом этапе к гетевским идеям бюргерства. Большинство героев указанных романов отождествляют себя со своей социальной средой: отсюда подчеркнутая скромность Генриха и его чиновничья перспектива, трудовое воспитание Штольца, возмущение Обломова при одном упоминании «других» и тупая покорность судьбе Шарля Бовари. Социальное самосознание — та сфера, в которой каждый из них в наибольшей мере связан с национальной традицией. Определение «чиновник» для героя, живущего в Австрии, где даже монарх определяет себя не иначе как «первый чиновник своего государства» [2, с. 42], воплощает высшее предназначение и идеальную возможность служения общественному благу. Уместно вспомнить в связи с этим, что Г. фон Гофмансталь пишет об отношениях Ризаха и государя: «Штифтер — не такой автор, чтобы бросать слова на ветер и о подобных фактах и отношениях рассказывать наугад... эти могущественные слуги государства были по большей части выходцами из самых необеспеченных слоев населения... однако они обычно действовали так, что никто не видел в них выскочек — видели людей, поставленных на свои высокие посты за заслуги» [4, с. 691]. Процесс упадка и разложения русского дворянства ярко проиллюстрирован судьбой Ильи Ильича Обломова, однако неопределенность жизненной программы «новых людей» в России отражается не только в неудовлетворительности фигуры Штольца для демократической критики, но и в нигилизме Базарова, и в расплывчатости, неопределенности и явной вторичности (Ж. Санд «Орас») утопии Чернышевского. Русские интеллигенты не попадали во власть, а потому неизменно были в оппозиции. Это обусловило восприятие любого положительного проекта как явления западного, привнесённого, заимствованного. Наполовину немец, Штольц довольствуется малым, и именно идея «малых дел» не соответствует российскому размаху демократии. Эмма — единственная лишена семейных привязанностей и социального самосознания: «Папаша Руо не прочь сбить дочку с рук, — помогала она ему плохо. В глубине

души он её оправдывал — он считал, что она слишком умна для сельского хозяйства» [7, с. 73]. В итоге она всегда оказывается в ситуации несоответствия. Не вписывается в реальность, не может преодолеть социальных барьеров, поскольку не осознает, не видит их.

Воспитание не должно противоречить природе, но должно помогать проявлению лучшего, что заложено в человеке: «Развитие получила его сущность, а всякое общение с людьми, выпадавшее ему на долю... тому помогало» [9, с. 597]. Подавление живости Обломова, отсутствие направления впечатлительности Эммы разрушают личность. Природа, натура — ключевые слова идиллии Штифтера, строящего роман на пространственной оппозиции: город (цивилизация, лживость) и имение (чистота, простота, наивность). Обломовский идеал, правда, тоже построен на противопоставлении пространства деревни и чужого, дикого, начинающегося за оврагом. Но в данном случае очевидным образом пародируется схема, знакомая любой мифологии: своё (дружественное) и чужое (враждебное): «В овраге предполагались и разбойники, и волки, и разные другие существа, которых или в том краю, или совсем на свете не было» [3, с. 257]. Обломовка — сама миф, и все, что оказывается в поле осмысления обломовцев, мифологизируется. Провинциальность и столичность у Флобера противопоставлены только в сознании Эммы. Автор с равной долей иронии относится и к тому, и к другому. Героиня осознает себя лишенной радости цивилизации и собственную «ущербность» по этому поводу. Решаются пространственные оппозиции во всех трех романах аналогично: точка пересечения пространств — человек, который либо обретает свою цель, в каком бы пространстве он ни находился, либо нет. Даже содержание пейзажа напрямую зависит от характера персонажа и воспитательной задачи автора. Горы, восходящие в вечность и таящие в себе открытия и потрясения со множеством «вдруг», содержащих новые возможности для познания, в романе «Бабье лето». «Ничего грандиозного, дикого и угрюмого» [3, с. 252] в Обломовке и поиск таких же уголков Петербурга. И, наконец, полная безликость мира, который окружает Эмму Бовари («говор лишен характерности, а пейзаж своеобразия» [7, с. 117]). В итоге, не находя интереса в окружающем мире, Эмма сама «выстраивает» пространство в соответствии со своими мечтами (река, лодка, роса, беседа — узнаваемые, трафаретные элементы идиллического стереотипа): «Как-то раз показалась луна. Эмма и Леон не преминули сказать несколько подходящих к случаю фраз о том, какое это печальное и поэтическое светило. Эмма даже запела: “Ты помнишь, плыли мы ночной порой”» [7, с. 292].

Понимание смысла каждого действия и сочетаемость воспитательных влияний — также необходи-

мые условия становления личности. Заботливые учителя Генриха дают ему возможность самому осознать ценность красоты и труда, ждут, когда он внутренне созреет для той или иной деятельности. Будущая ограниченность Шарля — результат бессознательности его учения: «Он исполнял свои несложные обязанности, точно лошадь, которая ходит с связанными глазами по кругу, сама не зная — зачем» [7, с. 60].

Обвинения Штифтера в утопизме и даже «сказочности» его романа подчас связаны с сознательным отказом автора отражать материальные заботы своих героев. Можно сказать, что Генрих живет вне материальных интересов. Однако это не совсем так, скорее речь должна идти о сознательном размежевании сферы гуманистических представлений, согласно которым духовная жизнь человека отличается глобальностью предметов приложения (история, искусство, природа), и каждодневных обязанностей, долга, включающего общественное, государственное служение и быт. Представители старшего поколения романа, оказываясь в центре этого противоречия, превращаются в фигуры по-своему трагические, ведущие «двойную» жизнь, не имеющие возможности полностью посвятить себя любимому делу. Генрих же ими огражден. Иное дело Штольц, идеальность которого оппозиционна обломовской непрактичности и нарочито связана со сферой материально-денежных интересов. Впрочем, его практичность в романе также декларативна. Он восстанавливает обломовское благосостояние совершенно непонятно, каким образом. Любовь к труду — идеальный, провозглашенный автором факт. Единственная сцена, в которой соотношение материального и общечеловеческого интересов Генриха и Андрея действительно отличается, — сцена прощания с отцом: «Зайди к Рейнгольду... У него четырехэтажный дом. Я тебе адрес скажу... — Не надо, не говори. Я пойду к нему, когда у меня тоже будет четырехэтажный дом» [3, с. 289]. Хотелось бы сказать, что Генрих лишен восприятия людей как собственников. Он общается ради изучения человеческой породы и постижения нравов, рассматривает человеческие типы, даже вызывающие его недоумение. Но установка Штифтера на внимание к вещам, которые являются и знаком вечности, могут многое рассказать о хозяине, заставляет его героя воспринимать качества людей, проявляющиеся в их имуществе. Характеристики коллекций, состояние имений, отношение арендаторов попадают в сферу авторского внимания. Во всяком случае, Генрих лишен этой штольцевской гордости, не приемлющей помощи. К тому же у Штифтера есть сцена, поразительно напоминающая прощание Штольца в романе Гончарова. Герой новеллы «Старая печать» воспитан «старым воякой» отцом, который, провожая его в дальний путь, «пробормотав что-

то вроде «глупый трусишка»... сильно размахивая руками, пошел назад в сад!» [10, с. 167].

Пройдя каждый свой путь влияний, искушений и наград, герои подводят итоги: «В робкой душе его выработывалось мучительное сознание, что многие стороны его натуры не пробуждались совсем, другие были чуть-чуть тронуты и ни одна не разработана до конца» [3, с. 250]. «Но одно несомненно, чистая семейная жизнь... основана; она — порукой тому наша привязанность и наши сердца — будет длиться с неубывающей полнотой, я буду управлять своим имуществом, буду делать другие полезные дела, и всякие, даже научные устремления обретают теперь простоту, опору и смысл» [9, с. 613]. Выводы за чету Бовари сделал автор, отправив их единственную дочь работать на фабрику.

Эти итоги тенденциозны, они знак идеи, подтверждающей то, с чего мы начали: действие романов вне сегодняшнего дня, между прошлым и утопической перспективой. Всё происходящее с героями, — подготовка. Их реальная, зачастую практическая (как у Штольца), деятельность имеет смысл лишь как основа для самооценки. Она должна либо приносить, либо не приносить удовлетворение. И каждый из них «вырывается» из настоящего, устремлен к будущим, ясно не осознаваемым целям или живет прошлыми идеалами. Настоящего для них не существует. Это подтверждает историческую концепцию Штифтера о цикличности развития культуры, когда за подъемом следует спад, предвещающий новый подъем, а современность представляет промежуток между великими эпохами.

Литература

1. Bled J.-P. Franz Joseph. "Der letzte Monarch der alten Schule". — Wien-Köln, Bahlau, 1988. — 547s.
2. Killi W. Wirklichkeit und Kunstcharakter. Beum Romane des 19. Jahrhunderts. München, Lizenzausgabe des Winkler V.: 1980. — S. 731—756.
3. Гончаров И. А. Обломов // И. А. Гончаров. Романы. — М.: Худ. лит., 1986. — 496 с.
4. Гофмансталь Г. фон. «Бабье лето» Штифтера // Г. фон Гофмансталь. Избранное. — М.: Искусство, 1995. — С. 687—694.
5. Михайлов А. В., Беер И., Гончаров И. А. О некоторых поздних отражениях литературы барокко // А. В. Михайлов. Обратный перевод. — М.: Языки русской культуры, 2000. — С. 353—378.
6. Полубояринова Л. Н. Немецкоязычный реализм: к проблеме «литературного поля» (Александр Михайлов и Пьер Бурье) // Русская германистика: Ежегодник РСГ. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — С. 148—157.
7. Флобер Г. Госпожа Бовари // Г. Флобер // Собр. соч.: В 4-х т. — М.: Правда, 1971. — Т. 1. — С. 53—383.
8. Шорске К.Э. Вена на рубеже веков: Политика и культура / Пер. М. Рейзина. — СПб: Изд-во им. Н. И. Новикова, 2001. — 512 с.
9. Штифтер А. Бабье лето / Пер. С. Апта. — М.: Прогресс — Традиция, 1999. — 616 с.
10. Штифтер А. Старая печать // Австрийская новелла XIX века. — М.: Художественная литература, 1959. — С. 168—190.

ОТНОШЕНИЕ АВТОРОВ «НЕВОЛЬНИЧЬИХ ПОВЕСТВОВАНИЙ» К ПИСЬМЕННОМУ СЛОВУ

В заглавиях «невольничьих повествований» почти всегда содержатся пометки, указывающие на степень авторства, на вклад рассказчика: «Taken from His Own Lips», «Written from His Own Words», «as Told», «Related by Herself», «Narrated by Himself», «Narrated by Himself, Written by a Friend», «Edited by...». Порой указывается, наряду с фамилией рассказчика, фамилия abolitionиста, записавшего и отредактировавшего устный рассказ бывшего раба, неграмотного или не умеющего изложить его в письменной форме.

Особое место занимают «невольничьи повествования», в заглавии которых стоит «Written by Himself», «Written by Herself». Среди оставленных рабами многочисленных свидетельств о жизни в рабстве, полностью написанных самими рабами, самые аутентичные представляют наибольшую историческую и художественную ценность. Именно они и стали классикой жанра, в них слились воедино мифологические, фольклорные, художественно-документальные черты.

В большинстве «невольничьих повествований», написанных самими рассказчиками, авторы вспоминают, почему и как они научились читать и писать, чем для них стали книга, письмо. Они непременно вспоминают первые прочитанные книги, самые главные для них книги, символизирующие само письмо, размышляют о роли грамотности, письма, книги в их жизни.

Вспыхнувшее с огромной силой, страстное и упорное желание научиться читать «письмо», книгу и научиться самому писать является лейтмотивом «невольничьих повествований» (в том числе и тех, авторы которых все-таки прибегли к помощи грамотных abolitionистов). Это стремление не только автобиографических рассказчиков, но и их родных, а также товарищей по рабству, людей разного возраста, по отношению к которым они сами зачастую выступают в роли учителей, проводников в мир письма.

Олодо Эквиано имел все основания назвать свою книгу «Увлекательное повествование о жизни Олодо Эквиано, или Густава Вассы, африканца. Написано им самим» (1789). Его жизнь вместила в себя счастливое детство в Африке, продажу подростка в рабство, путешествие через океан на рабовладельческом корабле к берегам Америки (Middle Passage), продажу и перепродажу различным хозяевам, в том числе и английскому морскому офицеру, жизнь в Англии, корабельную службу, обращение в христианство. Один из главных лейтмотивов его двухтомного повествования — «...я всегда имел огром-

ное желание уметь хотя бы читать и писать, и во время пребывания на корабле я стремился усовершенствоваться и в том, и в другом» [1, с. 171].

Джон Квинси Адамс с детства считал учебу в школе и обретение знаний «одной из величайших привилегий, которой только может обладать человек» [2, с. 14].

Что значило для раба умение читать и писать? Что значила для него книга, «письмо»?

Оказавшись в чуждом ему мире, среди внушавших страх чужеземцев, среди непонятных и загадочных вещей, О. Эквиано с особым интересом смотрел на книги. «Я часто видел, как мой хозяин и Дик читали книги, и мне было очень любопытно поговорить с книгами и узнать от них о происхождении всех вещей. С этой целью я, когда был один, часто брал книгу и разговаривал с ней, а затем подносил к своим ушам, надеясь, что она ответит мне, и бывал очень озадачен, когда обнаруживал, что она молчит» [1, с. 106—107].

Книга воспринимается как живое существо, как магический предмет, как волшебный помощник. Тяга к книге вызвана стремлением узнать о происхождении вещей, лежащим в основе космогонических мифов, стремлением проникнуть в «сущность вещей». Уместно вспомнить суждение Платона о значимости письма в процессе выявления истины: «... что более прекрасного могло быть сделано в моей жизни, чем принести столь великую пользу людям, раскрыв всем в письменном виде сущность вещей?» [3, с. 493].

Книга обретала сакральный смысл, становилась в восприятии рабов источником истинного знания о мире. Тем более, что чаще всего первой книгой, которую авторы «невольничьих повествований» стремились прочесть, была Библия. Об этом пишут Дж. К. Адамс, У. Андерсон, Ф. Дуглас, П. Рэндолф, О. Эквиано.

Чтение вслух Библии миссис Олд, хозяйкой Ф. Дугласа, пробудило в мальчике интерес к «этому замечательному искусству», «к таинству чтения и вызвало желание учиться», и он попросил научить его читать [4, с. 78].

У. Андерсон вспоминает: «Когда я был маленьким, у меня было два желания — стать добрым христианином и как следует изучить Библию» [5, с. 8].

Дж. Адамс пишет о том, как был рад и счастлив его отец, самостоятельно научившийся читать Библию [2, с. 10]. Он последовал примеру отца: «Самое замечательное, что я могу читать Божье Слово, ведущее меня по пути, которым Он велел мне идти» [2, с. 13].

П. Рэндолф, обратившись к Богу и почувствовав, что он призван стать проповедником рабов, понял, что он должен научиться «читать Библию, — великую книгу Бога, — источник всех знаний. Это было мое величайшее желание — свободно читать эту книгу. Я думал, что она написана самим всемогущим Богом. Я любил эту книгу, и молился по ней, и трудился до тех пор, пока не смог ее читать» [6, с. 26].

Гарриет Джейкобс вспоминает, как охотно, прилежно и успешно, втайне от белых, под реальной угрозой жестоких кар и для учителя, и для ученика учился читать под ее руководством пятидесятилетнего дядя Фрэд, который очень хотел научиться грамоте, чтобы читать Библию, жить по Божьему слову и быть ближе к Богу [7, с. 112]. Сама Г. Джейкобс оценивает грамотность, умение читать как «Живительный Источник для душ, которые жаждут его» [7, с. 113].

В Библии они, новообращенные христиане, искали высшую истину, Божье откровение, Веру. В их отношении к письменному слову соединились язычество (магический предмет) и христианство. «Будучи религией священных книг, христианство присоединилось к неоплатонизму и, в целом, к античному идеализму во взгляде на письмо как на знак служения выражению истины, Веры, Божьего слова. В христианстве Бог, Слово и Письмо сливаются воедино; для всей христианской культуры книга — это место авторитарного дискурса, Слово Бога-Отца» [8, с. 530].

Умение читать и писать воспринималось уже в детстве и как путь к спасению от рабства, избавлению от ига белых, обретению свободы и благополучия.

Строжайший запрет хозяина, Хью Олда, адресованный жене, учить мальчика грамоте, ибо грамотный раб не захочет оставаться рабом, Ф. Дуглас в своем «Повествовании о жизни американского невольника Фредерика Дугласа, написанном им самим» (1845) оценил и как факт сакральный, вмешательство провидения («откровение», показавшее «путь от рабства к свободе»), и как «бесценную инструкцию», полученную от хозяина [9, с. 78]. Отныне хлебом насущным для него стал «хлеб знаний» [9, с. 83].

Томас Джонс, бывший рабом в течение сорока трех лет и описавший свой опыт с помощью белого аболициониста, также особое место отводит стремлению овладеть грамотой. Белый ровесник мальчика объяснил Тому, что «человек, который учился, всегда найдет себе друзей и будет избавлен от тяжелой работы, тогда как те, кто не учился, не будут иметь друзей и будут вынуждены до конца своих дней тяжело работать за жалкое вознаграждение. <...> В результате моих раздумий мной овладело жгучее желание научиться читать и писать, не дававшее мне покоя ни в часы бодрствования, ни даже во сне» [10, с. 14].

Поняв, что белая община «стремится держать бедного раба в невежестве и цепях», Т. Джонс ре-

шил для себя: «...если бы я сумел научиться читать и писать, эти знания могли бы, — нет, я считал, что так действительно и будет, — указать мне путь к свободе, положению в обществе и настоящему счастью» [10, с. 15].

Вопреки запретам и преследованиям хозяев, применявших жестокие наказания (например, отрубали пальцы на руках и ногах), бросая вызов законодательству южных штатов, тайком, прибегая к трикстерским хитростям (даже для того, чтобы приобрести и спрятать купленные книги), с помощью белых сверстников на улице, с помощью изобретательности, ценой физической и духовной стойкости, напряженного труда авторы «невольничьих повествований» упорно учились читать, а затем и писать. Почти в каждой книге содержится подобная история, типичная и у каждого невольника своя, посвоему выстраданная.

Так, когда мальчик Том Джонс, захотевший научиться читать, обратился к Дэвиду Смиту, местному редактору и издателю, владельцу типографии, с просьбой продать сборник упражнений по правописанию, тот наотрез отказался и посоветовал «как можно скорее выбросить из головы эту дурацкую затею», если он не хочет нажать большие неприятности» [10, с. 14].

Тогда в Томе Джонсе просыпается трикстер. Брату Дэвида Смита Питеру Смиты, владельцу книжного магазина, также подозрительно и настроенно встретившему просьбу продать учебник, Том Джонс вынужден был сказать, что покупает книгу для белого мальчика, живущего у его хозяина. Так он стал владельцем «сокровища, о котором давно мечтал» [10, с. 15]. По этой книге он упорно учился, скрываясь от рабовладельца, пряча учебник при его появлении. Застигнув Тома врасплох, рабовладелец нанес ему более тридцати ударов плетью, требуя показать, что он прячет. «Я был готов скорее умереть, чем отдать мою драгоценную книгу» [10, с. 21]. Учебник стал для него «самым лучшим, верным другом» [10, с. 22].

Фредерик Дуглас, несмотря на строжайший запрет мистера Олда и установленную за ним слежку, с помощью белых сверстников на улице научился читать, а затем и писать, используя в качестве образца буквы, которыми корабельные плотники судостроительной верфи помечали готовые детали, прописи в учебнике по правописанию Уэбстера и исписанные школьные тетради мастера Томаса. «Моими тетрадями были дощатый забор, кирпичная стена и мостовая; вместо пера и чернил — кусок мела» [9, с. 87].

Автобиографическому герою запомнились на всю жизнь две книги — сборник упражнений по правописанию и первая купленная им книга — учебное пособие по ораторскому мастерству «Колумбийский оратор», составленное в 1797 г. учителем и писателем из Массачусетса Калемом Бингхэмом. «Колум-

бийский оратор» включал в себя теорию и лучшие образцы ораторского искусства, начиная с античности и кончая XVIII веком, в том числе речи, направленные против рабства, на защиту свободы и демократии. По справедливому замечанию Д. Блайта, «будущий великий оратор и проповедник свободы не мог найти более полезной и содержательной книги» [11, с. 112].

По учебному пособию автобиографический герой учился не только искусству красноречия, но и американскому духу Просвещения и свободы. Много раз он перечитывал диалог между рабовладельцем и рабом, трижды совершавшим побег, и мысленно участвовал в дискуссии на стороне раба. Впервые пришло осознание немоты, неумения выражать словами свои мысли. Чтение «Колумбийского оратора» вызвало желание «выразить свои мысли и опровергнуть доказательства в защиту рабства» [9, с. 84]. Может быть, тогда и родился один из лучших ораторов своего времени, который лучше других сумел выразить мысли и чувства своего народа. Чтение привело к осознанию своего положения раба, стало толчком для мучительных размышлений, принесших глубокие страдания, пробудило душу героя. Подросток прошел через мучительный кризис обновления. Показательно, что автор употребил слово «existence», «существование», которое вместило мысли о смерти и появившуюся надежду.

В результате в него «ударилась свобода». «Серебряная труба свободы вознесла мою душу к вечному бодрствованию. Мне явилась свобода, чтобы не исчезнуть больше никогда. <...> Она смотрела с каждой звезды, она улыбалась в тишине, она дышала вместе с ветром и присутствовала в каждой буре» [9, с. 85]. Это первое в книге Ф. Дугласа, хотя и не последнее, стихотворение в прозе, посвященное свободе.

Ни в каком другом американском фольклорном или литературном жанре тема свободы не занимает столько места и не имеет такого сильного эмоционального звучания, как в спиричуэлс и «повествованиях рабов». В большинстве «невольничьих повествований» обретение автобиографическим героем духовной и физической свободы связывается с овладением умениями понимать письменное слово и самому писать. Одним из существенных побудительных мотивов учиться писать для Дугласа стала возможность написать для себя пропуск, что он и осуществил во время побега из Балтимора. Значение слова «аболиционист» он, еще будучи рабом, также узнал из письменного слова — из балтиморской газеты «Америкэн». С тех пор он стал читать газеты и искать в них все, что имело отношение к аболиционизму и осуждению рабства.

Таким образом, грамотность стала главным фактором, способствовавшим вызреванию решения бежать или в редких случаях выкупиться из рабства.

Бежали самые свободолюбивые, мужественные, думающие, независимые и находчивые, изобрета-

тельные люди. Среди грамотных рабов был особенно высок процент беглецов. Осуществив успешный побег на Север, они становились активными участниками борьбы с рабством, часто выступали с устными рассказами о своей жизни в рабстве. Некоторые из них стали «self-made men»: священниками, писателями, редакторами газет, врачами, политическими деятелями. Именно эти грамотные люди являлись авторами родившихся из всей их жизни «невольничьих повествований, написанных ими самими», создателями жанра, который стал не только чрезвычайно действенным оружием в борьбе с рабством, важнейшим историческим документом эпохи, но и архетипом всей афро-американской литературы.

Что побудило их от устных выступлений на аболиционистских собраниях перейти к письму? Что заставило многих из них рисковать свободой и жизнью, предоставляя в своих книгах информацию рабовладельцам о своем местопребывании?

Были причины, связанные с историческим моментом, с актуальными задачами аболиционистского движения, и причины другого свойства.

Г. Бибб в предисловии к «Повествованию о жизни и приключениях Генри Бибба, американского невольника, написанному им самим» (1949), раскрывает некоторые из побудительных мотивов.

Во-первых, устные выступления не позволяли включать многие детали, подробности жизни в рабстве, рассказать «всю правду о греховности и зле рабовладения». Во-вторых, пишет Г. Бибб, «я хочу оставить мое скромное письменное свидетельство против бесчеловечной, губительной системы, быть прочитанным будущими поколениями после того, как я сойду в могилу и мое тело превратится в прах» [12, с. XI—XII].

Показателен опыт Фредерика Дугласа, автора самого яркого произведения этого жанра.

Книга родилась из всей его жизни. Написанию книги предшествовали двадцать лет жизни в рабстве, обретение грамотности, чтение «Колумбийского оратора», Библии, периодики, обучение рабов грамоте и агитация в пользу побега, успешный побег в 1838 г., шесть лет жизни на Севере в качестве беглого раба. В 1839 г. Ф. Дуглас стал постоянно получать и читать газету «Либерейтор» У. Л. Гаррисона. «Его газета заняла в моей жизни второе место после Библии», — вспоминал Ф. Дуглас в пятидесятые годы [13, с. 354]. Он стал посещать аболиционистские собрания, с жадностью слушая речи ораторов, таких, как У. Л. Гаррисон, которого он впервые услышал 16 апреля 1839 г. Но с 1839 г. Дуглас стал выступать и сам. В 1841 г. Генеральный агент антирабовладельческого общества Джон Коллинз предложил Дугласу стать агентом аболиционистского общества и выступать с речами, разоблачающими рабство. С 1841 г. он рассказывал о своей жизни в рабстве на собраниях в различных населенных пунктах штата Массачусетс и в кругу

новообретенных друзей-аболиционистов.

В 1844 г. появилась потребность трансформировать устное, импровизационное слово в письменное — написать историю своей жизни в рабстве. Причин было несколько.

К изложению историй в письменной форме всячески подталкивали вчерашних рабов белые аболиционисты, справедливо видя в этих письменных свидетельствах эффективное средство воздействия на северян.

Так, У. Филлипс, один из самых активных белых аболиционистов, прекрасный оратор, убеждал Ф. Дугласа превратить устные рассказы в книгу, чтобы его слово достигло большей аудитории. Дуглас в 1841—1844 гг. неутомимо выступал по всему Северу (свыше ста выступлений в год), неизменно завладевая вниманием слушателей. Но книга могла иметь значительно большую аудиторию. Так и случилось. К тому же, изданная в Англии и Ирландии, переведенная на французский и немецкий языки, она оказала воздействие и на многих европейцев, превратив их в сторонников аболиционизма.

Книга могла оказать дополнительное воздействие и на тех, кому довелось слушать Дугласа. «Его книга (он и его друзья были в этом уверены) не только достигнет тех, кто никогда не слышал его, но и усилит зрительный образ рабства для тех, кто воспринимал его на слух» [14, с. 114].

Из соображений безопасности Дуглас в своих выступлениях не называл фамилию, под которой он жил в рабстве, город, из которого бежал, даты, фамилию рабовладельца, которому принадлежал. По мере того, как крепло ораторское мастерство Дугласа, все чаще высказывались сомнения в том, что он беглый раб.

Слушатели не верили, что раб может быть грамотным и так хорошо и правильно говорить. Эти сомнения подогревали и использовали сторонники рабовладения. Вопреки голосу благоразумия, предостерегавшему об опасности быть выслеженным и возвращенным в рабство, Дугласу все сильнее хотелось предоставить неопровержимые доказательства, что он не самозванец и все, что он говорит о преступлениях рабовладельцев, — правда.

Была и еще одна, очень важная для самого Дугласа причина. Известные аболиционисты, в среду которых попал Дуглас, относившиеся к нему с большой симпатией, но патерналистски, требовали от него, чтобы его выступления представляли собой простой, безыскусный рассказ, содержащий только факты. По сложившемуся канону от него требовалось живо и искренне, полуграмотным языком, избилующим жаргоном раба с плантации, рассказать о страданиях, выпавших на его долю. «Дай нам факты, — говорил Коллинз, — а мы позаботимся о философии» <...> «Рассказывай свою историю, Фредерику», — шептал, как только я выходил на трибуну, мой друг Гаррисон, перед которым я тогда благоговел. <...>. Эти прекрас-

ные люди действовали из самых лучших побуждений и не совсем ошибались в своих советах, и все же я должен был говорить то слово, которое, казалось мне, должно было быть сказано мной» [13, с. 361—362].

Стремление к свободе, уже сформировавшееся в нем, продолжало им руководить. Ему было тесно в предписанных рамках шаблонных и предсказуемых содержания и формы, Ему хотелось остаться один на один с листом бумаги и не только изложить документальные факты, но и дать оценку всей рабовладельческой системе, дать выход накопившимся мыслям, обрести интеллектуальную свободу и свободу владения письменным словом, которое все рабы воспринимали как явление сакральное. Для всех авторов «невольничьих повествований» написание и издание книги означало обретение духовной свободы, обретение аутентичности, «identity». «Публикация книги должна была стать следующим шагом беглеца к свободе» [15, с. 20].

«Повествование о жизни американского невольника Фредерика Дугласа, написанное им самим», родившееся из устного рассказа, вообрало в себя все его достоинства (установка на устное, живое, разговорное слово, рассказ от первого лица, фольклорно-мифологическая основа), но и превратилось в автобиографию, содержащую как факты, так и исповедь, лирические монологи, сатирические портреты рабовладельцев и надсмотрщиков, сатирический образ рабства, системы, губительной и для рабов, и для рабовладельцев. Это была история духовных поисков и духовного освобождения, написанная самостоятельно, изложенная своим языком, предельно лично и свободно. Свобода обреталась и в акте воплощения истории своей жизни на бумаге. С помощью написанного слова провозглашалась личная свобода. Это была Декларация обретенной свободы. И так у всех авторов «невольничьих повествований».

Таким образом, письменное слово стало аутентичным посланием рабов, возвещавшим их свободу и обращенным к самой широкой аудитории северян, миру, грядущим поколениям. Из сакрального отношения рабов к письменному слову родился уникальный жанр «невольничьего повествования», стоящий у истоков всех родов и жанров афро-американской литературы (поэзии, драмы, автобиографии, новеллы, повести и романа).

Литература

1. Equiano O. The Interesting Narrative of the Life of Olaudah Equiano, or Gustavus Vassa, the African. Written by Himself. In 2 vols. Vol. 1. London: Author, 1789. 291 p.
2. Adams J. Q. Narrative of the Life of Jones Quincy Adams, When in Slavery, and Now as a Freeman. Harrisburg, Pa.: Sieg, 1872. 64 p.
3. Платон. Соч.: В 4 т. — М.: Мысль, 1994. — Т. 4. — 830 с.

4. Douglass F. Life and Times of Frederick Douglass, Written by Himself: His Early Life as a Slave, His Escape from Bondage, and his Complete History to the Present Time. Reprinted from the rev. ed., 1892. New York: Colliers Books, 1962. 640 p.

5. Anderson W. J. Life and Narrative of William J. Anderson. Chicago: Daily Tribune Book and Job Printing Office, 1857. 81 p.

6. Randolph P. Sketches of Slave Life: Or, Illustrations of the «Peculiar Institution». Boston: The Author, 1855. 35 p.

7. Jacobs H. A. Incidents in the Life of a Slave Girl. Written by Herself. Boston: The Author, 1861. 306 p.

8. Кристева Ю. Избр. труды / Пер. с фр. — М.: РОССПЭН, 2004. — 653 с.

9. Douglass F. Narrative of the Life of Frederick Douglass, an American Slave, Written by Himself / Ed. with an Introduction by H. A. Baker, Jr. New York: Penguin Books, 1986. 159 p.

10. Jones Th. H. The Experience of Thomas H. Jones, Who Was a Slave for Forty-Three Years. Written by a Friend, as Related to Him by Brother Jones. Boston: Bazin & Chandler, 1862. 48 p.

11. Douglass F. Narrative of the Life of Frederick Douglass, an American Slave, Written by Himself / Ed. with an Introduction by D. W. Blight. Boston; New York: St. Martin's Press, 1993. 163 p.

12. Bibb H. Narrative of the Life and Adventures of Henry Bibb, an American Slave, Written by Himself. New York: Author, 1849. 207 p.

13. Douglass F. My Bondage and My Freedom. New York and Auburn: Miller, Orton & Mulligan, 1855. 464 p.

14. McFeely W. S. Frederick Douglass. New York; London: W. W. Norton & co., 1991. 465 p.

15. Huggins N. I. Slave and Citizen: The Life of Frederick Douglass. Boston; Toronto: Little, Brown and Co, 1980. 194 p.

О КЛАССИФИКАЦИИ ПОЭТИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ КАК КОНЦЕПТОВ КУЛЬТУРЫ

Человечество в своем развитии порождает множество культурных текстов, анализу которых посвящен ряд исследований. Видами культурных текстов являются лирические стихотворения, а также их фрагменты, именуемые поэтическими образами. Выявление и исследование поэтических образов дает новое представление о культуре, интересах и предпочтениях самых тонко чувствующих людей — поэтов, а через их восприятие мира и о культуре обществ, в которых они жили. Можно утверждать, что поэтический образ — восприятие, отражение и выражение поэтом через комплекс поэтических приемов (тропов) неразделимой цельности бытия и сознания.

В литературоведении XX века при исследовании концепта «образ» основной упор делался на образ художественный: образ произведения или, в крайнем случае, образ персонажа произведения. Хотя предпринимались попытки построения иерархии образов. В частности Н. Л. Лейдерман отмечает, что «существуют *виды словесных образов* (по уровням художественного текста):

- фонические и ритмические (аллитерации, ассонансы, анафоры и т. п.);
- лексические (слово-образ);
- предметные (деталь, подробность, интерьер, пейзаж);
- характер (образ-персонаж);
- произведение как «образ мира».

Образы каждого последующего уровня возникают на основе образов предшествующих уровней» [1].

Видно, что поэтический образ является объединяющим для лексических и предметных образов в градации Н. Л. Лейдермана, но и они не полностью охватывают пространство, очерчиваемое поэтическим образом.

Поэтический образ не всегда присутствует в стихотворении. Зачастую поэты просто рифмуют строки, демонстрируя мастерство версификации. Автором было исследовано творчество около полутора тысяч поэтов XVIII—XX веков, пишущих на русском языке, и только в произведениях четверти из них были выявлены поэтические образы. При этом количество образов, встречающееся у отдельных поэтов неодинаково. Кто-то рассыпает образы в каждой строфе, у кого-то встречается всего несколько образов. Это и естественно. Творчество индивидуально, восприятие и отражение мира у каждого поэта свое. Можно считать, что концепт «поэтический образ» выражает особый интерес автора к тому или иному предмету, явлению, чувству, понятию. И если такого особого интереса нет, то и поэтические образы не рождаются.

Выявлением и классификацией поэтических образов занимался целый ряд исследователей. Наиболее объемный труд принадлежит Н. В. Павлович, которая опубликовала «Словарь поэтических образов» [2]. В предисловии автор указывает, что в словарь вошли отрывки из произведений шестисот авторов поэзии и прозы XVIII—XX веков. Представляется не совсем корректным смешение родов литературы и отсутствие градации собранного материала по историческим периодам. В этом же словаре предложена классификация поэтических образов.

«ЖИВЫЕ СУЩЕСТВА: Человек, Человек и его деятельность, Животные, Птицы, Насекомые, Боги и мифологические существа

ОРГАНЫ И ЧАСТИ ТЕЛА

БЫТИЕ

МЕНТАЛЬНОЕ

СЛОВЕСНОЕ ИСКУССТВО

ИНФОРМАЦИЯ

СОЦИАЛЬНОЕ

ТРАНСПОРТ И ДВИЖЕНИЕ

ОРУДИЯ

ЕДА И НАПИТКИ

ТКАНИ И ИЗДЕЛИЯ ИЗ ТКАНИ» [2].

Вызывает сомнение продуктивность такой градации, потому как в ней не прослеживается система отражения мира индивидуумом, творцом, поэтом, чье творчество исследуется.

Если принять отдельный поэтический образ в качестве элемента множества поэтических образов, то можно попытаться сформировать структуру образов как отражения мира. Один из возможных вариантов структуры предложен Н. А. Ягодинцевой. «Структура образов выстраивается по принципу возрастания и усложнения цельности: каждый уровень образует определенную оболочку сознания.

— Первый уровень *составляют образы, описывающие человека, его физическое тело и индивидуальное сознание — микрокосм*. Образы, описывающие тело, непосредственно связаны с образами жизни (ее процессов) — и смерти, и составляют первый подуровень. Второй подуровень образуют традиционные категории индивидуального сознания: ощущения, чувства (эмоции) и мысли.

— Вследствие развития мышления возникает следующая оболочка: коллективное сознание. *Образы сферы коллективного сознания* — это прежде всего средства общения и времяисчисление, затем категории образного и духовного познания мира и формы самоорганизации.

— К образам третьего уровня отнесено *описание обустроенного мира — Ойкумены*. Здесь выделяются три подуровня: предметы, созданные человеком, его отношения с Природой и средства самоуничтожения.

Четвертый уровень образов описывает земную Природу и ее стихии. За основу каждого из четырех подуровней Среднего Космоса взята стихия: Воздух, Вода, Земля, Огонь. Одновременно эти стихии отражают и четыре состояния вещества: газообразное, жидкое, твердое — и плазму. Нетрудно заметить, что три первые стихии напрямую соотносятся с оболочками Земли: атмосферой, гидросферой и литосферой. Поэтому снег, пурга, дождь, гроза определены как атмосферные явления, а такой образ, как сугроб, напрямую связан со снегом — в отличие от лужи, прочной ассоциацией сцепленной со стихией воды. Биосфера распространяется на все три оболочки, и потому распределена по средам преимущественного обитания: рыбы и кувшинки относятся к стихии воды, птицы и насекомые — к стихии воздуха, растения и животные — к стихии земли.

Пятый уровень образов описывает Макрокосм — Вселенную. Эти образы очень мало разработаны в поэзии — структурировать подуровни здесь практически не из чего» [3].

Таким образом структура поэтических образов представляется в следующем виде.

Уровень 1. Человек — состояния и свойства (микрокосм).

1. Физическое тело.
2. Жизнь.
3. Смерть.
4. Ощущения.
5. Чувства.
6. Мысли.

Уровень 2. Коллективное сознание.

1. Средства общения: язык, литература.
2. Времяисчисление.
3. Образное познание мира: искусство и его атрибуты.

4. Духовное познание мира: мифология, религия и ее атрибуты.

5. Коллективное самоосознание и формы самоорганизации.

Уровень 3. Ойкумена — обустроенный мир, ближний космос.

1. Предметный мир.
2. Диалог с природой.
3. Средства самоуничтожения.

Уровень 4. Природа — мир стихий (средний космос).

1. Стихия воздуха.
2. Стихия воды.
3. Стихия земли.
4. Стихия огня.

Уровень 5. Вселенная — мироздание (макрокосм).

Представляется, что такая градация поэтических образов предпочтительнее предложенной Н. В. Павлович.

Используя предложенную градацию поэтических образов, удалось выявить определенные закономерности, отражающие особенности мировосприятия отдельных поэтов. Результаты приведены в словарях поэтических образов «От Абажура до Яшмы» и «От «Акации до Ярмарки» [3, 4]. Для наглядности результаты представлены в виде диаграмм, где указано процентное соотношение образов той или иной категории с общим количеством выявленных образов у данного поэта.

Система поэтических образов, выявленных в произведениях С. А. Есенина, представляется в следующем виде (рис. 1).

Из диаграммы видно, что наиболее интересными для него были природа и космос, что подтверждает 75 процентов поэтических образов, связанных с миром стихий и космосом.

Рис. 1. Образы С. А. Есенина

В качестве еще одного примера приведем распределение поэтических образов, связанных с Миром стихий, у Б. Л. Пастернака (рис. 2).

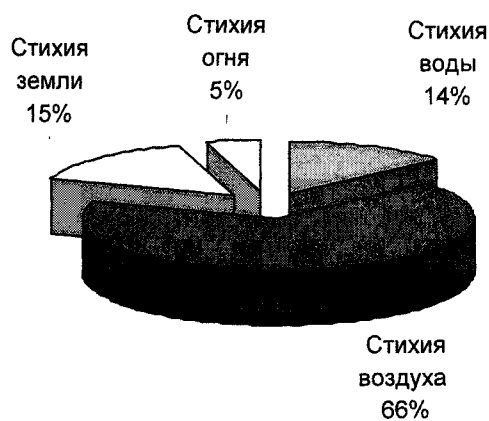

Рис. 2. Мир стихий у Б. Л. Пастернака

Видно, что стихия воздуха является преобладающей в творчестве поэта (66%), стихии земли и воды занимают примерно равное положение (15 и 14%), стихия огня всего 5% от общего количества поэтических образов, связанных с природой.

Одним из свойств множеств является возможность их складывания. Тогда, суммируя элементы множеств поэтических образов отдельных поэтов, мы сформируем множество поэтических образов групп поэтов, распределенных по различным признакам: исторический период жизни и творчества, гендер, территория проживания и т. д.

Таким образом, автором предложен механизм исследования культурных текстов, позволяющий по-новому взглянуть на творчество отдельных поэтов, как представителей культуры различных эпох, принадлежащих к определенным социальным, историческим группам.

Литература

1. Лейдерман Н. Л., Барковская Н. В. Теория литературы (вводный курс): Учебно-методическое пособие для студентов факультета русского языка и литературы / Урал. гос. пед. ун-т; Науч.-исследоват. центр «Словесник». — Екатеринбург: АМБ, 2002. — С. 19.
2. Павлович Н. В. Поэтические образы. Словарь, Т. 1, 2. — М: Едиториал УРСС, 1999.
3. Поэтические образы. От Абазура до Яшмы. — Челябинск: Библиотека А. Миллера, 2002. — 592 с.
4. Поэтические образы. От Акации до Ярмарки. — Челябинск: Библиотека А. Миллера, 2005. — 276 с.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ГРАЖДАНСКОЙ КУЛЬТУРЕ РОССИИ

В настоящее время вновь актуализируется проблематика построения гражданского общества в России. Связано это с тем, что в Государственной Думе сейчас обсуждается закон об Общественной палате, которая должна стать важнейшим институтом формирующегося гражданского общества. Тем самым подтверждается необходимость проведения реформ в России с учетом особенностей ее развития, коллективной идентичности и исторического опыта. Ведь категория «общественность» в российской истории всегда воспринималась как реальный элемент гражданского общества и как сфера открытых публичных дебатов и общественного мнения [1, с. 84].

Идея гражданского общества при всех различиях ее исторических типов предполагает некую общую социологическую модель, согласно которой человек сам должен принимать решения в делах, его касающихся. Однако исторически такая программа должна обладать четкой национальной идентичностью, содержанием которой выступают тип политического развития общества, культурные традиции народа и его религия.

Следовательно, проблема гражданского общества вытекает из типов сознания, сложившихся в российском социуме, первейшее значение среди которых имеют такие его формы, как политика, религия и наука. Если две первые сложились в традицию и стали возможны как результат философской рефлексии на сам предмет становления гражданского общества, то наука обосновывала гражданские формы развития типа социума по отношению к национальной культуре.

Некоторые исследователи придерживаются взглядов, что сама возможность гражданского общества в России предполагает его как исключительно секулярное образование, свободное от влияния любых конфессиональных идеологий, в том числе и таких значимых для нашей страны, как православная церковь [2, с. 10]. Примерно так же считает и известный социолог А. А. Зиновьев. По его мнению, с возникновением современных обществ стала складываться гражданская светская, нерелигиозная сфера. Хотя религия и осталась частью ее ментальности, но решающую роль стала играть гражданская идеология [3, с. 9].

Не отвергая этих взглядов, мы все же находим, что российская социальная культура содержит в себе мощный пласт религиозно-философской основы исторического сознания народа, который может быть осмыслен как один из аргументов в пользу

модели гражданского общества. Тем более, что разработка типологии гражданского общества, где религия занимала бы свое собственное место, крайне актуальна для современной России.

Однако такой подход имеет свои особенности, на которые мы здесь обращаем внимание. Они обусловлены дифференциацией таких понятий, как «гражданство» и «гражданское общество». Однако одно дело, когда речь идет о гражданстве как рациональной норме права, которая в России всегда была связана только с государством, и совсем другое отношение должно быть к понятию гражданского общества, модель которого была заимствована с Запада, в первую очередь, как альтернатива государству.

Сегодня определились два направления в разработке теории гражданского общества в России. Одно придерживается евроцентристской, прозападной модели с преимущественным акцентом на либерализм, другое представляет отечественную социальную мысль с опорой на традиционные ценности. С нашей точки зрения, в России модель построения гражданского общества тесно связана с особенностями ее ментального развития, базой которого служит ее исторический социум, выраженный в культурно-религиозной парадигме как определенной коллективной идентичности. Именно она обеспечивает России преемственность бытия и придает социальной жизни характер кумулятивного процесса [4, с. 10—98].

Она-то может стать наиболее устойчивой моделью гражданского общества, а его исходной позицией и является категория «общественности» в ее исторической трансформации. В процессе истории эта категория отражает эмпирический мир действующих людей, от которого зависят политические и социальные отношения, дает возможность развиваться гражданским формам жизни, освобождает те религиозно-ментальные статичные элементы, которые по своей природе не имеют форм развития. Именно в этом процессе формируются некие идеальные начала, которые стоят над правом и государством и объясняют их обязательность как для власти, так и для граждан.

Таким образом, понятие «общественность» раскрывает национальную идею гражданского служения общественным началам жизни людей и идентифицируется на уровне коллективного сознания основных этносов российской истории. Русский философ А. Л. Франк считал, что природа всякой общественности слагается из внешней и внутренней орга-

низации. По его мнению, православная церковь и включает в себя эти два начала социальной жизни России, которые находят выражение в праве, власти и внешней организованности. С.Л. Франк вообще исходил из представления, что понятие «гражданское общество» складывается из таких институтов, которые сориентированы на возможность саморегуляции процессов общественной жизни. К ним он относил семью, религию и право. Причем в последнем «нераздельно слиты начала планомерности и спонтанности, государства и гражданского общества» [5, с. 692]. В таком контексте вполне оправданы стремления православной церкви представлять свои интересы в обществе не только в духовно-нравственной сфере, но и как институт по защите прав человека и гражданина. В связи с этим некоторые идеологи РПЦ предлагают инициировать процесс понимания церкви как некой «корпорации публичного права», где реализуются не только частные интересы верующих граждан, но и где церковь представляет из себя место публичной жизни [6, с. 3].

Однако такие притязания РПЦ должны иметь под собой не только правовую, но и, прежде всего, социальную базу. Вместе с тем до самого последнего времени православная церковь не имела своей социальной доктрины. Она появилась лишь в августе 2000 г., когда Архиерейский Юбилейный Собор принял «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви». Как отмечено в указанном документе, ее предметом являются фундаментальные богословские церковно-социальные вопросы, а также те стороны жизни государства и общества, которые остаются наиболее актуальными для церкви в XXI веке [7, с. 5].

В 16 разделах представленной концепции дана оценка деятельности церкви и намечена социальная программа выполнения ее основных принципов по таким важнейшим направлениям религиозной и гражданской жизни, как церковь и нация, церковь и государство, церковь и политика, христианская этика и светское право, труд и собственность и др. По всем этим проблемам церковь выступает как исторический социальный институт общества, имеющий целью содействовать через различные формы своей самоорганизации построению гражданского общества в России.

При этом статус церкви в таком обществе определяется как добровольная ассоциация и в этом смысле РПЦ ничем не отличается от других общественных объединений, преследующих какие-то культурные, гуманитарные и иные цели. Поскольку церковь удовлетворяет религиозные потребности отдельных граждан, обладающих конституционным правом свободы совести и религиозных убеждений, то можно сказать, что церковь — не политическая организация, а одна из форм «общественности». Следовательно, церковь не ставит перед собой собственно политических целей, она находит-

ся вне политики и может объединять людей разных политических взглядов [8, с. 141].

Эта особенность позиции РПЦ предполагает неоднозначное отношение религии к современным проблемам гражданского общества в России. Дело в том, что по своей природе гражданское общество — это в первую очередь, политическое общество. Но для религиозного сознания религиозные цели и ценности являются высшими, а это значит, что они прямо или косвенно влияют на принятие повседневных решений, касающихся самых разных сфер жизни.

Основным принципом действий в экономике, политике социальной жизни, в государственных отношениях церковь считает их моральную целесообразность применительно к личности и личностным отношениям. На первое место церковь выносит духовный фактор, который находит историческое оправдание в понятии духовной иерархии, противостоящей по своему значению социальной иерархии с ее преувеличенной ролью групповых различий при оценке позиций человека в обществе, особенно в вопросах собственности и гражданского равенства. Примером такой позиции церкви может служить заявление Патриарха Алексия II в связи с проходящими в стране акциями социального протеста как результат замены действующих льгот на денежные компенсации. В заявлении указывается, что церковь не намерена указывать государству, какие именно механизмы ему надлежит применять при осуществлении социальной политики. Для церкви важно другое: эта политика должна быть справедливой и действенной, находить понимание у народа.

Подобные заявления свидетельствуют, что одна из особенностей социальной доктрины РПЦ состоит в том, что она раскрывает политэкономические концепции общества с точки зрения нравственных требований, предъявляемых к сфере производства, обращения и распределения материальных благ [9, с. 13]. Тем самым свое социальное учение церковь ставит в зависимость от решения антропологических проблем, среди которых важнейшее значение в современном мире приобретает осуществление на практике принципа социальной справедливости.

В социальной доктрине РПЦ необходимо отделять ее идейную позицию от общегражданской. Эти две стороны единого процесса не совпадают, когда речь идет об участии церкви в построении гражданского общества. С идейной точки зрения церковь стоит на позициях самостоятельного цивилизованного развития России, в котором РПЦ занимает свое место. Оно определяется тем, что церковь «не может положительно воспринимать такое устройство миропорядка, при котором в центре всего ставится помраченная грехом человеческая личность» [7, с. 104].

Идеологическим оправданием своей позиции для церкви служит понятие Предание, т.е. решения Вселенских Соборов, учения отцов церкви и христианских мыслителей. Они и ставятся во главу угла

нового социального учения РПЦ. Церковь вообще считает, что само православие укоренено в Предании и тем самым является нормообразующим понятием, по которому принадлежность человека к церкви есть одновременно принадлежность к нации и ее культуре [10, с. 11].

В Основах социальной концепции Предание связывается с интегративными процессами в современном сознании, с актуализацией социальной памяти как основой вертикали историко-культурного наследия России. Оно осознается как важнейшая потенциальная сила возрожденческих процессов в стране, способных преодолеть барьеры между поколениями и придать осознанный внутренний характер человеческому бытию.

Однако при оценке роли Предания в осмыслении современных социальных процессов необходим критический подход к самой православной социальной доктрине. Дело в том, что социальный уровень философской рефлексии в большей своей части не согласуется с религиозными учениями, а в своей исторической практике отражает общекультурные и экономические достижения народа. Несмотря на особенности российского национального менталитета, в целом он не выпадает из прогресса истории и содержит в себе все признаки всеобщего развития человечества.

Это особенно заметно на таком понятии, как свобода личности. Здесь концепция Предания не столько указывает на прогресс в истории, сколько сосредотачивает свое внимание на критике либерализма как такого мировоззрения, которое содержит в себе идею раскрепощения греховного индивида, что предполагает и освобождение потенциала человеческой личности. А свободный человек, по мнению церкви, вправе отбросить все, что сковывает его, препятствует ему в утверждении греховного «я».

На этом основании церковь выступает против свободы совести как основополагающего принципа свободы личности. Но такой подход встречает сопротивление даже в церковной среде. В частности, игумен Вениамин [Новик] находит, что, во-первых, отрицание принципа свободы совести в Основах социальной концепции не подкреплено ни одной ссылкой на святых отцов. А, во-вторых, так вместе с отрицанием либерализма можно выкинуть элементарное уважение к свободе человека [11, с. 36].

Но в целом идейная платформа социальной доктрины РПЦ противоречива и непоследовательна. С одной стороны, церковь обоснованно выступает в защиту национальных ценностей, стремится обезопасить духовное здоровье народа, его религиозно-историческую самобытность, занимает патристические позиции в таких вопросах, как единство и территориальная целостность России, базирующиеся на ее военной составляющей, провозглашает народ источником власти и суверенитета стра-

ны. С другой, — ее антирыночные экономические позиции не способствуют внедрению современных технологий в процессы труда, консервируют отжившие архаические типы сознания. Особенно неприемлемы ее доктринальные и институциональные позиции в отношении процессов секуляризации, игнорирующие принципы свободы совести и свободы личности.

Более обоснованы общегражданские позиции социальной доктрины православной церкви. Они находят выражение в критике церковью системного кризиса, поразившего экономику, науку, образование, здравоохранение, сферу социального обеспечения. Осуждается резкий раскол общества на бедных и богатых, указывается на отсутствие экономической базы для реализации обретенных в результате перемен свобод. Порицается высокий уровень преступности, безнравственности, пропаганды греха и порока, ожесточение между людьми разных национальностей и культур, мировоззренческих и политических взглядов [12, с. 20].

Во всех этих бедах церковь обвиняет отход общества от традиционного пути России, секуляризацию, реформаторство современной власти, основывающей свои гражданские ценности на либеральной модели развития общества. Особенно большой критике подвергаются властные структуры общества. Указывается, что власть на Руси — это не бездонная кормушка для чиновников и бюрократов, а религиозное служение заповедям справедливости и добра, «Божье тягло».

Однако здесь следует учитывать, что борьба как церкви, так и других субъектов гражданского общества за социальную справедливость и преодоление отмеченного выше системного кризиса, не может быть эффективной при отсутствии в народе положительного нравственного идеала. Никакие меры принуждения, устрашения и наказания, считает церковь, не смогут остановить все эти негативные тенденции одной только волей. Необходима проповедь честного и достойного образа жизни, особенно среди детей и юношества, участие в преодолении социальных причин преступности, «забота о справедливом устройении государства и экономики, профессиональной и жизненной реализации всякого члена общества» [7, с. 52].

Именно в силу такой социальной необходимости церковь берет обязательство перед обществом активно содействовать укреплению института семьи, участвовать в разрешении демографических проблем, бороться с абортацией, наркоманией и алкоголизмом, участвовать в защите здоровья нации, в решении экологических проблем. Тем самым церковь предлагает себя как посредника между властью и гражданином для укрепления духовного и социального единения людей, их интеграции в национальные формы жизни при согласовании интересов и мировоззренческих смыслов.

Какие же у церкви имеются базовые основания для реализации заявленной социальной программы? При конструировании модели участия религиозного института в социальной жизни граждан должен быть предпослан идеальный образ, в котором религия, наряду с разумом, представляет экзистенцию человека как проекцию на ответственное поведение в рамках каждой из представленных систем — рациональной и религиозной. При оценке такого сочетания следует иметь в виду, что интеграция рационального и религиозного имеет свои пределы допустимости, после которых становится бессмысленной сама логика участия религиозных институтов в гражданской жизни общества. Но неизбежным следствием такого сочетания являются перемены в сознании и в стиле жизни человека.

Конфессиональные особенности социальной доктрины православия таковы, что, например, в отличие от католицизма, ее идеальный образ в социальной жизни верующих граждан предпослан максимальной оптимизацией социальных процессов. Если границы религиозного мира католика поставлены в зависимость от соотношения веры и знания, то православие не проводит четкой границы между верой и разумом, между государством и обществом, между церковью и человеком. Православие во всех таких вариантах на первое место выносит учение церкви как форму участия человека в социальной и гражданской жизни. Соответственно этому сам авторитет церкви зависит от ее влияния в народе. И он складывается не только в среде православных граждан, но и зависит от отношения к ней представителей других конфессий.

По данным социологических исследований на вопрос: какое положение РПЦ должна занимать среди других религиозных организаций, ответы расположились следующим образом: ведущее — 31,9%; равное — 45,9%; затрудняюсь ответить — 19,3%; отказались ответить — 3% [13, с. 183]. Следовательно, позиция церкви при реализации своих социальных программ должна учитывать и мнение тех граждан России, которые восприняли этноконфессиональные мотивы и традиции национальной культуры как свои собственные. Причем здесь надо иметь в виду, что религиозный фактор при построении любых моделей развития, связанных с культурно-историческим наследием, почти всегда неотделим от гражданской темы, поскольку он в большой степени выражает культурный менталитет страны.

Покажем этот процесс на примере участия РПЦ в разрешении демографических проблем в России. Деятельность церкви в этом направлении исходит из соотношения ее теологических позиций с социальными, особенно в таких проблемах, как, например, в борьбе с абортами. Здесь церковь выступает как институт гражданского общества, который увязывает данное явление с разре-

шением демографической проблематики как таковой. Последняя актуализируется еще и тем фактом, что за последние 14 лет из-за смертности и спада рождаемости потери населения составили около 17 миллионов. Как одна из причин тяжелого демографического кризиса выступает сам характер проведения реформ в России, в ходе которых была сделана попытка привить народу чуждые его менталитету ценности, чувство вины и национальной ущербности. Эта попытка породила у народа защитные механизмы, которые он воспроизводит через институты общества, связанные в наибольшей степени с его историей. Одним из таких институтов и является православная церковь. Как показывают исследования, только РПЦ достаточно активно выступает против унижения национальной гордости, особенно русских, и активно проводит тезис возрождения российской духовной ментальности, поскольку она сама находилась у ее истоков. Поэтому данный вопрос и можно рассматривать как один из факторов решения демографических проблем.

Наблюдения показывают, что вымирание народа связано не столько с экономическими причинами, сколько с причинами социальными. Оно является следствием изменений исторически сложившегося уклада жизни, системы духовных ценностей, когда различие между добром и злом исчезает и зло становится нормой [14, с. 165]. Одно из таких зол — аборт. В отличие от светской правовой системы, в социальной доктрине РПЦ аборт расценивается как убийство [7, с. 31]. Свой подход к этому явлению социальной жизни церковь обосновала, исходя из резкого роста числа разводов. Была установлена зависимость между разводами и абортной практикой. По мнению церкви, борьба с абортами, на которые женщины идут вследствие крайней материальной нужды, требует от церкви и общества выработки мер по защите материнства и детства, а также создания условий для усыновления детей, которых их мать не может воспитывать самостоятельно.

В целом же церковь ставит своей задачей активно содействовать и принимать непосредственное участие в проблематике, связанной с демографическими процессами в стране. Основная позиция церкви в этом вопросе состоит в понимании, что объективно демографическая ситуация в России ставит на повестку дня не ограничение рождаемости, а приостановку ее спада, что совпадает с христианским учением о браке и семье. Поэтому церковь и считает, что одним из главных ее национальных приоритетов должно являться преодоление демографического спада [15, с. 50—51].

Таким образом, участие православной церкви в гражданских процессах обусловлено тем, что в современной России ее авторитет выше других инсти-

тутов общества, в том числе и политической власти. Она выступает как заслуживающий общественного доверия субъект социального действия, способный выражать интересы значительной части населения прежде всего тем, что церковь осталась за рамками корпоративных кланов, получивших доступ к власти и собственности. Через институциональные и нормативные формы православная церковь придает гражданскую направленность тем сферам социальной и духовной жизни верующего человека, которые связаны с этикой труда, профессиональной деятельностью, семейными отношениями и тем самым содействует защите прав и свобод человека и гражданина.

Литература

1. Волков В. Н. Общественность: забытая практика гражданского общества // Pro et contra. — 1997. — № 4. — Т. 2. — С. 84—95.
2. Одинцов М. И. Православные воззрения на отечество и патриотизм. Религия и национализм / Под ред. А. А. Нуруллаева, И. В. Подберезовского, А. В. Пчелинцева. — М.: Институт религии и права, 2000. — 240 с.
3. Литературная газета. — № 7. — 14 мая 2004. — С. 9.
4. Российская цивилизация / Под ред. М. П. Мчедлова. — М.: Академ. проект, 2003. — 656 с.
5. Франк С. Л. Духовные основы общества // Правовая мысль. Антология / Отв. ред. В. П. Маляхов. — Екатеринбург: Деловая книга., М.: Академ. проект, 2003. — С. 687—692.
6. Чапнин С. В. Церковь формирует свое правовое поле // НГ. — 14 декабря 2002. — С. 3.
7. Основы социальной концепции РПЦ // Информационный бюллетень ОВЦС МП. — 2000. — № 8. — С. 2—107.
8. Кырлежев А. Н. Власть церкви // Под ред. А. П. Щипкова. — М.: Медиасоюз, 2003. — 190 с.
9. О социальной концепции русского православия / Под ред. М. П. Мчедлова. — М.: Республика, 2002. — 399 с.
10. Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл. Норма веры как норма жизни // Церковь и время. — 2000. — № 2. — С. 201—213.
11. Игумен Вениамин / Новик / Древний коллективизм и христианский персонализм // Церковь и общество / Под ред. Ж. И. Кальвеза и А. А. Красникова. — М.: Интердиалект, 2002. — С. 19—40.
12. Мчедлов М. П. Особенности конфессиональной социальной доктрины // Религия и право. — 2001. — № 1. — С. 20—25.
13. Вестник Челябинского университета. Серия I. История. — 2000. — № 2.
14. Алтухов Ю. П. Генетико-демографический кризис в современной России // Рождественские чтения / Отв. ред. В. Л. Шленов. — М.: Изд-во «Центр», 2002. — С. 160—172.
15. Митрополит Смоленский и Калининградской Кирилл. О личных проблемах человека // Журнал Московской Патриархии. — 2002. — № 6. — С. 50—64.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ БУДУЩЕГО — ЕДИНЕНИЕ МОЛОДЫХ И ПРАКТИЧЕСКИ БЕССМЕРТНЫХ ЛЮДЕЙ

IV Российский философский конгресс «Философия и будущее цивилизации», состоявшийся в конце мая 2005 года в Москве, поставил исключительно важную и актуальную проблему. Правда, сам конгресс, по моему мнению, не смог сколько-нибудь обстоятельно обсудить данную тему и обобщить результаты дискуссии (во многом, как мне представляется вследствие неадекватности его организации заданной проблеме), но значимость ее постановки несомненна, особенно обращение к прогностической функции философии. Исследование современных тенденций прогресса человеческого общества с целью выяснения будущего цивилизации предполагает рассмотрение самых различных аспектов ее развития.

Одним из важнейших среди них является вопрос о том, сможет ли человек устранить такие трагические последствия стихийного хода природной и социальной эволюции, как старость и смерть, а значит, сохранить молодость, точнее — оптимальные характеристики своей телесной и духовной жизнедеятельности, и стать лично практически бессмертным. Этот круг проблем активно обсуждался на заседании круглого стола «Жизнь, смерть, бессмертие», заявленного Программой конгресса. Главный тезис моего доклада на нем как раз утверждал: «Цивилизация будущего — социум бессмертных» [1, с. 755]. Эта идея, будучи поистине системообразующей, одной из фундаментальнейших и значимых в системе любого исторического типа мировоззрения, прежде всего и особенно — философского, требует основательного и ответственного рассмотрения. Некоторым ее наиболее насущным сторонам посвящена настоящая статья.

История человечества — история смертных людей, несвободных перед лицом трагического финала своей жизни. До самого последнего момента смерть была и пока еще остается фатальной и безысходной. С этим, по сути дела, люди никогда не хотели и не могли примириться, ибо прекращение личного бытия противоречит их природе, свойственной им интенции бессмертия. Но, будучи не способными осуществить свою жажду жизни на сколько-нибудь долгое время, люди преодолевали свое бессилие перед смертью исключительно в собственном воображении, что особенно характерно для мифологического и религиозного мировоззрения.

Поначалу люди жили со скорбным убеждением, что бессмертны только боги, но не сами они, поскольку, сотворив их «по своему образу и подобию», чтобы передать им для исполнения ряд своих «божественных» функций, люди были предна-

мерно лишены своими творцами свойства бессмертия, дабы они не могли восстать против них. Так что нашим далеким предкам приходилось уповать только на радости единственно реальной земной жизни. В шумеро-вавилонском эпосе, например, относящемся к более чем пяти тысячелетней древности, в обращении к Гильгамешу, совершившему неудачную одиссею за бессмертием, говорится: «Пользуйся теми немногими днями, которые отделяют тебя от грядущей смерти. Наполняй свой желудок вкусной пищей, веселись дни и ночи напролет, каждый день устраивай себе праздник, умывайся свежей водой, замени грязную шкуру чистыми одеждами, расчеши свои волосы, и станет тебе легко! Не ищи далекого и невозможного, только в кругу близких обретешь ты счастье! Обними свою супругу, возьми за руку своего ребенка, думай о настоящем, а не о будущем, — и твоя тоска пройдет!» [2, с. 94—95].

То же умонастроение звучит в древнеегипетском папирусе «Песнь арфиста». «Возвеселись же, — возглашается в нем, — да забудет твое сердце, что и тебя прославят [т. е. что и ты умрешь], следуй сердцу твоему, пока ты жив, возложи мирру на свою голову, оденься в тонкие ткани, умащайся прекрасными настоящими мазями богов, умножай еще более свои наслаждения, не давай своему сердцу огорчаться, следуй желанию его и благу твоему, совершай свои дела на земле согласно велению твоего сердца и не печалься, пока не наступит день плача по тебе, — не слушает жалоб тот, чье сердце не бьется, и плач не вернет никого из могилы. Итак, празднуй, радостный день и не печалься, ибо никто не уносит добра своего с собою, и никто из тех, кто ушел туда, еще не вернулся обратно!» [3, с. 382].

Как ни странно на первый взгляд (но, на деле, совсем не случайно), эти мысли нашли свое проявление даже в библейской книге «Екклесиаст»: «И похвалил я веселье; потому что нет лучшего для человека под солнцем, как есть, пить и веселиться; это сопровождает его в трудах во дни жизни его, которые дал ему Бог под солнцем» (Еккл. 8: 15). И о том же в следующей главе: «Так иди, ешь с весельем хлеб твой, и пей в радости сердца вино твое, когда Бог благоволит к делам твоим. Да будут во всякое время одежды твои светлы, и да не оскудевает елей на голове твоей. Наслаждайся жизнью с женою, которую любишь, во все дни суетной жизни твоей, и которую дал тебе Бог под солнцем на все суетные дни твои; потому что это — доля твоя в жизни и в трудах твоих, какими ты трудишься под солнцем. Все, что может рука твоя делать, по силам

делай; потому что в могиле, куда ты пойдешь, нет ни работы, ни размышления, ни знания, ни мудрости» (Еккл. 9: 7—10). Подобные убеждения с древних времен до наших дней стали решающими для тех, кто не связывает свои упования с верой в посмертное существование.

Однако на протяжении последних двух с половиной тысячелетий, начиная с буддизма в качестве первой мировой религии, именно вера в существование трансцендентного мира и связанные с ним надежды людей на продолжение своего бытия после смерти заняли в их духовной культуре определяющее место. Не имея возможности практически решить проблемы реальной жизни, устранить нарастающую бессмыслицу человеческих страданий, вызванных углублением и обострением противоречий классово-антагонистического общества, религия переориентировала осуществление мечты людей о неограниченно долгой и достойной жизни на порожденный их воображением загробный мир.

Полагаясь лишь на «детскую», «наивную», «невопрошающую» веру, отвергая, по существу, практику как объективный критерий истинного знания, подменяя ее роль в познании приверженностью тому или иному символу веры, она предлагала и продолжает предлагать самые разнообразные версии и о происхождении душ, и их природе, и посмертной участи людей и т. п. Именно данное обстоятельство в решающей степени обусловило существование столь разнообразных религиозных течений, каждое из которых без всякого на то основания лишь себя считает «истинным» выражением того или иного вероучения — буддистского ли христианского ли, исламского ли, иудаистского ли, и т. д. [4, с. 94—106; 5, с. 86—102 и др.]. Вместе с тем такое разнообразие верований, легко пополняемое новыми, весьма гибко реагирует на меняющиеся условия жизни людей, их духовные запросы, в первую очередь, как раз связанные со свойственным человеку стремлением проявить присущую ему интенцию беспредельной и счастливой жизни.

В человеческой истории положение вещей сложилось таким образом, что именно за религией закрепилось монопольное право на решение проблемы личного бессмертия. В немалой степени этому способствовало своего рода самоустранение науки от поиска реальной альтернативы религиозным верованиям по данному вопросу. Так, один из небезызвестных «вульгарных материалистов» XIX столетия Л. Бюхнер утверждал: «Не размышление, а лишь упрямство, не наука, а лишь вера могут поддерживать идею личного бессмертия» [6, с. 46]. Иными словами, старый материализм, а до недавнего времени и диалектико-материалистическая философия, исходя из непреложного характера вечных законов природы, в том числе тех, которые будто бы неотвратимо обрекают людей на старение и смерть, или, не сумев (может быть, не успев) распространить идею

историчности этих законов на данную область явлений, отвергали реальную возможность достижения действительного личного бессмертия, в лучшем случае толкуя его осуществление аллегорически — в делах, потомках и их памяти.

Поэтому они были даже склонны не считать «бедой» смерть, которая представляет собой, по словам Л. Фейербаха, «результат законченного развития жизни» [7, с. 298]. Таким образом, с этой точки зрения, имеет смысл лишь борьба с преждевременной смертью, но отнюдь не с «естественной». Точно так же и Ф. Энгельс относил к банальностям утверждение, будто «все люди должны умереть» [8, с. 90]. И такого рода суждения можно приумножить без каких-либо затруднений. Следовательно, классический марксизм, действительно, не ставил перед собой в качестве практической задачи решить проблему реального бессмертия человека. Он даже не относил ее на отдаленное будущее, поскольку ни биология, ни другие естественные науки не давали для такой постановки проблемы никаких сколько-нибудь серьезных оснований. О такой его приземленности в данном случае остается только сожалеть. Поэтому впоследствии приоритет в этой области им был отдан другим мировоззренческим системам, прежде всего философии общего дела [9], однако до последнего времени мало кому известным.

Традиционная отстраненность научного познания, в том числе и в первую очередь — философского, от решения столь животрепещущих человеческих проблем, таких как реальное достижение личного бессмертия, не могло не породить серьезных негативных последствий. И прежде, и теперь на этих человеческих чаяниях спекулировали самые различные религиозно-мистические вероучения. Одним из последних скандальных свидетельств этому явилось обещание Г. П. Грабового, новоявленного «Иисуса Христа», некоторым матерям детей, погибших во время бесланской трагедии, воскресить их, чем «промышлял» он и раньше, сколотив «добровольными» поборами баснословное состояние. Справедливо утверждается: «Когда люди предпочитают верить, а не знать — наступает время шарлатанов» [10, с. 1]. Обстоятельства, связанные с деятельностью Грабового, довольно подробно описаны в периодической печати [11, с. 12—13; 12, с. 4—5 и др.]. Остается только удивиться тому, почему корреспондент, общаясь с Грабовым, предварительно консультируется с православным священником и крестится. Разве существует принципиальная разница между тем и другим? По существу, разумеется, нет.

События, связанные с мошенническими деяниями Грабового, вызывают также серьезную тревогу в связи со следующим обстоятельством. Дело в том, что именно сейчас, в наше время, вследствие вызывающих вполне оправданный оптимизм в дан-

ной области научного поиска таких открытий последних лет, несмотря на всю их незавершенность и спорность, как реальная возможность клонирования человека, расшифровка его генома, регенерация стволовых клеток и эмбриональной ткани, успехи протеоники, нанотехнологии, так называемой «загрузки» и многих других, открылась реальная возможность практически решить триединую проблему укрепления здоровья человека, сохранения его молодости и достижения личного бессмертия. Иными словами, в конечном итоге генетическая программа жизнедеятельности организма и другие ее механизмы, взаимодействие его гомеостатических систем, замена больных или отработавших свой срок органов и тканей могут и должны быть отрегулированы таким образом, чтобы были обеспечены оптимальные параметры человеческого бытия и тем самым создана возможность для его неограниченно долгой индивидуальной длительности. Такого рода успехи в немалой степени были обусловлены развитием русской философской мысли, в истории которой уделялось исключительное внимание разработке триединой проблемы жизни, смерти и бессмертия человека [13; 14 и др.]. И все это отнюдь не последнее слово науки. Борьба за достижение реального личного бессмертия успешно продолжается.

Одним из направлений сегодняшнего научно-оптимистического поиска в этой области исследований является модернизация погребальных технологий и создание крионинга для базы данных тех частей человека, например его капли крови, из которых в будущем посредством клонирования и других методик его можно было бы вернуть к жизни [15, с. 3 и др.]. Такая специальная служба сегодня создается в Челябинске и в самое ближайшее время начнет функционировать. Естественно, для реализации данного проекта, который предполагает также развертывание соответствующих научных изысканий, необходимы немалые материальные и финансовые средства. Как ни печально, но на него теперь может бросить тень явно предвзятая история с Грабовым. Этого ни в коем случае нельзя допустить. Все открывающиеся сегодня реальные перспективы в данной области должны быть осуществлены в интересах людей, ничто этому не должно воспрепятствовать. И тогда, действительно, цивилизация будущего не в столь уже отдаленное время станет социальным и личностным единением молодых и практически бессмертных людей. Так

будем и впредь служить этой высокой идее и цели!

Литература

1. Вишев И. В. Проблема практического бессмертия и реального воскрешения // *Философия и будущее цивилизации: Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса (Москва, 24—28 мая 2005 г.)*: В 5 т. — М.: Современные тетради, 2005. — Т. 4. — 755 с.
2. Редер Д. Г. Мифы и легенды древнего Двуречья. — М.: Наука, 1965. — 120 с.
3. Матье М. Э. Из истории свободомыслия в Древнем Египте // *Вопросы истории религии и атеизма*. — М., 1956.
4. Вишев И. В. Проблема личного бессмертия. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. — 248 с.
5. Вишев И. В. На пути к практическому бессмертию. — М.: МЗ-Пресс, 2002. — 324 с.
6. Бюхнер Л. Сила и материя. — СПб., 1907. — 292 с.
7. Фейербах Л. Сущность христианства // *Избр. филос. произв.* — М.: Госиздат, 1955. — Т. II. — С. 275—441.
8. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* — 2-е изд. — Т. 20. — С. 5—338.
9. Федоров Н. Ф. *Собрание сочинений*: В 4 т. — М.: «Прогресс»; «Традиция», 1995—1999.
10. Медведев Ю. — Кругляков Э., интервью. *Время шарлатана // Российская газета*. — 2005. — 21 сентября.
11. Ворсобин В. Экстрасенс Грабовой обещает матерям Беслана воскресить их детей // *Комсомольская правда*. — 2005. — 22—29 сентября.
12. Ворсобин В. Как Грабовой воскрешал нашего фоторобота // *Комсомольская правда*. — 2005. — 29 сентября — 6 октября.
13. Вишев И. В. Проблема жизни, смерти и бессмертия человека в истории русской философской мысли. — М.: Академический проект, 2005. — 432 с.
14. Емельянов Б. В., Пугачев О. С. *Русская им-мортология. Конец XIX — начало XX века: Историко-философские очерки*. — Пенза: Изд-во Пенз. с.-х. акад., 2002. — 182 с.
15. Фонотов М. — Вишев И., интервью. *Жизнь без предела // Челябинский рабочий*. — 2005. — 27 июля. (См. также: *Комсомольская правда (челябинский вкладыш)* — 2005. — 27 июля. — С. 6).

ПУБЛИКА ТЕАТРА КАК ЭСТЕТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Философия, эстетика, психология и социология искусства уделяют большое внимание не только изучению творческой деятельности создателей художественных произведений, но и тех, кому эти произведения адресованы.

Особенно такого рода исследования необходимы в сфере театра, где спектакль живёт ровно столько времени, сколько его может воспринимать находящийся в зале зритель. (О записанных на плёнку версиях спектакля речь не идёт, поскольку в данном случае возникает по существу иной вид искусства).

Но при всей их очевидной необходимости, такого рода исследования наталкиваются на некоторые теоретические и методологические трудности, одной из которых является неразработанность ряда исходных понятий и, в первую очередь, понятия «публика».

Во многих справочных изданиях этот термин служит синонимом слов «общество», «народ», «люди».

Иногда его употребляют для обозначения кинозрителей, радиослушателей, посетителей каких-нибудь зрелищных мероприятий или иных групп лиц.

Отсутствует единое понимание рассматриваемого термина и в науке. В какой-то мере это объясняется тем, что публика является весьма сложным и многогранным образованием и может рассматриваться с разных сторон: социальной, эстетической, психологической и других.

Попытки с научных позиций осмыслить понятие «публика» предпринимались ещё ранними представителями европейской социальной психологии. В работах Г. Тарда, Г. Лебона, М. Нордау публика рассматривалась прежде всего как психологический феномен, образованный взаимодействием ряда индивидов, а понятие отражающее его приобрело характер прежде всего психологического термина.

Некоторые социальные психологи напрямую отождествляли публику с толпой, которая, в свою очередь, представлялась им в качестве некой иррациональной целостности, деформирующей психику составляющих её индивидов и образующейся, главным образом на основе элементарных эмоций и идей.

В частности, Г. Лебон в работе «Психология народов и масс» указывал на следующие признаки толпы: господство в её среде бессознательных элементов, утрата людьми независимости в идеях и чувствах, импульсивность, изменчивость, раздражительность, податливость внушениям и легковёрность, стирание различий между интеллектом людей, нетерпимость и консерватизм, преувеличение и односторонность чувств, склонность впадать в крайность и недоступность тонких эмоциональных нюансов.

Именно этими свойствами толпы и обусловлены, по мнению Лебона, требования театральной публики показывать ей такие зрелища, которые толкают искусство театра на путь, не имеющий ничего общего со здравым смыслом и логикой.

Более поздние исследования потребителей так называемой «массовой культуры» привели к определённой эволюции представлений о публике.

Обращалось внимание на бесформенность, обособленность, случайность социального положения тех, кто в данный момент выступает в качестве публики. Подчёркивалась аморфность, расплывчатость контуров этого образования, безразличие людей друг к другу.

Однако и в этих исследованиях сохранилась традиция рассматривать публику как своеобразную разновидность толпы.

Впрочем подобный подход легко объясним, если принять во внимание действительно совершенно подчас иррациональное поведение участников различного рода зрелищных мероприятий и в первую очередь — музыкальных шоу, предназначенных для молодёжи.

Думается, что при всех отмеченных спорных моментах изучение публики как определённой психологической целостности, усваивающей предлагаемую ей художественную информацию в соответствии с законами коллективного восприятия имеет большое значение и сегодня.

Другое дело, что полное отождествление публики с толпой во всех без исключения случаях вряд ли оправданно.

Публику и толпу сближает следующее:

1) возможность при определённых условиях превращения публики в толпу и наоборот;

2) наличие у них единого коллективного настроения;

3) совместность реакции на те события, которые являются объектом внимания толпы или публики;

4) межличностная связь среди незнакомых ранее людей, сохраняющаяся до тех пор, пока существует событие, по поводу которого они собрались

Однако сходство между публикой и толпой всё же весьма относительно.

Во-первых, толпа — это как правило случайное скопление людей, в отличие от которого публика формируется более или менее сознательно, имеет свою структуру и подчиняется принятым стандартам и образцам поведения.

Во вторых, если толпа собирается по поводу любого факта (митинг, пожар, уличное происшествие и т. д.), то публика это всё же явление эстетического порядка и образуется она для совместного восприятия произведений искусства.

В третьих, в отличие от толпы, которая живёт сиюминутным реальным событием, публику связывает восприятие не реального факта, а наблюдение за жизнью вымышленных сценических героев и персонажей.

В четвёртых, для толпы не обязательно наличие обратной связи между ней и объектом внимания. Публика же без такой связи не существует. Можно утверждать, что не только публика является реципиентом по отношению к игре актёра, но и сам актёр в не меньшей мере выступает как реципиент по отношению к восприятию публики. По крайней мере, не учитывать реакцию зрительного зала он не может по самой сути своего творчества.

В современной литературе по эстетике понятие «публика» подчас растворяется в термине «субъект эстетической деятельности».

Думается, что понятие «субъект эстетической деятельности» шире по своему содержанию, чем понятие «публика», и является соотносительным, так как имеет смысл лишь в противопоставлении с понятием «объект эстетической деятельности». Сближает его с понятием «публика» то, что последняя действительно всегда выступает как субъект эстетической деятельности, воспринимающий данное произведение искусства.

Однако рамки понятия «субъект эстетической деятельности» не ограничивается одной лишь публикой.

Во-первых, потому что таким субъектом может быть конкретный отдельно взятый человек, воспринимающий художественное произведение и следовательно, это понятие не отражает факта совместности восприятия.

Во-вторых, в качестве субъекта эстетической деятельности могут выступать представители художественной критики, искусствоведения, истории искусств и другие люди, выполняющие в системе художественно-эстетической коммуникации специфические функции.

Наконец, субъектом эстетической деятельности является и сам художник.

Отсюда следует, что понятие «субъект эстетической деятельности» не может быть отождествлено с понятием «публика».

Сложнее выглядит соотношение понятий «публика» и «аудитория».

Некоторые авторы вообще склонны заменить понятие «публика» более точным на их взгляд понятием «аудитория». Такая точка зрения, например, изложена в книге Л. А. Зеленова «Процесс эстетического отражения», вышедшей в издательстве «Искусство» ещё в 1963 году.

Отождествляются публика и аудитория и в вызвавшей большой интерес в нашей стране работе польского учёного Яна Щепаньского «Элементарные понятия социологии».

Думается, что понятие «аудитория» может употребляться как в узком, так и в широком смысле.

В первом случае под аудиторией следует понимать совокупность индивидов, собравшихся в определённом месте с целью получения какой-либо информации (например, студенческая аудитория или же аудитория докладчика, выступающего по линии общества «Знание»).

В широком же смысле «аудитория» — это некоторая рассредоточенная в пространстве часть населения, воспринимающая какую-либо информацию (аудитория телевидения, радио, подписчики газет и журналов и т. д.)

В обоих случаях это понятие отличается от понятия «публика»

Очевидно справедливым было бы утверждение, что всякая аудитория — публика, но не всякая аудитория — публика.

Аудитория может воспринимать любой материал (учебный, научный, политический и т. д.), в то время как специфика публики заключается в потреблении именно художественной информации.

Публикой становится та аудитория, которая не вообще участвует в акте духовного потребления, а выступает потребителем произведения искусства.

Другой признак, отличающий публику от аудитории, заключается в том, что последняя не всегда предполагает обратную связь с объектом внимания.

На этом основании, например, телезрителей или же радиослушателей точнее было бы рассматривать как аудиторию, но не как публику, поскольку они не имеют непосредственной связи с источником информации.

В итоге публикой можно называть ту аудиторию, которая воспринимает произведения искусства, имеет непосредственную обратную связь с исполнителями, живёт обстоятельствами, предлагаемыми сценическими образами.

Не вполне правомерно рассматривать в качестве публики и совокупность индивидов, воспринимающих в данный момент произведения изобразительного искусства.

С публикой их сближает наличие конкретной социально-демографической структуры, определённый уровень художественной культуры, участие в акте потребления художественной информации.

Но в связи с тем, что это потребление особым образом индивидуализировано, то само по себе межличностное общение или вообще отсутствие такового сравнительно мало влияет на процесс художественного восприятия, и соответственно, здесь нет того особого психологического климата, который свойственен публике.

С этой точки зрения более уместно говорить о «посетителях», об «аудитории» художественной выставки, но не о её публике поскольку в данном случае восприятие произведений искусства не объединяет людей в единый целостный организм.

То же самое можно сказать и о посетителях музеев.

Определённые трудности возникают в связи с уточнением различий между публикой театра и зрителями кино.

С одной стороны, у них есть общие существенные признаки.

Как для публики театра, так и для кинозрителей характерны: коллективность восприятия, разнообразие социально-демографического состава, более или менее осознанное стремление получить от восприятия фильма или спектакля эстетическое удовольствие.

Но с точки зрения специфики художественно-эстетической коммуникации и своеобразия социального состава они отличаются друг от друга.

Если в театре осуществляется непосредственное восприятие игры актёров и публика становится участницей уникального творческого акта, то кинозрители воспринимают игру актёров опосредованно. Зрительская реакция «безразлична» для кинофильма, существующего независимо от неё, в то время как в театре без связи с соперживающей публикой творческий процесс был бы невозможен.

Кроме того, характерным признаком аудитории кинотеатра является большее разнообразие социально-демографического состава по сравнению с театральной публикой. Это связано с неравномерностью приобщения к театральному искусству разных социальных групп, с невозможностью в силу известных причин, сложившихся в современной России, для малообеспеченных слоёв населения, а также для жителей малых городов и отдалённых сёл регулярно посещать театр.

Киноискусство в современных условиях оказалось более доступным и более устойчивым элементом культурной среды некоторых регионов.

Выявление сходства и различия между публикой театра и другими родственными с ней группами позволяет предложить своё понимание понятия «публика».

Обычно понятие публика фигурирует в двух смыслах.

В широком смысле его употребляли ещё русские революционные демократы, говорившие о «читающей публике», имея в виду ту часть населения России, которая проявляла устойчивый интерес к литературному творчеству.

В отношении к театру подобный подход также применим.

Можно дифференцировать понятия «публика театра» и «публика спектакля». Необходимость такого разделения обусловлена рядом обстоятельств. Во-первых, публика театра может рассматриваться как более или менее устойчивая совокупность людей, которые испытывают потребность в общении с театральной публикой, посещают театр, читают соответствующую литературу, бывают на различного рода творческих встречах с актёрами, режиссёрами, драматургами и т. д. Это — потенци-

альный зритель, устойчивый резерв театра. Если же брать публику конкретного спектакля, то здесь легко обнаружить некоторое количество людей, попавших на спектакль в силу случайных обстоятельств (пригласили друзья, оказался лишний билет, выдался свободный вечер, культпоход в театр всей учебной группы и т. д.).

Во-вторых, смысл выделения понятия «публика театра» заключается и в том, что оно является своеобразным показателем театральной культуры в данном регионе. Несомненно, город, имеющий стабильную публику театра, следует считать «театральным» и наоборот. Наконец, выделение понятия «публика театра» связано с необходимостью социологического изучения потенциальных посетителей театра, что, в свою очередь, может оказать практическую помощь тем государственным и общественным учреждениям, которые занимаются организацией культурной жизни в стране или конкретном регионе.

Публику театра характеризуют некоторые признаки.

1. *Относительная целостность.* Публика состоит из совокупности индивидов, интегративным качеством которых является наличие потребностей и интересов, определяющих общую ориентацию на искусство театра. Эта ориентация по сути и служит основой выделения публики как особой группы и придаёт ей относительную самостоятельность.

2. *Структурная упорядоченность.* Данные социологического анализа, проведённого автором, позволяют выделить публику конкретного театра, публику, ориентирующуюся на жанровое своеобразие спектакля (комедии, драмы, оперетты, балета и т. д.), публику отдельных актёров, режиссёров, драматургов.

3. *Устойчивая связь с театром.* Связующим звеном между театральной публикой и обществом является в первую очередь публика. Именно она влияет на развитие театра. Но поскольку публика театра включает в себя разных по своим ориентациям, пристрастиям и предпочтениям людей, то это влияние приобретает сложный и противоречивый характер.

Пересечение множества вкусов и ориентаций даёт некоторый вектор, под влиянием которого формируются особенности «театрального производства», формулируются идейно-эстетические принципы театра.

Впрочем, взаимосвязь театра и публики имеет двусторонний характер. Не только публика влияет на театр, но прежде всего и сам театр ответствен за формирование художественных вкусов своей публики.

Будучи в определённом смысле зависимым от публики, театр всё же осуществляет сознательный выбор среди множества предъявляемых к нему требований. Ориентация театра на «своего зрителя»

приводит к тому, что, принимая его взгляды и предпочтения, выражая их в конкретных спектаклях, он по существу становится проводником влияния одних слоёв публики на другие.

В итоге публику театра можно рассматривать как исторически конкретную по своей социальной структуре и уровню художественной культуры часть общества, характеризующуюся устойчивым интересом к театру и выступающую культурной средой его развития.

От понятия «публика театра» необходимо отличать понятие «публика спектакля», означающее вполне конкретную группу людей, главные признаки которой — совместное восприятие данного спектакля, прямая и обратная связь с исполнителями, а также особая эмоциональная атмосфера, вызванная как влиянием получаемой художественной информации, так и межличностными контактами в зрительном зале.

Рассматривая публику спектакля как специфическое объединение людей, можно выделить ряд особенностей, её характеризующих.

Процесс восприятия спектакля образует ситуацию, когда между отдельными зрителями возникает особая психологическая связь, своеобразное «эмоциональное заражение», инерция сопереживания, объединяющая ранее незнакомых людей в единое целое. Именно этой связи как раз и лишен индивидуальный просмотр телеспектаклей или кинофильмов по телевидению. Впрочем, такого рода связь достаточно кратковременна. С окончанием спектакля она прекращается, люди возвращаются в обыденную повседневную жизнь, но ради этого праздника они вновь рано или поздно придут в театр.

Характерной особенностью сценического действия является, как уже здесь отмечалось наличие, «живого» контакта актёров и публики. Публика становится участницей спектакля, испытывает ощущение сиюминутности происходящего на сцене. Между актёрами и публикой устанавливается тесная связь.

Своеобразие этой связи в том, что в одних случаях она позволяет обнаружить расхождение фактического воздействия на публику (вплоть до полного неприятия зрителем данного спектакля) с тем воздействием на неё, которое планировалось на репетициях. В других более благоприятных случаях обратная связь, наоборот, указывает на то, что восприятие публикой сценического действия вполне адекватно замыслу его создателей.

Существенным признаком публики спектакля является «жизнь в предлагаемых образах обстоятельствах». Дело в том, что освоение художественной информации представляет своеобразный акт идентификации, в ходе которого происходит перевоплощение публики, включение её в сюжет пьесы. Создаётся игровая ситуация, когда зритель мысленно проигрывает всё то, что происходит с персонажем.

Характеризуют публику спектакля и некоторые фактически выполняемые ею функции.

В связи с тем, что в процессе восприятия спектакля значительную роль играет активность зрителя, его творческое воображение, на долю публики приходится необходимость дополнять сценическое действие своим интеллектуально-эмоциональным потенциалом.

Чем выше уровень художественной культуры публики, тем успешнее выполняется эта функция, тем глубже постигается смысл драматического произведения и замысел тех, кто воплощает его на сцене. Не случайно актёры любят выступать перед «своим» зрителем и явно в массе своей недолюбливают так называемого «организованного зрителя», попавшего на спектакль в результате какого-нибудь воспитательного мероприятия.

Выполняется публикой спектакля и функция определённой коррекции игры актёров. По признанию многих крупных мастеров сцены исполнение ролей «на публике» существенно отличается от репетиционного периода. Подчёркивая значение реакции зрительного зала, некоторые актёры даже рассматривают выступление перед публикой в качестве особой стадии работы над ролью. Не является редкостью в актёрской среде и взгляд перед началом спектакля в щёлку занавеса на сегодняшнего зрителя, перед которым через несколько минут придётся выступать.

Таким образом, публику спектакля нельзя рассматривать как простую совокупность никак не связанных между собой индивидов. Наличие рассмотренных признаков и функций придают ей характер некоторой целостности, свойства которой не сводятся к свойствам составляющих её индивидов.

Между публикой спектакля и публикой театра существуют как общие черты, так и различия.

Объединяет их то, что реальная публика данного спектакля в значительной мере создаётся за счёт потенциальной публики, т. е. публики театра. Именно из публики театра образуется основа, своеобразное ядро публики спектакля.

Различия же между ними обусловлены тем, что как уже указывалось на каждом спектакле всегда есть «случайные» люди». С другой стороны, даже самые завзятые театралы посещают далеко не каждый спектакль и не всякий театр.

Предлагаемая дифференциация понятий, обозначающих оба вида публики, имеет определённый методологический смысл, поскольку ориентирует исследователей театра не только на изучение и социологические опросы тех, кто уже пришёл на сегодняшний спектакль, но и на изучение публики потенциальной.

Только с учётом такого подхода может быть действительно плодотворной социология театра.

СПЕЦИФИКА СТАНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Б. Н. ЧИЧЕРИНА

Чичерин проделал большую работу в области истории государства, особенно в области отечественной исторической мысли, достаточно привести в пример его диссертацию «Областные учреждения России в XVII в.», опубликованную в 1856 году, которой восхищались многие современники Чичерина.

Пытаясь провести параллели с историей Запада, Чичерин в то же время постоянно делает акцент на различие их исторического процесса. Следует отметить, однако, что различия эти, по Чичерину, носили не славянофильский характер, а наоборот, имели ярко выраженный западный оттенок. По этому поводу в статье «Русская беседа и славянофильство» Чернышевский писал: «Мы видели, какого оттенка иностранные писатели, изучением которых он (Чичерин) занят, из которых он почерпает основные понятия свои о европейской жизни, с которыми он, если и спорит, то не как с противниками своими по принципу, а как с людьми, имеющими только частные недостатки. Эти люди — Токвиль, Леон Фоше, Лавернь, Гизо, Маколей и т. д., то есть это люди так называемого умеренного и спокойного прогресса, иначе сказать, люди, которым застой гораздо милее всякого смелого исторического движения. Он спорит с ними, но и в спорах видно, что он чрезвычайно уважает их, и вообще, как мы сказали, их книги, их теории служат ему главным резервуаром мудрости. Но есть отрасль знаний, о которой они, к несчастью, не писали и которой занимается г. Чичерин. Эта отрасль — русская история. И г. Чичерин написал превосходную книгу о русской администрации в московский период. Прочтите эту книгу, и вы почувствуете надобность протереть глаза и снова заглянуть на обертку, чтобы удостовериться, действительно ли эта книга написана тем же г. Чичериным, который написал «Очерки Англии и Франции». Тот ли это человек, который предпочитает Дареста Боимеру? Ведь об его «Областных учреждениях» все умеренные западноевропейцы буквально сказали бы то самое, что сказал он о книге Бонмера: «Направление г. Чичерина вполне отрицательное. Автору нельзя отказать в начитанности, но приобретенный материал употреблен им без всякой критики и с явным пристрастием. Книгу его можно назвать не столько историей русской администрации, сколько повествованием о притеснениях, ею оказывавшихся. К счастью, ни первая, ни вторая сторона вопроса, нисколько не умаляют чтения. Весь рассказ преисполнен декламацией и преувеличением, которые невольно зас-

тавляют подозревать самую фактическую верность изображений. Автор тщательно выбирает из источников всякую частность, которая может сгустить краски на его картине, и чем мрачнее событие, хотя бы оно случилось в каком-нибудь углу государства, тем ярче оно выставляется на вид как характерная черта целой эпохи» [2, с. 672].

Следует отметить, что работа Соловьева по сближению русского исторического развития с западным не была продолжена последующими историками. Его указания на существование у нас некоторых феодальных учреждений были основательно забыты последующими нашими историками. То же самое можно отнести к наблюдениям Чичерина и Костомарова, а также других исследователей 50-х и 60-х годов. Отрицание какого бы то ни было сходства между русской древностью и западной было тогда в России господствующей предвзятой мыслью, как бы признаком ученого тона. Когда Соловьев и Чичерин в 50-х и 60-х годах старались отыскать близость средневекового русского порядка к феодализму как понятию, они не находили ее во многих случаях только потому, что им мешала, с одной стороны, недостаточность русских источников, теперь значительно пополненная, и мешали, с другой стороны, некоторые ошибочные воззрения западных историков, теперь, в большей мере, исправленные. Чем более прогрессирует историческая наука, тем более сближаются выводы русских и западных историков, и это сближение тем более убедительно, что оно является результатом господствовавшего до настоящего времени изолированного изучения древностей России и Запада.

Говоря о феодализме в его наиболее общей форме, Чичерин характеризует его в противопоставлении позднему государственному строю как систему господства частного права, или, как он его называет, гражданского права. «В эпоху феодализма, — говорил Чичерин, развивая мысль Вайца, — общественной связью служило либо имущественное начало, вотчинное право землевладельцев, либо свободный договор, либо личное порабощение одного лица другим» [3, с. 138]. По мнению Чичерина, эти отношения есть «частное право», которое сделалось основанием всего быта. Понятия о постоянной принадлежности к обществу как к единому целому, о государственном подданстве вовсе не было: вместо государя и подданных мы видим только лиц, вступающих между собой в свободные обязательства. За отсутствием государственной власти лица соединяются в частные союзы для взаим-

ной защиты и помощи. Другими словами, они буквально заключают между собой настоящий Общественный договор, в том именно смысле, какой Руссо придавал этим словам, хотя, конечно, не в тех условиях, какие он себе представлял. Данная характеристика феодализма как системы частных гражданских союзов действительно обобщает основные стороны феодализма, так как она приложима не только к вассальным и ленным отношениям, не только к феодальному режиму, но и к сеньориальному, однако она не может быть признана достаточной, как формула слишком общая и слишком удаленная от исторической действительности. Чичерин очень часто грешит излишней оторванностью от жизни вообще и особенно, когда дело касается каких-либо обобщений. Тем не менее, главное значение подобной формулы заключается в противопоставлении феодальных частноправных начал началам государственным, в характеристике резкого коренного различия этих двух порядков. В феодальном порядке, характеризуемом в общих чертах как режим частного права, при детальном рассмотрении выявляются историками две основные черты.

1. Разделение страны на множество независимых и полунезависимых владений.

2. Объединение этих владений договорными вассальными связями.

В этих двух чертах проявляется действие двух противоположных сил: 1) сил разъединяющих, центробежных, которые особенно могущественны в первый период феодальной эпохи, доводя разъединение страны иногда до полной анархии, и 2) сил, объединяющих, центростремительных, которые связывают распадающуюся на мелкие части страну цепью договорных союзов защиты и вассальной службы и получают перевес над началами разъединения во второй период феодализма, являющийся ступенью к новому прочному государственному порядку.

Чичерин утверждал, что славянский и западный миры при поверхностном различии явлений представляет глубокое тождество основных начал своего быта. Эти начала определяются господством личных договорных отношений, противоположных позднейшим отношениям территориального государства. И в том, и другом мирах в первый период феодальной эпохи понятия о постоянной принадлежности к обществу как к единому целому, о государственном подданстве вовсе не было; вместо государя и подданных можно видеть только лица, вступающие между собой в свободные обязательства. Общественной связью служило либо имущественное начало — вотчинное право землевладельцев, либо свободный договор, либо личное порабощение одного лица другим. Эти отношения Чичерин, опять же следуя Вайцу, объединяет в понятиях «частное право», «гражданский союз». Он говорит, что отношения родственные, договорные, имущественные, одним словом, частное право, сдела-

лись основанием всего быта. Так произошел союз гражданский, образовавшийся из столкновений и отношений личностей, вращающихся в своей частной сфере. Все эти отношения одинаково господствуют как в средневековой России, так и на феодальном Западе; форма гражданского общества в известную эпоху была общим достоянием всех новых народов: в средние века мы видим ее на Западе точно так же, как у нас. Основы порядка были одинаковы как в России, так и на Западе, но тождественные в общем смысле этого слова, в России они отличались шаткостью, в этом Чичерин был уверен на все 100 процентов. По его мнению, очевидной особенностью Древней Руси была шаткость всех гражданских отношений, шаткость, происшедшая от недостатка исторической гражданственности, какую западноевропейским народам завещал Рим, так и от самой природы страны степной, скудной, малонаселенной, способствовавшей кочеванию.

Во многом Чичерин преувеличивает значение так называемой шаткости. Он противопоставляет ее как русскую характерную черту крепости, прочности западных феодальных отношений. Однако эти последние также не отличались особой прочностью и окрепли только в конце феодального времени. Сам Чичерин, указывая на Францию, говорил, что в средние века там существовала такая разрозненность, как, может быть, ни в каком другом западноевропейском государстве. В старой России эта разрозненность была гораздо сильнее, чем во Франции, как и личная независимость, которая выражалась в праве отъезда. Изучая детально удельный период, Чичерин сделал несколько верных сопоставлений русских порядков с феодальными европейскими. Так, например, он справедливо указывал, что в России служебные князья совершенно уподоблялись феодальным баронам, которые будучи обязаны службой своему господину, оставались вполне независимыми внутри своих владений. Он отметил существование в России такой же иерархической феодальной лестницы землевладельцев, как в феодальном мире на Западе. Однако, задавшись целью выявить в параллели Россия — Запад глубокое тождество основных начал быта, Б. Н. Чичерин, сравнивая отдельные учреждения и имея к тому же ограниченный свод источников, пришел к выводу, что на Западе договоры были «прочными и потомственными», а на Руси — «временными и случайными», что на Западе во всех учреждениях выражался крепкий союзный дух, а на Руси «каждая отдельная личность обособлялась в своей частной сфере». В результате получилось не тождество, а глубокое различие таких основных начал быта, как союзность, индивидуальность, прочность и шаткость договорных отношений. Оттеняя феодальные стороны русских порядков, Чичерин нередко останавливается на полдороге и сам как будто бы не замечает их феодального значения. Правильно обрисовав, к при-

меру, положение служебного князя, о чем уже говорилось выше, и указав, что рядом с князьями «видными» существовало множество князей самых ничтожных, которые, тем не менее, владея одним только городом, волостью или селом, были такие же верховные владельцы своих земель, как и князья московские. При этом Чичерин замечал, что эти ничтожные, но полусуверенные князья-слуги составили на Руси верхний пласт сословия феодалов. Он указал, что главной обязанностью бояр, как и князей, была военная служба, тем не менее, Чичерин не указал на существенное сходство бояр с вассалами. Сопоставив частноправный взгляд на должность (выражающийся во взятках — наследии кормлений) с таким же взглядом на Западе (продажа должностей во Франции), Чичерин не сопоставил феодальной ленной службы с обычаем кормления. Павловский-Сильванский в заключение к своей книге писал, что его выводы и наблюдения должны показаться совершенно неожиданными для большинства людей, интересующихся историей, ввиду утвердившегося в исторической науке тех дней взгляда на полное своеобразие русского исторического развития и коренное несходство древнерусского строя с феодальным. В то же время историк указывал на ряд специальных вопросов, хорошо разработанных другими историками России, (в том числе Б. Н. Чичерин), и даже на ряд выводов, которыми он пользовался целиком.

Таким образом, наряду с выводами о схожести исторического развития нашей страны с Западом, Чичерин говорит и о многих отличительных чертах, свойственных отечественной истории. «Отличительная черта русской истории, — писал в 1862 году Б. Н. Чичерин, — в сравнении с историей других европейских народов, состоит в преобладании начала власти. Со времени призвания Варягов, когда новгородские послы, ровно тысячу лет тому назад, объявили неспособность общества к самоуправлению и передали землю во власть чужестранных князей, общественная инициатива играла у нас слишком незначительную роль. Русский человек всегда был способнее подчиняться, жертвовать собою, выносить на своих плечах тяжелое бремя, на него возложенное, нежели становиться зачинателем какого бы то ни было дела. Только в крайних случаях, когда государству грозило конечное разрушение, народ вставал, как один человек, изгонял врагов, водворял порядок и затем снова возлагал всю власть и всю деятельность на правительство, возвращаясь к прежнему, страдательному положению, к растительному процессу жизни. Власть расширяла, строила и скрепляла громадное тело, которое сделалось русской империей. Власть стояла во главе развития, власть насильно насаждала просвещение, обнимая своею деятельностью всю жизнь народа — от государственного устройства до частного быта. Величайший человек русской земли —

Петр Великий сосредотачивает в себе весь смысл нашей прошедшей истории. И теперь еще этот характер не изменился: правительству принадлежит инициатива и исполнение тех великих преобразований, которые составляют честь и славу нашего века» [4, с. 27]. Главное утверждение Чичерина по Российским древностям — искусственный характер русской общины, создание ее правительством.

Юрист сам, Чичерин, как правило, рассматривает исторический процесс с юридической точки зрения. Отличительные черты в истории Русского государства по сравнению с западными странами у Б. Н. Чичерина всегда носят юридический характер. В девятнадцатом веке государственная, или юридическая школа отделила от истории народа развитие государства. Подобный внеисторичный подход к государству предполагал безразличие в использовании источников XII—XVI вв., и, прежде всего, летописей и грамот. С другой стороны, абсолютизация изучения русской народности в отрыве от истории государства вела к поиску ее начал, помимо родового устройства, также в общине, как у славянофилов.

Разделяя мнение своего учителя Грановского, Чичерин ограничил родовой строй только древнейшим периодом. Он отмечал всеобщность этого явления в мире и не различал хронологически и стадийно различные виды союзов: племенных, родовых, что сближало его с мнением Кавелина. Чичерин вслед за Кавелиным находил причину распада родовых связей во внешнем факторе — в призвании варягов, дружина которых была основана на новых началах добровольного согласия каждого лица. Другим следствием данного подхода, который можно назвать метафизическим, к изучению единого процесса становления общества и государства явилось сведение функции управления только к сбору судебных штрафов и даней с завоеванных земель.

Следующим этапом развития, по Чичерину, являлось превращение князей из начальников дружины в вотчинников. Для Чичерина вотчинная система, как уже отмечалось, представляла собой аналог феодальной ленной системы. Однако, указывая на их сходство, он полагал их различие в особенностях народного духа того времени: на Западе дворяне и крестьяне заключали постоянные договоры и прочные потомственные союзы; а на Руси, напротив, бояре, слуги и крестьяне никогда не вступали в прочные, потомственные союзы, а, сохраняя личную независимость, заключали только временные договоры, которые разрывались при первом удобном случае. Поэтому, в отличие от западного оседлого феодального владельца, который в замке мог стоять за свою самостоятельность, русские бояре и слуги переходили с места на место, заключая временные договоры с крестьянами, которые также сохраняли личную независимость, отношение к земле имело, по Чичерину, «менее прочности» к тому же, они пере-

ходили с места на место, как было уже отмечено выше. Городские общины на Руси еще в начале так называемого удельного периода являлись «остатками патриархального быта» [4, с. 13], в них едва развивалось договорное начало. Именно поэтому в концепции Чичерина особое значение имело государство, которое в силу указанных социальных факторов, а также природных условий, переселений и колонизаций приобретало организующее значение. Отсюда прямо вытекала идея Чичерина о закреплении всех сословий: бояр, дворян и служилых людей, тяглогового посадского и крестьянского населения, а также зависимых вотчинных крестьян.

В отличие от сословий на Западе, как полагал вслед за Чичериным Б. Н. и Градовский А. Д., русские сословия представляли собой не результат органического развития, а результат политики правительства, направленной на обеспечение государственных податей и повинностей, с одной стороны, и службы, — с другой. Отсюда и возникло крепостное право. Поскольку для государственной школы проблема крепостного права вообще являлась главным вопросом времени, каждый представитель этого научного направления стремился обосновать свою точку зрения. Соловьев, Чичерин, Кавелин исходили при этом из зависимости закрепощения крестьянства от географических условий: в крепостном праве видели средство предотвратить безудержный процесс рассредоточения населения, собрать его воедино и подчинить интересам служилого государства. Уже Соловьев придавал географическому фактору решающее значение, подчеркивая, что в русской истории «ход событий постоянно подчиняется природным условиям». Он выделяет, в частности, такие особенности природных условий страны, как обширность и равнинность русской государственной области, роль рек, называя их важнейшими условиями освоения земель и складывания социально-экономических взаимосвязей между регионами.

Он подчеркивает, что Россия как ворота Азии в Европу породила специфический тип цивилизации. Сильной стороной такого подхода явилось взаимосвязанное рассмотрение естественно-географических, социально-политических и демографических процессов развития общества. Именно в этом состоит научная ценность синтезирующего на междисциплинарном уровне понятия колонизации, на что в русской литературе не обращалось должного внимания. Колонизация предстает решающим фактором русской истории при подобной концепции, обусловившим, в конечном счете, характерные черты социального и государственного развития. Тезис Ключевского, а впоследствии и Любавского, о том, что история России есть история страны, которая колонизируется, представляет собой конкретизацию концепции Соловьева. Важно, однако, обратить внимание на то, что концепция Соловьева была

во многом шире и более монистична, чем концепция его последователей. Дело в том, что влияние географического фактора и колонизации на общественное развитие рассматривалось им через призму такого важнейшего фактора, как отношение собственности на землю, то есть выступало в качестве материальной основы. Традиционный тезис о географическом факторе и роли колонизации у Чичерина, как, кстати, и у Градовского, обогащается новой чертой — ими подчеркивалась неоднозначность взаимодействия между государством и колонизацией. Интересно, что решающая роль в процессе колонизации отводится именно народу, а не государству. Процесс вольной колонизации рассматривается как первичный и противопоставляется вторичному — колонизации государственной (правительство едва успевало за этим спонтанным народным движением).

Как обычно, особенности русской колонизации выясняются в сравнительной перспективе. Если западные государства приобретали колонии, как правило, в целях экономической их эксплуатации (решение метрополиями проблем избытка населения, рост обрабатывающей промышленности, получение удобных рынков сбыта товаров), то русская колонизация, по мнению многих либеральных историков девятнадцатого века, в том числе и Чичерина, носила, прежде всего, политический характер, в частности, осуществлялась для обеспечения крепости границ государства. В то же время очень часто обращается внимание на специфику развития демографических процессов на Западе и в России. Представители государственной школы позднего периода придали интерпретации географического фактора несколько иной смысл, связав его более тесно с процессом закрепощения крестьян, развитием производственных и вообще социальных отношений и сословного строя.

Новым подходом в историографии явилось рассмотрение общества и государства в их противоречии, диалектическом развитии. Если для Карамзина сами понятия общества и государства были тождественны, то уже само их разграничение, постановка вопроса об их отношениях и противоречиях у историков государственной школы открывали новые возможности исторического исследования. При рассмотрении данной проблематики, в качестве определяющей была взята идея государственного управления. Как известно, социальное управление есть воздействие на общество с целью его упорядочения, сохранения качественной специфики, совершенствования и развития. Была сконструирована своеобразная модель процесса становления и эволюции социальных структур и их значимости в ходе организации государственного управления. Эта модель, основанная на всей известной совокупности правовых источников, содержала рациональный принцип объяснения сословной структуры, ее специфики и

связи с государственным управлением. При таком подходе каждый социальный слой рассматривался, прежде всего, с точки зрения его места в обществе и функционального назначения в нем. Общие основы этого подхода были заложены С. М. Соловьевым, К. Д. Кавелиным, Б. Н. Чичериным; в последующее время они стали модифицироваться от абстрактно-юридической к социологической их трактовке.

Одной из характерной черт рассматриваемой концепции явилось сопоставление истории сословий в Европе и в России, причем с выявлением специфики последней. Специфика социальных процессов в России, в отличие от Западной Европы, виделась в особенностях ее геополитической ситуации: на Западе из-за отсутствия свободных пространств и высокой плотности населения фактор колонизации не играл такой значительной роли, как в России. В результате социальные противоречия в странах Западной Европы не снимались, а, наоборот, приобретали острый характер, решались путем борьбы. Это, как считал Коркунов, вело к постепенному складыванию населения в определенные, резко обособленные сословия, которые объективно противостояли государственной власти и ограничивали ее, добивались от нее гарантий сословных и личных прав подданных. Совершенно иной представлялась ситуация в России, где широкие просторы, окружающие ее по окраинам степи давали возможность недовольным элементам общества избегать борьбы с властью за счет освоения все новых земель. В силу этого, по мнению Чичерина, недовольные в России не брались за оружие, а разбегались. Подобное развитие вширь приводило к снятию конфликтных ситуаций, отсутствию ярко выраженных социальных противоречий, что, в свою очередь, вело к запаздыванию развития социальных отношений феодализма, формирования сословной организации общества по сравнению с Западной Европой. По этой причине сословные различия предстают как результат деятельности государственной власти, а не ее ограничение. В соответствии с этим и задачи самого государства в России были специфичны: они состояли не в утверждении светской власти против враждебных сословных притязаний, а в выполнении чисто хозяйственных функций — собрать полуседлое население и как-нибудь устроить его. Кстати, из противопоставления России и Европы исходил и Грановский. Если в Европе, считал он, феодальный строй объективно вел к формированию сословий как больших корпораций с определенными социально-экономическими интересами и выраженной самостоятельностью по отношению к государственной власти, то в России еще не было феодализма (в западном смысле этого слова). Исходя из роли географического фактора и колонизации при объяснении процесса образования сословий, их закрепощения, решающую роль Гранов-

ский, а вслед за ним и Чичерин отводит государственному принуждению, тяглу.

Вернемся непосредственно к генезису Российского государства. Чичерин всегда противопоставлял временный характер боярской службы постоянству вассального договора. Начало вольной службы удельного времени Чичерин совершенно правильно ведет от вольной дружины древнейшего киевского периода. Он говорит, что это выражение «люди вольные» совершенно соответствует слову «франки», которое на Западе означало то же самое понятие. Оба явления принадлежат одному времени и сходны между собой, потому что происходят из одного источника, именно из дружинного начала, из этого союза лиц, совершенно свободных, никому не подчиненных и соединенных между собой единственно договором. Этот дружинный тип, разбивший первоначальную родовую связь, вошел как составной элемент в большую часть гражданских отношений того времени. Однако на Западе бродячая жизнь франков скоро превращается в подчинение, хотя личное, договорное, тем не менее, постоянное. Там дружины пришли в столкновение с предыдущей развитой гражданственностью; там сама природа страны мало способствовала кочеванию. И вот мы с ранних времен видим ограничения перехода слуг. В некоторых из установлений нельзя не видеть государственных стремлений, которыми тогдашние короли и императоры пытались воскресить Римскую империю. Во всяком случае, это сообщало договорам постоянный, наследственный характер, который не только сохранился, но еще более развился при утверждении феодализма в его классическом виде.

В России до самого образования Московского государства бояре и слуги свободно переезжали от князя к князю, и договоры носили характер внешний. Одним словом, вассальная связь, вассальный договор, по мнению Чичерина, есть договор постоянный, прочный, неразрывный; служебная же связь боярина с князем — временная, слабая, совершенно свободная. С одной стороны, прочность и крепость гражданских отношений, с другой, — их совершенная шаткость. Впрочем, здесь возникают некоторые трудности. При обращении к трудам историков феодализма, особенно при сравнении боярской службы с вассалитетом как двух правовых институтов, прежде всего, важно отметить, что западноевропейские историки отнюдь не считают неразрывность вассальной связи, которую пытался утвердить Карл Великий и ближайшие его преемники, существенным элементом системы вассалитета. На капитулярий Карла они смотрят как на постановление, шедшее вразрез с основным началом уже сложившегося института, как на закон, стремившийся изменить обычай, но его не вполне изменивший. Вассально-служебная связь на Западе, совершенно

так же, как и у нас, выросла из связи князя с дружиной и должна была сохранить присущий последней принцип полной свободы. Если мы будем противопоставлять, как это сделал Чичерин, постоянную вассальную службу временной, вольной службе боярской, то в таком случае должны будем признать, что в этой последней лучше и полнее выразилось одно из основных начал германского вассалитета. Но на самом деле этого не было. Близость наших удельных учреждений к феодальным столь велика, что все основные черты, весь скелет вассалитета совпадает со скелетом соответствующего русского института «боярской службы».

Чичерин, как и многие другие исследователи, смотрел на ранний феодализм с оставленной теперь точки зрения как на раздел страны между дружинниками-завоевателями. В случае с Россией дружина франков, считали они, соответствовала дружина варягов; разделу земли — раздача городов мужам (дружинникам) первыми варяжскими князьями. Рюрик отдал в управление знаменитым единоплеменцам своим завоеванные города. Карамзин писал об утверждении феодализма в стране наряду с княжеской властью. Подобная система имела место и в Германии. Монархи обыкновенно целыми областями награждали вельмож и любимцев, которые оставались их подданными, но властвовали как государи в своих уделах. Эту мысль поддерживал Полевой, а затем и Кавелин, правда, в более определенной формулировке: система управления, принесенная на Русь варягами, была, по всей вероятности, системой дружинной, то есть феодальной. Князья, подчиненные великому князю киевскому, находились в вассальном отношении к нему, но феодальная система, по их мнению, не успела развиться и из личностной превратиться в территориальную.

В настоящее время взгляд на феодализм, как на раздел завоеванной страны между дружинниками-завоевателями, давно отставлен. В то время, сравнивая историческое прошлое нашей страны с западным, главное внимание обращали на завоевание. Большинство видело главное отличие российской истории в том, что на Западе в начале развития было завоевание страны иноплеменной дружиной, а в России было призвание князей. Соловьев отвергал значение завоевания, указывая на Германию, где в противоположность Франции и Англии и так же, как и у нас, не было завоевания.

Чичерин хотя и смотрел на феодализм с этой точки зрения, но все-таки признавал значение завоевания, вотчинные права князей, по его мнению, коренились в завоевании. Союзническое дружинное государство, образованное вследствие завоевания, переходит на Руси в государственный строй феодализма, основанный на господстве сельского землевладельческого дворянства. В Северо-Восточной Руси появляются мелкопоместные служилые люди, и земля разделяется на множество княжеств,

таким образом возникает феодально-конфедеративная монархия. С переходом всего мелкопоместного служилого сословия под непосредственную власть великого князя московского Московское княжество из феодально-конфедеративной монархии обратилось в феодально-служилую монархию. После дружинного периода развивается система ленных отношений и земельный иммунитет. Именно здесь Чичерин делает основной упор на разницу между процессом феодализма в нашей стране и на Западе, о чем уже писалось выше в рассуждениях о географическом факторе в историческом процессе. Основное понятие, вокруг которого крутится все, связанное с земельными отношениями и сословиями, — понятие «тягло». По мнению ученых либеральной школы, в том числе и Чичерина, тягло создало и поддерживало в России существование сословий; с постепенным освобождением от тягла, крепости сословное деление теряет свой смысл, и старый земский дух с неудержимой силой пробивается вперед на пути исторического прогресса. Таким образом, все сословия предстают как продукт государственной деятельности, последствие разнообразных тягл, положенных на общество.

Большой интерес в связи с этим представляет решение центральной проблемы того времени — крепостного права и закономерности его возникновения в России. В этом процессе различали две стороны (в частности, Т. Н. Грановский) — экономическую (организацию налогообложения) и социальную (организацию службы и специального служилого сословия). Размышляя над судьбами крепостного права в России, ученые либеральной школы приходят к выводу о его объективно прогрессивном значении. Прикрепление крестьян к земле ограничивало начавшийся процесс их полного обезземеливания, превращение в холопов, переход всех земель в руки служилого сословия. В длительной исторической перспективе, подчеркивал Грановский, это делало возможным освобождение крестьян с землей. Городское сословие также рассматривается как продукт деятельности государственной власти, направленной на обеспечение финансовых нужд, тягла. В этом же русле функционального подхода анализируется дворянство. Ограничение прав его собственности в рамках поместной системы выступает как инструмент обеспечения его военной и служилой функции.

Необходимо подчеркнуть связь исторических взглядов представителей государственной школы и тех вопросов, которые ставило время. Все они — Кавелин, Чичерин, Соловьев, а позднее Ключевский, Градовский и др. — были связаны с общественной и публицистической деятельностью, преподаванием в университетах. Концепция закрепощения сословий государством выступала в условиях преобразований в качестве исторического обоснования необходимости проведения крестьянской реформы.

В концепции государственной школы подчеркивалось, что закрепощение сословий, бывшее исторически обусловленным и необходимым в предшествующий период, затем, начиная с петровского времени и в течение XVIII века, сменяется раскрепощением сословий, прежде всего дворянства. Освобождение крестьян должно было завершать цикл освобождения сословий, открывший новые основы гражданственности русского общества. В преддверии реформ это положение означало призыв правительства к решительным действиям. Именно с этой точки зрения смотрели на феодализм Чичерин, Соловьев и другие, многие их наблюдения сохранили свое значение до нашего времени.

В то же время, исходя из позиций государственной школы, Чичерин рассматривал земский период в истории нашей страны как идентичный западному периоду сословной представительской монархии. Земский собор в глазах Чичерина представляет, безусловно, учреждение одного типа или одной природы с западными сословными собраниями, но резко отличается от этих собраний по своему историческому значению. Может быть, в русской, столь оригинальной, по бытовавшему тогда общественному мнению, среде это учреждение имело совершенно оригинальный характер? На таком ином историческом значении настаивает Чичерин в доказательство несходства наших соборов с западными собраниями. Соборы, полагает он, имели в России «несравненно меньшее значение, нежели подобные собрания на западе» [3, с. 139]. Соборы кажутся Чичерину «крайне скудными и бесцветными» [3, с. 139] в сравнении даже с французскими генеральными штатами, которые из западноевропейских учреждений этого рода «имели наименьшую силу» [3, с. 139]. «Земские соборы, — замечает Чичерин, — прекратились в России в первой половине XVII века одновременно с прекращением сословного представительства во многих государствах европейского материка...», «но у нас падение совещательных собраний совершилось всего легче». «Земские соборы исчезли не из-за усиления сословной розни, не из-за какой-то их слабости, а просто вследствие собственного ничтожества» [3, с. 139].

Ошибочность этих выводов Чичерина бесспорна после исследования С.Ф. Платонова о смутном времени, в котором земские соборы имели столь крупное историческое значение, и после его же работы о земских соборах. Наши соборы казались Чичерину ничтожными, скудными и бесцветными только потому, что он не знал их богатой внутренней жизни на почве сословной борьбы, раскрытой Платоновым. Это еще один пример того, как, по мере более глубокого изучения русской древности, она все более и более сближается с древностью западной. Земские соборы пали в России не вследствие внутреннего ничтожества, как утверждал Чи-

черин, а как раз напротив — вследствие опасений монархов в отношении их. Победителями из долгой борьбы смутного времени вышли два средних сословия: дворянство и горожане, или средние классы служилых людей и посадских, как называет их Платонов. Эти же два сословия восторжествовали и на земском соборе 1648 года, имевшем важнейшее значение в истории XVII века. Как в 1612—1613 годах средние слои общества возобладали благодаря внутренней солидарности и превосходству сил, так и в 1648 году они достигли успеха благодаря единству настроения и действия и численному преобладанию на соборе. Они добились своих стремлений, направленных против общественных вершин — духовенства и знати, и против общественных низов — крестьянства и частновладельческих людей. Общественная середина, составлявшая на соборе подавляющее большинство, «за себя стала» и своими челобитьями искала возможности провести в закон такие «статьи», которые действительно охраняли бы до тех пор попираемый ее сословный интерес. За исключением одного пункта (отобрание земель, приобретенных духовенством в 1584—1648 гг.) все остальные челобитья были удовлетворены государем и обратились в статьи Уложения государственной жизни. Таких новых статей примерно на тысячу статей уложения насчитывается около 80. На соборах существовала сословная рознь. Вызывали соборы и опасения монархов. Собор 1648 года связан с московским революционным движением, направленным против правившего всеми делами царского дядьки боярина Б. И. Морозова и его единомышленников: окольного Траханиотова, земского судьи Леонтия Плещеева и думского дьяка Чистого. 2 июня 1648 года в Москве началась мятеж против этих сановников. «Дома их миром разграбили, — пишет летописец, — а самого думского дьяка Назарья Чистого вытащили из дому и забили насмерть» [1, с. 56—57].

Однако Чичерина такие нюансы интересовали мало, он обращал внимание на совершенно другой аспект, а именно, на коренное несходство с Западом той общественной среды, в которой возникли Земские соборы или представительные органы. Земский собор, рассуждал Чичерин, как, впрочем, и другие исследователи, являлся, безусловно, сословным представительством; «...но наши сословия XVII века были совершенно непохожи на западные по своему происхождению и по своему значению. Западные сословия были организованными самородными силами, наши же были искусственно созданы правительством, так как в противоположность Западу у нас-де в пустынной стране с подвижным населением «все общественное здание воздвигалось рукой власти» [3, с. 528]. Простекающей отсюда слабостью наших сословий Чичерин объяснял и мнимо оригинальную слабость наших соборов. Историки права Сергеевич и Латкин, выяснившие полное, дохо-

длежащее до тождества сходство земских соборов с сословными собраниями не только по их устройству, но и по их значению, соглашались с Чичериным в вопросе о происхождении наших соборов.

Подводя итоги, следует сказать, что основным направлением исторических трудов Чичерина являлась ось сопоставления России с Западом. Ключевая проблема феодализма раскрывается как диалектика раздробленности и централизации. Запад начинает сосредотачивать общественные силы по отдельным областям, основу которых составляют феодальные землевладения. Падение феодализма и всех сословных различий явилось там средством объединения государства, а централизация была продуктом революции, уничтожившей экономические и сословные основания провинциальной самостоятельности. В России, напротив, сословия явились продуктом государственной деятельности по обеспечению служилых функций населения. В свою очередь, централизация явилась результатом закрепления сословий государством. Как и у других сторонников государственной теории, реформа 1861 года выступает у

Чичерина как завершающий этап освобождения сословий от служилых функций, как важнейший переломный момент в создании современного гражданского общества. Россия, по Чичерину, не знала феодализма в западном смысле этого слова, хотя многие элементы того феодализма имели место быть вследствие всеобщности их развития.

Литература

1. Платонов С. Ф. К истории московских земских соборов. — СПб., 1905. — 432 с.
2. Чернышевский Н. Г. «Русская беседа» и славянофильство // Соч: В 2 т. — М.: Мысль, 1989. Т. 1. — 723 с.
3. Чичерин Б. Н. О народном представительстве. — 2-е изд. — М.: Т-во И. Д. Сытина, 1899. — 810 с.
4. Чичерин Б. Н. Областные учреждения в России в XVII в. — М.: Тип. Александра Семена, 1856. — 592 с.

ФИЛОСОФИЯ ОТКРЫТОГО ПРОСТРАНСТВА

Я по гранитным улицам иду,
 На светлый мир гляжу
 Влюбленным взглядом.
 А тот родник Я все равно найду:
 Он не исчез,
 А где-то близко, рядом.

Л. Татьяничева «Родник»

Информационный человек и информационное общество адекватно выражают открытость мира и соответствуют достигнутому лишь ныне уровню развития познавательной способности человека. Открытие информационной природы человека позволяет на исходном уровне обнаружить неразрывную связь разума, мышления, языка и коммуникации.

Тот факт, что информационная природа человека реализуется лишь в его общественных связях, говорит и об информационной природе общества. «Человек» — модель, согласно которой человек воспроизводит в сжатом виде мир «общества».

Преодоление представления о моносоциальности мира (материальной или идеальной) и появление в качестве «первой ласточки» новой сущности — информации — позволяет говорить о становящемся обществе как информационном.

Общий смысл совершающегося на наших глазах превращения — смена энергетической основы общества информационной.

Не может в этих условиях не претерпеть коренного изменения и философская, и социальная традиция. По сравнению с другими государствами это противостояние у нас окрашено российской ментальностью и связано с историческим опытом XX столетия, в течение которого страна являлась полигоном для проверки жизнеспособности сначала коллективистских, а затем либеральных идей.

Основная функция любого общества — обеспечение простого воспроизводства народонаселения страны, т. е. выживания нации.

Альтернатива одна: сокращение населения, вымирание народа — прямая угроза национальной безопасности, поскольку жизнь людей является высшей ценностью для любого современного государства. Выживание человеческой популяции, как и для других животных видов регулируется на инстинктивном уровне. Специфически человеческим является сознательный рациональный уровень регулирования выживания, которое включает помимо материальной и духовную составляющую.

С изменением роли информации присвоение и связанное с ним силовое взаимодействие уступает место информационному несилловому взаимодей-

ствию, которое означает открытость общества, идущую от открытости мира. В этих условиях понятие достойного существования наполняется качественно новым содержанием, поскольку материальные (потребительские) ценности уступают свою определяющую роль духовно-познавательным.

К началу XXI века жизненной позицией россиян становится социальный реализм, означающий деидеологизированный подход в экономике и политике, обеспечивающий безотлагательное решение проблем большинства населения: прекращение вымирания нации, ее выживание, возрождение и достойное существование. Это и есть современная российская национальная идея. Иными словами, социальный реализм — это здоровый прагматизм, исходящий из интересов нации и направленный на ее возрождение. Он опирается:

а) на развитие исторического процесса в направлении информационного общества;

б) на национальные особенности населения страны и его исторический опыт;

в) на естественную природу человека, которой присуще чувство альтруизма, забота о ближних, защита слабого.

Большинство населения России всегда жило и живет на грани выживания. Отдаленность от жизненных и культурных центров, суровый климат, социальная безысходность и незащищенность не могли не породить особого интеллекта российского народа.

В последние 10 лет образовалась между бедностью и богатством российского населения. Так, например, в Москве коэффициент соотношения достатка 10 % самых богатых и 10 % самых бедных на июнь 2000 г. равен 47. Для нормального функционирования общества он не должен превышать 10.

Национальная идея должна лежать в основе и быть критерием общенациональных приоритетов при определении стратегических линий экономического и социального развития, совершенствования законодательства, развития науки и культуры. С ней связан духовный потенциал народа, обеспечивающий заряд социального оптимизма, без которого невозможно решение исторической задачи на-

ционального возрождения. В условиях сегодняшней России приоритетной задачей должно стать прекращение вымирания нации, обеспечение выживания, а затем достойного существования граждан.

Возрождение культуры регионов, возрастания роли регионального компонента в структуре гуманитарных знаний становится характерной приметой нашего времени. Литература — это зеркало общества, его устоев, ценностей, установок. Духовно-нравственное становление личности происходит с раннего возраста ребенка, когда он читает и запоминает наизусть сказки, повести, рассказы, учится отличать «Что такое хорошо?» и «Что такое плохо?», добро и зло, черное и белое. Так как этническое самосознание базируется на социальном факторе, то именно процесс знакомства с литературными произведениями людей, живущих в одном энергоинформационном пространстве, позволяет сделать квантовый скачок в развитии этнического самосознания ребенка, помогает заложить основы нравственности и важнейших ценностных ориентаций.

Место уральских писателей в общелитературном процессе определяется, прежде всего, любовью к Родине. Каждый уральский писатель признавался в любви к родному краю. Гордостью за родной край пронизаны строки поэта К. Скворцова: «Не может Родина быть малой с такой великой душой». Уральских писателей объединяет и высокая нравственная позиция, проявляющаяся в глубоком внимании к человеку, его внутреннему миру. Нравственная личность проявляется в отношении к историческому прошлому России, к важнейшим событиям и судьбам человека, к природе.

Творческая лаборатория писателя — это та интересная работа, которая позволяет считывать информацию из информационного поля Земли и выкладывать ее на бумагу. Зачастую герои произведений начинают жить на страницах собственной жизни и развязка событий совсем не совпадает с первоначальным логическим замыслом автора.

При создании любого творческого произведения важны эмоции интереса именно они отличают всех интеллектуально развитых людей. Сама по себе эмоция интереса глубоко мотивирует людей на достижение искомого результата. Развивать эмоции интереса можно лишь на создании условий свободного изучения всего нравящегося — всего того, что рассматривается как интересующее. О подлинном масштабе своего действительного потенциала фактически не знает никто. Бесталанность является плодом невежества и подавления.

Фундаментом творческого роста является уважение к себе. Энергией саморазвития оказывается доверие своему потенциалу. Мы откликаемся на гармоничное лишь потому, что сами созданы по его правилам и канонам.

Красота — это таинственное единство меры, ритма, гармонии, пропорции и формы. Прекрасное проявляется повсюду, если только глаза наблюдающего не засорены пыльной повседневностью. Размеренное движение небесного свода с мириадами неслучайно, уравновешенные и словно перетекающие движения кота, охотящегося за очередной добычей, непостижимо медленное, но неотвратимое распускание цветов навстречу первым лучам весеннего солнца — все это красиво. Для тех, кто не отвык наблюдать за живым и не разучился восхищаться существующим, мир ежесекундно демонстрирует нам восхитительные образцы высокой красоты.

Объедините все физические константы, математические законы и прочие закономерности, за многие века изученные земными учеными, сложите все это воедино и упростите насколько возможно, то окажется — таков будет научный образ красоты, пронизывающий все и вся.

Красивое всегда приятно и полезно для развивающегося. Красота интуитивно ощущается всяким как наивысшая ценность. Красота служит всем нам в качестве безошибочного критерия верной самооценки. В любой системе — текстовой, архитектурной, биологической — каждый элемент вполне определенным образом соотносится с интегральным целым.

Красота всегда композиционна, системна, контекстна. В реальных смысловых системах художественное всегда оппонирует аналитическому, а общий смысл нередко входит в локальные противоречия с содержаниями отдельных элементов, в рамках целого. Красота не бывает разбитой, дезинтегрированной или расщепленной.

Существуют различные виды симметрии сенсорных потоков — цветовая, структурная, динамическая, вибрационная, ритмическая и звуковая. Работая с самыми разными гармониями симметрий, мы фактически ведем диалог с самими математическими законами, согласно которым организуется жизнь во Вселенной и само бытие.

Гармония не только способствует накоплению уравновешенности, но и укрепляет управляемость развивающихся динамических систем, адаптирующихся условиями существования. Замечательно то, что красивое всегда внутренне уравновешено, а прекрасное глубинно самодостаточно.

Художественными средствами, разумеется, можно выражать собственные волнения, искания, смятения и печали. Но все же в качестве образцов возвышенного и заслуживающего подражание художники предлагают именно уравновешенное и сбалансированное. Прекрасное не нуждается в толкованиях, комментариях и интерпретациях.

Любые споры продолжаются лишь до обнаружения лика прекрасного, который неизменно оказывается убедительнее любых свидетельств и формальных аргументов. Истина может не только убеждать связями посылок и выводов, но и представлять

в чистом виде, облаченным в прекрасные формы, сами по себе не требующие доказательств.

Лекарство цвета и мелодий — своеобразная терапия, позволяющая организму человека подстраиваться под всевозможные виды вибраций и излучений. Музыкальные произведения созвучно сонатраивают организм в едином ритме. Если какая-то музыка или какие-то оттенки цвета нравятся значительно больше чем другие, значит переносимые ими энергии более других сейчас необходимы для поддержания самотворческой работы организма. Музыка и цвет помогают организму собраться с собственными силами, гармонизировать свои структуры в едином ключе.

Цветовое самовыявление оказывается и самым бережным, и, одновременно, самым непосредственным и глубинным способом самоуправления. Фактически разрешение любых возникающих в процессе жизни проблем оказывается продуманным устранением препятствий на пути свободного развития двуединого адаптационного процесса — внешнего событийного и внутреннего креативного. Среда выковывает под себя устраивающий его организм, а организм переделывает под себя не устраивающее его окружение.

Виртуозность нашего жизнотворчества как раз и состоит в осознанном следовании собственной логике естественных процессов развития, которые внутренне переживаются как предпочтения и пожелания, а внешне соответствуют оптимальным способам разрешения возникающих проблем. Процессы самоорганизации неизменно ритмичны, т. е. упорядочены и согласованы.

Попытки незаконно ускорить какое-либо изменение рискуют дестабилизировать целое, тогда уж никакое достижение ценным не окажется, так как интегральный контекст будет разрушен и любой результат утратит свою ценность.

Пути жизни несравнимы,
как неповторимы сами
индивидуальности.

Не следует удивляться сопротивлению материала, нередко приводящему к затормаживанию процесса развития. Всегда по праву присутствует законная инерция, мудро уравнивающая любые революционные импульсы и смягчающая форсированные попытки ускоренной реализации поверх законных сроков.

Любое сопротивление, даже самое что ни на есть законное, безусловно преодолимо, если осознаны его причины и смысл. Наличие здоровой уверенности в себе является вернейшим признаком полноты внутренней гармонии, глубины, душевного здоровья и ясности уравновешенного самопонимания.

Уверенность в себе — главная строительная площадка для любого шедевра, холст, по которому мы пишем живописные полотна нашего индивидуального существования. Где полнота доверия — там и

расцвет внутренних ресурсов. Доверие себе — царский путь творческого саморазвития. Истинный покой заключается не в тупости и безразличии, но в полноте осознания собственной беспредельной свободы, проявляющейся в выборах и решениях.

Понимание покоя как валюты, за которую можно приобрести любой успех, понимание свободы как факта собственной осознанности, понимание равновесия как готовности к принятию ответственных решений и являются наиболее последовательно игнорируемыми ключами к обретению счастья. Счастье как дитя свободы всегда рождается изнутри, а затем переизлучается вовне.

Только в покое начинает звучать голос глубокой мудрости. Научиться брать паузы в собственной жизнедеятельности и поддерживать фоновое состояние умиротворенной осознанности — важнейшие составляющие Великого Секрета Счастливой Жизни.

Тайными энергиями любого целительского действия являются удовольствие, радость и красота. Всегда следует старательно доверять саморазвитию мудрой спонтанности, предоставляя исцеляемому все то, что ему нравится, что приводит его в радостное умонастроение, что вызывает энтузиазм. Удовлетворенность и воспринимается как прекрасное.

Ничего удивительно в содействии мудрой спонтанности нет. Лишь человек века машин необоснованно считает, что без оператора автомат трудиться не сможет. Но пользователи компьютеров знают, сколь часто машина выходит на нужный режим работы сама, особенно если ей не сильно в том препятствовать.

Лошадь сама знает, как ей вернуться домой, даже если возница беспробудно спит. Как говорил М. Жванецкий: «Не учи меня танцевать! Ты просто отойди в сторону и не мешай мне. Просто посмотри на меня со стороны — у меня ноги сами в пляс пойдут». Предоставьте организму то, что его радует и удовлетворяет — и включение сил самоорганизации сотворит неслыханное чудо.

Большую часть жизни мы просто спим на ходу, воспринимая окружающих и события сквозь пелену сна бессознательности. И все же первой причиной сопровождения воспоминаний скукой и апатией остается неосознаваемая астеническая защита, которая «помогает» нам «не вспоминать» то, что нам вспоминать не слишком-то и хочется.

В древности люди изо дня в день старательно пересматривали сигналы собственной памяти с тем, чтобы переписать личную летопись, тем самым конструктивно формируя собственное будущее.

Мы ошибочно полагаем, что в нашей жизни мы ничего не можем изменить. Однако, обратившись к собственной памяти, приступив к гармонизации собственных воспоминаний, занявшись переконструированием массива собственного прошлого, мы вправе рассчитывать на перемену видения и пере-

мену отношений с собой и с миром. Просто следует собраться с духом и сдать экзамен под названием «Осознание позитивного опыта прошлых лет». Тогда возникает масса поводов восхититься собственным прошлым.

Каждый человек сам создает свое прошлое. Пересмотрев факты и впечатления памяти, можно создать такое прошлое, которое было бы наиболее приемлемым для решения задач и развития жизненных потенциалов. Все зависит от точки зрения и от умения пересотворить комплексы ассоциаций памяти.

Опыт прошлого — главный источник всех наших душевных смятений, нравственных терзаний и психологических проблем. Но при этом он же при творческом к нему подходе может оказаться источником нашей уникальной одаренности, фантастической успешности и высокой созидательной эффективности.

Глубинный разум заведомо мудрее логического, так как эволюционно он был эффективен уже тогда, когда логический только начинал складываться. Логика — это операция с данными, а интуиция — это опыт прошлого чувствования самой организационной структуры изучаемого предмета. Практика успешных решений подразумевает необходимость привлечения обоих средств решения проблем.

Многим хочется непременно посадить дерево, написать мудрую книгу или накопить огромное богатство, тем самым проявляя мощь присущего им творческого дара. Но мало кто задумывается над тем, что главным шедевром, созданию которого мы посвящаем минуты нашего земного бытия без остатка, являемся мы сами и все то, что в совокупности именуется нашей жизнью. Психокультура есть мастерское практикование самой жизни. Нелегкий путь исторического развития человечества, отсутствие средств развития самого человека и недостаточная развитость научно-технической базы цивилизованной жизни вынуждает столпов культуры и руководителей народной жизни привычно табуировать удовольствия как таковые, противопоставляя их общественным надобностям через прямые приказы или нравственные нормы. Ограниченность ресурсов, находившихся в распоряжении сообществ, вызвала к жизни необходимость авторитарности их распределения, что разделяло людей на более и менее властных, на более и менее ответственных.

На рубеже XX и XXI веков человечество наряду с осознанием известной конечности ресурсов мате-

риально-вещественных пришло к выводу о принципиальной неисчерпаемости ресурсов энергетических (за счет притока энергии к планете извне) и интеллектуальных (творческих, изобретательских, структурирующих природоиспользование, энергопроизводство и упорядочивающих жизнь человечества во всех мыслимых и представимых деталях).

Информационная эпоха все более остро обозначает вопрос о необходимости реабилитации гедонизма в планетарных масштабах как центрального условия гармоничного развития человека, без которого не может быть и речи о раскрытии всего неповторимого креативного потенциала, присущего каждому, причем в уникальном личностном проявлении.

Сейчас человечество, наконец, созрело интеллектуально, а потому теперь оно уже может состояться нравственно, т. е. конструктивно деятельностью и позитивно эмоционально. Отныне воспитание, обучение и культура в целом будут основываться на принципиальном одобрении гедонизма как проявления собственной природы индивидуальности.

Удовольствия непременно будут переосознаны как главный указатель естественности личностного и творческого развития, а также как главная мотивирующая сила самосовершенствования и главное психофизиологическое условие проявления глубинных творческих дарований. Люди смогут нелегально полюбить самих себя, а значит преисполниться доверием к ближним.

Литературы

1. Егоров В. С. Философия открытого мира. — М.: МОДЭК, 2002. — 316 с.
2. Мировоззрение как социокультурный феномен // Материалы Всероссийской научной конференции «Мировоззрение и культура» / Под ред. Е. Г. Трубиной. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 2002. — 400 с.
3. XXI век: будущее России в философском измерении: Материалы Второго Российского философского конгресса (7—11 июня 1999 г.): В 4 т. — Екатеринбург: Урал. ун-т, 1999. — Т. 4. — 292 с.
4. Философская жизнь Урала // Проблемы общей и социальной онтологии / Под ред. В. И. Кашперского. — Екатеринбург: Урал ун-т, 1999. — 320 с.

КУЛЬТУРА И ЭКОНОМИКА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МЫСЛИТЕЛЕЙ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Прежде чем перейти к анализу воззрений на интересующую нас проблему продолжительной эпохи, которая тянется приблизительно с IV—V вв. до XIV—XV вв., т. е. около 1000 лет, и носит название «средних веков», эпохи, которая простирается от падения Рима и, следовательно, от политической ликвидации древнего мира и до начала нового времени, нам необходимо рассмотреть взгляды на взаимодействие экономики и культуры, содержащиеся в раннем христианстве, так как именно они были источником большинства идеологических течений этой эпохи.

Конечно, рассматривая христианство лишь как экономическое или культурное учение, мы видим его с наименее существенной для него стороны, ибо решение вопроса об их взаимоотношении целиком коренится в религиозной метафизике и потому имеет производный характер.

Проповедь Евангелия есть проповедь не экономическая, но религиозная, она обращается к Богу, хозяйственное учение и моральная культура являются лишь производной из общего религиозного учения. Евангелие не признает определяющего значения ни культурного, ни экономического богатства для человеческой личности. Если в настоящее время и распространено воззрение, что человек есть то, что он есть (всцело есть результат своего социального и экономического положения), то, напротив, Евангелие говорит о человеческой свободе, о том, что человек в духовном существе своем не зависит от внешнего по отношению к его эссенции культурного и экономического положения. Учение о душе, о вечной жизни, о средствах к спасению, — вот та точка зрения, с которой Евангелие рассматривает вопросы богатства и бедности, образованности (которая в эту эпоху воспринимается как синоним культуры) и «нищенства духом». Стало быть, богатство и обладание культурными благами рассматривается здесь как одно из условий, содействующих или препятствующих достижению известного духовного уровня. Завет Евангелия относительно имущественных отношений — есть та внутренняя свобода, внутренняя независимость, которая проистекает из доверия к Творцу. Всякая многозаботливость, страх за свою судьбу осуждается как грех. В 6-й главе Евангелия от Матфея (соответственно 12 глава Евангелия от Луки) содержится речь Иисуса о богатстве. Он здесь учит приобретать не блага земные, а блага небесные, «ибо где есть сокровища ваши, там и сердце ваше». «Посему, — говорит Он, — не заботьтесь для вашей души, что вам есть, ни для тела, во что вам одеваться. Душа

больше пищи и тело больше одежды. Взгляните на птиц небесных, они ни сеют, ни собирают в житницы, и Отец ваш небесный питает их». «Итак, не ищите, что вам есть или что пить и не беспокойтесь, потому что всего этого ищут люди мира сего, ваш же Отец знает, что вы имеете нужду в том. И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут. Не трудятся, не прядут. Ищите, прежде всего, Царствия Божия и правды его, а это все приложится вам» [1, с. 230].

Читая эти и подобные изречения (или, например, притчу о богатом и Лазаре) и воспринимая их без сопоставления с другими мыслями всего евангельского учения, можно подумать, что в этом учении вообще осуждается всякая хозяйственная деятельность и всякая хозяйственная забота. Аналогичную картину мы наблюдаем в отношении к культурной образованности, лишенной благодати, олицетворением которой (в двух различных вариантах) были фарисеи и саддукеи. Однако, если мы обратим внимание на евангельские заветы о милостыне, помощи бедным, больным и т. д., в которых указывается целый ряд необходимых отношений человека к природе и внешнему миру, связанных с трудом, то убедимся, что в Евангелии не столько отрицается всякая хозяйственная деятельность и внешняя образованность, сколько утверждается необходимость известной внутренней свободы от них. Эта внутренняя свобода может осуществляться в большей или меньшей степени, но во внутреннем мире, во всяком случае, нельзя служить одновременно двум господам, «ибо где сокровище ваше, там и сердце ваше». При этом посвящении своего сердца Богу могут быть разные ступени.

Однако было бы ошибочно видеть в Евангелии обоснование каких-либо определенных социально-культурных требований, признание или отрицание определенного социально-экономического строя, вообще какую-либо культурную программу или социальный рецепт. Хотя таковые и могут быть выводимы и связываемы с духом Евангелия, но само оно их не содержит. В этом отношении совершенно справедливо характеризует его профессор Гарнак, когда говорит: «Социальной программы, направленной на преодоление и устранение бедности и нужды, если понимать под такой программой систему вполне определенных планов и предписаний, Иисус не выставлял. Он не касался экономических и вообще преходящих условий своей эпохи: и чего бы он достиг, если бы вмешался в злободневные для Палестины законы. Полезные в данный момент, они

устарели бы в следующий, а между тем, они стали бы его содержанием» [2, с. 47].

Таким образом, христианство дает общие этические указания, устанавливает общие нравственные задачи, осуществление которых в социальной жизни должно быть сообразно с нуждами каждой исторической эпохи. Однако нас в настоящее время занимает не то социальное содержание, которое может быть вообще вложено в христианство, но то исторически-культурное содержание, которое влагалось в него в изучаемую эпоху.

Основная религиозно-культурная идея, которая с математической ясностью вытекает из этой религиозной проповеди, есть призыв к всечеловеческому равенству и братству. Та точка зрения, на которой стояли Платон, Аристотель, вообще весь античный мир, кроме только стоиков, не знает принципа абсолютной ценности человеческой личности.

В проповеди же Евангелия это учение утверждается не как идея или мнение, а как религиозный факт. Ибо, как учит Евангелие, — люди суть дети одного Отца, и соединяются во Христе, в котором нет разницы между рабом и свободным, между мужчиной и женщиной, эллином и иудеем, варваром и скифом. Поэтому для всей новейшей культуры здесь ставится тема свободной человеческой личности. Затем в связи с этим находится восстановление человеческого труда в его достоинстве. Если люди равны, то, стало быть, внешнее положение или различие ступеней на социально-культурной лестнице и разность занятий не может изменить, отменить или ограничить этот основной факт.

В новой оценке труда заключается одно из наиболее важных по своим всемирно-историческим последствиям деяний христианства. Корни новейших взглядов на взаимоотношения культуры и экономики заложены в этой новой оценке роли труда во внутренней религиозно-нравственной культуре (а преимущественно именно так она понималась в средние века). Величайшие культурные перемены и даже хозяйственные реформы зарождаются в человеческих головах и сердцах как новые идеи или новые верования. И в числе других новых идей христианство принесло новый взгляд на труд, смывший старое аристократическое к нему пренебрежение. Наряду с новой оценкой труда в христианстве устанавливается положительное отношение к культуре, господство мироприемлющей тенденции.

Хотя мир искажен грехом и тлением, но он создан для бессмертия, а тело наше предназначено для преобразования и просветления, и воскресшие тела составят вечный храм духа. Эти идеи существенно связаны с догматом о реальном воплощении Христа, провозглашенном на Никейском соборе и получившем особенно резкое выражение в эпоху арианских споров, в частности в творениях св. Афанасия Александрийского. Поэтому христианское отношение к миру отличается, с одной стороны, дуализ-

мом и вытекающим из него аскетическим духом, но в то же время, оно не дает оправдания той безразличности к миру и телу, экономике и культурной образованности, какая свойственна буддийскому мировоззрению. Не случайно, что христианские страны явились очагами европейской культуры и развили столь интенсивную творческую деятельность. И в этом смысле духовные корни хозяйственной энергии Европы заложены в той общей оценке труда и мира, в той «благой вести», которую принесло с собою христианство.

Частные социально-экономические мотивы мы находим как у новозаветных писателей, так и в позднейшей литературе первохристианства. Наиболее резким характером в этом отношении отличается послание апостола Иакова, здесь мы находим резкую критику и указание общих норм экономических отношений, как отношений нравственных, между хозяином и рабами, богатыми и бедными. «Если брат твой и сестра наги и не имеют дневного пропитания, а кто-нибудь из вас скажет: идите с миром, грейтесь и питайтесь, но не даст им потребного для тела, что пользы?» [1, с. 371].

Нет сомнения, что основным идеям христианства такой институт, как рабство, коренным образом противоречит. Тем не менее, стремиться непосредственно к революционной отмене рабства как социального института значило бы вызвать полное расстройство хозяйственных отношений или же толкнуть рабов на путь бесплодных восстаний вроде того, которое происходило под руководством Спартака. Ни тот, ни другой путь не был указан христианством. Напротив, апостол Павел требует от господ внимательного и заботливого отношения к своим рабам, а от рабов внимательного и тщательного исполнения своих обязанностей. Таким образом, не требуя немедленного юридического устранения рабства, апостол Павел стремится вложить в него новое содержание.

В великом религиозном обществе, в малом обществе семьи раб рассматривался церковью как равный свободному. Равенство, возвращенное рабу в религиозном и семейном строе, было великим завоеванием, существенным, основным: церковь, пользуясь своим влиянием, все более и более внедряла в культуру свободных людей необходимость довершить ее дело. Освобождение рабов покровительствовалось ею всеми способами и рассматривалось как безусловная заслуга.

При обсуждении культурно-экономического мировоззрения первохристианства невольно встает вопрос о строе жизни Иерусалимской общины, описанном в «Деяниях Апостольских». В этой первой христианской общине, основанной после Пятидесятницы, все, имевшие собственность, продавали ее и деньги приносили к ногам апостолов для раздачи неимущим. В примере Анании и Сапфиры мы видим как бы отрицательную иллюстра-

цию этих отношений: когда они утаили часть полученного от продажи имущества, то были поражены смертью. Строй жизни первых христиан у историков социализма и коммунизма (например, у К. Каутского) истолковывается иногда как настоящий коммунизм.

Однако считать ту культуру имущественных отношений, которая сложилась в Иерусалимской общине, каким-либо строем, той или иной организацией собственности, вообще институтом права и хозяйства, на наш взгляд, в высшей степени ошибочно. Здесь не было ни коммунизма, ни социализма как социального института, — в действительности то, что здесь происходило, является свободным выражением внутренней культуры взаимной любви, которую можно наблюдать между друзьями, в семье, в церковной общине в лучшее время ее существования. Эта первоначальная солидарность и взаимная любовь принимали формы широкой и разнообразной благотворительности и взаимной поддержки, в ряду которых общность имуществ Иерусалимской общины была только одной из многих.

В первые три века своего существования христианская культура распространяется по всем провинциям и находит сторонников среди всех сословий. По свидетельству церковных писателей, например Тертуллиана, Оригена и др., в это время христиан можно найти во дворце, на форуме, площади, среди рабов и среди всех сословий. Создается христианская литература, которая, между прочим, затрагивает и экономические вопросы, сюда относятся творения так называемых мужей апостольских, апологетов, а позднее так называемых отцов церкви.

Что касается вообще оценки богатства и собственности в литературе раннего христианства, то она по-прежнему определяется этической точкой зрения на имущественные отношения.

В памятнике начала II века, известном под названием «Учение двенадцати апостолов», мы встречаем такую точку зрения на собственность: «Не отвращайся от нуждающегося, но во всем имей общение с братом своим и ничего не называй своей собственностью, ибо, если вы соучастники в нетленном, то тем более в вещах тленных» [3, с. 24]. Но, однако, это суждение совсем не содержит того отрицания частной собственности, которое легко здесь предположить, ибо вообще не имеет в виду прав. Можно сказать, что хотя христианская культура не ставит себе в это время задач экономических и юридических и вообще не задается мыслью о проведении в жизнь определенного экономического строя, при этом не становится и в защиту существующего; тем не менее мы неизменно наблюдаем здесь осуждение того пристрастия к богатству и эгоизму, которое Карлейль метко назвал маммонизмом, т. е. служением маммоне.

Остановимся на некоторых суждениях по экономически-культурным вопросам наиболее выдающихся отцов церкви IV века.

Василий Великий, как и Григорий Богослов, обличает те выдумки роскоши, на которые затрачивается богатство. Подобные же обвинения богатых и защиту бедных мы находим в проповедях третьего из великих отцов церкви, св. Иоанна Златоуста, суждения которого представляют собою еще ту особенность, что некоторыми сторонами как будто приближаются к коммунизму. (Это дает повод некоторым писателям, например К. Каутскому, причислить Иоанна Златоуста к писателям, развивающим коммунистические идеи). Повод к этому наиболее подают проповеди Иоанна Златоуста, сказанные в Антиохии и Константинополе. В них он развивает ту мысль, что если собрать все богатства города и разделить на всех его жителей, то все имели бы достаточное количество средств и потому были бы обеспечены. В связи с этим он указывает на преимущества, которые имеет крупная форма общественного хозяйства, стремясь склонить к своему плану слушателей. Однако и его нельзя в действительности причислить к представителям коммунистических идей, потому что в других своих сочинениях он рассуждает о богатстве и бедности совершенно так же, как Григорий Богослов и Василий Великий, т. е. он только призывает к благотворительности, указывая им на их нравственные обязанности по отношению к бедным. У него можно встретить даже и такой аргумент, что если не было бы неравенства имущества, то не было бы стимула для ремесленников. Сходную критику частной собственности мы встречаем и у св. Амвросия Медиоланского, и у блаженного Августина, который стоит на рубеже древнего мира и средних веков. Он объявляет, что частная собственность — причина ссор, вражды и раздоров.

По примеру апостольской общины он приглашает своих близких воздержаться от частной собственности, а если это не под силу, то хотя бы от любви к собственности. Вместе с Василием Великим он считает, что отказ от собственности обязателен только для монахов, признавая, что для остальных он не есть такая же общая обязанность, как помощь нуждающимся. В качестве примера отречения от собственности он указывает на жизнь современных ему монахов.

Таким образом, общий итог, который мы можем сделать из суждений различных писателей о взаимодействии культуры и экономики в течение 4-х первых веков христианства, состоит в том, что злоупотребление богатством подвергается здесь суровому обличению и нравственному осуждению. Что же касается вопросов социально-культурной техники, т. е. практических средств существования, то этот вопрос обсуждался мало и слабо.

В вопросе о способах приобретения собственности нормальным и дозволенным видом у отцов

церкви считается приобретение трудом. По «Учению двенадцати апостолов» от приходящих членов общины требуется обязательное занятие ремеслом, и они предостерегаются от праздного времяпрепровождения. Античное воззрение, с которым знакомимся у Платона и Аристотеля, а именно пренебрежительное отношение к физическому или «производительному» труду, здесь окончательно преодолевается. Целый ряд церковных писателей учит о том, как хорошо иметь заработок от собственного труда, как похвален труд и как осудительна праздность.

Теперь мы можем непосредственно перейти к знакомству с воззрениями на интересующую нас проблему в эпоху средних веков.

Общий уклад экономической жизни средних веков отличается преобладанием натурального хозяйства, патриархальности, замкнутости, неподвижности, по крайней мере, сравнительно с темпом теперешней жизни.

Политическая культура средневековой жизни представляет собой господство феодализма, который соответствует общему положению вещей при отсутствии общей безопасности и необходимости для мирного населения прислониться к какой-нибудь сильной личности и стать под ее защиту, пожертвовав за это своей независимостью и даже гражданской свободой.

Средневековая церковь, конечно, поддерживает общее отношение христианской культуры к экономической жизни, как оно вытекает из сущности христианства, но соответственно новым условиям и новым задачам оно подвергается дальнейшему развитию и усложнению. Некоторые стороны христианской моральной культуры оказываются сильно и иногда односторонне подчеркнуты, другие остаются в тени. В общем идеале жизни, выражающем, так сказать, максимальные требования христианской морали, получил преобладающее влияние монашеский аскетизм. Начиная с IV века, на востоке и на западе развивается монашество, ставящее себе самые строгие аскетические требования, которые запечатлеваются в монашеских уставах (на востоке — св. Пахомия, Василия Великого, Макария, на западе — Бенедиктина Нурсийского и др.), благодаря первенствующей роли монашества в церкви, естественно, оно кладет свой отпечаток на понимание общих культурных идеалов жизни, служащих ей нормой и отражающих на себе общий дух монашеского аскетизма.

Монашеский идеал жизни ставит созерцание выше не только экономической, но и культурно-творческой деятельности. Исходя из предпочтения созерцательной жизни — деятельной, а монашеского аскетизма — мирской работе, можно ожидать полного отрицания производительного труда. Однако этого отнюдь не делается; ценность труда и его достоинство признается; однако труд ценится

не сам по себе, но как средство духовного воспитания и аскетического упражнения; следовательно, преобладает точка зрения религиозно-педагогическая. Труд ценится как средство борьбы с праздностью, которая является опасностью и для души, и для тела. В этом смысле папа Григорий Великий считает труд подготовительной школой для достойной человека жизни.

Монастырские уставы налагают тяжелую обязанность труда, например, в одном уставе предписывается монахам работать до такой степени усталости, чтобы они засыпали, не ложась еще в постель. В аскетизме средневековая культура имеет такой стимул труда, с которым, конечно, не может сравниться никакой другой, — ни принуждение, ни личный интерес, ни профессиональный долг. И в известном смысле можно сказать, что фундамент европейской культуры заложен экономически — производительным трудом аскетов.

Однако из понимания труда как педагогического средства, очевидно, вытекает, что его задачами ставятся определенные и узкие границы. То понимание задач производительного труда, которое столь обычно в современной жизни, здесь совершенно отсутствует. Современная экономическая, а зачастую и культурологическая мысль оперирует представлением о так называемом «экономическом человеке», согласно которому каждый стремится своим трудом получить наибольшую выгоду, достигнуть наибольшего обогащения. Это предположение, в значительной степени соответствующее теперешней экономической действительности, в которой стремление к обогащению составляет цель производства, совершенно не соответствует культуре и ментальности средних веков, поскольку она определялась аскетическим мировоззрением. «Экономический человек» современности был бы сурово осужден средневековым миром. Вся аскетическая культура стремится связать по рукам и ногам «экономического человека» и ограничить его стремления только пределом необходимого.

Однако нужно заметить, что, провозглашая аскетический идеал в его максимальных требованиях, средневековая церковная культура умела считаться и с принципом относительности оценок.

В соответствии своему приближению или удалению от идеала разные области жизни находили и различную оценку, причем получали санкцию и разные мирские интересы. Лишь в основном принципе не было и не могло быть уступок, — в признании верховного значения религиозной этической культуры над политикой и экономикой.

В отношении к частной собственности в средневековой культуре продолжается та же традиция, которая была установлена в раннюю эпоху христианства, а именно — критической подозрительности. Подобно Амвросию Медиоланскому и другим церковным писателям, папа Григорий I учит отно-

нительно земельной собственности, что земля принадлежит всем людям вообще и потому она приносит плоды для общего потребления всех людей. На церковном соборе 1267 г. это положение даже было высказано в качестве введения к постановлениям этого собора. Общая собственность или общее пользование ею считалось естественным состоянием человека, причем под ним понимались идеальные формы жизни первобытного безгрешного состояния. Лишь вместе с грехопадением появилась частная собственность, а с нею — корысть и вражда.

Конечный вывод из такого отношения к собственности и богатству может быть сделан только один: полное совершенство, следование Христу, требует полнейшего отречения от собственности. В своих посланиях Бернанд Клервосский постоянно напоминает о необходимости глубоко презирать земные богатства, чтобы приобрести небесные. И этот завет получает полное осуществление у духовных вождей и аскетических героев средних веков. В особенности известно движение, направленное в сторону добровольного нищенства, связанное с именем св. Франциска Ассизского, апостола добровольной бедности. Св. Екатерина Сиенская непрестанно молила Бога, чтобы он лишил богатства ее и ее близких, и сама сделала все возможное для исполнения этой молитвы.

В отношении к деньгам в текстах средневековых схоластов и мистиков мы, естественно, замечаем особенную подозрительность и враждебность.

Само натуральное хозяйство, бесспорно, стесняло денежные операции, и средневековая культура относилась подозрительно ко всяким формам денежной спекуляции, и даже к сделкам, которые вызвали опасение, что в них скрывается спекуляция. Особенно тревожным для совести и много обсуждавшимся вопросом являлся вопрос о ценах и о торговле. То, что в настоящее время ни у кого не возникает вопроса, — именно позволительно ли торговать, не является ли торговля грехом, преступлением против совести и Бога, этот вопрос настойчиво и неотвязно тревожил мысль и совесть в средние века.

Торговля как вид экономической деятельности, хотя и допускалась, но как неизбежное зло, и, во всяком случае, лишь в пределах удовлетворения насущных потребностей.

Мысль Аристотеля, что деньги не могут родить денег, остается основным убеждением средневековой культуры. Один из канонов многолюдного Латеранского собора, созванного папой Александром III в 1179 году, гласил следующее: «Так как повсюду преступное взимание роста сделалось настолько распространенным явлением, что многие оставляют другие занятия и становятся ростовщиками, как будто бы это дозволенное ремесло, причем не обращается внимания на запрещение ни Ветхого, ни Нового Завета, — мы повелеваем, что-

бы заведомые ростовщики не допускались к участию и, если они умрут, пребывая в своем грехе, чтобы их не хоронили по христианскому обычаю, а священники не принимали от них милостыни» [4, с. 169]. Духовные лица, послушавшиеся этого повеления, должны быть отрешены от должности, пока епископ не признает их исправившимися.

Вопрос о взаимоотношении культуры и экономики получил систематическое и, для своего времени, научное выражение в трудах величайшего богослова средневекового католицизма, и до сих пор остающегося для него непререкаемым богословско-философским авторитетом, Фомы Аквинского. Свое экономическое мировоззрение он развивает и в отдельных трактатах, но главным образом, в основном своем труде «Сумма теологий», где данная проблема исследуется как частный вопрос прикладной этики или общего учения о справедливости. Остановимся на некоторых вопросах, рассматриваемых им в данной работе.

Во-первых, это вопрос о труде. Хозяйственная деятельность, по Аквинату, основывается на том положении, что человек, в отличие от животных, должен трудиться для своего существования, причем трудом же обусловлено и развитие его физических и духовных сил. Обязанность труда существовала для человека и в раю, но в райском хозяйстве труд составлял не тягость, а наслаждение. Дозволенные мотивы труда суть: приобретение необходимых средств существования, устройство праздности, умерщвление тела и возможность подавать должную милостыню.

Вторая проблема — это оценка рабства. Труд физический Фома обозначает как рабский, ибо он фактически выполняется рабами (т.е. собственно крепостными). В этом он чрезвычайно приближается к Аристотелю, однако существенно и различие с ним.

«Человек нуждается в рабах», которые суть, «как бы инструмент господина». Свободный имеет цель своих действий в себе самом, раб же — в воле господина. Однако в то же время Фома решительно утверждает, что в своем духе раб свободен, ибо он действует по своей свободной воле, он повторяет формулу Сенеки, что все люди равны между собою. Поэтому рабство распространяется собственно лишь на, как мы сказали бы на языке современной науки, производительный труд (организацией которого и была тогда личная зависимость, так же как теперь наемный труд), но никоим образом не на то, чем выражается собственно человеческая или религиозная личность раба (и в этом огромное отличие от Аристотеля). Поэтому рабам принадлежит право распоряжаться свободно своим телом во всем, что касается удовлетворения естественных нужд, он свободен вступать в брак или оставаться в девстве, семейные связи его священны и семья нерасторжима.

Следующий вопрос — вопрос о частной собственности, рассматриваемый Фомой Аквинским лишь мимоходом в отделе о грехах воровства и грабежа, он обсуждается им с разных сторон, в соответствии обычному методу его изложения. В собственности Фома видит стимул к труду, гарантию мирного сожителства людей и порядка в хозяйственной жизни, даже, в некотором смысле, основу земной культуры. Однако, принципиально считая пользование собственностью общим, а, следовательно, собственников лишь как бы управляющими своим имуществом в интересах общего блага, Фома дает совершенно иное понимание института частной собственности, чем то, какое свойственно римскому и современному праву.

Право собственности связано лишь с греховным состоянием человека, полное освобождение от собственности в рамках земной культуры невозможно, оно было бы осуществимо только в раю, в состоянии первоначальной невинности человека.

Общие идеи о связи экономики и культуры средних веков, причем как в теоретическом, так и в практическом смысле, запечатлелись в составляющей плод вековой коллективной мысли канонической доктрине и в тесно связанном с нею каноническом праве. Над выработкой этого мировоззрения работали богословы, юристы и средневековые экономисты (в числе их особенной известностью пользуется писатель XIII века Николай Оресмий).

Каноническая доктрина содержит квинтэссенцию средневековой мысли по интересующему нас вопросу, но перед переходом к рассмотрению этой проблемы в новой исторической эпохе, мы считаем целесообразным сказать несколько слов о месте экономики и культуры в учениях Франциска Ассизского и Иоакима Флорийского (Флорского).

Средневековая культура носила в себе внутреннее, разъедавшее ее противоречие, трагическое и неустранимое. Оно заключалось в том, что церковь требовала отречения от богатства, от собственности во имя церкви же, но чем в большей степени осуществлялось это отречение, тем значительнее обременялась богатством и собственностью, а потому и неизбежно обмирщались та церковная организация, в пользу которой отрекались, т.е. правящая церковь или папская иерократия, папа и «князь церкви». Чем выше поднималось аскетическое настроение в жизни, тем больше культурных соблазнов обмирщения создавалось для этой власти. Когда на папском престоле сидели такие исключительные люди, как Григорий VII или Иннокентий III, они предназначали это богатство на служение своей идее, на утверждение папской власти, которая и получила в их руках зловещий оттенок. Но когда римский престол занимали люди, не находившиеся на высоте своего положения (что было, конечно, общим правилом), тогда это богатство становилось орудием злоупотребления.

На протяжении всего средневековья мы наблюдаем духовные течения, направленные на борьбу с обмирщением Рима и церкви и стремящиеся восстановить в церковной жизни высшие нормы, которыми считается общность имущества; идеал обыкновенно усматривается в жизни иерусалимской общины, описанной в Деяниях Апостольских.

Внешним толчком к этому движению послужило впечатление от деятельности двух великих героев эпохи, которые не имели решительно никакого отношения к экономическим вопросам, даже всей своей жизнью отрицая их — это Франциск Ассизский и Иоаким Флорийский (Флорский). Франциск Ассизский — величайший святой западной церкви «обручился» с добровольной бедностью, избрав ее своею «невестой», и своею святой жизнью настолько возвысился над обычными условиями человеческого существования, что бедность была им благодатно побеждена, а тем самым достигнута полная свобода от хозяйства, имеющего источник в бедности. Легко понять, насколько настроению «бедняка Христова» чужды были идеалы общей собственности: тому, кто проповедовал словом и делом полную свободу от собственности и даже от всякой хозяйственно-экономической заботы, остается совершенно чуждо стремление сделать эту собственность общим достоянием. Но подобно тому, как хозяйственный строй иерусалимской общины, далекий от всякого коммунизма, с течением времени стал пониматься как пример коммунистического устройства, так и по мере удаления от первоисточника, на историческом расстоянии, и Франциск Ассизский получил значение социально-культурного и даже экономического реформатора, или, по крайней мере, того, кто дал толчок такого рода движению. Это произошло через посредство основанного им полумонашеского ордена — миноритов, или терциариев.

В истории идей Иоаким Флорийский известен как родоначальник мистических учений, связанных с ожиданием нового откровения, «третьего завета». Иоаким разделял культурную историю человечества на три эпохи. Сначала было время, когда люди служили только плоти, — от Адама до Христа, следующая эпоха, которая продолжается от Осии и Елисея до самого Иоакима, когда люди служат плоти и духу. В новую же эпоху, со времен св. Бенедикта, люди будут служить только духу. Это третье состояние есть монашество. Если до сих пор монастыри охватывают лишь часть человечества, в этом будущем царстве, царстве духа, монастыри охватят все человечество.

Подобно тому, как свобода от хозяйства и собственности, проповеданная Франциском, превращена была в проповедь свободы в хозяйстве, так и мистические идеи Иоакима о третьем царстве свободы и Духа были переведены на старый язык иудейской апокалиптики. А впоследствии к этому

присоединилось еще и убеждение, что конец культуры и экономики, наступление тысячелетнего царства или земного рая должно быть подготовляемо и ускоряемо путем политической и социальной революции.

И Иоаким, и Франциск, втянутые в водоворот социальной борьбы, прежде всего получили значенные живой критики культурных и экономических реалий господствующего порядка и, особенно, римской курии. Их собственные идеалы и глубочайшие настроения отбрасывались, и усваивались лишь отрицательные выводы, которые можно было сделать для критики существующего положения вещей. Таким образом, снова возрождается мечта о наступлении земного рая, уничтожения порядков земной культуры и экономики (а следовательно, и проблемы их взаимодействия). Эти мессианские идеи, имеющие источником ветхозаветную и новозаветную апокалиптику, будут еще не раз возникать в истории культурологической и экономической мысли.

В XIV—XV веках в Европе главенствует каноническая доктрина, которая остается в рамках прежнего отношения к богатству, т. е. осуждает погоню за ним, если оно служит цели обогащения, как низкое корыстолюбие. Здесь, как и в учении Фомы Аквинского, религиозно окрашенная этика доминирует над юридической и хозяйственной точкой зрения. Но все-таки в ней допускается и даже оправдывается обыденная экономическая деятельность как культурно вполне допустимая; приобретение средств существования посредством ее рассматривается на основании учения о сословиях и состояниях. Согласно этому учению Бог распределил всех людей по известным разрядам и сословиям, из которых каждое ведет присущий ему образ жизни. Можно поэтому оправдать и прибыль, если ее получает определенное купеческое сословие и притом добывается ее в стремлении к приобретению средств существования.

Миряне по существу делятся на дворян и рабочих. Но и купец, получающий содержание от прибыли, может быть причислен к категории лиц, трудом своим добывающих себе хлеб.

Земля считалась последним источником всякого богатства. Но чтобы добыть из нее все, что она может дать, нужен человеческий труд. Поэтому учение о труде и здесь получает центральное место. Все богатство образовалось благодаря приложению труда к материалу, доставляемому природой. Приобретение богатства данным лицом оправдывается только в той мере и в том случае, если можно доказать, что в достижении этого результата участвовал его труд.

Таким способом каноническая культурная доктрина искусно лавировала между прямолинейным хозяйственным аскетизмом и беспринципным мамонизмом, по возможности идя навстречу задачам экономической жизни с ее потребностями, но не затрагивая установившегося мировоззрения.

Это особенно очевидно в учении о капитале и росте. В основе допущения роста на капитал канонической доктриной лежит фикция, заключающаяся в том, что сам капитал отдается будто бы безвозмездно, а если с него и платится известный процент, то он получается в возмещение того ущерба, который капиталист терпит в результате отчуждения своего капитала. Без этой фикции получение роста на капитал было бы затруднено. Разновидностью той же самой фикции было превращение процента в плату за риск.

Для того чтобы изменились воззрения на взаимоотношения экономики и культуры, было необходимо изменение религиозной составляющей культуры, что и произойдет в последующую за средневековье эпоху.

Литература

1. Библия. — М.: Духовное просвещение, 1990. — Т. 2. — 495 с.
2. Гарнак А. Сущность христианства. — М., 1907. — 247 с.
3. Учения 12 апостолов. — Брюссель, 1988. — 164 с.
4. У. Дж. Эшли. Экономическая история Англии в связи с теорией. — М., 1912. — 478 с.

СОВРЕМЕННАЯ ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ И МИСТИЧЕСКИЙ ОПЫТ ИСИХАЗМА

Большинство философов, осмысляя ситуацию, сложившуюся в современной гносеологии, оценивают ее как кризисную. Когда же они пытаются прояснить причины этого, в первую очередь указывают на то, что «общая теория познания на самом деле не возникла как общая и не была учением о познании вообще... Как показали исследования по истории науки и философии, прежде начало формироваться учение о принципах, методах, способах научного познания, которые затем были распространены на познание в целом» [3, с. 14].

Другими словами, в традиционной гносеологии восторжествовала модель, полностью ориентированная на научный способ познания как высший в ценностном отношении. Это значит, что наука рассматривалась в качестве основной или, по крайней мере, эталонной формы познания: господствовавшие в теории познания классические идеалы научности, взятые из естествознания, требовали научно-образного объяснения на основе принципов причинности, объективности всех познавательных процессов и явлений; все же иные методы познания — творчество, переживание, понимание, воображение, интуиция, вера — отрицались.

Следствием этого явилось то, что за пределами общей теории познания осталась огромная область внерационального, вненаучного, «инонаучного» (по выражению С. Аверинцева). Многие феномены познавательной деятельности, которые должны были бы быть предметом изучения гносеологии, выпали из ее поля зрения, так как не отвечали закономерностям научного познания и не соответствовали критериям объективности естественнонаучного знания, на которых базировалась традиционная теория познания.

Развитие современной теории познания направлено на преодоление подобной неполноты, односторонности и ограниченности: в поле ее рассмотрения включаются многообразные формы познания и знания. Так как особые системы и виды знания исследуют обыденное, религиозное и мифологическое знание, большое место занимает осмысление искусства. Современная гносеология пытается вернуть «познавательному опыту человека утраченную полноту», признавая за собой «право (и обязанность) заниматься исследованием различных видов знания, каждому из которых могут быть свойственны свои критерии строгости, адекватности и обоснованности» [1, с. 7].

Исходя из сказанного, а также учитывая то обстоятельство, что после семидесятилетнего забвения в нашей стране возрождается религия, становится понятно пробуждение интереса в отечествен-

ной философской литературе к мистическому опыту, к различным религиозным духовным практикам. Ряд ученых (С. Хоружий, В. Розин и другие) пытаются прояснить природу, выявить философско-гносеологические основания мистического постижения мира, проанализировать различные мистические традиции.

Как известно, русская философия всегда большое внимание уделяла осмыслению Православия. Многие философы вообще считали, что, говоря словами И. Киреевского, «выработка православного самобытного мышления — на основе православного опыта — составляет долг и жребий русской философии». Сейчас эту традиционную для русской философии стратегию пытается реализовать С. Хоружий. Несколько его работ посвящены рассмотрению мистической традиции Православия, ядром которой является исихастская практика внутреннего делания. Благодаря его усилиям богатый мистический опыт исихастов переводится в современный философский дискурс.

Вообще мистика — в традиционном смысле этого слова — понимается как опыт внутреннего откровения человека, в котором он обнаруживает свою связь с чем-то, что не есть он сам и что намного превосходит его — с Богом, с Бытием или Абсолютной реальностью, или говоря словами Вл. Соловьева, «непосредственное отношение нашего духа к трансцендентному миру» [5, с. 152]. Переживаться же и содержательно интерпретироваться этот опыт выхода в какие-то иные сферы может по-разному.

По мнению С. Хоружего, православный дискурс определяется тем, что он носит личностный и диалогический характер. Отсюда определение исихазма как мистики обожения, которая отличается как от мистики медитации, так и от мистики Присутствия или мистики спиритуалистического экстаза. Это есть — «христическая и личностная мистика трансцендентного и трансцендирующего Общения: актуального превосходения смертного естества человека в энергийном соединении со Христом» [4, с. 47].

Рамки этой статьи не позволяют рассмотреть эту традицию со всех сторон, поэтому остановимся только на том, что непосредственно относится к теме нашей публикации, а именно на когнитивном измерении традиции.

В первую очередь обратим внимание на экзистенциальный характер такого проникновения в глубину мира: видение, которое приобретает человек о сущности мира и о себе является результатом личной встречи человека с Богом. Причем важно отметить, что не столько экстаз (т. е. выход в запредель-

ные сферы), а постоянное ощущение присутствия в сердце Бога является определяющим, что достигается благодаря молитве — уникальному общению человека с Богом. Являясь сердцевиной исихастского мистического опыта, молитва составляет необходимую «экзистенциальную предпосылку» истинного познания, а на своих высших ступенях она, по словам архим. Киприана (Керна), «есть и некий метод богопознания, приближения к Источнику Света, к самому Богу» [4, с. 65].

Но в то же самое время, это и онтологическое познание (в наиболее строгом смысле этого слова), где «познание» — означает не отвлеченное интеллектуальное усвоение, рассудочное понимание, а входение в божественное бытие, причастие бытию.

Учение и практика «умного делания» в значительной степени посвящены разработке конкретных путей духовного сближения человека с Богом и их богословскому обоснованию. Этот процесс восхождения человека к Богу традиционно мыслится состоящим из трех этапов.

1. Путь человека к Богу начинается с его сознательного освобождения от страстей, от привязанностей к предметам и явлениям внешнего мира.

2. На втором этапе человек стремится к сосредоточению и «очищению» ума, освобождению его от какого-либо конкретного содержания (и в первую очередь, от помыслов о своей собственной личности). На этом этапе исихасты прекращают всякую сопоставительную, перечислительную и разную другую познавательную работу душевных сил, всякое чувственное восприятие, занимаясь единственно тем, что вводят ум внутрь себя и пытаются удерживать его там.

3. И, наконец, в конце этого пути человеческий разум, достигший с Богом высших ступеней и сделавший свой ум неблуждающим и несмешанным, превосходит самого себя и достигает другого, единственно истинного Разума, то есть Бога. Причем важно отметить, что достижение высшей точки процесса богообщения предполагает не лицемерие и прославление Бога, остающегося внешним по отношению к человеку, а является предпосылкой и условием для онтологического преобразования самого человека, его обожения.

Если не вникать в богословские аспекты этой мистической практики, а остановиться лишь на философском осмыслении этого явления, то можно выделить следующее.

Ключевым принципом Богопознания, или познания сущности мира через общение с Богом, согласно исихазму является апофатический отрицательный метод, суть которого состоит в признании непознаваемой основы всех явлений в мире, которая и составляет их истинную, неопределимую сущность (подчеркнем, что согласно патристике не только Сущность Божественная, но и сущности тварные не могут быть выражены понятиями). По

мнению крупнейшего богослова 20 века В. Лосского: «Апофатизм — это прежде всего расположенность ума, отказывающегося от составления понятий о Боге; при такой установке решительно исключается всякое абстрактное и чисто рационалистическое богословствование» [2, с. 119].

Это означает, что признаком верного умонастроения, соответного истине, является понимание того, что мы не должны приспособлять истины Откровения к своему модусу восприятия, а наоборот, должны понуждать себя к глубокому изменению ума, к внутреннему его преобразованию. Но если мы будем пытаться изменить только ум, сведем познание только к интеллектуальной процедуре, искомого нам не достигнуть. Согласно исихастскому представлению о природе и назначении человека истинное богопознание предполагает изменение всего человека. Причем речь здесь идет не просто о нравственном совершенствовании, а об аскетическом очищении.

Мы уже говорили о том, что глубинное познание мыслится в исихазме как связь двух личностей — Божественной и человеческой. Богу предстоит не только ум, душа, а человек в его целостности и, таким образом, познание есть целостный акт человеческой личности. Однако, как показывает опыт, единство и целостность сами по себе отнюдь не обеспечены человеку. В своем эмпирическом бытии человек обыкновенно далек от подлинного состояния. Когда он погружается в это бытие, не сопротивляясь его стихиям, именно цельность и утрачивается им прежде всего: его разум блуждает, отвлекаясь всевозможными помыслами, душа колеблется противоречивыми страстями, тело предается извращениям и излишествам. И человеку, вставшему на путь благодатного познания, в первую очередь, необходимо выйти из этого хаоса, из внутренней разрозненности и разбросанности, нужно собрать себя из рассеяния, из дурной множественности — в единство.

Это духовная работа рассматривается в аскетике как сведение, сосредоточение всего человека, всех его сил и способностей как бы в одну точку, в некий внутренний центр или фокус. Такая духовная точка сосредоточения всего человека, куда ему следует собирать, сводить все свои способности и силы, все помыслы и желания, в православной аскетике обозначается символом сердца. Этот процесс сопровождается понуждением себя к выполнению евангельских заповедей, побуждающих человека всегда поступать по отношению к ближним с любовью. Понятно, что все это способствует очищению всего человека (ума, души и тела) и его нравственному перерождению. А это, в свою очередь, ведет к тому, что человек становится способен по-новому увидеть мир, или говоря богословским языком, человеку вдруг открывается божественный свет, видение которого венчается онтологическим преображением:

человек становится богочеловеком, т. е. человеком, причастным к Божественной любви.

Итак, подведем итоги. Мистическое познание (в православном дискурсе) есть устойчивое интеллектуально-нравственное состояние, в котором знания о Боге (причем, как правило в апофатическом варианте) сочетаются с аскетической безупречностью: на высшей своей ступени созерцание Божественного света сливается с христианским идеалом любви к Богу и ближним. В контексте этих размышлений становится понятным парадоксальное, особенно с точки зрения современного сознания, утверждение о. Силуана (одного из прославленных святых 20 века), что «главным критерием истинного познания является любовь к врагам», ведь только человек, наделенный даром всеобъемлющей любви видит мир и каждого человека в их бытийной истине.

В заключение следует подчеркнуть, что в полном соответствии со стратегией современной гносеологии учителя «умного делания» не отрицали другие типы познания. Исихасты не отвергали ни философию, ни науку, а лишь выступали против притязания рационалистического гуманизма на ис-

ключительность «естественного» знания, против того, чтобы считать, что у человека нет какого-либо иного способа постижения мира.

Литература

1. Касавин И. Т. Постигая многообразие разума (Вместо введения) // *Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания*. — М.: Политиздат, 1990. — 461 с.
2. Лосский В. Очерк мистического богословия Восточной Церкви // *Мистическое богословие*. — Киев: Изд-во «Путь к истине», 1991. — 392 с.
3. Микешина Л. А., Опенков М. Ю. Новые образы познания и реальности. — М.: РОССПЭН, 1997. — 238 с.
4. Синергия. Проблемы аскетики и мистики Православия / Ред. С. С. Хоружий. — М.: Ди-Дик, 1995. — 368 с.
5. Соловьев В. С. Сочинения / Ред. и сост. А. В. Гулыга, А. Ф. Лосев. — М.: Мысль, 1988. — Т. 2. — 822 с.

ПРАВОСЛАВНАЯ ФИЛОСОФИЯ В. Ф. ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКОГО

Существует представление о том, что религиозно-философской интерпретацией достижений современной науки, интегрированием науки в религию занимаются почти исключительно представители теологии и философии католицизма (неотомизма). Это представление аргументируется ссылками на речь папы Пия XII «Доказательства бытия Бога в свете современной науки» (1951), новую апостольскую конституцию папы Иоанна Павла II (1979) о функционировании католических университетов и факультетов, многочисленные конференции, проведенные под эгидой католической церкви, например, Галилеевские торжества (1983), работы католических теологов и философов-неотомистов и т. д. Но представители православного богословия и православной философии также занимались рассмотрением вопроса о диалоге религии и науки, о чем свидетельствует учение архиепископа Луки, почти не исследованное в отечественной философии.

В. Ф. Войно-Ясенецкий (архиепископ Лука) (1877—1961) защитил докторскую диссертацию по медицине в 1915 г. В советский период (20-е — 40-е годы) 12 лет провел в ссылке и тюрьмах Сибири за принятие священнического сана. Руководил кафедрами медицины Туркестанского, Красноярского и Тамбовского университетов и издал ряд известных в России работ в области хирургии. Вместе с тем он был глубоко верующим человеком, церковным священнослужителем, с 1946 по 1961 гг. — архиепископом Крымским и Симферопольским. Вслед за отцами русской церкви П. Флоренским и С. Булгаковым архиепископ Лука разрабатывал проблемы православной философии.

Работа архиепископа Луки «Дух, душа и тело» посвящена, главным образом, рассмотрению антропологических проблем. Но к пониманию этих проблем он приходит путем освоения онтологических проблем бытия. На характер его онтологических представлений повлияли результаты новейшей революции в естествознании конца XIX — начала XX вв., связанной с открытием явления радиоактивности и сложной структуры атома. Эта революция привела к ломке старых понятий и представлений в области физики и обнаружению несостоятельности механистической научной картины мира.

Известно, что западные физики А. Пуанкаре и Э. Мах заняли при обобщении новых открытий в естествознании позицию релятивизма и идеализма, отстаивая идеи исчезновения материи и конвенционального характера принципов физики. Архиепископ Лука, являвшийся свидетелем более поздних научных открытий, объясненных в современных физических теориях, считал, что из новых от-

крытий физики «нельзя делать выводы об исчезновении материи» [1, с. 8]. Тем не менее он поддерживал концепцию энергетизма, разработанную В. Оствальдом, который считал энергию первоосновой всех явлений, субстанцией и объяснял все внешние явления как процессы между энергиями. Оствальд трактовал энергию неоднозначно, то понимая ее как материальное движение, то выводив естественные явления из энергетической природы человеческого сознания. И в дальнейшем сторонники энергетизма воспроизводили эту неопределенность оствальдского понятия «энергия», истолковывая энергию то материалистически, то идеалистически. Приблизительно в то время, когда архиепископ Лука заканчивал свой философско-религиозный труд (1947), в 1946—1947 гг. завершал работу «Феномен человека» известный богослов, ученый и философ П. Тейяр де Шарден, который, рассуждая об энергии как основе, из которой произошла материя-вещество [2, с. 48—49], и как о «примитивной форме ткани универсума» [2, с. 45], в духе энергетизма Оствальда утверждал, что «всякая энергия имеет психическую природу» [2, с. 61].

В отличие от Тейяра де Шардена Войно-Ясенецкий не отрицает того, что материя существует не только в виде вещества, но и в виде поля, и оба этих вида могут переходить друг в друга: «Другой формой материи надо считать электромагнитное поле. Обе эти формы могут переходить одна в другую... Энергия не может исчезать или создаваться из ничего. Она только может менять свою материальную оболочку, количественно оставаясь той же самой» [1, с. 8]. Эти рассуждения соответствуют представлениям современной физики. Но Войно-Ясенецкий последовательно не придерживается данных взглядов: открытие таких физических явлений, как радиоволны, инфракрасные лучи, катодные лучи, радиоактивность и т. д. истолковывается им как возможность открытия неведомых и «еще более тонких, чем электрическая энергия», форм энергии [1, с. 12], которые он называет «полуматериальными».

Считая, что понятие «полуматериальное» содержит в себе признание существования нематериального, Войно-Ясенецкий, как и Тейяр де Шарден, приходит к выводу о существовании духовной энергии, которую считает «первичной и первородительницей всех физических форм энергии, а через них и самой материи» [1, с. 12]. Но если Тейяр де Шарден стремился отмежеваться в своих представлениях об энергии от ортодоксально-религиозных взглядов и искал третий путь в философии, то Войно-Ясенецкий отождествляет эту духовную энергию с Божественной любовью и из потребностей любви изли-

ваться на кого-нибудь или что-нибудь выводит идею сотворения Богом мира. Доказательством достоверности этой идеи он считает утверждение Библии «Словом Господним небеса утвердишася и духом уст Его вся сила их» [Пс. 32:6].

Таким образом, Войно-Ясенецкий использует физические представления об энергии для обоснования религиозного взгляда на мир, его сотворение Богом. Вместе с тем, креационизм используется им для объяснения существования материального мира: в одном случае божественная энергия любви дает «начало всем другим формам энергии, которые, в свою очередь, породили сперва частицы материи, а потом через них и весь материальный мир» [1, с. 13]; в другом — любовь Божия порождает весь духовный мир: ангелов, человеческий разум, все психические явления. От традиционного креационизма это учение о мире отличается тем, что в нем религиозные выводы делаются на основе ассимиляции и соответствующей интерпретации современных естественнонаучных идей и представлений.

С точки зрения концепции мира, разработанной Войно-Ясенецким, «мертвой природы» не существует, вся она оживотворена Духом Божиим, между неорганической и органической природой нет четких границ, ибо они стираются благодаря основному для природы закону движения [1, с. 55—56]. В доказательство автор ссылается не только на Библию и философское учение Г. Лейбница с присущей тому идеей панпсихизма, но и на установленное естествознанием материальное единство природы. Но это единство истолковывается им с позиций идеализма. «Духовной энергией, — утверждает он, — проникнута вся неорганическая природа, все мироздание. Но только в высших формах развития (творения) эта энергия достигает значение свободного, самосознающего духа» [1, с. 57].

Считая материю аморфной, Войно-Ясенецкий утверждает, что с помощью творческого воздействия духа созидаются все формы мироздания, в том числе и формы неорганической природы. Для построения картины мироздания им используются поэтические, фольклорно-эстетические образы красоты, силы и мощи природы, ее звездных миров, а на Земле — гор, скал, океанов и т. д. и существованию различных сил природы дается телеологическое объяснение. В основе этих рассуждений лежит по сути дела идея Аристотеля о дуализме формы и материи. Не ссылаясь на него, но по сути излагая эту идею, автор заявляет: «Велико и глубоко важно соотношение между духом и формой. В материальных формах ярко отражается дух, присущий материи. И более того, дух творит формы» [1, с. 59].

Кроме движения, изменения вся природа обладает, согласно данной концепции, свойством чувствительности, которая у тел неорганической природы является бессознательной, а у живых существ — сознательной [1, с. 57]. Эти рассужде-

ния автора довольно близки учению Аристотеля о трех видах души, присущей природе и человеку, а также панпсихическим идеям Лейбница о различии семейств монад. В целом мы имеем дело с определенной разновидностью креационистской картины мира, в которой религиозные идеи переплетаются с философско-идеалистическими представлениями и интерпретацией естественнонаучных фактов и законов, касающихся изменений в космосе и на Земле.

Находясь на позициях гилозоизма и панпсихизма во взглядах на природу, автор по сути дела не признает качественных различий между психикой животных и человека. Так, опираясь на работы естествоиспытателей (в частности, на исследования насекомых), он приходит к выводу о том, что не только головной мозг, но и ганглии насекомых, спинной мозг и симпатическая нервная система позвоночных служат органом воли, что свидетельствует, дескать, о преднамеренности и разумности поведения животных. Автор ссылается также на работы известного философа-интуитивиста А. Бергсона и физиолога И. П. Павлова для доказательства того, что «разница между спинным мозгом, рефлекторно реагирующим на получаемые импульсы, и головным мозгом — только в сложности, а не в характере функций» [1, с. 37].

Он исходит из учения Павлова о рефлексах, согласно которому все психические явления по своему физиологическому механизму представляют рефлексы, но этим рассуждениям Войно-Ясенецкого не хватает диалектического подхода. Сама психическая деятельность зависит от уровня структурной организации нервной системы и мозга, в связи с чем существуют качественно различные формы психики у животных разных таксонов. Головной же мозг представляет более высокую форму организации материи, поэтому наиболее развитой является психика тех животных, которые обладают головным мозгом. Стремление Войно-Ясенецкого опереться на положения рефлекторной теории для обоснования идеи разумности животных оказывается несостоятельным, ибо и И. М. Сеченов, и И. П. Павлов отводили именно головному мозгу центральную роль в организации психической деятельности, а Павлов своим учением о первой и второй сигнальных системах доказал качественное различие психики животных и мышления человека. Кроме того, рассуждения Войно-Ясенецкого о душе игнорируют роль общественной практики в возникновении и развитии человеческого мозга и сознания.

На основе данных представлений о мире, где проводится идея единства божественно-духовного мира, природного мира и человека, Войно-Ясенецкий создает свое учение о трехсоставности человека. Он различает тело, душу («совокупность органических и чувственных восприятий, следов воспоминаний, мыслей, чувств и волевых актов») и дух, который

понимается как высшие переживания и высшие ценностные представления человека (дух страха Божия, мудрости, благочестия, вдохновения) [1, с. 74]. Вопрос о детерминационных связях души, духа с телом понимается им противоречиво. С одной стороны, он признает их нераздельную связь и единственность при жизни человека, считая, что они порождаются Духом Божиим [1, с. 75]. Дух со ссылками на Библию рассматривается как высшее достижение человеческой души: «*Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание*» [Гал. 5:22—23]. С другой стороны, ссылаясь на работы Павлова о высшей нервной деятельности, автор признает наличие материального субстрата у души и духа. «Физиологи вполне выяснили, — считает он, — зависимость психических актов и состояний от нормальных или патологических функций нервной системы вообще, и, прежде всего, головного мозга, а следовательно, и от функций организма внутренней секреции, всей сложнейшей гормональной системы, оказывающей могущественное влияние на мозг и нервы. Все, что происходит в организме, и самое анатомическое строение его, кладет глубокий отпечаток на психику» [1, с. 91].

В его концепции материальным органом души считается мозг [1, с. 71], а духа (что обосновывается анатомо-физиологическими данными и текстом Священного Писания) — сердце [1, с. 15—44]. Ссылаясь на ту огромную роль в области чувств, которую Библия отводит сердцу (оно обеспечивает полноту чувствований), автор в соответствии с представлениями Библии считает, что сердце обладает высшей способностью чувствовать Бога: «Господа Бога святите в сердцах ваших» [1, Петр. 3:15], а также быть источником воли и добрых намерений: «Мудрость войдет в сердце твое» [Притч. 2:10].

Известно что в истории философии были учения, например Т. Гоббса, в которых считалось, что чувства, эмоции и нравственные аффекты представляют собой движения сердца (давления, направленные от органов чувств к сердцу и распространяющиеся от него по всему телу). Но в отличие от Гоббса, который обосновывает эту идею с позиций механистического материализма, Войно-Ясенецкий дает религиозное обоснование идее о сердце как органе высшего познания. Различие между душой и духом он связывает с тем, что душа заключается в теле человека, а дух «есть сумма нашей души и части ее, находящейся вне границ нашего сознания» [1, с. 141], вне границ тела. Душой человек принадлежит природе, духом — миру умопостигаемому, трансцендентному. Со смертью тела прекращается и жизнь души, а дух остается бессмертным.

Исходя из теории рефлексов, разработанной Павловым, которая характеризовала физиологическую деятельность человеческого мозга в форме простых реакций, Войно-Ясенецкий заявляет, что он далеко не полностью согласен с логикой материали-

стической концепции детерминации психики, ибо она не объясняет свободы выбора в поведении человека. Очевидно, он не был знаком с основными положениями теории функциональной системы, впервые сформулированной физиологом П. К. Анохиным в 1935 году, в которой тот доказывал существование аппарата акцептора действия, предвосхищавшего результаты действия. Тем самым Анохин дал физиологическое объяснение целенаправленной деятельности высшей нервной системы животных и человека.

Признавая взаимодействие соматических и психических процессов, Войно-Ясенецкий главное внимание обращает на детерминационное воздействие психики на организм человека, доказательством чего он считает эффективность психотерапии при лечении болезней. Но при этом им игнорируются общеизвестные медицинские свидетельства о том, что психотерапия не является исцеляющим фактором при лечении органических поражений тела человека.

В прямом смысле не отрицая взаимодействия материального и духовного в человеке, Войно-Ясенецкий вместе с тем приписывает человеческому духу сверхъестественные способности: «Дух не только творит формы материальных тел, направляя и определяя процесс роста, но может сам принимать эти формы — материализовываться» [1, с. 94]. Многие доказательства в пользу данного утверждения он черпает из книги Ж. Рише «Трактат метафизики». Так, он ссылается на примеры физического исцеления людей, происходящего под воздействием их религиозной веры (так называемые чудеса в Лурде), эксперименты медиума Хоума, «призывы живых умершими, являющимися в виде призраков только тем, кого они призывают к себе», явления экстериоризации человеческого духа, описываемые в житиях святых и наблюдаемые в гипнотическом сне [1, 102—105]. Наконец, он приводит примеры из Библии о вызове духа пророка Самуила [1, Цар. 28:13—15], о запрете Моисея вызывать мертвых [Лев. 19:31; 20:6; Втор. 18:10—11], о явлении Иисусу Христу пророков Или и Моисея при его преображении на горе Фаворе или явлении ангела Гedeону и его жене [Суд. 6:19—21; 13:20]. Войно-Ясенецкий интерпретирует все эти примеры как «действие духа, временно или окончательно отделившегося от тела», которые недоступны научному изучению.

В результате он формулирует идею о наличии у человека трансцендентальных духовных способностей, проявляющихся, по его мнению, в спиритических сеансах медиумов, узнавании святыми людей, которых они раньше не видели, способностях сенситивных людей различать электрические свойства тел, фактах творчества во сне (Вольтер, Лафонтен, Кольридж и др.), существовании вещей снов, мгновенном воспроизведении в сознании умирающих всей их жизни и т. д.

Факты материализации психических и духовных способностей людей современная наука не подтверждает. Большинство приводимых Войно-Ясенецким примеров относится к таким формам вненаучного знания как псевдонаучное (рассказ о событиях) и паранаучное, которое «включает в себя учения или размышления о феноменах, объяснение которых не является убедительным с точки зрения критериев научности» [3, с. 74]. Последнее дифференцируется на экстрасенсорное восприятие, включающее телепатию и ясновидение, а также психокинез, к которому относятся также мистика и спиритизм. Считается, что парапсихические исследования и эксперименты нельзя предсказать, прогнозировать, воспроизводить повторно и тем самым они противоречат научному подходу [3, с. 77]. Вместе с тем ученые не отрицают важности этого знания, ибо в нем может содержаться научная проблема или случайно оно может обнаружить истину, вследствие чего они стремятся вступать с представителями вненаучного знания в полемику и диалог.

Но тиражирование вненаучного знания в СМИ, книжных популярных изданиях является делом небезопасным. В социологических исследованиях было обнаружено, что «если в 1989 г. из 100 опрошенных... старшеклассников положительное отношение к астрологии, телепатии и другим подобным явлениям высказали лишь 10 человек, то в 1999 г. их число увеличилось в 5 раз» [4, с. 831]. Тем самым снижается интерес и положительное отношение к научному знанию.

По вопросу о бессмертии человека Войно-Ясенецкий также пытается соединить религиозные представления и естественнонаучные данные. Так, он признает бессмертие духа благодаря его укорененности в вечном трансцендентном мире и тела благодаря связи духа с телом при жизни, которая не утрачивается

и при смерти человека. Последние рассуждения соотносимы с идеей воскрешения предков, разработанной в религиозно-технократической концепции Н. Федорова. Войно-Ясенецкий ищет объяснение бессмертия духа и тела человека, с одной стороны, в признаваемой философским материализмом вечности материи: «Ничто не исчезает, а только видоизменяется» [1, с. 144], с другой стороны, — в разъяснениях апостолами Петром и Иоанном Богословом тайны воскресения человеческих тел.

Таким образом, по важнейшим проблемам философии — мироздание, сущность человека, соотношение духа, души и тела, смерть и бессмертие — он стремится сочетать религиозные и естественнонаучные взгляды, утверждая тем самым идею возможности соединения религии, философии и науки. Известно, что в русской философии был пример такой философии всеединства, разработанной Вл. Соловьевым, в которой речь шла о «цельном знании» как синтезе философии, теологии и науки. Учение архиепископа Луки о мире и человеке представляет новый, более современный вариант такого «цельного знания».

Литература

1. Святитель Лука (Войно-Ясенецкий). Дух, душа и тело. — Киев, 2002. — 320 с.
2. Тейяр П. Де Шарден. Феномен человека. — М., 1987. — 230 с.
3. Лешкевич Т. Г. Философия науки: традиции и новации: Учебное пособие для вузов. — М., 2001. — 272 с.
4. Щербачев Р. Н. Как уберечь молодежь от псевдонаучных представлений // Вестник РАН. — 2000. — № 9. — Т. 70. — С. 830—842.

РЕФЛЕКСИВНЫЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОЙ МЕТОДОЛОГИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

В области многочисленных теоретических изысканий, претендующих на руководящую роль в процессах подготовки и принятия управленческих решений, на сегодняшний день сложилась непростая ситуация. Её рефлексивный анализ естественно начать с исторической точки зрения. Пониманию большого разнообразия этих исследований способствует их методологическое осмысление в контексте двух основных тенденций развития управленческой мысли XX—XXI века — рационалистической и гуманистической.

Действительно, несмотря на свою претензию в разрешении противоречий между управленческим рационализмом и управленческим гуманизмом, теория подготовки и принятия решений оказалась также внутренне противоречивой. Поляризация здесь произошла по принципу разделения методов количественного или формального и качественного или неформального анализа. Методы количественного анализа были представлены математикой. Среди методов качественного анализа особое значение обрели методы социальных и гуманитарных наук. Вначале доминировал математический подход. Затем положение выправилось.

Между этими прямо противоположными подходами возникло множество промежуточных, сочетающих в той или иной мере формальные и неформальные методы. Посредством всех этих подходов единый предмет исследования был расчленен по аспектам, а представления о нем разнообразились. Если взглянуть на такое положение дел с актуальной позиции (горизонтальный срез ситуации), то аспекты процесса подготовки и принятия решений представляются целым рядом альтернатив.

В литературе такой взгляд имеется. Я. Р. Рейльян, например, выделяет следующие модели процесса принятия решений:

- дескриптивные и нормативные модели;
- индуктивные и дедуктивные модели;
- проблемно-ориентированные модели и модели решения;
- одноцелевые и многоцелевые модели;
- однопериодные и многопериодные модели;
- детерминированные и стохастические модели [1, с. 51].

Особое значение в этом ряду имеют различия между нормативными и дескриптивными моделями. Нормативные модели — это, как правило, математические формализмы, указывающие «как должно быть», а дескриптивные являются качественными описаниями реальной человеческой деятельности. Применение их также различно. «Норматив-

ные модели применяются для управления процессом принятия решений, для формирования его существенных элементов и изменения его развития». Дескриптивные модели применяются для описания свойств и параметров процесса принятия решений (поведения руководителей) в целях прогнозирования его хода в будущем. Это означает, что процесс рассматривается относительно пассивно как один из неуправляемых параметров внешней среды. В основном подобные модели составляются не для практических целей, а для научного познания управленческих процессов. Правда, на этой основе можно разработать руководителям некоторые «правила практического поведения» [1]. Можно отметить также, что в отличие от дескриптивных, нормативные модели применяются в основном в управлении техническими объектами [2, с. 12].

Суть сказанного здесь, очевидно, в следующем. Нормативный подход в управлении выражает активное, деятельностное отношение субъекта к объекту. А нормативная модель процесса подготовки и принятия решений, даже представленная математическим формализмом, оказывается формой ценностного отражения действительности [3, с. 243—873]. Противоположный подход, который по аналогии о западной «Экономикс» следует назвать не дескриптивным (поскольку он не только описывает, но и объясняет, и прогнозирует явления), а позитивным, как видно, выражает познавательное отношение субъекта к объекту управления. Его модели ничем не отличаются от форм познавательной деятельности.

Примечательное обстоятельство: математика, традиционно являясь средством естественно-научного, объективного познания, основой рационализма в науке в своих приложениях обнаруживает, так сказать, иррациональный характер: задает образцы, эталоны, стандарты¹. Однако возможности количественных оценок применительно к деятельности субъекта, принимающего решения, особенно к умственной, существенно ограничены. Об этом свидетельствует, например, концепция «понимающей социологии» М. Вебера [4, с. 495—643]. С другой стороны, например, экономика, исследующая формы экономической ценности (стоимости), принципы и методы которой действительно играют важную роль в процессах подготовки и принятия многих управленческих решений, в своем прикладном аспекте использует позитивный подход [5, с. 23—24]. О чем говорит все это? Вероятно, о диалектике противоположных подходов.

¹ Речь идет о математических моделях, математических программах и т. п.

Возвращаясь вновь к исторической точке зрения, нужно обратить внимание на тот факт, что, наряду с тенденцией к специализации, в современной науке важнейшее значение имеет и противоположная ей тенденция к интеграции. Эта тенденция коснулась и прикладных исследований, в том числе и в области управленческой деятельности. Такой поворот событий внес ряд дополнительных точек зрения на процесс подготовки и принятия решений. Рассматривая этот вопрос, авторы учебника «Системный анализ в экономике и организации производства» представляют такую упорядоченность научных дисциплин [6]:

- философско-методологические дисциплины;
- теория систем;
- системный подход;
- системология;
- системный анализ;
- системотехника;
- кибернетика;
- исследование операций;
- специальные дисциплины.

Здесь также учитывается распределение формальных и неформальных, содержательных методов. Приближаясь к философской методологии, научные исследования все больше используют методы качественного анализа. И наоборот, специализируясь, они получают возможность все больше использовать различные формализации и количественные методы. Центральное место в этом ряду занимает системный анализ, который в равной мере использует и формальные, и неформальные методы. К процессу подготовки и принятия управленческих решений он имеет самое непосредственное отношение, причем стремится представить его во всей своей целостности [6, с. 14—72]. В исследовании процессов подготовки и принятия решений, как и в самих этих процессах — что не одно и то же — значение системного анализа бесспорно. Поэтому на его достижениях следует остановиться подробнее.

Использование системного анализа в управлении — как правило, для решения сложных задач — предопределяется выявлением его собственной методологии. При этом наблюдаются попытки выделить из реальной управленческой деятельности единый универсальный механизм подготовки и принятия решений (схему, алгоритм, методику, систему управленческих действий и т. п.), который бы выполнял роль нормативной модели в реальных процессах выработки и принятия решений [7, с. 17; 8, с. 17]. И тут возникает разнообразие мнений среди ученых. Указанный учебник по системному анализу содержит таблицу ряда первых методик системного анализа: по Оптнеру (в интерпретации С. П. Никанорова), Э. Квейду, С. Янгу, Е. П. Голубкову, Ю. И. Черняку.

Ранние представления методологии системного анализа нередко включали в себя не только основ-

ные этапы процесса подготовки и принятия решений, но и его подэтапы, и более конкретные ступени и фазы. У Ю. И. Черняка, например, их насчитывается в общей сложности — 71 [8, с. 46—48]. Ясно, что использовать такой труднообозримый механизм затруднительно. Ближе к современности появилась тенденция к его упрощению. Авторы указанного учебника, в частности, выделяют лишь два его основных этапа: 1) формирование первоначального варианта (вариантов) модели принятия решения; 2) оценку, анализ первоначального варианта (вариантов) модели и выбор наилучшего варианта или корректировку первоначального (если он был единственным). Дальнейшее разделение на подэтапы, по их мнению, зависит от задачи и от выбранных методов реализации этапов [6, с. 131]. Вместе с тем, в ряде более поздних работ развивались идеи о различных комбинациях этапов и подэтапов процесса подготовки и принятия решений, об их параллельности, о значении и роли в них различных обратных связей и т. д.

Рассмотрение существующих представлений о процессе подготовки и принятия решений, основанных на системном анализе, показывает, что в одних работах больше внимания уделяется определению и структуризации целей, в других — разработке и исследованию альтернатив принятия решений, в третьих — процессу реализации уже принятого решения. В целях практических также «часто весь процесс принятия решения и отдельно разрабатывают методику анализа целей, методику формирования и исследования альтернативных путей достижения целей, методику реализации принятых управленческих (или проектных) решений» [6].

Таким образом, проблема целеобразования является первичной в управлении. Однако, как заметил Л. А. Растринин, она фактически никем не анализируется [9, с. 52]. Определение и структуризация целей в работах по системному анализу, да и в других работах по управлению имеют скорее формальный, чем содержательный характер. Рассмотрение этой проблемы психологами, кстати, также не на должном уровне, осуществляется без связи с процессом подготовки и принятия управленческих решений. Это обстоятельство дало в свое время Ю. Адлеру повод заявить: «Проблема целеполагания превратилась едва ли не в центральную проблему всей современной науки. Пока она еще весьма далека от разрешения» [10, с. 6]. Добавить к высказыванию Ю. Адлера и сейчас пока, к сожалению, нечего.

Проблема формирования и исследования альтернативных путей достижения целей, вне связи с процессом целеполагания, изучена значительно лучше. Это не случайно, поскольку она оказалась центральной в работах по системному анализу. Однако и здесь нет ясного содержательного представления о целостном механизме формирования

путей или способов достижения целей. Здесь также нет ясного представления о месте и роли самого системного анализа (как одного из этапов) в процессе подготовки и принятия управленческих решений; нет представления и о единстве его основных составляющих (структурного анализа, функционального анализа и генетического анализа) на данном этапе.

Процесс принятия управленческих решений нельзя отождествлять, что делается во многих случаях, с процессом решения поставленных проблем. В него нельзя включать и реализацию, выполнение принятого решения [1, с. 13—15]. Что тоже до сих пор встречается. Он не является «чисто» рациональным процессом, каким представляют его, невзирая на критику, большинство авторов [11, с. 10—19]. Как видно, этот процесс особый, относительно самостоятельный и относительно слабо изученный. Ввиду особой значимости этого процесса для всей управленческой деятельности проблемы его исследования являются чрезвычайно важными.

Сталкиваясь при исследовании процесса подготовки и принятия управленческих решений с целым рядом серьезных проблем, некоторые авторы системного анализа отказываются от самой возможности выделения его единого универсального механизма, «Считая пустой схоластикой попытки разработки универсального построения процесса принятия решений, подходящего для всех управленческих задач и во всех случаях, Я. Р. Рейльян, например, обобщает опыт других исследователей с точки зрения своей цели исследования, соединения анализа хозяйственной деятельности с теорией принятия решений» [1, с. 21]. Но он, очевидно, не учитывает, что и сама цель его исследования, и ее постановка вполне «вписываются» в действие отрицаемого им универсального механизма. Как и многие другие исследователи этого процесса, он, по-видимому, «забывает» и то, что открытие универсальных, всеобщих закономерностей любого движения, в том числе и любой человеческой активности, возможно лишь на уровне философской рефлексии. Ограниченность методологии системного анализа, впрочем как и ограниченность иных подходов к данной проблеме, преодолевается на этом пути.

Рациональный элемент высказывание Я. Р. Рейльяна, однако, содержит. Рецептов на все случаи жизни действительно нет. Использование тех или иных методов определяет конкретная ситуация. В этой связи на процесс подготовки и принятия решений — как на предмет исследования — нужно также взглянуть с позиции так называемого в управлении ситуационного подхода.

Сущность и значение ситуационного подхода для процесса подготовки и принятия управленческих решений во многом еще не осмыслены в литературе. Еще многие авторы иллюстрируют его действие анализом конкретных — типичных или уни-

кальных — управленческих ситуаций [12, с. 188; 13, с. 224; 14, с. 236]. Годный в иных, дидактических целях такой методический прием в данном случае не срабатывает, не позволяет отразить существо дела. Он эмпиричен и противоречив: анализ типичных, стандартных ситуаций превращает его в оторванную от реальности абстрактную схему; анализ единичных, неповторимых ситуаций дает мало пользы, поскольку в действительности их бесконечное разнообразие.

Суммируя определенные теоретические достижения в методологии ситуационного подхода и оценивая его значение, М. Х. Мескон, М. Альберт и Ф. Хедоури, в частности, пишут: «Ситуационный подход внес большой вклад в теорию управления, используя возможности прямого приложения науки к конкретным ситуациям и условиям. Центральным моментом ситуационного подхода является ситуация, т. е. конкретный набор обстоятельств, которые сильно влияют на организацию в данное конкретное время. Из-за того, что в центре внимания оказывается ситуация, ситуационный подход подчеркивает значимость «ситуационного мышления». Используя этот подход, руководители могут лучше понять, какие приемы будут в большей степени способствовать достижению целей организации в конкретной ситуации». И далее: «С точки зрения ситуации, «лучшего способа» управления не существует» [15, с. 81, 85].

Однако методологии ситуационного подхода присущи свои недостатки. Первый недостаток заключается в том, что учет изменений конкретной ситуации и адаптация к ней характеризуют ее (ситуацию) только как объект познавательной деятельности. Причем сам субъект управления здесь оказывается как бы вне этой ситуации. Второй недостаток вытекает из первого. Его суть состоит в том, что абсолютная обусловленность управленческих действий субъекта объективными факторами фактически сводит на нет его управленческую активность. Получается, что не он сам управляет ситуацией, а данная ситуация управляет им. Из второго следует третий, наиболее важный, недостаток. Отрицание «лучшего способа» управления, таким образом, очевидно, включает и отрицание универсальной философской методологии, действующей в любой ситуации, и возможность обнаружения единого универсального механизма подготовки и принятия управленческих решений. Отмеченные недостатки осознаются и в принципе преодолеваются на философском уровне.

В свете определенных достижений современной философской науки ситуационный подход в управлении обретает качественно иное значение. Любая конкретная ситуация оказывается всегда «человеческой ситуацией». Субъект управления и теоретически, и практически всегда находится «внутри» самой ситуации и действует соответствующим об-

разом. Именно поэтому он получает возможность учитывать и использовать в каждом конкретном случае результаты своих собственных действий. В таком понимании, очевидно, ситуационный подход включает в себя и свою собственную противоположность — деятельностный подход².

Деятельностный подход в управлении имеет принципиальное значение, как минимум, в двух отношениях. Во-первых, благодаря ему субъект управления получает возможность осознать в полной мере всеобщие диалектические закономерности самоуправления, т. е. механизм подготовки и принятия управленческих решений. Во-вторых, осознать факт взаимной зависимости самоуправления и внешней управленческой деятельности. Последнее означает, что управление ситуацией существенно обусловлено самоуправлением субъекта. И наоборот, самоуправление обусловлено требованиями управленческих ситуаций.

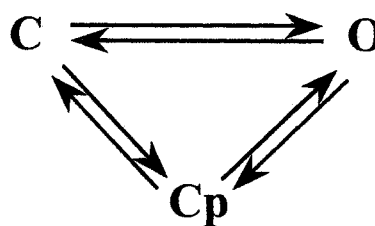
Современные управленческие ситуации предъявляют многочисленные и разнообразные требования к результатам процесса подготовки и принятия решений, т. е. к управленческим решениям. Среди них называются следующие: научная обоснованность, целенаправленность, правомерность, оптимальность, комплексность, своевременность, стимулирующее свойство, гибкость, конкретность содержания, определенность формы, непротиворечивость, адресность и другие [16, с. 23—28; 2, с. 10—12]. Их число продолжает непрерывно расти. Причем, чем важнее представляется решение, тем больше к нему предъявляется требований. Становится ясно, что удовлетворение всех этих требований возможно единственным способом — путем самоуправления в каждой конкретной ситуации, т. е., в конечном счете, путем управления самим процессом подготовки и принятия решений. Однако управление процессом подготовки и принятия решений, как явствует из сказанного, оказывается, в свою очередь, возможным только и лишь на основе методологии философской рефлексии.

Процесс подготовки и принятия решений всегда был и находится в центре внимания философии. Достаточно вспомнить многочисленные традиционные исследования в ней таких проблем, как проблема свободы, свободы воли, свободы и необходимости и т. д. Однако методологический аспект этого процесса, связанный с выделением и использованием его универсального механизма исследован в ней не на должном уровне. Методология подготовки и принятия решений в «проблематических ситуациях», разработанная прагматизмом, явилась базой системного анализа и системотехники. Она нашла в них свою конкретизацию и развитие. Но, не-

смотря на определенные достижения в управленческой деятельности, и системный анализ, и системотехника сегодня не способны удовлетворять ее многочисленным требованиям³. Более того, они сами сейчас нуждаются в серьезном методологическом обосновании.

Философская рефлексия, обобщая разнообразные методологические идеи современных исследований управленческих решений, естественно ориентирует на поиск их фундаментального основания. Движение в этом направлении автору представляется следующим образом.

Соответственно ситуационному подходу, исходные предпосылки универсального механизма подготовки и принятия решений должны обнаруживаться в любых конкретных управленческих ситуациях. Логика системного анализа подсказывает, что первым шагом на этом пути должно быть создание их абстрактной модели. Учитывая диалектику непосредственного и опосредствованного, предполагающую наличие непосредственной взаимосвязи субъекта с объектом даже в случае их опосредствования, абстрактную модель любой обычной управленческой ситуации можно представить так:

здесь С — субъект деятельности, включающий все субъективные (субъектные) факторы и их характеристики; О — объект, включающий все объективные (объектные) факторы и их характеристики; Sp — средство, включающее в себя все опосредствующие факторы и их характеристики; стрелками указаны взаимосвязи.

Процесс опосредствования субъекта и объекта, т. е. процесс разрешения диалектических противоречий между ними, предполагает наличие и последовательное выделение в исходной абстрактной модели ситуации как минимум трех позиций: 1) позиции объекта, 2) позиции средства и 3) позиции субъекта. Исходное диалектическое противоречие с этих позиций «рассекается» по аспектам. Соответственно, выделяются три основных типа особых, управленческих проблем. Наличие именно этих проблем в ситуации определяет ее как управленческую, как управленческую в узком, конкретном смысле.

В процессе опосредствования субъекта и объекта первичной является позиция объекта.

² По-видимому, не случайно, некоторые авторы отождествляют эти подходы. См. об этом: Фальмер Р. М. Энциклопедия современного управления. В 5 т. — М.: Экономика. 1992. — Т. 1. — С. 73.

³ Относительно недостатков системного анализа уже сказано. О недостатках системотехники см.: Шубас М. Л. Системотехника, прагматизм, системотехнический инструментализм // Вестник МГУ. — 1962. — №1. — С. 23—33.

С этой позиции в диалектическом противоречии между ними выделяется противоречие между субъектом и средствами, точнее между бесконечностью, или неограниченностью потребностей субъекта, и ограниченностью его ресурсов, между тем, что субъекту нужно, и тем, что ему объективно возможно. Этот аспект исходного диалектического противоречия представляется как проблема выбора [17, с. 29—41].

Проблема выбора, естественно, имеет многообразные конкретные формы.

С точки зрения центральной позиции, т.е. с позиции средств разрешения, противоречие между субъектом и объектом проявляется, так сказать, в своей классической форме. Противоречия между сущим и должным, реальным и идеальным, внешним и внутренним и т. д. конкретизируют данный аспект исходного противоречия и порождают проблему их связи, единства⁴.

Завершающей в процессе опосредствования субъекта и объекта является позиция субъекта. С этой точки зрения, исходное диалектическое противоречие раскрывается в аспекте многочисленных противоречий между средствами и объектом или объективными условиями деятельности. Здесь речь всегда идет о неопределенности результата. Следовательно, возникает иная проблема — проблема обратной связи.

Проблемы выбора, проблемы связи и проблемы обратной связи нередко формулируются в форме соответствующих вопросов: Что делать? Как? Для чего? (или для кого? зачем? ради чего?).

По значению **управляемого фактора**, с точки зрения выделенных позиций, определяются и основные подходы, или способы разрешения основных управленческих проблем. С точки зрения объекта, управляемым фактором является уровень удовлетворения нужд, потребностей и интересов субъекта. Этот подход соответственно называется **нормативным**. С точки зрения средств, речь идет о решении проблемы связи, единства на основе открытых законов, закономерностей. Управляемые факторы здесь имеют объективный характер. Этот подход называется **позитивным**. С точки зрения самого субъекта, управляемым фактором оказывается его орудие, средство его деятельности или способ действия. Соответственно этот подход называется **операциональным**. Никакого иного значения указанные подходы здесь не имеют и не могут иметь.

Процессы решения управленческих проблем и формы их разрешения (т.е. их результаты) также качественно различаются. Процесс разрешения проблемы выбора на основе нормативного подхода в своей сущности представляет собой процесс целеполагания. Процесс разрешения проблемы связи,

⁴Этот тип проблем абсолютизирован в отечественной литературе, что также нередко оставляет без внимания иные их типы.

единства на основе позитивного подхода — суть научного познания. А процесс разрешения проблемы обратной связи, в основе которого лежит операциональный подход, реализуется в принятии решений. В первом случае ставится цель, во втором определяется способ ее достижения, в третьем случае формируется определенная установка на результат. Таким образом, три выделенных подхода образуют единый рефлексивный механизм управленческих решений.

Переход от решения одного типа управленческих проблем к решению другого типа управленческих проблем осуществляется под непосредственным контролем философской рефлексии. Реализация нормативного, позитивного и операционального подходов в соответствующих процессах конкретизирует ее действие.

Рефлексивный механизм подготовки и принятия решений является универсальным. Но философская рефлексия не дает в такой форме априорных, готовых рекомендаций на все случаи жизни. Ее ответственность состоит в том, что она формирует у субъекта умение **самостоятельно** вырабатывать и принимать решения в конкретных управленческих ситуациях. Естественно, это умение вырабатывается также не сразу, а его совершенствование есть бесконечный процесс.

Принять решение в конкретной управленческой ситуации — значит осуществить акт выбора необходимого способа действия и взять на себя, таким образом, **ответственность** за его результат. Важность, сложность и новизна управленческих проблем требуют осуществлять этот акт сознательно.

В процессе сознательной подготовки и сознательного принятия решений должны определяться: во-первых, цель (отвечающая на вопрос: что делать?); во-вторых, альтернативные способы ее достижения (отвечающие на вопрос: как?); в-третьих, конкретная установка на результат (отвечающая на вопрос: для чего?). Отсутствие любого из этих компонентов означает определенную потерю управляемости, поскольку цель направляет деятельность, способ ее организует, а установка путем побуждения или торможения активности ее регулирует. Ошибки в процессе их определения чреватны непоправимыми последствиями. Необходимая целесообразность и гарантия от всевозможных ошибок в этом плане обеспечивается рефлексивным управлением самим процессом подготовки и принятия решений в самоуправлении.

Литература

1. Рельян Я. Р. Аналитическая основа принятия управленческих решений. — М.: Финансы и статистика, 1989. — 205 с.

2. Пирожков В. А. Проблемы оптимизации управленческих решений. — Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1987. — 168 с.

3. Кондратьев Н. Д. Основные проблемы экономической статистики и динамики. — М.: Наука, 1991. — 567 с.
4. Вебер М. Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990. — 808 с.
5. Макконнел К. Р., Брю С. Л. Экономикс: Принципы, проблемы и политика: В 2 т. — М.: Менеджер, 1992. — 400 с.
6. Системный анализ в экономике и организации производства: Учебник для студентов, обучающихся по специальности «Экономическая информатика и АСУ» / Под общ. ред. С. А. Валуева, Н. В. Волковой. — Л.: Политехника, 1991. — 398 с.
7. Янг С. Системное управление организацией. — М.: Экономика, 1972. — 456 с.
8. Черняк Ю. И. Системный анализ в управлении экономикой. — М.: Экономика, 1975. — 191 с.
10. Растринин Л. А. Современные принципы управления сложными объектами. — М.: Сов. Радио, 1980. — 232 с.
11. Адлер Ю. От редактора // Науман Э. Принять решение — но как? — М.: Мир, 1987. — 198 с.
12. Корнилова Т. В., Тихомиров О. К. Принятие интеллектуальных решений в диалоге с компьютером. — М.: Изд-во МГУ, 1990. — 192 с.
13. Голубков Е. П. Как принять решение? — М.: Экономика, 1990. — 188 с.
14. Голубков Е. П., Голубкова Е. Н., Секерин В. Д. Маркетинг: Выбор лучшего решения. — М.: Экономика, 1993. — 224 с.
15. Цыгичко В. Н. Руководителю — о принятии решений. — М.: Финансы и статистика, 1991. — 236 с.
16. Мескон М. Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. — М.: Дело, 1992. — 702 с.
17. Чумаченко Н. Г., Савченко А. П., Корнеев З. Г. Принятие решений в управлении производством. — Киев: Техіка, 1978. — 191 с.
18. Эклунд К. Эффективная экономика — шведская модель. — М.: Экономика, 1991. — 349 с.

«БОЛЬШОЕ СОЗНАНИЕ» КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

Идея, что человечество само творит свою собственную историю в философской мысли, возникла достаточно поздно. Одним из первых эту идею выдвинул Гегель, хотя в целом он рассматривал историю как «бытие духа в своей свободе». Но человечество, если брать его в отношении к внешнему бытию и миру, есть особый, но все же конкретный субъект, утверждающий, реализующий это свое бытие и саму свою свободу. Стало быть, история приобретает свою собственную и самоцель, и направленность развития. В связи с этим уже нельзя представить историю развития и существования человечества и его историю как реализацию Плана Бытия, задаваемого Провидением или Богом, или мировым разумом. Вопрос «куда движется человечество» и чем по содержанию является это движение в конце XX века, но особенно в XXI веке, приобретает все более актуальное значение. Сохранит ли человечество себя как таковое или нет — приобретает не умоглядный, а вполне практически-прагматический смысл.

В конце XX века возникает идея «конца истории», которую выдвинули Фукуяма и Поппер. Как отмечает Кл. Фридрих, «...конец истории подразумевает, что все или некоторые формы общественной жизни и индивидуального существования достигли своей совершенной и непревосходимой формы. Ход событий теперь заключается в том, чтобы наполнять эти формы акцидентальным многообразием жизни» [9, с. 51].

С эпохи Просвещения особенно в работах французского мыслителя и философа О. Конта (1798—1857) и английского философа и экономиста Дж. Милля (1806—1873) выдвигается идея прогресса (от лат. — *progressus* — движение вперед) в человеческой истории, понимаемая ими как «безусловная и абсолютная тенденция, может быть сведена к законам человеческой природы». Причем О. Конт убежден, что индивидам присуща способность «ко все большему совершенствованию своей природы». Милль же считал, что эта тенденция к прогрессу связана с «прогрессивностью человеческого сознания», преимущественной движущей силой которого является желание увеличить материальные удобства жизни [6, с. 56—57].

Именно с эпохи Просвещения утверждается идея, что прогресс связан с развитием научного знания, которое является наиболее адекватной формой бытия человеческого сознания и разума, придающего ему подлинные черты рациональности. Знание как таковое является и содержанием, и формой бытия человеческого сознания. А раз человечество как таковое является субъектом своей истории (метасубъектом), то история человечества

предстает как реализация, объективация того знания, которым располагает человечество о самом себе и объективном мире как таковом. Поэтому Сознание человечества можно назвать, в отличие от сознания отдельного индивида или конкретного общества, «Большим сознанием». Под сознанием, как таковым, понимается способность человека вытекающая из его природы, к производству и воспроизведению знания, закрепляемого в чувственных и умственных образах о самом себе и объективном мире, отличающимся мерой отчетливости самого этого знания [10, с. 423]. Эту отчетливость знания в сознании Р. Декарт назвал атрибутивным принципом «очевидности» человеческого сознания и человеческого разума.

«Большое сознание» как сознание человечества, не сразу приобрело статус единства, да и сейчас единство «Большого сознания» лишь начинает приобретать зрелые черты. Вплоть до конца XIX и начала XX века отдельные народы, отдельные цивилизации, отдельные религии существовали достаточно изолированно. Если связи и взаимодействия и наблюдались, то они носили внешний и случайный характер. И проявлялось это или в виде завоеваний, или в виде колонизации, или в виде стремления к мировому господству отдельных стран и народов. Примером могут служить в прошлом так называемые религиозные войны, а в недавнем прошлом пережитые человечеством две мировые войны, имевшие, с одной стороны, катастрофические последствия, а с другой, обнажившие необходимость единства человечества, без достижения которого судьба и перспектива человечества достаточно призрачны и мало предсказуемы. Можно сказать, что принцип господства какой-либо отдельной страны или цивилизации и государства, который все еще является фактом современной истории, становится все более архаическим и реликтовым явлением. Преобладающей и жизненно необходимой тенденцией развития человеческой истории, дающей гарантии для его выживания и сохранения как такового, становятся мировые интеграционные процессы. Вот почему на повестку дня философского осмысления перспектив и будущего человечества ставится, на мой взгляд, вопрос о «Большом сознании». Ведь человечество всегда заботил фундаментально значимый ответ на вопрос — какова цель человечества и куда оно движется, что является, выражаясь словами И. Канта, самоцелью человеческой истории и человечества. Как известно на этот фундаментальный вопрос давались различные ответы, так или иначе стремившиеся к адекватной полноте по отношению к фундаментальному вопросу.

В античной философии человек и человечество рассматривались как неотъемлемая часть космоса и бытия как такового, которые рассматривались как неизменные. Принадлежность к космосу и бытию представлялось гарантией вечности и неизменности человека и человеческого рода. Речь шла, главным образом, о возможностях совершенствования в пределах рода, принадлежащего к космосу (или как к материальной сущности, как, например, у Демокрита и Гераклита, или идеальной сущности, как у Платона), но как неизменных, а потому и вечных. Поэтому и понятие будущего как качественного изменения во времени практически отсутствовало. Будущего скорее боялись, нежели вождели. Время представилось циклическим процессом («... Мыслители сходились в одном: они стараются уничтожить, или на худой конец, уменьшить изменения» [4, с. 177]). Такое представление о темпераментности развития человечества характерно было для всех дохристианских цивилизаций. «Древние смотрели со страхом в будущее и повторяли магические формулы, тщетно его заклиная» [4, с. 178]. «Циклическое время течет, оно есть история; но оно и возобновление и каждый раз возобновляясь, отрицает и свое течение, и свою историю» [4, с. 174]. Для древних, в широком смысле, изменение есть зло. Как бы «стрела времени» никуда не направлена.

Христианство и христианская философия времени и истории как бы разрушили цикличность временного бытия, его необратимость, введя своеобразную дискретность времени и истории земного бытия. Первая эпоха исторического бытия человечества имеет свою измеримость и свою длительность — от «падения» Адама и до распятия Христа, и длилась она около шести тысяч лет, а после распятия наступает новая эпоха человечества, которая будет последней и продлится несколько столетий, по представлению Августина Блаженного. Как бы историческое время конечно, это время павшего человека, которое отличается одним существенным качеством — конечностью. Но это означало бы и конечность бытия человеческого рода и самой человеческой истории [4, с. 176—177]. Но это входило бы в фундаментальное противоречие с догматом вечности Бога как Первотворца и создателя бытия мира, где бытие, в том числе историческое и земное бытие, есть не что иное как поступь и воплощение мыслей Бога. Поэтому можно сказать, что бытие человеческого рода, как неисчезающей реальности, пребывает в вечности до тех пор, пока само бытие мыслей бога, их поступь и воплощение существуют в качестве бессмертной реальности. Но и здесь ставится вопрос о будущем человеческого рода в виде надежды на воскрешение человеческой души и человеческого духа, но лишь после искупления первородного греха. Божественный рай, как раз то место бытия человека, где он, соединяясь в единство с духом Бога, приобретает черты вечности

бытия как неизменности, где уже как бы ничего не происходит, как бы исчезает событийность, как признак исторического времени. Где сознание человека соединяется с Божественным разумом, где отменяется время, как атрибут изменчивости бытия и человеческой истории.

В брахманизме еще более радикально отрицается изменчивость бытия, ибо «... брахман никогда не изменяется, и о нем ничего нельзя сказать, кроме того, что он есть; о нирване тоже ничего нельзя сказать, даже того, что она есть. И в том и в другом случае перед нами реальность вне времени» [4, с. 175].

На мой взгляд, вплоть до XVII—XVIII веков в «Большом сознании» как сознании человечества, несмотря на различие, доминирующим элементом его содержания являлась вера и знание о Божественном, которое так или иначе реализовывались в бытие людей. Но и в этом случае история человечества предстает как процесс самореализации сознания человечества.

Ситуация радикально меняется в XVIII веке, особенно с эпохи Просвещения, и это было связано с усиливающейся тенденцией развития научного знания, которое, как представляли, например философы Просвещения, является наиболее адекватной формой бытия человеческого сознания и человеческого разума. Именно в этот период в западноевропейской философии возникает идея прогресса в человеческой истории как синонима качественного изменения в бытии людей. А сам исторический прогресс связывается с развитием и реализацией возможностей человеческого сознания, содержанием которого является научное знание, приобретающего доминантное значение ко всем другим элементам сознания. Идея прогресса как направленного самосовершенствования человека связывается с ростом и возрастанием роли развития научного знания. Культивируется все более явно постулат — поступать разумно, значит действовать в соответствии с рациональным сознанием. Нарастает рационализация и всей культуры. Как отмечает Ю. Хабермас, «рационализация культуры грозит обезличить жизненный мир. Просвещение XVIII века стремится развить объективирующие науки, использовать их когнитивные возможности для разумной организации жизни» [11, с. 45].

Такая тенденция в развитии человеческой истории беспокоила и известного философа и историка А. Дж. Тойнби, который в своем фундаментальном труде «Постижение истории», выдержавшего несколько изданий, рассматривает механизм прогрессивного роста развития человеческой истории как взаимодействие «вызова — ответа», как циклический процесс распада общества, исчерпавшего свои возможности к дальнейшему развитию («вызов»), и поиск адекватного ответа этому «вызову». Возможность сохранения человеческой истории как таковой он связывает со способностью человеческо-

го сознания и разума «создать новое для души». По его мнению «...современная цивилизация не способна создавать новое для души» [8, с. 534]. Современную ситуацию (XX век) он характеризует как «духовно неблагоприятную». Точное знание и технология — безличны, они приводят к деиндивидуализации человека, обеднению его духовного потенциала. Он даже для актуализации внимания к этой тенденции прибегает к сильным выражениям: «Духовно неблагоприятное окружение (в современном состоянии человечества — Г. Ч.) можно определить словами Платона «Город свиней», в котором искания души подменяются заботой о материальном благополучии» [8, с. 537].

А. Дж. Тойнби под «Вызовом» понимает «исчерпанность» возможностей определенного отрезка человеческой истории, которой необходимо противопоставить «ответ», который как бы выводит движение истории из тупика, из движения «порочного круга». «Вызов» в истории он также связывает с утратой, а точнее с исчерпанностью установившихся связей человеческого сознания с бытием Бога. По его мнению закон жизни состоит в том, что «высшие точки религиозного опыта совпадают с низшими точками истории секулярного опыта. И наоборот» [8, с. 535]. За коллизией «вызова — ответа» скрывается конфликт между церковью (как таковой), которая стремится к завоеванию «этого мира» и установлению «божественной воли» на земле, становящейся целью и устремлением церкви, и возвышенным бытием Духа, олицетворением которого является Бог. Само это «возвышенное» находится за пределами цели, которые ставит себе церковь [8, с. 534]. Утрату «духовности» бытия человека и человечества он связывает с тем, что «социальные продукты первородного греха всегда будут управляться секулярной рукой», которая руководствуется не идеей духовности добра, а достижением сиюминутной цели властвования. «И пока земная природа не претерпела нравственных изменений — зло и добро воспроизводятся» [8, с. 537].

Впрочем А. Дж. Тойнби не отрицает того факта, что развитие человеческой истории стремится в своей реальности к росту материального благосостояния. Его тревожит вопрос, какова духовная и нравственная плата за этот прогресс в материальном благополучии человечества. По его мнению, плата непомерная — деиндивидуализация человека и личности.

Сам рост материального благополучия бытия людей нельзя рассматривать лишь как негативный момент. В конце концов, естественное стремление людей к комфорту бытия, свободе бытия от материальных нужд, к успешности в жизни является признаком цивилизованного развития, которое позволяет людям в большей полноте, чем прежде, а тем более в архаические времена, реализовать данную им жизнь как таковую. Но при этом необходимо дать аргументированные ответы по крайней мере

на два вопроса: что «стоит» за прогрессивным ростом материального, социально-экономического развития человечества (хотя ритмика этого роста неравномерна, различна в странах и регионах) и каковы перспективные результаты этого процесса, которые ожидают человечество как таковое. Какова «судьба» «Большого сознания», субъектом которого является человечество и человеческий род?

С конца XIX века, но особенно с начала XX века, обнаруживается неотвратимая тенденция — доминантным ядром «Большого сознания» все более отчетливо становится естественно-научное и технологическое знание, которое универсально объективируется в план общественной жизни и истории как таковой, коренным образом изменяя их содержание и направленность развития, ускоряя ритмы человеческой истории. История приобретает авангардистски-модернистский характер.

Это подтверждает одну и ту же закономерность — человеческая история и ее развитие есть не что иное как реализация содержания сознания человечества, каковым является знание о мире, о бытии и самом человеке, посредством практически-преобразовательной деятельности людей, которая все более определяется, детерминируется требованиями, парадигмами развития научного знания и технологическими формами его воплощения.

Как подчеркивает американский социолог Д. Белл, «...авангардистский модернизм... несет с собой господство принципа безграничного самоутверждения..., несовместимого... вообще с моральными основами целесообразного образа жизни» [11, с. 43]. «Староконсерваторы» же «...недоверчиво следят за распадом субстанционального разума, за расхождением науки, морали и искусства» (единство которых, как необходимая основа целостности человеческой сущности, как парадигма человеческой истории утверждалась вплоть до конца XIX века — Г. Ч.) [11, с. 51]. Они выступают за «возвращение к домодернистским позициям».

«Младоконсерваторы» считают современное сознание лишь инструментальным феноменом, что приводит к утрате всякого поэтического начала в современной истории. Они нередко апеллируют к дионисийским началам человеческой жизни. Как выразился Ю. Хабермас, дух «Ницше парит над ними» [11, с. 51].

Вместе с тем в развитии современного «Большого сознания» наряду с ростом и влиянием естественно-научного и научно-технического знания в качестве «конкурента» возрастает и компонент иррационального и мистического знания. Тем более, что современные информационные технологии распространения знания как такового обладают неограниченными возможностями. Но в равной степени они обладают и неограни-

ченными возможностями «внедрения» в бытие Большого сознания. «Антинаучные» представления — различного рода иррациональные и мистические представления тоже «опредмечиваются», реализуются как в повседневной жизни, так и в историческом процессе в целом. Причем «антинаука» одевается в одежды «науки», (например, астрология, сциентизм и др.). Так, по данным Дж. Холтона, в 90-х годах XX века среди опрошенной аудитории американских студентов 40 % не согласны с тем, что астрология не является наукой [12, с. 32]. И лишь 13 % американцев обладают минимальным уровнем понимания смысла и значения научного знания. Странники так называемой «патологической науки» (термин Холтона — Г. Ч.) убеждены в том, что научное знание творится на основе иллюзий и фантазий, а не на основе рационального мышления [12, с. 32]. «Антинаука» претендует на ясное, четкое, конструктивное и функциональное, потенциально альтернативное, всеохватывающее миропонимание, в рамках которого декларируется «наука», противоположная той, которая есть сегодня [12, с. 33].

В современном «Большом сознании», субъектом которого является человечество как таковое, находят интенсивное распространение и так называемые «квазинаучные мифологемы» (к которым относятся различные «школы-секты», сектантские организации, которые противостоят традиционным, каноническим, устоявшимся религиям и верованиям). Находит распространение «квазинаучное мифотворчество», которое «интерпретируется не в системе категорий «истинно-ложно», а в принципиально иной плоскости: через оценку их поэтичности» [3, с. 18]. В науке, как известно, всегда существует оппозиция «субъекта и объекта». Как отмечает В. Найдыш, «квазинаучное мифотворчество» во всех его формах занимает противоположную позицию. Оно ищет способы мнимой гармонизации отношений субъекта и объекта через воздействие на эмоциональную сферу субъекта. Посредством чего «создается феномен «мнимой полноты» акта деятельности сознания», превосходящий по своей силе и мощи рационально-научное сознание [3, с. 18]. «Большое сознание» направлено на самоосуществление и самореализацию своего содержания и изменение обстоятельств и условий бытия человечества. Само изменение условий бытия человечества, благодаря современным информационным технологиям, обладающим все более расширяющимися возможностями, корреспондируется с бытием информационного мира как такового. Сознание и «Большое сознание» тоже самоосуществляются в неограниченном поле информационного мира, парадигмы которого предписывают свои собственные правила сиюминутному бытию людей. По-видимому, это связано с тем, что сознание человека и «Большое сознание» направлены на реализацию потребностей

стороны бытия человека и человечества. В силу чего оно всегда конкретно исторично по своему содержанию. Поэтому и возникает соблазнительная мысль: чтобы бытие человека сделать более удобным для самого человека, его необходимо сделать более технологичным. Тогда и само бытие человека приобретает характер бесконечной гонки за все более совершенными технологическими возможностями, которые не до конца осознаны. Как отмечает Карл Ясперс «то, что надлежит показать в образе настоящего, никогда не бывает этим настоящим полностью. Каждый живёт в мире еще не осознанных возможностей» [14, с. 345]. Существование человека и человечества в его истории «... всегда промежуточно, это — беспокойство его всегда незавершенного существования во времени» [14, с. 398]. К. Ясперс сравнивает современное бытие «с борьбой без флангов». «В современном существовании после минутного прояснения человек теряет от путаницы в фронтах борьбы» [14, с. 397].

Человечество и каждый человек погружен в Бытие как таковое, которое никогда не заканчивается и не завершается. «Бытие шире, чем все сущее, и все равно оно ближе человеку, чем любое сущее, будь то скала, дверь художественное произведение, машина, будь то ангел или Бог. Бытие — это ближайшее, поскольку оно есть экзистенция его сущности и сущности человека, погруженное в бытие. «Экзистенция, — подчеркивает М. Хайдеггер, — означает, что человек есть «вот» — Бытие, «то есть его просвет» [13, с. 199]. Человек и человечество всегда оказываются перед проблемой — прорваться в Бытие, чтобы определить место своего бытия в нем. Человек (и человечество — Г. Ч.) — пастух «Бытия» [13, с. 202].

Устремленность «Большого сознания» прорваться в Бытие, чтобы определить новое «место бытия» в нем, которого еще нет, связана с трансцендентной природой сознания в широком смысле. Само бытие человека и человечества, которое устремлено в будущее, носит трансцендентный характер — оно вынуждено выходить за границы наличного опыта бытия. Так что реализуемость содержания «Большого сознания, помноженная на возрастающие возможности технологического воплощения в жизнь», также носит трансцендентный характер. Ибо создаются такие условия бытия человека и человечества, которых ранее не было, которые выходят за границы предыдущего и наличного опыта. Усиливающийся процесс информатизации бытия, технологизации бытия, связанный с технологически-информационным воплощением научного знания, также носит трансцендентный характер, хотя и направлен непосредственно на реализацию потребностной стороны бытия. По терминологии И. Канта, это есть не что иное как воплощение содержания рассудка, направленного на выработку знания вообще и научного знания в

частности. Хотя деятельность рассудка, основанная на априорных понятиях, направлена на получение знания, этим миссия «чистого рассудка» не завершается. Более существенным является то, что рассудок дает правила действия как рассудка, так и правила воплощения знания, продуцируемым самим рассудком [15, с. 211]. Рассудок на основе выработанных правил подводит эмпирические явления под некоторое единство [15, с. 212].

Следовательно, в «Большом сознании» сфера рассудка занимает особое место — она является сферой продуцирования знаний, которое, трансцендируя, приобретает определённую автономность и суверенность. Эта автономность в современной ситуации еще более усиливается благодаря современным, не имеющим аналога в прошлом, технологически-информационным способам и методам реализации, опредмечивания научного знания. Особенность же опредмечивания, объективации знания заключается в том, что принципы воплощения все более соответствуют требованиям не столько самого научного знания, сколько технико-технологическим и информационно-технологическим возможностям его воплощения и распространения. Данный процесс все более универсально вторгается в социальную жизнь, приобретает институционный характер и стандартизирует социальную жизнь и социальное бытие как таковое. Все более возрастает контроль «над человеческим фактором» в современной цивилизации. Эта нарастающая тенденция к стандартизации бытия вызывает тревогу у многих мыслителей современности. Так, например, К. Поппер считает, что технико-технологические возможности контроля над человеком и человечеством могут привести к тирании, то есть к всемогуществу «человеческого фактора» — капризы нескольких людей или нескольких стран могут довлеть над всеми остальными [6, с. 57].

Расширяющиеся и углубляющиеся возможности технико-технологического и информационно-технологического знания, приобретающего новую автономность, глобально воздействуют на бытие людей и человечества, тотально его изменяют. Но вместе с этим возрастающим компонентом «Большого сознания», качественно изменяется и само «Большое сознание» и сознание человека. Изменяется и само человеческое общество. Провозглашается наступление постинформационного этапа человеческой цивилизации, где искусственному интеллекту и современным технологиям отводится решающая роль во всех отношениях (не случайно в наступившем XXI веке находят широкое распространение так называемые «политические технологии», «социальные технологии», «этнотехнологии» и тому подобные явления). Суть ситуации, на мой взгляд, заключается в том, что предпочтение в регуляции отношений между людьми и между человеческими сообществами отдается не нрав-

ственно-этическим способам и формам, а правовым и политическим, которые более поддаются стандартизации, унификации и технологизации. Наступление такой эры с трудом поддается рационально-разумному описанию.

Современное технико-технологически воплощенное знание, в соответствии с законом имманентности, не только вторгается в непосредственное бытие, но в его дальнейшие перспективы. Более того, оно стремится воздействовать и на саму природу человека, стремясь если не изменить ее, то улучшить, расширить ее возможности. Безусловно, человечество добилось в этом плане больших медико-биологических успехов — успешная борьба против многих ранее неизлечимых болезней, исправление «природных недостатков», продлению человеческой жизни и т. п. Но в то же время, появляются такие технологии, которые претендуют на большее — на контроль за естественным развитием и репродуцированием человека, как особого рода и вида. Проблема «клонирования» как технологическое и искусственное тиражирование человеческих индивидов — это лишь один из многих примеров экспансии современного научного знания и технологии на саму природу человека, с неочевидными и трудно предсказуемыми последствиями. Под возможности эксперимента подпадает сама природа человека с целью выйти за границы ее возможностей.

В силу этой все более очевидной тенденции в «Большом сознании» нарастает напряжение между рассудком и разумом, как неотъемлемыми сферами человеческого сознания, на которые обратил внимание одним из первых Иммануил Кант, пытаясь найти возможности и основания гармонии между ними. И. Кант отмечал, что «всякое знание начинается благодаря чувствам, переходит к рассудку и заканчивается затем в разуме, который представляет собой в нас высшую инстанцию...» [2, с. 211]. Сама природа разума, по Канту, носящая также трансцендентный и априорный характер, направлена на самосохранение человека и человечества как особого рода и вида. Его призвание состоит в том, чтобы давать принципы бытия человеку и человечеству как таковым. «Разум... старается свети огромное многообразие знаний рассудка к наименьшему числу принципов (общих условий)». Создание таких принципов бытия человека и человеческого рода, которые бы носили абсолютно безусловный характер [2, с. 214, 223].

Каковы же основные prerogative разума по И. Канту, которые значимы и актуальны для современного развития человечества?

Прежде всего, призвание разума выдвигать основополагающие идеи безусловного характера, т. е. действующие в любых условиях, касающиеся бытия человеческого рода как такового, на основании возможного его нравственного совершенствования. При этом И. Кант замечает, что они (идеи) «не про-

извольно вымышлены, а даны природой самого разума и потому необходимо относятся ко всему применению рассудка» [2, с. 224]. В нашем случае, к применению достижений современного научного знания посредством универсальных технологий. При этом И. Кант отмечает: «из того, что человек никогда не будет адекватен содержанию чистой добродетели, вовсе не следует будто эта идея есть химера». И далее, что принципиально важно, поскольку «она необходимо лежит в основе всякого приближения к моральному совершенству, как бы ни был далек от него человек в силу препятствий, заложенных в человеческой природе и неопределимых по степени» [2, с. 218—219]. Идея нравственного совершенствования и совершенства, выдвигается теоретическим разумом, является «необходимым условием всякого практического применения разума». Кант резонно замечает, что осуществление ее (идеи) «всегда оказывается ограниченным и недостаточным, но эти границы неопределимы и, следовательно, практическая деятельность всегда находится под влиянием абсолютного совершенства» [2, с. 224].

В современной человеческой цивилизации возрастает тенденция универсализации технико-технологического воплощения и применения научного знания, воздействующая на все стороны бытия человека и человечества. Насколько нравственно готово человечество противопоставить трансцендентно-имманентной экспансии научных технологий, границы которой все более становятся неочевидными, противопоставить разумные границы и нравственные императивы контроля. Вопрос остается открытым. Поскольку часто апеллируют к возможностям успешного решения технико-технологических проблем, минимизируя значение решения нравственно-этических проблем.

Еще с эпохи Просвещения утверждалась основополагающая идея о том, что развитие научного знания, его прогресс как адекватная форма бытия человеческого разума обязательно приведет и к прогрессу всех сторон человеческого бытия — социальному, экономическому, культурному и, конечно же, нравственному. Как показала дальнейшая история, человечество добилось впечатляющих успехов в социально-экономической жизни, создания все большей возможности для комфортного, цивилизованного бытия человека, расширяя сферы социально-экономических и политических свобод. И в то же время человечество в XX в. пережило две мировые войны, катастрофические по своим последствиям именно в силу применения научно-технических достижений в ведении войны. И в силу того, что человечество оказалось нравственно-этически не готово для предотвращения этих войн и лишь, оказавшись на краю гибели, человечество сумело выработать универсальные принципы нравственно-импера-

тивного характера противодействия и победы над «мировым злом».

Прерогативой человеческого, «теоретического разума», по терминологии И. Канта, является выработка и основополагающих целей человеческого бытия, человечества как такового.

Что же является целью бытия человечества? Этот вопрос в современной общечеловеческой ситуации становится все более актуальным. Ясно, что научно-технический и научно-технологический, информационно-технологический прогресс все более набирает силу и остановить его невозможно. Но в то же время он приобретает все более суверенный и самостоятельный характер по отношению ко всем другим сторонам бытия человека и человечества, как бы диктуя свои правила игры «бытию человечества» как такового.

Определение цели бытия для отдельного человека посредством разума на основе априори достижимая задача и реализуемая в той или иной степени в пределах отдельной человеческой жизни. Отсюда и многообразие жизненных целей у людей, с чем в значительной степени и связана свобода бытия человека — с свободой выбора цели («самоцели» — по выражению И. Канта) бытия. Целью бытия человека является самореализация своей сущности и потенции, создание комфортных и удобных условий для успешной реализации этих целей. Ибо, как замечает Ортега-И-Гассет, сама жизнь для человека означает благополучие» [5, с. 38]. По его мнению, «истинное назначение человека — находиться, присутствовать в мире с благом и удобством для себя самого» [5, с. 38—39]. Но все же акцент ставится на «стремлении пребывать в мире» в соответствии со своей естественной природой. Действительно, современная научно-технологическая цивилизация создает все большие возможности для удобства и благополучия жизни людей, хотя, заметим, и не для большинства человечества. Гораздо труднее определить цель бытия человечества и человеческой истории. Как известно, в истории философской мысли предлагались различные версии цели бытия человечества и его предназначения. Из них можно выделить несколько типов определения целей бытия человечества.

1. Человечество должно следовать извне предписанной воле — или Божественному Промыслу (религиозная версия).

2. Человечество следует целям и требованиям Провидения, «мировой воли к жизни» (волонтаризм Шопенгауэра), требованиям «Воли к власти» как выражения сущности жизни (Ницше). Их можно охарактеризовать как иррациональные теории.

3. Человеческая история есть выражение поступи объективного духа в своей свободе, реализуемая посредством действий людей, преследующих свои жизненные цели. А поскольку «всемирно-исторический процесс совершается разумно», то история

есть прогрессивный процесс, она не есть хаос событий, поскольку сама история находится под контролем Абсолютного Разума, а история есть прогрессирующая самореализация неограниченных возможностей сущности Абсолютного Духа и Абсолютного Разума [1, т. 8, с. 10] — объективно-идеалистическая концепция цели бытия человечества.

4. Целью человеческой истории является создание максимально возможных условий (экономических, социальных, научно-технических, социокультурных и др.) для раскрытия и реализации творческих возможностей человеческой природы как таковой и отдельной личности. То есть освобождение творческих потенций человеческой сущности, препятствием для которого являются внешние объективные обстоятельства и объективная необходимость. Таковы были идеи философов Просвещения и марксизма с его теорией формационного развития и созданием бесклассового общества как основополагающей предпосылки гармонического и бесконфликтного целостного развития человечества. «Модель» всемирной истории по марксизму, особенно в силу ее догматизации, оказалось жизнеспособной. В то время как идеи Просвещения, их жизнеспособность подтверждены в той или иной степени самой историей.

В XXI веке проблема смысла, цели и будущего человечества и человеческой цивилизации приобретает все более актуальное значение не только в теоретическом, но и практическом плане. «Овеществленное» знание, являющееся продуктом деятельности рассудка, приобретающее практически неограниченные возможности информационно-технологического воплощения, приобретает черты самостоятельной, суверенной, трансцендентной реальности, стремящейся к тотальному самоутверждению. Настоящее и будущее человеческой цивилизации в значительной степени, если не во всем, определяется требованиями виртуальной реальности современных постиндустриальных и постинформационных технологий. Как отмечает известный философ-футуролог Элвин Тоффлер в своем последнем фундаментальном труде «Третья волна»: «...Когда повсюду происходят крутые перемены, когда рушатся личные жизни и существующий социальный порядок, а фантастический новый стиль жизни маячит на горизонте, ставить самые большие вопросы относительно нашего будущего — это не проявление одной лишь интеллектуальной любознательности, это — проблема выживания. Созаем мы это или нет, но большинство из нас уже находятся внутри новой цивилизации, сопротивляясь ей или создавая ее» [7, с. 28]. Сама же «новая цивилизация», на мой взгляд, как раз и есть результат объективации содержания «Большого сознания» с его сциентистскими устремлениями. Поэтому проблема соотношения в «Большом сознании» сферы рассудка и сферы разума становится по-новому актуальной.

«Сфера рассудка» по своей природе ориентирована на потребностное бытие людей. Она, так

сказать, ориентирована на сиюминутное. Вооруженное современным знанием и высочайшими технологиями человечество радикально, революционно изменяет свое наличное бытие, где само бытие становится тотально зависимым от потенций современной технологической цивилизации. На это обращает внимание и Э. Тоффлер [7, с. 559—568]. С его точки зрения технологизация и компьютеризация всех аспектов человеческого бытия создает возможности и для совершенствования институтов демократии. В целом он делает оптимистический вывод в отношении будущего на основе новейшей технологической цивилизации [7, с. 568—574].

В то же время в современной цивилизации наблюдается дефицит разума и разумности, прерогатива которых выработка общих идей развития универсального порядка и выработка нравственно-этических оснований бытия человечества как такового. Нередко в современной цивилизации разумным считается то, что технико-технологически достижимо и оправдано с точки зрения экономической эффективности и успешности. По сути дела, практическая возможность становится практической целесообразностью, вытесняя на периферию цивилизованного развития нравственно-этические императивы человеческого бытия.

Ведь по сути своей «разум» ориентируется на сохранение человеческого рода как особой уникальности, а не на такое его изменение и «преобразование», которое ведет к утрате его уникальности. В этом плане «сфера разума» в «Большом сознании» ориентирована на вечные, вневременные аспекты сохранения родовой сущности человечества. В то время как «сфера рассудка» посредством знания, безгранично усиливающаяся за счет технологизации его, неудержимо и имманентно стремится все изменить, в том числе и саму природу человека. (Будь то клонирование, создание искусственного интеллекта и т. п.) Если «сфера рассудка» исторически меняется и по своему содержанию и своим возможностям, то можем ли мы столь же уверенно сказать, что современное человечество стало более разумным, чем оно было в эпоху античности? Хотя различия в уровне экономического, социального и технологического, цивилизованного развития налицо. Сможет ли «человеческий разум» как таковой справиться с угрозами, возникающими на почве современного научно-технологического развития, которое по сути своей «покушается и на саму природу человечества». Такие опасения высказывает и Э. Тоффлер [7, с. 629—629]. И не только он.

Дефицит предсказуемости будущего человеческой цивилизации все более возрастает. И это связано как раз с тем, на мой взгляд, что человечество все более апеллирует к возможности научно-технологического развития и экономической эффективности, чем к прин-

ципам разума, апеллирующего к нравственно-этическим императивам как основы самосохранения человечества как такового. Возникает парадоксальная ситуация: человечество стремится к непредсказуемому будущему, которого оно само и опасается.

Литература

1. Гегель Г. Ф. Сочинения. — М., 1929—1959. — Т. I—XIV.
2. Кант И. Критика чистого разума. — Санкт-Петербург: Тайм-аут, 1993. — 590 с.
3. Найдыш В. Родословная квазинаучных мифологий // Человек. — 1996. — № 1.
4. Октавия Пас. Сын страха // Иностранная литература. — 2003. — № 5.
5. Ортега-И-Гассет. Размышление о технике // Вопросы философии. — 1993. — № 10.
6. Поппер К. Нищета философии // Вопросы философии. — 1994. — № 7—8.
7. Тоффлер Э. Третья волна. — М.: АСТ, 2002. — 780 с.
8. Тойнби А. Дж. Постигание истории. — М.: Прогресс, 1991. — 606 с.
9. Фридрих Кл. О функциях одной мыслительной фигуры // Вопросы философии. — 1994. — № 7—8.
10. Философский энциклопедический словарь. — М.: ИНФРА, 1998. — 840 с.
11. Хабермас Ю. Модерн — незавершенный проект // Вопросы философии. — 1992. — № 4.
12. Холтон Дж. Что такое «антинаука»? // Вопросы философии. — 1992. — № 2.
13. Хайдеггер М. Время и бытие. — М.: Республика, 1993. — 459 с.
14. Ясперс К. Смысл и назначение истории. — М.: ИПЛ, 1991. — 520 с.

СОЗНАНИЕ ЧЕЛОВЕКА — ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ

Современное мышление, преодолевающее противопоставление человека и природы, души и тела, материи и сознания, требует изменения привычного взгляда на процесс исторического развития. Взгляд на человека в единстве с природой обуславливает понимание развития человека, исторического прогресса человеческого общества как части природного процесса эволюции. С этой точки зрения движущей его силой может быть только одно биологическое существо, в нем участвующее — сам человек. Так как темпы биологического развития человека измеряются, по меньшей мере, десятками тысяч лет, то в исторический период развитие человека определяется, прежде всего, уровнем развития его сознания.

Идеалистическое мышление рассматривает реальный мир, как отражение понятий, которые как часть духа, отчуждаясь от природы до «полной отрицательности» становятся «тождественны с самим собой», т. е. с абсолютным духом. И хотя Гегель этот процесс «возвращения к себе из природы» «как в себе и для себя сущее и вечно порождающее единство объективности духа и его идеальности» [1, с. 222] называет развитием духа, эта циркуляция по замкнутому кругу лишает развития как дух, так и природу. Это уже отмечал К. Маркс.

Современное понимание сознания человека как природного свойства, развитого человеком в большей степени, чем у других животных, позволяет развитие природы и человека рассматривать в единстве, как развитие Жизни, двигателем и наиболее активной частью которой является человек. Такое понимание неизбежно приводит к выводу о том, что закономерности природы находят отражение в процессах мышления. Даже самый приблизительный анализ этапов развития сознания подтверждает этот вывод. Развитие человека происходит в процессе разрешения противоречий, с которыми он сталкивается, развитие сознания происходит путем преодоления противоречивых представлений, отражающих противоречия реальной жизни. В процессе развития сознания происходит их преодоление, «снятие» (по выражению Гегеля). Это происходит не путем абстрактного мышления: «тезис — анти-тезис — синтез» (Гегель), а путем реализации достижений сознания в практической деятельности. Сама практическая жизнь человека, его общественная практика производит отбор и закрепление достижений человеческого сознания в продуктах его деятельности, определяет их жизненность.

Первым важнейшим для пробудившегося сознания первобытного человека было противоречие его с природными силами, с которыми он вынужден был бороться за выживание. Но это было внешнее

противоречие, сознание еще не доросло до внутренних противоречий, выражающихся в противопоставлении абстрактных представлений.

Отсутствием таких представлений отличается первобытный тотемизм: «Древний человек переносил на мир животных отношения, характерные для первобытных родовых общин, и этот звериный мир мыслил как бы в виде второй, вполне равноправной половиной своей собственной общины. Так появился тотемизм, т. е. представление о том, что все члены данного рода происходят от определенного животного, растения или другого «тотема» и связаны с данным видом нерасторжимой связью» [2, с. 95]. Представления человека являются отражением того, что он находится внутри природной системы, даже в своем сознании не выходя из нее. Человек с животными чувствует себя «на равных», ищет и находит себе в животном мире «родственников» и союзников. Замечательный исследователь мифологии А. Ф. Лосев подчеркивал, что для мифического сознания мифы не являлись выдумкой или чем-то фантастическим: «Для мифического субъекта (миф) это есть подлинная жизнь, со всеми ее надеждами и страхами, ожиданиями и отчаянием, со всей ее реальной повседневностью и чисто личной заинтересованностью. Миф не есть бытие идеальное, но — *жизненно ощущаемая и творимая, вещественная реальность и телесная, до животности телесная действительность*». «Это не выдумка, но — *наиболее яркая и самая подлинная действительность*», «живое субъект-объектное взаимодействие» [3].

Аргументированно опровергая понимание мифов как идеальных представлений, как древней науки, А. Ф. Лосев, вскрывая суть мифических представлений, фактически дает картину уровня мифологического сознания в сопоставлении с современным научным мышлением: «Мифическое сознание совершенно непосредственно и наивно, общепонятно; научное сознание необходимо обладает выводным, логическим характером; оно — непосредственно, трудно усвояемо, требует длительной выучки и абстрактных навыков. Миф всегда синтетически — жизненен и состоит из живых личностей, судьба которых освещена эмоционально и интимно ощутительно; наука всегда превращает жизнь в формулу, давая вместо живых личностей их отвлеченные схемы и формулы; и реализм, объективизм науки заключается не в красочном живописании жизни, но — в правильности соответствия отвлеченного закона и формулы с эмпирической текучестью явлений, вне всякой картинности, живописности или эмоциональности» [3].

Говоря иными словами: мифологическое сознание отличается отсутствием абстрактного мышле-

ния, использующего идеи и понятия, оторванные от непосредственных объектов и явлений природы, что связано с мироощущением человека: он внутри природы, он не может даже в своем сознании выделить себя из нее.

Первому этапу преодоления противоречий с природой соответствует и повышение уровня взаимоотношений с природой — таково мифологическое мышление античного мира, в котором человек уже от жесткой конфронтации с природными силами перешел к гармоничному сосуществованию. Фактически человек уже одержал победу в борьбе за выживание, на этом уровне развития сознание человека еще не способно подниматься над природой или природными явлениями, но уже создает целостную картину мира, которая невозможна без построения абстрактной структуры действительности. Это еще не абстрактное мышление, так как понятия, категории не отделяются от природных сил, но это уже его преддверие. Противоречия с силами природы, одушевленными человеком, остаются, но они уже не носят характер борьбы за выживание: богов можно задобрить, заручиться их поддержкой, покровительством, — противоречие «снято».

Современная психология различает конкретное поведение и абстрактное, как различающиеся по степени сложности: «Конкретная установка реалистична. При такой установке мы отданы во власть, или привязаны, к непосредственному переживанию данной вещи или ситуации в ее конкретной уникальности. Наши мысли и действия направляются непосредственными побуждениями, исходящими от какой-либо одной конкретной стороны объекта или ситуации в нашем окружении» [4, с. 30].

Под поведением здесь понимается и мыслительный процесс: непосредственность переживаний и побуждений, мысль здесь не выходит за рамки конкретных субъект-объектных отношений. Конкретное поведение соответствует мифологическому мышлению как ступени развития сознания человека или очень к нему близко.

Сознание человека развивается в условиях господства определенной системы представлений в обществе. Ростки нового мышления, которые начинают выходить за рамки господствующей в обществе системы представлений, мы можем наблюдать в истории античного мира. Несмотря на господство мифологического мышления в сознании древних греков, появляются отдельные индивидуумы, которые начинают мыслить абстрактно, оперируя идеями и понятиями. Фалес, Анаксимандр, Анаксимен, Гераклит, Ксенофан, Демокрит и другие древнегреческие философы выдвигали идеи о возникновении природы и жизни, вводили совершенно абстрактные понятия: апейрон, атом. Пифагор, Евклид и их ученики положили начало математике как *теоретической науке*. И хотя они сами порой мыслили мифологическими категориями, их взгляды — по-

казатель развития абстрактного мышления, которое значительно отличается от уровня мифологического мышления. Учения Платона, Аристотеля — это уже система взглядов и метод абстрактного мышления. Между ними и мифологическим мышлением — целая пропасть, точнее — длительный путь развития. На этом уровне складываются уже системы мировоззрения: Эпикура, Секст Эмпирика, стоиков, неоплатонизм.

На этих примерах можно сделать еще один вывод: развитие сознания осуществляется индивидуальными усилиями. Взгляды целого ряда мыслителей являются показателем того, что мифология «гомеровского» периода истории Древней Греции как система мышления перестала удовлетворять развивающееся сознание. История античной философии дает нам пример развития абстрактного мышления. А. Ф. Лосев пишет, что «античное сознание уже шло от мифа к логосу, то есть от единого и целостного чувственно-материального космоса к его построению на основах разума. А так как миф весь состоял из противоречий, совмещаемых в одно целое, то новое совмещение этих противоречий, а именно, совмещение на основе разума необходимым образом становилось диалектикой, а с исчерпанием этой диалектики наступал конец и самой античной философии. Таким образом, античная философия началась с дорефлективной мифологии, которую она преодолевала путем рефлексии, и кончилась мифологией уже рефлексивной, то есть диалектикой». Но между уровнем сознания отдельных индивидуумов, даже целого их ряда, и массовым сознанием общества всегда существовал значительный разрыв. Античная философия представляет собой лишь часть сознания античного общества, и «исчерпание» античной диалектики наступает, когда массовое сознание выходит за рамки категорий философской рефлексии.

Об уровне массового сознания античного общества свидетельствуют произведения культуры, выносимые авторами на суд современников. Из произведений античных авторов видно, что ценности, заложенные при создании мифов в «гомеровскую» эпоху, перестали быть таковыми для людей античного мира. Плутарх на рубеже I—II веков нашей эры, давая жизнеописание Тесея, основателя Афин, так описывал нравы его современников: «В то время люди имели сильные руки, быстрые ноги и крепкое тело и не знали усталости, но свои природные дары не употребляли ни на что честное и полезное, напротив, они гордились своею не знавшей меры наглостью; их сила находила себе применение в кровожадности и жестокости, — в том, что они брали, обижали и уничтожали все попадавшееся им по дороге. По их мнению, люди восторгались чувствами стыда, справедливости, беспристрастия и человечности потому, что боялись обижать сами и опасались обиды со стороны обиженного. Сильным, по

их убеждению, не следовало думать ни о чем подобном» [5, с. 31]. Плутарх дал описание уровня мышления людей, создавших древнегреческую мифологию. Именно таким представлениям и отвечают образы олимпийских богов, которые отнюдь не лучше людей, но главное их достоинство в их силе и власти. Но у Плутарха этот культ силы вызывает осуждение. И это отличие представлений писателя поздней античности и мышления людей «гомеровского» периода и является показателем пройденного пути развития.

Сам Плутарх жил и творил еще в то время, когда язычество было господствующей религией, но его понятия и оценки явно выходят за рамки мифологического сознания. Сама система оценок с точки зрения «справедливости, беспристрастия и человечности» делала авторитет языческих богов ничтожным. Плутарх не был исключением из правила. Многими исследователями отмечен кризис мировоззрения, основанного на мифологическом мышлении в эпоху эллинизма (III—I в. до н. э.) А. Ф. Лосев характеризовал этот период в развитии античной философии, как период «субъективного индивидуализма» [6, с. 71]. Уже в трагедиях греческих авторов: Софокла и Еврипида виден кризис сложившихся представлений о мире как арене, где действуют боги и герои, в центр внимания ставится человеческая личность, индивидуальность, страсти и порывы человеческой души. Еврипид отрицает божественное происхождение закона и этических норм. В этой системе оценок есть не только высота абстрактного мышления, но и соответствующая высота нравственных суждений, выходящая за рамки мифологии. Это уже другой уровень мышления, подготовивший появление христианства с его идеями спасения души, милосердия, покаяния, духовно-нравственного совершенствования.

На этом этапе развития сознания, когда на первый план вышли вопросы развития индивидуальности, ее души, проблемы добра и зла, мифология «гомеровского» этапа перестала быть для людей античного мира сосредоточением и отражением их реальной жизни, а стала отвлеченной от жизни детской сказкой, элементом культуры прошлого. Кризис веры, пережитый античным миром, порожден развитием сознания людей, которое вышло за рамки устоявшейся формы мифологического мышления.

Гармония мира осталась в прошлом, мир в сознании людей раскололся на враждебные непримиримые части, между которыми оказался человек. Эта связь между развитием человека и разрушением единства человека с природой и самим собой уже отмечалась философами. В. Якобс, излагая взгляды Шеллинга, пишет: «Итак, мы констатируем: как только разум и свобода вступают в природное состояние людей, прекращается ранее существовавшее единство. Отторжение разумного существа от природы ведет к познанию зла, к дальнейшему разделению должноствования и воления и тем самым

к возможности отступления от принципов, т. е. к моральному злу. Это — возвышение своеволия над всеобщей волей» [7]. Человек, развивая свою индивидуальность, вышел на уровень проблем, связанных с самим человеком, с его кровожадностью и жестокостью, низменными страстями, противопоставив им терпимость, милосердие, понимание нравственности. Противоречивость жизни отразилась в дуализме мышления.

Дуализм мышления проявился не только в христианстве. Главным соперником христианства в начале I тысячелетия н. э. в Римской империи был митраизм, дуалистическая языческая система взглядов, в основе которой были представления о борьбе света и тьмы. В Азии с V в. до н. э. распространялся зороастризм, основанный на тех же представлениях [8, с. 181]. Примерно в это же время неоплатонизм формирует в универсальную мировоззренческую систему, построенную на принципах объективного идеализма. С. С. Аверинцев указывает на то, что неоплатонизм имел все черты религии и в III веке н. э. школа неоплатонизма оказала непосредственное влияние на формирование философии христианства, что подтверждает их единую культурную основу [9, с. 18]. В III веке н. э. возникло и распространилось манихейство, сторонники которого называли себя «поклонники света» и объявили злом все материальное [9, с. 187].

Дуалистические представления существовали в мышлении человека всегда, как отражение противоречивости природы, но этот этап развития абстрактного мышления характерен тем, что в противоречивости жизни человек стал видеть противоборство мировых сил и в центре этой борьбы был человек, осужденный на необходимость постоянного выбора. На этапе мифологического мышления приоритет в системе оценок имела сила: мифические боги интригуют, обманывают, прелюбодействуют — они отличаются от людей только силой и властью. Для людей поздней античности, которые уже выработали понятия «справедливости, беспристрастия и человечности», авторитет этих богов, а с ними и вся система мифологического мышления утрачивают значение. Об этом ярко пишет Тертуллиан в трактате «К язычникам» [10, с. 300], подчеркивая, что язычество держится только силой закона, а нравственная и разумная высота — за христианами. Убедительность Тертуллиана обусловлена тем, что общество античного мира доросло до сознания единых для всех людей истины и нравственности. На данном этапе оценка приобретала высоту суждений с точки зрения мировых сил: добра и зла, это была нравственная оценка. Но, находясь в этой дуалистической системе оценок, человек решал вопрос об отношении к реальной действительности. И чем тяжелее была жизнь, тем большее искушение было в том, чтобы объявить ее злом, не развивать ее, а стараться уйти от нее, готовиться «к лучшей жизни».

Однако христианство было не просто дуалистической системой, противопоставлявшей земное и небесное, материю и сознание. Это отличие видно в сопоставлении его с другими дуалистическими системами. К примеру, манихейство, положившее в основу своего учения борьбу Света с Мраком, объявило материю злом и считало своей целью освобождение души от всего материального, в том числе от власти плоти. Освобождение достигалось путем аскетизма или крайнего изнурения при безудержном разврате. Объявление материального мира злом стало обоснованием для отказа от обязательности любых моральных норм. Л. Гумилев характеризовал это учение как жизнестрахиение [9, с. 187].

Высота христианского мышления в том, что дуалистические противоречия «снимаются» при восхождении к понятию Бога, который стоит над противоречиями, ему приписывается «превосходство над всей совокупностью сущего» (Ареопагитики) [11, с. 10], который создал небо, землю и жизнь на земле, в том числе и человека. Понятие «божественного» по Тертуллиану («К язычникам») включает в себя истину и высшую нравственность. Человеку же Богом дана свобода воли и от него зависит его греховность или праведность — Августин («О свободе воли») [12, с. 35]. И добро, и зло, творимые человеком, охватываются божьим промыслом. Важно подчеркнуть тесную взаимосвязь христианского монизма с проповедью терпимости, милосердия, любви к ближнему, которые не характерны для дуалистического сознания, отличающегося непримиримостью и максимализмом.

Этот христианский монизм не был исключительным достижением христианской философии, во многом он сформировался под влиянием неоплатонизма — монистической мировоззренческой системы согласно которой «от Единого (которое вместе с тем есть абсолютное Благо и бог) через Мировой ум (Нус) и Мировую душу с помощью диалектических превращений выводятся все элементы бытия вплоть до материи, которая тем самым оказывается инобытием бога. Все в природе в большей или меньшей степени божественно, и зло соответственно выступает не как самостоятельная субстанция, но лишь как отвращение от высшего блага ради низших благ» [13, с. 101].

Христианство, отражая в элементах дуализма противоречивость жизни, наличие в ней зла и добра, снимало антагонизм, примиряло с этим миром, который как творение божье — благо, а страдания и муки — путь к спасению. А. П. Каждан удачно назвал христианство «религией снятого дуализма» [13, с. 105]. В отличие от дуалистических систем, фиксирующих противоречия в самом человеке и в обществе, христианство, примиряющее противоречия, объединяющее их — жизнеутверждающее учение. Сама жизнь — фундаментальный критерий истины — определила жизненность христианского учения.

Христианский монизм был высшим достижением длительного пути развития сознания людей античного общества, который был передан другим народам в виде религии и культурной традиции, но длительное время еще оставался недостижимой вершиной для них.

На примере данного этапа развития можно сделать вывод о том, что сознание человека — это всегда система представлений. Какими бы антагонистически противоречивыми не казались эти противоречия между представлениями людей, как противоречия добра и зла, необходимо видеть их взаимозависимость и взаимную дополняемость. Неверным будет утверждение, что христианский монизм — это победа добра над злом, добро и зло — лишь наши оценки реальной жизни. Более высокая точка зрения помогла человеку преодолеть зависимость от этих оценок, принять реальную жизнь целиком, утвердить позитивное к ней отношение, без чего было невозможно дальнейшее развитие.

Тот факт, что христианство было порождением античного мира, как-то незаметно выпадает из внимания историков, звание христианского мира прочно присвоено западноевропейским народам, начиная с раннего средневековья. Говоря об античном мире, исследователи и историки обычно отождествляют его с эпохой мифологического мышления, противопоставляя его средневековому христианству Западной Европы. К примеру, М. Т. Дьячок считает, что «специфика культуры «темных веков» (раннего средневековья) может быть понята, прежде всего, как специфика периода осмысления и освоения нового подхода к восприятию мира — подхода христианского в противоположность отжившей античной парадигме мышления» [14, с. 20].

Такое представление господствует, несмотря на явное противоречие с историческими фактами.

Распространившись во II—III веках в Римской империи, христианство в начале IV века (313 г.) при императоре Константине было признано официально, так как никакие гонения результатов не дали, а в 325 г. христианство стало официальной религией Римской империи. Интересно, что в 361 году император Юлиан вновь вернулся к политике веротерпимости, но это не привело к восстановлению язычества. Это свидетельствует о том, что христианство было не просто официальной религией, а было порождено естественным развитием культуры античного общества и соответствовало господствующим представлениям людей.

Ставшая привычной классификация, принятая в истории философии, отделяющая средневековую философию от античной по принадлежности к христианству, затеняет тот факт, что христианство является порождением античной культуры. Первоначальный, наиболее авторитетный этап формирования и развития христианской философии, так называемая «патристика» (II—VI века н. э.) является су-

ществленным элементом культуры античного общества, гибель которого обычно связывают с падением Западной Римской империи в 476 г. н. э. Так называемые «отцы церкви»: Тертуллиан (160—220), Арнобий (ум. В 326 г.), Лактанций (250—325), Климент Александрийский (ум. в 215 г.), Ориген (185—253 г.), Аврелий Августин (354—430) и другие, в сущности, были античными христианскими философами. Их принадлежность к христианству явно не может быть основанием для того, чтобы считать их представителями другой культуры. Однако расстаться с этим стереотипом почему-то никак не хотят. К примеру, А. А. Столяров считает, что «имеет смысл считать патристику «христианской античностью» в отличие от «христианского средневековья» [15], пытаясь сохранить единство христианства и средневековья, хотя гораздо больше оснований говорить о единстве христианства и античности. Христианство было формой мышления, которая отражала уровень развития сознания, достигнутый античным обществом на завершающем этапе своей истории и который западноевропейским народам еще предстояло достичь.

Маркс писал, что «мораль, религия, метафизика и прочие виды идеологии и соответствующие им формы сознания утрачивают видимость самостоятельности. У них нет истории, нет развития; люди, развивающие свое производство и свое материальное общество, изменяют вместе с этой своей деятельностью также свое мышление и продукты своего мышления» [16, с. 25]. Обозревая путь развития, который прошли люди античного мира при неизменности рабовладельческого способа производства, трудно согласиться с этим утверждением. Невозможно отрицать, что сознание раба и сознание рабовладельца или свободного гражданина в значительной мере определялось их социальным положением и местом в материальном производстве, но нельзя отрицать и того, что сознание людей не ограничивается этими рамками и проявляет способность к развитию.

Сознание людей предстает как двухуровневая структура. Один уровень, как уже отмечалось, развивается усилиями индивидуальностей, которые развивают искусство, литературу, драматургию, материальное производство своим творчеством, интеллектом, изобретательностью, предприимчивостью, знаниями и опытом; в результате меняются представления людей, в соответствии с которыми люди формируют и совершенствуют общественное устройство. Все это закрепляется, «отчуждается» (по выражению К. Маркса) в культурной традиции, в формах мышления, в уровне материального производства, в общественном социальном устройстве. Эти продукты деятельности человека оказывают обратное воздействие на сознание людей как нажитый опыт предыдущих поколений. Это обратное воздействие уже устоявшихся социальных условий и разделения труда в материальном производстве,

действительно, во многом определяет сознание людей, но не исчерпывает его содержания и, прежде всего, это касается индивидуального сознания.

После гибели Римской империи культурная традиция античного мира, воплощенная в христианстве, наиболее последовательно сохранялась и развивалась в Византийской империи, в основе которой сложился этнос из представителей разных народностей, объединенных только одним — христианством. Иначе дело обстояло на Западе Европы. С. С. Аверинцев пишет: «Перед западным христианством стоял огромный и самобытный мир кельтских и германских народов. Одни из этих народов были обращены еще в IV—V вв., как ирландцы; других еще предстояло обратить (...). Но все эти народы, оставались ли они верными язычеству или уже успели принять крещение, были носителями своих вековых преданий и поверий, обладателями своих идеалов и символов. (...) Поистине грандиозным мифологическим миром обладали германо-скандинавские народы. Христианство не могло просто вырвать весь этот мир с корнем, как оно выкорчевывало священные дубы языческих рощ; оно должно было справиться с ним только через его освоение. Но это означало существенную внутреннюю перестройку латинской христианской культуры» [17, с. 21].

Идеалистическое мышление предполагает самостоятельное существование идей и понятий в отрыве от реального мира. Проявлением этого типа мышления является отделение христианства от античного общества, а также представление о том, что перенесенное с античного общества после его гибели на варваров, оно осталось тем же христианством. Однако западноевропейские народы, находившиеся еще на стадии мифологического мышления, приняв христианство, автоматически не становились обладателями всех богатств культурной традиции античности. Принятие христианства еще не ставило их автоматически на другую ступень развития. Зафиксированный в христианстве уровень мышления западноевропейским народам еще предстояло достичь. Мифологический уровень мышления западноевропейских народов проявлялся не только в глубоко укоренившихся языческих верованиях, но в узком кругозоре, ограниченном рамками селения, в повсеместной неграмотности, вследствие чего христианская вера усваивалась формально, в неразвитости мышления, в низкой оценке человеческой личности, в культе силы, в повсеместной жестокости.

О формальном, поверхностном понимании сущности христианства подавляющим большинством населения Западной Европы в период средневековья, вследствие того, что оно не являлось результатом их собственного развития, свидетельствует длительный процесс его утверждения. На протяжении нескольких веков церковь вела борьбу с сатанизмом, причем и в собственных рядах. За сатанизм в 963 г. был

отрешен папа Иоанн XII [18, с. 84], сатанизм императора Генриха IV стал известен после того, как от него сбежала выданная за него русская княжна, которую он принуждал к участию в тайных оргиях — «черных обедах» [19, с. 125]. При этом следует отметить, что даже сам факт возможности выбора между Богом и сатаной свидетельствует об уровне мышления, которое воспринимало дуалистическую сторону христианства, но не доросло до христианского монизма, снимавшего дуалистические противоречия.

Другим ярким проявлением дуалистического мышления христиан в эпоху средневековья был аскетизм, основанный на представлении о греховности и низменности реальной мирской жизни. Сам образ жизни в эпоху средневековья, отличавшийся жестокостью и кровожадностью, преклонением перед грубой силой, свидетельствовал о том, что проповедь терпимости, ненасилия, милосердия, любви к ближнему, составлявшая основу христианского монизма еще не вошла в сознание людей. Даже в XIV—XV веках по свидетельству Б. Рассела «жестокость была одним из любимейших удовольствий населения» [20].

Не только массовое сознание, но и сознание светской и церковной элит западноевропейского общества длительное время по уровню развития сознания не соответствовали унаследованной от античного мира христианской форме мышления.

Естественной реакцией на низкий уровень развития массового сознания был догматизм церкви, переход от философского осмысления жизни к схоластике. Исследователи отмечают такие характерные черты схоластики, как подчеркнута авторитарный характер, традиционализм, консерватизм, комментаторство, ориентация мышления на божественный мир, которому отдается явный приоритет над действительностью [21, с. 124]. Сам феномен схоластики, основанный на непререкаемости авторитета Священного писания, невозможно объяснить иначе как наложением на процесс развития сознания формы мышления, привнесенной извне, полученной от другой культуры. Формы мышления, которая была значительно выше уровня сознания западноевропейских народов.

Взгляд на средние века, как на «провал» в истории, отчасти оправдан, это был период преодоления варварства, обусловленного низким уровнем сознания людей средневековья, отсутствием развитого индивидуального сознания.

Понимание ситуации развития в период средневековья как взаимодействия низкого уровня сознания западноевропейских народов, находившихся на стадии мифологического мышления, с формой мышления, ставшей итогом более чем двухтысячелетнего развития античного мира, позволяет точнее понять характер этого периода. Христианство, как послание более высокоразвитой цивилизации, свыше десятка веков поражаало своей глубиной и высо-

той нравственной позиции, стимулируя развитие сознания западноевропейцев. Это служило подтверждением «богоданности» священного писания, с другой стороны, длительное время удовлетворяло духовные запросы и поиски людей средневековья, что обусловило глубоко религиозный характер культуры. Легко понять и тот восторг, который испытывали в эпоху Возрождения люди, воспитанные христианством, когда знакомились с трудами античных писателей и мыслителей, — это была встреча близких родственников. Не только эпоха Возрождения сблизила культуры Западной Европы с античностью. Культурная традиция античного мира была передана с христианским учением. Благодаря этой культурной традиции образованные люди эпохи Просвещения чувствовали большее родство с культурой античности, чем с периодом преодоления варварства в Средние века.

Игнорирование ситуации взаимодействия низкого уровня сознания средневековых западноевропейцев и христианства приводит к противоречиям, не находящим объяснения. Это характерно для работы А. Я. Гуревича «Категории средневековой культуры» [22, с. 52], в которой автор отмечает характерные черты сознания средневековых западноевропейцев: узкий кругозор, циклическое восприятие времени, неспособность отделить себя от природы и осознать себя в качестве субъекта, а природу в качестве объекта собственных действий, отсутствие индивидуального сознания. И наряду с этими характерными чертами мифологического уровня мышления автор указывает на представления христианского учения, как характерные для средневековья: о дуалистичности мира, находящегося между Богом и Антихристом, об изначальной греховности мира и человека, об индивидуальном выборе каждого человека и воздаянии за него, о необходимости спасения души. Интересно, что христианские представления даны со ссылкой на Августина, жившего в античном обществе. То, что эти представления характерны для совершенно различных уровней мышления, в указанной работе остается без объяснений.

В этом проявляется сложившийся стереотип представлений, согласно которых античность — это мифологическое мышление, а средневековье — христианское. Противоречивость такой позиции бросается в глаза, суть в том, что в эпоху средневековья присутствовали оба уровня мышления: мифологический — в народном сознании, христианский — в догматах церкви, в культурной традиции, унаследованной от античного мира.

Несколько иная картина сочетания различных уровней мышления возникает в X веке при принятии христианства на Руси. М. Н. Громов, определяя соотношение языческих и христианских представлений, выделяет следующие основные установки языческой древнерусской модели мироздания: «не-

расторжимость с природными циклами, поклонение стихиям, неразличение материального и духовного аспектов бытия, культ тотемов и почитание предков как способы социальной детерминации. Древнейшие мифологемы вроде «брака неба и земли» и архетипы сознания вроде «мирового древа» служили образно-символической интерпретации бытия». В противовес им «христианство вместо уравновешенного натуралистического пантеизма язычества вводит напряженное противостояние духа и материи, драматический конфликт добра и зла, олицетворяемый Богом и его супротивником — дьяволом. Идею вечного круговорота, или возвращения, сменяет концепция векторного, эсхатологического, финалистического типа от сотворения мира до грядущего Страшного суда, уже присутствующая в монотеизме Ветхого Завета. Человека призывают к моральной ответственности, его жизнь подключается к мировому универсуму, судьба родного этноса становится частью общечеловеческой. Все народы и все люди вовлекаются в единый поток вселенской истории» [23, с. 448].

Уровень сознания людей в этом описании предстает как нечто статичное, что можно взять и произвольно заменить на другое, что также в традиции идеалистического мышления. На примере античного мира мы видели длительный путь развития абстрактного мышления, развитие взглядов, стремление к преодолению противоречивости жизни и самого человека путем создания новой системы представлений. И те напряженные поиски, которые были в Древнерусском обществе, завершившиеся принятием христианства, можно объяснить только тем, что мифологическое мышление уже стало архаизмом. Христианство не «вводит напряженное противостояние духа и материи, драматический конфликт добра и зла», оно отвечает насущным потребностям развивающегося сознания, которое не удовлетворяется мифологическим мышлением, уже отделяет человека от природы, преодолевает местную ограниченность кругозора, живет противоречиями мировых сил: добра и зла, между духовными устремлениями и физической природой человека, ищет путей их разрешения и находит их в христианстве.

С учетом тех обстоятельств, при которых на Руси было принято православие, можно сделать вывод о более сознательном выборе христианства, сделанном на более высоком уровне развития мышления, чем у западноевропейских народов в IV—V веках. В результате православие быстро утвердилось и вошло в жизнь народа более органично, чем у западноевропейских народов: без массового сатанизма и без инквизиции.

Стереотипы нашего мышления, закрепляющегося за каждым историческим этапом отдельный, более высокий тип мышления, сами по себе являются пережитком одностороннего взгляда на движущие силы исторического прогресса.

С идеалистической точки зрения, представляющей историю как самосознание духа, который, отчуждаясь от природы, становится тождественным с самим собой, т. е. с абсолютным духом (Гегель), объяснить такие «провалы» в истории, как период Средневековья, невозможно. Реальная жизнь внесла коррективы в процесс развития человеческого общества, гибель античного мира оборвала строгую преемственность в развитии сознания, — античный мир слишком вырвался вперед в своем развитии по сравнению с другими народами. Но признать роль реальной жизни как источника развития сознания идеализм не может по своей природе. Отсюда явно натянутое отождествление Средневековья с христианством как желание выровнять линию развития, представить античный мир и средневековый период в качестве последовательных ступеней развития духа.

С материалистической точки зрения, представляющей сознание как производное от материальных условий жизни (марксизм), средневековье является переходом к более прогрессивному, феодальному способу производства, следовательно, — к более высокому уровню сознания. А достижения сознания человека, культурная традиция, как и «прочие виды идеологии и соответствующие им формы сознания» (К.Маркс) не имеют ни самостоятельности, ни истории. Более высокий уровень сознания людей античного общества по сравнению с уровнем западноевропейцев периода Средневековья никак не укладывается в марксистскую модель взаимодействия сознания и материального производства.

Развитие жизни, понимаемой в единстве человеческого сознания и его практической деятельности в реальном мире, не вписывается ни в идеалистическую, ни в материалистическую систему представлений.

Дуализм сознания людей средневековья явился результатом кризиса мифологического мышления в период разложения родоплеменных отношений. Так же как в свое время люди античного общества, западноевропейцы утратили ощущение гармонии мира. Но для обретения ее вновь на основе христианского монизма, опирающегося на идеи терпимости, ненасилия, любви к ближнему, людям средневековья необходимо было преодолеть противоречия дуализма не только в абстрактном мышлении, но и в общественной практике.

Дуализм мышления, основанный на резком противопоставлении души и греховной, низменной физической природы человека, выражался в господстве нетерпимости, в фанатизме аскетов, уничтожавших власть плоти, в разнузданности, жестокости и кровожадности тех, кто полностью отдавался власти собственных страстей. В реальности такое состояние оборачивалось образом жизни, который Томас Гоббс назвал состоянием «войны всех против всех. Ибо война есть не только сражение, или военное действие, а промежуток времени, в течение

ние которого явно сказывается воля к борьбе путем сражения» [24, с. 95]. Противоречивость внутренней природы человека обуславливала остроту противоречий между людьми. Никто не чувствовал себя в безопасности.

Условия для преодоления дуализма души и тела были созданы с принятием христианства, монизм которого стал одним из догматов церкви. Но сознание не развивается вне жизни, как это представляет идеализм, и от того, что западноевропейские народы, минуя рабовладельческий способ производства, сразу перешли к феодальному, их сознание не стало моментально выше сознания людей античного общества, как следует из марксизма. Христианство создавало лишь идеологическую форму для разрешения противоречия, для того, чтобы оно вошло в сознание людей, живущих реальной жизнью, необходимо было разрешение реальных противоречий между людьми, острота которых в эпоху раннего средневековья создавала постоянную угрозу их жизни. Это не были социальные противоречия, потому что сами сословия еще только формировались, структура общества еще не устоялась, границы сословий были размыты, а социальное самосознание отсутствовало совсем. Это были противоречия, обусловленные крайним индивидуализмом, когда каждый сам решал, что хорошо, что плохо и главным аргументом была грубая сила. Даже в XVII веке Бенедикт Спиноза писал, что «люди скорее следуют руководству слепого желания, чем разума. (...) Поскольку люди обуреваются гневом, завистью или каким-нибудь другим ненавистническим аффектом, постольку они влекутся врозь и друг другу враждебны. (...) Но так как люди по природе в высокой степени подвержены этим аффектам, то люди, следовательно, — от природы враги» [25, с. 294].

Разрешение этих противоречий произошло с утверждением идеи общей власти, государства. Важнейшим элементом развития сознания в эпоху средневековья было постепенное осознание того, что «там, где нет общей власти, нет закона, а там, где нет закона, нет несправедливости... Указанное состояние характеризуется также отсутствием собственности, владения, отсутствием точного разграничения между моим и твоим. Каждый человек считает своим лишь то, что он может добыть, и лишь до тех пор, пока он в состоянии удержать это» [24, с. 97]

Осмысление этого процесса произошло значительно позже в работах Томаса Гоббса, Бенедикта Спинозы, Джона Локка и других философов Нового времени. В более позднем осмыслении процессов реальной жизни также есть своя закономерность, — взгляды мыслителей являются отражением достигнутого уровня мышления.

Люди средневековья в большинстве своем не задумывались над вопросами государственного строительства, и идеи государства, законности, порядка и справедливости входили в сознание как не-

избежный выход из постоянного состояния страха за собственную жизнь, через длительный период враждебности и разобщенности, феодальной междоусобицы, непрекращающегося кровопролития.

С утверждением феодальных государств, в рамках которых формировались западноевропейские народы, противоречия между людьми не исчезли, но непосредственная угроза жизни отступила — противоречия «сняты». Освобождение от страха было непременным условием дальнейшего развития сознания. Утверждение феодальных государств означает, что в сознании людей утвердились представления о терпимости, справедливости, законности. Только после этого наступило время для христианского монизма в массовом сознании людей.

Развитие сознания на этих примерах предстает как восхождение к представлениям более общего характера, более абстрактным. С высоты этих более абстрактных представлений противоречия, ранее представлявшиеся неразрешимыми, обретают единство. Если люди раннего средневековья считали лучшим способом разрешения противоречий между людьми — поединок, то с утверждением представлений о единой для всех справедливости, такой способ стал рассматриваться как проявление дикости. С точки зрения дуалистических представлений о противостоянии бога и сатаны, добра и зла верность богу выражалась в аскетизме, в уходе от реальной, мирской жизни, максимально обострялся конфликт между душой и физической природой человека. Более высокая точка зрения на Бога, как «распорядителя всего сущего» (Фома Аквинский), охватывающего и добро и зло, примиряла внутренний мир человека, возвращала его самого в реальную жизнь, давала простор для индивидуального развития.

Нетрудно заметить, что со времени средневековья изменилось поведение человека, который стал менее импульсивным, менее подверженным аффектам, более сдержанным, терпимым. С медицинской точки зрения аффект — это сужение сознания, отталкиваясь от этого, можно сказать, что сознание стало шире, а точка зрения выше.

С точки зрения психологии «при абстрактной установке мы отвлекаемся от конкретных свойств предметов и явлений. В своих действиях мы ориентируемся более отвлеченной точкой зрения, будь то категория, класс или обобщенное значение, перед которыми отступают конкретные объекты. Мы отделяем себя от данного чувственного впечатления, и конкретные вещи предстают перед нами как частные случаи или репрезентации некоторых категорий» [26, с. 30].

Можно сделать вывод о том, что развитие абстрактного мышления — необходимый элемент развития сознания человека. С помощью абстрактного мышления человек формирует представления, которые помогают ему преодолеть раздражающие его и общество противоречия. Но из множества пред-

ставлений, формируемых людьми, реальная жизнь, общественная практика производит отбор, определяя их жизненность.

Христианский монизм, унаследованный как культурная традиция античного мира, ставший религиозной догмой в эпоху средневековья, начал утверждаться в сознании «христианского мира» только в эпоху Возрождения вместе с идеями единства мира как божьего творения, гуманизма, милосердия, с развитием человеческой индивидуальности.

И вновь двигателем этого процесса изменения представлений людей стало развитие индивидуального сознания. Сначала это были отдельные мыслители, которых скорее можно рассматривать, как продолжателей традиции античности или как последователей церковной догматики. К примеру, Ф. Аквинский (1225/26—1274) писал: «Жошь скоро бог есть всеобщий распорядитель всего сущего, должно отнести к его провидению то, что он дозволяет отдельным недостаткам присутствовать в некоторых частных вещах, дабы не потерпело ущерба совершенство всеобщего блага. В самом деле, если устранить все случаи зла, то в мироздании недоставало бы многих благ. Так, без убийства животных была бы невозможна жизнь львов, а без жестокости тиранов — стойкость мучеников» [27, с. 838].

В эпоху Возрождения идея единства мира и человека — это уже господствующее направление развития сознания. Николай Кузанский (1401—1464) пишет: «Бог есть свернутый мир. Вселенная есть развернутый бог» [28, с. 64]. С пониманием единства мира тесно связано понимание единства человека: «Человека в общем порядке представь через единство света — человеческую природу — и инаковость телесной тьмы...» «В самом деле, человек есть бог, только не абсолютно, раз он человек; он — человеческий бог. Человек есть также мир, но не конкретно все вещи, раз он человек; он — микрокосм, или человеческий мир. Область человечности охватывает, таким образом, своей человеческой потенцией бога и весь мир» [29, с. 258].

Неслучайно философской основой культуры Возрождения явился «гуманистический неоплатонизм» — монистическая философия античности [30, с. 137].

Показателем развития массового сознания, повышения уровня абстрактного мышления является расширение среди беднейших слоев населения идей свободы, справедливости, равенства. Это проявилось в крестьянских восстаниях против крепостной зависимости: в 1358 г. — «жакерия» во Франции [31, с. 77], в 1304 г. в области Верчелли в Италии восставшие крестьяне, которых возглавил Дольчино, выдвинули лозунг — установление «царства равенства и справедливости» [31, с. 7]. В Англии в 1381 году восставшие под предводительством У. Тайлера выдвинули требования ликвидации крепостного пра-

ва, отмены всех крестьянских повинностей, конфискации земель церкви, равенства сословий [31, с. 131].

Об этих событиях обычно упоминают как о примерах роста социального самосознания, протеста против роста эксплуатации и это правильно. Но, кроме этого, следует отметить и изменения в уровне сознания людей. В период раннего средневековья при отсутствии устойчивой государственной власти, законодательства, при постоянной опасности произвола со стороны феодалов, соседей, просто разбойников установление феодальных отношений рассматривалось как благо или неизбежность. Нередки были случаи, когда крестьяне сами шли в зависимость к сильному феодалу в обмен на его покровительство. Но, когда опасность жизни отступила, сознание людей, освободившись от страха, стало развиваться, сословное неравенство стало восприниматься как несправедливость. Сознанием людей овладели идеи равенства и свободы. Изменения условий материального производства, которые в соответствии с марксизмом, определяют уровень сознания, здесь ни при чем. Изменившиеся представления людей, как следствие развития сознания, сломали систему крепостных отношений. Начиная с XIII века в Италии, Франции, Англии начался процесс освобождения крестьян, двигателем которого был социальный протест крестьянства.

Влияло ли на сознание крестьян их социальное положение, обусловленное их ролью в материальном производстве, — несомненно, и в том, что марксизм эту взаимосвязь выявил — его несомненная заслуга. И никакое идеалистически понимаемое разворачивание духа не может опровергнуть того, что интересы крестьян противоречили интересам феодалов, но для того, чтобы эти интересы были ими осознаны, как интересы социального слоя, чтобы в качестве выражения этих интересов была выдвинута абстрактная идея — для этого необходимо было достижение определенного уровня развития сознания. Этот уровень развития предполагает развитие индивидуального сознания, выходящего за рамки социально обусловленного. Сам факт протеста против сложившихся условий жизни свидетельствует о том, что сознание не определяется полностью местом в материальном производстве, но стремится к освобождению от этой зависимости.

Начиная с эпохи Возрождения, в массовом сознании зло перестает мыслиться как самостоятельная мировая сила, зло — лишь недостаток добра. Жизнеутверждающее, позитивное отношение к миру прочно вошло в сознание людей. В этой системе ценностей человек, обретая внутреннее единство, вырос и в собственном сознании. Результатом развития сознания человека явилось утверждение верховенства духа над его физической природой, человек научился контролировать свои страсти, стал менее эгоистичным и жестоким, но и с возросшим чувством собственного достоинства. Единство души

и тела еще весьма относительно, они противопоставляются друг другу как часть божественного духа и греховная физическая природа, но эти противоречия теряют характер непримиримого антагонизма — противоречия дуалистического мышления «снять». На этой основе возник антропоцентризм, как утверждение самоценности человеческой индивидуальности, сознающей себя разумной, творческой силой.

Обретя уверенность в самом себе, развивая собственную индивидуальность, поверив в силу своего разума и научившись владеть своими страстями и умирять собственный эгоизм, человек, опираясь на представления христианского монизма, обрел человеческий облик. Однако вместо благодарности он вступил в противоречие с Богом, сделав его своим предметом познания и изучения.

Первоначально, признавая его существование и даже необходимость (Бэкон, Декарт), человек, не удовлетворяясь священным писанием, создал усовершенствованную идеалистическую модель мира, заменив христианскую мифологию законами логики и диалектики, назвав бога абсолютным духом (Гегель). Это был шаг в сторону реальной жизни от религиозной догматики. Усовершенствованная таким образом система представлений — трансцендентальный идеализм, до настоящего времени является господствующей идеологией в странах Запада, несмотря на то, что уже длительное время она отстает от развития массового сознания.

Идеалистические представления о дуализме души и тела, о том, что душа как часть божественного или абсолютного духа — это сфера высокого, а телесная, физическая природа, как все материальное, — сфера низкого, порочного, греховного, эти представления вступили в противоречие с развитием сознания еще в эпоху Нового времени. Это противоречие выступило на первый план, потому что именно материальная сторона жизни человека стала бурно развиваться. Развитие сознания человека усилиями индивидуальностей пробивало все новые пути к знаниям, к новому уровню понимания мира, творческий гений человека привел к промышленной революции, к изменению условий труда; материальное производство, как главный источник богатства, стало важнейшей сферой жизни общества. Этот процесс нашел свое выражение в новой системе представлений, сначала в материализме французских просветителей, затем в марксизме, который определил сознание как производное от материальных условий труда. Это был следующий шаг философской мысли к реальной жизни.

Этот дуализм мышления, основанный на противопоставлении души и тела, материи и сознания, идеализма и материализма — результат развития западноевропейского общества. Развитие сознания, совершенствование абстрактного рационального способа мышления привели к изменению представле-

ний. Мистическая сторона религиозного мышления вместе с верой в реальность христианской мифологии ушли в прошлое. Больше не стоял вопрос о том, победят ли силы добра или зла, вопрос стоял о том, как построить царство свободы и справедливости. Формирование представлений идеализма и материализма — это две формы ответа на вопрос о дальнейшем развитии, которые встали перед западноевропейским обществом в XVIII—XIX веках. И Гольбах, и Фейербах, и Маркс, и Энгельс — мыслители западноевропейской культуры. Дуализм мышления на основе противопоставления идеализма и материализма — ступень развития сознания общества стран Запада.

Острота социальных противоречий между бедными и богатыми придала этому противостоянию идеологический характер. Дуалистическое сознание с его непримиримостью, нетерпимостью, максимализмом вновь овладело людьми. Идеологическое противостояние капиталистической и социалистической систем осложнило дальнейшее развитие мышления в странах Запада. Возведя христианские ценности и философский трансцендентализм в ранг идеологии, западное общество как идеологически вредное оценило материализм, марксизм, даже диалектику Гегеля как обоснование тоталитаризма.

На другом полюсе идеология социалистического лагеря превратила марксизм в догматическое учение, объявила идеализм враждебной идеологией.

Такое засилие идеологического подхода с его непримиримостью препятствует взаимопроникновению и взаимообогащению этих направлений, их последующему синтезу. Этот период идеологического противостояния идеализма и материализма характерен отсутствием развития философии, постепенной утратой связи с реальной жизнью, разрывом с традицией классической философии.

Идеализм сыграл свою историческую роль в развитии сознания человека, преодолел дуализм добра и зла, догматизм религиозного мышления. С точки зрения метода познания он выродился в трансцендентализм, который считает предметом изучения область сверхчувственного, которое в принципе непознаваемо, и в субъективизм с его иррационализмом и релятивизмом. Заслуга марксизма в том, что он реабилитировал материальную сторону жизни, преодолел абстрактно-идеалистический подход, рассматривая явления в их взаимосвязи и в процессе их развития, однако, выявив реально существующие взаимосвязи материальных условий труда и социально обусловленного сознания, марксизм излишне абсолютизировал их.

И идеализм, и материализм не могут преодолеть собственной идеологической ограниченности в понимании природы человека. Идеализм определяет его через сознание или дух, марксизм — через производство средств жизни. Вопреки логике понятие «человек» определяется не как совокупность его

родовых и индивидуальных свойств, а через одно свойство, представляемое как сущностное. Результат — фрагментарность. Для того, чтобы адекватным образом определить природу человека, необходимо максимально охватить его различные стороны, рассматривать его в единстве сознания и физической природы, души и тела, т.е. преодолеть ограниченность идеологического подхода. Понятие «человек» обретает единство этих его сторон, если рассматривать его как часть живой природы, определяя его через это более общее понятие в соответствии с правилами логики.

Философский трансцендентализм и марксизм едины в определении целей и движущих сил развития человека вне его самого: идеализм — в области духа, марксизм — в построении коммунизма, к которому ведет объективный ход истории. Как бы высокопарно не говорили о гуманизме представители обоих направлений философии, человек при этом становится средством для достижения этих целей и оценивается не по уровню индивидуального развития, а по соответствию идее или «бытию» (Хайдеггер) или по принадлежности к религии, классу, партии и т. д. Однако наличие такой внешней для человека цели позволяет создать систему обязательных норм морали и нравственности. Отсутствие такой цели в субъективизме приводит к относительности и необязательности любых норм, к обоснованию произвола.

Это противоречие преодолевается только при преодолении противопоставления идеализма и материализма, души и тела, при рассмотрении человека как части жизни, которая выступает высшим критерием нравственности. С этой точки зрения цель развития человека и в нем самом, и вне его, развиваясь сам, человек развивает жизнь — эти цели совпадают при условии, что человек верен своему призванию.

Понимание единства человека и жизни природы определяет в качестве высших ценностей естественные, всегда существовавшие для него ценности: жизнь природы, жизнь народа, индивидуальная жизнь. Эти естественные ценности в таком порядке не умаляют ценности индивидуальности, так как они не существуют в отрыве друг от друга. У жизни нет другого проявления, кроме индивидуальной жизни, а индивидуальная жизнь не имеет смысла в отрыве от жизни, как часть без целого.

Дуализм идеализма и материализма наибольшую остроту имел в начальный период своего распространения — в начале XX века, в эпоху социальных потрясений на почве классовых противоречий. Оформившись в две противоборствующие идеологические системы, дуализм представлений остался и внутри каждой из них, но в разном соотношении.

В странах Запада, основу идеологии которой составлял идеализм, представления массового сознания сочетают в себе, казалось бы, непримиримые,

противоречивые представления. Сугубо материалистический образ жизни западного общества основан на рациональном мышлении, на представлениях прагматических и даже примитивно утилитарных, на представлениях о счастье как статистическом счете в банке, об «американской мечте» как, прежде всего, о материальном успехе. Наряду с этим сознание людей Запада включает в себя представления, основанные на религии, либо на гуманистических учениях с их проповедью ненасилия, пацифизма, прав и свобод личности. Отличительной чертой этих христианских и гуманистических ценностей является их неприменимость к реальной жизни. Система массового сознания в странах Запада состоит из бытового утилитарного прагматизма и неприменимых к реальной жизни ценностей. Дуализм мышления проявляется на Западе в противоречии между практической деятельностью и нравственными ценностями, которые они на словах исповедуют. Мы порой негодуем по поводу их политики «двойных стандартов», но не понимаем, что в этом проявляется система сознания людей Запада. Они считают совершенно оправданным и утилитарным прагматизм, когда это касается их собственных материальных интересов, и высокий пафос морализирования, когда судят о других.

Эта система представлений на протяжении длительного времени находится в кризисе, прежде всего, духовном. Идеологическая ограниченность культуры, основанной на индивидуализме, привела к крайнему субъективизму с его иррационализмом и релятивизмом. Как реакция на разрушение оснований, на которых строилась мораль общества, в настоящее время усилились позиции трансцендентализма, более того стремление к возврату к религиозности.

Система представлений, которая сложилась в нашей стране, также включает в себя и идеалистические и материалистические элементы. К 1917 году в нашей стране еще не было устоявшейся традиции идеализма, массовое сознание отличалось религиозным мышлением, основанным на вере и православном мистицизме, которое на западе уже в значительной степени было преодолено развитием рационального мышления. Отсталость развития сознания в значительной степени была обусловлена многочисленными пережитками феодализма, главным из которых было сословное социальное устройство. Мы только подошли к той черте, когда развитие индивидуального сознания вступило в острое противоречие с сословной формой общества. Страны Запада прошли этот этап развития на 2—3 столетия раньше. С этой точки зрения, несмотря на многочисленные жертвы и потери, понесенные нашим народом, революция дала простор дальнейшему развитию сознания людей, сломав сословные преграды между людьми, подняв уровень их самоуважения. Однако сознание так резко измениться не может, уровень религиозно-

го мышления, господствовавший в сознании, с его потребностью в вере сформировал культ личности Ленина, затем Сталина, культ партии — «ум, честь и совесть нашей эпохи». Социализм был порождением не научного коммунизма, а религиозного мышления, господствовавшего в массовом сознании России в начале XX столетия, марксизм был лишь его официальной идеологией.

Естественной реакцией перенесения более высокого уровня мышления, зафиксированного в марксизме, на низкий уровень массового сознания народов России стал догматизм марксизма. Как в свое время христианство, перенесенное с античного общества на западноевропейских варваров, стало догматическим.

Дальнейшее развитие сознания в нашей стране прошло под идеологическим влиянием исторического материализма, который стал идеологией социализма, и в этом также была своя закономерность. Этот дуализм сознания сопутствовал всей истории Советского Союза, соединяя в себе представления, которые, казалось бы, совершенно не совместимы. С одной стороны, — религиозное мышление, основанное на слепой вере в мудрость вождей, догматическое толкование марксизма-ленинизма, схоластический стиль философствования с обязательными ссылками на классиков марксизма и, с другой стороны, — самый передовой метод научного познания мира, ориентирующий на изучение явлений реальной жизни в их диалектической взаимосвязи и развитии. С точки зрения развития сознания — исторический материализм был высшим достижением мышления западноевропейского общества и той идеологической формой, которая стимулировала развитие сознания в нашей стране.

Этот исторический парадокс еще требует вдумчивого объяснения: развитое сознание западноевропейского общества избрало отсталую с точки зрения развития мышления идеологию, а менее развитое сознание народов Советского Союза — самую передовую. Содержание этого идеологического противостояния было совершенно различным: в странах Запада развитие сознания тормозилось и до сих пор тормозится устаревшей идеологией, в странах Советского Союза — развитие сознания стимулировалось формой мышления, которая была достижением западноевропейского общества.

Мы, в сущности, доросли до марксизма только к концу XX века, преодолев религиозное мышление, но тогда социализм, а точнее — ее сталинская модель, потерпел крах, сначала — в нашем сознании, затем — как политическая система. Этот вывод необходимо нам усвоить: не Запад победил в «холодной войне», а развитие нашего сознания преодолело то мышление, которое было основой сталинской модели социализма.

Мы путем развития преодолели дуализм нашего мышления, но на достигнутом уровне вновь сто-

им перед противопоставлением материализма и идеализма. Это противоречие для нас уже не имеет той остроты, что была сто лет назад. Массовое сознание наших людей уже преодолело его, мы больше не делим себя на душу и тело, с одинаковым уважением относимся к духовным и физическим потребностям, мы уже не строим баррикад, более или менее, но мы научились уважать друг друга, независимо от политических взглядов, религии, возросло сознание общности и единства народа. наших предков мы уже не делим на своих и чужих, «красных» и «белых» — они все наше прошлое, как ступени нашего развития. Когда мы опираемся на сознание интересов жизни нашего народа, России, все остальные противоречия отступают на задний план. Это и есть то более высокое понятие, в котором противоречия «сняты», находятся в диалектическом единстве.

Усвоив метод исторического материализма с его диалектикой, историзмом, стремлением к рассмотрению явлений в их взаимосвязи и развитии, мы испытываем разочарование, знакомясь с достижениями мысли в странах Запада. Вперед они не ушли, в лучшем случае — остались там, в XIX веке, на уровне Ницше, Шопенгауэра, Кьеркегора. Руководствуясь этим же методом, мы видим ограниченность марксизма, абсолютизовавшего взаимосвязь материальных условий жизни с сознанием человека. Мы не можем не видеть, что материальные условия жизни сами являются показателем развития сознания человека, а их влияние — лишь обратная связь продуктов деятельности человека на него самого. Мы, освоив наиболее передовой стиль мышления, сейчас свободны от идеологического давления, открыты всему новому, готовы к дальнейшему развитию сознания, которое и является движущей силой исторического развития.

Литература

1. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. // Энциклопедия философских наук. — М., 1977. — Т. 3. — С. 222.
2. Всемирная история: Каменный век / А. Н. Бадак, И. Е. Войнич, Н. М. Волчек и др. — Минск: Харвест; М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. — С. 95.
3. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: «Правда», 1990. — 560 с.
4. К. Гольдштейн. Абстрактное и конкретное поведение // Хрестоматия по общей психологии. — М., 1998. — Вып. III. — С. 30—31.
5. Плутарх. Избранные жизнеописания: В 2 т. — М.: Издательство «Правда», 1990. — Т. 1. — С. 31. — 606 с.
6. Лосев А. Ф. История античной философии в конспективном изложении. — М.: ЧеРо, 1998. — 190 с.

7. Якобс В. Происхождение зла и человеческая свобода или трансцендентальная философия и метафизика // Вопросы философии. — 1994. — № 1.
8. Гумилев Л. Н. Конец и вновь начало. — М.: Айрис-пресс, 2003. — 416 с.
9. Аверинцев С. С. Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от античности к средневековью // Из истории культуры средних веков и Возрождения. — М., 1976. — С. 17—64.
10. Тертуллиан. Избранные сочинения. — М.: Прогресс, 1994. — 448 с.
11. Ареопагитики // Мистическое богословие. Изд. «Путь к истине». — Киев, 1991. — С. 10—20.
12. S. Aurelii Augustini Hipponensis episcopi De doctrina Christiana libri quattuor // PL. Т. 34. Col. 35—81.
13. Каждан А. П. Византийская культура — М.: Наука, 1968. — 280 с.
14. Дьячок М. Т. Типологические особенности культуры «темных веков»: Материалы четвертой научной конференции преподавателей и студентов. — Новосибирск: Наука, 2003. — С. 19—23.
15. Столяров А. А. Патристика. Понятие о патристике и ее основные особенности / История философии. Запад—Россия—Восток: Кн. 1. Философия древности и средневековья. — М.: Греко-латинский кабинет, 1995. — С. 246—252.
16. Маркс К. Немецкая идеология // К. Маркс и Ф. Энгельс // Сочинения. — 2-е изд. — М., 1955. — Т. 3.
17. Аверинцев С. С. Из истории культуры средних веков и Возрождения. — М., 1976.
18. Вебер Г. Всеобщая история: В 15 т. 2-е изд. — М., 1893—1896. — Т. 6. — С. 79—85.
19. Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. — М., 1968. — 472 с.
20. Рассел Б. Жизнь в средние века // Russell B. Why I Am Not a Christian and Other Essays. London: Alien & Unwin, 1957.
21. Ивин А. А. Интеллектуальный консенсус исторической эпохи // Познание в социальном контексте. — М., 1994. — 174 с.
22. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. — М.: Искусство, 1972. — 350 с.
23. Громов М. Н. Языческая и христианская модели бытия // История философии. Запад—Россия—Восток. Кн. 1. Философия древности и средневековья. — М.: Греко-латинский кабинет, 1995.
24. Томас Гоббс. Сочинения в двух томах. — М., 1989—1991. — Т. 2. — 622 с.
25. Спиноза Б. Избранные произведения: В 2 т. — М., 1957. — Т. 2.
26. Гольдштейн К. Абстрактное и конкретное поведение // Хрестоматия по общей психологии. М., 1998. — Вып. III.
27. Антология мировой философии: В 4 т. — М., 1969. — Т. 1. — Ч. 2 — 3000 с.
28. Кузанский Н. Антология мировой философии. — М., 1970. — Т. 2.
29. Кузанский Н. Сочинения. — М., 1979—1980. — Т. 1. — 472 с.
30. Скрыпник В. Р. Философия эпохи Возрождения // Хрестоматия по истории философии: В 2 ч. — М.: Прометей, 1994.
31. Всемирная история: Начало Возрождения. — Минск.: Харвест; М.: АСТ, 2000.

«АРХАИЧЕСКИЙ» АНТИТРАДИЦИОНАЛИЗМ (Л. С. Яницкий. Архаические структуры в лирической поэзии XX века)

Когда берёшь в руки издание, посвященное рассмотрению круга проблем, связанных с лирическим родом литературы, первая мысль, которая закономерно возникает в сознании, — это мысль о том, не станет ли книга *очередной*: очередным перечислением закономерностей лирики, вяло или, напротив, чрезмерно проиллюстрированных малоизвестными текстами; очередной констатацией специфических возможностей лирического мирообраза, вряд ли нуждающейся в появлении новых доказательств; очередным набором псевдолитературоведческого новояза, превращающего разговор о красивом, вечном и понятном в умозрительный, скучный внутренний диалог литературоведа (либо вынужденный спровоцированный автором диалог читателя с литературной энциклопедией или словарём).

Знакомство с книгой Л. С. Яницкого позволяет в очередной раз убедиться в том, что в случае, когда автор идёт «от материала», когда исследование зиждется на очень стройной концепции, изложенной к тому же ясным, теоретически корректным языком, работа «обречена» на успех. Книга, посвященная исследованию роли ритуально-мифологических, архаических структур в эстетике и практике различных литературно-художественных направлений XX века, носит характер остросовременной и своевременной, так как рубеж веков и тысячелетий — весьма оправданное время для подведения итогов и попытки создания объективной (насколько это возможно в рамках гуманитарной науки), обобщённой концепции лирического творчества в XX веке.

Подкупает книга и оригинальностью, точностью выражения авторской позиции, которая, впрочем, аккумулирует все современные достижения литературоведческой науки во взгляде на проблему реализации архаических структур в поэтических экспериментах XX века. Вслед за С. Н. Бройтманом, Н. Л. Лейдерманом, М. Н. Липовецким, В. И. Тюпой исследователь констатирует факт существования в рамках мирового и национального литературного процессов двух типов культуры, обозначенных Л. Яницким как неотрадиционализм и антитрадиционализм (хотя, по нашему мнению, даже в радикальные эпохи — модернизма и постмодернизма — продолжают творить и приверженцы классического типа культуры, без необходимого присоединения приставки «нео»). Близость этих парадигм, на первый взгляд, опровергающих друг

друга, определяется согласно мысли исследователя опорой на мифопоэтические универсалии, обращение к архаическим пластам культуры. На наш взгляд, это очень продуктивный подход, открывающий перспективу многогранного, обоснованного исследования явлений культуры, восходящих к глубинным основам человеческого мышления и чувствования, позволяющий выйти за рамки национальной культуры.

Особый ракурс рассмотрения всегда открывает новые грани в творчестве поэтов, обретших в культурной памяти, благодаря усилиям советского литературоведения, статус хрестоматийных. Книга импонирует широтой контекста, уникальной попыткой проследить типологические сходжения в творчестве авторов, творивших в различные эпохи, принадлежащих к различным национальным и конфессиональным типам культуры. При этом явной доминантой исследования становится обращение к творчеству поэтов рубежа веков (И. Анненского, А. Ахматовой, Н. Гумилёва, В. Маяковского) и поэтов второй половины XX века — А. Тарковского и И. Бродского. Новый взгляд на творчество поэтов, во многом определивших ориентиры искусства XX века, позволил автору на материале анализа поэтических текстов постулировать проблему соотношения лирического и мифологического начал, изучить возможности и функции реализации архаических структур как в рамках традиционалистской, так и антитрадиционалистской модели мира. Аналитическое прочтение текстов — своеобразное погружение непосредственно в исследовательскую лабораторию автора, бесспорно, уникально в силу оригинальности самой предложенной концепции. Вопросы в данном случае могут возникнуть в связи с принципами представленности поэтического контекста. Говоря об этом, мы ни в коем случае не подвергаем сомнению оправданность выбора указанных авторов Л. Яницким. Однако не сужает ли это панораму литературных опытов XX в., модус рассмотрения которой заложен уже в заглавии? Думаем, что обращение к поэтическим опытам В. Брюсова, К. Бальмонта, чьи творческие эксперименты явно учитывали возможности мифопоэтики, архаики не просто расширило рамки исследования, а добавило бы убедительности и объективности выводам. Это размышление возникает и при знакомстве с образцами лирики второй половины XX века, представленной в несколько усечённом виде, хотя

этот аспект, на наш взгляд, особенно интересен и актуален. Впрочем, недостатки работы, как правило, являются продолжением её достоинств: перспективные возможности расширения поэтического контекста обусловлены объективностью проблемы и интересом к самому исследованию.

Одним из наиболее удачных разделов книги стала глава, в которой рассматривается диапазон использования культурной архаики в рамках создания циклических единств. Вызывает симпатию корректность, оправданная осторожность, гибкий подход исследователя в работе с понятиями, до сих пор носящими характер дискуссионных в современном литературоведении. Широта трактовки понятий «цикл», «циклическость», «книга», «сборник», думается, заложены уже в самом феномене подобных художественных образований, тем более, когда речь идёт о веке синтеза и экспериментов. В ряду прочих циклическая модель мира в XX веке подвергается целому комплексу процессов, связанных с поисками вариантов трансформации традиционного мирообраза в такой, который мог бы являться адекватным духу времени. Л. Яницкому, с его талантом выбирать самые явные и точные характеристики явления, на наш взгляд, удаётся избежать соблазна погрузиться в эмпирику и пунктирно, избирательно отметить наиболее существенные аспекты, демонстрирующие манифестацию культурной архаики в лирике XX века: циклизация рассматривается как коммуникативная стратегия; ставится вопрос о природном жанровом качестве лирики (на наш взгляд, этим качеством обладают малые жанры — как лиро-эпические, так и эпические) ассимилироваться в единый контекст. Очень важно, что автор не просто фиксирует явление, а определяет его сущностную основу, поэтому (хотя с различной степенью развёрнутости) в исследовании определяются некоторые из возможных принципов циклообразования.

Достаточно убедительно Л. Яницкий рассуждает и о причинах распространённости циклических единств в лирике XX века. Подчёркнём корректность и научную точность авторского подхода: Л. Яницкий пытается оттолкнуться от концептуальной основы произведений, рассматривая формальные принципы организации циклического целого не как самоцель, а как способ воплощения уникальной модели мира, парадоксально модернизирующей даже те структуры, в основе которых заложен глубинный фундамент архаики. Если говорить предметно, то к функциональным факторам, «цементирующим» циклическое единство в рамках неотрадиционализма, корректирующим концепцию произведения, автор относит, в частности, архетипическую память чисел, мифотектонический и ритмотектонический уровни стихотворного цикла. С убедительностью концепции Л. Яницкого, как и с убедительностью доводов, касающихся функции числа, трудно не согласиться — доказательством тому является обширный литературный кон-

текст XX века: проза, как и поэзия, продемонстрировала возможности числовых интерпретаций в рамках многокомпонентных ансамблевых единств. Микроциклы, состоящие из двух и трёх произведений, создавались, например, в 20-е годы XX века В. Ивановым, А. Соболевым, К. Фединым, В. Шишковым и многими другими. Обращение к архетипическим структурам и жанрам в рамках прозаических циклических единств в прозе XX века вообще можно считать явлением распространённым. Что касается мифо- и ритмотектоники, то сам раздел воспринимается читающим на волне подъёма интереса, потому что автору, действительно, удалось заинтересовать и ввести читателя в существо проблемы. И вот тут-то подстерегает некоторая степень разочарования по поводу того, что разговор лишь намечен, но как будто бы оборван. В то же время, по нашему мнению, именно этот аспект нуждается в особой тщательности и полноте исследования. Внутри циклических единств XX века, с их особой компенсаторностью, связанной с заменой классических носителей жанра новыми, основанными на возврате к корневому, глубинному, открываются дополнительные скрепы, к которым, в первую очередь, особенно, когда речь идёт о поэзии, нужно относить мотивную, ритмическую организацию текста. Калейдоскопической, мозаичной, фрагментарной, сбивчивой эпохе удаётся преодолеть выплеск этих характеристик в текст во многом благодаря архитектурной, ритмической стройности, присущей, в первую очередь, лирике. Лирическая гармония, удвоенная гармонией цикла-круга (и даже цикла-последовательности, цикла-монтажа, когда речь идёт об ансамбле, строящемся на принципах совмещения разнохарактерных сегментов), способна противостоять историческому хаосу повседневности, предоставленному XX веком в полном объёме и укрупнённом масштабе.

В целом, книга Л. Яницкого производит очень приятное впечатление. Перед нами новое оригинальное исследование, основанное на тонком анализе поэтического материала, изложенное научным, корректным стилем, что, бесспорно, расширяет круг потенциальных читателей. Раскрывая комплекс сложных литературоведческих проблем, исследователь в то же время оставляет перспективу для дальнейшей деятельности, так как концепция, подход к проблеме очень перспективны. Стройная архитектура исследования, попытки проникнуть внутрь семантического ядра явления, логическая точность, оправданность цитирования, умение мыслить масштабно, избегая контекстуальной узости, стремление делать выводы на основе материала, а не наоборот, подгоняя его под свою концепцию (как это часто бывает с молодыми исследователями), позволяют автору в значительной степени достичь, думаем, промежуточной цели своего общенаучного поиска — с достаточной степенью убедительности раскрыть проблему реализации архаических структур в поэтическом наследии XX столетия.

Рефераты статей

ИСТОРИЯ

ББК У9(2Р36)-96 + У9(2)240.0 + Т3(2Р36)6-7

Балакин В. С., Балакина Л. П. Интеллектуальные ресурсы Урала: проблемы воспроизводства и использования. В статье анализируются социокультурные условия формирования интеллектуальных ресурсов Урала, распределения научных кадров по сферам научной деятельности, отраслям наук (технические, естественные, социально-гуманитарные), выявляется динамика численности различных квалификационных групп научных кадров Урала.

ББК Ч216(2) + Т3(2)6-8

Буторина Л. А. Научно-педагогическая деятельность Александра Николаевича Заварицкого. Статья посвящена особенностям педагогической деятельности А. Н. Заварицкого, всемирно известного геолога, академика, который воспитал за пятидесятилетний период своей научной работы несколько поколений геологов. Охарактеризованы некоторые аспекты социально-политического контекста трех периодов преподавания А. Н. Заварицкого в Горном институте. Рассматриваются его методы преподавания, отношения с коллегами и студентами. Впервые приведены воспоминания о педагогической деятельности А. Н. Заварицкого, его детей — геолога, к. г.-м. н. Владимира Александровича и химика, к. х. н. Татьяны Александровны Заварицких.

ББК Т3(2)612-4 + Т3(2)612.8

Волков Е. В. Лики белого движения в мемуарах его участников из Советской России. Данная статья содержит анализ воспоминаний участников Белого движения, проживавших в Советской России. Автор рассматривает эти мемуары как проявление коллективной памяти о гражданской войне.

ББК Х2(2)4 + Х2(Р36)4

УДК 347.9(09) + 347.971.99

Воропанов В. А. Этнорелигиозный вопрос в судебной политике Екатерины II. Статья посвящена этнорелигиозному аспекту в судебной реформе 70—80-х гг. XVIII в. На основе анализа законодательных актов, материалов делопроизводственной документации, а также исторической литературы в работе раскрываются причины образования, исторические условия становления специальных институтов судебной системы. Региональное судостроительство отвечало потребностям последовательной унификации и централизации правоприменительной системы России. Общие и специальные судебные учреждения выполняли важнейшую функцию урегулирования общественных отношений между социальными группами полиэтничного и многорелигиозного населения.

ББК 74.03(2РОС)5

УДК 371(09с)

Егорова М. В. Некоторые аспекты жизни учебных коллективов частных средних учебных заведений дореволюционного Урала. Статья посвящена различным сторонам жизни учебных коллективов частных средних учебных заведений, функционировавших на территории Урала в пореформенный период. Раскрыты причины, влиявшие на определенный спрос среди учащихся на частные школы. В статье показан контингент учащихся этих учебных заведений. Проанализирована воспитательная работа, проводившаяся с учащимися. Выявлены интересы и деятельность учеников во внеурочное время. Показаны некоторые характерные нарушения дисциплины, встречавшиеся в этих школах. Прослежена дальнейшая жизнь и деятельность учащихся после окончания частных учебных заведений. Сделан вывод о том, что несмотря на то, что большинство частных гимназий было доступно в основном обеспеченным ученикам, в них, благодаря деятельности Обществ вспомоществования учащимся, могли обучаться дети и из малообеспеченных семей.

ББК С72 Т3(2Р36)6-3

Журавлева В. А. Динамика численности городского населения Урала в 20—30-е годы XX века. В работе рассматривается влияние индустриализации на социально-демографическую ситуацию Урала. Особое внимание уделяется городскому населению. Анализируется динамика численности горожан в сравнении с общесоюзными и российскими показателями. Определяются причины роста городского населения.

ББК Т3(2Р36)6-2 + Ч03(2Р36)6

Каминский Ф. А. Опыт создания и развития коллективных форм ведения хозяйства в казачьих районах Южного Урала и Западной Сибири в первые годы НЭПа. В статье дается анализ развития коллективных форм организации сельского хозяйства в казачьих районах Зауралья в первые годы новой экономической политики. Первые колхозы и совхозы, созданные сразу после гражданской войны, показали свою несостоятельность и нежизнеспособность и в середине 20-х годов XX века в большинстве своем распались или влачили жалкое существование.

Автор на анализе архивных материалов и документов той эпохи показывает негативную динамику развития и практической деятельности этих полукустовых объединений. В конце статьи Ф. А. Каминский выдает комплекс объективных и субъективных причин, которые в начале НЭПа определили невысокий уровень функционирования первых коллективных объединений на территории бывших Оренбургского и Сибирского казачьих войск.

ББК 3(2)5-7 + Э372.24 + С55.566

Конюченко А. И. Православное белое духовенство России в социально-демографических изменениях (вторая половина XIX — начало XX вв.). В статье рассматриваются мало изученные вопросы расконсервации под воздействием реформ середины XIX в. белого духовенства России. В центре внимания автора оказался анализ образовательного уровня и возрастных характеристик священников, а также их карьерный рост.

ББК Э372 + С55.53

Нагевичене В. Я. Церковный брак и семья в истории христианства и русского православия. Обсуждается сущность церковного брака и семьи. Описывается генезис христианского учения о таинстве венчания и священном семейном союзе. Анализируется богословское понимание причин и атрибутов моногамной семьи.

УДК 711.436.03

Пономаренко Е. В. Особенности планировки южно-уральских сельских поселений различных этнических групп XVIII—XIX вв. Рассматриваются особенности национальных традиций расселения. Работа посвящена анализу возникновения и развития сельских поселений различных этнических групп Южного Урала. Исследуется формирование их архитектурной среды. Анализируется взаимовлияние культур и традиций в формировании архитектурной среды. На основе воспоминаний очевидцев XIX в., архивных изысканий в Российском государственном историческом архиве и анализа генеральных планов поселений выявляются особенности планировки и застройки поселений. Исследуются этапы, которые проходят поселения в XVIII—XIX вв., и характерные черты каждого из этапов.

ББК Т3(2Р36)52-3 + Х2(2Р36)2

Раева Т. В. Государственная городская политика на Южном Урале в начале XX века. В статье предпринята попытка воссоздать реалии взаимоотношений государственной власти и города на Южном Урале в начале XX века. Изучены проблемы содержания, разработанности, продуманности проводимой в регионе государственной городской политики. Сделаны выводы о том, что российское государство явилось главным субъектом градообразования и фактором, определяющим комплекс градоформирующих функций городов Южного Урала. В начале XX века правительство шло по пути улучшения и пополнения городских финансов и расширяло возможности для вмешательства в процесс их расходования на местные пользы и нужды. Предпринятые центральной властью попытки реформировать систему городского общественного управления оказались не реализованными на практике.

ББК 63.3(235.55)61

УДК Т3(2Р36)

Семенченко И. В. Земство и народное образование на Урале в 1900—1918 гг. В данной статье раскрываются основные направления деятельности уральского земства в развитии народного образования. Земства укрепляли материально-техническую базу школ и профессиональных училищ, выплачивали стипендию бедным ученикам, созывали съезды учителей и устраивали курсы повышения квалификации и т. д. Благодаря земствам образование стало доступным для всех категорий граждан, представляло собой разветвленную систему и способствовало подготовке грамотных специалистов.

ББК Т3(2Р36)64-293

УДК Т3(2)6-293

Сибиряков И. В. Новые организационные структуры «новой» уральской интеллигенции в 20-е гг. XX в. В данной статье предпринята попытка анализа широкого круга вопросов, связанных с историей формирования такого феномена как «новая» провинциальная интеллигенция. Особое внимание в статье уделено взаимоотношениям уральской интеллигенции и партийно-советской бюрократии в 20—30-е гг. XX века. Раскрыта роль новых творческих объединений и профсоюзных организаций в жизни интеллигенции в этот период. Отмечены заслуги ряда представителей уральской интеллигенции в развитии науки, искусства, культуры края.

ББК Ф61(2Р36)272.2 + Ф61(2Р36)4-3

Федоров А. Н. Перестройка партийных органов Урала в 1948—1949 гг. Статья посвящена проблемам партийного строительства в послевоенный период. Автор анализирует взгляды отечественных историков на цели и результаты реорганизации партийного аппарата 1948—1949 гг. На основе архивных материалов реконструируется ход перестройки партийных органов Урала. Особое внимание уделяется проблемам, которые вызвала реорганизация аппарата, исследуются механизм и конкретные способы решения этих проблем. Показано отношение партийных работников к изменению режима своей работы и вызванные этим конфликты. Автор доказывает, что перестройка аппарата 1948—1949 гг. не дала улучшения в партийной работе и явилась шагом к усилению партийного контроля над государством и обществом.

ЖУРНАЛИСТИКА

ББК С55.57 + Ю953

Евдокимов В. А. Отражение конфликта личности и группы в региональных средствах массовой информации. Статья посвящена факторам, усиливающим рост потенциальных конфликтов

между личностью и группой в российских регионах, и их отражению в различных региональных средствах массовой информации.

ББК 67.4.01

Кванина В. В., Минбалеев А. В. Правовая сущность информации, являющейся общероссийским национальным достоянием, и информации, являющейся общественным достоянием. В работе рассматривается проблема разграничения сущности новых видов информации — информации, являющейся общероссийским национальным достоянием, и информации, являющейся общественным достоянием.

ББК Ф011.3 + Ф2

Коростина П. В. СМИ как мониторинг политических интересов в регионе. В статье рассматриваются реализация политических интересов общества в региональных СМИ, а также предпринимается попытка охарактеризовать взаимодействие власти и средств информации в политическом процессе.

ББК Ч612.1 + С55.57

Рыжикова Л. Н. Основные тенденции становления и развития корпоративных изданий в России. В статье рассматривается процесс эволюции «малой печати» — многотиражных газет, которые явились историческими предшественниками корпоративной прессы в России. Раскрываются причины появления значительного количества печатных корпоративных изданий с приходом новых экономических реальностей. В этой связи формулируются задачи современных корпоративных СМИ — информирование персонала, налаживание обратной связи с наёмными служащими и акционерами предприятия, увеличение его публичного капитала.

ПОЛИТОЛОГИЯ

ББК Х621.162 + Х629.37 + Ф5(2)

Евсеев И. В., Хвощев В. Е. Развитие уголовно-исполнительной системы как фактор укрепления национальной безопасности России. В настоящее время серьезные внутренние угрозы национальной безопасности России обусловлены недостатками малоэффективной уголовно-исполнительной системы. По этой причине решение пенитенциарных проблем становится в нашей стране одним из приоритетных направлений политики национальной безопасности. Статья посвящена анализу состояния дел в этой важной сфере жизни общества, в ней предпринята попытка теоретического осмысления и разработки практических рекомендаций по совершенствованию уголовно-исполнительной системы, а следовательно, по укреплению безопасности личности, общества и государства.

ББК Ф011.3 + С55.511.3

Киуру К. В. Дискурс-типология политических лидеров. Статья посвящена дискурсивному анализу имиджа политика как феномена публичной сферы. Рассматриваются проблемы лингвистических механизмов формирования имиджа политика. В качестве источника использованы материалы печатных средств массовой информации.

ББК Ф011.3 + Ю95:Ф01 + Ю223.2

Киуру К. В., Блудова А. Г. Природа политического имиджа. В статье рассматривается имидж политика как феномен, имеющий мировоззренческую природу. Анализируется историко-гносеологический аспект имиджа, рассматривается роль имиджа в публичной сфере, выводятся характеристики имиджа как явление публичной сферы.

ББК С5.в6 + С55.35

Нестерова Н. В., Безенков Д. А. Образ успешной личности в массовом сознании россиян: опыт социологического исследования. В статье затрагиваются проблемы социальной адаптации россиян с целью выявления действующей модели «успешной личности». Определяя «социальную успешность» как сочетание внешних и внутренних условий, инициированных социальной активностью личности и направленных на обеспечение индивидуального успеха, ведется речь о поиске индикаторов, позволяющих измерить ее актуальное состояние. В качестве аналитических результатов зафиксировано начало процессов персонализации социальных отношений, когда впервые в России стремление добиваться реализации личных интересов становится общепризнанной добродетелью гражданина.

ББК С55.57 + С55.74

УДК 659.4

Пелленен Л. В. Технологические аспекты публик рилейшнз. Владение технологиями производства позволяет обеспечить профессионализм в любом деле. Публик рилейшнз, как сравнительно новый в российской практике вид деятельности, не является исключением. В статье о технологических аспектах PR предложена модель классификации PR-технологий: предпринята попытка их систематизации и предложен способ формализации описания в виде паспорта PR-технологии.

ББК ЧБ12 + Т3(2)52-293

Соколова Е. П. Специфика российского парламентаризма. В данной статье рассматриваются основные проблемы, связанные со становлением институтов представительной власти в России. Отмечается, что процесс освоения демократических принципов общественного устройства, в том числе и парламентаризма, фиксируется в отечественной журналистике.

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

ББК Ч486 + Ч481.3 + Ч481.2

Болодурина Э. А. Педагогические условия формирования профессиональной культуры студентов. В статье дается анализ процесса формирования профессиональной культуры студентов — будущих специалистов сферы культуры и искусства. Автор доказывает, что профессиональная культура студентов творческих специальностей имеет свои особенности и основывается на выявлении личностных качеств студентов, выборе наиболее эффективных методов и средств воздействия на мотивационную сферу личности; на применении современных педагогических приемов, направленных на формирование профессиональной мотивации, представляющей основу профессиональной деятельности; на разработке методических рекомендаций, позволяющих студенту самостоятельно совершенствовать свою профессиональную культуру.

ББК Ч481.2 + Ч489.52

Дубовец И. А. Проблемность как основной принцип организации учебно-профессиональной деятельности (на примере студентов-журналистов). В статье рассматриваются компоненты структуры познавательной деятельности, а принцип проблемного обучения определяется как основной для организации учебно-профессиональной деятельности, так как направлен на развитие познавательных способностей. Умение вычленять проблему наиболее отвечает становлению познавательной самостоятельности будущих специалистов.

ББК Ю952.18 + Ч481.2 + Ю937

УДК 159.922 + 316.6 + 378

Иголеви́ч Н. И. Изучение психологических особенностей современной управленческой деятельности как условие подготовки специалиста-менеджера. В предлагаемой статье дается анализ специфических особенностей управленческой деятельности в современных условиях и обосновывается необходимость раскрытия психологической структуры деятельности современного менеджера, что позволит выявить детерминанты и эффекты его успешности. Это повысит эффективность профессиональной подготовки менеджеров в высшем учебном заведении и обеспечит выполнение социального заказа общества на подготовку профессионалов.

ББК С55.57 + Ч481.2

УДК 659.4

Семенова Л. М. Состояние готовности к самопрезентации будущих специалистов по связям с общественностью. В статье анализируется проблема готовности к самопрезентации как реализация коммуникативной функции специалиста по связям с общественностью. Определяется цель презен-

тации — убедить аудиторию действовать в нужном направлении, побудить людей ответить на сообщение. В исследовании разрабатывается педагогическая модель и комплекс условий формирования готовности к самопрезентации.

ББК Ю937.4 + С55.325

УДК 159.922.6

Солдатова Е. Л. Исследование социальной ситуации развития в кризисе перехода к взрослости. Социальная ситуация развития, согласно Л. С. Выготскому, определяет весь образ жизни развивающегося человека, его социальное бытие, особенности его сознания, служит исходным моментом для всех динамических преобразований возраста и основой психического развития личности. Социальная ситуация при переходе от юности к взрослости перестраивается. Развивающийся человек выходит из ситуации профессионального обучения и готовится к самостоятельным отношениям в мире. Его личностное развитие осуществляется в двух основных направлениях — профессионального становления и создания собственной семьи. В исследовании участвовало 4 группы молодых людей, проживающих этап, который ассоциируется с нормативным кризисом развития — кризисом ранней взрослости или самоопределения. Исследуются объективная и субъективная составляющие социальной ситуации развития в каждой группе, которые различаются по сочетанию основных направлений развития. Обосновывается, что в кризисе ранней взрослости ситуация включения личности в учебно-профессиональные взаимоотношения более благоприятна для переоценки системы ценностей, жизненных целей, самоактуализации и личностного развития.

ФИЛОЛОГИЯ

ББК Ш5(2)5-4

Горбачевский Ч. А. Подпольный антигерой как идеолог свободы в художественном мире Ф. М. Достоевского. Первым идеологом свободы в художественном мире Достоевского становится антигерой «Записок из подполья». Исследование свободы Достоевский начинает именно со свободы подпольного человека и вплоть до последнего романа «Братья Карамазовы» не выпускает ее из поля своего творческого зрения. В статье на примере художественного образа одного из первых бунтовщиков-своевольцев Достоевского рассмотрена проблема трагизма бунтующего своеволия и самоутверждения.

ББК Ш100.5 + Ш70

Меньшенина С. В. Классификация речей, жанры эпидейктической речи. В статье рассмотрены

различные классификации ораторских речей. В выделенной классификации критерием является целевая установка оратора. В рамках этой типологии речей по цели рассмотрены жанры эпидейктической речи, указаны признаки каждого из приведенных жанров. Автор приводит примеры эпидейктических публичных выступлений в официальных ситуациях, делая анализ различных жанров данного типа речи.

ББК Ш100.3 + С55.511 + Ш7

Пескова Е. Н. Политический дискурс: проблема институционализации. В статье рассматриваются источники возникновения дискурсивного анализа как дисциплины, а в настоящее время и как особого научного направления; указаны фамилии исследователей, стоящих у основ изучения дискурса. Также описаны три классификации дискурса, с опорой на которые можно исследовать и описать какой-либо тип дискурса (например, в данной статье политический) и определить его место в системе понимания термина «дискурс» в целом.

ББК Ш5(2)6-335 + Ш5(2)6-32

Пономарёва Е. В. Жанровый синкретизм малой прозы 1920-х годов. В статье на материале малой прозы рассматриваются историко-теоретические аспекты изучения жанровой стратегии русского рассказа 1920-х годов.

ББК Ш5(4А) + Ш401 + Ш400.2

Сейбель Н. Э. Утопия ожидания романов «Бабы лето» А. Штифтера, «Мадам Бовари» Г. Флобера, «Обломов» И. А. Гончарова. Роман А. Штифтера «Бабы лето» — первый австрийский роман, получивший широкую известность, с именем его автора связано становление национальной австрийской литературы. Стремление вписать современность в исторический процесс, подготовить человека к тому, что он отвечает не только за себя и свое время, но каждый его шаг определяет будущее, связать становление личности со становлением истории отличает роман Штифтера, привносит в него смысл утопии. Особенности романа наиболее очевидны на фоне современной ему литературы, сравнение с вышедшими в том же году романами Флобера и Гончарова наглядно об этом свидетельствует.

ББК 83.3(7Сое)5

УДК 820(73)091

Удлер И. М. Отношение авторов «невольничьих повествований» к письменному слову. Впервые в отечественном литературоведении на материале повествований бывших рабов (конец XVIII—XIX вв.) рассматривается отношение afro-американских рабов к грамотности, в которой они справедливо видели путь к духовной и физической свободе. Создание «невольничьих повествований», ставших самым популярным жанром аболиционни-

стской литературы в США и архетипом всей afro-американской литературы, явилось для их авторов новым шагом к интеллектуальной свободе.

ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Феркель В. Б. О классификации поэтических образов как концептов культуры. Выявление и исследование поэтических образов, содержащихся в культурных текстах, дает новое представление о культуре, интересах и предпочтениях поэтов, а через их восприятие мира — и о культуре обществ, в которых они жили. Структура образов выстраивается по принципу возрастания и усложнения цельности. Используя предложенную автором градацию поэтических образов, выявляются закономерности, отражающие особенности мировосприятия отдельных поэтов.

ФИЛОСОФИЯ

ББК 71.0

УДК 101.1

Будов А. И. Национальные особенности и религиозный фактор в гражданской культуре России. В статье анализируются «Основы социальной концепции Русской православной церкви» в ее связи с перспективами построения гражданского общества и опытом теоретического моделирования гражданских отношений в России, которые представлены в современных дискуссиях по этой проблеме. Обращает на себя внимание, что активная позиция православной церкви по различным вопросам социальной жизни современной России вытекает из тех форм «гражданского сознания», которые тесно связаны с особенностями ее ментального развития и которые представляют ее исторический социум как культурно-религиозную общность определенной коллективной идентичности. Последняя обеспечивает России преемственность бытия и придает социальной жизни характер кумулятивного процесса. В таком контексте православная церковь выступает как полноправный институт формирующегося гражданского общества, в котором интересы церкви задействованы как институционально, так и доктринально, а ее общегражданские позиции обусловлены остротой социальной проблематики. К ним можно отнести обязательства церкви перед обществом содействовать укреплению института семьи, участвовать в разрешении демографических проблем, бороться с сабортами, преступностью, наркоманией и алкоголизмом, участвовать в защите здоровья нации, в решении экологических и других задач, стоящих перед современным обществом.

ББК Ю51

Вишев И. В. Цивилизация будущего — единение молодых и практически бессмертных людей. В мифологическом мировоззрении свойство

бессмертия приписывалось только богам, но не людям. Мировые религии связали решение проблем, в том числе сохранение молодости и достижение личного бессмертия, с потусторонним миром. Старый материализм, включая классическую философию марксизма, также исключал реальное решение данной проблемы, хотя и по другим основаниям, нежели религия. И только в наше время, вследствие таких открытий, как клонирование человека и многих других, представилась реальная возможность перехода к цивилизации будущего как единению молодых и практически бессмертных людей.

ББК Ю81 + Ю621 + Щ330 + С55.564

Куличков И. Л. Публика театра как эстетическая категория. Статья посвящена исследованию одного из аспектов духовной культуры общества, а именно культуры театральной. В статье рассматривается содержание понятия «публика театра», анализируется его структура, выявляется качественное отличие театральной публики от аудитории других видов искусства и средств массовой коммуникации. В исследовании делается попытка дифференциации общего понятия «публика театра», в связи с чем автор вводит в научный оборот такие дефиниции, как «публика спектакля», «публика театрального жанра», «публика актёра» и т. д.

ББК Ю251

Мионов Е. В. Специфика становления российской государственности в социально-политической концепции Б. Н. Чичерина. В статье показывается, что главными особенностями российской государственности в социально-политической концепции Б. Н. Чичерина утверждаются евразийство, общинность, духовность, государственный патернализм. Он полагал, что такие объективные факторы, как природа, климат, колонизация создали уникальную специфику страны, которая предопределила возникновение неповторимых черт ее государственности.

ББК Ю621 + Ф3(2)6 + Ю95

Нагорная В. А. Философия открытого пространства. Информационная природа человека и общества в XXI веке. Жизненные позиции россиян в информационном обществе. Демографический кризис и условия его преодоления в современной России. Творческая лаборатория писателя и формирование этнического самосознания жителей регионов. Красота и гармония как наивысшие ценности жизнотворчества. Психокультура и креативный потенциал как психофизиологические условия проявления глубинных творческих дарований, как сила самосовершенствования личности.

ББК Ю378

Русских Л. В. Культура и экономика в представлениях мыслителей Средневековья. В дан-

ной статье рассматриваются основные особенности понимания экономики и культуры в средние века. Значительное внимание уделено анализу взаимосвязи культуры и экономики. Освещается основной принцип средневековой церковной культуры: верховенство этики над экономикой.

ББК Ю220 + Ю223 + Ю225.60

Сидорова У. В. Современная теория познания и мистический опыт исихазма. В публикации говорится о ситуации кризиса в современной теории познания и обращается внимание на главную, с точки зрения автора, причину этого: сведение всего процесса познания к одной из его форм, а именно научному познанию. Современная гносеология стремится расширить поле своего исследования. В современные гносеологические исследования привлекается все многообразие деятельности и общения, взятое в когнитивном измерении. Не составляет исключения и религиозный, мистический опыт постижения истины. По мнению автора, для нашей культуры особый интерес представляет исихастская практика «умного делания», которая является ядром мистической традиции Православия. В этой публикации предпринята попытка в самом общем виде осмыслить гносеологический аспект исихазма.

УДК 141

ББК Ю 61

Степанова И. Н. Православная философия В. Ф. Войно-Ясенецкого. В статье исследуется разработка проблем мира и человека в философском учении архиепископа Луки. Являясь сторонником энергетизма В. Оствальда, Войно-Ясенецкий использует открытия в физике начала XX века для обоснования креационистского взгляда на мир. В понимании соотношения тела, души и духа в человеке он стремится соединить религиозно-христианские представления с учением И. П. Павлова о высшей нервной деятельности и обосновать идею материализации психических и духовных способностей человека. Учение Войно-Ясенецкого рассматривается в контексте полемики современной науки и паранауки.

ББК Ю22 + Ю959.18 + Ю251.54

Усов В. Н. Рефлексивный анализ современной методологии управленческих решений. Рассматривается методология процессов подготовки и принятия управленческих решений. Рефлексия осуществляется с исторической и актуальной позиций, особое внимание уделяется системному анализу и ситуационному подходу. Обобщая методологические идеи современных исследователей управленческих решений, автор выдвигает собственные предложения.

ББК Ю212.2 + Ю516

Чистов Г. А. «Большое сознание» как философская проблема. В статье анализируется содер-

жание «Большого сознания», субъектом которого является человечество как таковое. Выдвигается постулат, что история представляет собой объективацию содержания «Большого сознания», каковым является знание о мире, бытие и человеке. Раскрывается диалектика рассудка и разума как сфер «Большого сознания» в условиях современного цивилизованного развития.

ББК Ю212.2

УДК 1.20

Шагиахметов М. Р. Сознание человека — основные этапы развития. Статья представляет со-

бой попытку рассмотрения процесса исторического развития с точки зрения развития сознания человека. Исходя из единства человека и природы, развитие сознания человека рассматривается как движущая сила исторического развития. Развитие сознания представляется как преодоление дуализма мышления, отражающего противоречивость природы. В качестве первого этапа развития сознания выделен дуализм добра и зла, который был преодолен в христианском монизме, второй этап, характерный противопоставлением идеализма и материализма, должен быть преодолен в наше время.

Summary

HISTORY

Balakin V. S., Balakina L. P. Problem of reproduction of intellectual resources of Urals Mountains: the past and the present. Social and cultural conditions of formation of intellectual resources of Urals Mountains are analyzed in this article, distribution of the scientific staff on spheres of scientific activity, branches of sciences (technical, natural, socially-humanitarian), comes to light dynamics of number of various qualifying groups of the scientific staff of Urals Mountains.

Butorina L. A. Pedagogical activity of Alexandr Nikolaevich Zavaritsky. The article is devoted to the features of pedagogical activity of the world-famous geologist, of the academician A. N. Zavaritsky, which has brought up some generations of geologists for the fifty years period of the scientific work. Some aspects of sociality-political context of three periods of the teaching in the Institute of Mines are characterized. His methods of teaching, the attitude with colleagues and students are considered. For the first time the memoirs on pedagogical activity of Zavaritsky children are resulted. Vladimir Alexandrovich is the geologist, the candidate of geol-mineral of sciences and Tatyana Alexandrovna is the chemist, the candidate of chemical of sciences.

Volkov E. V. The White Movement in memories of its members from Soviet Russia. The article contains analysis of members of White Movement's memories. The author regards these as collective memory about the Civil War in Russia.

Voropanov V. A. The ethnic and religious question in the law policy of Catherine II. The article is devoted to national and religious question in the law reforms in the 70—80-ies of 18-th century. On the bases of the analysis of the legislative statements, work-office documents, historical literature in the work discovered socio-economical and political causes, historical conditions of special law institutes formation. Regional legal proceedings met the requirements to unify and centralize legal system in Russia. General and special law institutes carried out an important function in settle relations among social groups of polyethnic and multireligious population in Russian empire.

Zhuravleva V. A. Dynamics(changes) of urban population in Ural in the 20—30-e years of the XX-th century. In the article the industrialization influence on the socio-demographic situation in Ural is considered. Major attention is paid to urban population. The author compares the city-dwellers number with all-Soviet and Russian indices and defines the reasons for its growth.

Egorova M. V. Some aspects of pupils' life in private secondary schools in the pre-revolutionary Urals. The article is devoted to different aspects of pupils' life in private secondary schools that functioned in the Urals in the post reformatory period. The article points out some reasons, which influenced the pupils' demand for private schools. The article deals with the social status of pupils in these schools. Also, the author analyses the problems of children up-bringing. The article presents pupils interests and extracurricular activities. Some typical disruptions of discipline are also considered in the article. The article studies pupils' further life and activities after finishing private schools. The author makes a conclusion that only children from rich families could afford to go to a private school. Though there were children from poor families who could study thanks to the activity of special Society of Assistance to poor children.

Kaminsky. Fl. Analysis of the development of the collective forms of agricultural organization in Cossack Far-Ural regions in the first years of new economical politica. The first collective-farms and state-farms, founded just after the Civil War, turned out to be insolvent and unpractical, and in the middle of 20-es in the 20-th century most of them were ruined and led miserable life. Using the analysis of the archives of that period the author shows the negative dynamics of the development and practical activities of those half — artificial communities. After the end of the article Fl. Kaminsky points out the complex of objective and subjective reasons, which determined the low level of the functioning of the first collective unions on the territory of the former Orenburg and Siberian Cossack forces.

Konuchenko A. I. The "White" Orthodox Secular Clergy of Russia in Social-Demographic Measurements. In article poorly studied questions of demography of the "white" orthodox secular clergy of Russia under influence of reforms of the middle of 19-th century are considered. In the centre of attention of the author there was an analysis of an educational level and characteristics of priests of different generations and also their career growth.

Nahevichene V. J. The church marriage and family in history of christianity and Russian Orthodoxy. The essence of a church marriage and family is discussed. Genesis of the Christian doctrine about sacrament of wedding and sacred matrimony is described. The theological understanding of the reasons and attributes of monogamous family analyzed.

Ponomarenko E. V. The peculiarities of South-Ural settlement planning of various ethnic groups in the XVIII—XIX centuries. The research work

covers the peculiarities of national traditions of housing. It is devoted to the analysis of origin and development of settlements of various ethnic groups of the South Urals. The formation of their architectural space is examined and the analysis of interaction of cultures and traditions in the formation of architectural space is made in the work. On the basis of the XIXth century eyewitnesses' recollections, archive investigations in the Russian State Historical Archive and analysis of general settlements planning schemes, the researcher discovers the peculiarities of planning and housing systems. The research analyses the stages which the settlements in the XVIII—XIXth centuries had and points out the characteristic features of each stage.

Raeva T. V. State urban policy on Southern Ural in the beginning XX of century. The article is devoted to problems of the contents, reasonableness and efficiency of state urban policy in the Ural region. The conclusions are made that the Russian state was by the main subject of process of occurrence and factor determining a complex of functions of cities of Southern Ural. In the beginning XX of century the government went on a way of improvement and updating of the urban finance and expanded opportunities for intervention in process of their expenditure. The attempts, undertaken by the central authority, to reform system of urban public management have appeared not realized on practice.

Semenchenko I. V. Zemstvo and Public Education in the Urals (1900–1918). This article reveals the main trends in the activities of the Urals Zemstvo in the development of public education. Zemstvos strengthened the material — technique base of school and vocational schools, give grants (scholarships) to poor student, organized teachers congresses and additional educational courses for teachers. Thank to Zemstvos education became available for people of all classes. It transformed into branched system and helped to prepare well educated specialists.

Sibiriyakov I. V. New organizational structures of “new” intelligentsia of the Urals in 1920s. This article analyzes a wide range of questions which have to do with the history of establishment of a “new” provincial intelligentsia phenomenon. Particular attention is paid to relations between the intelligentsia and the party and soviet bureaucracy in the Urals in 1920—1930 s. The role of new creative unions and trade unions in life of intelligentsia in that period is revealed. The contribution of some intelligentsia of the Urals into development of science, art and culture of the region in highlighted.

Fedorov A. N. Reorganization of the party bodies of Ural in 1948—1949. The article is devoted to problems of party construction in the post-war period. The author analyzes views of the domestic historians on the claims

and results of the reorganization of a party apparatus in 1948—1949. The course of the reform on Ural is reconstructed on the basis of archival materials. Special attention is given problems, which were caused by this reorganization, and also the mechanism and concrete ways of the decision of them. The attitude of the party workers to change of a mode of the work and conflicts, caused by it is shown. The author proves that the reorganization of the apparatus in 1948—1949 has not given improvement of party work and was a step to strengthening of party control above the state and society.

JOURNALISTICS

Evdokimov V. A. Reflection of Conflict between Personality and Group in Regional Mass Media. The article deals with the factors intensifying the rise of potential conflicts of relations between the personality and the group. In addition different mass media approaches to reflection of controversy between the personality and the group are considered.

Kvanina V. V., Minbaleev A. V. Legal point of all-russian national patrimony information and common property information. This research observes the problem of differentiation of new kinds of information — all-russian national patrimony information and common property information.

Korostina P. Mass media is monitoring of politic interests in region. This article is about realization of politic interests of society in the Mass media in regions and about interaction of the government and Mass media in political process.

Ryzykova L. N. Basic Trends of Formation and Development of Corporate Press in Russia. The article considers the evolutionary process of “small press” — factory newspapers which appeared to be historic predecessors of corporate press in Russia. The reasons of rise of corporate press considerable amount in the new economic reality context are being revealed. Thereupon new corporate mass media goals and objectives are set forth — to inform personnel, to provide feedback for employees and shareholders of the enterprise, to increase its publicity capital.

POLITOLOGY

Evseev I. V., Khvoshev E. V. The development of penitentiary system as factor will national security strength. Some grave internal threats to national security of Russia are caused by lack of effective penitentiary system. Solving that problem becomes one of the priority directions of national security politics in our country. This article is devoted to the analysis of a state of affairs

in this important sphere of social life. It is an attempt of theoretical judgment and development of practical recommendations for making the penitentiary system more perfect, which in its turn will strengthen security of person, society, and the state.

Kiuru K. V. Discourse Typology of Political Leaders. The article deals with the discourse analysis of the image of a politician as a phenomenon of the public sphere. The problems of linguistic mechanisms of the politician's image formation are being considered. Mass media press editions are used as sources of information.

Kiuru K. V., Bludova A. G. Nature of Political Image. The article deals with the image of a politician as a phenomenon based on world outlook. Historical and gnoseological aspects of the image are being analyzed, the role of image in the public sphere is considered, the characteristics of the image as public sphere phenomenon are derived.

Nesterova N. V., Bezenkov D. A. Image of the successful person in mass consciousness of Russians: experience of sociological research. The problems of social adaptation of Russians with the purpose of revealing the working model of «successful person» are mentioned in the article. Defining «social success» as the combination of external and internal conditions initiated by social activity of person and directed to maintenance of individual success, the search of indicators, allowing to measure its actual condition is meant. As analytical results the beginning of personification processes of social attitudes is fixed when for the first time in Russia the aspiration to achieve realization of personal interests becomes the conventional virtue of the citizen.

Pellenen L. V. The Technological Aspects of the Public Relations. Managing the production techniques allows to provide professionalism in a business of any kind. The Public Relations as relatively a new kind of business in the Russian practice is not an exception. There is a PR techniques classification model that was brought out in the article: the attempt to systematize them has been made here and the method for the description formalization in the form of the PR techniques chart has been offered.

Sokolova E. P. Specific of Russian Parliamentary. The speech in the article is about problems of parliamentarism in Russia in the beginning and in the end of XX Century and the role of journalistic in its development.

PSYCHOLOGY AND EDUCATION

Bolodurina E. A. The process of formation of professional culture of students (pedagogical aspect).

In the article the process of formation of professional culture of students — the future experts of sphere of culture and art is analyzed. The author proves that the professional culture has the features and is based on revealing of personal qualities of students, on a choice of the most effective methods and means of influence for motivational sphere of the person; on application of the modern pedagogical receptions directed on formation of professional motivation, professional work representing a basis; on development of the methodical recommendations allowing to the student independently to improve the professional culture.

Dubovec I. A. The principle of the problem teaching as a main principle of the organization of the educational and professional activity of the students. The components of the structure of cognitive activity are viewed in the article. The principle of problem teaching is determined as the main one for organization of educational and professional activity, because it develops cognitions. The knack of revealing a problem answers the formation of cognitive independence of future specialists.

Iogolevich N. Psychological peculiarities of the contemporary management as a requirement for educating specialists in the sphere of management. The following article gives analysis of specific peculiarities that are typical for management nowadays. It proves the necessity of considering psychological structure of contemporary manager, that result in discovering determinants and effects of his successfulness. This will increase educational efficiency at the university and provide the social order for these specialists.

Semyonova L. M. Willingness for Self Presentation of Public Relations Experts-to-be. The article analyzes the problem of willingness for self presentation as communicative function realization of Public Relations experts-to-be. The goal of presentation is being defined — to convince the audience to act in the necessary direction, to persuade people to react to the message as it is required. The pedagogical pattern is elaborated along with the complex of conditions necessary for the formation of willingness for self presentation.

Soldatova E. L. Social developing situation under the transition to adulthood. According to L. S. Vygotsky, social developing situation defines the whole way of life of developing person, his social being, peculiarities of his consciousness and serves as an initial point for all dynamic transformation of the age and the basis of psychic personality developing. Social situation is reorganized under the transition from adolescence to adulthood. Developing person leave the situation of professional learning and prepare to

independent relations in the world. His personal development realizes in two main directions — professional formation and establish of the own family. Four groups of young people participated in the study. They live in the stage which is associated with normative developing crisis — the crisis of early adulthood or self determination. Objective and subjective components of social developing situation in each group are investigated. The components differ in combination with basic directions of development. Thoroughly, the situation of person engaging in teaching and professional relationships in the early adulthood crisis is more favourable for reappraisal of system of values, purposes of life, self actualization and personal development.

PHYLOLOGY

Gorbachevsky Ch. A. The underground antihero as an ideologist of the freedom in Dostoevsky's artistic world. The first ideologist of the freedom in Dostoevsky's artistic world have become antihero in "Notes from the Underground". In the article we have made an attempt to describe the absolute tragedy self-willed and the despotic freedom the wrighter's personage in the "Notes".

Menshenina S. V. The classification of speeches. The genre of the "epidect" speech. This article is devoted to the classification of speeches by their purposes. The author concerns different genres of speeches by the purpose, points out their signs and makes the analysis of speeches.

Peskova E. N. Political Discourse: Institutionalization Problem. The article deals with the sources of rise of discourse analysis both as a discipline, and as a special scientific trend. The names of researchers and investigators who are considered to be founders of the theory of discourse are listed. Three discourse classifications are being described, which can be used while investigating and characterizing any type of discourse (e. g. political discourse in this article), as well as defining its place in discourse system in general.

Ponomareva E. V. Genre sinkretism of small prose of 1920-th years. In the article on a material of small prose are considered historical-theoretical aspects of the genre strategy of short story of 1920-th.

Seibel N. E. Utopia of waiting in the novels by Shtifter "Der Nachsommer", Flober "Madames Bovarie", Goncharov "Oblomov". The novel "Der Nachsommer" by A. Shtifter is the first Austrian novel, which became very popular. Besides, the national Austrian literature relations with A. Shtifter. The author tries to enter contemporaneous into a

historical process, to prepare a Man for his responsibility for himself and his time, his every step determines future. Shtifter's novel shows how person's growing connects with historical development. In this way, it is the meaning of the Utopia. Some features of Shtifter's novel are obviously at the background of modern literature of that time. "Der Nachsommer" can be compared with the novels by Flober and Goncharov, which were published at the same time as Shtifter's novel.

Udler I. M. Attitude of the Slave Narrators to a Written Word An Abstract. A subject of this article is the attitude of slave narrators to literacy. In the majority of the slave narratives autobiographical hero's discovery of spiritual and physical freedom is closely linked to mastering of the ability to understand the written word and to write. The unique genre of slave narrative, another step in the fugitive's path to intellectual freedom, stems from their authors' sacral attitude towards writing. This genre is at the beginnings of all African American literature (poetry, drama, autobiography, short story, narrative and novel).

Ferkel V. B. About classification of poetic images as cultures concepts. Revealing and research of the poetic images containing in cultural texts, gives new representation about culture, interests and preferences of poets, and through their perception of the world — and about culture of societies in which they lived. The structure of images is built by a principle of increase and complication of integrity. Using the gradation of poetic images offered by the author the laws reflecting features of attitude of separate poets come to light.

PHYLOSOPHY

Budov A. I. National peculiarities and religious factor in civil culture of Russia. In the article there are analyzed «The foundations of Russian orthodox social conception», in its connection with the perspectives of civil society building and with the theoretical experience of modeling of civil relationships in Russia, which are represented in modern discussions concerning this problem. Rather noticeable is the fact that the active position of the Orthodox Church in different aspects of social life in modern Russia is due to those forms of «civil consciousness», which are closely connected to the peculiarities of its intentional development and represent its historical society as a cultural and religious commonality of the definite collective identity. The latter provides Russia with the existence succession and imparts to the social life a character of cumulative process. In such context the Orthodox Church stands as a competent institution of a developing civil society, where the interests of the church are enabled both institutionally and

doctrinally, and its civil positions are due to the acuteness of social problems. To latter may refer the church's liability to the society, which consists in rendering assistance in family institution consolidation; participation in the demographical problems solving, struggling against abortions, criminality, drug addiction and alcoholism; taking part in the protection of the health of the nation, in solving environmental and other problems, set for the modern society.

Vishev I. V. Future civilisation is a unity of young, practically immortal people. In mythological phylosophy immortality was attributed to Gods and never to human beings. In world religion the decision of the problem of preserving youth and personal immortality was connected with the outer world. Old materialism including the classical phylosophy of Marxism was also unable to solve this problem, explaining it by different reasons. Only nowadays due to such achievements as cloning of people and many others a real transition to the future civilisation of young, practically immortal people is becoming really possible.

Kulichkov I. L. Theatre public as aesthetical category. In this article the author made an attempt to analyze such concept as "Public in theatre". He is pointing out it structure and revealing difference between, public in theatres and audience in other types of art and means of mass information.

Mironov E. V. The specific of the creating of the Russian statement in B. N. Chicherin's social-politic conception. The article is demonstrated that the main specialities of Russian statement in B. N. Chicherin's social-politic conception are "evrasiystvo", community, spiritual and state paternalism. He supposed that such factors as nature, climate and colonization created unique specific of the country which helped to appear of original statement's features.

Nagornaya V. A. Phylosophy of open space. Informational nature of person and society in XXI century. Life stand of Russians in informational community. Demographical crisis and conditions of its overcoming in contemporary Russia. Writer's creative laboratory and forming of ethnic consciousness in minds of regions' residents. Beauty and harmony as the highest values of life creativity. Inward culture and creative potential as psychophysiological base for revealing of deep creative talents, as the power of personality self-perfection.

Russkikh L.V. Culture and economy in the ideas of the medieval's thinkers. In this article we analyze specifics of definition of the economy and culture in the middle ages. The significant attention is given to analyze the interrelation of the culture and economy. The fundamental principle of culture in the middle ages is the leadership of ethics above economy.

Sidorova U. Modern theory of knowledge and mystic experience of isihasm. The work is devoted to the crisis of modern theory of knowledge and is focused on the main (to the author's mind) reason of it: reduction of the knowledge process to one of its forms, particularly to the scientific knowledge. Modern gnosiology tries to broaden fields of its research. Modern gnosiologic researches contain a variety of actions and communication taken as cognitive aspects. Religious and mystic experience of the truth cognition is not an exception. The author supposes that isihastic practice of "smart making", being a core of mystic orthodox tradition, is of great interest for our science. In this work the author takes an attempt to generalize gnosiologic aspect of isihasm.

Stepanova I. N. Orthodox philosophy of W. F. Woino-Yasenezski. The article by investigates the elaboration of the world and man's problems in the philosophic study of the archbishop Luka. Being W.Ostwald's supporter of energetizm Woino-Yasenezski uses the discoveries in physics of the early XX century for basing of creationistic world-outlook. In the correlation of body, soul and spirit in a human being he strives for joining of religious-Christian conception with the I. P. Pavlov's study about the highest nervous activity and for basing of idea about materialization of mental and spiritual abilities of human being. Woino-Yasenezski's study is regarded in the context of polemics between modern science and parascience.

Usov V. N. Reflexive Analysis of Modern Management Decisions Methodology. Methodology of preparing and making management decisions is considered in this article. Reflexion is realized on the historical and actual basis; furthermore special attention is paid to system analysis and situational approach. The author suggests his own proposals summarizing methodological ideas of modern investigators of management decisions.

Chystov G. A. «The Big consciousness» as a philosophical problem. In article the concept «the big consciousness» is entered, structure «big consciousness» is opened, his role in historical and modern aspects of life of a human civilization comes to light.

Shagiahmetov M. R. The human sense evolution as a locomotive power of the historical development. In this articl author take up process of historical development as a human sense evolution. Based on concept of inseverable unanimity human and nature, auther take up human sense evolution as a locomotive power of historical development. Human sense evolution consist in overcoming of thought dualism, which is antipathy nature reflection. The first stage matter was dualism of good and evil, which had overcome by Christian monism. The second stage matter is dualism of idealism and materialism should overcome in our time.

Сведения об авторах

БАЛАКИН Виктор Сергеевич, родился в 1955 г., в 1978 с отличием окончил Челябинский государственный педагогический институт, в 1985 г. в МГУ им. Ломоносова защитил кандидатскую диссертацию, в 1998 г. в Институте истории и археологии УрО РАН — докторскую диссертацию «Отечественная наука в 1950 — сер. 1970-х гг. (Динамика социокультурных процессов)» по специальности «Отечественная история». Декан социально-гуманитарного факультета ЮУрГУ, зав. каф. истории, профессор, автор более 65 научных работ по вопросам теории и методологии истории, истории отечественной науки, истории научного знания, интеллектуальной истории. E-mail: gum@susu.ac.ru.

БАЛАКИНА Людмила Павловна, родилась в 1957 г., в 1980 г. с отличием окончила Челябинский государственный педагогический институт, в 1994 г. в МГУ им. Ломоносова защитила кандидатскую диссертацию «Советская научная интеллигенция в 1960-е гг. Социальное развитие и общественно-политическая деятельность» по специальности «Отечественная история». Доцент кафедры история, автор более 35 научных работ по проблемам социальной истории, истории советских социально-гуманитарных наук и истории интеллигенции.

БЕЗЕНКОВ Денис Александрович. В 2005 г. закончил Челябинскую государственную академию культуры и искусств. Является аспирантом Челябинской государственной академии культуры и искусств по специальности «Теория и история культуры».

БЛУДОВА Анна Георгиевна. В 1996 году закончила Челябинский государственный институт искусства и культуры по специальности «Социолог-психолог социально-культурной сферы». С 2000 по 2002 год работала преподавателем кафедры журналистики Челябинского государственного университета. С 2002 года работает старшим преподавателем кафедры массовой коммуникации ЮУрГУ. В 2005 году закончила аспирантуру по специальности «Теория и история культуры» Челябинской государственной академии культуры и искусств.

БОЛОДУРИНА Элина Анатольевна, доцент, декан музыкально-педагогического факультета Челябинской государственной академии культуры и искусств.

БУДОВ Анатолий Иванович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Российского государственного медицин-

ского университета (г. Москва). Автор монографии «Гражданское общество: религия, философия и право в системе социальных отношений» (М., 2002 г.), 15 п. л. и более 10 статей и научных публикаций по проблемам интеграции религии в современные структуры гражданского общества. В журнале «Вестник Южно-Уральского государственного университета» публикуется впервые.

БУТОРИНА Людмила Аркадьевна, родилась 14 ноября 1943 года в г. Челябинске. По образованию — учитель. С 1979 года трудится в Ильменском заповеднике. Кандидат исторических наук. Лауреат Уральской краеведческой премии им. В. П. Бирюкова. Заслуженный работник культуры РФ.

БЕЗЕНКОВ Денис Александрович, аспирант кафедры культурологии и социологии Челябинской государственной академии культуры и искусств.

ВИШЕВ Игорь Владимирович, философ, специалист в области философской антропологии и религиоведения. Родился 5 мая 1933 года в г. Вольске Саратовской обл. В 1947 г. в результате несчастного случая (сильный химический ожог лица и глаз) потерял зрение. В 1958 г. окончил философский факультет МГУ имени М. В. Ломоносова и по распределению был направлен на работу ассистентом в Челябинский политехнический институт (впоследствии — ЧГТУ, ЮУрГУ). В настоящее время доктор философских наук (1991), профессор кафедры философии Южно-Уральского государственного университета (1991), действительный член (академик) Академии гуманитарных наук (1999). Разрабатывает философскую концепцию решения триединой задачи укрепления здоровья человека, сохранения его молодости и достижения личного бессмертия (концепция практического бессмертия человека и его реального воскрешения). Опубликовано более 320 научных, методических и публицистических работ, в том числе 14 книг и ряд публикаций на иностранных языках. Участвовал в работе 9 Международного конгресса геронтологов (Киев, 1972), XIX Всемирного философского конгресса (Москва, 1993) и XXI Всемирного философского конгресса (Стамбул, 2003).

ВОЛКОВ Евгений Владимирович (1964 г. р.), кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России ЮУрГУ. Автор двух монографий и более 50 публикаций по истории белого движения в России, один из авторов-составителей биографического справочника о высшем командном составе антибольшевистских вооруженных формирований на Восточном фронте гражданской войны.

ВОРОПАНОВ Виталий Александрович, доцент кафедры государственного и муниципального управления Челябинского института Уральской академии государственной службы. В 1996 г. окончил исторический факультет Челябинского государственного университета, в 2000 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 2001—2005 гг. при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований опубликовал монографии «Судебные учреждения как фактор общественной эволюции в Оренбургском крае в 1775—1866 гг.», «Судебная система Российской империи на Урале и в Западной Сибири. 1780—1869 гг.». Область научных интересов — государственно-правовая история России.

ГОРБАЧЕВСКИЙ Чеслав Антонович, родился в 1968 году, в 1993 году окончил Таджикский государственный университет. Соискатель при кафедре русской литературы и фольклора ЧелГУ. С 1993 по 1996 г. работал на кафедре русского языка ЧГПИ. В настоящее время ст. преподаватель кафедры русского языка, истории литературы и журналистики. Автор восьми опубликованных научных работ.

ДУБОВЕЦ Ирина Ахраровна, старший преподаватель кафедры «Массовая коммуникация». Родилась в 1967 г. Окончила в 1994 году Челябинский государственный университет, факультет филологии и журналистики по специальности «Журналистика». В 2004 году окончила заочно аспирантуру ЧелГУ по специальности «Педагогика». В настоящее время работает главным редактором делового журнала «VIP-пространство», с 2004 года — старший преподаватель ЮУрГУ. Член союза журналистов России с 1997 года.

ЕВДОКИМОВ Владимир Анатольевич, кандидат политических наук, заведующий кафедрой информационных технологий в СМИ и PR, проректор Омского гуманитарного института. Родился в 1955 году в Омске. В 1977 году окончил филологический факультет Омского государственного педагогического института, в 1984 году — факультет журналистики Уральского госуниверситета. С 1991 по 1996 год — главный редактор областной газеты «Омская правда», с 1996 по 1998 год — пресс-секретарь, руководитель пресс-службы Администрации Омской области, с 1998 по 2000 год — начальник управления по печати и массовой информации Омской области. Стажировался в США (1994) и Великобритании (1996). Круг интересов: исследование политического конфликта и роли средств массовой информации в условиях конфликта.

ЕВСЕЕВ Иван Валентинович, старший преподаватель кафедры политологии ЮУрГУ. Автор не-

скольких работ по историческим проблемам становления и развития уголовно-исполнительной системы современной России. Научные интересы: пенитенциарные проблемы России, проблемы национальной безопасности, геополитика.

ЕГОРОВА Мария Васильевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории, социологии и права Челябинского государственного педагогического университета. Направление исследований: история среднего образования на Урале в дореволюционный период; частная школа: история и современность.

ЖУРАВЛЕВА Вера Анатольевна. В 1979 году закончила исторический факультет Уральского государственного университета. В 1988 году защитила кандидатскую диссертацию в УрГУ, кандидат исторических наук, доцент. В настоящее время работает заведующей кафедрой социально-политических и гуманитарных наук филиала ЮУрГУ в городе Златоусте. Автор свыше 50 публикаций по проблемам истории Урала 20—30-х годов XX века.

ИОГОЛЕВИЧ Наталья Ивановна, кандидат психологических наук, доцент на кафедре «Прикладная психология». За время работы в вузе Н. И. Иоголевич подготовлено и издано 6 учебно-методических пособий и 39 научных работ. Является региональным представителем кафедры управления персоналом института повышения квалификации госслужащих (ИПКГосслужбы, г. Москва), руководителем экспертной группы г. Челябинска (аттестованной Федеральной службой по делам несостоятельности и финансовому оздоровлению), осуществляющей психологическую оценку антикризисных управляющих. Сертифицированный преподаватель-тьютер по курсу «Управление персоналом» (МГУ, факультет психологии), имеет аттестат тренера-игротехника деловой коммуникативной игры «Стратегия и тактика антикризисного управления» (МГУ, факультет психологии). Область научных интересов: психология личности менеджера. E-mail: iva@chel.surnet.ru.

КАМИНСКИЙ Флавий Аркадьевич, родился в 1951 г., в 1990 г. окончил исторический факультет Челябинского государственного пединститута, в 1995 г. защитил кандидатскую диссертацию «Хозяйство оренбургских казаков накануне и в годы новой экономической политики», профессор (1999 г.) кафедры истории Магнитогорской государственной консерватории. Основные направления исследований: генезис и эволюция казачьей общины, традиционный казачий способ производства, кооперативное движение в казачьих районах, социальная дифференциация казачества.

КВАНИНА Валентина Вячеславовна, родилась в 1956 г., в 1982 г. закончила Всесоюзный юридический заочный институт (ВЮЗИ), в 1990 г. защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Доцент, зав. кафедрой предпринимательского и коммерческого права ЮУрГУ. Автор более 30 работ по образовательному, гражданскому и предпринимательскому праву.

КИУРУ Константин Валерьевич. В 1994 г. закончил с отличием факультет филологии и журналистики Челябинского государственного университета. С 1994 по 2000 гг. работал в ЧелГУ. Закончил аспирантуру ЧелГУ, в 1999 г. защитил кандидатскую диссертацию. С 2000 года работает в Южно-Уральском государственном университете, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой массовой коммуникации, докторант Уральского государственного университета. Автор более 60 работ по проблемам коммуникации.

КОНЮЧЕНКО Андрей Иванович, кандидат исторических наук, доцент кафедры дореволюционной России Челябинского государственного университета (ЧелГУ). Научные интересы связаны с изучением вопросов истории русской церкви и духовного образования.

КОРОСТИНА Полина Вадимовна, родилась в 1974 г., в 1998 г. закончила факультет филологии и журналистики Челябинского государственного университета. С 1998 г. работает на кафедре журналистики Южно-Уральского государственного университета, соискатель Уральского государственного университета. Специализируется на исследовании проблем взаимодействия СМИ, общества и власти. Автор ряда публикаций по данной теме.

КУЛИЧКОВ Илья Львович, родился в 1946 г. В 1969 г. окончил Челябинский государственный педагогический институт и с этого же года работает на кафедре философии Челябинского политехнического института, переименованного позже в Южно-Уральский государственный университет. Окончил аспирантуру при Уральском научном центре Академии наук СССР. В 1979 г. защитил кандидатскую диссертацию в Ленинградском государственном университете по специальности «Философия». Доцент, автор научных работ по проблемам духовной культуры общества.

МЕНЬШЕНИНА Светлана Витальевна, родилась в 1962 году, в 1984 г. с отличием окончила Челябинский государственный университет. В 1999 году окончила аспирантуру при Челябинском государственном университете. В 2000 году защитила кандидатскую диссертацию по специальности «Общая педагогика». Кандидат педагогических наук,

доцент кафедры «Массовая коммуникация». Автор научных работ по проблемам новой образовательной концепции Школы диалога культур, вопросам риторики и лингвокультурологии.

МИНБАЛЕЕВ Алексей Владимирович, родился в 1981 г., в 2003 г. закончил факультет экономики и права ЮУрГУ по специальности «Юриспруденция». Специалист в области теории информации и информационного права. С 2003 г. аспирант Юридического факультета, с 2004 г. преподаватель кафедры журналистики ЮУрГУ. Автор более 20 статей по проблемам теории информации и информационного права.

МИРОНОВ Евгений Владимирович, родился в 1944 году. В 1972 году окончил философский факультет Уральского государственного университета в Екатеринбурге по специальности «Философия», обучался в философской аспирантуре МГУ. В 1984 году защитил диссертацию по теме «Гносеологические и социальные функции научной теории» по специальности «Философия». С 1991 года работает на кафедре социологии Южно-Уральского государственного университета. Заведующий кафедрой. Научные интересы: геополитические проблемы формирования регионов, теории конфликтов в мировой политике.

НАГЕВИЧЕНЕ Валентина Яковлевна, кандидат философских наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин филиала Южно-Уральского государственного университета в городе Миассе. Стаж работы в данном заведении с 1971 года. Закончила в 1967 году исторический факультет УрГУ, затем училась в аспирантуре УрГУ, защита кандидатской диссертации состоялась в Ленинграде в 1980 году. Докторантуру закончила в УрГУ при ИППК в 2000 г. Должность профессора получила в 2005 г. Автор 6 монографий и около 80 научных и методических статей. Сфера интересов: религиоведение, антропология, история философии.

НАГОРНАЯ Виктория Анатольевна, доцент кафедры искусствоведения и культурологии ЮУрГУ, ученая степень кандидата педагогических наук присуждена в 1999 году, стаж научно-педагогической работы — 9 лет. Читает лекционные курсы: «Культурология», «Мировая художественная культура». Автор 25 научных публикаций и 2 учебно-методических работ, используемых в педагогической практике. Наряду с научной соискатель занимается литературно-художественной деятельностью, так в 2003 году редакцией «Околица» выпущена ее первая повесть под псевдонимом В. Владимирова, автор принимает участие в работе литературной мастерской Нины Ягодинцевой при Челябинском фонде культуры, участвует в создании энциклопедии «Челябинская область» (изда-

тельство «Каменный пояс»), в настоящее время зачислена в институт по переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук при Уральском государственном университете им. А. М. Горького (г. Екатеринбург) с целью написания докторской диссертации на тему: «Феномен региональной культуры и ее символическая репрезентация в искусстве и культуре Южного Урала постсоветского периода» по специальности «Теория и история культуры».

НЕСТЕРОВА Наталья Валентиновна, кандидат культурологии, доцент кафедры массовых коммуникаций ЮУрГУ и кафедры культурологии и социологии Челябинской государственной академии культуры и искусств. Область научных интересов: социокультурные процессы в современной России, связанные с развитием культуры предпринимательства; социально-психологические аспекты функционирования массовой коммуникации и рекламной деятельности. E-mail: natali_nesterova@mail.ru.

ПЕЛЛЕНЕН Лариса Валерьяновна, родилась в 1952 году в городе Челябинске. После окончания Челябинского политехнического института с 1975 года работала на Челябинском металлургическом комбинате (ОАО «Мечел»). С 1995 по 2002 годы — создатель и руководитель первой PR-структуры комбината — пресс-службы ОАО «Мечел». В настоящее время старший преподаватель кафедры массовой коммуникации ЮУрГУ.

ПЕСКОВА Екатерина Николаевна, родилась в 1980 году. В 2002 году с отличием окончила филологический факультет Челябинского государственного педагогического университета. После окончания университета работала в ЧГПУ, а с сентября 2003 года — преподаватель кафедры русского языка и истории литературы ЮУрГУ. В июне 2005 года переведена на кафедру массовой коммуникации, с этого же времени — соискатель данной кафедры. Область научных интересов: когнитивная лингвистика. Один из разработчиков электронного учебно-методического комплекса по дисциплине «Русский язык и культура речи».

ПОНОМАРЕНКО Елена Владимировна, кандидат архитектуры, доцент кафедры «Искусствоведения и культурологии» ЮУрГУ. Область научных интересов: градостроительство и архитектура Южного Урала в XVIII — начале XX вв.

ПОНОМАРЁВА Елена Владимировна, родилась в 1967 году, в 1991 году с отличием окончила Челябинский государственный педагогический институт. В 1999 году окончила аспирантуру при Уральском государственном педагогическом университете, в 2000 защитила диссертацию по специ-

альности «Русская литература». Кандидат филологических наук. Автор научных работ по проблемам литературоведения, искусствоведения, в частности по изучению художественных стратегий русской новеллистики 20-х годов XX века.

РАЕВА Татьяна Витальевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры «История» Южно-Уральского государственного университета. В 2000 г. с отличием окончила исторический факультет Челябинского государственного университета. В 2004 г. окончила аспирантуру при Южно-Уральском государственном университете, защитила диссертацию по специальности «Отечественная история». Занимается изучением историко-культурного развития городов Южного Урала начала XX века.

РУССКИХ Людмила Викторовна, доцент кафедры социологии ЮУрГУ, кандидат культурологии. Научные интересы связаны с изучением проблем взаимодействия культуры и экономики на различных этапах развития общества, автор более 20 работ по проблемам культуры и социологии. E-mail: ludmilaruss@mail.ru.

РЫЖИКОВА Людмила Николаевна, старший преподаватель кафедры «Массовая коммуникация». Родилась в 1955 г. Окончила Челябинский политехнический институт в 1979 году и факультет журналистики Московского государственного университета им. Ломоносова в 1985 году. Соискатель при кафедре «Массовая коммуникация» ЮУрГУ. С 1994 года по настоящее время работает на ОАО «ЧТПЗ» в корпоративной газете «Челябинский трубник». С 1999 года по настоящее время является преподавателем ЮУрГУ. Член союза журналистов России с 1993 года. Область научных интересов: основные тенденции становления и развития корпоративных изданий в России.

СЕЙБЕЛЬ Наталия Эдуардовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и МПЛ Челябинского государственного педагогического университета, доцент кафедры журналистики Южно-Уральского государственного университета. Специальность «Литература народов стран зарубежья». Область научных интересов: история и типология австрийского романа (Адальберт Штифтер, Роберт Музиль, Герман Брех). E-mail: seibel@csti.ru.

СЕМЕНОВА Лидия Михайловна. В 1983 г. закончила Магнитогорский государственный педагогический институт. В 2000 г. закончила Уральский государственный университет по специальности «Имиджелогия в сфере связей с общественностью». С 2001 г. работает старшим пре-

подавателем кафедры массовой коммуникации ЮУрГУ. Является соискателем Челябинской государственной академии культуры и искусств по специальности «Педагогика».

СЕМЕНЧЕНКО Ирина Васильевна, родилась в 1958 г., в 1983 г. окончила исторический факультет Челябинского государственного университета, в 1995 г. в ЧелГУ окончила аспирантуру и защитила кандидатскую диссертацию на тему «Земское самоуправление на Урале в 1917—1918 гг.», в 2005 г. в ЧелГУ окончила докторантуру. Доцент кафедры социально-политических и гуманитарных наук филиала ЮУрГУ в г. Златоусте. Автор 50 научных работ по проблемам истории местного самоуправления.

СИБИРЯКОВ Игорь Вячеславович, родился в г. Челябинске в 1963 г. Закончил исторический факультет Челябинского государственного университета и аспирантуру Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. В 1990 г. защитил кандидатскую, а в 1998 г. докторскую диссертации. Заведующий кафедрой истории России ЮУрГУ, профессор. Автор около 80 научных работ по проблемам политической истории России, истории политических партий и движений, истории интеллигенции. E-mail: siv@susu.ac.ru.

СИДОРОВА Ульяна Владимировна, ассистент кафедры философии ЮУрГУ. В 2002 г. закончила философский факультет Уральского государственного университета (г. Екатеринбург).

СОКОЛОВА Елена Павловна, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры журналистики. В 1991 году окончила историко-педагогический факультет Челябинского государственного педагогического института. В 2005 году в Уральском государственном университете имени А. М. Горького защитила кандидатскую диссертацию по специальности «Журналистика (политические науки)». Преподает дисциплины: «История отечественной журналистики», «Современная журналистика России», «Теория и практика массовой информации». Автор научных работ по проблемам журналистики.

СОЛДАТОВА Елена Леонидовна, кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой психологии развития Южно-Уральского государственного университета. Сфера научных интересов: психология развития, возрастные кризисы развития, креативность в структуре личности. Реализация научно-методических разработок в данной области осуществляется в практике индивидуального и семейного психологического консультирования и в тренингах. E-mail: elena_soldatova@rambler.ru.

СТЕПАНОВА Инга Николаевна — зав. кафедрой философии Курганского государственного университета, к. ф. н., доц. Имеет более 100 научных публикаций по проблемам истории философии, философской антропологии, аксиологии и философии религии. Является автором монографий «Воспитание как социокультурное производство человека», «Философско-антропологические основы стратегий образования и воспитания» и учебных пособий «Воспитание как производство человека» и «Духовность как качество личности и проблема ее воспитания» (в соавт. с проф. Шалютиным С. М.), членом авторского коллектива и научным редактором учебного пособия «Религиоведение (Религия—Человек—Общество)», подготовленного совместно со швейцарскими теологами Нешательского и Фрибургского университетов при выполнении международного гранта.

УДЛЕР Ирина Михайловна, литературовед, кандидат филологических наук, автор диссертации «Публицистические жанры в творчестве Джеймса Болдуина». Автор свыше 70 работ, посвященных афро-американской литературе, публицистике и журналистике, в том числе творчеству Ф. Дугласа, «школы героических беглецов» из рабства, афро-американских писателей XX в. и проблемам преподавания зарубежной литературы в вузе. Ежегодно выступает с докладами на международных конференциях американистов. Член Общества по изучению культуры США (факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова), Ассоциации американистов вузов России (исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова), Ассоциации американистов США, Европейской Ассоциации афро-американистов, Ассоциации выпускников американских программ.

УСОВ Владимир Николаевич, кандидат философских наук, доцент. Окончил философский факультет и защитил диссертацию в Уральском государственном университете им. А. М. Горького. Область научных интересов: гносеология, методология, праксеология, философия управления.

ФЕДОРОВ Алексей Николаевич, родился в 1980 г., в 2002 г. закончил исторический факультет Челябинского государственного университета. Аспирант кафедры истории России ЮУрГУ.

ФЕРКЕЛЬ Владлен Борисович родился в 1957 году, в 1980 году окончил Челябинский политехнический институт (ныне ЮУрГУ), старший преподаватель кафедры журналистики. Автор шести учебных пособий по различным учебным курсам и двух книг, связанных с исследованием культурологических аспектов поэтического творчества. E-mail: ferkel@chel.surnet.ru.

ХВОЦЕВ Владимир Ефимович, заведующий кафедрой политологии ЮУрГУ. Председатель Челябинского отделения Российской Ассоциации политической науки, кандидат философских наук, доцент. Автор около 60 научных работ. Научные интересы: проблемы национальной безопасности и пограничной политики, теория политической активности и толерантности субъектов, геополитика. Телефон: (351)2679423. E-mail: vek@susu.ac.ru.

ЧИСТОВ Геннадий Алексеевич, кандидат философских наук, доцент. Закончил исторический факультет Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского и аспирантуру философского факультета Московского университета имени М. В. Ломоносова. Область исследований: эстетика, природа и сущность ценностей, ценности

и бытие человека. Опубликовано более 80 научных работ, в том числе книга «Философия бытия человека в мире духовных и этических ценностей» (Челябинск: ЧГТУ, 1996), курс лекций по философии в 2-х частях: Философия. Историко-проблемный аспект: Курс лекций. Ч. I—II (Челябинск. ЮУрГУ, 2000—2002). Принимал неоднократное участие в международных, межреспубликанских и республиканских научных конференциях по философии, эстетике и социально-гуманитарным проблемам.

ШАГИХМЕТОВ Марат Равгатович 1957 г. р., пенсионер МВД, полковник юстиции, кандидат юридических наук с 2003 года, удост. КТ № 109341. Научные интересы: философия права, мировоззренческие основы законодательства, диалектическое единство сознания и материи.

Список сокращений

- ГАКО – Государственный архив Кировской области.
ГАОО – Государственный архив Оренбургской области.
ГАПО – Государственный архив Пермской области.
ОГАЧО – Объединенный государственный архив Челябинской области.
РГАДА – Российский государственный архив древних актов.
ТФ ГАТО – Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области.
ЦГИА РБ – Центральный государственный исторический архив республики Башкортостан.
ПСЗ РИ I – Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830.
ВСНХ — Высший Совет Народного Хозяйства.
РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика.
СТО — Совет Труда и Оборона.
УНХУ — Управление народнохозяйственного учета.
УНЦ АН СССР — Уральский научный центр Академии наук СССР.
УрО АН СССР — Уральское отделение Академии наук СССР.

**ВЕСТНИК
ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
№ 7 (47) 2005**

**Серия
«СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»
Выпуск 4**

Редактор *Балакин В.С.*
Корректор *Киуру К.В.*
Компьютерная верстка *Феркель А.В.*

Издательство Южно-Уральского государственного университета

Подписано в печать 29.05.2006. Формат 60×84 1/8. Печать трафаретная.
Усл. печ. л. 34,87. Уч.-изд. л. 36,88. Тираж 500 экз. Заказ 552/33.

Группа МЭНП Издательства. 454080, г. Челябинск, пр. им. В.И. Ленина, 76.